ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

7

1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВЕСТНИК
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

КНИГА
VII

1924

Гиз. № 7185. Главлит № 20365. Москва. Напеч. 5000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая тип., Москва, Пятницкая. 71.

21 января 1924 г. международное рабочее движение и теория марксизма понесли невознаградимую потерю. В. И. Ленин был не только гениальным вождем миллионов рабочих масс, терявших кандалы, чтобы завоевать весь мир, не только был практическим руководителем живого рабочего социалистического государства, но был гениальным теоретиком-марксистом. Он был вместе с тем самым активным, самым страстным и непримиримым борцом против буржуазной общественной науки. В сфере своей работы, т.-е. в области научно-исследовательской деятельности, Академия лучше всего может почтить память вождя пролетариата, гениального марксиста, революционера и своего дорогого товарища, уделив максимальное внимание углубленному, научно-марксистскому анализу творчества тов. Ленина.

Одной из своих ближайших и ударных задач Коммунистическая Академия считает об'единение научно-исследовательской работы по изучению ленинизма, которую предстоит вести различным ученым учреждениям Республики, опираясь на Институт имени Владимира Ильича. В этом направлении Академия уже предпринимает практические шаги.

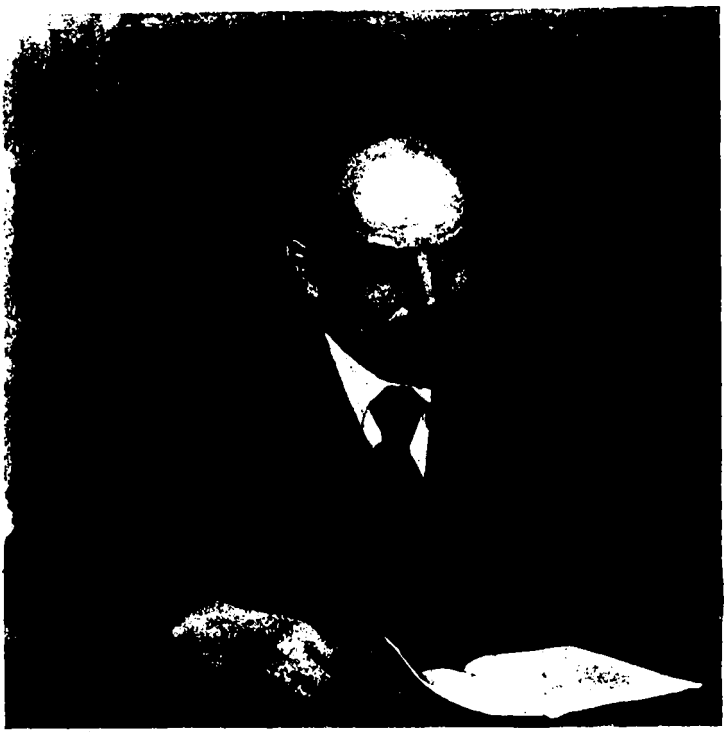
Кроме того, президиум Академии об'явил конкурс на составление лучшей марксистской теоретической работы, связанной с практическими проблемами строительства социализма.

Президиум постановил также устроить ряд торжественных публичных заседаний Академии и поставить на них ряд докладов членов Академии, посвященных всестороннему научно-марксистскому освещению деятельности Ленина.

Ниже печатаются первые два из этих докладов, за которыми последуют дальнейшие по опубликованной раньше программе.

СТЕНОГРАММЫ ДОКЛАДОВ,

посвященных памяти В. И. Ульянова (Ленина).



ЛЕНИН в русской революции.

(Доклад М. Н. Покровского) [1]).

В Ленине, товарищи, мы хоронили прежде всего величайшего вождя пролетарского движения,—величайшего, какого видел мир,—величайшего в рамках истории русского пролетариата, потому что это был первый человек, первый скульптор, который выделил политическую физиономию этого пролетариата. Достаточно вспомнить, что меньше 30-ти лет тому назад официально утверждалось, что в России вовсе нет рабочего класса, как политической величины, и не может быть рабочего вопроса. Это могли читать и слышать люди, которые в то время не были 10-летними отроками, а уже кончили университет, как сейчас говорящий перед вами. В 90-х г.г. я уже был лектором высшего учебного заведения, когда министр финансов возвещал всей России, что в России не может быть рабочего вопроса. На протяжении, таким образом, меньше чем одного поколения не только возник этот рабочий вопрос, но и впервые в мире он был разрешен,—разрешен победой пролетариата. Само собой разумеется, что был целый ряд объективных условий, которые к этому вели, но ведь и скульптор не творит из ничего, он делает из мрамора, из гипса, из бронзы, в данном случае это была сталь,—но все равно, из чего скульптор ни делает свое произведение, не-

[1]) Читан 10/II—1924 г.

чать его отражается на этом произведении, и несомненно, что идеология русского пролетарского движения явилась, действительно, ленинской. Одновременно с этим Ленин являлся величайшим вождем мирового пролетарского движения, поскольку ленинская тактика, ленинские приемы организации являются обязательными для всякого рабочего движения в мире, желающего достигнуть первого этапа социалистической революции, захвата власти. Теория и практика захвата власти рабочим классом созданы также Лениным.

Я начал этим предисловием, которое, как вы увидите сейчас, не отражает содержания моего доклада, для того, чтобы подойти к теме, которая некоторым может показаться рискованной. Ну, хорошо, в рамках пролетарского движения Ленин—великий вождь. Но значит ли это, что все предшествующее ему революционное движение в России, хотя бы и не пролетарское, хотя бы мелко-буржуазное, по отношению к Ленину и к ленинизму — простая археология и больше ничего? Значит ли это, что это лишь предмет известных академических изысканий и что никакого подхода к ленинизму мы не получим, если подойдем с того конца?

Что представляет собой Ленин не как вождь пролетарской революции, а как завершитель русского революционного движения вообще? Я повторяю, товарищи что я чувствую некоторую, если хотите, скабрезность, скользкость своего положения, и поэтому я должен в оправдание себе привести несколько цитат из писаний того самого Владимира Ильича, о котором мы собрались говорить. Прежде всего, Ленин был абсолютно чужд всякого цеховизма в вопросах культуры. Он откровенно признавался, что в культурном отношении коммунизм не есть нечто такое, что сочинено рабочим классом, впервые им открыто, а есть завершение длительной цепи развития, в которой люди участвовали задолго до возникновения пролетариата. Вот эта цитата: „Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые

остались нам от старого общества... Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, воторые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества".

Итак, культурную преемственность со всей предшествующей историей Ленин понимал так, как лишь кто-либо понимал в нашей партии, понимал так же хорошо, как понимал ее Маркс. Но можно найти цитаты, еще более близкие к нашей теме. Одно время мне казалось лично, что Владимир Ильич относится без больших симпатий к нашим непосредственным предшественникам по революционному движению. Когда я предложил ему, помнится в 1906 году, отметить статьей в нашем центральном органе 25-летие 1-го марта, память Желябова и Перовской, он отнесся к этому плохо и сказал: „Ну, что тут, они умерли. Честь им и слава, но зачем мы будем поднимать об этом разговор". Тогда мне показалось, что это признак известной холодности, известного разрыва морального с этой предшествующей ступенью революционного движения. Теперь я понимаю, что это было просто отражение известной тактики, нежелание в момент острой борьбы с с.-р. восхвалять их метод борьбы, дедать хотя бы какие-либо загробные комплименты террору. Это было с его точки зрения неудобным, и поэтому он тогда отклонил мое предложение. Но из речи Надежды Константиновны на Съезде Советов, а еще больше из превосходной биографии Ильича, которую дал тов. Зиновьев еще в 1918 году по поводу покушения на него, видно, что действительное отношение Ленина к своим предшественникам было другое. Надежда Константиновна подчеркнула, что Ленин вышел из героического периода нашего революционного движения, каковым, несомненно, являлась „Народная Воля" и то, что ей предшествовало. Зиновьев целую страницу, которую я не буду вам чи-

тать,—это слишком длинно и взяло бы много времени,— целую страницу посвятил изложению отношения В. И. к народовольцам, и рисует там это отношение, как чрезвычайно теплое, почти восторженное. Желябов в его глазах, рассказывает Зиновьев, являлся самой крупной фигурой революционного движения до марксизма. Вы сами прочтете эту страницу, потому что брошюра тов. Зиновьева широко распространена. И тактически Ленин не отмежевывался от этого предыдущего периода так, как может казаться. Я возьму выдержку из брошюры „Что делать", вышедшей в 1906 г.: „...Та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна была бы служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а *землевольцами*, расколовшимися на чернопередельцев и народовольцев..." Прежде всего мы здесь находим чрезвычайно интересное историческое откровение. Та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а землевольцами. Откровение заключается в том, что до сих пор все истории русского революционного движения возводили начало конспиративной организации именно к „Народной Воле", — отчасти следуя в данном случае примеру Плеханова,— примеру в этом пункте плохому, не заслуживающему подражания. На самом деле, как мы знаем из воспоминаний Веры Фигнер и из автобиографии Тихомирова (извиняемся за сопоставление этих двух имен, но историку важны все и всякие источники), уже „Земля и Воля" была той конспиративной и террористической организацией, какой представляли себе обыкновенно „Народную Волю". В сущности говоря, раскол был между 2 частями: террористической организацией, в которой, как это после обнаружилось, террористическая и заговорщическая, конспиративная головка безусловно командовала, и пропагандистской частью, которая все более и более уходила на второй план. Это, повторяю, для нас стало ясно только теперь, на основании новых документов, а для Ильича было совершенно ясно еще в 1902 году,—что настоящими основателями кон-

спиративной и боевой тактики 80-х годов были землевольцы, а не народовольцы. Я читаю дальше: „Только самое грубое непонимание марксизма,—пишет Ленин (или „понимание“ его в духе „струвизма“),—могло породить мнение, что возникновение массового, стихийного рабочего движения *избавляет* нас от необходимости создать такую же хорошую, какая была у землевольцев, создать еще несравненно лучшую организацию революционеров“...

Таким образом Ленин нисколько в данном случае не отрекался от революционного наследства предшествующего поколения и через 12 лет в своей замечательной статье „Национальная гордость великороссов“ он пишет: „... Мы гордимся тем, что эти насилия (царизма) вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов...“. Он, таким образом, начиная с декабристов, соединяет все революционное движение в одну нить. Не даром лозунгом, эпиграфом, девизом, который мы читали на „Искре“, были слова одного из декабристов: „из искры возгорится пламя“. Таким образом Ленин не был в данном случае свалившимся с неба человеком, который упал на почву стихийного рабочего движения и стал что-то в нем делать. Ленин был человеком, который умел сомкнуть это рабочее движение с громадным революционным потоком, который несся даже не с половины XIX, а из XVIII столетия, ибо Радищев был современником Екатерины II.

И вот, в этой связи очень интересно взглянуть на Ленина, что он представляет из себя не в знакомом нам виде пролетарского вождя, которого нам придется еще целые годы и целые десятилетия изучать, и, в особенности, придется изучать всему миру, для которого Ленин важен именно в этом аспекте. Позвольте мне остановиться в своем докладе на Ильиче в русском революционном движении. Что он примыкал к его основному стволу, это я доказал достаточно его словами. На этот счет сомнений быть не может. Но это слишком уж обще. У Ильича не только родство со всем племенем русских революционеров, но там у него есть

кузены, есть двоюродные, троюродные, есть более близкие родственники, есть менее близкие. Недавно тов. С. И. Мицкевич установил, что у Владимира Ильича в дни его студенчества были связи с так называемыми русскими якобинцами. На этом основании он сделал даже вывод, по моему мнению несколько поспешный, что Ленин находился под влиянием якобинцев, кое-что от них воспринял. Это было опровергнуто на вечере воспоминаний у старых большевиков, одним из старейших членов нашей партии и старой якобинкой, тов. Голубевой, которая категорически заявила, что учение якобинцев, мелко-буржуазное учение, в ленинскую идеологию не вошло и не могло войти. Это верно, конечно. Не Ленину, конечно, учиться у русских якобинцев, как делать революцию. Приходится, однако, сказать, что одна проблема, и проблема, чрезвычайно характерная для Ленина, была подготовлена и развита впервые русскими якобинцами. Это—проблема захвата власти.

Обыкновенно, вот как себе представляют революционное движение 60—70 годов в очень грубых и общих чертах. Две струи: одна пропагандистская струя, трудно ее, конечно, точно формулировать, она довольно пестра, но если мы употребим метод Фрейда и попытаемся построить ее бессознательную подоплеку, то мы обязательно откроем формулу: „пропаганда и агитация вызывают массовое движение, которое заставит самодержавие уступить". Вот одна формула. Другую формулу давали главным образом бакунисты. Она сводилась к тому, что это самое самодержавие, как вообще всякую государственную власть, нужно просто разрушить, без всяких дальнейших разговоров. Бакунин, как вы знаете, находил даже образование временного революционного правительства большим грехопадением, а уже о длительной диктатуре, вроде той диктатуры пролетариата, которая объявилась в России, Бакунин, конечно, и думать не хотел. Это с его точки зрения было бы извращением всей революции. Вот два движения: одно анархическое, другое конституционалистское. И вот тоненькой ниточкой пробивается среди этих массивов струя, где целью революции

ставится захват власти и длительная диктатура захватившей власть партии, которая путем террора, путем самых решительных действий, заставляет старое буржуазное общество пересоздаться по новому образцу. Эта струя находит свой исток в одной известной, но плохо понимавшейся обыкновенно, и вдобавок только недавно напечатанной целиком, прокламации „Молодая Россия", вышедшей в мае месяце 1862 г. Автор этой прокламации Зайчневский на старости лет проживал, если не ошибаюсь, в Орле (позже и в Москве) и был центром того якобинского движения, отклики которого доходили до Владимира Ильича в начале 90-х г.г.

„Молодая Россия" во многих отношениях чрезвычайно пророческая прокламация. Я имел дерзость назвать ее в своих лекциях первым большевистским документом нашей истории, и мне кажется, что она заслуживает это название. Вы там найдете такие вещи, как общественные фабрики, — национализацию промышленности, общественные лавки, национализацию торговли, полное и безусловное равноправие женщин.— целый ряд таких просветов в будущее, чрезвычайно интересных. Но в данном случае для нас интересно другое. Вот как рисует себе „Молодая Россия" то, что будет на другой день после переворота: „Мы... твердо убеждены, что революционная партия, которая станет во главе правительства, если только движение будет удачно, должна сохранить теперешнюю централизацию, без сомнения политическую, а не административную, чтобы при помощи ее ввести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени. Она должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем. Выборы в Национальное Собрание должны происходить под влиянием правительства, которое тотчас же и позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если только они останутся живы)..." Дальше приводится пример из революции 48-го года, как тогдашние революционеры позабыли это сделать и благодаря этому получили в результате Людовика-Наполеона Бонапарта.

Вы видите, что схема эта очень напоминает ту, по которой действовали мы: революционная партия, захватывающая государственную власть и держащая ее в руках до тех пор, пока новый строй не пустит глубоких корней в землю. Это не какое-нибудь маленькое временное, революционное правительство на несколько недель, а прочная, долговременная диктатура. Зайчневский не говорил: „диктатура *пролетариата*" — он не был марксистом, и в его дни, в 62 году, говорить о пролетариате было бы слишком смело, — но самую схему он дал. Вы знаете, что ту же линию в 70-х г.г. XIX века продолжал Ткачев, на котором я останавливаться не буду, потому что идеи Ткачева, его „Набат", слишком хорошо всем известны. В глазах большинства Ткачев является настоящим основателем якобинства, но все же основателем его был Зайчневский, а Ткачев прибавил еще одну черту. Некоторые из вас знают, а члены Социалистической Академии все знают, великолепную статью „Набата", где Ткачев дал анализ процесса 50-ти, для того, чтобы доказать, что бакунистская тактика открытых революционных общин есть величайшая нелепость для партии, которая хочет произвести революцию, что тактика революционной партии, даже не в условиях только русского самодержавия, а в его условиях в 10 раз больше, — может быть только конспиративной тактикой, поэтому Ткачев проповедывал в этой статье строжайшую конспирацию во всей организации, сверху до низу. Обратимся к брошюре „Что делать", и там мы найдем: „...Конспиративность есть настолько необходимое условие такой организации, что все остальные условия (число членов, подбор их, функции и проч.) должны быть сообразованы с ним. Было бы поэтому величайшей наивностью бояться обвинения в том, что мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию. Эти обвинения должны быть так же лестны для всякого врага экономизма, как и обвинения в народовольчестве". Как видите, и в этом пункте Ленин примыкает к якобинской традиции, на этот раз в лице Ткачева.

Я еще раз, товарищи, категорически отмежевываюсь от той мысли, что Ленин не сам к этому пришел, под влиянием объективных условий революционного движения, что он был учеником Ткачева и Зайчневского (о котором он, быть может, и не слышал). Это было бы совершенно нелепой постановкой вопроса, но не приходится отрицать, что некоторые моменты русского революционного движения 60—70 г.г. влились в ленинскую тактику, были ею восприняты, независимо от того, что на это наталкивали известные объективные условия. В том-то и разница между анализом социологическим и историческим, что социологический анализ дает общую схему, и она нам скажет: без конспиративной революционной организации в России пролетариат не мог победить, поэтому Ленин и создал конспиративную организацию. Но исторический анализ скажет: он ее создал, между прочим, и потому, что на русской почве уже имелись известные образчики, которых Ленин не постыдился, на которые он ссылался, как на пример, достойный подражания, и которые облегчили в значительной степени овладение властью,—и одним из них была идея необходимости конспиративной организации. И если мы с этого конца, подчеркнув преемственную связь Ленина с предшествующим поколением революционеров, подойдем к ленинизму, то мы увидим, что это есть настоящий синтез всего революционного движения и что, как это всегда бывает с великими историческими фигурами и событиями, данное событие и данная фигура не только начинают новый период, но и заканчивают предыдущий. Если Маркс своим „Капиталом" закончил классическую политическую экономию, увенчал и сделал не нужной, так и Ленин своей доктриной и вдохновлявшимся им революционным движением закончил и сделал ненужными все предыдущие формы эволюционного движения.

Нам кажется теперь до чрезвычайности естественным, как воздух, которым мы дышим, и вода, которую мы пьем, что всякая революционная партия, занимающаяся пропагандой и агитацией, должна быть хороша организована, в революционный период конспиративно,

и что ее тактика должна быть боевой, тактикой вооруженного восстания,—тактикой применения силы. Но только благодаря Ленину нам это кажется само собой разумеющимся. Если вы возьмете русское революционное движение 60—70 г.г., то вы увидите тогда картину создания мира, как его изображал римский поэт Лукреций, один из родоначальников современного материализма. Он так изображал сотворение мира, что сначала рождались чудища без головы, но с руками и ногами, затем чудища с головой, но без рук и без ног. И вот, постепенно, путем приспособления этих чудищ к жизни, путем борьбы их между собой и возник тот стройный мир организмов, который мы имеем сейчас перед собой. Если мы возьмем русское революционное движение 60—70 годов, то мы, именно, получим картину, очень похожую на изображенную Лукрецием. Чрезвычайно теперь трудно представить себе, что пропагандисты и агитаторы составляли тогда две фракции, которые жестоко боролись между собой, до такой степени жестоко, что их споры,—печальный факт, товарищи, но этого скрывать не приходится,—ликвидировались иногда перед столиком допрашивавшего их жандармского офицера. Эти факты имели место по отношению к таким вершинам движения, как Нечаев, Натансон. Натансон потом сам рассказывал, что Нечаев фактически его выдал полиции, „но зато потом и я ему всыпал". Вот до какой остроты доходила фракционная вражда пропагандистов и агитаторов, которые в настоящее время заведуются одним я тем же отделом нашего Ц. К. А тогда внутри Агитпропотдела шла ожесточенная борьба. Вот то, что тут сказано относительно заговора, это нам кажется совершенно элементарным, а в то время Ткачев был изгоем, от него шарахались, на него смотрели как на что-то незаконное. В глубине души, вероятно, соглашались, что по существу дела он прав, потому что землевольцы очень скоро после „Набата" усваивают себе именно эту тактику строжайшей конспирации, но Ткачев так и умер изгоем, не был признан за вождя.

Если мы возьмем эту первую конспиративную организацию, „Землю и Волю", то увидим опять картину

чрезвычайно своеобразную. У нее было две части: террористическая, конспиративная, организационная, это—аппарат, сидевший в Петербурге, и, с другой стороны, деревенщики, которые составляли пропагандистскую армию. Этот штаб, сидевший в Питере, должен был бы командовать этой армией и направлять ее действия. На самом деле эти несчастные деревенщики были тяжелой гирей на ногах, которая чрезвычайно тяготила террористов, сидевших в Петербургском центре. Деревенщики ныли, хныкали, что им не присылают литературы, не присылают денег. Не присылали потому, что деньги шли на террористическую деятельность. И вот, деревенщиков время от времени собирали в Питер, начинали умасливать, давали немного денег, снабжали литературой и отправляли назад в деревню, а сами начинали заниматься своим делом, то-есть подготовкой террористических актов. И в голову не приходило этим людям, что можно использовать эту пропагандистскую армию для общих целей. Нет, это было что-то ненужное, какой-то остаток старой традиции, которую не умели сразу отбросить. И так тянули эту канитель с деревенщиками, пока на Воронежском съезде не произошел эффектный разрыв, который не был началом процесса, а был завершением того, что тянулось на протяжении больше года. И, наконец, когда народовольцы взялись за вооруженную борьбу с самодержавием в форме, которая нам, марксистам, кажется нерациональной, но которая в тогдашних условиях являлась единственно мыслимой, потому что группа приблизительно в 500 человек революционеров могла только или разговоры разговаривать, или вести партизанскую войну,—когда они взялись за эту борьбу, они забросили пропаганду и агитацию, за исключением Желябова, который был очень крупной фигурой, который охватил и эту сторону, вел агитацию среди рабочих, создал программу для рабочих членов партии «Народной Воли» и т. д. Но он был единственным исключением, если не считать Халтурина, в котором террорист и рабочий вождь двоились, не сливались. Поскольку Халтурин был рабочим вождем, он не был террористом, поскольку он становится террористом, он

перестает быть рабочим вождем. За исключением этих двух фигур масса террористов, занятая в своих лабораториях и подкопах, не занималась ни пропагандой, ни агитацией, и мало того, даже некоторые виды агитации считала вредными. Даже тот же Желябов советовал поменьше говорить об аграрном вопросе, потому что это может испугать ту буржуазию, от которой «Народная Воля» получает свои материальные средства.

И вот, взвесивши все это, вы начинаете себе ясно представлять, до какой степени синтетической фигурой был Ленин, который сумел координировать в одно стройное целое, стянуть всех этих забывших друг о друге и боровшихся друг с другом революционеров старого времени. Ленин был, как кажется нам на первый взгляд, гениальным агитатором, и в этом отношении у него было незаменимое для агитатора качество,— чрезвычайная чуткость по отношению к своей аудитории. Ленин из-за границы, из Парижа слышит, как в России пролетарская трава растет, ибо он, несомненно, в эмиграции лучше угадывал настроение рабочих масс, чем многие работники здесь на месте. Это был несравненный по своей чуткости агитатор, умевший сказать аудитории именно то, что она хотела слышать, что ей нужно было слышать. Из письма к швейцарским рабочим в 17 году вы знаете, что он ехал в Россию с убеждением, что социалистическая революция в России невозможна, так как Россия, писал он швейцарским рабочим, это—самая мелко-буржуазная страна в Европе, а когда он приехал, он выступил со своими тезисами. Для него достаточно было посмотреть некоторое время на Питер, чтобы увидеть, до какого красного каления дошла атмосфера, чтобы понять, что только лозунгом социалистической революции можно удовлетворить массы [1]). На это нужно итти, если вообще хочешь сделать какую бы то ни было революцию, а не хочешь остаться в хвосте, как это случилось с меньшевиками и эсерами. Он сразу в те-

[1]) На заседании Социалистической Академии мне было указано, что апрельские „тезисы" Ильича написаны уже в Стокгольме. Тем больше это делает чести чуткости Ленина, которому не нужно было даже видеть самому революционный Петербург, достаточно было поговорить с людьми, некоторое время дышавшими его атмосферой, чтобы схватить положение.

чение нескольких дней перестроил свой план—убеждений ему менять, конечно, не приходилось, но он изменил ту тактику, которая, очевидно, носилась перед ним, когда он писал письмо швейцарским рабочим. Это был человек чуткости необыкновенной, и поэтому он был великим, исключительным по своей силе, агитатором. Но рядом с этим мы имеем 21 том его сочинений, которые представляют собой такую пропагандистскую энциклопедию, подобной которой в мире не существует. Сочинения Маркса и Энгельса не могут итти в сравнение, ибо у них огромное место занимают чисто теоретические проблемы, разрешить которые было необходимо. У Ильича вы не найдете ни одной работы чисто теоретической, без пропагандистского подхода. Его знаменитый „Эмпириомонизм"—философская работа, являющая собою образец огромной эрудиции и тонкости анализа, это чисто политический памфлет, направленный против Богданова и его учения—в этом ни для кого из нас не могло быть сомнения. Точно такими же пропагандистскими работами являются и все его статьи по аграрному вопросу, как ни много в них чисто теоретических откровений: он их бросал мимоходом. Он важен чисто теоретически и для историка и экономиста, но цель Ильича была всегда пропагандистская или агитационная.

Ленин, наконец, был (об этом мы последние годы, конечно, забыли, потому что не приходилось этого практиковать) несравненным конспиратором, одним из лучших, каких видела русская революция. В одной пьесе Луначарского, вышедшей в 5 году, один из персонажей очень хорошо передает, как преломлялось, конспиративное умение Ленина в обывательских мозгах. Он рассказывает, что Ленина никак нельзя поймать: то он молодой, то старый, то маленький, то огромный верзила, то мужчина, то женщина. Это, конечно, курьезно, но замечательный факт, что Ильич, много и часто рисковавший собой и постоянно державшийся около самого горнила революции, после 90-х годов, после лет своей неопытности, ни разу не попадал в руки царской полиции. Он с каким-то замечательным чутьем угадывал момент, когда надо уходить. Я присутство-

цал при его отъезде из Финляндии в ноябре 1907 года. Он сидел недалеко от Питера, в Куокале, чуть не годами, весь 7-ой год. Так как мы жили и ничего не замечали, и нам казалось, что положение не меняется, то мы не могли понять, почему Владимир Ильич во второй половине ноября 7-го года вдруг заговорил об эстеронефе. Кто читал „Красную Звезду“ Богданова, вышедшую как раз в этом году, тот поймет, почему такое название появилось. Говорил он шутя, лукаво прищуривая глаз, но тем не менее явно „выбирался“. Затем он сел в „эстеронеф“—это был курьерский поезд на Гельсингфорс—и отбыл. Примерно, через несколько дней по нашей деревне гуляла полиция и водила толпами арестованных. Что Ленин был бы захвачен—это было совершенно ясно для всех. В первые минуты меньшевики над ним смеялись и издевались. Мартов пишет Аксельроду: „Ленин, конечно, уехал первым“. Но—увы!—в следующем письме Мартова мы читаем: „и Дану пришлось бежать“. Вот в этом-то и разница: Дан „бежал“, а Ленин не „бежал“, а просто уехал, и смог это сделать благодаря огромной конспиративной выдержке,

Мне хочется сделать еще одно сопоставление, которое нам, пожалуй, не приходит в голову. Когда мы видим нашу Красную армию, с ее танками, тяжелыми орудиями, аэропланами и т. д., нам не приходят в голову наши боевые дружины 1905 года, с их „бульдожками“, браунингами и т. под. А ведь перед образом этой боевой дружины того года, над которой так смеялись всякие благоразумные обыватели, Красной армии следовало бы отдать честь, не перед самой дружиной, ибо ее давно нет, а перед ее образом, ибо она—социальный предок нашей Красной армии. Откуда она вышла? Из той проповеди вооруженного восстания, которая была начата Ильичом в то время, когда эти обыватели с почтением взирали на земцев, видя в них чуть не зародыш Учредительного Собрания. Вот в это время Ильич и писал о вооруженном восстании. Мне припоминается, что даже такое прочно-большевистское учреждение, как М. К. партии, еще летом 1905 года не без скептики относилось к проблеме воору-

женного восстания, как практической проблеме. А в декабре на улице Москвы уже строились баррикады, и трещали винтовки и маузеры. И в этом отношении, в отношении вооруженной борьбы, Ленин впитал в себя лучшее, что было в практике предыдущего революционного периода,—и это он бросил как лозунг вперед, который докатился до наших дней и воплотился в нашу Красную армию.

Вот что я вам хотел сказать о Ленине в связи с русским революционным движением. Повторяю, что долго, многие поколения людей будут в нем чествовать прежде всего вождя мирового пролетариата и гораздо реже будут вспоминать в Ленине величайшего *русского* революционера. Но было бы несправедливо по отношению к автору статьи „О национальной гордости великороссов" не положить на его могилу и этого скромного исторического венка.

Ленин как марксист.

(Доклад Н. И. Бухарина.)

В довольно широких кругах и нашей партии, да и за ее пределами, обычно считается бесспорным, что Владимир Ильич представлял из себя несравненного и гениальнейшего практика рабочего движения, что же касается его теоретических построений, то оценка здесь обычно делается гораздо более низкая. Мне кажется, что теперь уже пора произвести в этом пункте некоторую небольшую, а может быть, и очень даже большую ревизию. Мне кажется, что эта недостаточная оценка тов. Ленина как теоретика обусловливается известной психологической аберрацией, которая создается у нас всех. То теоретическое, что сделал тов. Ленин, у него не сконденсировано, не спрессовано, не преподнесено в нескольких закругленных томах. Теоретические положения, формулировки, обобщения, которые давал тов. Ленин, делались в значительной мере, на 9/10, от случая к случаю. Они разбросаны по всем многочисленным томам его сочинений и, само собою разумеется, что именно потому, что они разбросаны, именно потому, что они не преподнесены нашей читательской публике в сжатом, закругленном, уточненном виде,—именно поэтому очень многие считают, что тов. Ленин как теоретик в значительной мере уступал Ленину-практику. Но эта мысль, я думаю, будет разбита в течение ближайшего будущего, а в течение более отдаленного будущего тов. Ленин встанет перед нами во весь свой рост не только как гениальнейший практик рабочего движения, но и как гениальнейший его теоретик. Я приведу один маленький примерчик,

если это мне будет разрешено, из своей собственной работы, из своей собственной теоретической практики, если можно так выразиться. Мне случилось в одной из своих статей довольно подробно разработать вопрос о том, какое большое принципиальное отличие существует между вызреванием социалистического строя внутри капиталистической системы и вызреванием капиталистического строя внутри феодального общества. Потом соответствующие положения, которые я опубликовал в журнале „Под знаменем марксизма“, стали встречаться в целом ряде работ юридического, обще-политического и всякого иного порядка с большей или меньшей степенью теоретической заостренности. Но после того, как я эту статью написал и совершенно искренно считал, что здесь, в этой маленькой теоретической области, под определенным разрезом сказано некоторое новое слово, которое раньше не говорилось,—я увидал, что все это заключается буквально в 4-х строках одной из речей Владимира Ильича, произнесенных им на 7-м с'езде нашей партийной организации, во время прений по Брестскому миру. Я думаю, что те из нас, которые занимаются и будут еще заниматься теоретической работой и которые будут теперь под несколько другим углом зрения прочитывать сочинения Владимира Ильича,—они, несомненно, откроют в этих сочинениях целый ряд вещей, мимо которых мы ранее проходили, которые оставались для нас незаметными и теоретическую обширность которых мы не понимали. Ленин еще ждет как теоретик своего систематизатора, и впереди, когда эта работа будет проделана и когда все то новое, что дал тов. Ленин в бесконечном количестве разбросанного и рассеянного по его сочинениям, примет систематизированную форму,—Ленин станет перед нами во весь свой гигантский рост и как гениальный теоретик рабочего коммунистического движения. Задача моего доклада и заключается в том, чтобы *наметить некоторые вехи*, которые могли бы служить толкованием для дальнейшей работы по изучению Владимира Ильича как теоретика-марксиста.

Марксизм, как всякая доктрина, как всякое теоретическое построение—и в чисто теоретической и в теоретико-прикладной области,—представляет из себя некоторую живую величину, которая развивается и изменяется. Он может изменяться таким образом, что количественная сторона этих изменений переходит в качественную, он может, как и всякая доктрина, *вырождаться* при определенных общественных условиях, но он не находится в одном и том же состоянии, и мне кажется, что теперь, в тот период, в который мы живем, уже совершенно ясно наметилось, что марксизм пережил три большие ступени в своем историческом развитии. Эти три ступени исторического развития марксистской идеологии или марксизма соответствуют трем большим отрезкам в истории рабочего движения, которые, в свою очередь, связаны с тремя крупными эпохами в развитии вообще человеческого общества, европейского общества в первую голову. Первая фаза марксистского развития—это есть марксизм, как он вылился, как он сформулирован самими основоположниками научного коммунизма—Марксом и Энгельсом. Это есть марксизм Марксовский—в собственном смысле этого слова. Социальная подкладка для этого марксизма была отнюдь не органической и отнюдь не мирной эпохой в европейском развитии. Это была эпоха, когда Европа переживала целый ряд потрясений, эпоха, которая нашла свое наиболее яркое выражение в революции 48 года.

Главный материал для теоретических обобщений и то, что с социальной стороны дало заряд революционным формулировкам, именно и коренились в условиях катастрофического характера европейского развития; и эпоха, в которую возник марксизм, дала совершенно своеобразную физиономию этому великому пролетарскому учению, наложив печать и на логическую конструкцию марксизма этой эпохи. Мы совершенно ясно можем проследить те основные линии, которые, как я выразился здесь, дали революционный заряд марксизму Маркса и Энгельса: в первую очередь соединение громаднейшей силы абстракции теоретических обобщений с революционной практикой.

Вы знаете, что на наиболее высокой ступени теоретической абстракции, в своих тезисах о Фейербахе, Маркс выставил положение, которое нам всем известно, что философы до сих пор объясняли мир, а речь идет о том, чтобы этот мир изменить. Само собой понятно, что эта практическая актуальная струя в марксизме Маркса и Энгельса имела свою социальную подкладку. Затем вся теория Маркса имела резко выраженный, ниспровергательный характер, она была глубоко революционна по самому существу своему, начиная от верхних этажей идеологического построения и кончая практически-политическими своими выводами. И в области чисто теоретической и в области прикладной теории все содержание этого марксизма было глубоко революционным. Вы все знаете, что на вопрос о том, что составляет душу марксистского учения, Маркс отвечал вопреки очень многим,— когда я говорю очень многим, я подразумеваю даже и тех, которые сейчас считаются марксистами,— Маркс отвечал вопреки очень многим, что его учение состоит не в учении о классовой борьбе, потому что это было известно и до него, а его учение состоит в том, что общественное развитие неизбежно приводит к *диктатуре пролетариата*. Можно сказать, что та формулировка, которая обычно дается марксизму, именно, что марксизм это есть алгебра революции, эта формулировка была для марксизма эпохи Маркса и Энгельса совершенно правильна. Это была чудесная машина, которая служила великолепнейшим орудием для ниспровержения капиталистического режима во всех своих, повторяю, теоретических звеньях и во всех звеньях своих практических и политических выводов.

Вот это была первая фаза развития марксизма, его первое, если можно так выразиться, историческое лицо. Но вы отлично знаете, что дальше начинается другая эпоха и другой марксизм. Этот другой марксизм можно было бы назвать марксизмом эпигонов или марксизмом II Интернационала. Само собой разумеется, что переход от этой линии марксизма, от линии марксизма Маркса к марксизму эпигонов, не произошел катастрофически. Это был

эволюционный процесс, и эта эволюция идеологии рабочего движения имела своей основой, имела своей базой ту эволюцию, которую переживал, в первую очередь, европейский, а за ним и всякий иной капитализм. В первую очередь, повторяю, европейский. После революции 48 года наступила относительная устойчивость капиталистического режима, и начался цикл органического развития капитализма, который свои катастрофические особенности и свои наиболее яркие противоречия отодвинул на колониальную свою периферию. В основных узлах растущей крупной промышленности мы имели процесс органического роста, роста производительных сил с относительным процветанием рабочего класса. На этой социально-экономической почве мы имели и соответствующую политическую надстройку—консолидированные национальные государства, „отечества". Буржуазия совершенно прочно сидела в седле. Началась империалистическая политика, которая особенно резко начала проявляться, примерно, в 80-х годах прошлого столетия: на базе повышения жизненного уровня рабочего класса, выделения и быстрого прогресса рабочей аристократии наметился процесс *медленного врастания рабочих организаций*, внутренне, идеологически перерождающихся *в систему общего капиталистического механизма*, который находил свое главное выражение, свое наиболее рациональное выражение в своей политической головке, то-есть в государственной власти господствующей буржуазии. Вот этот процесс и послужил фоном, почвой для перерождения *господствующей* идеологии рабочего движения. Идеология, как известно, отстает от практики. Поэтому есть известная неслаженность между развитием марксизма в идеологической области и развитием марксизма в области чисто практической. Марксизм в двух своих основных формах стал перерождаться. Наиболее яркую формулировку тенденции перерождения дало ревизионистское течение внутри германской социал-демократии. Поскольку речь идет о точных теоретических формулировках, мы в других странах не имеем более классического образца, несмотря даже на более решительное перерождение.

В силу целого ряда исторических условий, в анализ которых я здесь входить не могу, там эта практика не получила достаточно ясных и точных формулировок, которые она получила в наиболее, если можно так выразиться, мыслящей стране. В Германии ревизионистское течение совершенно ясно уже сигнализировало, и не только сигнализировало, но очень полно выразило отход от того марксизма, который был свойственен Марксу и Энгельсу и всей предыдущей эпохе. Гораздо менее ясен был отход от марксизма другой группировки, которая называлась радикальной, или ортодоксально-марксистской, с Каутским во главе. Мне уже приходилось по этому поводу высказываться в другом месте, и я лично считаю неправильным взгляд, что падение германской социал-демократии и Каутского начинается и датируется с 1914 года. Мне кажется (теперь мы можем это утверждать), что уже давным-давно, хотя и не с такой поспешностью, как у ревизионистов, у этой группировки в среде германской социал-демократии, которая долгое время задавала тон всему Интернационалу, мы совершенно ясно можем видеть отход от настоящего ортодоксального, от действительно революционного марксизма, как он был сформулирован Марксом и Энгельсом в предыдущую фазу развития рабочей идеологии.

Повторяю, в начале этого периода имелась известная неслаженность между теорией и практикой. Наиболее далеко идущие идеологи ревизионистского пошиба слагали практику германских с.-д., выработав *соответствующую* теорию. Другая часть с.-д. упиралась еще в своих теоретических формулировках, не будучи в силах, да и не очень пытаясь, практически преодолеть эти вредоносные тенденции. Такую позицию занимала группа Каутского. Но в конце этого периода, когда история поставила ребром целый ряд самых принципиальных и существенных вопросов—я говорю о начале всемирной войны,—тогда оказалось, что и практически и теоретически между этими крыльями нет почти никакой существенной разницы. По сути дела эти два крыла—ревизионизм и каутскианизм—выражали одну и ту же тенденцию

вырождения марксизма, тенденцию приспособления, в худом смысле этого слова, к тем новым социальным условиям, которые нарождались в Европе и которые были свойственны этому циклу европейского развития,—они выражали одну и ту же теоретическую струю, которая шла прочь от марксизма в его настоящей и действительно революционной формулировке. С общей точки зрения, можно характеризовать эту разницу таким образом, что ревизионистский марксизм в его чистом виде—это стало наиболее ясным в последние годы, что этот ревизионистский марксизм в его чистом виде, или марксизм в кавычках, приобрел резко выраженный фаталистический характер по отношению к государственной власти, к капиталистическому режиму и проч., тогда как у Каутского и его группы мы имеем такой марксизм, который можно было бы назвать демократически-пацифистским. Эта грань условна, она стала за последние годы все более и более стираться, эти течения стали итти по одному и тому же руслу, которое все более и решительнее шло в сторону от марксизма. Суть этого процесса заключается в вышелушивании революционной сущности марксизма, в замене революционной теории марксизма, революционной диалектики, революционного учения относительно развития капитализма, революционного учения относительно краха капитализма, революционного учения о диктатуре и т. д.,—замене всего этого обычным буржуазным *демократически-революционным* учением. Можно было бы показать подробно, как этот уклон очень ярко проявился в целом ряде теоретических вопросов. Этот анализ отчасти я делал в речи, посвященной программе Коммунистического Интернационала, на одном из интернациональных конгрессов. Этот ревизионистский уклон встречается у Каутского, совершенно сфальшивившего в теории государства и государственной власти; то же самое и у Плеханова, который был одним из „ортодоксальнейших". Наличие такого ревизионизма в теории государства делает совершенно ясным, почему и каутскианское крыло заняло буржуазно-пацифистскую позицию во время мировой империалисти-

ческой войны. Настоящая Марксова формулировка в области теории государственной власти — всем нам известна. Это учение можно выразить, примерно, таким образом. Во время социалистической революции происходит разрушение государственного аппарата буржуазии, и происходит создание новой диктатуры — „анти-демократического" и в то же время *пролетарски*-демократического государства, совершенно своеобразной и специфической формы государственной власти, которая потом начинает отмирать. У Каутского вы в этом пункте не найдете ничего подобного; и у Каутского, как у всех с.-д., марксистов в кавычках, у всех у них этот пункт освещается таким образом, что государственная власть есть нечто такое, что переходит из рук одного класса в руки другого так же, как машина, которая была в руках одного класса, а потом переходит в руки другого класса, без того, чтобы этот новый класс разобрал все ее винтики и потом снова их складывал по новому. Из этой же формулировки, теоретически чистой, из этого учения вытекает оборонческая позиция во время войны. Аргументацию, идущую по этой линии, можно было слышать десятки раз на социально-патриотических собраниях в начале войны, и эта чрезвычайно примитивная аргументация имеет со своей точки зрения некоторого рода логику. Само собою разумеется, что если это данное буржуазное государство будет завтра в моих руках, то нечего его разрушать, а, наоборот, его надо защищать, потому что завтра оно будет моим. Задача была поставлена совершенно по иному, чем у Маркса. Если государство нельзя разрушать, потому что оно будет завтра в моих руках, то нельзя дезорганизовать армию, потому что это есть составная часть государственного аппарата, нельзя нарушать никакой государственной дисциплины и проч. Все здесь слажено, и само собою понятно, что когда эти комплексы были поставлены под удары во взаимной борьбе, то и каутскианизм, германская с.-д., в полной солидарности со своими теоретическими предпосылками, сделала соответствующий практический вывод.

Повторяю, что неправильно считать, будто бы здесь мы имеем какое-то моментальное, катастрофическое грехопадение. Оно было теоретически вполне обосновано. Мы только не замечали этого внутреннего перерождения и в так называемом „ортодоксальном“ крыле, которое с действительной ортодоксальностью имело мало общего. То же самое можно было бы сказать насчет теории крушения капиталистического общества, насчет теории обнищания, насчет колониального и национального вопросов, насчет учения о демократии и диктатуре, насчет тактических учений, вроде учения о массовой борьбе, и т. д. С этой точки зрения я бы рекомендовал всем товарищам прочесть известную классическую брошуру Каутского „Социальная революция“, которую мы читали, но теперь прочтем совершенно иными глазами, потому что сейчас в ней нетрудно открыть целый Монблан всевозможных извращений марксизма и оппортунистических формулировок, которые совершенно нам ясны. Если эти марксистские „эпигоны“ учитывали некоторые новые изменения в области капиталистического строя, в области соотношения между экономикой и политикой, если они под свою теоретическую луцу ставили какие-нибудь новые явления из области текущей жизни,— то они эти новые явления всегда по сути дела учитывали под одним углом зрения, под углом зрения *врастания рабочих организаций эволюционным путем в общую систему капиталистического механизма.*

Появилась, например, новая акционерная компания,—сейчас же они ее привлекали для объяснения того, что капитал демократизируется.

Произошло на континенте улучшение положения рабочего класса,—сейчас же из этого делались выводы, что, быть может, и революция не нужна, а мы мирным путем можем все сделать. Поскольку опирались на Маркса, то сейчас же хватались за целый ряд цитат, за отдельные вырывания из контекста положений и слов. Известно было, что Маркс сказал относительно Англии: „в Англии, может быть, дело обойдется и без кровопролития“. Это живо обобщалось всеми. Известно было, что Энгельс однажды сказал не особе

хорошие вещи относительно баррикадной борьбы Из этого сейчас же делались все выводы в кавычках. Таким образом, все явления рассматривались под углом зрения врастания рабочих организаций в общую капиталистическую систему, под углом зрения, который можно условно назвать точкой зрения гражданского мира. От революционного марксизма отлетала и отлетела в конце концов его революционная сущность: случилось то, что очень часто бывает в истории, когда мы имеем те же слова, ту же номенклатуру, те же фразы, те же ярлычки, ту же символику и, повторяю, имеем совершенно иное социально-политическое содержание. В германской социал-демократии, которая в данном случае являлась образцом, еще сохранилась марксистская фразеология, еще сохранилась марксистская символика, еще сохранилась марксистская словесная шелуха, но не было совершенно марксистского *содержания*, осталась одна словесная оболочка от того учения, которое было выработано в эпоху социальных потрясений середины прошлого столетия. Революционная душа отлетела, и перед нами, по сути дела, было уже учение, которое *соответствует оппортунистической практике* германской социал-демократии, оппортунистических рабочих партий, объективно переродившихся и подкупленных соответствующими национальными буржуазиями. Можно было даже построить своеобразную социально-политическую географическую карту степени подлости этих марксистов. Чем больше страна в области мирового рынка, чем могучее она имела свои позиции, чем сильнее и чем больше империалистская политика велась данной страной и данной национальной буржуазией, чем больше и сильнее была рабочая аристократия и чем крепче, более толстой цепочкой был привязан рабочий класс данной страны к своей собственной буржуазии, к ее государственной организации,—тем оппортунистичнее и тем подлее были теоретические фурмулировки, хотя бы они и прикрывались марксистскими ярлычками. Повторяю, мы можем такую карту нарисовать, которая могла бы чрезвычайно хорошо иллюстрировать связь между социально-политическим развитием, с одной сто-

роны, и сферой идеологического развития, в данном случае идеологии рабочего движения,—с другой.

Вот, товарищи, такова была *вторая* полоса в развитии марксизма. Физиономия этого марксизма представляется иной, чем марксизм Маркса и Энгельса. Как вы видите, здесь мы имеем совершенно иное социально-политическое образование, мы имеем совершенно другую идеологию, потому что мы имеем в значительной мере другую опору для этой идеологии. Этой опорой является рабочий класс наиболее грабительских империалистских государств, в особенности, же рабочая аристократия этих могучих империалистических государственных тел. И когда этот процесс в области социально-политической получил наиболее классическое выражение, тогда мы стали иметь наиболее классические формулировки, *отклонение по всей линии от ортодоксального марксизма.*

Я подхожу теперь к вопросу относительно ленинизма. Мне рассказывали, что на одном из знамен Института Красной Профессуры написано: „Марксизм в науке и ленинизм в тактике,—таково наше знамя". Мне кажется, это деление в высшей степени неудачное и отнюдь не соответствует „передовому авангарду на идеологическом фронте", как себя называют наши красные профессора, потому что так отрывать теорию от практики борьбы абсолютно нельзя. Если ленинизм как практика это—не то, что марксизм, то тогда происходит тот именно отрыв теории от практики, который особенно вредоносен для такого учреждения, как Институт Красной Профессуры. Ясное дело, что ленинский марксизм представляет из себя своеобразное идеологическое образование по той простой причине, что он сам есть дитя несколько иной эпохи. *Он не может быть простым повторением марксизма* Маркса, потому что эпоха, в которую мы живем, не есть простое повторение той эпохи, в которую жил Маркс. Между той эпохой и этой есть нечто общее: и та эпоха не была органической эпохой, и эта эпоха еще в меньшей степени является органической эпохой. Марксизм Маркса был продуктом революционной эпохи. И ленинский марксизм, если можно так выразиться,

является продуктом необычайно бурной и необычайно революционной эпохи. Но само собой понятно, что здесь так *много нового* в самом ходе общественного развития, в самом эмпирическом *материале*, который дается как материал для теоретических обобщений, в тех *задачах*, которые ставятся перед революционным пролетариатом и, следовательно, требуют соответствующего ответа и соответствующей реакции,—так много нового, что наш теперешний марксизм не есть простое повторение той суммы идей, которая была выдвинута Марксом.

Я этот вопрос разовью более подробно потом, чтобы здесь не было недоразумений в смысле *противопоставления*, потому что я отнюдь не хочу противопоставлять одно учение другому. *Одно есть логическое и историческое завершение и развитие другого.* Но я хотел бы раньше остановиться на тех новых фактах социально-экономической политики, которые являются базой для ленинского марксизма. В самом деле, что нового в этой области мы имеем перед собой, нового в том смысле, что эти явления были недоступны Марксу, потому что их просто не было в то время, в какое жил Маркс? Мы имеем, прежде всего, некоторую новую фазу в развитии капиталистических отношений. Маркс знал эпоху торгового капитала, который лежал за ним. Маркс знал промышленный капитал. Эпоха промышленного капитала считалась, можно сказать, классическим типом капитализма вообще. Вы отлично знаете, что только при Энгельсе начали образовываться такие вещи, как синдикаты и тресты. А целую новую стадию капиталистического развития с большой переорганизацией производственных отношений в капитализме, того, что Ленин обозначал как монополистический капитализм,—сумму всех этих явлений, ясное дело, Маркс знать не мог, потому что их не было, и по этой простой причине он не мог их выразить и обобщить.

Эти новые явления должны быть теоретически схвачены, и, поскольку они теоретически схвачены, они представляют из себя дальнейшее звено в старой цепи теоретических рассуждений и положений. Все это—явле-

ния из области *финансового капитала*, из области империалистической политики этого финансового капитала. Вопрос о создании и сплочении мировых экономических организаций капитала и его государственной организации и целый ряд аналогичных вопросов, вытекающих из специфической структуры капитализма, как он выражен в последние годы XIX и в первые десятилетия XX столетия,—это все есть вопросы, которые не были известны Марксу и которые должны были подвергнуться теоретическому анализу. *Вторая* сумма вопросов, — есть вопросы, связанные с мировой войной, с распадом капиталистических отношений. Как бы я сейчас ни оценивал степень и глубину распада капиталистических отношений, какой бы прогноз я ни ставил в этом отношении, как бы я ни оценивал в частности теперешнюю экономическую ситуацию в Западной Европе, как бы я ни говорил о глубоком кризисе или крахе, какую бы радикальную формулировку ни привести в ту или другую сторону,—все-таки совершенно ясно—перед вами налицо такого рода явления, которых не было раньше. Ни государственного капитализма в общей и специальной формулировке, ни связанных вместе с ним явлений, ни явлений распада и дезорганизации капиталистического механизма с совершенно специфическими явлениями в области социальной по всей линии, распада, начиная от производственного базиса и кончая явлениями из области денежного обращения, — всех этих явлений не было во времена основоположников научного коммунизма. Эти вопросы ставят перед нами ряд интереснейших и новых теоретических проблем, и само собой разумется, что вместе с этими теоретическими проблемами необходимыми являются и соответствующие практические политические выводы, которые на них основаны и с ними связаны. Это другой род явлений, очень большой, делающийся эпохой, в известном смысле слова, явлений, которые не были известны ни Марксу, ни Энгельсу. Наконец, *третий ряд явлений*, которые связаны непосредственно *с рабочими восстаниями* в период краха капиталистических отношений, в период, который получается в результате громадного столкновения этих чисто

капиталистических тел в их войнах, которые суть не что иное как своеобразная форма их капиталистической конкуренции, особая формулировка, неизвестная тому времени и той эпохе, в которую жил и учил сам Маркс и его ближайшие единомышленники и друзья. Сейчас же эти вопросы непосредственно связаны с процессом социалистической революции, они тоже представляют из себя громаднейший социальный феномен, социальное явление совершенно объективного порядка, которое точно так же нужно теоретически изучить, которое имеет своеобразную закономерность, которое ставит перед нами целый ряд теоретических и практически-политических вопросов. Само собою понятно, что во времена Маркса можно было давать самые общие формулировки этого, а теперешний эмпирический материал дает громаднейшее количество всевозможных положений и явлений, которые подлежат теоретической обработке. Вот это есть третий род явлений и связанных с ними вопросов и связанных с решением этих вопросов практически-политических выводов. Это есть третий род проблем и теоретических и практических, которые не были известны Марксу, потому что они не были известны вообще той эпохе. Наконец, есть еще *четвертый ряд*, который стоит, как глыба, совершенно новых постановок вопроса, это ряд, связанный с эпохой *или началом эпохи господствующего рабочего класса*. Как Маркс ставил вопрос? Я напомню Марксовскую формулировку, которую я приводил: „Мое учение и его сущность состоит не в том, что речь идет о классовой борьбе, а в том, что оно неминуемо ведет к диктатуре пролетариата". Вот—это была граница. Когда эта диктатура пролетариата является уже фактом, то совершенно естественно, что дальше мы уже выходим за границу. Сущность Марксового учения — это есть неизбежная диктатура пролетариата—и только, и здесь остановка [1]). Иначе не могло быть в ту историческую эпоху, потому что пролетарская диктатура не была дана как реаль-

[1]) Парижская Коммуна была лишь намеком, послужившим для Маркса основой для ряда гениальных предвидений. Но *разработать* вопроса Маркс, конечно, не мог.

ный факт, и сопутствующие ей явления не были даны как материал чисто опытных явлений и наблюдений, которые могли бы быть теоретически обобщены и которые могли бы служить объектом теоретического анализа или практической реакции. Этого не было. Поэтому само собою разумеется, что весь цикл этих громаднейших явлений представляется совершенно новым, ибо мы уже пришли к тому, о чем Маркс сам сказал— для меня это грань. Теперь мы имеем род явлений, стоящих за этой гранью. Чем более эти явления принципиально новые, тем более они должны являться принципиально новыми и теоретически; тем, следовательно, оригинальнее должна быть та концепция, которая включает в себя общее рассмотрение и этих явлений, принципиально новых для всех предыдущих эпох. Вот это есть четвертый разрез тех явлений социально-экономических, политических и всякого иного порядка, которые должны служить и объектом теоретического рассмотрения и теоретически-систематизированных норм поведения со стороны рабочего класса. Я привел здесь 4 разреза. Само собою разумеется, что все они представляют из себя не что иное как некоторую колоссальную эпоху в развитии не только европейского капитализма, но и вообще всего человеческого общества. Вся эта эпоха во всей ее сложности и конкретности представляет из себя такое колоссальнейшее богатство всевозможных проблем и теоретических и практических, такое богатство, такую огромную махину этих проблем, что совершенно естественно, что тот ученый диалектик и практик, который соединяет разработку теоретических вопросов с практикой на этом эмпирическом материале,—он уже выходит за пределы того, чем был марксизм в его старой формулировке.

Здесь, я должен остановиться на одном, чтобы не было недоразумения. Что мы можем подразумевать под марксизмом? Под ним можно подразумевать две вещи: или перед нами методология — система методов исследования общественных явлений, или это определенная сумма идей, скажем, мы сюда включаем теорию исторического материализма, учение о развитии капиталистических отношений и проч. и, кроме того,

включаем целый ряд конкретных положений, т.-е. берем марксизм не только как метод или теоретически сформулированную методологию, но берем целый ряд конкретных приложений этого метода, всю сумму идей, которые получились в результате этого приложения. С последней точки зрения совершенно ясно, что ленинский марксизм есть поле, гораздо более широкое, чем марксизм Маркса. Понятно почему. Потому что к той сумме идей, которая была тогда, прибавилось колоссальное количество новых идей, связанных с анализом и с практикой—на основе этого анализа,—совершенно новых явлений, совершенно новой исторической полосы, и в этом смысле это есть выход за грань марксизма, и этом *условном* смысле слова. Но если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собою разумеется, что ленинизм не есть нечто модифицирующее или ревизующее методологию Марксового учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм есть полный *возврат* к тому марксизму, который был сформулирован самими Марксом и Энгельсом.

Так разрешаются, мне кажется, противоречия, которые в значительной мере базируются на смешении терминов, на том, что целый ряд терминов употребляется в различных значениях. Если теперь мы спросим себя, как же мы можем характеризовать в общем и целом историческое лицо этого *ленинского* марксизма, то мне кажется, что его можно рассматривать как соединение, *как синтез троякого порядка. Во-первых*, это есть возврат к Марксовой эпохе, но не просто возврат, а *возврат, обогащенный всем новым*, то-есть это есть синтез марксизма Маркса со всеми приобретениями на основе применения марксизма,—мы можем его рассматривать как марксистский анализ всего колоссального нового, которое дает нам новая эпоха. Это во-первых. *Во-вторых*, это есть соединение и *синтез теории и практики борющегося и побеждающего рабочего класса* и, *в третьих*, это есть синтез *разрушительной* и *созидательной* работы рабочего класса, при чем последнее обстоятельство мне кажется наиболее важным.

Здесь я позволю себе по поводу этого третьего положения сказать несколько слов в его разъяснение. Ортодоксальный марксизм, то-есть революционный марксизм, то есть наш марксизм, само собой разумеется, имеет перед собой разные практические задачи в разные исторические эпохи, и соответственно этому идет и логический идеологический подбор, потому что практические задачи в конечном счете определяют и наши теоретические суждения и сцепления отдельных теоретических положений и звеньев в этой системе, в теоретической цепочке. Когда рабочий класс и когда революционная партия занимают положение борющихся за власть, то во всех, решительно, идеологических работах всюду и везде мы должны неизбежно заострять, делать ударения, специально анализировать все противоречивые стороны, мы должны отмечать все основные неслаженности капиталистического общества, мы должны тщательно отмечать, подбирать и перестраивать в теоретическом ряду то, что разъединяет различные элементы этого общества. По той простой причине, что для нас практически важно, как мне кажется, в эти щели вогнать наиболее остро и наиболее резко действующий клин. Перед нами задача разрушительная, деструктивная, нам нужно опрокинуть капиталистический режим, и поэтому само собой разумеется, что в первую очередь подбор всех теоретических положений и звеньев идет именно по этой линии. Нам теоретически важно отмечать все противоречия, которые практически важны, их углублять, чтобы от общих теоретических положений они шли через промежуточные звенья, через наших агитаторов дальше, потому что здесь перед нами основная разрушительная, ниспровергательная задача. И весь характер всех теоретических сочинений Маркса был по этой линии построен. Когда рабочий класс встает у власти, перед ним встает задача склеивания различных частей общего целого под определенной гегемонией рабочего класса. Практический интерес представляет целый ряд вопросов, которые раньше интереса не представляли, которые теперь должны поэтому быть в гораздо большей степени осмыслены. Мы должны сей-

час не разрушать, а строить. Это совершенно другой аспект, совершенно другой угол зрения. Я думаю, что каждый из нас, когда он сейчас читает целый ряд вещей или даже делает целый ряд наблюдений над текущей жизнью, то он скажет, что у него получается совершенно иной аспект на те же самые явления, на которые он раньше смотрел другими глазами, по той простой причине, что раньше практически он должен был разрушать какой-нибудь определенный комплекс, а теперь он должен его построить, так или иначе склеить. Вот почему мне кажется, что эта струя находит себе соответствующее теоретическое отражение и теоретическое выражение в целом ряде вопросов, относящихся к этому порядку проблем. Они не ставились раньше, в эпоху первой формулировки Марксова учения, формулировки, которую делал сам Маркс. В эпоху II Интернационала они ставились под углом зрения *врастания в буржуазное государство*, и так как они ставились под углом зрения врастания в буржуазное государство, то-есть, поскольку социал-демократические оппортунистические партии ставили своей задачей мирное культурное строительство не для опрокидывания капиталистического режима, а для приспособления и молекулярно-эволюционной переделки этого капиталистического режима,—ясное дело, что эти зачатки теории „строительства" встречали враждебное отношение у нас, марксистов-революционеров. Ибо все это обобщалось под углом зрения врастания в капиталистическое государство, врастания организаций в механизм капиталистического аппарата, который мы ставили своей целью разрушить. Но диалектика истории такова, что когда мы стали у власти, то совершенно ясно, что для нас стал необходим другой аспект, как практический, так и теоретический. Ведь нам надо с одной стороны разрушить, а с другой—*построить*. Мы должны были поставить перед собой ряд таких вопросов, которые бы нам дали синтез этого разрушения старого и построения нового и синтез этих аспектов—в некотором едином целом. Вот с этой точки зрения, поскольку дело идет о теоретических обобщениях, В. И. этот синтез дал. Здесь чрез-

вычайно для нас трудно сформулировать общие основные положения из этой области, потому что здесь опять-таки мы имеем перед собой целый ряд отдельных замечаний, разбросанных по всем решительно томам сочинений В. И. и, особенно, в его речах и пр., но совершенно ясно, что это есть самое новое, самое значительное в том, что дал ленинизм как теоретическая система в дальнейшем развитии марксизма. Может быть, конечно, было очень много сделано и в области теоретического подбора по разрушительной линии, но в области созидательной здесь было очень мало точек опоры в прежних формулировках Маркса. Здесь также нужно было строить заново, и поэтому мне кажется, что самое большое и самое великое, что внес в теоретическую и практическую сокровищницу марксизма тов. Ленин, можно формулировать таким образом: что у Маркса была, главным образом, *алгебра* капиталистического развития и революционной практики, а у Ленина есть эта алгебра, *и* алгебра *новых* явлений и разрушительного и положительного порядка, *и их арифметика*, то-есть расшифровка алгебраической формулы под более конкретным и под еще более практическим углом зрения.

После этих общих замечаний я хотел бы остановить ваше внимание на целом ряде некоторых черт и черточек и теоретического и практического порядка, которые будут иллюстрировать вышеизложенные положения. Мне кажется, что то обстоятельство, что Ленину приходилось свои теоретические положения формулировать разбросанно,—это обстоятельство связано, конечно, с ярко выраженным приматом практики во всей деятельности Владимира Ильича, что, в свою очередь, связано с нашей эпохой, которая по существу есть эпоха действия. Действовать можно хорошо тогда, когда теория представляет в ваших руках некоторый инструмент, некоторое орудие, которым вы в совершенстве владеете, и когда теоретическая система и теоретическая доктрина не представляет из себя того, что тяготеет над вами и что вами владеет. В одной из речей — не помню в какой—я выразил это таким образом, что Владимир Ильич владел

марксизмом, а не марксизм владел Владимиром Ильичом. Этим я хотел сказать, что одна из самых характерных черт у Владимира Ильича, одна из самых любопытных черт — заключалась *в осознании практического смысла каждого теоретического построения и любого теоретического положения.* Иногда мы между собой даже подтрунивали над слишком практическим отношением Владимира Ильича к целому ряду теоретических вопросов, но, товарищи, теперь, когда мы уже много лет варились в революционном котле и когда мы очень многое успели увидеть и испытать, мне кажется, что это наше подтрунивание целиком должно быть обращено против нас самих, потому что в этом сказалось не что иное как опять таки та же самая наша привычка, привычка интеллигентов, определенных узких специалистов—журналистов, литераторов или людей, более или менее занимающихся теорией, как своей собственной профессией. Точно так же как Владимир Ильич не любил всяких словесных выкрутасов и учностей специфических,—что иногда нам тоже не совсем нравилось, а он над нами издевался,—точно так же он терпеть не мог ничего лишнего и чисто практически относился к теоретическим концепциям и доктринам. Имеют ли они какой-нибудь иной смысл, кроме практического? С точки зрения марксизма ясно, что никакого другого смысла они не имеют. Но в силу того, что мы были до известной степени специалистами, это претило нашей душе, и в этом отношении Владимир Ильич уходил в будущее в гораздо большей степени, чем все мы грешные, потому что для него было органически противно то, что для нас имело известную притягательную силу. И вот, мне кажется, что это осознание, совершенно продуманное, это осознание служебной роли всяческих теоретических построений, как бы высоки они ни были, это есть необычайно ценная и положительная черта ленинского марксизма.

С этим связана другая любопытная черта, которую без первой никогда нельзя было бы понять, это черта, которую можно было бы назвать *дефетишизированием*, срыванием всяческой фетишистской оболочки с какого

угодно положения, догмата и т. д. Мы очень часто поражались вначале, с какой необычайной смелостью Владимир Ильич ставит некоторые теоретические или практические проблемы. Вспомните вы такие этапы, как Брестский мир, когда Владимир Ильич ставил вопрос о том, что можно у любой иностранной державы брать оружие против другой. Это возмущало нашу интернациональную совесть до глубины души, при чем этот наш „интернационализм" покоился на теоретическом непонимании того, что когда мы взяли власть, вся конфигурация изменилась. Вспомните лозунг—учитесь торговать, который мозолил глаза очень многим и хорошим революционерам и который тоже имел теоретическую подкладку и был связан с целым рядом теоретических положений. На такую теоретическую смелость, связанную с этой практикой, мог быть способен только такой человек, идеолог, теоретик и практик, который сам владел необычайно острым оружием марксизма, но в то же время никогда не понимал марксизма как некоторую застывшую догму, а как инструмент ориентации в определенной среде, человек, который отлично понимал, что всякое новое внешнее соотношение обязательно должно иметь за собой иную реакцию поведения со стороны рабочей партии и со стороны рабочего класса. В самом деле, посмотрите, как формулировал Владимир Ильич это положение в общей форме. Я абсолютно не хотел бы утруждать вас цитатами и не принес с собой никаких выписок и не работал даже над ними, но я вспоминаю целый ряд моментов и формулировок, которые давал Владимир Ильич. Одна из его самых общих тактических формулировок насчет опыта гласит: „*Очень большое количество ошибок заключается в том, что лозунги, мероприятия, которые были совершенно правильными в определенную историческую полосу и при определенном положении вещей, механически переносятся на иную историческую констелляцию, на иное соотношение сил, на другое положение вещей*". Это одна из общих тактических формулировок. Рассмотрим идеологию наших противников, — мы берем такой вопрос, как вопрос о демократии. И мы все были в определенный период демократами, все мы

требовали демократической республики и Учредительного Собрания за несколько месяцев до того, как мы его разогнали. Естественно. Но тем не менее, только те могли перейти к другой ориентации, кто понимал *относительную* общественную роль этих лозунгов, кто понимал, что при капиталистическом режиме мы не можем выставить по отношению к капиталистам требования — закройте ваши капиталистические организации и дайте свободу нашим рабочим организациям в пределах капиталистического режима,—и поэтому свобода для *наших* рабочих организаций неизбежно должна была принимать формулировку: „свобода для всех". И когда мы переходим в другую историческую полосу и ситуацию, то мы должны отказаться от этой формулировки. Кто остановился на этом, кто это *фетишизировал*, тот не поспел за ходом вещей и был по другую сторону баррикады. Это один из маленьких примеров, но их число велико до бесконечности. Владимир Ильич в этом отличался изумительной смелостью.

Возьмем другой вопрос в общей формулировке. Я говорил здесь относительно аспекта, угла зрения эволюционности, *после* того как мы произвели революцию. Возьмите такие лозунги Владимира Ильича, как:—„учитесь торговать" или:—„один спец лучше стольких-то и стольких-то коммунистов". Теперь нам ясен практический смысл этих лозунгов. Они были совершенно правильны, но для того, чтобы эти вещи говорить, для этого, совершенно ясно, нужно было теоретическое продумывание. Поскольку обстановка изменилась, нужно действовать совершенно по другому. Сейчас таково соотношение между идеологией наших коммунистов и, с другой стороны, необходимостью привлекать не-коммунистов, что тут нужно было вести совершенно новую и своеобразную линию *строительного* характера. Если раньше для всякого революционера слова—„торгаш", „торговля", „банк" и проч. звучали, как самые оскорбительные слова, то для того, чтобы перейти к лозунгу „учитесь торговать", нужно было глубочайшее продумывание целого ряда теоретических основ, целого ряда теоретических вопросов крупнейшего принципиаль-

ного значения. То, что *только сейчас* для нас представляется само собой разумеющейся вещью, то ведь у Ленина было теоретически продумано до самых мелочей. Ведь это только вульгарному поверхностному сознанию наших противников кажется, что В. И. был человеком, вырубленным топором, чем то вроде статуэтки эпохи каменного века. На самом деле это абсолютная неправда. Если тов. Ленин бросал какие-нибудь упрощенные лозунги, вроде „грабь награбленное", что звучало необычайно ужасно и варварски для всех наших цивилизованных противников, то ведь это было на самом деле результатом глубокого теоретического продумывания того, какой сейчас нужно лозунг бросить, какова массовая психология сейчас, что масса поймет и чего не поймет.

Ленин всегда ставил вопрос, как можно получить смычку с максимумом народа, с максимумом людей, которые могут сыграть роль известных энергетических величин, брошенных против старого режима. Это требовало очень сложного теоретического „обмозговывания". И когда Ленин говорил—нужно учиться торговать—это звучало очень парадоксально. А теперь это кажется нам само собой разумеющимся. Каждый серьезный шаг В. И. в области теоретической и в области практической был своего рода постановкой Колумбова яйца. Когда яйцо было Колумбом поставлено, тогда ясно стало, что оно могло быть поставлено только так. Вот этот лозунг—учитесь торговать—опирается на целый ряд теоретических обработок и решений теоретических вопросов, вопроса о соотношении города и деревни, вопроса о роли процесса обращения—вообще, вопроса о роли торгового аппарата в этом процессе обращения. Это был не взятый с потолка лозунг, это была просто лозунговая практическая формулировка целого ряда теоретических положений, которые были продуманы звено за звеном. Только тогда, когда начнете читать один том за другим и подбирать по определенным разрезам мысли В. И., только тогда перед нами вырисовывается вся картина того идеологического пути, по которому шел В. И., разрабатывая эти вопросы. Все эти боль-

шие повороты, которые так удачно Ленин делал как стратег, он мог делать только потому, что он был крупнейшим теоретиком, который совершенно ясно мог анализировать данное сочетание классовых сил, учитывать их, делать теоретические обобщения, из этих теоретических обобщений делать соответствующие практически-политические выводы. В основе основ здесь лежало мастерское владение марксистским оружием, которое никогда не застывало, как нечто неподвижное, а которое было действительно могучим инструментом, поворачивающимся в руках тов. Ленина то в ту, то в другую сторону, как этого требовала *практическая действительность*. Это был такой марксизм, для которого, вульгарно выражаясь, нет ничего святого, ничего, кроме интересов социальной революции. Это есть такой идеологический инструмент, который не знает никаких фетишей и который отлично понимает значение любой теоретической доктрины, любого выступления, любого отдельного теоретического положения, который не знает абсолютно ничего застывшего. Как подходил В. И. к целому ряду вопросов? Когда у нас в партии или за пределами партии возникали какие-нибудь теоретические уклоны от марксизма, он сразу подходил к ним с определенной практической меркой, потому что отлично увязывал теорию и практику и отлично расшифровывал всякую словесную оболочку. Я сказал выше, что если у Маркса была алгебра капиталистического развития и алгебра революции, то у Ленина была и алгебра нового периода и, повторяю, арифметика. Но я вам приведу только один пример, на котором мне придется потом еще остановиться в другом логическом звене. Анализ Марксова „Капитала“ ведется таким образом, что из этого анализа в значительной мере удаляется крестьянство, потому что это не есть специфический класс капиталистического общества. Это есть самая высокая алгебра. Ясное дело, что для арифметического действия тут нужны другие вещи. И вот то, что отличает Ленина, это есть соединение алгебры на более высокой ступени обобщений, которая в математике соответствует общей теории чисел или теории много-

образия, и, с другой стороны, арифметики, то есть арифметического расшифрования алгебраических формул, соединение большого и малого, какой-нибудь заботы (в области практической) об электрификации и заботы о сбережении какого-нибудь маленького гвоздика, и, с другой стороны, в области теоретической—занятие крупнейшими проблемами теоретическими, начиная от философских проблем, и в то же время выслеживание, выуживание каждой неправильно теоретически сформулированной мелочи, которая может быть опасна при дальнейшем развитии. Вот это *умение видеть эпоху, видеть каждую малейшую деталь*, анализировать, рассматривать такие вопросы, как вопрос о „вещи в себе", и в то же время понимать теоретическое значение какой-нибудь формулировки в какой-нибудь резолюции, — вы помните все, что Ленин писал целый ряд страниц о том, как не надо писать резолюции в своей брошюре о двух тактиках, — вот эта громаднейшая способность видеть все в таких разрезах, когда самое большое и великое и самое мелкое, малейшие детали, когда все это устанавливается на шахматной доске политической стратегии и теории в тех местах, где они должны быть установлены с точки зрения интересов рабочего класса и с точки зрения практического политического действия, вот эта способность нашла свое выражение в замечательном синтезе, объединяющем теорию и практику.

Теперь, товарищи, я перехожу к тому, чтобы более конкретно остановиться на некоторых вещах, которые имеют значение с точки зрения главным образом, *того нового*, что В. И. сюда внес. Основной из основных вопросов,—это вопрос об *империализме*. Вопрос об империализме сформулирован у В. И. в его известной работе, пересказом которой и изложением краткого содержания которой здесь заниматься совершенно не надо. Но, товарищи, я обращаю ваше внимание вот на что. Вы не можете назвать из области теоретических работ, касающихся империализма, ни одной такой работы, которая была бы так актуальна, как работа В. И., потому что там всякое любое теоретическое положение и цифровые иллю-

страции этих теоретических положений связаны с теми практическими политическими выводами, которые из них В. И. делает.

Это есть не простой анализ, теоретический анализ определенной эпохи, но этот анализ взят под таким углом зрения, что совершенно ясно, сразу намечаются те пути, по которым рабочий класс должен итти в связи с развитием класса господствующего и в связи с анализом империализма. Мы имеем еще один важнейший для нашей эпохи вопрос, который не получил своего разрешения в какой-нибудь теоретической книжке. Это *вопрос национальный и вопрос колоний*, колониальный вопрос. Нужно заметить, что здесь, мне кажется, Владимир Ильич произвел теоретически громаднейшую работу. Повторяю, у нас нет такой книжки, где все было бы сведено и систематизировано. Но мы имеем в целом ряде его сочинений совершенно правильную постановку вопроса и национального и колониального, постановку, которая подтверждена целиком нашей практикой. Здесь, действительно, Владимир Ильич создал целую школу. Суть дела заключается в том, что степень абстракции у Маркса была в очень многих вопросах настолько велика, что нужно было установление целого ряда промежуточных логических звеньев, чтобы сделать непосредственные практические выводы. Я уже упоминал: в „Капитале“ ведется анализ трех классов. Там не крестьянин наш, там берется абстрактное капиталистическое общество, проблемы его не связываются с такими вещами, как мировое хозяйство, столкновение различных капиталистических тел, проблема государства, поскольку она находится в руках нашего врага, вопрос о роли государства в экономической жизни страны, т.-е. ряд вопросов более конкретного порядка в „Капитале“ не анализируется. Для того, чтобы привести эту теоретическую систему к практическому действию, в особенности в нашу эпоху, нужно было образование целого ряда промежуточных логических звеньев, которые сами собой представляют очень крупные теоретические вопросы. Те, кто занимался вопросами колониальной политики в эпоху оппортунизма, они, за очень немногими исклю-

чениями, принадлежа к наиболее ярым ревизионистам, больше всего занимались апологией капиталистического культуртрегерства в колониях. У Маркса был целый ряд замечаний об Ирландии, целый ряд общих соображений, но поставить вопрос во всей его широте Маркс не мог тогда, потому что тогда проблема не была дана с той остротой, которая была ей придана потом, а эпигоны не могли по самой сути дела этого сделать, потому что это было святая святых буржуазной политики того времени и прикоснуться какому-нибудь неосторожному пальцу к этой проблеме было нельзя. На авансцену выступали господа Гильдебрандты, люди этакого типа, которые развивали всякие „марксистские" теории по отношению к колониям, для того чтобы оправдать политику капиталистического государства. И в этом отношении школа Ленина, которая, действительно, создавалась, произвела полный переворот. Практическое ее значение теперь совершенно ясно. Может быть, оно в начальной стадии своего развития, это ленинское учение о национальном и колониальном вопросе, но всегда и но всеми было осознано, но теперь его смысл ясен. Мы имеем перед собою конкретно мировую войну и государства, находящиеся в периоде распада, которые нужно, по ницшеанскому правилу, подтолкнуть. Для того, чтобы их подтолкнуть, нужно поддержать все элементы распада этих тел, сепаратизм колониального национального движения, т.-е. все те деструктивные силы, которые объективно ослабляют мощь того железного государственного величия, государства, которое представляет из себя наиболее могущественную потенцированную силу буржуазии. Отсюда такие вещи, которые многие из нас не понимали, в области как чистой теории, так и практического лозунга — право наций на самоопределение. В области чистой теории — прогноз, что в ближайшую эпоху мы будем иметь целый ряд промежуточных революций, колониальных восстаний, национальных войн, борьбы за свободу какой-нибудь нации против великодержавия и проч., — теоретические прогнозы, которые соответствуют ряду промежуточных ступеней в общем процессе распада

капиталистических отношений, — все это прогнозы, которые опираются на очень продуманные теоретические положения. Они были даны Владимиром Ильичем. Я советую прочесть интересующимся этой стороною дела полемическую статью Владимира Ильича против Розы Люксембург, которая была написана во время войны. И можно удивляться, каким образом тончайшие переходные моменты, которые громаднейшее большинство из нас, если не все мы, увидели „апостериори“, когда это стало фактом, были теоретически преподнесены Владимиром Ильичем. Почему? Потому что он был ловким тактиком и стратегом. Откуда это? Потому, что он опирался на огромное теоретическое предвидение, которое, в свою очередь, было результатом необычайно продуманного анализа существующих капиталистических отношений во всей их сложности и конкретности. Это теперь совершенно ясно. И точно так же для другого периода развития, когда рабочий класс уже берет власть и ведет борьбу с великодержавием, необходимо было сделать все возможное для понимания всех тех остатков, которые выражают собой продукт распада старых великодержавных империалистических отношений, исторической силы их инерции, всего того, что должно быть теоретически учитываемо для того, чтобы быть уничтожено впоследствии.—все это суть вопросы, которые были совершенно не разработаны. Решения этих вопросов разбросаны в целом ряде статей Владимира Ильича так, что мы теперь имеем полную возможность до конца понять идеи и делать из этих идей таран против буржуазно-капиталистического общества,—с одной стороны, а с другой стороны, пользуясь рычагом пролетарской власти, строить на других принципах новые политические образования, из которых самым крупным является наш Советский Союз. Итак, мы имеем здесь соединение теории с практикой на основе новых явлений, которые являются как продуктом распада, с одной стороны, так продуктом нового строительства—с другой стороны; все это подытожено в определенную теоретическую систему. Это вещь абсолютно не маленькая, и она послужит нам в даль-

нейшем, в течение ряда ближайших десятилетий, одним из важнейших теоретических и практических орудий. Если мы вспомним, какую роль еще в общем процессе распада теперешних капиталистических отношений будут играть и колониальные восстания и национальные войны, если мы мысленно продолжим процесс революции на другие континенты, перенеся его из Западной Европы, то мы представим себе, какое могущественное орудие дает теоретическая система Владимира Ильича в этом вопросе и какую огромную силу и в методах организации масс и ведения их в бой представляет собой то учение, которое разработано Владимиром Ильичом в области национального и колониального вопросов.

Я думаю, что следующим теоретическим вопросом, на котором мы должны остановить наше внимание, является вопрос относительно *государства в период социалистической революции*. Здесь, само собой разумеется, принципиально нового в концепции тов. Ленина не было, но его громаднейшая заслуга заключается в том, что он, с одной стороны, восстановил подлинное учение Маркса относительно государства и его роли в период социалистической революции,—я имею в виду теорию разрушения государственной власти и объективно исторической необходимости распада государственных связок,— а, с другой стороны, дал конкретизацию вопроса, или, можно сказать, арифметическое расшифрование вопроса о пролетарской диктатуре, то-есть учение о Советской власти как о форме рабочей диктатуры. Сейчас уже для нас эта сторона дела представляется настолько ясной, что как будто бы об этом не нужно говорить ни одного лишнего слова. Она для нас представляется трижды ясной, потому что мы сами, своими собственными руками, государство построили на новой классовой основе и по другим принципам строительства, но нам нужно вспомнить прошлое, взять само собой разумеющееся, что сейчас так ясно для нас, в некотором историческом контексте. Если мы возьмем старую „марксистскую" литературу по этим вопросам, мы здесь увидим совершенно беспросветное искажение Марксова учения.

Не только ни одной новой мысли, которая могла бы быть названа дальнейшим развитием марксистской теории государственной власти, или марксистской теории права, или вопроса относительно изменений этих категорий в переходный период, но о самом процессе социалистической революции, о положении вещей после социалистической революции здесь ни одного слова мы не нашли бы. Восстановить точное, подлинное учение Маркса, конкретизировать это самое учение, то-есть дать конкретную оболочку учению о рабочей диктатуре, это была *узловая* задача рабочей идеологии, потому что, само собой понятно, вопрос об отношении к государственной власти являлся и является сейчас центральным вопросом, является вопросом всех вопросов. Отношение к враждебному нам классу, революционное отношение к враждебному нам классу, есть в первую очередь и в первую голову отношение к самой могущественной, наиболее централизованной и наиболее рационально построенной организации этого господствующего класса, каковой является его государственная власть. С другой стороны, всякому совершенно ясно, что основным рычагом для переустройства общества на некоторых новых началах, динамической силой, переустраивающей существующие производственные отношения, является новая государственная власть, выдвинутая и организованная победоносным рабочим классом. Тут имеется целый ряд вопросов подсобного характера и теоретических и практических. Сумма их в общем и целом дана в известной книжке В. И. „Государство и Революция". Но это развитое Владимиром Ильичем учение не есть просто возврат к той точке зрения, которую развивал сам Маркс. Это есть синтез старой Марксовой ортодоксальной точки зрения с теоретическим обобщением целого ряда новых фактов и с предвидением того, чего еще не мог предвидеть Маркс, когда он жил и писал свои работы. Этот вопрос, как я уже говорил, является узловым вопросом революционного рабочего движения, является центральным вопросом современности, и недооценивать этой теоретической работы В. И. ни в коем случае нельзя.

Само собой разумеется, что был решен и вопрос о демократии, который эпигонами марксизма, марксистами социал-демократического пошиба и II Интернационала, был совершенно фетишизирован, превращен в слепую догму,—совершенно оторван от своей исторической базы и поэтому приводил к абсолютно неправильным, исторически реакционным практическим политическим выводам. Советская власть сейчас есть вещь, которая признается de jure нашими наиболее крупными ожесточенными противниками из буржуазного лагеря. Теоретическое и практическое значение этой идеи, этого учения о Советской власти поистине громадно. Если мы возьмем лозунги, бесчисленное количество лозунгов, которые циркулируют сейчас во всех частях света, то, несомненно, одним из самых популярных лозунгов, то-есть таких, которые охватывают, влекут за собой и организуют наибольшее количество народа, рабочего класса, является *лозунг Советской власти*. Вы вспомните то время, когда В. И. впервые к нам приехал в Россию после долгих лет эмиграции, вспомните, какая встреча была оказана известным апрельским тезисам В. И., когда часть нашей собственной партии, и притом не малая часть нашей собственной партии, увидела в этом чуть ли не измену обычной марксистской идеологии. Ясное дело, что здесь ничего противоречащего марксизму не было. Наоборот, совершенно для нас теперь ясно, что это было развитие марксистского учения, ортодоксального марксистского учения, о диктатуре пролетариата. Совершенно теперь ясно, что Советская власть есть наиболее жизненная форма существования рабочей диктатуры, которая имеет целый ряд громаднейших практических преимуществ для победоносного рабочего класса. Но в то же время, если мы сравним это всеобщее признание с той встречей, которая была оказана первоначально формулировке В. И. даже в наших собственных партийных рядах, не говоря о рядах наших противников, то мы поймем, какое громаднейшее практическое и теоретическое слово было сказано здесь тов. Лениным. Часто так бывает при бешеном темпе жизни, что очень многое новое становится само

собой разумеющимся. Но когда мы производим историческую оценку этого нового, нам нужно позабыть, что мы к этому привыкли; надо вспомнить, что было до сегодняшнего дня, как была встречена эта теоретическая концепция и как были встречены ее практические выводы, которые из нее проистекали. Повторяю, они были не только не встречены всеобщим признанием, наоборот, они вызвали ожесточенные нападки. Теперь они пользуются всеобщим признанием, и это является показателем того, что и с точки зрения теоретического продумывания вопросов пролетарской диктатуры, теории государственной власти, норм этой государственной власти и с точки зрения практической, здесь, действительно,—было сделано нечто грандиозное. Имейте в виду, что это не есть только практический вопрос, хотя я и говорил, что единственно решающим для нас в конце концов является практика. Это есть и огромный теоретический вопрос, потому что учение о формах господства классов и для буржуазии вопрос и теоретический, и практический: вопрос о формах ее господства представляет выдающийся интерес, точно так же, как и для рабочего класса, только для рабочего класса во много и много раз бо́льший интерес и большие трудности, потому что различные вариации государственной власти буржуазии имеют некоторую историческую преемственность, пролетариат же этой власти никогда не имел. Буржуазные государства сложились давным-давно. Различные изменения в их структуре, переорганизация государственных аппаратов—опираются на громаднейшую, длиннейшую традицию. Устанавливались формы, государственный режим, приобретался громаднейший опыт, и т. д., и т. д. Рабочему же классу приходится строить наново, без предварительной проверки. Он не имеет своего непрерывного государственного бытия и, следовательно, не имеет непрерывных форм этого государственного бытия. Ему приходится здесь строить совершенно наново. И то обстоятельство, что была найдена конкретная форма диктатуры пролетариата, которая оказалась жизненной, оказалась великолепной по своей устойчивости и обнаружила спо-

собность к сопротивлению всем враждебным влияниям и наскокам,—все это говорит за громадность той теоретической заслуги и тех практических выводов из этих теоретических предположений, которые мы должны вменить Ленину, поскольку он является теоретиком рабочего государства.

Наконец, дальше важно поставить вопрос о *рабочем классе и крестьянстве*. Этот вопрос в нашей практической политике играет роль, о которой не нужно распространяться. Но чем дальше мы идем вперед в развитии революции в других странах, тем больше мы видим, что этот вопрос имеет не только русское значение, что этот вопрос имеет громаднейшее значение для целого ряда других стран, и можно сказать, что страны, в которых этот вопрос не имеет большого значения, составляют исключения: можно по пальцам пересчитать те страны, где бы крестьянский вопрос в его сочетании с вопросом о революции не играл самой выдающейся роли. Конечно, основы для решения этого вопроса были заложены в обще-марксистской теории. Само собою разумеется, что методология для решения этого вопроса имеется в обще-марксистских построениях. Мы знаем формулу Маркса по отношению к Германии, где он говорит о желательном счастливом сочетании сил с точки зрения победоносной рабочей революции, когда пролетарская революция совпала бы с крестьянской войной. Маркс предвидел события, наиболее благоприятные с точки зрения развития победоносной рабочей революции. Но специальная разработка этой проблемы, которая с точки зрения стратегии и тактики классовой борьбы является первостепенной проблемой,—эта разработка принадлежит Владимиру Ильичу. Конечно, многое здесь объясняется тем, что В. И. родился, рос и действовал в первую очередь в такой стране, где, уже в силу социально-экономического строения, крестьянский вопрос не мог не обратить на себя громаднейшего внимания. Но имейте в виду, что здесь речь шла не о простом констатировании этого факта, а о действительной, чрезвычайно глубокой разработке этого вопроса, начиная от самых основных глубинных тео-

ретических вопросов, кончая практически-политическими выводами. Владимир Ильич был, мне кажется, самым выдающимся *аграрным теоретиком*, который есть в среде марксистов. Аграрный вопрос в сочинениях В. И. представляет из себя вопрос, которому были посвящены лучшие страницы в писаниях и работах В. И. С самого начала своей сознательной деятельности, как экономист и статистик, В. И. стал заниматься аграрным вопросом, и здесь ряд проблем самого абстрактного порядка, как вопрос об убывающем плодородии почвы и об абсолютной ренте и т. д., и кончая вопросами практического характера, которые идут все по линии соотношения между рабочим классом и крестьянством, — все эти вопросы были самым детальнейшим образом проработаны и разработаны В. И. Мне кажется, нигде не было сделано так много и так существенно много важного, как у В. И., в этой области, в области аграрного вопроса. Опять-таки, если бы перед нами была другая эпоха и если бы перед нами речь шла только о самой высокой степени абстракции, то можно было бы ограничиться и анализом абстрактного капиталистического общества, где какой-нибудь остаток феодальных отношений, как крестьянство, не играет существенной роли и может быть выброшен из анализа. Но как только речь идет о том, чтобы начать расшифровывать алгебраические формулы и превращать их в формулы арифметические или в формулы некоторой категории, которые можно мысленно представить как занимающие некоторое промежуточное положение между алгеброй и арифметикой,—то сейчас же вы упретесь в этот вопрос: осознание того, что рабочий класс должен в период социалистической революции иметь на своей стороне какого-нибудь союзника, который представляет из себя большую народную массу, — осознание этой проблемы привело к анализу аграрного вопроса. И учение Владимира Ильича о союзе рабочего класса и крестьянства, о соотношении между этими классами— это есть один из краеугольных камней того специфического, что внес Владимир Ильич в обще-марксистское учение. Притом здесь очень интересно отметить тот

факт, что это учение выработалось в борьбе на двух фронтах: с одной стороны, оно выработалось в борьбе против народничества, с другой стороны, оно выработалось в борьбе против специфически-либерального, если так можно выразиться, марксизма. На двух фронтах боролся и теоретически и практически Владимир Ильич, и эта борьба на двух фронтах, с политической точки зрения, с точки зрения революционной практики, находит себе совершенно достаточное и понятное объяснение, потому что здесь решался вопрос о союзнике рабочего класса: для рабочего класса, в целях победоносного развития социалистической революции, этот вопрос был связан с другим коренным вопросом, с другой коренной проблемой, которая должна быть и теоретически и практически осознана, — с вопросом о гегемонии пролетариата. Нужно было прощупать теоретически такое положение, которое дало бы возможность высвободить крестьянство из-под влияния либералов и всяческой иной буржуазии и соединить его с рабочим классом: крупнейшим практическим вопросом, который разделял нас с меньшевиками и с.-р., был следующий вопрос: рабочий класс с либеральной буржуазией или рабочий класс с крестьянством, или крестьянство, как стоящее над всеми группировками. Народническая радикальная группа ставила в первую голову крестьянство. Либеральное народничество стояло за смычку с либеральной буржуазией, которая должна была быть гегемоном над крестьянством. Меньшевистская формулировка стояла за поддержку рабочим классом либеральной буржуазии.

Из всех этих комбинаций единственно правильной была комбинация из рабочего класса и крестьянства, но такая, где рабочий класс ведет за собой крестьянство. Это был практический фон для целого ряда теоретических проблем. Под этим углом зрения В. И. рассматривал и ставил все проблемы, которые объединялись под общим названием „аграрный вопрос“, в его целокупности, в его большом историческом масштабе, во всех своих деталях и производных, вытекающих отсюда вопросах. В этом отношении мы тоже должны сказать, что этому вопросу предстоит играть еще

колоссальную роль в будущем, потому что, если он с одного бока связан с вопросом о гегемонии пролетариата, то с другого бока связан с национальным и колониальными вопросами. Если мы приподнимемся над теперешней нашей планетой и посмотрим на всю расстановку игры в международном масштабе, на всю Европу в целом, на промышленные части Америки, если сравним всю Западную Европу в целом со всеми колониями, с Китаем, Индией, с остальной колониальной периферией, то совершенно ясно, что национальное революционное движение и колониальное движение,—сочетание этих движений—есть другая формулировка вопроса о соотношении рабочего класса, с одной стороны, и крестьянства, с другой. Ибо если Западная Европа в общих рамках мирового хозяйства представляет из себя великий город, собирательный город, то колониальная периферия капиталистических стран представляет из себя великую деревню. И поскольку на историческую арену выступает индустриальный пролетариат промышленных стран, поскольку он объединяет свои силы для нападения на капиталистический режим, поскольку он вводит в бой целые миллионы и будет вводить еще в большей степени миллионы всех колониальных рабов, постольку эти миллионы колониальных рабов есть не что иное, как тот же крестьянский резерв нашей международной революции. Поэтому проблема об отношении рабочего класса к крестьянству подводится здесь к другой проблеме, о которой я уже упомянул, к вопросу о нациях, о национальных войнах и колониальных восстаниях.

Таким образом, товарищи, этому вопросу предстоит сыграть еще колоссальнейшую роль. Первые основные слова здесь были сказаны тоже ленинской школой. Разработка вопроса, краеугольные камни теоретической концепции и основные линии, которые здесь намечаются, несомненно, даны В. И. О гегемонии пролетариата и о руководящей роли рабочего класса, я полагаю, говорить здесь излишне, потому что это есть теоретический пункт, который всем нам известен и который не нуждается ни в каких комментариях.

Таковы в общем и целом теоретические вопросы с их практическими выводами, которые были поставлены и разработаны В. И. и из которых были сделаны общие тактические выводы. Общее здание уже построено. нам нужно его доделать, нам нужно детально разработать, учесть, конечно, те новые факты, то оригинальное, что приносит нам развитие последующих лет.

Ставя вопрос очень обще, мы найдем, примерно, около пяти основных теоретических проблем, которые наметил В. И. и которые нам необходимо разработать. Это, во-первых, учение, или намечающееся учение, *о врастании в социализм после победоносной рабочей революции*. Вообще говоря, этот термин „врастание в социализм" является для нас термином в высокой степени ненавистным. Он был ненавистен, потому что это был термин, обозначавший учение ревизионистов, эпигонов марксизма или, если хотите, изменников марксизма, которые создали целую теоретическую конструкцию о том, что революция не необходима, что она вовсе не вытекает из объективного хода исторического развития, и можно прекрасно рабочему классу обойтись без революции, потому что органическим путем, без катастроф, в силу имманентных условий самого капиталистического развития, капитализм переходит в такие формы, которые соответствуют социалистическим: пролетариат постепенно раздвигает свои щупальцы в разных направлениях. и в области экономической жизни, и в области государственного администрирования, и таким образом в конечном счете рабочий класс займет свои стратегические позиции и в государственном аппарате и в области экономического хозяйства без революции, без диктатуры пролетариата.

Это учение всем вам хорошо известно, оно обозначалось ярлычком „врастание в социализм". Но, товарищи, *после* диктатуры пролетариата, ведь, *начинается* органический период развития. Если вы уже имеете завоеванную рабочую диктатуру, то совершенно ясно, что меняется вся постановка вопроса, радикально, принципиально меняется, как и очень многих

других вопросов. И вот, когда мы хотим поставить перед собой вопрос, что же должно происходить после завоевания власти рабочим классом, само собой разумеется, поскольку мы берем изолированно одну страну, речь идет о том, что внутри этой страны дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем и не может иначе итти, то-есть, другими словами, после завоевания власти рабочим классом и начинается действительное врастание в социализм. В. И. этого точно не формулировал. Но можно привести бесконечное количество мест из сочинений В. И. для того, чтобы иллюстрировать эту мысль. Особенно в своих последних статьях, например, в статье, где речь идет о кооперации, он прямо говорит, что если в предыдущий период исторического развития осью наших стремлений являлась наша революционная линия, линия катастроф, то теперь, в теперешний период нашего строительства, осью нашей политики является мирная организационная работа. Этой формулировкой он говорит то же самое, что я сейчас только что сказал, но само собой разумеется, что это нужно разработать, осмыслить по ряду направлений, ибо здесь вопросов бесконечное количество. Речь идет об эволюционной борьбе хозяйственных форм, речь идет об определенном процессе сперва восходящей государственной кривой, а потом нисходящей, опять эволюционным путем. Мы должны сперва укрепить, сделать сильной организацию господствующего пролетариата, должны сплотить пролетарскую диктатуру, а затем таким же эволюционным путем эта государственная организация начнет отмирать. Никакой третьей революции здесь быть не может. И, обратно, всякое катастрофическое выступление против такой системы пролетарской диктатуры объективно есть не что иное как контр-революция или реставрация. Именно потому, что рабочее государство есть государство совершенно особого типа, точно так же, как и наша армия, которая в самой себе таит зародыш своего собственного эволюционного уничтожения,— именно поэтому весь порядок развития выстраивается в оригинальный эволюционный ряд. И действительно,

после завоевательного периода, после начала пролетарской диктатуры, это врастание в социализм только и начинается. Само собою понятно, что здесь должна быть особая закономерность, и изживание противоречий этого периода должно радикально отличаться от изживаний противоречий капиталистического периода. И это по очень простой причине. Потому что, если капиталистическое развитие есть не что иное как воспроизводство капиталистических противоречий, которые исчезают в один период для того, чтобы появиться в другой, и каждая группа следующая, каждый следующий цикл сопровождается обострением всех противоречий, которые упираются в крах всей системы,—в то время как в новом ряде развития, который начинается от рабочей диктатуры (я не говорю о возможности уничтожения рабочей диктатуры извне, как в Финляндии) мы имеем перед собою натуральный ряд, где развитие противоречий с известной силой начинает изживаться, т.-е. мы будем иметь пред собою не расширенное воспроизводство противоречий нашей системы, а все уменьшающееся их воспроизводство, и эволюционным путем это воспроизводство системы превращается в развертывание коммунизма. Весь характер развития принимает совершенно иной смысл, иное принципиальное значение, чем при капитализме. Можно указать несколько мест из сочинений Владимира Ильича, которые подтверждают эту мысль. Это есть какая-то новая полоса в теоретическом построении, с формулировкой новых закономерностей, отличных от тех, которые были в капиталистический период развития. Это—новое, но, совершенно ясно, оно имеет свои практические и политические выводы.

Если брать совершенно конкретные вопросы о НЭПе в нашей теперешней российской обстановке, то совершенно ясно, что из этих теоретических посылок нужно сделать целый ряд выводов. Мы преодолеваем НЭП не путем разгрома лавок в Москве и в провинции, а путем преодоления его конкуренцией и растущей мощью нашей государственной промышленности и государственных организаций. Я беру очень малень-

кий примерчик, но вы увидите, что тут есть сумма теоретических и практических вопросов совершенно нового порядка, которых мы раньше не ставили, потому что раньше наша социальная позиция была позицией разрушителей. Мы были самыми решительными, смелыми и последовательными разрушителями данной системы, а теперь мы являемся самыми последовательными строителями другой системы. Аспект другой, сумма практических и теоретических вопросов другая. Ясно, что тут никакого разрыва со старой марксистской традицией нет, потому что речь идет о продолжении и применении марксистского метода в совершенно новых условиях, которые в своих конкретностях не были известны ни Марксу, ни Энгельсу, по той причине, что не было эмпирических данных, которые позволяли бы делать те или иные обобщения.

В связи с этим, мне кажется, приобретает очень крупное значение вопрос, подлежащий разработке, который должен быть разработан с теоретической точки зрения, вопрос о *культурной проблеме* в переходный период. Я думаю, что это вопрос, положения о котором рассеяны у Владимира Ильича в целом ряде работ: сюда нужно привлечь и речь его на съезде молодежи по вопросу относительно роли специалистов и использования их, и речь Владимира Ильича и его положения относительно коммунистического просвещения, и вопрос о сочетании так называемой пролетарской культуры со старой культурой, и определенную преемственность в этом отношении. Вся сумма этих вопросов тоже подлежит теоретической разработке, это есть точно также одна из крупнейших проблем современности, и я полагаю, что можно уже теперь сказать, что и здесь некоторые основы в теоретической концепции Владимира Ильича уже заложены. Нам нужно продолжать это дело. Вопрос этот опять-таки совершенно новый, его никто не ставил и не мог ставить в предыдущую фазу исторического развития. И у самих революционных марксистов, и у самого Маркса этого не было. Эта задача — новая задача нашего грядущего.

Затем третий вопрос, который бы я назвал вопросом о *различных типах социализма*. У нас социализм спустился с облаков на землю или, по крайнем мере, приблизился. Это актуальнейший вопрос. Как мы ставили вопрос о социализме раньше и как он ставился у Маркса? В одном из писем Маркса сказано таким образом: „Мы знаем отправной пункт и тенденцию развития". Это была совершенно безошибочная и правильная формулировка. Теперь возьмите последнюю статью Владимира Ильича относительно кооперации и разберите выставляемые им положения. Анализируя прежние взгляды на кооперацию, В. И. говорит, что теперь, с переходом власти к рабочему классу, постановка вопроса принципиально изменилась, что если бы мы кооперировали крестьян под гегемонией рабочего класса, это было бы осуществлением социализма. Но эта формула не будет годиться в такой степени для советской Англии. И Владимир Ильич неоднократно подчеркивал и в частных разговорах и в речах, статьях, документах, работах, что нам нужно быть осторожными с навязыванием таких формул для других стран. Тут может быть больше оригинальности, которая вытекает из того, что социализм строится на том материале, который дан. Яснее ясного, что капиталистический режим, находящийся на пороге своей гибели, имеет общие законы капиталистического развития, но несомненно также, что, при общих чертах в капитализме разных стран, капитализм в одной стране имеет одну специфическую организацию, в другой — другую. Если капитализм даже в период своего упадка, когда он в своем цикле развития, продолжавшемся несколько сот лет, при страшной силе действующих нивеллирующих тенденций, сохранил существенные оригинальные черты в разных странах,—то, само собою разумеется, эти оригинальные особенности будут и при строительстве социализма, потому что отправная точка этого развития есть не что иное как капитализм.

И революция в разных странах имеет свои оригинальные черты, и строительство социализма неизбежно должно иметь свои оригинальные черты. Если у нас роль крестьянства была так громадна, то этого нельзя

будет сказать относительно Англии, потому что у нас другой был капитализм, другая была социально-экономическая структура, другое было соотношение между классами, у нас иной был мужик, и поэтому совершенно естественно, что отправная точка для развития социализма другая, и те промежуточные формы, которые пройдет развитие социализма вплоть до его превращения в универсальную мировую коммунистическую систему, эти формы будут чрезвычайно различны. Вот этот вопрос подлежит теоретической разработке, он является основанием, и из этого основания необходимо сделать практически-политические выводы. Когда В. И. работал в Коммунистическом Интернационале, то одним из его предостережений нам, которые работали там, было, чтобы ни в коем случае не упускали оригинальности развития, чтобы не шаблонизировали, чтобы умели выделять, умели видеть самое общее и в то же самое время и частности, которые иногда играют решающую роль в деле дальнейшего продвижения по пути к коммунизму. Вот это есть третий ряд тех вопросов, которые намечены В. И., в основе решены, которые нам нужно разработать и конкретизировать. В связи с вопросом о крестьянстве и рабочем классе выступает также весьма оригинальная проблема, которая подлежит теоретическому анализу. В одном из семинариев, где я занимался, эту проблему выдвинул один из товарищей, тов. Розит. Мне кажется, что эта постановка вопроса заслуживает теоретического внимания, и для нее В. И. точно так же сделал очень много. Это есть вопрос о *теоретическом анализе двуклассового общества при рабочей диктатуре*. Это — рабочий класс и крестьянство. Если капиталистический режим занимался, главным образом, вопросом об анализе трехклассового общества,—рабочего класса, буржуазии и землевладельцев,—если там так велся абстрактный анализ, то сейчас для теории чрезвычайно интересна постановка вопроса о двух классах, о рабочем классе и крестьянстве, при уничтожении помещичьего землевладения, при экспроприировании буржуазии. Само собой разумеется, что тут по мере приближения к конкретному пути бу-

дет напрашиваться целый ряд очень значительных коррективов, которые страшно могут видоизменить картину и теоретически и практически. Но этот вопрос идет по той же линии, как и вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства, потому что эти классы суть не что иное как классовые носители определенных хозяйственных форм. Это не есть просто некоторые социальные силы и больше ничего. Каждый класс есть носитель свойственных ему хозяйственных форм. Если мы говорим о крестьянстве и берем его как социальную классовую категорию, то не нужно забывать, что это крестьянство есть носитель определенной формы производственных единиц, которая может одолеть нас, развиваться по нежелательному для нас пути, и которая может пойти по пути, по которому мы *хотим ее* вести. Следовательно, здесь социально-классовая точка зрения имеет свое чисто экономическое значение, подоснову, и вопрос о соотношении классов есть в то же время и вопрос о соотношении хозяйственных форм. Вопрос о гегемонии пролетариата над крестьянством, это есть в то же время и вопрос о соотношении между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством. Сама собой понятна вся важность этого вопроса, и мне кажется, что та постановка вопроса, о которой я здесь говорил, заслуживает очень большого внимания.

Наконец, есть еще ряд вопросов, которыми также занимался В. И., которые имеют громаднейшее значение для всех нас, для нашей партии и для рабочего класса. Напр., вопрос о всяческих, вырабатываемых в ходе нашего теперешнего общественного развития после пролетарской диктатуры, *противоречиях и о вырабатываемых этими противоречиями тенденциях, враждебных нам.* Из того, что после рабочей диктатуры будет итти дело таким образом, что в общем и целом это будет эволюционный ряд, из этого не следует отнюдь, что мы не будем иметь, особенно *в первую* фазу рабочей диктатуры, чрезвычайно больших противоречий, которые в некоторые периоды развития могут даже нарастать. Если я говорю об общей линии возможного отмирания этих противоречий вплоть до коммунизма,

то я беру масштаб очень длинного пути, весь этот путь в общем, но из этого нельзя делать вывод, что в определенные конкретные исторические периоды, в особенности в начале этого пути, мы не будем иметь нарастания противоречий. Так вот в связи с этим стоит вопрос о так называемой возможности *перерождения* для рабочего класса. Это вопрос, политически чрезвычайно важный для нас. В. И. его ставил на съезде металлистов, В. И. его ставил неоднократно на целом ряде других собраний. Он первый говорил о возможности для некультурного пролетариата быть съеденным со стороны более культурной буржуазии, которая победит нас силами своего столь культурного тренажа. Он прямо говорил об этой опасности, которая, действительно, имеет для нас громаднейшее значение, эта опасность заложена в противоречивых тенденциях нашего развития и противоречивого положения самого рабочего класса, который, с одной стороны, стоит внизу социальной пирамиды, а с другой стороны, стоит наверху социальной пирамиды. Это противоречивое положение рабочего класса в свою очередь вызывает целый ряд других противоречий, которые могут быть разрешены, удалены в течение очень многих лет, целых исторических полос. Эти вопросы поставил В. И., эти вопросы в основе своей решены В. И., эти вопросы нам нужно продолжать решать, делая соответствующие практические выводы. Эти проблемы — вопрос о том, что всякой революции, в силу того, что рабочий класс был культурно угнетенным рабочим классом, что всякой революции очень опасно внутреннее перерождение, которое должно быть и будет преодолено в силу противоборствующих тенденций: анализ этих тенденций, вредных и полезных в их взаимной борьбе, и механика их сцеплений,—эти проблемы не могли быть поставлены в конкретной форме в середине прошлого столетия, они не могли быть поставлены в начале этого столетия, но они могли и должны были быть поставлены тогда, когда получился известный накопленный материал, чтобы судить о конкретных формах этих опасностей и тех тенденций, которые мы должны поддержать, усилить, чтобы эти опасности преодолеть.

Я не могу останавливаться на ряде второстепенных вопросов и точно так же сейчас не могу останавливаться на вопросе относительно общих формулировок рабочей тактики и стратегии, потому что в этой прикладной области есть свои обобщения; в области прикладного марксизма, то-есть в области прикладной теоретики, точно так же есть свои закономерности, как, например, в прикладной механике.

Владимир Ильич в этом отношении сделал колоссально много, но нет ни одной книги, где бы все это было написано, разбито по §§ и преподнесено вам. Попыткой наброска этого общего учения стратегии и тактики является его книжка относительно детской левизны, которая сейчас читается нами совершенно другими глазами, чем раньше. Потому что нужно сказать, мы здесь имеем зародыш или маленький набросок, вернее сказать, краткий набросок общего прикладного марксизма в революционную эпоху. В этой замечательнейшей работе даны все вехи для того, чтобы составить стратегию и тактику борьбы рабочего класса, по которым можно, как по конспекту, итти при изучении стратегии и тактики рабочего класса. И в этой области Владимиру Ильичу принадлежит пальма первенства, потому что такого колоссального опыта в различных ситуациях, когда наша партия была маленькой группкой из нескольких человек, когда она выступила в 1905 году на политическую арену, как полулегальная партия, когда она выступила в качестве загнанной в подполье партии, имеющей легальные щупальцы, когда она была совершенно нелегальной, когда она наступала и отступала и т. д., и т. д. и стала, наконец, господствующей партией, — такого опыта нигде не было, такой пестрой игры различных сил, положений и ситуаций и вытекающих из них совершенно различных норм поведения, такого понимания, оригинальности, такого выискивания разнородных ориентирующих путей,—вы ни у одного деятеля не встретите, ни в буржуазном лагере, ни у самого Маркса. По этому поводу не может быть никакого спора. Одной из составных частей этой общей суммы вопросов приклад-

ного марксизма, которые можно объединить, это—организационные или внутрипартийные вопросы. В этом отношении, точно так же в учеьи у Ленина, об организационном вопросе в строительстве партии, о соотношении между партией, классом, массой, вождями и пр. имеем совершенно несравненные образцы, которые теперь проверены опытом нескольких революций и которые теперь вошли в значительной мере в сознание очень широких масс, которые являются совершенно прочным приобретением на время нашей классовой борьбы и которые станут ненужными только тогда, когда классовая борьба прекратится. В этом отношении и в этой области, в области прикладного марксизма, в области строительства партийной организации, соотношения партийных организаций со всеми другими организациями, с беспартийными массами и за пределами класса, — в этом отношении, конечно, ничего лучшего у нас нет и не будет, потому что здесь захвачена наша новая эпоха, с ее некоторыми основными стержнями и механизмом движения победоносной рабочей революции. Мы сформулировали, что лучше ленинского в этом отношении мы не придумаем, но, конечно, здесь ленинская традиция продолжает применяться к конкретным обстоятельствам. Ленину ничего не могло быть противнее, как превращение ленинизма в догму. Он очень нехорошо отзывался о „старых" большевиках в дурном смысле слова, которые умеют попугайски повторять то, что было написано несколько лет тому назад. В частных разговорах он их называл старыми дураками. Он печатно порывался прибегнуть к такой не совсем академической формулировке, и решительно во всех своих построениях он требовал и от самого себя и от других, чтобы на-ряду с определенной методологией, определенным методологическим содержанием—все время учитывалась оригинальная конъюнктура. Тот, кто не учитывает движение событий, не учитывает оригинальной конъюнктуры тот не создает ничего, ни теоретически, ни практически правильного. Нельзя ориентироваться в новых событиях без того, чтобы не видеть нарастания этого нового, потому что жизнь

есть вечное движение и она постоянно производит новые формы, создает новые ситуации и отношения. Чуять это новое есть непременная обязанность и теоретика и практика. Есть обязанность всякого марксиста. И Владимир Ильич это новое чуял больше, чем кто бы то ни было. Если мы посмотрим на его деятельность—и на теоретические формулировки и на практические лозунги, которые он давал,—мы видим то самое бесстрашие, смелость, чуткость к этому новому, которые были поистине несравненны. Огромные повороты руля нашей партийной политики и соответствующие критические формулировки, которые или предшествовали или сливались с этими поворотами руля,—они представляли собой великолепнейший образчик марксистской революционной диалектики, которая не боится никаких изменений и на всякое изменение в сфере объективного отвечает соответствующим изменением, приспособлением к этому новому в тактике и стратегии пролетарской партии.

Очень часто обычно приравнивают Маркса к Ленину и ставят вопрос—кто больше, Маркс или Ленин. И отвечают, что Ленин—больше в практике, а Маркс в теории. Мне кажется, что нет таких весов, которые могли бы взвесить такие крупные фигуры по той причине, что нельзя ни складывать, ни измерять величин разнородного типа, выросших в разных условиях, игравших разную роль. Нельзя этого делать. Постановка вопроса в корне ошибочна. Но одно мы можем сказать совершенно безошибочно, что эти два имени будут определять пути рабочего класса до тех пор, пока рабочий класс будет существовать как таковой. Это совершенно ясно, и мы можем утешать себя мыслью после смерти Владимира Ильича, что мы жили, боролись, сражались и победили под постоянным руководством нашего великого учителя.

I. — СТАТЬИ.

Наши валюты [1]).

(Дензнак, червонец, казначейский билет.)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

За короткий промежуток времени с января 1923 г., когда в обращение стала входить червонная валюта, наша денежная система претерпела ряд коренных изменений, закончившихся в феврале—марте 1924 г. полной сменой старой валюты. Место этой последней заняли две новые валюты — червонец и казначейский билет—в своеобразном сочетании.

Теоретическая сущность новых валют, как показывает ряд фактов, недостаточно ясна не только для непосвященных, но и для теоретиков, а также и для многих из тех, кто прямо или косвенно принимает участие в восстановлении нашей денежной системы. Эта неясность, как увидим ниже, была источником крупных ошибок в прошлом и, несомненно, будет таким источником и в будущем.

Перестройка всей денежной системы, особенно в условиях нашего времени, есть тяжелая борьба, имеющая свою сложную стратегию и тактику. Для того, чтобы эта борьба прошла с максимальным успехом и вызвала минимальную растрату средств и сил, необходима величайшая ясность в представлениях о сущности и свойствах тех валют, с которыми приходится оперировать.

Во всех отраслях экономического строительства теоретическая вооруженность играет не меньшую роль, чем практические деловые навыки и опыт, — однако, едва ли есть какая-либо другая область этого строительства, где теория и взвешенный тео-

---

[1]) Прим. редакции: Редакция не во всем согласна с тов. Кузовковым и предоставит место на страницах журнала защитникам другой точки зрения на вопрос.

рней опыт имели бы такое значение, как в деле построения денежной системы. Правда, при ошибочном построении плана финансовой политики или при ошибках в его выполнении не происходит тех, очевидных для всякого, катастроф, которые происходят при сооружении зданий, мостов и т. п., так как в подавляющем большинстве случаев ошибки в области финансовой политики, приводящие к катастрофическим последствиям, маскируются из политических соображений или вообще труднее различимы и потому регистрируются чрезвычайно редко; но что такие ошибки очень часты и что они обходятся дороже крушения мостов или зданий — в этом едва ли можно сомневаться. Поэтому теоретическое уяснение сущности и основных свойств наших новых валют, представляется в высшей степени необходимым,—оно тем более необходимо, что по существу эволюция нашей денежной системы далеко не закончилась, так как фактически остается открытым вопрос как о взаимоотношении между червонцем и казначейским билетом, так и о действительном подведении золотого фундамента под нашу денежную систему; кроме того, вся Европа сейчас представляет собой вооруженный лагерь, готовый в любой момент притти в движение, и это не может не повлиять на будущие судьбы нашей денежной системы.

Здесь необходимо отметить, что при теоретическом анализе действующей валюты нет необходимости возводить эту валюту в тот несоответствующий ее сущности ранг, в который иногда, по тактическим и политическим соображениям, ее совершенно неосновательно возводит действующая практика,—ибо такая позолота очень полезна при официальных приемах, но она превращается в прямую опасность, если она затемняет мысль тех, кто в штабах действующей армии участвует в построении тактики и стратегии настоящей и последующей борьбы.

Кроме теоретического анализа действующих валют в настоящее время имеется также и крайняя необходимость в объективном анализе истории наших денег и нашей финансовой политики за указанный короткий промежуток времени. Мы не должны оставить будущим историкам спокойную и приятную задачу академического изложения истории нашей валюты и нашей финансовой политики; мы должны по возможности быть сами своими собственными историками, ибо, осознавая наши ошибки, мы меньше будем ошибаться в дальнейшем; ошибки нашей финансовой политики за последний период должны не затушевы-

ваться или сдаваться в архив истории, но стать предметом объективного анализа, — и чем скорей, тем лучше. В период самодержавия в исторических исследованиях было запрещено писать не только „о ныне царствующем", но и о царях, умерших недостаточно давно. Та власть, которая правит страной сейчас, следуя заветам В. И. Ленина, не только не скрывает ошибок, но и превращает их в могучее средство своих последующих успехов.

Этот общий метод, разумеется, должен безоговорочно и даже с особой тщательностью применяться также и к ошибкам в области финансовой политики, ибо в этой области, при крайнем многообразии и сложности действующих факторов, осознание ошибок особенно трудно, а в то же время такое осознание особенно необходимо.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

История валют.

I. Бумажный рубль.

В истории бумажного рубля непосредственный интерес для настоящего момента представляет только тот небольшой ее период, когда бумажный рубль теряет свое монопольное положение и начинает жить рядом с новой червонной валютой.

На первый взгляд может показаться, что заниматься историей рубля даже и за этот короткий период, который начинается с января 1923 года, в настоящих условиях было бы чистейшим академизмом. В действительности же анализ этого периода представляет вполне актуальный интерес, так как именно год назад отношение к б. рублю и его дальнейшей судьбе предопределило фактически не только все направление нашей денежной политики, но и самый характер и даже момент той денежной реформы, которая проводится в феврале 1924 г.

История б. рубля за последний год дает богатый и поучительный материал как для теории денег, так и для практических выводов по вопросам финансовой политики.

Этот материал имеет сейчас ценность еще и потому, что будущая судьба денежной системы у нас, как и в других странах (Германия), в настоящее время недостаточно ясна, и нам необходимо быть во всеоружии недавного опыта.

1. Вопрос о судьбе бумажного рубля с появлением червонца.

С появлением червонца в начале 1923 г. встал вопрос о дальнейшей судьбе старой валюты, при чем здесь были выдвинуты два варианта дальнейшей политики, каждый из которых имел своих сторонников и противников. Согласно одному варианту, червонная банкнота не должна была превращаться в основную валюту; сфера ее действия должна была остаться ограниченной сферой крупного оборота, а также сферой сбережения, накопления и образования кассовых запасов предприятий. Бумажный рубль должен остаться основной валютой, и центр тяжести всей финансовой политики должен быть перенесен на стабилизацию этой основной валюты.

Основным условием такой стабилизации это направление считало предварительное упорядочение государственного бюджета, дефициты которого являются кардинальной причиной неустойчивости денег. Бездефицитный бюджет и отказ от эмиссии считался центром всего вопроса к основной задачей всей политики, выполнение которой автоматически должно было бы стабилизовать б. рубль; однако, поскольку состояние бюджета не давало еще надлежащей уверенности в возможности отказа от эмиссионного покрытия дефицитов, постольку, согласно этому течению, должна быть оставлена возможность пользоваться эмиссией б. рубля; исходя из этого, представители этого направления решительно протестовали против расширения червонного обращения, которое неизбежно должно было повести к вытеснению червонцем б. рубля, к сужению поля совзначной эмиссии и к катастрофическому обесценению совзнака [1].

[1] В статье „Увлечение банкнотами", помещенной в „Правде", автор настоящей работы уже в апреле 1923 г. писал:

„Когда доход от станка будет заменен доходами от налогов, рубль и цены „стабилизуются" сами собой, после чего мы произведем окончательную деноминацию, а там, конечно, начнем говорить о том, чтобы подвести золотой фундамент под денежную систему.

„Такова совершенно ясная программа финансовой денежной политики ближайшего периода. Банкнота призвана *не заменять и не вытеснять советский рубль*, а только *дополнять* его в той функции, которую он, подвергаясь постоянным колебаниям, не в состоянии сейчас выполнять. Если решено будет стабилизованный советский рубль заменить банкнотой, то это будет произведено не *путем борьбы между ними*, а вполне *мирным путем* обмена вполне устойчивого рубля на такую же устойчивую банкноту".

Сторонники другого течения открыто шли на вытеснение совзнака червонцем. Управляющий госбанком т. Шейнман официально заявил:

„Ближайшая задача нашего банкнотного обращения такова: совершенно не бояться, не опасаться, что червонец является конкурирующей величиной для советских знаков, так как если бы он действительно являлся такой величиной, то в тот момент, когда червонец явится величиной, конкурирующей в деревне с советскими знаками, можно себя поздравить с тем, что перешли на рельсы твердого денежного обращения. Тогда проблема денежного обращения в Советской России окажется решенной много раньше, чем в капиталистических сильных государствах после войны" [1].

Это направление затушевывало основную проблему о бюджетном равновесии, как основе стабилизации денежной системы и всемерно стремилось к немедленному скорейшему внедрению червонца в оборот, не только не смущаясь возможностью вытеснения им совзнака, но даже прямо добиваясь такого вытеснения и настаивая, между прочим, на скорейшем выпуске в оборот мелких червонных купюр. Обрекая на немедленный слом старую валюту, окончательно „скомпрометированную в глазах населения", это течение центр вопроса видело в немедленной замене „скомпрометированного" совзнака „обеспеченной", полноценной банкнотой с „золотой сущностью".

2. ВЦИК берет курс на стабилизацию б. рубля.

Что касается официальной линии политики, то она до августа совпадала с первым течением. 7 июля ВЦИК принял постановление об ограничении выпуска б. денег максимальной суммой в 15 миллионов. Это короткое постановление являлось выражением определенной программы фин. политики, и поэтому мы приводим его полностью:

„В интересах выполнения первостепенной задачи скорейшего упорядочения государственного финансового хозяйства и обеспечения устойчивого характера денежного обращения, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет *постановляет:*

---

[1]) Решительно возражая против такой позиции, автор приведенной статьи указывал, что в том случае, если бы... „банкнота не только заполнила „кубышки" буржуазии и кассы промышленных предприятий, но и вытеснила бы из оборота значительную долю советских рублей, *если эмиссионной политики соответственно сократилось* бы в несколько раз"... Пришлось бы даже *превзойти тот темп эмиссии*, который был испробован в начале 1922 г. и который повел к катастрофе цен.

1. Установить, что с 1 мая 1923 года месячный выпуск советских денежных знаков не должен превышать суммы в тридцать миллионов рублей в золотом исчислении по официальному курсу 1-го дня соответствующего месяца.

2. Установить, что с 1-го августа 1923 года месячный выпуск советских денежных знаков не должен превышать суммы в пятнадцать миллионов рублей в золотом исчислении по официальному курсу 1-го дня соответствующего месяца.

3. Неиспользованный эмиссионный контингент одного месяца может быть использован в последующий месяц".

Этой мерой намечался совершенно определенный путь нашей валютной политики на ближайшие месяцы,—путь стабилизации бумажного рубля. Эта стабилизация, крайне желательная и необходимая вообще, была особенно необходима предстоявшей осенью. Этой осенью должен был произойти частичный переход от натуральной к денежной форме обложения деревни. Налог, который раньше собирался в пудах ржи, теперь должен был собираться в бумажных рублях, и естественно, что Наркомфин должен был позаботиться о том, чтобы этот рубль представлял собой не катастрофически падающие, а устойчивые бумажные деньги.

При громоздкости аппарата, при наличии большого количества инстанций—от вол- и сельсовета до центроналога—тарифы налога нельзя менять каждую неделю, и поэтому обесценение рубля грозило общим снижением налоговых тарифов; к потерям на тарифах должны были, кроме того, присоединиться огромные потери от пребывания денег в различных инстанциях; собирать в деревне денежный налог в то время, когда деньги резко падают, это значило не досчитаться доброй доли налогов.

Было еще и другое чрезвычайно важное обстоятельство, требовавшее, чтобы этой осенью бумажный рубль стал устойчив: до того времени наша деревня жила уже несколько лет без денег и переход от натуральной формы налогов к денежной, должен был впервые вдвинуть деньги в деревню, приучить ее снова к деньгам,—это была важнейшая задача денежного налога, поставленная ему весенним съездом Коммунистической Партии по предложению Наркомфина. Вполне естественно, что если деревню заставляли впервые, после долгого периода познакомиться с деньгами, то надо было озаботиться, чтобы эти деньги были по возможности устойчивее, чтобы они не „жгли руки" крестьянам и не укрепляли укоренившегося в деревне страха перед бумажными деньгами, ее привычного „бегства от денег".

При быстром падении рубля денежный налог мог привести только к тому, что деньги, на минуту появившиеся в деревне, на завтра же полностью уйдут из нее, не задерживаясь на руках и ни на минуту не оседая в карманах населения деревни. Иными словами, иметь падающий рубль при замене натурального налога денежным, это значило на девять десятых свести к нулю весь смысл и значение этого перехода.

Наоборот, стабилизация рубля, намеченная декретом ВЦИК'а, при наличии устойчивой банкноты, должна была повести к прочному и широкому внедрению денег в деревенский оборот. Твердая банкнота и относительно устойчивый рубль, опираясь друг на друга, должны были сделать огромные завоевания во время сбора денежного налога.

Крестьянин редко продает или покупает сразу на целую банкноту; как прежде без копейки не бывало рубля, так и теперь без рубля в деревне не могло быть червонца, и это ставило непреодолимое препятствие к проникновению последнего в деревню; если же рядом с банкнотой появился бы относительно устойчивый рубль, червонец мог бы войти как в деревенское накопление, так и в деревенский оборот. Относительно устойчивый рубль должен был осенью проложить дорогу червонцу. Наоборот, сколько-нибудь устойчивый рубль, который в процессе аккумуляции не мог превращаться (в самой деревне) в твердый червонец и потому бойкотировался ею, теперь, с появлением червонца, мог, аккумулируясь, превращаться в более крупную и устойчивую банкноту; червонец превращался в опору для рубля в его проникновении в деревню.

Это совместное продвижение двух валют, расширяя и закрепляя позиции денежного оборота, давало возможность полностью осуществить задачу, которая была поставлена денежным налогом в деле внедрения денег в деревню.

Кроме того, значительная часть денег задержалась бы и осела в карманах населения, и Наркомфин мог бы, не создавая инфляции, проводить дополнительные эмиссии и б. рубля и червонца. Должен был создаться крупнейший дополнительный источник доходов; от нормального расширения сферы денежного обращения Наркомфин мог бы получать больше, чем от эмиссионного налога.

Таким образом осенняя стабилизация рубля, намеченная декретом ВЦИК'а, соединенная с переходом к денежному налогу, должна была превратиться в длительную стабилизацию и повести

к оздоровлению денежной системы. *Осенью 1923 года стабилизация бумажного рубля была нужнее, чем когда-либо раньше.*

Однако возможна ли была осенняя стабилизация, намеченная постановлением ВЦИК'а? В этом не могло быть никакого сомнения.

3. Осенью 1923 года стабилизация была легче, чем когда-либо.

История всех предыдущих лет показывает, что стабилизация б. рубля происходила у нас неизменно каждую осень сама собой. Это можно видеть из таблицы, изображающей ежемесячный прирост цен в процентах за отдельные месяцы последних лет.

Месячное изменение цен по всероссийскому индексу статистики труда (в процентах).

Месяцы.	1920.	1921.	1922.
Январь	+ 27,7	+ 28,6	+ 89,2
Февраль	+ 23,3	+ 27,8	+ 111,3
Март	+ 25,2	+ 29,3	119,0
Апрель	21,2	+ 19,6	64,9
Май	+ 13,8	+ 15,2	22,2
Июнь	28,9	+ 30,2	13,9
Июль	+ 11,4	0,5	3,5
Август	1,8	— 4,9	+ 7,1
Сентябрь	1,2	+ 7,2	+ 22,7

Бумажный рубль, который падал в течение всего года, обычно в июле—сентябре неизменно стабилизовался. Так было даже в самые тяжелые для народного хозяйства годы. Даже в год невиданного в нашей истории голода, который в то же время был годом болезненного перехода к новой экономической политике, ценность б. рубля в июле и августе поднималась, а не падала. Это явление, как известно, объясняется огромным значением в нашем народном хозяйстве сельско-хозяйственного производства; относительно большие массы сельско-хозяйственных продуктов, выбрасываемые на рынок, в эти месяцы резко увеличивают общие размеры товарного обращения, а вместе с тем и емкость денежного рынка.

В 1923 году условия для осенней стабилизации б. рубля складывались благоприятно, как никогда за все предыдущие годы. В этот год был налицо вполне приличный урожай, расширение промышленности и общее оздоровление и рост всего народного

хозяйства. Кроме того, осенью этого года появился еще новый фактор исключительного значения для стабилизации денег— переход от натурального обложения деревни к денежному, который должен был сильно расширить потребность оборота в деньгах.

Намеченная ВЦИКом стабилизация была обеспечена еще и тем, что установленный декретом размер эмиссии в 15 милл. был значительно ниже того, что выпускалось в оборот осенью прежних лет. Реальная ценность выпущенных за месяц в обращение дензнаков достигла в осенние месяцы предыдущего 1922 года:

Июнь	18,4 милл. р.	Сентябрь	28,3 милл. р.
Июль	27,6 „	Октябрь	26,3 „ „
Август	37,0	Ноябрь	22,4 „ „

Следовательно, в 1923 г. с 1 августа предполагалось выбрасывать совзнаков почти в 2 раза меньше того, что выбрасывалось в предыдущий год, когда мы имели обычную осеннюю стабилизацию рубля.

4. Республика была накануне стабилизации денежной системы.

Таким образом совершенно объективные условия давали полную гарантию, что декрет ВЦИК, выдвинувший программу стабилизации б. рубля, будет осуществлен без всяких затруднений. В свою очередь, выполнение декрета ВЦИК в конечном счете приводило к стабилизации и оздоровлению денежной системы. Это выполнение обеспечивало:

1) Устойчивость денежной единицы во время сбора основного налога в деревне и полноценность тех доходов, которые давал этот налог, что обеспечивало устойчивость государственного бюджета на ближайшие месяцы.

2) Широкое внедрение денег в народное хозяйство, в особенности в деревне; стабилизованный рубль должен был проложить широкую дорогу и себе и червонной банкноте.

3) Самый факт стабилизации б. рубля, замедляя лихорадочный темп его движения, должен был автоматически создать резкое повышение емкости денежного рынка [1]).

---

[1]) Такое повышение емкости рынка происходит всякий раз при замене валюты — менее устойчивой, валютой более устойчивой, — общеизвестный факт, повторившийся недавно в Германии, а затем и у нас при замене совзнака казначейским билетом (см. ниже, стр. . . . .).

к оздоровлению денежной системы. *Осенью 1923 года стабилизация бумажного рубля была нужнее, чем когда-либо раньше.*

Однако возможна ли была осенняя стабилизация, намеченная постановлением ВЦИКа? В этом не могло быть никакого сомнения.

3. Осенью 1923 года стабилизация была легче, чем когда-либо.

История всех предыдущих лет показывает, что стабилизация б. рубля происходила у нас неизменно каждую осень сама собой. Это можно видеть из таблицы, изображающей ежемесячный прирост цен в процентах за отдельные месяцы последних лет.

Месячное изменение цен по всероссийскому индексу статистики труда (в процентах).

Месяцы.	1920.	1921.	1922.
Январь	+ 27,7	+ 28,6	+ 89,2
Февраль	+ 23,3	+ 27,8	111,3
Март	+ 25,2	+ 29,3	119,0
Апрель	21,2	+ 19,6	64,9
Май	+ 13,8	+ 15,2	22,2
Июнь	28,9	+ 30,2	13,9
Июль	+ 11,1	0,5	3,5
Август	1,8	— 4,9	+ 7,1
Сентябрь	1,2	+ 7,2	+ 22,7

Бумажный рубль, который падал в течение всего года, обычно в июле—сентябре неизменно стабилизовался. Так было даже в самые тяжелые для народного хозяйства годы. Даже в год невиданного в нашей истории голода, который в то же время был годом болезненного перехода к новой экономической политике, ценность б. рубля в июле и августе поднималась, а не падала. Это явление, как известно, объясняется огромным значением в нашем народном хозяйстве сельско-хозяйственного производства; относительно большие массы сельско-хозяйственных продуктов, выбрасываемые на рынок, в эти месяцы резко увеличивают общие размеры товарного обращения, а вместе с тем и емкость денежного рынка.

В 1923 году условия для осенней стабилизации б. рубля складывались благоприятно, как никогда за все предыдущие годы. В этот год был налицо вполне приличный урожай, расширение промышленности и общее оздоровление и рост всего народного

хозяйства. Кроме того, осенью этого года появился еще новый фактор исключительного значения для стабилизации денег— переход от натурального обложения деревни к денежному, который должен был сильно расширить потребность оборота в деньгах.

Намеченная ВЦИК'ом стабилизация была обеспечена еще и тем, что установленный декретом размер эмиссии в 15 милл. был значительно ниже того, что выпускалось в оборот осенью прежних лет. Реальная ценность выпущенных за месяц в обращение дензнаков достигла в осенние месяцы предыдущего 1922 года:

Июнь	18,1 милл. р.	Сентябрь	28,3 милл. р.
Июль	27,6 „	Октябрь	26,3 „ „
Август	37,0	Ноябрь	22,1 „ „

Следовательно, в 1923 г. с 1 августа предполагалось выбрасывать совзнаков почти в 2 раза меньше того, что выбрасывалось в предыдущий год, когда мы имели обычную осеннюю стабилизацию рубля.

4. Республика была накануне стабилизации денежной системы.

Таким образом совершенно объективные условия давали полную гарантию, что декрет ВЦИК, выдвинувший программу стабилизации б. рубля, будет осуществлен без всяких затруднений. В свою очередь, выполнение декрета ВЦИК в конечном счете приводило к стабилизации и оздоровлению денежной системы. Это выполнение обеспечивало:

1) Устойчивость денежной единицы во время сбора основного налога в деревне и полноценность тех доходов, которые давал этот налог, что обеспечивало устойчивость государственного бюджета на ближайшие месяцы.

2) Широкое внедрение денег в народное хозяйство, в особенности в деревне; стабилизованный рубль должен был проложить широкую дорогу и себе и червонной банкноте.

3) Самый факт стабилизации б. рубля, замедляя лихорадочный темп его движения, должен был автоматически создать резкое повышение емкости денежного рынка [1]).

---

[1]) Такое повышение емкости рынка происходит всякий раз при замене валюты — менее устойчивой, валютой более устойчивой, — общеизвестный факт, повторившийся недавно и Германии, а затем и у нас при замене совзнака казначейским билетом (см. ниже, стр. . . . .).

4) Расширение сферы обращения обеих валют должно было стать источником новых доходов для финансирования госбюджета и госпромышленности, а вместе с тем способствовать стабилизации бюджета в ближайшие осенние и зимние месяцы.

В конечном счете создавались объективные условия для стабилизации б. рубля не только в течение осенних месяцев, но и последующих. Тот ничтожный максимум эмиссии в 15 млрд., который был установлен июльским декретом ВЦИК, без всякого труда был бы поглощаем непрерывным расширением сферы денежного обращения, не вызывая инфляции и падения курса

Сам Наркомфин был абсолютно уверен—и как мы видели, с полным основанием,—что в течение предстоящих осенних и зимних месяцев ему удастся, наконец, стабилизовать старый б. рубль и покончить к концу 1923 г. с системой эмиссионного хозяйства [1]).

Предстояло „омоложение" старого заезжьнного советского рубля, который, как и германская марка, доказал свое бессмертие и который, при минимально-благоприятных условиях мог в любой момент превратиться в твердую валюту.

Старая германская марка, которая казалась почти всем теоретикам и практикам окончательно погибшей, как известно, в ноябре без особого труда была „омоложена" и продолжает существовать как относительно-устойчивая валюта на-ряду с более устойчивой рентовой маркой. Эта старая марка за себя и советский рубль посрамила тех теоретиков, которые считали, что на известной стадии обесценения бумажные деньги автоматически аннулируются.

Осенняя стабилизация б. рубля создала бы у нас по существу то же самое положение, как и сейчас в Германии: мы имели бы систему двух валют, вполне устойчивый червонец и относительно-устойчивый бумажный рубль, который был бы резервом на случай неизбежных прорывов бюджетного фонда. Эта система обладала бы той эластичностью, которая необходима при неустойчивом положении народного и государственного хозяйства и отсутствии госкредита.

Все то, к чему с таким напряжением сил и с такими потерями мы стремимся теперь, в марте 1924 года, после долгого, тяжелого кризиса, созданного агонией совзнака, мы могли бы иметь полгода назад, затратив относительно ничтожные усилия.

---

[1]) В июле т. Владимиров на своем докладе в Наркомфине готов был дать подписку, что не позднее конца года б. рубль будет, наконец, стабилизован.

5. Как и почему этого не получилось.

Однако, поставив перед собой задачу окончательного оздоровления старого дензнака, Наркомфин, с другой стороны, объективно подготовил условия для его мучительной смерти.

Несмотря на совершенно ясные и неоспоримые указания, что дальнейшая эмиссия червонцев неизбежно поведет к вытеснению совзнака и тем самым поведет к его гибели, Наркомфин, начиная с июля, не только не приостановил червонной эмиссии, но довел ее до невиданных размеров. Уже апрельская и майская эмиссия червонцев (в 12 и 10 миллионов черв. рублей) повела, в связи с летним сжатием денежного рынка, к частичному вытеснению из оборота совзначной массы, общая ценность которой, по индексу статистики труда, снизилась с 113 милл. (1-го апреля) до 92 милл. (1-го июня), несмотря на это Наркомфин выпустил:

в июне	22,5	миллионов	черв.	рублей
в июле	41,2	„	„	„
в августе.	53,9	„	„	„

Эти огромные выпуски червонцев форсировали процесс вытеснения совзнаков, ценность которых резко и непрерывно падала; эта ценность в миллионах рублей (по индексу стат. труда) составляла:

1-го апреля.	113	миллионов
1-го июня.	92	„
1-го июля	77	„
1-го августа	66	
1-го сентября.	50	
1-го октября	31	

Со всех сторон в Наркомфин шли тревожные предупреждения об опасности, создаваемой червонной эмиссией как для ценности самого червонца, так и для совзнака.

Действительно, уже начиная с июня обнаружились все признаки червонной инфляции и обесценения червонца; впрочем, об этом процессе, характеризуемом таблицей, помещенной ниже на стр. 91, мы будем говорить дальше в связи с историей червонца.

Одновременно же появились достаточно ясные признаки начинающейся агонии совзнака, вытесняемого из оборота новыми выпусками червонцев; в июле—сентябре в первый раз за всю свою

историю совзнак не только не проявлял никаких признаков осенней стабилизации, но, наоборот, стал обесцениваться гораздо быстрее, чем в весенние и летние месяцы: цены выросли в процентах (по отношению к ценам предыдущего месяца:

за	март	на 26%
„	май	„ 42 „
„	июнь	„ 52 „
	июль	„ 65 „
„	август	„ 76 „
„	сентябрь	„ 246 „

Темп обесценения рубля в осенние месяцы, вместо того, чтобы падать, резко возрастает. Такое неожиданное явление было вполне понятным последствием того быстрого вытеснения его из оборота, которое характеризуется предыдущей таблицей; то, о возможности чего предупреждали Наркомфин еще в апреле [1])—это началось в июле—августе, как неизбежный вывод из политики форсирования червонной эмиссии.

Вместо того, чтобы согласно программе, намеченной июльским декретом ВЦИКа, начать оздоровление совзнака, Наркомфин фактически начинает его умерщвлять; одновременно с декретом, наметившим стабилизацию совзнака, в июле же объективно работают в направлении его срыва. Чем объясняется это противоречие?

История срыва программы стабилизации б. рубля представляет огромный интерес и дает крайне поучительный материал как для политики денежного обращения, так и для характеристики отдельных социальных сил, которые создают „аномалии" в направлениях общегосударственной политики.

Основным фактором такой аномалии в данном случае было давление со стороны трестов и синдикатов госпромышленности. Так как эмиссия *совзнака* была доходным рессурсом для *всех* наркоматов и распределялась в общебюджетном порядке, то здесь, после долгой борьбы, относящейся к прошлому, удалось уже обуздать эгоистические стремления „развертывать" свою работу за счет порчи валюты.

[1]) Уже в первой половине августа, когда проявились с полной силой результаты червонных эмиссий, проф. С. А. Фалькнер, лучший знаток нашего денежного обращения, без труда констатировал (Ек. Жизнь, №№ 179, 181, 182), *„процесс ускоренного роста товарных цен, развивающийся вопреки всем закономерным тенденциям данного сезона"* вызванный „сужением циркуляторной базы совзнака".

Что же касается червонной эмиссии, которая в форме „кредитов“ Госбанка была предоставлена целиком в распоряжение трестов и синдикатов [1]), которые неожиданно получили здесь огромный сепаратный источник финансирования, то в этой сфере, по новизне дела, отсутствовали еще те обычные нормы, которые в первом случае сдерживали сепаратистские тенденции частей в ущерб целому.

Наличие нового и неожиданного источника государственных доходов, отсутствие ясности в разумных размерах использования этого источника, создавали очень благоприятную обстановку для проявления стихийных эгоистических интересов, маскировавшихся интересами „развертывания промышленности“ [2]).

Однако на-ряду с этим фактором социально-политического характера далеко не последнюю роль в срыве плана стабилизации б. рубля (а также и в создании летней червонной инфляции) играло отсутствие правильного понимания обстановки и своеобразная теория ценности червонца, легшие в основу червонной эмиссии. Червонец рассматривался, как валюта с самостоятельной „золотой сущностью“, ценность которой определялась, с одной стороны, золотым запасом Госбанка, а с другой стороны — разменом его на доллары по золотому паритету. Степень

---

[1]) Мы сознательно говорим здесь о трестах и синдикатах, а не о госпромышленности, как таковой, включая сюда непосредственные и перспективные интересы пролетариата — ибо как раньше интересы промышленников нельзя было отождествлять с интересами промышленности, так и теперь, как показала практика, интересы отдельных трестов и синдикатов не только нельзя отождествлять с интересами всего экономического развития и всей госпромышленности, но даже и с интересами тех конкретных отраслей, которые эти тресты и синдикаты представляют.

[2]) Как известно, это „развертывание“ дошло до того, что тресты, уверенные в неисчерпаемых кредитах Госбанка, перестали в конце концов интересоваться положением рынка и возможностью сбыта своей продукции; о реализации продукции, которая накоплялась на складах, мало заботились; получилось „производство ради производства“, типичное для частного капиталиста. Эта политика „развертывания“ за счет потрясения денежной системы, носила порой такой хищнический характер, что в свое время в статье, не опубликованной по политическим мотивам, автор этих строк вынужден был писать:

„Для нас недостаточно ясно, являются ли ошибки нашей банкнотной политики результатом давления эгоистических и близоруких интересов и неполной ясности вопроса для НКФ, или же, кроме того, мы имеем здесь скрытое влияние сознательной политики на срыв банкноты,—политики использующей заинтересовать наших трестов и синдикатов и их политическое влияние“.

банковского обеспечения и курс по отношению к доллару рассматривались как вполне надежный критерий для суждения о ценности червонца, и поскольку устав Госбанка, требовавший известного отношения между эмиссией червонцев и их обеспечением, добросовестно (и даже с излишком) выполнялся, поскольку курс червонца по отношению к иностранной валюте можно было, опираясь на монополию внешней торговли, поддерживать на уровне золотого паритета — постольку считалось, что ценность червонца, опирающаяся на эти два устоя, не может быть поколеблена. К этому присоединялось соображение, что наше народное хозяйство, в котором до войны циркулировало $2^1/_2$ миллиарда полноценной валюты, с жадностью и в относительно очень больших размерах будет впитывать новую „золотую" валюту.

Исходя из этих предпосылок, на которых мы подробно остановимся ниже, в отделе о сущности червонца, Наркомфин и Госбанк, не колеблясь, вступили на путь широкой эмиссии новой валюты. Явные признаки червонной инфляции и обесценения „золотой" банкноты, появившиеся в летние месяцы, решительно игнорировались; что же касается вытеснения червонцем старой валюты, то это теми, кто (как управляющий Госбанком) готов был итти немедленно на такое вытеснение, — даже приветствовалось; а, с другой стороны, те, кто хотя и держал курс на стабилизации б. рубля, но видел в червонце валюту с совершенно иной (золотой) сущностью, чем совзнак, и кто грезил о $2^1/_2$ миллиардах устойчивой валюты — по-своему толковали или просто игнорировали факт вытеснения червонца [1]).

При таком умонастроении давление аппетитов со стороны трестов и синдикатов не могло встретить и не встречало необходимого отпора. Спустя 8 месяцев, в марте 1924 года, Наркомфин, вынужденный стать на путь денежной реформы, нашел в себе силу и мужество потребовать от госпромышленности огромных жертв в интересах оздоровления денежной системы; хотя госпромышленность незадолго перед этим (в ноябре—декабре) уже принесла

---

[1]) Одним из показателей этих настроений является, например, статья М. Бирбраера в Эк. Жизни (6 IX): „Вытеснение . . . было бы возможно, если бы червонцы были принципиально такой же эмиссионной (?) валютой, как и совзнаки, но червонцы — не эмиссионная валюта, а раз это так, то, вообще говоря, совместное обращение червонцев и совзнаков может протекать неограниченно долгое время". Если до войны наш рынок требовал $2^1/_2$ миллиарда золотом, то теперь „емкость нашего денежного рынка должна составлять по самой меньшей мере 500 миллионов рублей золотом".

жертву, выполнив требование о снижении по всей линии своих цен, хотя период агонии совзнака, принес ей, как увидим ниже, огромные потери, однако, 8 месяцев спустя, нашли возможным напомнить, что, кроме интересов трестов и синдикатов, хотя бы и очень почтенных, существуют еще интересы народного хозяйства и Советской власти, и, резко сжав кредиты, потребовали новых огромных жертв со стороны промышленности.

15-го марта 1924 года тов. Сокольников в Эк. Жизни писал:

„... В истекшие годы промышленность нередко апеллировала „во имя производственных планов" к поддержке государства, которая казалась возможной в любых размерах; эта линия в хозяйстве (и в политике) обозначала попытку улучшить хозяйство или, например, улучшить организацию народного образования за счет ухудшения состояния денежного обращения; совзнак (и червонец! *Д. К.*) должен был расплачиваться за любую программу, совзнак должен был поступать в платеж по любому, хотя бы и необдуманно выданному, векселю. В результате—загнивание денежного обращения, катастрофы в хозяйстве".

Однако летом и даже осенью 1923 г. было еще совершенно иное отношение к „развертыванию" промышленности: это отношение достаточно характеризуется, например, докладом того же т. Сокольникова на III сессии ЦИК СССР в ноябре 1923 г. (цитируем по отчету, напечатанному в „Известиях"):

„Банкнотная эмиссия шла исключительно на финансирование промышленности и сельского хозяйства и была орудием развития кредита. Этот план был совершенно правильный.

Нам теперь говорят иные шутники, — продолжает т. Сокольников,—что слишком много кредитов дали нашей промышленности весной и летом и что эти кредиты погубили ее, потому что это-де именно толкнуло промышленность на установление более высоких цен.

Докладчик решительно опровергает такое смехотворное утверждение и заявляет, что кредитная помощь, оказанная промышленности, была совершенно необходима".

Таким образом еще поздней осенью в Наркомфине считали, что форсирование червонной эмиссии для широкого финансирования

госпромышленности было совершенно правильно. В то время Наркомфин, исходя из своеобразного представления о сущности червонца и из ошибочной оценки широких возможностей, имеющихся еще у червонной эмиссии, сам готов был за счет этой эмиссии развертывать деятельность трестов. Если бы правильное понимание обстановки пришло раньше и опасность срыва программы стабилизации рубля (и червонца) была понята во-время, несомненно, Наркомфин нашел бы в себе достаточно решимости, чтобы дать отпор „попыткам улучшить хозяйство . . . за счет ухудшения состояния денежного обращения". Но летом, несмотря на все тревожные указания, Наркомфин считал свою политику широкой червонной эмиссии „совершенно правильной" и ничуть не опасной.

К каким последствиям для б. рубля и для программы стабилизации, намеченной в июле, привела эта политика, — об этом расскажет нам история совзнака в осенние месяцы.

К концу августа и к началу сентября окончательно проявились результаты политики форсирования червонной эмиссии, проводившейся в летние месяцы. К этому времени червонная эмиссия привела к определенной инфляции, — настолько очевидной, что, как увидим ниже даже Наркомфин, до тех пор игнорировавший все тревожные указания, наконец, должен был понять, что продолжение червонной эмиссии в прежних размерах заставит червонец покатиться по наклонной плоскости; поэтому, начиная с сентября, а в особенности в октябре—ноябре, червонная эмиссия была резко сжата, хотя это повело, как увидим ниже, к тяжелым осложнениям.

Таким образом в результате летней политики форсирования *к осени червонная эмиссия как источник доходов была почти совершенно исчерпана.* В то же время совзнак на 2/3 был уже вытеснен червонцем, и площадь, на которую падали новые эмиссии совзнака, соответственно сузилась, что делало невозможным сколько нибудь крупные эмиссии.

В результате государство лишилось источников для покрытия чрезвычайных единовременных затрат, которые неизбежны во всяком государственном хозяйстве и которые в наших условиях, при отсутствии системы государственного кредита, приходилось (и придется еще в будущем) покрывать за счет эмиссии. При таких условиях первый же случай, требующий более или менее крупных неординарных затрат, должен был нанести денежной системе тяжелый удар. Этот удар, несомненно, оказался бы сокру-

шающим, если бы пришлось принять участие в европейских событиях, развертывания которых ожидали в осенние месяцы, в связи с намечавшейся германской революцией. Однако, за исчерпанием источников для чрезвычайных затрат, денежная система в том ее виде, который она получила в результате летней политики, не выдержала даже и легкого толчка, вызванного внутренней обстановкой.

С началом хлебной кампании, когда выяснилось резкое падение хлебных цен, оказалось необходимым бросить средства—относительно небольшие—для закупки хлеба и для поддержания на необходимом уровне хлебных цен.

Вполне естественно было использовать для этой цели *банковскую* эмиссию, которую после реализации закупленного хлеба можно было затем, в зимние месяцы, компенсировать изъятием из оборота червонцев, выпущенных для хлебозаготовок.

Однако банковскую эмиссию, исчерпанную уже в летние месяцы, оказалось невозможно использовать *как раз тогда, когда она была нужнее и естественней всего.* Оставался один выход—отменить июльское постановление ЦИК'а и обратиться к прежней совзначной эмиссии, скрашивая эту отмену оговоркой, что дополнительная эмиссия есть не бюджетная, а кредитная эмиссия, которая будет потом погашена.

Всем ходом своей летней политики Наркомфин поставил себя и высшие органы государства перед фактом необходимого отказа от июльского постановления, а вместе с тем и от программы стабилизации совзнака.

Совзнак, сдавливаемый червонной эмиссией, как мы видели, уже в июле и августе находился в тяжелом состоянии. Теперь, когда сфера его обращения сузилась против прежнего в три раза, резкое увеличение размеров его эмиссии, падающей на суженный базис, должно было повести и повело к его агонии.

Один из работников Наркомфина, стараясь снять с Наркомфина ответственность за те тяжелые последствия, к которым в последующие осенние и зимние месяцы привел срыв совзнака, пишет о положении, создавшемся в сентябре [1]).

„Наркомфин, конечно, не отрицает того факта, что он в соответствии с постановлением Президиума ЦИК'а и СНК значительно усилил эмиссию совзнаков для целей финансирования хлебозаготовок и других видов банковского

---

[1]) Д. Лоевецкий. Фин. Газета, 22/II.—1924 г.

кредитования. Можно ли, однако, в этом винить НКФ? Был ли какой-нибудь другой, более рациональный выход, от которого Наркомфин уклонился, избрав путь инфляции совзнаков? Мы думаем, что был только один приемлемый путь. Стоит только вспомнить обстановку, имевшую место в этот период, чтобы признать, что был только один путь. В августе и сентябре *определенно наметился процесс инфляции червонцев*, сопровождавшийся жестоким разменным кризисом. Дальнейший выпуск червонцев означал усугубление создавшегося положения и был связан с серьезной угрозой судьбе червонца. Между тем момент властно требовал увеличения денежных средств для финансирования хлебозаготовок.

Оставался выбор между инфляцией червонца и инфляцией совзнака. Наркомфин решительно стал на последний путь, и навряд ли кто-нибудь решится высказать осуждение за сделанный им выбор".

Да, конечно, в сентябре не осталось никакого другого выхода как „постановлением Президиума ЦИК'а и СНК" отменить июльское постановление ЦИК'а и итти по пути окончательного добивания совзнака.

6. Последствия срыва плана стабилизации.

Одним из важнейших последствий этого срыва было, прежде всего, обесценение единого сельско-хозяйственного налога, который был основным рессурсом государства. Воспользуемся здесь официальным документом, помещенным в Финансовой газете:

„Коллегией НК РКИ было постановлено произвести совместно с Наркомпродом и Наркомфином обследование взимания денежной части сельхозналога с целью выяснения причин наблюдавшегося по оперативной отчетности НКФ и НКП недобора денежной части налога.

Оплаченный почти полностью налог при передаче денег из кассы волисполкомов в кассы УФО терял в червонном выражении значительную часть своей ценности. Для Пермской губ., например, потеря на курсе составляет 20%. Для других губерний этот процент еще выше.

Причиной этого обесценения обследование установило слишком долгое путешествие денег из волисполкомов в УФО,

что объясняется, главным образом, большими расстояниями, задержкой денег волисполкомами, медленной работой почты

Недобор денежной части налога сравнительно с ценами на хлеб происходил в первый период кампании, когда *эквиваленты объявлялись в совзнаках и в течение периода своего действия обесценивались и падали ниже рыночных цен.*

Еще ниже рыночных цен оказывалась стоимость ржаной единицы к моменту поступления денег из волисполкома в кассу УФО.

Если принять, что деньги, поступившие в уплату налога, перестают обесцениваться не с момента поступления в кассу УФО, а с того момента, когда они попадают в общегубернский оборот, то обесценение денежной части сельхозналога будет, конечно, еще более значительным".

Нельзя не отметить здесь того влияния, которое оказало быстрое обесценение рубля на стремление деревни к *переходу к денежной* форме налога. Как известно, по вопросу о том, надо ли переходить от натурального налога к денежному сразу, или же постепенно и каким темпом,—по этому вопросу были продолжительные дискуссии, начиная с весеннего съезда Коммунистической партии весной 1922 г., когда предложение Наркомфина начать переход к денежной форме уже с осени 1922 года было отвергнуто. Точно так же на съезде весной 1923 г. план широкого перехода к денежной форме, выдвинутый Наркомфином, был сильно сужен, и значительная доля налога должна была взиматься в натуральной форме.

Однако начавшаяся с осени агония совзнака искусственно ускорила переход деревни к денежному налогу. С обесценением совзнака денежные эквиваленты натурналога, и без этого установленные очень льготно, быстро падали, что создавало огромную премию для тех, кто вносил налог деньгами, и повело к стихийному стремлению населения перейти от натуры к деньгам.

Решение съезда партии было, таким образом, в значительной степени обойдено.

Этот стихийный переход имел ряд очень отрицательных последствий. Важнейшее из таких последствий—катастрофическое падение цен на хлеб, который был выброшен на рынок крестьянами, спешившими воспользоваться создавшимися льготами и премиями. Вторым последствием было то, что государство получило деньгами большую часть налога, чем было намечено,

а пропорционально возросли и его потери от обесценения налога[1]. „Низкие хлебные эквиваленты и обесценение денежной части налога, — пишет Н. Рейнгольд в Фин. Газете от 15/IV, — свело реальный размер поступлений к 168 мплл. р. и *недобор*, таким образом, *составил около 120 мплл. руб.*

В свою очередь, недоборы по сельско-хозяйственному налогу, соединенные с крупными потерями по транспорту и другим отраслям государства, связанными с резким обесценением рубля, способствовали образованию бюджетных прорывов, которые пришлось затыкать новыми эмиссиями совзнака. Вторым следствием срыва осенней стабилизации рубля была потеря всех выгод, которые давал для денежной системы переход деревни от натурналога к денежному.

Дензнак, который был в деревне средством для оплаты от налога, появившись в деревне на короткое время, опять исчезал из нее: внедрения денег в деревенский оборот не получилось. Та основная цель, которая ставилась переходу к денежному налогу, не была достигнута.

Дальнейшими последствиями агонии совзнака была, как известно, „тезеврация червонца" и невиданная спекуляция на валютах, которая как бы превратила страну в сплошную черную биржу. Сдавленный червонной эмиссией, добиваемый непосильными совзначными эмиссиями, бумажный рубль перед смертью жестоко мстил.

Но едва ли не самым важным отрицательным следствием его агонии было то, что Наркомфин потерял свободу маневрирования и не имел уже больше возможности выбирать подходящий для денежной реформы момент.

Одним из основных моментов этой реформы считалась ее связь с предстоящим осенью 1924 г. сбором единого сел.-хоз. налога.

Вот как характеризовалась эта связь тов. Сокольниковым[2]):

„Момент денежной реформы должен быть связан с уничтожением натурналога, потому что именно это обеспечивает дополнительный спрос на выпускаемые деньги.

[1]) При таком положении становится непостижимо, каким образом неудачи и промахи превратились неожиданно в громкий «успех» перехода от натуры к деньгам, успех, который должен был умножить лавры Наркомфина. Такая политика самопосхваления путем затушевывания фактов едва ли может быть признана целесообразной.

[2]) От дензнака к твердой валюте.

Прежде чем крестьянин внесет деньги для уплаты с.-х. налога, государство должно его профинансировать, чтобы он имел денежные средства для уплаты денежного налога. Вот основная особенность положения. И если мы уничтожим натурналог, установив этот налог в деньгах, то одновременно мы будем иметь полную возможность выпустить твердые деньги в единицах, в которых крестьянин будет уплачивать свой взнос.

Государство возьмет этот налог осенью в тех же рублях, в которых установит налог весной. Оно гарантирует крестьянству устойчивость той валюты, которая будет запасена на осень, и вместе с тем оказывает само доверие своими деньгами, отвергая возможность падения их платежной силы".

Расчет был совершенно правильный, но он требовал, чтобы предварительно объявлено было об окончательном переходе осенью к денежному налогу, а также установления конкретной величины этого налога; кроме того, желательно было возможное сближение момента реформы с моментом сбора налога, иначе сказать, возможно более оттянуть проведение новой валюты.

„Я резюмирую,—писал в той же брошюре тов. Сокольников,—второе условие успеха денежной реформы: когда будет произведена реформа с.-х. налога, объявлен отказ от натуры,—с этого момента или одновременно с этим может быть объявлена и денежная реформа".

Однако ввиду катастрофического понижения совзнака к введению новой валюты пришлось приступить раньше, чем предполагалось, не ожидая окончательного урегулирования вопроса о с.-х. налоге.

Правильно построенный план денежной реформы оказался сорванным. Вот как изображает положение т. Каменев на расширенном Пленуме Московского Комитета РКП:

„Теперь совершенно ясно, что советский знак подошел к самому концу и *что нас уже денежная реформа начинает подонять*. Если бы были какие-нибудь сомнения, или если бы теоретически можно было доказать, что лучше еще подождать, что осенью при оживлении товарного оборота, при реализации урожая, при большей потребности страны в деньгах,—денежная реформа могла бы быть легче проведена, то такие рассуждения остаются чисто теоретическими рассуждениями, потому что подразумевали бы, что мы еще несколько месяцев можем держаться на совзнаке. Но повторяю, что держаться на совзнаке мы не можем не только несколько месяцев, но и несколько недель".

Условия для денежной реформы складывались крайне неблагоприятно и по другим причинам.

Положение промышленности, в связи с валютными пертурбациями в осенние месяцы, начиная с декабря, стало ухудшаться [1]). Госбюджет, который понес крупные потери во время валютных неурядиц, оказался к моменту реформы в состоянии крайнего напряжения.

Ко всему этому присоединилось еще то, что, как увидим ниже в январе-феврале обнаружился рост червонных цен, говоривший об опасности червонной инфляции; поэтому в момент реформы встала тяжелая задача *снижения* червонных цен, для чего пришлось прибегнуть к такому серьезному мероприятию, как товарная интервенция, которая потребует, несомненно, крупных жертв со стороны госпромышленности и не может не отозваться на состоянии бюджета.

В конечном счете денежная реформа превратилась в огромную ставку как для народного хозяйства, так и для Советской власти. „Если мы здесь сорвемся,—говорил т. Каменев,—мы будем иметь чрезвычайно крупное поражение... Подобное было бы не техническим, не финансовым, а политическим, так сложились обстоятельства".

Предстоящая борьба на денежном фронте дорого будет стоить и государству и рабоче-крестьянской власти. Сейчас госпромышленность снова будет расплачиваться за свою летнюю политику „развертывания" за счет червонной эмиссии, за свою „попытку улучшить хозяйство за счет ухудшения состояния денежного обращения".

Наркомфин, имевший все данные для успешной стабилизации дензнака, начиная с осени 1923 года, теперь, полгода спустя, вынужден проводить реформу в невиданно трудных условиях, расплачиваясь за свои летние промахи.

Осенью 1923 года мы стояли накануне стабилизации денежной системы, весной же 1924 года мы стоим... накануне чего?

[1]) Ноябрь-февраль были периодом, когда Госбанк искусственно держал официальный курс червонца значительно ниже рыночного; поэтому госпромышленность и торговля продавали по червонным ценам, но за совзнаки (червонное исчисление при совзначном получении), т. е. произошло *реальное снижение цен, равное разнице между вольным и официальным курсом червонца*. Об этом заявлении, которое никоим образом нельзя смешивать с потерями от обесценения совзнака, мы будем говорить во 2-й части работы, посвященной теории наших налог.

Ответ на это дает ближайшее будущее, но каков бы ни был этот ответ, необходимо позаботиться, чтобы в будущем ошибки, подобные сделанным в прошлом году, больше не повторились.

II. История червонца.

1. Летнее снижение ценности червонца.

Если период до мая 1923 года можно назвать чисто банкнотным периодом (ниже, часть 2-я), то последующие месяцы, май—август, можно считать периодом переходным, в течение которого постепенно закреплялось отношение червонца к товарам. В этот переходный период ценность червонца неизменно снижалась. Если сравнить покупательную силу червонца и покупательную силу довоенного золотого рубля, то это отношение в период с января 1923 по сентябрь определится следующими цифрами:

Покупательная сила червонца по всероссийским индексам на первое число каждого месяца [1].

Месяц.	По инд. Госплана.	По инд. Кон. Института.	По инд. Стат. Труда.
Май	10,35	8,72	8,36
Июнь	9,01	7,13	7,47
Июль	7,68	6,38	6,52
Август	7,37	5,42	5,12
Сентябрь	7,21	5,92	6,21

Таким образом в указанный период червонец находится в состоянии почти непрерывного обесценения, которое сводит его реальную ценность с 10 р. 35 к. до 7 р. 21 коп. на 1-е сентября.

Это обесценение было результатом двух основных причин: с одной стороны, слишком быстрого форсирования червонной эмиссии, а с другой стороны, обычного в летние месяцы снижения рыночного оборота, а вместе с тем и емкости денежного рынка.

Внедрение червонца, как и всякой другой новой валюты, представляет собой постепенный процесс, который можно ускорять путем тех или иных мероприятий, но который бесполезно

---

1) Стат. сборник по госбюджету, дел. обращению и движению цен с окт. 1922 г. по сент. 1923 г. Н.К.Ф. и бюлл. Стат. Труда.

форсировать. Внедряясь в оборот, червонец стремится постепенно заполнить сферу своего обращения и дойти до предела, отведенного ему данным объемом товарного оборота; предельные границы червонного обращения определяются, как мы увидим дальше (теоретич. часть), общими размерами денежного обращения при наличии устойчивых денег, а во-вторых, размерами купюры червонца, которые ставят определенные границы для него в этих пределах. Однако в своем стремлении заполнить всю сферу обращения, отведенную ему указанными границами, червонец в каждый данный момент встречает препятствия как субъективно-психологического характера (незнакомство населения со свойствами новой валюты, недоверие, внедренное долгой практикой эмиссионного хозяйства и играющее большую роль для процесса накопления и т. д.), так и объективно-экономического порядка (невозможность для оборота сразу купить у государства на сотни миллионов твердой валюты), и эти препятствия ставят в каждый данный момент определенные границы для его успеха.

Поэтому, кроме общего высшего предела для расширения червонного обращения, для каждого данного момента — для марта, июля, августа и т. д. — имеются свои предельные границы, и хотя эти границы имеют переходный, временный характер, но все же в каждый данный момент они являются твердым пределом для обращения червонца.

Между тем Наркомфин слишком форсировал выпуски новой валюты, которые выражаются следующими цифрами:

Апрель	11.875.000
Май	9.942.000
Июнь	22.518.000
Июль	11.203.000
Август	53.975.000

Очевидно, оборот по указанным психологическим и объективным условиям был не в состоянии переварить так быстро таких больших порций.

В том же направлении действовал другой фактор — летнее сжатие товарного оборота, которое неизменно повторяется у нас из года в год и которое, разумеется, повторилось и летом 1923 года. История предыдущих лет показывает, что, достигая максимума в осенние месяцы, товарное обращение и денежный

рынок затем до конца лета последовательно все более сокращаются. Реальная ценность денежной массы в различные месяцы 1920—1923 г.г. колеблется в следующих направлениях [1]):

Реальная ценность ден. массы в обращении по всер. индексу стат. труда (включая плат. обяз. центрокассы).

Месяцы.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Январь	93,0	69,6	60,9	97,1	193,0
Февраль	84,2	60,1	55,3	104,2	190,8
Март	76,9	53,9	42,0	116,2	
Апрель	71,4	47,3	32,2	133,1	
Май	67,1	41,9	30,7	149,3	
Июнь	68,6	34,2	42,0	136,2	
Июль	62,9	29,1	55,3	137,6	
Август	64,0	35,0	85,0	149,5	
Сентябрь	76,6	46,0	116,2	171,0	
Октябрь	77,5	55,4	124,1	179,8	
Ноябрь	82,3	67,9	105,3	223,7	
Декабрь	83,0	72,1	97,9	212,1	

Эта таблица говорит, что в течение 3 лет в мае — августе ценность денежного обращения падала до низшего предела за весь год. В 1923 году, в связи с выпуском устойчивых червонцев, которые первое время *не вытесняли, а дополняли* совзначную массу, в весенние месяцы произошло некоторое изменение в обычном движении денежной массы; однако, когда червонец занял те позиции, которые не могли быть заняты совзнаком, дальнейший прирост ценности денежной массы не только прекратился, но даже стал снижаться.

Это общее сжатие рынка и денежного обращения не могло не отразиться на ценности червонца, сфера которого суживалась, в то время как масса его одновременно росла. В результате растущая масса червонцев оказалась слишком велика при данных размерах сферы червонного обращения, что и повело к червонной инфляции и к обесценению червонца.

Это обесценение оказалось совершенно неожиданным для Госбанка и Наркомфина, которые всерьез полагали, что ценность червонца опирается на золотое обеспечение и потому не может упасть ниже своей „золотой сущности". Исходя из этой теории, Наркомфин в июле — августе 1923 года был уверен, что он может еще долго позволить себе продолжать эмиссию, и поэтому,

[1]) „Пар. и гос. хозяйство", стр. 566; Фалькнер. „Проблемы теории и практики эм. хоз.", стр. 223; бюлл. стат. труда.

финансируя в это время в огромных размерах госпромышленность, Наркомфин надеялся и осенью финансировать хлебную кампанию.

При таком положении, когда началось падение червонца, Наркомфин стал искать объяснения этого явления не там, где надо, отвергая принципиально мысль, что происходит обесценение червонца (жена Цезаря, как известно, должна быть вне подозрений), они стали искать виновников в совершенно иных направлениях. Возникла целая дискуссия, весьма поучительная не только для истории денежного обращения, но и для настоящего момента [1]).

Выходило, что в росте червонных цен виноват не червонец, а товар; отвергая мысль, что процесс дороговизны идет со стороны денег (денежная теория дороговизны), утверждали, что рост цен вызывается факторами на стороне товаров (товарная теория дороговизны).

Отыскивая факторы дороговизны со стороны товаров, С. Киселев выдвигал рост цен на промышленные товары, который якобы повел к вздорожанию и всех других товаров:

„В своем движении вверх промышленный индекс, в конце концов, потянул за собой и общий индекс".

По этому поводу можно заметить, что когда осенью 1923 г цены на промышленные продукты были принудительно снижены, это снижение оказалось не в состоянии „потянуть" за собой общего индекса: наоборот, в связи с ростом хлебных цен, последние стали „тянуть" индекс еще дальше вверх; таким образом цены на промышленные продукты и на с.-хозяйственные товары по очереди тянут червонные цены вверх и никогда не тянут вниз.

И. И. Кутлер выдвинул другую причину роста цен:

„Дороговизна обусловливается высокой себестоимостью производства, обусловленной чрезмерностью затрат сырья

---

1) Эта дискуссия сконцентрировалась вокруг статей С. А. Фалькнера, который сразу же посмотрел в „корень". В ответ на его статьи выступили сплоченным фронтом С. Киселев, И. И. Кутлер, М. Бирбраер, М. Владимиров, В. Оголевец, И. Д. Кондратьев и др. в Экономической Жизни (№№ 191, 197, 200, 208, 215 и 217). Интересна также передовица Эк. Жизни от 23 IX. Эта дискуссия чрезвычайно напоминала те рассуждения о современной дороговизне, которые имели место в 1915—1916 г.г., когда в связи с начавшейся инфляцией русские экономисты в течение одного — двух лет беспомощно ходили вокруг да около, выдвигая частности и мелочи и упуская из виду основные факторы роста цен.

и топлива и высотой—относительной—на единицу продукта заработной платы и накладных расходов... При отсутствии свободной конкуренции, при наличности значительного числа монополий, цены на российском рывке строятся в значительной степени односторонне, по желанию продавца".

На это С. А. Фалькнер в своем ответе [1]) замечает:

„Накладные цены не являются чем-либо *новым* в истории последних лет и, во всяком случае, не датируются марта—апреля текущего года. Равно не может быть речи и о *прогрессивном* разрастании себестоимости в течение последнего полугодия, которое, только будучи таковым, соответствовало бы рассматриваемому процессу в области цен".

М. Бирбраер, отстаивая толкование Сокольникова, утверждал, что рост цен (в червонцах) на сельско-хозяйственные продукты произошел под влиянием неудовлетворительных видов на урожай.

„Почему же нельзя сказать, что в предыдущем году благоприятные виды на урожай гнали цены вниз, а в текущем году, когда замечается усиленное движение цен вверх, то это происходит по тем же видам, только неблагоприятным".

На эту теорию дороговизны Фалькнер дает очень простой ответ:

„Потому, что в предшествовавшие годы цены летом стабилизовались, либо даже шли вниз, *каковы бы ни были виды на урожай*, если только вообще урожай был на очереди, и даже в самом тяжелом 1921 г., когда урожай был на 36% ниже сбора текущего года, цены шли вниз. А значит и теперь, когда мы имеем неизмеримо лучший урожай (лишь на 6% ниже прошлогоднего), они шли бы под влиянием товарных причин вниз, если бы, вопреки товарным причинам, их не толкали вверх факторы совершенно иного порядка".

Тот же Бирбраер, вместе с другими, выдвигает еще один фактор дороговизны:

„Есть гораздо более близкая причина дороговизны, именно *сырьевой кризис*. В настоящем году этот кризис разразился

---

[1]) С. А. Фалькнер. „Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства", стр. 220.

с исключительной силой и захватил ряд важнейших отраслей промышленности, жившей до сего времени старыми запасами. Но думаю, чтобы решались отрицать влияние этого фактора на рост цен".

На это Н. Д. Кондратьев отвечает:

„Нельзя объяснить ускорение темпа повышения цен ссылкой на рост издержек производства и, в частности, издержек производства фабрикатов. Такое объяснение представляется несостоятельным теоретически по следующим мотивам: во-первых, если издержки производства какого-либо товара или товаров, например, фабрикатов, поднялись, то это значит, что повысились цены на те элементы и товары, которые входят в состав данного вздорожавшего товара. Но в таком случае возникает вопрос, почему вздорожали последние элементы и товары. Если вздорожание и этих товаров объяснить повышением издержек производства, то ясно, что мы вступаем на порочный путь в силу непрерывности.

Однако сам проф. Н. Д. Кондратьев, признавая „некоторую инфляцию червонца", в то же время, как представитель „конъюнктурных" методов мышления, дает такой ассортимент причин дороговизны, что, в конце концов, ровно ничего не может объяснить в происходящем.

М. Владимиров констатирует:

„Факт обесценения банкнота даже в отношении розничного индекса налицо и составляет за 8 месяцев 28,2%. Это внушительно и действительно способно вызвать опасение. Но это опасение превращается в исключительную серьезную тревогу, когда мы выясняем размер „обесценения" червонца в отношении к промышленной части оптового индекса Госплана, где червонец „обесценился" на 41%. Как же не приходить в панику и не вещать пророчески чуть ли не о падающей валюте".

Объяснение этому факту т. Владимиров находит в том, что в наше время произошло мировое обесценение золота, что по отношению к товарам обесценился не только наш червонец, но и мировые золотые валюты. На это можно заметить, что это падение покупательной силы золота произошло не летом 1923 г., а в течение 9 лет, начиная с 1914 года, наоборот, в последний

год покупательная сила золота, как об этом свидетельствуют индексы золотых стран, опять стало повышаться.

Передовица же „Экономической Жизни“ просто выругала С. А. Фалькнера и других „теоретиков“, которые пытались применить законы денежного обращения к нашим российским условиям:

> „Мы не можем никоим образом согласиться с тем, что в XX веке к стране, хотя и в основе своей аграрной, но имеющей крупную промышленность и транспорт, можно было применить общее положение теории денег, которые с удобством, быть может, применялись к эпохе после Великой Французской Революции и которыми с натяжкой, хотя в общем удовлетворительно, объяснялся финансовый механизм развитой капиталистической страны XIX века... Мы не имеем права рассуждать о ее финансовом положении (СССР), о ее внутренней экономике по шаблонным схемам финансовой науки... Мы ни в коей мере не думаем, что простое сопоставление роста цен с общетоварным индексом могло бы оказаться достаточным для сногсшибательного вывода о том, что наш червонец обречен на судьбу падающего совзнака, что небывалый рост цен почти всецело объясняется его чрезмерной эмиссией“.

Рассуждение вполне правильное, ибо, как известно:

Умом Россию не объять,
Ее аршином не измерить.

В. Оголевец, для того, чтобы доказать, что червонец не может обесцениться, прибегает... к уставу Госбанка; он разъясняет:

> Значительная часть банкнот обеспечена золотым запасом в кассе Госбанка. Если в дальнейшем Госбанк не отступится от принятого порядка, то ценность банкнот будет оставаться устойчивой и о прогрессирующем обесценении их, в связи с их эмиссией, не может быть речи. Несмотря на то, что фактически червонцы на золото не обмениваются, золотое обеспечение играет роль могущественного фактора в поддержании курса червонных денег.

Совершенно так же российское императорское правительство в 1916 году доказывало (а российские экономисты соглашались), что никакого обесценения кредитных билетов быть не может, ибо хотя кредитные билеты и не разменяются, но зато вполне

обеспечены; как мы увидим дальше, оно это могло говорить еще с большим правом, чем т. Оголевец, ибо, кроме отличного обеспечения кредиток золотом—более высокого, чем у червонца,—они имели еще и высокое психологическое обеспечение,—если такое вообще существует,—ибо они были старой, привычной для населения золотой валютой, размен которой прекращался только временно.

Вскоре, после этой дискуссии, реальная действительность дала ясный ответ на вопрос о причинах повышения червонных цен, происходившего в летние месяцы. С августа—сентября началось обычное сезонное расширение товарного обращения в связи с реализацией урожая, что расширило сильно объем денежного обращения. Кроме того, испуганный летним обесценением червонца и возможностью дальнейшего снижения, НКФ с сентября отбрасывает всякие товарные теории дороговизны и обращается к устранению истинной ее причины: в октябре, в разгар хлебной кампании, когда потребность в средствах была выше, чем когда-либо, Наркомфин неожиданно для представителей товарной теории дороговизны резко оборвал эмиссию; эмиссия червонцев составляла:

В августе	52.953.000
„ сентябре	13.202.000
„ октябре	17.123.000
„ ноябре	1.264.000

т.-е. тогда, когда она была нужнее всего, она сократилась в 2½—3 раза, а потом была доведена почти до 0.

Это внезапное сокращение червонной эмиссии не только лишало возможности кредитовать заготовку хлеба, которую теперь пришлось „кредитовать" за счет срыва совзнака, но, кроме того, это повело к резкому снижению кредитов для госпромышленности; для последней сразу кончилась широкая масленица, и начался неожиданно великий — действительно великий—пост, что повело к крупным пертурбациям. Как узнаем из беседы Зам. Нач. ЦПЗУ ВСНХ А. М. Гинзбурга, помещенной в „Эк. Жизни" (ноябрь):

„Обследование выяснило, что октябрь явился для промышленности чрезвычайно тяжелым в финансовом отношении месяцем. Кредит промышленности в течение октября был чрезвычайно стеснен. За вторую половину октября Госбанк учел векселей промышленности по 12 организациям

всего на сумму около 76 тыс. червонцев; насколько эта сумма незначительна, можно видеть из того, что учет векселей промышленности в одном московском Госбанке за тот же период достигает суммы вчетверо большей. Насколько был нарушен кредит, можно судить также по данным о платежах... Одно несомненно, — кризис вызвал чрезвычайное сокращение заготовительной деятельности трестов. Об этом имеются данные почти по всем отраслям промышленности. Столь резкое сокращение заготовок, несомненно, должно оказать свое влияние и на масштаб производства. Текстильной промышленности трудно использовать выгодную конъюнктуру заготовки хлопка".

Действие осеннего расширения рынка, соединенное с резким сжатием червонной эмиссии, приостановило дальнейшее падение ценности червонца, который, начиная с августа, сохраняет свою покупательную силу.

Сопоставление двух фактов, — падение ценности червонца в условиях напряженной его эмиссии и летнего сжатия оборота, с одной стороны, и стабилизации червонца с началом расширения оборота и с сокращением эмиссии—с другой, достаточно освещает истинные корни роста червонных цен летом; оказалось, что, несмотря на свою „золотую сущность", червонец послушно подчиняется тем же законам, как и всякая другая „честная бумажная валюта", — с той лишь разницей, что сфера его обращения, в отличие от других бумажных валют, определяется размерами его купюры и, кроме того (в переходный период), темпом внедрения его в оборот. Выяснилось, что если сфера червонного обращения оказывается переполненной, то, несмотря на золотое обеспечение, наступает червонная инфляция, аналогичная с обычной инфляцией б. денег.

Вместе с тем эмпирически было проверено, кто был прав в дискуссии о причинах роста червонных цен летом, — те ли, кто выискивал товарные факторы дороговизны, или же те, кто с самого начала указали на наличие червонной инфляции. Впрочем, правильность последней точки зрения в скором времени получила и официальное признание со стороны т. Сокольникова.

Спустя 2 месяца, в ноябре, т. Сокольников на докладе в Соцакадемии, останавливаясь на вопросе об обесценении червонца, признал, что обесценение действительно произошло, но что это, собственно, было сделано Наркомфином совершенно

сознательно, в целях сближения покупательной силы червонца с покупательной силой доллара; первоначальная ценность червонца при его выпуске была, оказывается, по чьей-то ошибке, установлена слишком высоко, близко к ценности довоенного золота, теперь же НКФ, исправляя ошибку, сознательно снижал червонец до уровня золотого доллара, ценность которого, как известно, относительно ниже довоенного золотого доллара. Стенограмма доклада излагает эту новую позицию НКФ так:

„Я хочу в заключение сказать следующее. У нас был целый ряд споров о том, обесценились ли банкноты или нет. Эти разговоры основывались на том, что банкнота, которая была сразу выпущена по высокому курсу, по высокому товарному индексу,—*понизилась вместе* с иностранной валютой. И вот тут я хотел в заключение заметить, что это делалось совершенно сознательно. Признаться, мы немного посмеивались, когда читали статьи с рассуждениями о том, как это произошло, какие тут факторы влияли, — когда тут была совершенно сознательная политика, которую мы сознательно проводили и которая сводилась к тому, чтобы держать банкноту на паритете валютном, не гоняясь за тем, чтобы держать ее на паритете товарного индекса. И очевидно, что если мы имеем здесь обесценение, то, следовательно, оно равно тому обесценению, по отношению к товарным деньгам, которое достигнуто на мировом рынке. Этот уровень около 60—70%. На этом уровне, примерно, с теми или иными колебаниями, должна держаться банкнота, потому, что она представляет собой не довоенное золото, а нынешнее обесцененное золото.

На-ряду с т. Сокольниковым, наличие червонной инфляции в августе признают и другие работники НКФ; так, например, Д. Лоевецкий в своих воспоминаниях об августе 1923 года пишет:

„В августе-сентябре определенно наметился процесс инфляции червонцев, сопровождавшийся жестоким разменным кризисом. Дальнейший выпуск червонцев означал усугубление создавшегося положения и был связан с серьезной угрозой судьбе червонца“ [1]).

Таким образом, задним числом Наркомфин признал, что все рассуждения о товарных факторах дороговизны, которые летом

---

[1]) Фин. Газета, 28 II—1924 г.

были выдвинуты самими членами НКФ (т. Сокольников и тов. Владимиров) и деятелями Госбанка, не имели никакой цены. Тов. Сокольников признал, что червонная инфляция и снижение ценности червонца были, но только это была *сознательная* инфляция, сознательное снижение ценности, что, собственно, ни на иоту не меняет сути дела.

Мы можем теперь „посмеиваться" над всеми рассуждениями о причинах летней червонной дороговизны, которые только что приводились. Однако мы можем „посмеиваться" и на счет „сознательности" инфляционной политики НКФ. Достаточно известен факт, что в летние месяцы, во время падения червонца, НКФ не только не снижал официального курса червонца против рыночного, а все время держал его *выше* рыночного, иными словами, НКФ *сознательно боролся* с обесценением червонца, а не сознательно способствовал ему.

Точно так же достаточно известно то внезапное, почти паническое сжатие червонной эмиссии, которое лишало возможности кредитовать хлебные заготовки и поставило в критическое положение госпромышленность, неожиданно лишенную кредитов.

Далее, во время осенней дискуссии, сами члены НКФ с негодованием и также „посмеиваясь" отвергали „статистические упражнения" своих противников и беззаботно продолжали широкой рукой финансировать в августе промышленность в расчете, что они могут и в сентябре финансировать хлебные заготовки.

Наконец, самый темп „сознательного" обесценения червонца в летние месяцы был настолько решителен, что у широких масс населения в июле-августе началось создаваться определенное убеждение (к слову, скажем, имевшее большое значение для дальнейшей судьбы червонца), что червонец превращается в падающую валюту, которую так же опасно держать на руках и копить, как и старый совзнак[1]),—и все это оказывается, Наркомфин делал вполне сознательно и „посмеиваясь".

---

[1]) При проезде через Петербург, теперь Ленинград, 27 июля мне пришлось быть свидетелем следующей сцены. Войдя в трамвай, я застал там дискуссию пассажиров о червонце, при чем одна, большая половина пассажиров, доказывала, что вместо червонца надо, как и раньше, накоплять товары, что покупать сахар или мануфактуру будет гораздо вернее, чем покупать червонцы; другая же, меньшая половина, соглашаясь, что червонец падает, все же выдвигала его преимущества перед сахаром (удобство хранения и т. п.).

Все это действительно было бы смешно, если бы... все это не кончилось срывом осенней стабилизации совзнака со всеми теми последствиями, которые одно за другим отсюда получились.

История летней инфляции червонца показывает, что НКФ обладает способностью маскировать свои грубейшие промахи, но, к сожалению, он обладает в недостаточной степени способностью предвидения и предупреждения этих ошибок.

2. Осенняя стабилизация червонца

В сентябре переход к червонному исчислению в основном закончился, и червонец превратился окончательно в самостоятельную валюту. В то же время, как мы видели, начиная с августа, под влиянием осеннего расширения рынка, червонец выходит из состояния инфляции; покупательная сила червонца определялась [1]):

	По индексу Госплана.	По индексу Кон. И-та	По индексу Стат. труда
август	7,37	5,65	6,12
сентябрь	7,89	6,21	6,21
октябрь	8,12	5,77	6,06
ноябрь	8,50	5,80	6,35

Кроме этого, известное влияние на расширение сферы денежного обращения, а тем самым и обращения червонца, несомненно, оказывал переход от натурального обложения к денежному. Как мы уже говорили выше, срыв осенней стабилизации б. рубля крайне затруднял проникновение червонца в деревню, однако, некоторые результаты осенняя налоговая кампания все же дала. Кроме того, как мы видели, начиная с октября, НКФ, умудренный летним опытом, резко застопорил червонную эмиссию. Наконец, в том же направлении действовал общий процесс постепенного внедрения червонца в оборот и, в частности, вытеснения червонцем б. рубля.

Совокупное действие всех этих четырех факторов в течение осенних месяцев, выведя червонец из состояния инфляции, обеспечило ему устойчивое положение в течение осенних месяцев, как это видно из вышеприведенной таблицы.

[1]) Цифры Госплана и Кон. И-та взяты из Бюллетеня Кон. И-та, № 11 12.

Однако в дальнейшем, поскольку действие тех факторов, которые обеспечили осеннюю устойчивость червонца, или отпадало или ослабевало, заранее можно было сказать, что устойчивое положение червонца может измениться.

3. Червонный парадокс зимних месяцев.

Действительно, начиная с декабря, устойчивое положение, достигнутое осенью, начинает меняться. Движение реальной ценности червонца выражается следующими цифрами [1]):

	По индексу Госплана	По индексу Кон. Н-та	По индексу стат. труда.
1 декабря	7,91	6,19	5,92
1 января	7,93	5,71	5,22
1 февраля	7,62	5,39	5,02
21 февраля	7,23	5,15	4,82

Однако одновременно с этим мы наблюдаем явления, которые как будто бы противоречат всяким предположениям о возможности обесценения червонца. Начиная с октября, червонец исчезает из оборота,—по крайней мере, из оборота госпромышленности. На углах улиц дежурят сотни тысяч специалистов по вылавливанию червонцев. Из провинции пишут в это время, что на местах появились специалисты по этой части, определяющие на ходу по лицу наличие червонцев в кармане. Население готово платить за червонец дороже официального курса на 5—10 %, а иногда и более. Словом, ни о каком излишке червонцев в обороте, ни о какой червонной инфляции как будто нет речи, наоборот, мы имеем перед собой настоящий червонный голод, и, тем не менее, товарные цены в червонцах, начиная с декабря, растут; покупательная сила червонца снижается.

Чем объясняется этот парадокс? Распространенным мнением считается, что тут виноваты резкое повышение хлебных цен, с одной стороны, и страховые надбавки, ввиду резкого обесценения совзнаков,—с другой.

Наблюдатели этого явления выдвинули целый ряд его объяснений. Вот, например, букет „основных причин", составленный т. Зангвилем [2]):

---

[1]) Эк. Бюллетень Кон. Н-та. 1924, №№ 1, 2. Данные статистики труда получены непосредственно от Центр. Бюро ст. тр.

[2]) Фин. газета, 11 марта.

„За истекшие 2 месяца покупательная сила червонца по сравнению со всероссийским оптовым индексом Госплана с 1 декабря 1923 года по 1 февраля с/г понизилась больше чем на 11%, а по сравнению со всероссийским розничным индексом Конъюнктурного Института почти на 14% и по московскому бюджетному индексу—свыше 19%.

Основные причины падения покупательной силы червонца—это рост цен на сельско-хоз. продукцию, усиленная инфляция совзнаков, начиная с октября прошлого года, повлекшая за собой усиленное повышение цен на товары, особенно розничные, и отставание червонца от товарного рубля, недостаточная согласованность между банковской и казначейской эмиссией, стремление кредитных и торгово-промышленных учреждений застраховать себя от потерь на обесценении совзнаков путем мер, не всегда соответствовавших интересам регулирования денежного обращения, и т. п."

Некоторые из этих причин, как, например, усиленная „инфляция совзнаков и недостаточная согласованность банковской и казначейской эмиссии", приведены, вероятно, здесь больше для коллекции и сами по себе ничего, разумеется, не могут объяснить; зато две другие—рост цен на сельско-хозяйственные продукты и стремление застраховать себя от эмиссионного налога—пользуются широким признанием не только в официальных документах, но и среди экономистов, и поэтому требуют специального рассмотрения.

Действие хлебных цен как фактор дороговизны.

Остановимся на росте хлебных цен. Те, кто видит в этом росте самостоятельный фактор повышения общего уровня червонных цен, исходят из предпосылки, что сезонное колебание цен на ту или иную группу товаров может привести и приводит к общему росту всех цен и обесценению денег. Выходит так, что, если сегодня промышленность поднимает цены на ту или иную группу товаров, это должно вести к общему росту цен; если завтра делают скачок хлебные цены—это снова должно повысить общий уровень цен и т. д. Словом, общий уровень цен может бесконечно расти только потому, что одна отрасль народного хозяйства за другой изъявляет желание повышать свои цены. Эта точка зрения, распространенность которой обратно

пропорциональна ее научной глубине, по существу ничего не объясняющая, противоречит как законам денежного обращения, так и общим законам, управляющим рыночным механизмом.

Не имея возможности дать здесь подробного анализа этого вопроса, мы, однако, считаем необходимым коротко остановиться на его основных моментах. В основе законов, управляющих общим движением цен при двух бумажных валютах, лежат законы, регулирующие это движение при одной б. валюте, которые менее сложны и легче поддаются анализу. Поэтому за исходную точку анализа мы возьмем то положение вещей, которое существует при наличии единой бумажной валюты и при отсутствии инфляционной политики. Такое положение имелось у вас много раз и подолгу до перехода к золотой валюте (1897 г.); такое положение на короткое время создалось у нас осенью 1914 г., когда, с прекращением размена кредитных рублей на золото, эмиссия не успела еще привести к инфляции и к обесценению кредитного рубля, равноценного в то время с золотым рублем.

При таких условиях общий уровень цен может изменяться в сторону всеобщего роста, если сокращается производство и обращение товаров или увеличивается общая масса б. денег и их суррогатов; этот уровень может, наоборот, изменяться в сторону общего снижения цен, если происходят обратные процессы расширения производства или сокращение общей денежной массы. Поскольку же не подвергаются изменениям эти основные факторы ценности б. денег,—постольку в состоянии общего уровня не может наступить коренных изменений.

Это, конечно, не предполагает полной неподвижности цен на отдельные товары и даже на целые группы товаров: при устойчивости общего уровня цен будут, как и при золотой валюте, происходить колебательные движения цен на отдельные продукты, вызываемые нормальными колебаниями рыночного спроса и предложений. Однако, как уже говорилось, эти повышения или понижения цен не могут приводить к общему росту цен. Иначе сказать, при отсутствии б. денежной инфляции существует *относительное движение цен отдельных товаров и отсутствует общий, абсолютный рост всех товарных цен.*

Представление о том, что относительные движения цен могут сами по себе привести к изменению общего их уровня, переворачивает вверх ногами законы, определяющие ценность б. денег. В самом деле, согласно формулировке К. Маркса, ценность всей бумажной денежной массы, а тем самым и ценность каждой

денежной единицы, входящей в ее состав, определяется ценностью количества золота, представляемого бум. денежной массой, а в последнем счете—количеством и ценностью товаров реализуемых на рынке. Если это количество и ценность даны, и в то же время дано количество б. денег, находящихся в обороте, то тем самым определяется общий уровень бумажно-денежных цен.

При бумажно-денежном обращении, говорит К. Маркс, „цены товаров возрастают и падают вместе с изменением количества б. знаков, находящихся в обращении" (К критике полит. экономии, 121—125). При таком положении *относительные колебания цен* на отдельные группы товаров *должны сопровождаться не абсолютным ростом общего их уровня, и снижением цен* на другие категории товаров.

Большинство современных экономистов, как известно, рассматривает теорию ценности бум. денег, формулированную К. Марксом, как один из наивных вариантов количественной теории. Однако из современных экономистов проф. С. А. Фалькнер стоит на точке зрения той же наивной количественной теории бумажных денег:

> „В том-то и дело,—пишет С. А. Фалькнер,—что одни цены могут подниматься выше общей нормы только потому, что другие цены остаются ниже этой нормы. Эта взаимная связность отдельных коэффициентов повышения цен обычно и упускается из вида теми, кто рассматривает каждый из этих коэффициентов порознь, ибо сознание их взаимной связи возникает лишь в результате анализа совокупного хозяйственного процесса... При данной сумме денежного спроса в стране, повышение цен одной из товарных групп не может увлечь за собой общего товарного индекса, а совершается именно за счет относительного понижения цен на другие группы товаров. Общий индекс, являющийся выражением взаимной зависимости всех товарных групп между собою, является в то же время рефлексом и отражением взаимоотношений между всей денежной и всей товарной массой; только одна из этих двух реальных величин могла повлечь за собою изменение общего уровня товарных цен в стране".

Если бы было иначе, то от закона ценности б. денег, формулированного К. Марксом, ничего не осталось бы. Если бы средний уровень цен мог сегодня повышаться от повышения хлебных цен, завтра—от повышения цен на промышленные продукты,

и т д., то казалось бы, что цены могут бесконечно повышаться при одном и том же количестве б. денег; кроме того, общее повышение товарных цен равносильно понижению ценности б. денег, и поэтому такое повышение цен при одном и том же количестве б. денег в обращении, при прочих равных условиях, обозначало бы, что ценность всей денежной массы снижается, хотя объем товарного обращения остается тот же самый. Ценность б. денег отрывается здесь от всякого реального основания и начинает как бы жить совершенно самостоятельной жизнью независимо от состояния народного хозяйства и размера товарного оборота.

При устойчивых размерах этого оборота и неизменном количестве б. денег, изменение цен не может иметь место даже в том случае, если мы представим себе, что на-ряду с нормальными фактами колебания цен появляются новые факторы, „возмущающие общую рыночную конъюнктуру".

К таким возмущающим факторам относится прежде всего деятельность государства, в распоряжении которого находятся такие мощные средства перераспределения покупательной силы, как налоговая или кредитная система.

Путем установления новых налогов или путем займов государство может стянуть в свои руки крупные денежные средства и дать им не то назначение, которое они обычно получали в руках налогоплательщиков или кредиторов государства; эти средства могут быть затрачены или на ведение войны, или на расширение государственного аппарата (армия, администрация) или, как в наше время, на финансирование той или иной отдельной отрасли народного хозяйства, например, крупной промышленности, экспорта сельско-хозяйственных продуктов и т. д. В этом случае происходит сильнейшее перераспределение платежеспособного спроса, но общая сумма такого спроса, как и общая сумма товарных ценностей, остается при этом неизменной, а тем самым отпадает возможность повышения общего уровня цен.

Правда, государство в данном случае выступает на рынке в качестве покупателя, обладая огромными покупательными средствами, но эти средства оно добыло предварительным лишением или сокращением покупательных средств миллионов налогоплательщиков или же кредиторов.

„При таких условиях меняются только субъекты спроса, общая же сумма спроса на продукты и услуги мало изменяются. Различие может произойти в том смысле, что госу-

дарство как потребитель может предъявить спрос на другие продукты и услуги, чем обычно предъявляли частные хозяйствующие субъекты, но общая сумма спроса останется прежней. Под влиянием изменения направления спроса повышаются цены продуктов, усиленно потребляемые государством (металлы, кожа, мясо и т. д.), но в то же время неизбежно понижаются цены на продукты, которых государство не потребляет, а частные лица, лишившись обычных рессурсов, не могут купить. Повышение цен на одни категории продуктов органически связано с падением цен на другие их категории, и общий уровень цен не терпит существенных изменений". [1])

Это положение остается в силе, как в том случае, когда дело идет о расходах на войну, на содержание армии или администрации, так и тогда, когда государство затрачивает стягиваемые им средства на одностороннее финансирование отдельных отраслей народного хозяйства,—во всех этих случаях изменяется направление спроса, резко повышаются цены на одни товары, неизбежно падают цены на другие товары, появляются на тот или иной период времени „ножницы", но общий уровень цен не претерпевает изменения.

Положение меняется, если от системы налогового и кредитного покрытия своих расходов государство переходит к эмиссионной системе. В этом случае к прежним обычным колебаниям рыночных цен присоединяется общий их рост; *к относительным движениям их присоединяется абсолютное движение общего их уровня.*

„Совершенно иное дело в том случае, когда государство выступает на рынке с денежными знаками, полученными не из карманов хозяйствующих лиц, а из-под печатного станка. В этом случае новый спрос *не замещает* обычный спрос хозяйствующих лиц, *а присоединяется* к нему. Не устраняя предварительно на рынке своих конкурентов, государство вступает с ними в соревнование, и, обладая огромными средствами и не останавливаясь перед высокими ценами, оно побеждает своих конкурентов" (там же.)

---

[1]) Экономическое обозрение, 1916 г., книга I. К. Ловатской (Д. Кузовков).

Степень *абсолютного* изменения цен будет зависеть от интенсивности эмиссионной политики; что же касается относительных колебаний цен, то каковы бы ни были эти колебания, они не могут сами по себе явиться самостоятельным источником абсолютного их роста. Усиленное финансирование государством промышленности *само по себе* так же мало может дать абсолютное повышение всех цен в условиях эмиссионной политики, как и в условиях налогового и кредитного покрытия госдоходов. Это абсолютное движение цен имеет место здесь лишь тогда и настолько, когда и насколько действует фактор, создающий такое движение, т.-е. насколько происходит повышение общей массы денег в обороте.

Эти положения, к сожалению, часто забывают. Экономисты, которые привыкли скользить по поверхности явлений, считают, что относительное движение цен, вызываемое перераспределением спроса, может дать в результате общее повышение их уровня; поэтому, наблюдая усиленный рост цен на продукты той или иной отрасли народного хозяйства, при одновременном или последующем росте всех цен, они часто связывают эти два явления в том смысле, что рост цен по данной группе товаров является первой причиной общего повышения цен.

Эту ошибку экономисты особенно часто делают в начальный период денежной инфляции, когда начинается общий рост дороговизны: они объясняют этот рост не инфляцией, а повышением цен на те или иные товары; те или иные колебания цен, быть может, более резкие, чем в обычное время, он принимают за исходную причину общего их движения вверх; общая „дороговизна“ усиливается сегодня от того, что повысились цены на хлеб, завтра—от того, что „вздули“ цены промышленники, послезавтра фактором „всеобщей дороговизны“ становятся спекулянты, которые до этого почему-то сидели спокойно, и т. д.

Наиболее яркие примеры таких ошибок можно было наблюдать в 1915—16 г.г., когда с переходом к эмиссионной системе начался общий рост цен. Мы остановимся немного на этих примерах, т. к. они достаточно поучительны и для нашего времени. Богатейший материал в этом отношении дают „Труды комиссии по изучению современной дороговизны“, работавшей при Чупровском Обществе.

Вместо того, чтобы обратиться к истинному источнику дороговизны, т.-е. к инфляции и общему сжатию товарного оборота, авторы „Трудов“ в течение 1—2 лет упорно продолжают искать

объяснения дороговизны во второстепенных факторах; один из авторов, М. Букшпан, приводит огромный список причин дороговизны, выдвигавшийся в то время:

„Наша дороговизна вызвала большую газетную литературу, выходящую в своих рассуждениях за местные пределы, в которой мнения колеблются от объяснений крайне эмпирических (А. Шингарев — „всего больше действуют причины местные") до обобщений „высокосоциологических" (В. Тотомианц, опираясь на Ферреро, утверждает: „глубокая причина дороговизны кроется в современном урбанизме").

Довольно распространенное мнение утверждает, что одною из важнейших причин дороговизны следует считать неблагоприятные условия подвоза грузов в столицу; вообще — транспортные стеснения, ощущаемые во всей стране.

Города считают причинами этого явления: расстройство железнодорожного движения, спекуляцию торговцев, недостаток подвижного состава, усиленный спрос продуктов со стороны военного ведомства, запрещение вывоза их из мест производства, повышение провозной платы и увеличение оборота, неподготовленность городов в смысле отсутствия посреднических и общественных организаций и т. д. и т. д.

Выдвигается еще ряд других факторов: сдержанное настроение в сбыте производителей сельско-хозяйственных и фабрично-заводских продуктов и развитие на этой почве спекуляции, обложение многих товаров новыми налогами.

Как бы ни были изучены отдельные причины дороговизны, надо признать, что на нее влияет не та или иная причина в отдельности, а именно общая их совокупность.

К этой коллекции причин проф. Букшпан добавляет от себя еще одну „основную" причину дороговизны:

„Государство ведущее войну, создало колоссальный спрос на массовые предметы, так или иначе связанной с войной, — спрос, передающийся на ряд других предметов".

При этом, почтенный экономист даже не пытается спросить себя, за какой счет был создан этот „колоссальный спрос госу-

дарства, ведущего войну", и что было бы, если бы этот спрос покрывался за счет налогов или кредита, вместо печатных бумажных денег.

В тех же трудах Чупровского Общества проф. И. Гензель и А. Соколов ищут причины дороговизны в спекуляции и в *установлении* новых налогов, а проф. С. Первушин—*в отмене* налогов (на водку) и т. д.

Как мы видели выше, это бессилие экономической мысли сразу найти основные факторы общего роста цен, эти блуждания повторились, только в сокращенном размере, полгода назад в сентябре 1923 года, когда Наркомфин слишком далеко зашел в червонной эмиссии.

Итак, сделанный теоретический анализ вопроса показывает, что относительные колебания цен на те или иные товары или группы товаров не могут еще сами по себе стать причиной абсолютного их роста, и это одинаково как в условиях стабилизации б. денег, так и в условиях эмиссионной политики. Поэтому рост хлебных цен, имевший место, начиная с октября истекшего года, и продолжающийся до настоящего времени, не может рассматриваться как самостоятельный исходный фактор того общего повышения *червонных* цен, которое наметилось в указанный период,—совершенно так же, как рост цен на продукты промышленности в июле—августе не мог еще сам по себе вызвать всеобщую дороговизну.

Впрочем, к тому же самому заключению можно притти не только через обращение к законам ценности денег, но и через обращение к обычным законам логики. В самом деле, если стоять на точке зрения тех, кто *в повышении* хлебных цен может видеть первопричину дороговизны, то с этой точки зрения следовало бы ожидать, что *понижение* хлебных цен должно повести к снижению общего уровня цен; если хлебные цены, делая скачок вверх, способны „увлечь"—излюбленное выражение многих экономистов, в том числе и принадлежащих к марксистской школе—за собой все другие цены, то они должны были бы „увлекать" их и при своем движении вниз; а между тем этого никогда не случается. В сентябре наши хлебные цены спускались до 15—20 коп. на золото, однако, остальные члены нашего товарного мира, как известно, не последовали за ними; когда же хлеб поднялся до 1—2 рублей, все остальные товары охотно следуют за ним,—хотя, казалось бы, что под гору катиться легче, чем взбираться на гору.

Тем же самым свойством обладают у нас и промышленные товары: в июне—августе, поднимаясь вверх, они оказывались способными увлечь за собой все остальное и вызвать общую дороговизну, но когда в октябре—декабре те же товары, вследствие искусственного снижения цен госпромышленностью, съехали вниз, мы не только не видели общего снижения уровня цен, но, наоборот, начиная с декабря наблюдаем новый его рост.

Не прибегая к помощи каких-либо метафизических сил, нельзя ничем объяснить эту противоестественную тенденцию товарных цен всегда лезть только вверх и никогда не спускаться вниз, поэтому, во всех таких случаях на сцену выступает некий метафизический „дух", дух спекуляции, который, как известно, может только „вздувать" товарные цены, но не „сдувать" их [1]).

Когда в современной литературе рассуждают о вздувании спекулянтами то хлебных цен, то цен на промтовары как факторе дороговизны, то, сравнивая эти рассуждения с рассуждениями о дороговизне из эпохи 1915—16 г., начинаешь думать о том, как мало мы научились за целых 10 лет экспериментов в области денежной политики. . .

Страховые надбавки как фактор дороговизны.

Перейдем теперь к другой „основной причине" дороговизны,— надбавке на цены в целях страховки от обесценения совзнаков. Это объяснение пользуется универсальным признанием как во всех официальных документах, так и в научных докладах и статьях. Никто даже не пытается оспаривать этой теории дороговизны, ставшей как бы аксиомой, а между тем, нет ничего более сомнительного, чем эта теория.

Что производители и продавцы товаров в период обесценения б. денег страхуют себя от эмиссионного налога путем надбавок к основным ценам,—это, конечно, неоспоримый факт. Однако, если мы подойдем к вопросу ближе и попытаемся объективно установить действие страховых надбавок как раз в те месяцы (декабрь—февраль), о которых идет речь, то мы придем к довольно неожиданным выводам. Страховые надбавки на цены являются в общем и целом переложением на потребителя эмиссионного налога, который падает на торговый оборот; поэтому об общей ве-

1) Д. Кузовков. Материалы по теории и политике ден. обращения в России. 1914—1923 г.г. Вестник Соц. Академии, книга 1-ая.

личине возможных надбавок мы можем легко судить по размерам эмиссионного налога. Каковы же абсолютные размеры эмиссионного налога в интересующий нас период? Ценность эмиссии совзнаков определяется в миллионах:

	Черв. рублей.	По индексу Кон. И-та.
В декабре	40	24
„ январе	29	16
„ феврале	22	11

Однако из этой самой по себе ничтожной цифры на торговый оборот, несомненно, падала лишь незначительная доля, ибо основными плательщиками этого налога, как известно, являются получатели заработной платы в совзнаках, а также сам Наркомфин, получающий свои налоги и другие твердые доходы в падающем рубле. Если даже допустить, что на торговый оборот падала, приблизительно, половина эмиссионного налога, то вся сумма налога, подлежавшая переложению, в виде страховых надбавок, будет исчисляться в 5—10 миллионов товарных рублей в м-ц. Если принять во внимание, что размеры оборота исчисляются сотнями миллионов рублей в месяц, то эта сумма эмиссионного налога должна составить ничтожный процент.

Еще более неожиданные выводы получаются, если мы подойдем к вопросу с другой стороны. Страховые надбавки, как известно, вещь не новая и применяется нашим хозяйственным оборотом уже долгие годы; если эти надбавки делались в январе 1924 г., то они делались также и в августе—сентябре 1923 г.: поэтому о страховых надбавках, как о факторе дороговизны в декабре—феврале, можно говорить только постольку, поскольку в эти м-цы темп обесценения *превосходил* темп предыдущих месяцев, т.-е. можно говорить только о *разнице* между новыми и прежними надбавками. Насколько же темп повышения цен декабря—февраля превосходил темп прошлых м-цев? Уровень цен повысился по данным Конъюнктурного Института:

за сентябрь	на	99%
„ октябрь	„	78%
„ ноябрь	„	99%
„ декабрь	„	123%
„ январь	„	206%

Если взять средний темп роста цен *за один день*, то окажется, что в сентябре—ноябре он составлял около 3%, а в декабре—январе—около 4% и в феврале—около 7%, т.-е. *разница* в темпе

выражалась незначительной величиной в 1—3%. Этой же величиной определяется и размер дополнительной страховой надбавки и червонные цены, которые оборот мог делать в декабре—январе по сравнению с предыдущими м-цами. Тем самым с полной ясностью выступает весь мнимый характер страховых надбавок как фактора дороговизны за декабрь—январь.

Но это, однако, еще не все. Если в декабре—январе темп обесценения б. рубля повысился, то это не значит, что в таком же—хотя бы незначительном—размере возрастали и потери оборота на обесценении денег. Против потерь на курсе б. рубля оборот выдвигал все новые и новые приемы, которые не только устраняли добавочные потери, но и понижали абсолютные размеры потерь по сравнению с осенью. Мы знаем, например, какое широкое развитие получила в последние месяцы практика сдачи совзнаков в отделения банков и сберегательные кассы; кроме того, универсальным средством страхования наличных средств являлась покупка червонцев. В условиях резкого обесценения совзнаков, каждый червонец превращался как бы в летучую сберегательную кассу, в которую, по желанию, вкладывали наличные средства и из которой, по мере надобности, брали их, и эта сберегающая функция червонцев играет тем большую роль, чем резче темп обесценения совзнаков.

В конечном счете время пребывания совзнака на руках каждого участника оборота было сведено к самому ничтожному, почти математическому моменту. Поэтому *потери хозяйственного оборота на эмиссионном налоге в связи с повышением темпа обесценения не только не увеличивались пропорционально этому темпу, но даже сокращались.*

Если величина потерь, которые оборот нес от эмиссионного налога, определяется размерами этого налога, то, сравнивая величину этого последнего за декабрь—январь, с одной стороны, и за сентябрь—октябрь, с другой, мы можем судить, увеличивались ли или уменьшались потери оборота, являющиеся мотивом для страховых надбавок. Совзначный эмиссионный налог дал Наркомфину:

Месяц.	В червонных рублях.	По индексу Конъюнк. Ин-та
В октябре	55.276.000	34.800.000
„ ноябре.	44.304.000	27.240.000
„ декабре	39.639.000	23.800.000
„ январе.	29.043.000	16.270.000
За февраль.	22.243.000	10.770.000

Эта табличка красноречиво говорит, что, несмотря на повышение темпа обесценения совзнаков, оборот в январе и феврале те-

рял на эмиссионном налоге все меньше и меньше по сравнению с октябрем.

Однако реальный размер эмиссионного налога определяется не только тем, сколько Наркомфин получил под рубрикой доходов от эмиссии, но и теми потерями, которые Наркомфин нес за то же время в виде недоборов в связи с этой эмиссией. Если, выпустив совзнаков на 10—20 миллионов, Наркомфин в то же время сам потерял на обесценении денег 5—10 мил. или больше, то это значит, что оборот сумел сбросить добрую долю эмиссионного налога. Послушаем, что по этому поводу говорит сам Наркомфин. в своем официальном обращении к населению по поводу прекращения эмиссии совзнаков:

„Последние месяцы определенно показали, что доходы государственного казначейства от эмиссии советских дензнаков все больше отстают от размеров эмиссии и становятся фиктивными. При существовании эмиссии и развитой системы налогов органы Наркомфина сами несут значительные потери на курсовых разницах при невозможности тотчас же израсходовать все суммы, поступившие по госдоходам. Кроме того, известная часть налогов и иных доходов поступает через специальных сборщиков и посредствующие учреждения и обесценивается еще до момента поступления в распределительные органы Наркомфина. Если же прибавить к этим убыткам также и убытки всех учреждений, находящихся на государственном и местном бюджетах (особенно НКПС и Наркомпочтель), а также Госбанка, Госстраха и пр., то станет ясно...“

Что ясно? Что реальные размеры эмиссионного налога, падающие на хозяйственный оборот в последние месяцы не только не увеличились, но резко сократились...

Указывая на то, что размеры эмиссионного налога в последние месяцы перед реформой не повышались, а понижались, мы ничего не говорили о тех накладных расходах, которые нес оборот в его борьбе против эмиссии, а между тем эти расходы в данном случае необходимо учесть.

Те новые приемы, которые выдвигал оборот против эмиссионного налога, требовали часто сложной и разветвленной организации, настоящего „аппарата“, который и был стихийно создан в эти месяцы.

Этот аппарат состоял прежде всего в многотысячной армии посредников по обмену падающего дензнака на устойчивый червонец и сертификат („валютчики"), экономическая функция которых сводилась к содействию населению в его борьбе против эмиссионного налога путем ускорения перебрасывания совзнака с рук на руки.

Следующую часть аппарата составляли сберегательные кассы, принимавшие и выдававшие дензнаки в червонном исчислении и игравшие в сущности ту же самую роль, что и агенты черной биржи,—роль аппарата по быстрейшему сбыванию с рук падающих денег. В Германии эту роль выполняли, главным образом, так называемые меняльные конторы (Wechselstube), которые, впрочем, соединяли в себе как страховые функции сберегательных касс, так и функции нашей черной биржи.

Наконец, завершением всей этой системы являлись банки и их отделения с Госбанком во главе, широко развившие их страховые операции.

Но наиболее важным условием успешной и выгодной борьбы с эмиссионным налогом было наличие в обороте на-ряду с падающим совзнаком устойчивой червонной валюты: имея возможность превратить в нужный момент падающие деньги в деньги устойчивые, оборот при содействии указанного аппарата трансформировал движение денежной массы таким образом, что во всех тех случаях когда деньги движутся замедленным темпом, они приобретают форму устойчивой валюты, в тех же случаях, когда движение денег может совершаться ускоренным темпом - они превращаются в дензнаки. Таким образом при содействии армии валютчиков, сберегательных касс и банков устойчивая валюта была стихийно размещена и держалась на участках наиболее замедленного движения денежной массы, падающая же совзначная валюта была отгеснена на участки с максимальной быстротой обращения.

Благодаря этому распределению ролей между двумя валютами сфера обращения совзнака крайне сузилась, а средняя скорость обращения совзнака, оставшегося лишь на участках наиболее быстрого течения денежной массы, резко повысилась, а так как совзнак был орудием эмиссионного налога, то тем самым соответственно сократились и размеры этого налога. Организовав, в значительной степени, при содействии наркомфина, усовершенствованный аппарат по перебрасыванию совзнака, оборот освободился, таким образом, от эмиссионного налога. Однако

эти результаты давались обороту не даром. Стоимость огромного аппарата, начиная с агентов черной биржи и кончая банками, должен был оплачивать тот самый оборот, который пользовался услугами этого аппарата. Справедливость требует сказать, что армия черной биржи брала за свою работу не так много, как это принято думать, — ибо при огромных кадрах безработных в среде крупной, средней и мелкой буржуазии, при полной свободе конкуренции в этой области, при конкуренции банков и сберегательных касс, действовавших на основе „себе-стоимости" этих операций, „заработная плата" валютчиков не могла держаться на очень высоком уровне.

Сбрасывая с себя эмиссионный налог, исчислявшийся раньше десятками миллионов золотых рублей, оборот отдавал часть своих выгод на содержание этого вспомогательного аппарата. Никто, конечно, не может определить, как была велика эта часть, но, однако, если даже она была близка к сумме всего прежнего эмиссионного налога, оборот все же находил выгодным оплачивать содержание аппарата, так как этим он защищал себя от более высоких потерь, чем те, которые он нес от налога.

Оборот, все и вся калькулирующий, и здесь действовал на основе простого коммерческого расчета: сравнивая стоимость услуг аппарата с величиной эмиссионного налога, он находил более выгодным платить аппарату, чем Наркомфину.

Однако, повторяем, эта калькуляция складывалась в пользу черной биржи и банков только при наличии определенных конкретных условий: во первых, при наличии рядом с падающей валютой валюты устойчивой, являющейся спорным базисом для работы посредников, и, во-вторых, при известной высоте темпа обесценения падающей валюты; без этих условий калькуляция должна была сложиться и складывалась (раньше) в пользу эмиссионного налога.

Но если указанные условия налицо, если аппарат оказывается экономически-выгоден и оборот обзавелся таким аппаратом, он без труда и при тех же издержках парирует эмиссии Наркомфина.

При таких условиях дальнейшее повышение обесценения валюты перестает увеличивать накладные расходы оборота по уплате эмиссионного налога или по борьбе с ним [1]).

---

[1]) При германском темпе обесценения бумажных денег или вызывает переход к натуральному обмену или начинает просто разрушать народное хозяйство; однако последствия этого рода выходят за пределы вопроса о страховых надбавках.

Итак, мы, несомненно, имеем здесь случай своего рода аберрации общественно-экономической мысли, примерно, такого же порядка, как господствовавшее в свое время (1915—1917 г.г.) в умах убеждение, что основной причиной дороговизны является спекуляция торговцев. Фактически „страховые надбавки“ представляют, очевидно, в значительной своей части не причину, а только *мотив* или повод для повышения цен, которое делается возможным или даже диктуется, как необходимость, в силу совершенно иного рода причин.

Кроме того, не малую роль в этих „надбавках“ играет та разница между официальным и рыночным курсом червонца, о которой мы будем говорить ниже. Если рыночный курс червонца равен 100, а Госбанк снижает его до 90, то прежние 100 миллиардов б. рублей оказываются равными уже не 10, а 11 червонных. При таких условиях *все цены в б. рублях*, существующие на частном рынке, *переведенные по официальному курсу на червонцы*, номинально повышаются на 10%. В то же время это снижение, как мы видели, превращается для госпромышленности не в номинальное, а реальное снижение товарных цен в б. рублях и вызывает у нее тенденцию к соответствующей компенсации в виде повышения цен в червонном исчислении. Если даже эта тенденция не может осуществиться по отношению к отпускным (оптовым) ценам госпромышленности, то эта тенденция гораздо легче реализуется по отношению к ценам розничным.

Если допустить, что 10 аршин сукна в оптовой торговле стоят 1 червонец, то при снижении официального курса со 100 до 90, оптовик, оставаясь при прежних червонных расценках, будет получать в б. рублях вместо прежних 100 млд., только 90. Однако, так как розничный торговец меньше подчиняется указанным ценам и считается только со спросом потребителя и потому не склонен снижать по команде Госбанка цены в б. рублях, то он попрежнему будет брать за 10 аршин те же 100 млд.; таким образом, в силу только одного искусственного снижения официального курса против рыночного, создается различие между оптовыми, указными ценами, и розничными, т. е. вольными ценами.

Розничная торговля фактически остается *при прежних ценах* в б. рублях, *а кажется, что она подняла их*, в сравнении с оптовиками, на 10%. В действительности, снижает цены в б. рублях оптовик, а кажется, что розничный торговец делает ничем не мотивированную надбавку к оптовой цене в 10%.

Таким образом снижение официального курса червонца *при сохранении прежних червонных цен* в оптовой торговле *и при сохранении прежних цен в совзнаках* в розничной торговле автоматически создает надбавку, равную разнице между официальным и рыночным курсом червонца.

Это явление, которое будет рассмотрено в теоретической части, есть прямой результат „червонного исчисления при совзначном получении", господствующего в сфере госпромышленности во время искусственного снижения официального курса червонца против рыночного.

Эти надбавки, разумеется, не имеют никакого отношения к страховым надбавкам. Однако в головах действующих лиц они легко смешиваются. Провести различие между ними бывает трудно даже экономистам; такое смешение делает, очевидно, и т. Сокольников, когда он пишет [1]:

> „Цена пуда картошки на рынке при уплате совзнаками и цена этого же пуда при уплате серебром представляют совершенно различные величины, ибо в том и другом случае цены определяются в двух различных валютах. Перевод совзначной валюты на твердую по официальному курсу неправилен, так как на вольном рынке частный продавец (и вообще розничный торговец, *Л. К.*) не может быть принужден исходить из официального курса и фактически включает в продажную цену страховую надбавку на падение курса в том максимальном размере, какой позволяет ему рыночная конкуренция. Теперь предстоит переход всей розничной торговли от „червонного исчисления в совзначном выражении" к действительным определениям цен в твердой валюте".

Здесь т. Сокольников говорит, с одной стороны, *о номинальной* надбавке, которую делает рыночный торговец, не желающий подчиняться курсу Госбанка, а с другой стороны,—о реальной „страховой надбавке на падение курса".

Повышение в целях страховки есть вполне реальная надбавка, увеличивающая реальную цену товара в совзнаках, повышение же, связанное с разницей между официальным рыночным курсом червонца, является номинальным, ибо количество совзнаков, платимых за товар, остается прежним.

---

[1] Фин. Газета 7 III 1924 г.

С переходом от совзнаков к твердой валюте явления, связанные с искусственным снижением курса червонца, отпадают, и оптовая торговля начинает не только исчислять в червонцах, но и получать в них, а том самым оптовые цены реально повышаются в то время, как розничные остаются в том же понижении, в каковом они были к моменту замены дензнака. Различие между реальной страховой надбавкой и номинальной, кажущейся надбавкой на розничные цены против оптовых, связанной с отклонением официального курса от рыночного, имеет большое значение для политики цен после перехода к твердой валюте: поскольку розничные цены, существовавшие до начала политики снижения официального курса, были в известном смысле вполне „нормальными" ценами, уровень которых диктовался соотношением между денежной массой и размерами товарного обращения, постольку попытка их снижения в связи с переходом к твердой валюте превращается уже не в „срезание" страховых надбавок, а в реальное снижение червонных цен и представляет значительно более сложную и трудную задачу.

Однако, говоря об отклонении официального курса червонца от рыночного, как о факторе денобразования, мы ни в коем случае не думаем прибавить этому фактору сколько-нибудь решающее значение в том движении уровня червонных цен, которое произошло у нас за декабрь—февраль,—ибо это изменение уровня было результатом совершенно иных, более могущественных факторов; мы хотим только оттенить, что страховые надбавки смешивают с разницей в ценах, вызываемой отклонениями официального курса, и тем самым преувеличивают значение этих надбавок.

Вообще, природа того, что принято называть страховыми надбавками, имеет очень сложный состав: в одних случаях перед нами просто *мотивы или предлог* для повышения цен; в других случаях это результат искусственного снижения официального курса в сравнении с рыночным; в третьих—это символ спекулятивного „вздувания" цен, которое превращается в самостоятельный фактор дороговизны, но который в действительности есть производное явление; и, наконец, в четвертых, — в известной небольшой мере это переложение эмиссионного налога на покупателя, которому придают слишком большое значение.

———

Действительные факторы повышения цен.

Обращаясь к вопросу о том, каковы же действительные причины повышения червонных цен в декабре—феврале, мы прежде всего должны принять во внимание те факторы, которые привели к летнему снижению червонца и к осенней его стабилизации.

Основным фактором летнего снижения было, как мы видели, форсирование червонной эмиссии и летнее сжатие рынка. Основными факторами осенней стабилизации явились: сезонное расширение товарооборота, резкое сжатие эмиссии, взимание в денежной форме единого сельско-хозяйственного налога, потребовавшего некоторого количества денег, и, наконец, продолжающийся общий процесс внедрения червонца и вытеснения совзнака.

Однако, начиная с декабря, действие указанных факторов изменяется. Важнейшим моментом здесь является прежде всего начавшееся сжатие всего товарного обращения, о котором говорилось выше. Товарооборот, резко расширившийся под влиянием осенней реализации урожая, теперь принимает свои, можно сказать, более нормальные размеры.

Это осеннее расширение и последующее сжатие, как известно, является органическим явлением всякого народного хозяйства, за исключением таких, как, например, Англия, где роль сельского хозяйства сведена до минимума. Это расширение и сжатие имело огромное значение в довоенной России. Проф. Л. Яснопольский пишет:

> «И в прежние времена Госбанк осенью всегда выпускал крупные суммы кредитных билетов, которые погашались весною по окончании хлебной кампании. Максимум эмиссий всегда, почти без исключения, приходился на 1 октября, минимум на разные месяцы I полугодия следующего календарного года.
>
> Вот табличка для довоенного пятилетия (в миллионах рублей):

Годы.	Пасхалия дензн.	Минимум.	Максимум.	Разница.
1909	—	1051 (май)	1287 (окт.)	+ 236
1910	200	1087 (июль)	1298 (окт.)	+ 211
1911	102	1196 (май)	1386 (нояб.)	+ 190
1912	86	1300 (авг.)	1542 (окт.)	+ 242
1913	77	1465 (май)	1711 (окт.)	+ 246
1914	90	1621 (февр., март)	—	—

Как осенние выпуски, так и весенние изъятия были регулярным и вполне нормальным явлением вашего коммерческого оборота. Кредитные билеты выпускались Госбанком по его активным операциям, и через несколько месяцев эти ссуды погашались, а оборот соответственно сжимался [1]).

Таблица, приводимая проф. Яснопольским, показывает, что даже в прежнее время, при золотом обращении, ценность денежной массы, необходимой для оборота, в различные месяцы года резко колебалась, при чем размер колебания (разница между осенью и весной) доходил до 22%. Одна и та же денежная масса в различные месяцы года была или слишком велика, или слишком мала. Это несоответствие между массой денег и размерами оборота устранялась действием развитой системы кредита, при помощи которой удавалось сжимать или расширять денежную массу в обороте и тем устранять резкие колебания общего уровня цен, возможное в особенности при бумажно-денежном обращении. Система кредита играла роль рессор, смягчавших резкие толчки; она снабжала основное ядро денежной массы (минимум средств обращения) как бы эластичной резиновой оболочкой, которая, сжимаясь и расширяясь, „подгоняла" размеры этого ядра к размерам товарного обращения.

Зададим себе на минуту вопрос,—что было бы в довоенное время, если бы вместо золота в обороте были б. деньги в определенном неизменном количестве и если бы в то время отсутствовала регулирующая роль кредита. Для тех, кто исходит из теории ценности б. денег, формулированной Марксом, ответ будет ясен и прост: осенью происходило бы значительное снижение товарных цен, повышение ценности денег, весной же обратно—рост цен и падение ценности денег.

В какую сторону изменилось прежнее положение дел в наше время? Сейчас, прежде всего, значительно увеличилась амплитуда колебания в размере самого товарного оборота. При более быстром восстановлении сельского хозяйства и отставании промышленности, удельный вес первого сильно повысился, а вместе с тем повысилась и пертурбационная роль осеннего наплыва сельско-хозяйственных продуктов. Общие размеры товарного обращения в осенние месяцы резко выделяются на общем уровне всего остального года, и соответственно с этим размер денежной

[1]) Торг.-Пром. Газета. 30/X—23 г.

массы, необходимой для осеннего товарообмена, еще более, чем прежде, превосходит средние размеры этой массы в течение года.

Но если теперь возросли колебания в размерах необходимых средств обращения, то, с другой стороны, резко понизилась эластичность денежной системы, и при том в двух направлениях: во первых, перестала выполнять свою регулирующую роль кредитная система, находящаяся сейчас в зародыше; во-вторых, изменилось строение самой денежной массы. Прежде далеко не вся масса в $2^1/_2$ миллиарда золотых рублей выполняла активные функции обращения; значительная ее часть, находясь в руках крестьянства и мелкой буржуазии или была тезаврирована, в точном смысле этого слова (длительная тезаврация), или же выполняла пассивные функции кассовых запасов хозяйства.

Эти пассивные части составляли как бы резерв для тех частей денежной массы, которые непосредственно выполняли функции обмена; эти резервы, находясь в сундуках и карманах обывателей, выполняли ту же умеряющую роль, какую выполняла и кредитная система. Если бы представить на момент, что прежняя денежная система не обладала этим резервом и вся масса в $2^1/_2$ млд. была бы меньше па величину этого резерва, то сезонные колебания размеров денежной массы, при таком составе, были бы гораздо сильнее, чем показывает таблица проф. Яснопольского. Если бы, например, при выключении резервных частей, минимальная денежная масса на 1909 г. в 1051 миллионов снизилась, скажем, до 700 мил., то прежняя разница в 236 миллионов составила бы не 22, а уже 35% основной массы.

Таким образом амплитуда колебания в размерах денежной массы, доходившая прежде до 22%, в наше время, несомненно, должна еще более увеличиться. Нет никаких сомнений, что и в этом году денежная система, начиная с декабря, не могла избежать действия этого могучего фактора: действие сжатия товарного оборота будет продолжаться теперь вплоть до конца летнего периода; оно будет повторяться и в последующие годы и составит одну из важнейших проблем нашего денежного обращения.

Далее, начиная с декабря, прекратило свое действие не только осеннее расширение рынка, но и осеннее расширение налоговой системы. Осенний сбор налогов, требовавший дополнительного количества денег, начиная с декабря, приходит к концу, и соответствующая масса денег делается излишней для оборота.

В связи с тем, что довоенное обложение деревни базировалось на косвенных налогах (водка), которые более или менее равномерно поступают в отдельные части года, а теперь мы перешли к прямым налогам, приуроченным к осеннему сбору урожая,— в связи с этим мы имели этой осенью и будем также иметь в будущем новый фактор сезонного расширения денежной системы и более сильного сжатия ее в другие периоды года.

Переходя к третьему фактору, который осенью способствовал устойчивости червонца,—постепенному внедрению червонца в оборот, мы видим, что и здесь в зимние месяцы этого года перспективы червонца значительно ухудшаются. Первые одиннадцать месяцев 1923 года червонец как устойчивая валюта заполнял те пустоты в сфере денежного обращения, которые создались в нем под влиянием отсутствия устойчивых денег и натурализации хозяйства в предыдущие годы.

Основными этапами этого процесса были сначала февраль-май 1923 года, когда червонец заполнял пустые места в городском обороте, затем—август, сентябрь, октябрь, когда червонец получил доступ в деревню. В общем и целом весь 1923 г. был периодом экстенсивного роста червонного оборота, когда ему удавалось без борьбы или почти без борьбы захватывать обширные новые территории, неосвоенные вообще никакой новой валютой. Однако приходится констатировать, что и в этот период распространение червонца шло крайне медленно. Сделав крупные успехи за январь—апрель, в течение которых общее количество червонцев в обращении увеличивалось с нуля до 37 миллионов с реальной ценностью в 39 миллионов довоенных золотых рублей, червонец дальше движется очень медленно.

Дальнейшее возрастание червонной массы сопровождается падением ценности червонца и поэтому возрастание ценности червонной массы идет гораздо медленнее увеличения ее объема:

Месяцы.	Кол. черв. рублей в обороте в миллионах.	Ценность червонной массы По индексу конъюнкт. института.
Январь 1923 г.	3,5	3,0
Февраль	8,5	7,2
Март	16,0	12,4
Апрель	25,6	20,3
Май	37,5	32,7
Июнь	47,4	33,9
Июль	70,0	34,6

Август	111,2	60,3
Сентябрь	165,1	97,8
Октябрь	207,3	124,5
Ноябрь	224,7	132,8
Декабрь	226,0	131,3
Январь 1924 г.	237,1	143,0
Февраля 1-го	259,6	139,9
11-го	267,2	138,1

Последние цифры приведенной таблицы требуют некоторого пояснения. До-январские цифры Кон. И-та исходили из официального, более низкаго курса червонца; начиная же с января, в основу кладется более высокий, вольный курс; в результате этого—ценность червонной массы на 1 января 1924 г., исчисленная первоначально по официальному курсу, составляла 132,1 миллиона (№ 1 бюллетеня, стр. 15), с переходом же к новому методу та же ценность на 1 января выразилась уже в 143 мл., т.-е. номинально повысилась более чем на 8% (см. № 2 бюллетеня, 19).

Если учесть это номинальное повышение, то получится, что, начиная с ноября до средины февраля, ценность червонной массы, увеличившейся с 224,8 мл. до 257 мл., не только не возросла, но даже на несколько процентов снизилась.

Таким образом, начиная с мая, червонная масса растет в значительной степени за счет самообесценения; а начиная с ноября, дальнейший ее рост прекращается, несмотря на увеличение ее объема.

К этому надо добавить, что даже эти незначительные успехи червонец делает в значительной степени не за счет освоения им новых девственных территорий, не за счет денатурализации народного хозяйства, а главным образом за счет легкого вытеснения из старой сферы денежного обращения ее хозяина—совзнака.

Под влиянием вытеснения совзнака червонцем, ценность совзначной массы сокращалась таким образом (в товарных руб.):

Месяц.	По индексу Конъюнкт. Института.
1 апреля	116,0
1 мая	114,7
1 июня	88,7
1 июля	76,6
1 августа	60,3
1 сентября	45,3

1 октября	34.1
1 ноября	45.2
1 декабря	41,9
1 января	33.1
1 февраля	21.1
15 февраля	19,8

Эта табличка показывает, что до настоящего времени работа червонца сводилась не столько к борьбе с натурализацией народного хозяйства, сколько к более легкой борьбе со старым советским рублем.

Небезынтересно сравнить в этом отношении наш червонец с германской рентовой маркой: появившись только в середине ноября, германская новая марка за короткое время успела получить огромное распространение в обороте, при чем, что еще более интересно, это гигантское расширение новой валюты сопровождалось не вытеснением старой валюты, а, наоборот, одновременным расширением ее обращения.

15-го ноября, когда впервые появилась рентовая марка, в обороте было 93 триллиона старых марок, общая ценность которых определялась в 93 миллиона золотых; к 1-му января, т.-е. за полтора месяца в обращении было уже 1200 миллионов рентовых марок с вполне устойчивой ценностью и, кроме того, 500 триллионов (т.-е. в пять раз больше ноябрьской цифры) старых бумажных марок, курс которых после 15 ноября оставался неизменным таким образом невиданно быстрое внедрение новой валюты сопровождалось увеличением в пять раз количества и ценности старой валюты.

Этот разительный успех новой валюты в Германии и крайне медленные успехи ее у нас, независимо от частностей [1]), является в основе результатом различного состояния народного хозяйства этих двух стран; оно показывает, насколько обнищала наша страна и как глубоко за 10 лет прошла натурализация хозяйственных отношений; оно вместе с тем говорит, что оптимизм наших руководящих органов финансовой политики, рассчитываю-

---

[1]) Одной из таких частностей являются, несомненно, колебания ценности червонца, которые произошли, например, и связи с „сознательным" снижением ценности червонца до ценности доллара (стр. 100); эти колебания оставили в головах населения определенное недоверие к прочности червонной валюты; при таком недоверии, многомиллионная масса крестьян и мелкой буржуазии избегает накоплений в червонцах,—тех накоплений, которые так расширяли сферу обращения прежнего кредитного рубля.

щих на быстрое расширение сферы денежного обращения и строящих свои бюджетные планы на возможности порядочно здесь „заработать", этот оптимизм пока не оправдывается историей нашего червонца.

Каковы в самом деле перспективы расширения нашего денежного обращения, которое до войны измерялось в $2^1/_2$ миллиарда на золото?

Теперь Россия вместо прежних 170 миллионов населения охватывает только около 125 мл.; наша промышленность сократилась почти в три раза, а сельское хозяйство на $^1/_3$

Кроме того, надо учесть то, что квартирная плата в городах, взимание которой требует наличия в обороте больших денежных масс, сейчас почти не существует; далее крупное помещичье землевладение, бывшее в деревне носителем денежного хозяйства, ликвидировано, крестьянское же хозяйство стало более натуральным, чем раньше, и притом не только потому, что свои продукты оно предпочитает обменивать, не прибегая по возможности к деньгам, но и потому, что сильно понизился процент товарности крестьянского хозяйства (замена ситца холстом, сукна— овчиной и т. п.).

Наконец, с расширением государственного хозяйства за счет национализации крупной промышленности, подвергшейся при этом трестирозанию, перемещение ценностей и здесь чаще, чем раньше, совершается без посредства денег в натуре. К этому надо присоединить, что государство до войны взимало почти три миллиарда одних налогов, теперь же *налоговый* бюджет составляет не более 1 миллиарда в червонном исчислении, или около 500 миллионов в довоенных рублях, что точно так же снижает количество необходимых для оборота денег.

При таких условиях об'ем товарно-денежного обращения составляет едва ли больше одной четверти прежнего, и соответственно с этим ценность денежной массы, необходимой для оборота, едва ли превышает 500 миллионов на довоенное золото, вместо прежних почти $2^1/_2$ миллиардов.

Таким образом перспективы увеличения денежной массы вообще и червонной в частности — у нас очень ограничены [1]).

---

[1]) Однако и к этому необходимо сделать некоторые поправки, т. к. на-ряду с легальной советской валютой в обращении продолжает и будет продолжать циркулировать не менее 100 миллионов старой золотой монеты и, кроме того, в оборот проникла значительная масса иностранной валюты, вытеснение которой долго будет представлять трудную задачу.

Как известно, Наркомфин в своих планах и предположениях часто ссылается на то, что до войны у вас было денег в 10 раз больше, чем сейчас, и на этом строит свои надежды получить большой добавочный доход от снабжения оборота устойчивой валютой. Однако приведенные соображения говорят, что эти расчеты плохо продуманы и приведут к большим ошибкам и неожиданностям. Тот факт, что более чем за год своего существования червонец сделал столь ничтожные успехи, в то время как германская рентовая марка сделала головокружительную карьеру за 2 месяца, вполне согласуется с приведенными общими соображениями об узких границах, поставленных у нас для крупно-купюрного червонного обращения [1]).

Однако, не забегая в будущее и возвращаясь к предмету нашего изложения, мы должны сказать на основании приведенных цифр, что в последние месяцы внедрение червонца в оборот приостановилось. Такая приостановка объясняется тем, что процесс вытеснения червонцем совзнака из области крупного оборота закончился уже раньше, проникнуть же в сферу мелкого оборота червонец как крупная купюра не мог. Период легких завоеваний за счет совзнака прошел, и теперь червонцу предстоит более трудная борьба за денатурализацию хозяйства.

Таким образом все три отмеченные фактора—и зимнее сокращение товарного оборота, и окончание налогового сезона, и остановка в дальнейшем расширении червонца за счет совзнака—действовали в одном и том же направлении, ухудшая перспективы для дальнейших червонных эмиссий.

---

[1]) *Корректурное дополнение.* К средине апреля 1924 года вся денежная масса, включая и нее и крупно-купюрную (червонцы и обязательства Центрокассы) и мелко-купюрную валюту (казначейские билеты, серебро и старые деньги), будет достигать около 500 миллионов в червонном исчислении, или около 300 мл. довоенных рублей; таким образом в обороте имеется приблизительно уже около половины того, что обороту сейчас необходимо. При этом оборот продолжает требовать добавочных порций мелко-купюрной казначейской валюты, но давно уже насыщен крупно-купюрной червонной валютой, что выражается не только в предшествующем росте *червонных* цен, но и в стихийном стремлении населения к обмену старых „золотых" червонцев неведомые до сих пор населению бумажные билеты. И если сфера мелко-купюрного обращения доставила Наркомфину приятный сюрприз, то сфера крупно-купюрного обращения не открывает каких-либо перспектив даже и будущей осенью, и поэтому в деле планов червонной эмиссии Наркомфину придется быть очень осторожным.

Объективные условия для червонных эмиссий складывались крайне неблагоприятно. Наоборот, если иметь в виду, что червонец в ноябре был близок к состоянию инфляции [1]) и что за осенним расширением оборота и налоговой системы должно последовать обычное их сжатие, то для того, чтобы предохранить червонец от инфляции, необходимо было бы, по примеру довоенной политики Госбанка (см. таблицу проф. Яснопольского) начать изъятие части червонной массы из оборота; однако о таком изъятии, разумеется, не приходилось даже и думать, наоборот, эмиссия все более увеличивалась.

За ноябрь и февраль было выпущено в оборот червонцев и платежных обязательств центрокассы в миллионах черв. рублей: [2])

Месяц.	Червонцев.	Платежн. обязател.	Всего в черв. руб.
За ноябрь	1.26	8.31	9.58
За декабрь	11.11	5.12	16.13
За январь	22.25	7.10	29.35
За февраль	27.36	14.14	41.51
Всего за 4 месяца (круглое)	62	35	97

Если иметь в виду, что на 1 ноября было в обращении червонцев на 224.782.000 и платежных обязательств на 46.803.000, а всего на 271.587.000, то получается, что в зимние месяцы не только не произошло сокращения общей массы устойчивой валюты, но, наоборот, получилось новое значительное ее увеличение, приблизительно на 36 процентов.

Совершенно ясно, к каким неизбежным последствиям это должно было привести. Из трех факторов, которые в осенние месяцы способствовали усвоению оборотом новых порций червонцев и были факторами дефляции, два фактора—сокращение оборота и окончание налоговой кампании в деревне—сами превратились

[1]) Об этом достаточно свидетельствует тот резкий перерыв в червонной эмиссии в ноябре, который привел к тяжелым осложнениям для госпромышленности и к сужению средств для хлебозаготовок.

[2]) Обязательства центрокассы являются фактически крупно-купюрными твердыми деньгами, выписанными на золото. Кроме обязательств центрокассы, с ноября входит в оборот до 10 миллионов жел.-дор. сертификатов; однако, являясь более мелкой купюрой, чем червонец, сертификаты не могут быть объединены с червонцами,—они были скорее предшественниками казначейских билетов и поэтому должны быть рассматриваемы вместе с ними.

факторы инфляции, действие же третьего (общий процесс внедрения червонца) было почти нейтрализовано остановкой дальнейшего вытеснения совзнаков.

Единственным фактором *расширения* червонного обращения был теперь общий процесс денатурализации народного хозяйства, но, как показала предыдущая история, этот процесс протекает крайне медленно; в то же время этому единственному фактору дефляции теперь противостояли два фактора инфляции со стороны оборота и третий фактор—инфляции со стороны самого Наркомфина, в виде непрерывных эмиссий новой валюты. Учитывая крайне медленный процесс завоевания червонцем новых областей народного хозяйства, можно предвидеть, что эта борьба кончится торжеством инфляционных тенденций. Червонная масса осенних месяцев, пополняемая все новыми эмиссиями, оказалась слишком велика для зимнего периода. Поглощательная способность оборота, растущая только за счет медленного внедрения червонца в обращение, оказалась слишком незначительной, чтобы компенсировать действие факторов инфляции.

Таким образом для того, чтобы понять рост червонных цен в зимние месяцы, нет никакой необходимости прибегать к такого рода сомнительным причинам, как относительные колебания хлебных цен или страховые надбавки. История червонных цен в эти месяцы является логическим выводом из всей предыдущей истории червонца.

Финансовая реформа и сопутствующие ей явления.

Неизбежным последствием несоответствия между размерами бумажно-денежной массы и потребностью оборота в деньгах является, как известно, рост цен, который, понижая покупательную силу отдельной денежной единицы, ликвидирует таким путем указанное несоответствие, — такой вывод можно сделать из теории ценности б. денег, формулированной К. Марксом. Рассуждения на тему о том, что для нас де не писаны законы денежного обращения, регулирующие народное хозяйство капиталистических стран (см. выше цитату из „Эк. Жизни", стр. 97) равносильны утверждению, что указанная теория ценности не имеет для нас никакой цены. Те, кто пытается игнорировать эти якобы сданные в архив законы денежного обращения, почувствуют на своей спине их могущественное действие.

Каким образом можно ликвидировать указанное несоответствие между размерами бумажно-денежной массы в потребностью в ней народного хозяйства? Та же самая теория ценности денег дает на этот вопрос совершенно ясный ответ: необходимо „срезать“ не повышение цен, а излишек денежной массы или путем изъятия из оборота части денег или, если последнее невозможно, — путем общего повышения товарных цен.

Однако наша финансово-экономическая политика вступила на совершенно иной путь,—на путь твердых цен и товарной интервенции. Каковы перспективы такой политики? Возможно ли удержать такими методами в настоящих условиях прежний уровень товарных цен и ценность червонца?

При ответе на этот вопрос необходимо иметь в виду, что дело идет не только об удержании товарных цен на уровне февраля, но и о доведении их до прежнего „нормального“ уровня. Как мы видели выше (стр. 100), по мнению тов. Сокольникова, этот уровень — около 60 — 70%. На этом уровне должна держаться банкнота, потому что она представляет собой не довоенное золото, а нынешнее обесцененное золото“.

В рыночных условиях января—февраля покупательная сила червонца, как видно из таблицы, приведенной выше (стр. 103), снизилась значительно ниже этого „нормального“ уровня, о котором говорил т. Сокольников, и для того, чтобы восстановить его прежнюю покупательную силу, необходимо снизить февральские цены. Одновременно же с этим необходимо бороться с дальнейшим повышательным стремлением цен, создаваемым означенными выше факторами.

Насколько реальна задача, поставленная нашей финансово-экономической политикой? Здесь, прежде всего, необходимо отметить, что самое снижение товарных цен обозначает повышение покупательной силы каждой отдельной денежной единицы, в результате чего прежняя масса товаров, проходящая через рынок может быть реализована при помощи меньшего количества денег, а освобождающаяся таким образом часть средств обращения остается незанятой в процессе этого обращения и начинает давить на уровень цен в смысле их повышения.

В переводе на более конкретный язык товарного оборота это значит, что если для покупки данной единицы товара раньше надо было, например, 10 золотых рублей, то с понижением цен на 20% для той же самой покупки понадобится только 8 руб., оставшиеся же у покупателя 2 рубля увеличат его покупатель-

ные средства и соответственно повысят его спрос на товары. Таким образом самое снижение цен, уменьшая количество денег необходимых для оборота, ведет к появлению излишних средств обращения, к повышению спроса и само в себе носит неустранимые тенденции к повышению цен.

Товарная интервенция.

Положение значительно меняется, если одновременно с понижением цен государство выступает с товарной интервенцией, которая увеличивает общие размеры товарного обращения; в этом случае освобождающаяся часть бумажных денег находит себе применение в реализации этой добавочной массы товаров, не вызывая тенденции к повышению цен.

Если одновременно с понижением цен на 20% товарные интервенции выбрасывают на рынок такое количество товаров, которое составляет 20% всей прежней товарной массы, реализуемой при посредстве денег, то это компенсирует [1]) действие понижения цен.

Однако здесь необходимо уточнение вопроса. За счет чего может быть произведена товарная интервенция? За счет *готовых товарных запасов*, имеющихся в распоряжении государства; однако в состав товарной массы, выбрасываемой на рынок, могут входить только вполне готовые продукты, потребляемые непосредственно населением, что же касается сырья, полуфабрикатов и фабрикатов (машины и т. д.), которые не прошли еще все стадии превращения в продукты непосредственного потребления, то эти категории не могут входить в товарный фонд интервенции, ибо расширение потребления этих элементов производства возможно лишь при общем расширении всего производственного аппарата, что, как известно, составляет совершенно самостоятельную проблему, которую нельзя решить по дороге между делом.

Таким образом государству приходится повышать общую массу реализуемых на рынке товаров—включая сюда и элементы потребления и элементы производства—путем выбрасывания на рынок только таких товаров, которые служат предметом непосредственного потребления.

---

[1] Впрочем, компенсирует не вполне, ибо добавочные порции товаров будут реализироваться не по старым, а по новым, пониженным на 20% ценам.

Однако в действительности дело обстоит еще сложнее, ибо понижение уровня цен на 20% означает, что понижаются не только цены товаров, в прямом смысле этого слова, но и понижается (номинально) цена того товара, который носит название рабочей силы, т.-е. заработная плата, понижение же денежного выражения заработной платы обозначает освобождение также и части тех денежных масс, которые заняты „реализацией“ этой категории товаров.

Однако в этом вопросе имеется еще одна сторона, быть может, наиболее существенная. Дело в том, что, как известно, каждая денежная единица приводит в движение не одну, а десятки равноценных ей товарных единиц.

„Товар,—пишет К. Каутский,—совершает на товарном рынке лишь одно движение: он один раз меняет своего хозяина, после чего он перестает быть товаром, исчезая с рынка, и более или менее быстро потребляется. Производитель продает свой товар потребителю, и после этого товар уже не играет никакой роли в товарном мире. Иначе обстоит дело с деньгами. Раз появившись на рынке, они уже больше не покидают его. Деньги вечно живут на рынке—кроме случаев порчи их,—между тем как другие товары, раз они куплены потребителем, навсегда исчезают с рынка“.

„Появление на рынке новой массы денежных средств,—продолжает Каутский,—вызывает спрос на товары в гораздо большем (по ценности) количестве, чем то, которое она сама составляет“ [1]).

Применяя это положение к вопросу о товарной интервенции, можно сказать, что если в народном хозяйстве имеются излишние массы денег, то для того, чтобы устранить ее повышательное давление на цены, необходимо, чтобы интервенция была длительной и чтобы добавочная масса товаров, выбрасываемая на рынок, во столько же раз превосходила массу излишних денег, сколько оборотов за период интервенции сделает в среднем отдельная денежная единица. Конкретно, если в обращении имеется излишних денег на 50 миллионов золотом, если за период интервенции, например, в полгода, отдельная денежная единица делает в среднем 20 оборотов, то товарный фонд интервенции должен составить запас товаров в 1.000 милл. на золото.

---

[1]) Изменение в условиях производства золота и меняющийся характер дороговизны. Сборн. „Деньги и денежное обращение в освещении марксизма“. стр. 113.

Если же фонд интервенции недостаточен, чтобы выдержать шестимесячную осаду излишних 50 миллионов, если его хватит на короткое время, то политика интервенции кончится поражением, бесполезной растратой товарных запасов и крупными убытками для государства.

В конечном счете успех задачи, преследуемой интервенцией, зависит от конкретного соотношения следующих величин: размеров излишней денежной массы и быстроты обращения денег, от размеров товарного фонда интервенции и от сроков, которые поставлены интервенции. В свою очередь размеры излишней денежной массы в наших условиях будут зависеть от амплитуды колебания между осенним максимумом и будущим летним минимумом [1]) обращения, от размеров излишней денежной массы, имеющейся уже сейчас [2]), от поглощающей способности народного хозяйства, растущей в связи с внедрением в оборот червонца и денатурализации народного хозяйства. Точно также особое значение имеет величина того снижения цен, которое ставит своей задачей интервенция.

Учесть влияние всех этих факторов, разумеется, невозможно, однако, уже сейчас можно установить, что при неизбежном сокращении товарного оборота до конца лета, при значительном излишке в обороте средств обращения, созданном червонной эмиссией последних месяцев, при неизбежности новых, хотя бы и очень незначительных по размерам эмиссий, при крайне слабом процессе внедрения червонца в оборот, — при наличии всех этих условий, удержание червонных цен на их современном уровне, а тем более снижение их до декабрьского уровня [3]), представляет задачу, если теоретически и выполнимую, то прак-

---

[1]) Как показывает таблица на стр. 93, разница между осенним максимумом 192) г. (83 милл.) и летним минимумом в июле 1921 г. (29 милл.) составляла 54 милл.; разница между осенним максимумом 1921 г. (72 милл.) и летним минимумом 1922 г. (30 милл.) составляла 42 милл. Разница для 1923 г. маскируется появлением в этом году новой устойчивой валюты, однако, если элиминировать действие этого последнего, то разница будет исчисляться так же десятками миллионов.

[2]) Эти излишки определяются размерами эмиссии червонцев и обязательств центрокассы за январь и февраль (см. стран. 129), ибо действие этой эмиссии должно отразиться только в последующий период.

[3]) Такое снижение потребовало бы сокращения почти до декабрьского уровня также и массы крупно-купюрных денег (червонцев и обязательств центрокассы), которая определялась тогда в 281 милл. против 368 милл. на 1 марта, т.-е. сокращения на 87 миллионов, или на 24 процента.

тически чрезвычайно трудную. Для того, чтобы выполнить эту грандиозную задачу, во всяком случае необходимо, чтобы государство располагало огромным интервенционным фондом для продолжительной интервенции в течение 5—6 месяцев.

При таких условиях система твердых цен, являющаяся как бы дополнением политики интервенции, едва ли может выдержать стихийное давление излишней денежной массы; если же в результате этого движения получатся непрерывные прорывы системы цен, то из средств для борьбы с излишней массой средств обращения она превратится в средство для дискредитирования государственной власти, для дезорганизации рыночных отношений, для дешевой распродажи товарных запасов государства, а тем самым—могучим фактором сокрушения бюджетного равновесия, которое неизбежно влечет за собой расширение эмиссии и новое увеличение денежной массы.

Поэтому вступить на путь интервенции и твердых цен можно, только имея в руках точные данные о всех основных элементах задачи и располагая, кроме того, двумя основными возможностями: возможностью совершенно воздержаться от всякой эмиссии в период товарной интервенции и достаточно мощным товарным фондом... Однако и при этих условиях можно ставить лишь задачу удержания наличного уровня цен, но не искусственного снижения и искусственного повышения ценности денег [1]).

В частности, система твердых цен, быть может, и применимая в условиях более или менее уравновешенного народного хозяйства, встретит чрезвычайные затруднения в наших условиях, когда происходит еще увязка между отдельными частями всего хозяйства, когда идет восстановление—крайне неравномерное—этих частей, когда, наконец, только еще начинает приходить в равновесие государственный бюджет. В наше время резкие *относительные* колебания цен на отдельные товары и группы товаров—достаточно вспомнить, например, историю „ножниц“ за последние два года — являются следствием объективных совершенно неустранимых условий. Это с особой силой оттенял еще недавно на докладе в Соц. Академии т. Сокольников [2]):

[1]) Попытка путем товарной интервенции повысить ценность б. денег, вероятно, приведет в восторг Ирвинга Фишера, к которому с таким пренебрежением относятся руководители советской фин. политики.

[2]) Полным противоречием с этим положением является недавняя статья т. Сокольникова в Финансовой Газете, смысл которой передается самым ее названием „Твердые цены, твердая плата, твердые деньги“. 7 III—24 г.

„Принято думать, что главные трудности (для денежной реформы) будут лежать в плоскости покрытия бюджетного дефицита. Это не совсем верно. Гораздо большая трудность заключается в дезорганизованности нашего товарного хозяйства, в дезорганизованности нашего рынка".

Поэтому твердые цены, введенные даже на короткий период, являясь попыткой хотя бы на момент сковать стихийное движение восстанавливающегося народного хозяйства, чреваты огромными осложнениями и для этого хозяйства, и для госпромышленности, и для той государственной власти, которая выбрасывает лозунг „твердых цен, твердой платы, твердых денег".

Разменный кризис.

К моменту денежной реформы вся сфера денежного обращения была поделена между двумя валютами: между устойчивой крупно-купюрной червонной валютой и неустойчивым дензнаком, игравшим роль мелко-купюрных денег. Как мы выделили выше, основной гранью, разделявшей эти две сферы обращения, была величина червонной купюры; червонец не мог перешагнуть за эту грань потому, что огромное количество сделок может быть произведено только при помощи мелких купюр, и как ни велико было стремление оборота отделаться от дензнака и использовать червонец, как ни беззащитен был падающий дензнак против устойчивого червонца, распространение червонца наталкивалось на эту чисто физическую преграду—крупные размеры червонца.

С другой стороны, и совзнак не мог проникать в сферу крупных сделок, ибо здесь он встречал непобедимую конкуренцию устойчивого червонца [1]).

В указанных границах общие размеры дензначной массы определялись обычными факторами: общими размерами товарного обращения, обслуживаемого дензнаком, и быстротой его обращения. При той быстроте, с которой обращался дензнак, объем дензначной массы спустился до относительно ничтожных разме-

[1]) Это разграничение сфер обращения двух валют нарушилось, как известно, „тезаврацией" червонца, т.-е. уходом его из сферы госхозяйства под влиянием снижения официального его курса (ниже, теоретическая часть); в результате этой тезаврации сфера обращения червонца оказалась более суженной, а сфера обращения дензнака — более расширенной, чем это определялось величиной купюр.

ров: на 1-е марта общая цезность этой массы определялась в 11 миллионов рублей по индексу Конъюнктурного Института

С прекращением совзначной эмиссии и с установлением твердого курса совзнака произошло резкое замедление в лихорадочном движении совзнака, а вместе с тем резко повысилась емкость той сферы обращения, которая раньше обслуживалась совзнаком.

Вместо прежней массы дензнаков на сумму 11 миллионов обороту понадобилась в несколько раз большая масса мелко-купюрных денег.

Это явление, логически вытекающее из марксистской теории денег, предвидели все те, кто считается с этой теорией; в частности, оно давно было предуказано в нашей литературе, где с особой силой подчеркивалось влияние быстроты обращения денег на размеры необходимой обороту денежной массы. Кроме того, незадолго до нашего разменного кризиса, в декабре—январе, совершенно аналогичное явление произошло в Германии, где с объявлением твердого курса старой умирающей марки оборот жадно требовал новых ее выпусков и где пришлось увеличить за $1^1/_2$ месяца массу старых марок в 5 раз.

Однако, несмотря на ясные указания теории и непосредственно-близкий опыт Германии, Наркомфин не сумел предусмотреть этого кризиса и не провел необходимой технической подготовки; имея ничтожные запасы новой бумажной валюты, он объявляет о выкупе дензнаков, отдает распоряжения об уничтожении предъявленных к обмену старых денег, чтобы затем, через короткое время, разбронировать их и снова пустить в оборот.

Размер кризиса и его дезорганизующее действие на оборот могут характеризоваться бесчисленными корреспонденциями, заполняющими вот уже месяц страницы газет. В „Эк. Жизни" мы читаем:

> Царицын, 10 марта. На станциях ж. д., по линии кризис в совзнаках дошел до того, что нет сдачи с червонца при продаже билетов пассажиры покупают билеты в складчину группами на червонцы — иначе нельзя уехать.
>
> *С мест продолжает поступать ряд телеграмм о разменном* кризисе (Казань, Царицын, Владикавказ).
>
> *В магазинах с ожидании сдачи приходится стоять часами. За размен червонца* на черной бирже приходится платить *50—60 тыс. рублей.*

В той же газете в корреспонденции с Северного Кавказа пишут:

Нужда в разменных знаках была так велика, что человека, ухитрявшегося разменять не только червонец, но даже сертификат, можно было считать счастлигцем. Торговля в связи с этим испытывала давно не наблюдавшийся застой. „Сертификатчики" (этой валюты циркулировало особенно много) толпами ходили из магазина в магазин с тщетной надеждой получить хоть 1—1½ руб. сдачи. Частные торговцы, а за ними кооперативы и даже телеграф выпустили „свою валюту", выданая клиентам „векселя" на такую-то сумму недоданной сдачи.

От 2-го апреля в той же газете читаем:

Особенно резко денежный голод сказался на рынке крестьянского хлеба. Отчасти из-за безденежья уменьшается и товарооборот в городских лавках. На базаре крестьянам приходится получать червонец на несколько человек. Появились в обороте купоны от выигрышного займа. Торговцы при недостатке сдачи выдают ярлычки с обозначением сумм долга. Управление нарсвязи сделало распоряжение выдавать желающим сдачу почтовыми марками.

Из-за разменного кризиса Наиторг терпит 25—30 проц. покупателей. Потребкооп—до 50 проц. большинство клиентов уходит без покупок, а некоторые за неимением сдачи даже оставляют в магазинах уже купленный товар.

9-го апреля там же с Украины пишут:

Кризис в провинции принял такие размеры, что в обороте появились акцентованные чеки банков (Чернигов, Киев, Одесса), записки кооперативов и даже мелкие купюры долларов (Одесса).

Анализируя вопрос о разменном кризисе передовица „Эк. Жизни" от 9/IV, между прочим, пишет:

Разменный кризис, бушевавший по всему союзу именно в марте, сказался на розничной торговле значительным сокращением оборота.

В марте по многим городам Союза гуляли коробки спичек, конфекты и т. д. в качестве мелких разменных денег. Дизажио на червонец достиг местами значительной величины и т. д.

Признавая, что в данном случае сделан большой промах, т. Каменев на пленуме ЦК РКП говорит:

„Здесь мы сталкиваемся с финансовой проблемой, не с проблемой экономической политики, а с техникой. Техника нас подвела, *вернее, мы сами себя подвели*".

Однако т. Каменев ошибается, думая, что Наркомфин „подвел" Республику, ибо всем известно, что Наркомфин неспособен делать ошибки и все делает вполне сознательно [1]).

---

[1]) Летом 1923 года он „совершенно сознательно" и „посмеиваясь" устроил червонную инфляцию; ко времени хлебной кампании он „сознательно" исчерпывает червонную эмиссию и шутит над „смехотворными утверждениями" тех, кто считал это ошибкой.

Точно также и разменный кризис устроен им вполне сознательно. В самом деле, в органе Наркомфина, „Фин. Газете“ от 1 IV в передовой статье мы читаем, что разменный кризис—явление необходимое и вполне нормальное и является одним из главных условий для успеха денежной реформы:

„Несмотря на очень дикий для всех недостаток разменной монеты мы все же решаемся утверждать, что это явление необходимо и вполне нормально и что именно постепенное введение в каналы денежного обращения новой валюты является одним из главных условий для успеха денежной реформы. Нет сомнения, что регулирование механики денежного обращения путем известной дозировки в выпуске смазочного масла в виде казначейских билетов, бон. серебра. совзнаков и т. д. является сейчас одним из существеннейших моментов для успеха денежной реформы. Практически, как мы видим, приходится разрешать этот вопрос, стоя у машины, когда она уже пущена полным ходом, и здесь выясняется, что такой подход к разрешению вопроса является наиболее целесообразным“.

Вполне понятно, что машину смазывают маслом уже во время работы, но непонятно, почему машинист пустил машину, не запасшись маслом. И более того, почему машинист вылил часть масла (сожжение дензнаков)—правда, к счастью для машины, не все успел вылить. Очевидно, машинист имеет очень слабое представление о свойствах той машины, которой он управляет...

Теоретическое значение разменного кризиса.

„Разменный кризис“ представляет огромный интерес с точки зрения теории денег, и со временем ему, вероятно, будут посвящены специальные исследования, но уже и сейчас можно сделать ряд интересных выводов; формулируем коротко эти выводы:

1. „Разменный кризис“ еще раз с особой силой подчеркнул наличие двух самостоятельных сфер обращения—сферы крупно-купюрных и мелко-купюрных денег; он показал, что несмотря на то, что в сфере червонного обращения существует явный излишек средств обращения, а в сфере прежнего совзначного обращения—резко выраженный денежный голод, червонец, как крупно-купюрные деньги, все же не может преодолеть поставленную перед ним преграду и заполнить образовавшуюся пустоту.

По существу мы, разумеется, имеем дело не с разменным кризисом, а с искусственной дефляцией в сфере мелко-купюрного

обращения, где до этого господствовала непрерывная инфляция; дело идет не о разменном кризисе, а о денежном голоде в этой сфере обращения. Самый термин „разменный кризис", которым Наркомфин обозначает это явление, характеризует неясность в понимании этого явления; этот термин соответствует той своеобразной теоретической концепции, по которой со времени появления червонца старый совзнак, а затем новый „финзнак" (обозначим так для краткости казначейский билет) стал как бы мелкой монетой при червонце, от которого они черпают свою ценность.

2. „Разменный кризис" еще раз подчеркнул колоссальное значение скорости обращения денег, как фактора определяющего размер денежной массы и ее ценность. Как известно, последователи различных „психологических" „австрийских" и „американских" школ, наблюдая непосредственно в течение 10 лет падение бумажных денег, не сумели до сих пор понять влияния этого фактора. У нас влияние скорости обращения отрицают до сих пор такие экономисты, как, напр., проф. С. А. Фалькнер и проф. З. С. Каценеленбаум.

3. Кризис показал, что валюта, ничем не обеспеченная, как казначейский билет, может иметь не менее и даже более высокую ценность, чем валюта, считающаяся обеспеченной золотым запасом Госбанка.

Выпуская казначейский билет, очень много заботились о том, чтобы он мог держаться на том же уровне, как и червонец, для этого, между прочим, „посеребрили" часть новой валюты, истратив для этого не малую сумму государственных средств [1]).

Крайне боялись, что население станет предъявлять казначейские билеты, как не обеспеченную ничем, и новую валюту, на обеспеченные золотом Госбанка и разменом на доллары и знакомые населению червонцы. Оказалось, наоборот, необеспеченный ничем билет стал в первые же дни расцениваться выше, чем „золотые" червонцы.

Правда, делаются слабые попытки указать, что казначейский билет получил сразу высокую ценность потому, что он с самого начала был „прислонен" к устойчивому червонцу, однако, это

---

[1]) Если считать, что серебряной монеты будет выпущено на 100 миллионов, то это „посеребрение", не имеющее никакого влияния на ценность казначейского билета, обойдется не менее 30 миллионов на золото, кроме того, исчезновение серебра подчеркивает недоверие населения к устойчивости денег, т.-е. дает обратные результаты.

соображение отпадает в силу того факта, что казначейский билет, который якобы светится отраженным светом червонца, в действительности светит сам ярче, чем этот предполагаемый источник его света.

Население не только не стремится обменивать необеспеченный билет на „обеспеченный“ червонец, но, наоборот, массами предъявляет червонцы к размену на необеспеченные ничем билеты.

„На 10 марта, — читаем мы в „Фин. газете“ (15/III), — было предъявлено к обмену на казначейские билеты червонцев на сумму 30 млрд. рублей“.

4. Даже старый, презираемый всеми, совзнак как только был установлен твердый его курс, немедленно стал полноценной валютой—и при том более полноценной, чем сам червонец, с его „золотой сущностью“, с его обеспечением монополией внешней торговли и отличным платежным балансом с заграницей.

„*Совзнак с момента прекращения его обесценения стал самой излюбленной валютой.* С червонцами попрежнему очень туго.

Червонец, за которым еще так недавно охотились с неистощимой энергией, теперь принимается крайне неохотно, лаж *пошел в обратную сторону*—за размен берут до 20 к. золотом и то только в базарные дни, когда бывает значительный приток в город совзнаков со стороны,—пишут с северного кавказа („Эк. Жизнь“).

„Поскольку раньше от него всеми силами старались избавиться, постольку за последние дни его определенно начали придерживать. Ввиду этого, например, в Тюменском округе червонец некоторое время расценивался до 25 проц. ниже котировки“,—пишут из Западной Сибири.

Интересно сопоставить с этими фактами всякого рода „психологические“ теории ценности, или, точнее, теории обесценения совзнака, которые развивались буржуазными экономистами и даже марксистами. Проф. З. С. Каценеленбаум, развивший „теорию крушения“, основанную на неизбежности „психологической“ нуллификации, не один раз повторял:

„Обесценение нашего рубля дошло до такой степени, при которой не может быть речи не только о восстановлении довоенного курса, но даже о какой-либо „приличной“ девальвации“.

Теперь же оказалось, что лаж, а следовательно, и психология „пошли в другую сторону“—в пользу „скомпрометированного“,

всеми презираемого и добиваемого совзнака и в ущерб червонцу, признанному на иностранных биржах.

Забитый и всемерно дискредитируемый совзнак неожиданно оказался рангом выше золотого червонца, превозносимого в стихах и прозе.

Практическое значение кризиса для денежной реформы.

Как указывалось выше (стр. 129), обстоятельства, влияющие на устойчивость червонных цен и самого червонца, сложились к моменту реформы крайне неблагоприятно.

В то время как товарный оборот вошел в полосу зимнего и весеннего сокращения, в то время как окончание налоговой кампании снижало потребность в деньгах, червонные эмиссии в течение декабря, января и февраля продолжали расти. В то же время слабый темп дальнейшего внедрения червонца в оборот, происходящего теперь только за счет денатурализации хозяйства, не давал никакой уверенности в том, что этот положительный фактор сколько-нибудь способен компенсировать совокупное действие указанных отрицательных факторов, действующих в сторону червонной инфляции и дальнейшего роста червонных цен.

Эта крайне неблагоприятная конъюнктура значительно меняется с появлением разменного кризиса, который показал, что переход от падающего совзнака к твердому казначейскому билету повел к резкому повышению емкости денежного обращения, к образованию пустоты в сфере обращения мелко-купюрной валюты.

Правда, переход этой части обращения от прежней лихорадочной инфляции к состоянию резкой дефляции сам по себе еще не улучшает положение червонца, ибо, как уже говорилось, крупно-купюрная червонная масса не может перелиться в образовавшуюся пустоту. Однако все же у Наркомфина неожиданно создается резерв, который он уже начинает использовать. Так как население предъявляет большие массы крупно-купюрной червонной валюты для обмена на мелко-купюрные казначейские билеты, то Наркомфин получает возможность выкупить часть червонной массы за счет казначейских билетов.

Червонная масса начинает переливаться в образовавшуюся пустоту, превращаясь предварительно в мелкие билеты. Уже до 30 миллионов выпущенных казначейских билетов затрачены для обмена на червонцы; в дальнейшем, очевидно, обмен будет расширяться.

„Удовлетворение потребности в мелких деньгах. — пишет Сокольников,—должно произойти путем орошения безразличного размена червонцев на казначейские билеты, боны и серебро („Фин. газета", 123 марта).

Таким образом борьба с червонной инфляцией—настоящей и будущей—вступает на единственно правильный путь: Наркомфин начинает „срезать" излишек червонной массы, которая вызывает инфляцию и давит на цены [1]).

„Срезание" этого рода даст неизмеримо большие результаты, чем „срезание цен" при помощи товарной интервенции. Борьба с излишними 100 миллионами путем интервенции есть такое же безнадежное занятие, как и решение квадратуры круга, изъятие же излишних 100 миллионов разрешает вопрос просто и верно.

Таким образом разменный кризис значительно улучшает шансы реформы. Однако ее завершение возможно при определенных условиях. Первое—если Наркомфину удастся все выгоды, даваемые разменным кризисом, использовать исключительно для сокращения червонной массы, т.-е. если „пустоту" будут заполнять не в порядке покрытия дефицитов, а исключительно в порядке размена червонцев на билеты. Второе—если выкупленные червонцы не будут снова пускаться в обращение. Третье — если одновременно не будут производиться эмиссии крупно-купюрных денег (червонцев и платежных обязательств центрокассы).

Наконец, четвертым условием является отказ от попытки снизить цены до осеннего уровня, ибо для этого может не хватить и тех резервов, которые дает в руки Наркомфина разменный кризис.

Этот последний момент особенно важен, и мы немного остановимся на нем. После того, как была написана часть этой статьи, касающаяся товарной интервенции, жизненная практика уже успела дать некоторый материал, из которого, очевидно, уже сделаны соответствующие выводы.

Снижение цен, проводимое в силу политики интервенции, повело, как и следовало ожидать, к резкому повышению спроса со стороны населения; сразу же возникли опасения за судьбу товарных запасов госпромышленности. Уже в отчете о заседании Президиума Госплана, помещенном в „Эк. Жизни" от 5 и 6 марта, мы, между прочим, читаем:

---

[1]) Самый факт сокращения червонной массы при помощи выкупа указывает, между прочим, на наличие червонной инфляции.

„*В. М. Смирнов* указывает, что существенным пробелом является отсутствие данных о товарных запасах госпромышленности. Между тем это один из важнейших показателей, по которому необходимо, между прочим, ориентироваться и при определении политики цен. *Благодаря сильному оживлению сбыта, запасы, накопленные текстильной промышленностью в предшествующий период, по-видимому, истекают.* Целесообразно ли при таких условиях форсировать дальнейшее понижение оптовых цен на текстильные изделия?"

Оказалось, товарная интервенция была начата без предварительных подсчетов товарных фондов, и только на этом заседании Президиум постановляет:

„Признавая необходимым при определении конъюнктуры иметь данные о товарных запасах и принимая во внимание, что конъюнктурному совету до сих пор не удавалось получать таковые данные, последнему поручается внести *проект* постановления в СТО об обязательстве для ведомств и учреждений представлять таковые данные".

Однако выяснять товарные запасы было уже поздно, так как огромные хвосты, которые образовались в государственных магазинах „выяснили" вопрос гораздо раньше: запасы мануфактуры—основная часть товарного фонда—стали быстро таять, и возникла опасность, что через короткое время „интервенировать" будет уже нечем.

Из большого материала по этому вопросу, который дают газеты, приводим здесь несколько штрихов. В „Эк. Жизни" мы читаем:

> Правление Серпуховского Треста констатировало наличность большого спроса, *превышающего ресурсы треста и не дающего возможности удовлетворить всех покупателей* (госорганы и кооперации, обращавшихся непосредственно в товарный отдел Треста (16 марта).

В корреспонденции с Урала пишут:

> Одним словом, на мануфактурном рынке у нас имеется *отрицательное положение оптовых запасов.* На сахарном рынке Урала Сахаротрест является сейчас держателем *только одного месячного запаса.* То же самое следует сказать и об Уралсоли, запасы которой в Екатеринбурге составляют 20 процентов его месячного оборота.
>
> Не особенно благополучно обстоит дело и на кожсенном рынке. Ввиду приближения весеннего сезона все эти запасы товаров следует считать крайне недостаточными...
>
> Такое *положение запасов хлеба, лесных материалов, мануфактуры, недостаточности сахара, соли и некоторых других предметов широкого потребления* усугу

губляется еще и тем, что у крупной Уральской металлургической промышленности, которая в последние месяцы выдавала большую их часть зарплаты натурой, натуральные запасы по снабжению рабочих также исчезли.

По предварительным подсчетам теперешние запасы трестов не могут покрыть даже заработной платы того месяца и его натуральной части в тех размерах, какие практиковались до сих пор.

В той же газете с Украины от 9/IV сообщают:

Оживление спроса со стороны крестьянства вызвало истощение товарных фондов средне-оптовой торговли как государственной, так и кооперативной. Нами уже сообщалось о товарной заминке в отношении мануфактуры и металлических изделий у Райсоюза. В настоящее время выяснилось, что таково же приблизительно положение и в государственных средне-оптовых предприятиях.

Там же в корреспонденции из Западной Сибири от 2/IV читаем:

В Томске не удалось провести снижение цен на сахар. Рынок по объявлении снижения, учтя незначительные запасы сахара в губернии, стал придерживать товар, ведя одновременно выкачку сахара через покупателей кооперативов; последние продавали сахар в неограниченном количестве и по пониженным ценам. *По истощении запасов у кооперации сахар появился по высоким ценам на рынке.*

Корреспонденции отмечают также, что при длинных хвостах у госмагазинов крестьяне и вообще трудящиеся фактически не могут воспользоваться снижением цен, выгоды которого попадают прежде всего торгашам, а затем менее занятой буржуазной части населения городов; из Тулы корреспондент „Эк. Жизни“ пишет:

Снижением цен меньше всего пока воспользовалось крестьянство, которое, приезжая в город, производит все нужные покупки сразу на базаре, не имеет ни времени, ни возможности сделать их в магазинах кооперации и госторговли (нужно стоять в очередях). В результате частные торговцы наживаются на снижении цен.

Орган С. Т. О. „Эк. Жизнь“ в передовице от 29/III пишет:

Спрос, очевидно, до того усилился, что зарегистрированы отдельные случаи продажи товаров частным фирмам и лицам *по оптовым ценам, превышающим установленные даже до 20 проц.* Товарные запасы у многих трестов не так уж велики. Отсюда, нам кажется, следует сделать вывод, что частный капитал, учитывая, очевидно, расширяющуюся емкость рынка и сосредоточивая поэтому у себя достаточно солидные товарные запасы, намеревается полностью использовать конъюнктуру в своих интересах. А это значит, что при известных условиях установленным нами ценам может очень и очень не поздоровиться.

Эти факты, конечно, не убеждают Наркомфин; т. Сокольников, отмечая, что

> Чрезвычайный прилив покупателей в государственные и кооперативные магазины—факт неоспоримый и глубоко знаменательный,

тем не менее, по обыкновению, считает, что „на Ильинке все спокойно". Совсем иначе отнеслась к этому передовица „Правды" от 25-го марта, которая самым своим заголовком: „Равнение по спросу" бьет отбой:

> Февральский рынок оказался рекордным как в Москве, так и в провинции. В Москве в некоторых магазинах образовались хвосты из покупателей.
>
> Старые запасы, накопившиеся в тяжелые месяцы кризиса сбыта, рассасываются, *так как наша промышленность продает больше, чем производит. Приближается момент*, хотя он и не очень близок, *когда спрос начнет превышать предложение.* Такое соотношение возможно, и мы обязаны принять все меры к тому, чтобы его смягчить, если нельзя его предотвратить. От дальнейшего снижения оптовых цен мы пока воздерживаемся, так как и без того они по современному состоянию производства низки.

Лозунг „равнение по спросу" обозначает равнение денежных цен по размерам той денежной массы, которая оказалась на руках у населения и которая определяет размер его спроса,—непосильный для госпромышленности. Если добрая доля червовной массы не будет „срезана" выкупом за казначейские билеты, то мы уверены, что вслед за этим вполне благоразумным лозунгом последует еще более благоразумный: повышение оптовых цен и их приближение к розничным, ибо снижение розничных цен, диктуемых соотношением между размерами денежной массы, выражающей спрос, до оптовых обозначало бы (без срезания части червонной массы) только разбазаривание небольших запасов госхозяйства, идущее часто не столько на пользу потребителя, сколько в пользу частного торговца.

Передовица „Правды" показывает, что в этой области наступила отрадная реакция, и это значительно улучшает шансы реформы [1]).

[1]) Однако, если покупательная сила червонца останется недоведенной до покупательной силы золотых валют (доллар), то тем самым станет вопрос о целесообразности в настоящих условиях поддержания червонца на паритете с этими валютами.

Не безынтересно заметить, что разменный кризис и все те выгоды, которые он несет для денежной реформы, являются полной неожиданностью и приятным сюрпризом для Наркомфина.

Наркомфин как бы нечаянно для самого себя нажал скрытую для него пружину денежного обращения; неожиданно открывшаяся пустота в сфере прежнего совзначного обращения позволяет теперь ему сбросить в нее излишнюю часть червонной массы и освободить оборот от действия червонной инфляции.

Как и в какой мере будет использовано это счастливое обстоятельство—покажет ближайшее будущее.

„Углубление" твердых цен.

Заканчивая исторический отдел нашей работы, мы не можем не остановиться на некоторых симптоматических явлениях, которые начинают развиваться в условиях твердых цен, введенных в связи с борьбой за снижение цен.

Система твердых цен, как известно, имеет внутреннюю логику, которая часто ведет действующих лиц дальше, чем они этого хотели бы. Введенная первоначально частично, она, как показывает опыт 1915—1919 г.г., имеет тенденцию захватывать все новые и новые сферы хозяйственной жизни, распространяться вширь и вглубь.

Мы помним историю твердых цен предыдущего периода. Она началась невинными таксами в отдельных городах, которые проводились не только при поддержке, но даже по инициативе губернаторов и градоначальников, не подозревавших, куда заведет их логика событий. Первенство в деле борьбы со спекуляцией и проведением твердых цен, как это ни странно, принадлежит, несомненно, таким фигурам, как адъютант его величества главнокомандующий Петербургским военным округом Фан-дер-Флит; этот Фан-дер-Флит в свое время положил начало борьбе со спекуляцией следующим приказом-воззванием:

> Мною замечено, что многие торговцы, пользуясь обстоятельствами военного времени, искусственно повышают цены на различные предметы торговли, не без участия некоторых кредитных установлений. *Прошу не забывать, что в России обилие всякого рода продуктов* и что в военное время соотношение между спросом и предложением не может играть в деле определения цен той решающей роли, которую оно имеет при мирных условиях государственной жизни.

Затем от такс переходят к запрещениям вывоза из одного района в другой хлеба, овса, затем мяса и других продуктов и наконец—сена и... соломы.

Затем следующие этапы: слияние местных такс в областные, а областных—в общегосударственные твердые цены на хлеб, жилище и т. д., задевающие уже не торгашей, а владеющие классы помещиков и домовладельцев и предпринимателей.

Дальше попытка устранить „спекулянтов" путем открытия городских и кооперативных лавок, продающих продукты по „справедливым" ценам; затем—отказ производителей продавать продукты по твердым, хотя и „справедливым" ценам, сокращение подвоза в города, хвосты у магазинов, карточная система распределения, дополняемая хлебной монополией, превратившейся затем стихийно в реквизицию хлеба и продразверстку.

Фан-дер-Флиты, незаметно для себя, скатились от борьбы с торгашами до реквизиции помещичьего хлеба и до твердой квартирной платы. Мы ни в коей мере не думаем, что нам сейчас угрожает что-либо подобное этой истории, для которой имелись свои объективные факторы,—тем более что недавний опыт слишком поучителен, и, несмотря на привычку обо всем забывать, мы в нужный момент легко вспомним о нем.

Тем не менее, частичные ошибки и попытки стать на почву универсального „регулирования" вполне возможны, и даже эти частичные попытки могут принести большие затруднения, которых желательно избежать.

А что такие попытки делаются и будут делаться—свидетельством этого являются статьи тов. Ларина.

Тов. Ларин, как известно, не совсем доволен нэпом и пользуется всяким случаем, чтобы углубить „регулирование". Почувствовав благоприятный ветер, он теперь поднял все свои паруса и готов не только плыть сам, но и потащить на буксире других туда, откуда мы не так давно повернули.

В борьбе за снижение цен пока установлены твердые цены для государственной и кооперативной торговли, но так как частный рынок не склонен без борьбы подчиняться этим ценам, то тов. Ларин делает шаг—и очень большой шаг—дальше и требует установления твердых цен и для частной торговли. В „Правде" от 6/IV он пишет:

> Опыт проведения денежной реформы выясняет необходимость перехода от обязательного регулирования (упорядочения) одной только государственной и кооперативной торговли к подобному же обяза-

тельному ограничению произвола и частных торговцев. Политика наша в этом отношении должна поэтому свестись к следующему:

1) Наркомвнуторг и его местные органы устанавливают достаточную наличность соответственных товаров по установленным оптовым ценам.

2) В зависимости от района страны и группы товаров определяется высшая предельная „накидка", больше которой не может прибавлять к оптовой цене данного города *ни один розничный торговец как частный, так и государственный и кооперативный.*

3) Нарушение этого предела, т. е. искусственное вздувание цен для получения сверхприбыли, *карается по ст. 137 Уголовного Кодекса.* По этой статье за искусственное повышение цен полагается *не менее полугода тюрьмы с конфискацией* части имущества и запрещением торговли.

Таким образом тов. Ларин предлагает, по совершенно внешнему поводу (денежная реформа), мимоходом отказаться от использования регулирующей роли рынка и перейти к универсальному регулированию оборота. Нет нужды говорить, какую огромную, непосильную задачу должен взвалить на государственный и партийный аппарат этот шаг.

Мы только что проверили, как недостаточен этот аппарат и как слабы средства, находящиеся в наших руках. Тов. Каменев в докладе Пленуму ЦКРКИ говорит:

Опять начали мы приматриваться к кооперации, при чем, когда мы стали действительно к ней приматриваться, оказалось, что *это орудие* для выполнения нашей задачи снижения цен, как и следовало, впрочем, ожидать, *очень и очень слабо*, что кооперация еще очень и очень мало приспособлена к тому, чтобы действительно бороться с частным капиталом. Наконец, мы должны были остановиться на Комиссии по внутренней торговле *и опять-таки убедиться, что это орудие*, которое должно быть орудием государства в области борьбы с частным капиталом, *тоже оказалось слабым.*

Остается, следовательно, Уголовный Кодекс, но тот кто знает состояние нашей провинциальной администрации и вспомнить хотя бы историю нашей борьбы с самогоном (или с злоупотреблениями в наших собственных трестах), тот без труда признает, что применение Уголовного Кодекса, как орудия борьбы с многомиллионной массой торговцев (и их покупателей), не сулит богатых перспектив.

Особенно радует тов. Ларина решение прибегнуть к бойкоту торговцев, ибо он чувствует, что внутренняя логика борьбы, которая здесь развернется, даст ему в руки новые аргументы для дальнейшего углубления и приведет в движение могущественные силы; в статье „О бойкоте" от 5/IV он пишет:

Широкое участие рабочих масс в активном контроле над торговлей обеспечивается как пониманием общего значения успеха предпринятой денежной реформы, так и непосредственной личной заинтересованностью каждой рабочей семьи в действительном снижении цен на изделия и продукты. Мы указывали уже в особой статье на значение рабочего контроля в производстве. Бойкот является очередным практическим проявлением *рабочего контроля над торговлей.*

Точно так же большое удовольствие доставляет тов. Ларину решение завести на-ряду с „Хлебопродуктом" также и советский „Мясопродукт" (от 10/IV). До сих пор наш государственный капитализм по причинам, известным всякому, ограничивался лишь командными высотами; до сих пор он с большой осторожностью соглашался растрачивать свои материальные и организационные силы на закладение мелкими второстепенными позициями, если же мы и шли непосредственно в область розничной торговли, то главным образом в тех случаях, где дело шло о продаже продуктов самой же государственной промышленности.

Теперь же, к удовольствию тов. Ларина, мы будем торговать и чужим товаром и притом сразу в очень крупном масштабе. Правда, тов. Ларин, который, как известно, очень искусен во всякого рода „калькуляциях", гарантирует нам определенные выгоды:

При существовании „Мясопродукта" на те деньги, что сейчас рабочее население затрачивает на мясо, можно будет заготовить гораздо более мяса. Дело это, стало быть, весьма выигрышное.

Однако, как известно, убыток с барышем вместе ездят, и поэтому даже подсчеты такого солидного калькулятора, как т. Ларин, не гарантирует Наркомфин и даже рабочих от всякого рода неожиданностей.

Таким образом, судя по ст. ст. т. Ларина, внутренняя логика, присущая системе твердых цен, начинает уже проявлять себя. Незаметно, как бы мимоходом, советский государственный и партийный аппарат начинает нагружаться — и притом неожиданно быстрым темпом—все новыми и новыми функциями, от которых он еще так недавно отказался. В наше время, конечно, нет тех объективных факторов, которые 7—10 лет назад превратили отдельные местные таксы в целую систему твердых цен, связанную с хлебной монополией и карточной системой распределения, но зато в наше время есть другое обстоятельство, весьма облегчающее углубление и расширение системы твердых цен и вытекающих из нее явлений: сейчас влияние на события находится в руках тех, кто по самой природе ненавидит спеку-

лянтов и спекуляцию и кто органически склонен воспользоваться всякой возможностью к расширенню сферы гос. капитализма и вытеснению чуждых ему элементов.

Для того, чтобы толкнуть на „регулирование“ Фан-дер-Флитов, нужны были могущественные объективные факторы, а для того, чтобы толкнуть к „углублению“ государственного капитализма пролетариат,—для этого достаточно и гораздо меньших факторов.

При таких условия статьи тов. Ларина приобретают гораздо большее значение, чем это может показаться с первого взгляда. Та обстановка, которая создается борьбой за снижение цен и товарной интервенцией, развязывает те тенденции, талантливым представителем которых являлся и является тов. Ларин. Впрочем есть признаки того, что бойкотистские методы регулирования завянут, не успевши расцвести. В передовице „Труда“ от 20/IV мы читаем:

> Говорить при настоящих условиях о бойкоте—значит находиться вне времени и пространства, действительность заменять маниловщиной.
>
> „Бойкот—выдумка и угопия товарищей, которые не дают себе достаточно ясного отчета ни в причинах современной дороговизны, ни в роли и значении частного капитала в хозяйстве и, в частности, в торговле страны.

Первые результаты этого скажутся, конечно, на бюджете и на планах Наркомфина, который скоро может почувствовать обратную сторону твердых цен.

Д. Кузовков.

(Продолжение в следующей книге.)

Современная мелко-буржуазная политическая экономия [1]).

Под грозный грохот войн и революций капитализм сменяется в нашу эпоху диктатурой пролетариата, открывающей дорогу к новому бесклассовому коммунистическому обществу. Но в то же время численно бо́льшая, хотя социально слабейшая часть человечества живет еще в условиях докапиталистического хозяйства, подточенного и изуродованного, но не уничтоженного капитализмом. Быть может, в наиболее резкой, ибо в пространственно наиболее сближенной форме это противоречие выступает в нашей стране,—стране одновременно и диктатуры пролетариата и стомиллионного составляющего значительное большинство населения крестьянства.

Это противоречие определило течение нашей революции и поставило вопрос о соотношении пролетариата и крестьянства, города и деревни, промышленности и сельского хозяйства в центр внимания рабочего класса.

Экономика сельского хозяйства естественно привлекает к себе в этих условиях исключительный интерес передовой части пролетариата, в особенности пролетарской молодежи, которая теперь учится с такой же энергией и энтузиазмом, с каким воевала несколько лет тому назад на фронтах гражданской войны.

Собранные в настоящей книге работы проф. А. В. Чаянова по экономике сельского хозяйства, специально по так наз. теории трудового крестьянского хозяйства, не относятся, однако, к числу работ, способных удовлетворить эту потребность нового пролетарского читателя.

[1]) Настоящая статья является предисловием к выпускаемой издательством Наркомзема „Новая Деревня" книге проф. А. В. Чаянова „Очерки по теории трудового крестьянского хозяйства".

Отвлеченное изложение, притом часто в наиболее трудной для большинства читателей математической форме, делают эту книгу недоступной для неспециального читателя. Точно так же в читатель, ищущий марксистского, т.-е. пролетарского, подхода к экономике сельского хозяйства, вапрасно стал бы искать его в этой книге.

Но книга проф. Чаянова—серьезная и *определенная* книга. Она стремится *последовательно* проводить систему взглядов марксистских, т.-е. *непролетарских*, и в то же время *некапиталистических*. Систему взглядов, выражающих идеологию докапиталистического (и потому в эпоху капитализма антикапиталистического) мелкого буржуа.

В этой определености—заслуга книги, представляющей собой ясное и более или менее систематическое изложение теоретических взглядов, составляющих теоретический остов значительной части нашей текущей экономической литературы. Читателя-марксиста, способного преодолеть трудность изложения,—а таких читателей у нас теперь немало,—она на каждом шагу будет вызывать на противоречие. Тем самым она не только познакомит такого читателя со взглядами одной из антимарксистских школ, не только научит его критически относиться к текущей экономической литературе, но одновременно, вызывая его на противоречие, будя его мысль, она заставит его лишний раз и притом основательнее продумать вопросы экономии сельского хозяйства.

В книге проф. Чаянова есть ряд интересных замечаний и построений. Из числа последних мы выделили бы в первую голову теорию водной ренты и описание метода изоцен.

Достоинством книги является и привлечение интересного эмпирического материала, преимущественно из области бюджетной статистики.

Но основной интерес книги в том, что хотя она и состоит из нескольких отдельных статей и не представляет собой, как это подчеркнуто самим проф. Чаяновым в его предисловии, изложения системы, как таковой, однако, все входящие в книгу статьи проникнуты единой системой теоретических взглядов.

Проф. Чаянов выступает в этой книге как теоретик. Он пытается дать не простое описание, а *теорию* так наз. трудового крестьянского хозяйства. Для этого ему естественно приходится отвлекаться от всего несущественного. брать исследуемое явление в его чистом виде.

И вот наиболее характерно как раз *то, от чего он отвлекается*. Вся его „теория трудового крестьянского хозяйства“ (а в этой книге проф. Чаянов собрал как будто все самое существенное, что было им на эту тему написано в течение последних двенадцати лет) построена таким образом, что, обстоятельно рассматривая вопрос, чем определяется строение и развитие крестьянского хозяйства, он подробно останавливается и на физиологии и на психологии крестьянина, но, если не считать математически доказываемого „положения“, что, чем выше производительность труда, тем меньше работают в трудовом хозяйстве (см. стр. 9) [1], и таких общих мест, как, напр., что „на размер продукции работника несомненное влияние имеют также и ряд производительных условий труда“ (стр. 89), — проф. Чаянов вовсе не включает в свой анализ материальные производительные силы и их изменения как фактор крестьянского хозяйства [2]). Проф. Чаянов *отвлекается от прогресса техники*, от происходящего на основе прогресса техники роста производительных сил, а следовательно, и от действительного исторического развития хозяйства. Тем самым он молчаливо предполагает, что строение и развитие (или падение) крестьянского хозяйства определяется *не общественными, а естественными факторами*.

[1]) Действительный смысл этого „положения“ иной: чем больше отсталость и, стало быть, ниже производительность труда в крестьянском хозяйстве по сравнению с общественно-необходимой, тем больше вынужден крестьянин надрывать свои силы.

[2]) Интересная статья „Значение машины в трудовом и капиталистическом хозяйстве“ рассматривает не значение машины для крестьянского хозяйства (для его строения и эволюции), а значение крестьянского хозяйства для машины: условия проникновения машины в крестьянское хозяйство, а не последствия этого проникновения.

Мимоходом необходимо подчеркнуть следующее характерное обстоятельство. Проф. Чаянов приходит в этой статье к выводу (см. стр. 76), что в мелких хозяйствах машины почти не применяются, в средних — их применение достигает максимума, так как они применяются с малым коэффициентом использования, в крупных — их количество (на десятину) снова уменьшается, так как увеличивается коэффициент их использования. Это значит, что как раз в средних крестьянских хозяйствах, усваивающих технику современного сельского хозяйства, ярче всего выступает (проявляющееся в *неполном* использовании машин) противоречие между производительной силой машин и слишком тесными для них формами крестьянского хозяйства. Но у проф. Чаянова нет и тени анализа этого противоречия, напротив того, излагаемые им „качественные отличия“ крестьянского трудового хозяйства от хозяйства капиталистического полностью заслоняют в его глазах это противоречие, которое от этого, разумеется, не перестает быть реальным.

Проф. Чаянов считает отвлечение от прогресса техника настолько само собой разумеющимся, что, напр., в „Опытах изучения изолированного государства“, перечисляя подробно все упрощающие предпосылки своего абстрактного анализа (стр. 117—118), он об *этой* предпосылке не считает нужным упомянуть [1]).

Если прогресс техники исключен, а лучшие естественные условия уже использованы, то при расширении производства будет происходить переход к *худшим* естественным условиям, и производительность труда будет падать. История развития общественного хозяйства предстанет пред нами не как история роста производительных сил общества, а как история их упадка (а вследствие этого и упадка жизненного уровня населения). Проф. Чаянов и делает такой вывод (напр., на стр. 130): „Каждая новая фаза в развитии земледелия будет знаменовать собой значительное увеличение земледельческого населения и падение уровня его благосостояния“.

Прогресс хозяйства он понимает исключительно, как рост валовой продукции данной отрасли при одновременном падении производительности труда (см., напр., „Очерки по теории водного хозяйства“, стр. 98).

В этом отвлечении от развития техники, следовательно, в принятии в качестве само собой разумеющейся предпосылки *застойной* техники, нет ничего случайного. Перед нами политическая экономия, стоящая на точке зрения докапиталистического мелкого хозяйства, притом допотопного мелкого хозяйства с застойной техникой,—хозяйства, находящегося поэтому во власти сил природы. Это—политическая экономия, стоящая на точке зрения экономически реакционного мелкого буржуа.

Но мы имеем дело не с наивными воззрениями крестьянина, а с мелко-буржуазной *теорией*, т.-е. со взглядами того же крестьянина (и вообще мелкого буржуа), но обработанными научно, ставшими основой рассмотрения всей общественной экономики.

Однако попытка рассматривать всю общественную экономику с точки зрения допотопного крестьянского хозяйства не может не привести к нелепостям.

---

[1]) В своем предисловии он прямо заявляет, что, „изучая экономику изолированного государства, автор *совершенно игнорировал* (курсив мой. *Л. К.*) развитие техники“. Таким образом проф. Чаянов изолирует свое государство не только от других государств, но и от развития техники.

Блестящее доказательство этого положения дает статья „Опыты изучения изолированного государства“. Поставив своей целью выяснить вопрос „о том месте, которое в общем строении народного хозяйства занимает земледелие и о внутренней организации его в целом“, проф. Чаянов развертывает подробно разработанное теоретическое построение, дающее его ответ на этот вопрос. Но вот один из выводов, к которому он приходит: по мере перехода к высшим фазам развития „относительное количество горожан (т.-е. процент городского населения. *Л. К.*) падает *неуклонно* (курсив мой. *Л. К.*)“. В подтверждение этого изумительного вывода проф. Чаянов приводит на стр. 132 даже целую таблицу, изображающую, как при переходе от 1-й ко 2-й, 3-й, и наконец, 21-й фазе развития % городского населения неуклонно (!) падает от 58 до 24%.

Согласно теории А. В. Чаянова, развитие общества начинается с высокого % городского населения, который затем все уменьшается и уменьшается. Вывод этот о *паде н и* % городского населения стоит в таком резком, таком непримиримом, таком вопиющем противоречии со всей историей человечества и во всем мире и в отдельных странах, что читатель оказывается в печальном положении, обрисованном в известном четверостишии Пушкина:

„Встает с заката царь природы,
И изумленные народы
Не знают, что им начинать:
Ложиться спать, или вставать“

К подобного рода выводам, несомненно, пришел бы и астроном, который пытался бы создать теорию движения небесных светил, отвлекшись от действия сил тяготения.

С этим подходом тесно связана и та экономически реакционная мелко-буржуазная критика, которой проф. Чаянов подвергает капитализм.

Капиталистическое хозяйство в земледелии, оцениваемое с народно-хозяйственной точки зрения, отличается, согласно А. В. Чаянову, *пониженной* производительностью капиталистически эксплоатируемых земель, оно *понижает* валовой доход земледелия, следовательно, и национальный доход (см. стр. 139). Проф. Чаянов не отмечает здесь лишь одного небольшого, но весьма существенного обстоятельства, что капитализм и в земледелии отличался от докапиталистических хозяйственных форм сравнительно

с ними высокой и притом прогрессирующей техникой, вследствие чего, например, средний урожай одной десятины был у нас перед революцией в (почти сплошь капиталистических) частновладельческих хозяйствах выше, чем в (большей частью докапиталистических) крестьянских; следовательно, капиталистическое хозяйство в земледелии отличалось не пониженной, а повышенной производительностью земли.

Точно так же и сельское хозяйство Англии, наиболее капиталистическое, далеко превосходит по производительности земли сельское хозяйство стран со слабым развитием сельско-хозяйственного капитализма (напр., России). И в этом пункте теория проф. Чаянова вступает в явное противоречие с действительностью.

Но его критика капитализма не только однобока и потому неверна, она обнаруживает характерное понимание или, вернее, непонимание капитализма. Что́ проф. Чаянов понимает под капитализмом, об этом ясное представление дают „Опыты изучения изолированного государства". В этом изолированном государстве не только отсутствует прогресс техники; не только страна появляется на свет божий высоко индустриальной, чтобы покончить свои дни в качестве страны аграрной; не только неуклонно падает процент городского населения и растет процент сельского; не только производство орудий и прочих средств производства остается неотделенным от производства средств потребления (как сельское хозяйство, так и промышленность сами изготовляют все орудия и прочие средства своего производства),—на все это приходится итти, ибо „такова до крайности упрощенная система хозяйственной жизни нашего изолированного государства-острова" (см. стр. 118).

В данном случае мы хотим отметить лишь то, что́ именно представляет из себя на этом острове капиталистическое производство. Прежде всего оно существует—вопреки нашим привычкам—*не в промышленности, а только в сельском хозяйстве.* И это вовсе не случайность, напротив того, подобного рода капитализм (а иного теория трудового крестьянского хозяйства, повидимому, не знает) может существовать только в сельском хозяйстве (и горном деле). Дело в том, что, при ближайшем рассмотрении, *под капиталистической прибылью теория трудового крестьянского хозяйства понимает*, как оказывается (см. стр. 133), не что иное как *дифференциальную ренту*, притом определенного вида, а именно получаемую вследствие разного положения земель по отношению

к рынку. В ее понимании капиталист это—землевладелец, ведущий собственное хозяйство на основе такой же точно техники и организации хозяйства, как и некапиталистические предприятия, но с применением наемного труда, при чем заработная плата его рабочих стоит на том же уровне, что и доход некапиталистических товаропроизводителей. Так как развитие хозяйства на „нашем" острове состоит в падении производительности труда по мере перехода к худшим естественным условиям, то занятие нашего капиталиста состоит в том, чтобы *не производить* ухудшения своего хозяйства и тем самым не допускать падения в нем производительности труда до того уровня, до какого упала при переходе к данной фазе развития производительность труда некапиталистических производителей; а так как по мере падения последней падает и заработная плата, то ему и очищается..., по мнению проф. Чаянова, капиталистическая прибыль. Разумеется, такую же капиталистическую прибыль может в данных условиях получить и самый что ни на есть непричастный к капитализму крестьянин, совершенно невинный по части применения наемного труда, если только он—вопреки общему настроению своих соотечественников—решится осуществить Zweikindersystem.

После этого нас уже нисколько не удивит, что на изолированном острове норма прибыли неуклонно *растет* (если—ввиду отсутствия данных о средствах производства—за капитал считать стоимость валовой продукции минус „прибыль", то норма прибыли неуклонно повышается от 2-й фазы к 21-й, с 8 и до 56%) [1]). У своеобразного капитализма свои своеобразные законы развития.

Мы видим, таким образом, что капитализм, критикуемый проф. Чаяновым, весьма оригинальный капитализм, и что критика эта свидетельствует, правда, о чувствах мелко-буржуазной политической экономии к капитализму, но отнюдь не о понимании последнего.

Поскольку „капиталист" теории трудового крестьянского хозяйства ведет свое хозяйство на основе той же техники и организации хозяйства, что и не капиталистические хозяйства, а это обычно бывает в тех случаях, когда земля такого „капиталиста" обрабатывается крестьянами при помощи крестьянского же инвентаря, перед нами идеализированный крепостник, доволь-

[1]) 1-я фаза золотой век не знает мерзости капитализма, хотя бы и в кавычках.

ствующийся присвоением дифференциальной ренты. Такое понимание капитализма является теоретическим приспособлением термина политической экономии к представлениям эксплоатируемого крепостниками крестьянства.

Последовательно проведенный проф. Чаяновым отказ от рассмотрения экономики в зависимости от развития (и падения) производительных сил означает подход не с диалектической точки зрения, не с точки зрения развития, а с точки зрения отсутствия развития, рассмотрения *не процессов, а состояния.*

Теория А. В Чаянова рассматривает крестьянское хозяйство, как результат воздействия *естественных* факторов. Но это вовсе не значит результат воздействия одной только внешней природы (влияние последней анализируется в „Опытах изучения изолированного государства"), но прежде всего самого населения, рассматриваемого, как естественный фактор, т.-е. со стороны физиологически обусловленного полового и возрастного его состава и его прироста (см., напр., стр. 79). Крестьянское хозяйство проф. Чаянов старается представить, как хозяйство, которое в своем строении и развитии определяется строением отдельной семьи, ее размерами и соотношением $\frac{e}{p}$, т.-е. едоков к работникам.

В „Бюджете крестьянского хозяйства" (являющемся выдержкой из бюджетной работы проф. Чаянова „Опыт разработок бюджетных данных по сто одному хозяйству Старобельского уезда Харьковской губернии") он, исходя из определенного теоретического представления о ходе развития семьи, развертывает, примерно, такую картину.

Развитие крестьянского хозяйства начинается с молодой пары без детей; по мере появления детей растет отношение $\frac{e}{p}$, но до известного предела, пока первый ребенок не подрастет настолько, что станет помогать в работе; вместе с ростом отношения $\frac{e}{p}$ растет и подгоняемая им продукция крестьянского хозяйства; с появлением нового работника в лице подросшего ребенка отношение $\frac{e}{p}$ начинает падать; вместе с тем прирост числа работников в семье позволяет, с одной стороны, расширить землепользование, в частности путем аренды, с другой—„использовать преимущества сложной кооперации"; расширение землепользования, следовательно, укрупнение хозяйства делает возможным (рентабельным) применение машин, а это, в свою очередь, ведет к новому

расширению землепользования [1]). Итак, продукция (размер) крестьянского хозяйства сначала растет потому, что растет семья и ее потребности, а потом потому, что подрастают новые работники. Затем семья делится, и начинается та же сказка про белого бычка.

Политическая экономия проф. Чаянова не выходит, следовательно, в его теории крестьянского хозяйства за пределы того, что немцы называют Familienangelegenheiten (семейные дела), куда входит и то печальное обстоятельство, что, как пишет проф. Чаянов (стр. 79), „теоретическое развитие семьи часто нарушается... вымиранием отдельных членов семьи“.

Но отправляясь от естественных факторов, проф. Чаянов совершенно фатально осужден на то, чтобы притти не к теории развития крестьянского хозяйства, не к теории движущегося (изменяющегося) крестьянского хозяйства, а к теории неподвижного крестьянского хозяйства. Он объясняет не движение, а строение крестьянского хозяйства, в лучшем случае — не течение реки, а рябь на ее поверхности.

Больше того. Отсутствие диалектического подхода осуждает проф. Чаянова на невнимание к ряду явлений *в строении* крестьянского хозяйства и именно к тем явлениям, которые выражают как раз движение (развитие) этого хозяйства; это невнимание, проистекающее от непонимания их значения для развития крестьянского хозяйства, приводит, естественно, к неправильному освещению и самого строения крестьянского хозяйства.

Для проф. Чаянова крестьянское хозяйство есть крестьянское хозяйство. Что крестьянское хозяйство носит в себе тенденцию к раскрестьяниванию, к превращению в некрестьянское хозяйство — в фермерское капиталистическое хозяйство на одном полюсе, в хозяйство батрака с наделом — на другом, что вследствие этого при внимательном разборе всегда обнаружится, что есть крестьянское хозяйство и крестьянское хозяйство, все это лежит вне его круга зрения.

[1]) На стр. 87 читаем: „Растущая семья, используя преимущества сложной кооперации, развивает все бо́льшую и бо́льшую площадь эксплоатации, параллельно умножая свою мощь применением сложных машин“. Проф. Чаянов, вспомнив, очевидно, что сложные машины не подрастают сами собой, отмечает тут же, что „несомненно, размер хозяйственного имущества, качество и количество надела и, наконец, просто личные качества хозяина обусловливают некоторую (!) экономическую дифференциацию крестьянского хозяйства“, но никакого применения из этого замечания не делает.

Теория крестьянского хозяйства проф. Чаянова, исходя из того факта, что люди довольно редко рождаются двойнями, тройнями и т. п., а больше поодиночке, и через известные промежутки времени, приходит к неоспоримому заключению, что семьи должны быть разных размеров. В согласии с этим в исследованном проф. Чаяновым случае из общего числа 101 на семьи с числом душ до 3-х пришлось 17, с числом душ от 4 до 6—23 и т. д. А распределение семей по группам по числу душ в семье и есть для этой теории определяющий момент строения крестьянского хозяйства. „Посевная группировка,—говорит проф. Чаянов (см. стр. 84),—представляется нам косвенной группировкой по возрасту семьи (по ее размерам)". В результате различия в размере семьи скрадывают все иные различия [1]).

[1]) Научная добросовестность проф. Чаянова, проявляющаяся во многих местах его книги, заставляет его оговаривать влияние, говоря его словами, „производительных условий". Так, на стр. 17 мы читаем: „В русских бюджетных работах давно установлен факт некоторого (!) *повышения бюджета в высших посевных группах* (курсив проф. Чаянова)".

Правда, факт повышения в этой формулировке ослаблен (*некоторое* повышение), и в подтверждение его проф. Чаянов приводит группировки не по посевам, а по *землевладению* и *по наделенности* на 1 работника. Мы приведем рядом с одной из них для сравнения (заимствованную у В. Ильина „Развитие капитализма в России", стр. 99) группировку по *хозяйственному* признаку—по рабочему скоту.

Группы по землевладению на 1 хоз.	Приходится на личного бюджета на 1 душу обоего пола.	
	В руб.	В %%
0,0 дес.	33,78	100
0,1—5,0 дес.	32,89	97
5,1—15,0 „	32,73	97
15,1—25,0 „	34,17	101
св. 25,0 „	40,42	120

Группы по рабочему скоту на 1 хоз.	Приходится на личного бюджета на 1 душу обоего пола	
Без рабоч. скота	19,21	100
с 1 лош. „	19,86	103
„ 2 „ „	27,41	143
„ 3 „ „	27,71	144
„ 4 „ „	36,73	191
„ 5 и более	33,15	172

Таблицы эти сами говорят за себя.

Между тем, как еще четверть века тому назад отметил тов. Ленин, „не следует преувеличивать значение многосемейности зажиточных крестьян, которые прибегают в наибольшем размере к найму рабочих. „Семейная кооперация", о которой любили толковать наши народники (и наши неонародники. *Л. К.*), является, таким образом, базисом капиталистической кооперации" (см. В. Ильин, „Развитие капитализма в России", стр. 46).

На стр. 88 проф. Чаянов сам приводит подтверждение этого положения. Оказывается, что % наемного труда к общей массе труда (для исследованных им 101 хозяйства) в хозяйствах, занимающихся земледелием, составил:

для сеющих		до 3-х дес.		0 %
„	„ от 3 х	„ 7½	„	1,7 „
„	„ „ 7½	„ 15	„	6,7 „
„	„ свыше	15	„	9,3 „

Если не выходить за пределы семейственных событий и считать, что расширение землепользования происходит вследствие увеличения числа работников в семье, то это явление, говорящее о росте *недостатка* рабочей силы в семье по мере расширения землепользования, было бы необъяснимо [1]).

На стр. 89 читаем: „кроме влияния размеров потребления, на размер продукции работника несомненное влияние имеет также и ряд производительных условий приложения труда". На стр. 91 отмечается „*резкое* (курсив мой. *Л. К.*) повышение бюджета „едока" при улучшении производительных условий". Но в то же время, напр., на стр. 32 читаем прямо противоречащее этим оговоркам заявление: „размер русского крестьянского бюджета *всегда* (курсив мой. *Л. К.*) определяется запросами потребления... крестьянский работник *всегда* (курсив мой. *Л. К.*) доводит свою продукцию до определенного обычного уровня насыщения потребностей „едока".

А главное, все эти оговорки остаются оговорками, и в работе проф. Чаянова теория крестьянского хозяйства строится *без* анализа „производительных условий приложения труда", из которых вообще упоминается только земля (преимущественно находящееся во владении), да и та оказывается не столько условием, сколько следствием размеров семьи и ее структуры.

[1]) Действие несемейственных факторов всюду в работах проф. Чаянова скрадывается, благодаря следующему характерному приему группировки: в свою высшую группу проф. Чаянов относит хозяйства свыше 15 десятин, т.-е. объединяет вместе средние и действительно крупные крестьянские хозяйства и, таким образом, топит последние, естественно более малочислен-

Но представим себе, что развитие крестьянского хозяйства начинается по Чаянову, что крестьянин в буквальном смысле сам порождает увеличение мощности своего хозяйства, которая растет по мере того как подрастают его дети, увеличивая число работников семьи.

Однако, по данным, приводимым самим же проф. Чаяновым, с ростом мощности хозяйства необычайно быстро растет и *купленная* земля. Так, купленной пашни приходится (стр. 83):

		Пашни надельной в дес.	Пашни купленной в дес.	Пашни купленной в % к надельной
В группе сеющ.	до 3-х дес.	4,58	0	0 %
„ „	от 3 „ 7½ „	6,14	0,34	5 „
„	„ 7½ „ 15 „	11,49	0,25	2 „
„ „	свыше 15 дес.[1]	13,79	3,83	28 „

Купленная пашня в последней группе возрастает относительно по сравнению с низшими группами, по крайней мере, *в пятьдесят раз*[1]). А это означает, что достигнутая хотя бы и на основе

ные, в первых. Насколько сильно действие такого приема группировки, можно видеть из следующих (взятых у В. Ильина, ibid., стр. 34 и 57) примеров:

Группы дворов.		% хозяйств с батраками	Группы хозяйств.		% хозяйств, нанимающ. срочных рабочих.
Сеющих	до 5 дес.	2,5	обраб.	до 5 дес.	0,7
„	от 5 „ 10 „	2,6	„	от 5 „ 10 „	4,2
„	„ 10 „ 25 „	8,7	„	„ 10 „ 25 „	17,7
„	„ 25 „ 50 „	34,7	„	„ 25 „ 50 „	50,0
	свыше 50 „	64,1!		свыше 50 „	83,1!
	свыше 10 дес.	18,1		свыше 10 дес.	28,3

Средние (18,1 и 28,3%) включают в себя и тонят в себе 64,1 и 83,1%, т.-е. такого рода крестьянские хозяйства, в которых применение наемного труда уже не исключение, а *правило*.

[1]) И здесь цифры высшей Чаяновской группы скрадывают действительное положение вещей. Вот данные, раскрывающие эти скобки (см. В. Ильин, ibid (стр. 31):

		Пашни надельной в дес.	Пашни купленной в дес.	Пашни купленной в %% к надельн.
В группе, сеющей	до 5 д.	5,5	0,04	1 %
„ „ „	от 5 „ 10 „	8,7	0,05	1 „
„ „ „	„ 10 „ 25 „	12,5	0, 6	5 „
„ „ „	„ 25 „ 50 „	16,6	2, 3	14 „
	свыше 50 „	17,1	30, 0	173! „
	свыше 10 д.	13,8	2, 3	17 %

Эти 17% скрывают таким образом, в себе с одной стороны—5%, а с другой—173%, т.-е. решительное *преобладание* купленной пашни.

„семейной кооперации“ мощность *закрепляется*; в приведенной выше таблице это закрепление видно на примере земли, но оно имеет место и по отношению к прочим средствам производства (живому и мертвому инвентарю). А это означает, в свою очередь, что, помимо естественного фактора, на сцену выступает общественный, действие которого *непрерывно накопляется*. При повторении естественного цикла по Чаянову молодые семьи высшей группы окажутся, в противоположность молодым семьям низшей группы, располагающими, помимо надельной земли, еще и землей купленной (и разумеется, более богатым инвентарем и денежными средствами).

Словом, несмотря на затушевывающую указанное явление конструкцию работы проф. Чаянова, даже приводимые им данные показывают, что „семейная кооперация“ является базисом капиталистической кооперации, что развитие „семейной кооперации“ ведет к ее отрицанию. Построение проф. Чаянова выхолащивает из „семейной кооперации“ ее развитие, рассматривает ее, как неразвивающуюся, и поэтому изображает ее наверно.

Теория трудового крестьянского хозяйства, которую правильнее всего было бы назвать *физиологической* теорией крестьянского хозяйства, отодвигает, как мы видим, на задний план все, что выявляет несоответствие между размерами семьи и размерами хозяйства и находит удовлетворение в выявлении соответствия между тем и другим.

Между тем, как справедливо отмечает (на стр. 82) сам проф. Чаянов: „теоретически можно предположить, что в семьях более зажиточных семья в общем должна увеличиваться скорее, не столько в силу повышенной рождаемости, сколько в силу большей выживаемости детей в относительно лучших условиях жизни. Малоземелье и связанный с ним отход мужского населения также должны признаваться условиями, задерживающими рост семьи“. К сожалению, замечание это, смысл которого сводится к тому, что самые размеры семьи определяются мощностью хозяйства, стоит совсем спротливо в работе проф. Чаянова.

Вообще же кругозор теории трудового крестьянского хозяйства ограничивается пределами семьи и дел семейственных, и эта положительная характеристика названной теории в такой же мере, как и отрицательная (отвлечение от прогресса техники), характеризует ее, как мелкобуржуазную политическую экономию.

Для ограниченности кругозора этой теории весьма показательно и то обстоятельство, что тот капитализм, который она

конструирует (и который, как мы видели, вовсе не капитализм), она и не пытается представить себе вне сельского хозяйства: ее кругозор ограничен сельским хозяйством (вследствие чего и ее капитализм для нее не выходит за пределы сельского хозяйства, а промышленность—вопреки истории—оказывается некапиталистической). Теория трудового крестьянского хозяйства неспособна поэтому возвыситься до уровня универсальной мелкобуржуазной политической экономии, а в соответствии с породившей ее социальной ее базой остается политической экономией мелкой буржуазии, занимающейся сельско-хозяйственным промыслом, т.-е. специфически крестьянской мелко-буржуазной политической экономией.

Но теория трудового крестьянского хозяйства—не только физиологическая теория, она стремится быть и психологической теорией[1]). Благодаря этому обстоятельству мы узнаем такие поучительные вещи, как, напр., что (см. стр. 17) „получение ценностей на всю сумму нетрудового дохода ни в какой мере не является тягостным“ (еще бы! в согласии со своей антикапиталистической тенденцией, проф. Чаянов не считает тягостным труд эксплоатации и все связанные с ним треволнения), что чем лучше оплачивается труд, тем он менее тягостен (стр. 62), что в глазах приказчиков костюм и жилище имеют гораздо большее значение, чем в глазах промышленных рабочих (стр. 48), и многое другое по части психологии, не менее ценное.

Психологический подход неизбежно ведет к тому, что на первый план выступают вопросы потребления, ибо рассматриваемая психологически, т.-е. с точки зрения ее целей и мотивов, хозяйственная деятельность (для мелкого буржуа, во всяком случае) есть деятельность, имеющая своей конечной целью потребление. Не видя *общественной* обусловленности своей хозяйственной деятельности, товаропроизводитель и его идеологи тем усерднее пытаются найти *индивидуальную* обусловленность ее путем анализа потребностей.

В соответствии с этим анализ потребности занимает в теории трудового крестьянского хозяйства совершенно исключительное место. Центральная теоретическая статья, носящая название „Очерки по теории трудового хозяйства“ состоит из двух глав: одна называется „Соотношение производства и потребления“,

---

[1]) Больше того, в своем предисловии проф. Чаянов говорит даже, что вообще в своем анализе он „интересуется в сущности только теми особенностями хозяйственной деятельности, которые вытекают *из природы мотивации* (курсив мой. Л. К.), свойственной семейному хозяйству“.

другая—„Основы сложения потребительского бюджета". Кроме того, в книгу вошла статья „Бюджеты крестьянского хозяйства". Из 152 страниц книги на эти две статьи приходится 85, т.-е. больше половины.

В книге проф. Чаянова вопросы производства, можно сказать, вовсе отсутствуют. Не только совершенно исключены из анализа общественные производительные силы (техника), но даже и естественные условия производства совершенно нигде во всем анализе не фигурируют, кроме одного единственного—расстояния от рынка. Зато вопросы потребления разбираются с исключительной тщательностью. Очень характерна в этом отношении постановка вопроса в „Опытах изучения изолированного государства". О каких-либо предпосылках анализа в части, касающейся производства, нет и речи, зато по части потребления мы узнаем, что потребление продуктов сельского хозяйства абсолютно не эластично, а потребление продуктов промышленности абсолютно эластично. На *этой* противоположности и построен в этой статье весь анализ.

Проф. Чаянов повсюду исходит из того положения, что производство определяется потреблением. Так, в упомянутой выше статье по мере перехода к высшим фазам развития идет (вопреки истории: для теории трудового крестьянского хозяйства законы истории не писаны) расширение сельского хозяйства и сужение промышленности *потому*, что потребление продуктов сельского хозяйства неэластично, а потребление продуктов промышленности эластично.

Построение это основывается, во-первых, на молчаливой предпосылке отсутствия технического прогресса, во-вторых, на высказанной предпосылке неотделенности производства всех средств сельско-хозяйственного производства от сельского хозяйства, которое при том производит только продукты личного потребления, и на такой же предпосылке и для промышленности; в-третьих, на гипотезе об эластичности и неэластичности, приведенной выше. Оно падает, поскольку все эти предпосылки противоречат действительности.

В другой статье, как уже отмечалось нами, доказывается, что продукция крестьянского хозяйства растет пропорционально отношению $\frac{c}{p}$, т.-е. пропорционально росту потребления. См., напр., на стр. 32: „размер русского крестьянского бюджета всецело определяется запросами потребления"... крестьянский ра-

ботник всегда доводит свою продукцию до определенного обычного уровня насыщения потребностей „едоков", что, как уже отмечалось, опровергается другими, более соответствующими действительности утверждениями самого же проф. Чаянова.

Эти попытки взять потребление в качестве основного фактора хозяйства приводят, таким образом, к выводам, противоречащим действительности.

Как и всякая психологическая теория в политической экономии, и эта теория связана с ограниченностью кругозора товаропроизводителя, с неумением понять общественные отношения, как таковые, т.-е. *с неумением понять свою связь с обществом*, принявшую иррациональную форму отношений как-будто независимых друг от друга отдельных хозяйств. А это неуменье является само следствием того уровня развития производительных сил общества, который делает данный объем хозяйственной связи необходимым и в то же время делает невозможным осуществление этой связи в формах связи непосредственной и потому прозрачной.

В соответствии с этим психологическая теория проф. Чаянова исходит из предпосылки мелкого товарного хозяйства. „Объектом нашего анализа,—пишет проф. Чаянов на первой же странице своей книги,—предполагаются хозяйства, вступившие в товарно-денежные отношения. Таким образом продукты, изготовляемые нашими хозяйствами, потеряли качественную потребительскую окраску и носят уравнивающий абстрактный характер „ценности".

Психологическая теория проф. Чаянова выезжает сразу на двух кривых: кривой тягостности приобретения предельного (последнего) рубля и кривой предельной полезности предельного руб. Обе эти кривые (функции) носят „вполне *субъективный* характер" (стр. 6, подчеркнуто Чаяновым). Однако тягостность приобретения зависит, согласно проф. Чаянову, как видно из сделанной выше ссылки (стр. 62), от высоты оплаты труда по приобретению, т.-е. от вполне объективной величины; хотя психология и вполне субъективна, но ежели заплатить пятак, то тягостность будет на пятак, не больше и не меньше.

С другой стороны, предельная полезность зависит от шкалы потребностей, а последняя, согласно самому Чаянову (см. стр. 51),— от втянутости хозяйств в товарно-денежный оборот, т.-е. от обстоятельства, совершенно не субъективного.

И наконец, хотя по уверению проф. Чаянова и тягостность приобретения, и предельная полезность предельного рубля вполне

субъективны, но сам-то этот рубль ничего субъективного в себе не заключает, а, между тем, он именно определяет, по Чаянову, обе психологические кривые. Изменение цен—это та судьба, которая играет человеком во всяком товарном, значит, и в мелкобуржуазном обществе. Играет его психологией и не только психологией.

Попытка проф. Чаянова построить на этой нетвердой почве „теорию трудового хозяйства" приводит к малоутешительным результатам.

В этом отношении психологическая теория проф. Чаянова не счастливее ее предшественниц. Из непонимания общественной связи ничего, кроме непонимания, и получиться не может. Очень сложные, иллюстрируемые рядом попарно пересекающихся кривых, построения этой теории сплошь и рядом вступают в противоречия с фактами [1]), что каждый раз с научной добросовестностью констатируется проф. Чаяновым; для устранения этих противоречий проф. Чаянов выдвигает все новые и новые произвольные гипотезы по части психологии, и получается система, весьма напоминающая астрономию перед появлением Коперника, приводившую, как известно, тогдашних астрономов в отчаяние своей запутанностью и произвольностью своих гипотез. Прикрытием псевдо-научности и тут, как и там, является математическое облачение теории.

Венцом достижений психологической теории является следующее положение (см. стр. 52): „мы должны объяснить это явление (рост размера бюджета „едока." *Л. К.*) не только высшей доходностью денежного хозяйства, но также и повышенными потребительскими запросами нового бытового состояния". Итак, если растет потребление, так это потому, что увеличились потребительские запросы; иными словами, человек ест потому, что у него есть потребность есть, а не только потому, что в кошельке у него шелестят бумажки. Таков один из плодотворнейших результатов психологической теории.

Оборотной стороной бесплодных попыток путем погружения в собственную психологию понять свои взаимоотношения с об-

---

[1]) См., напр., стр. 12—13 „из рассмотрения таблиц вытекает... это положение находится в противоречии с выводами § 4" (дальше идут сразу две гипотезы). Стр. 14: „Эмпирические данные указывают другое". Стр. 19: „скорость возрастания бюджета превосходит скорость нарастания нетрудового дохода, что противоречит теории", „цифры вместо падения дают нейтральные колебания" и дальше новая гипотеза и т. д.

щественным хозяйством является бессилье мелкобуржуазной политической экономии разглядеть за рябью рыночных цен эволюцию основных факторов хозяйства, осуждающее теорию на то, чтобы всегда оставаться на поверхности явлений. Чем глубже ее психологические изыскания, тем в большей мере ее анализ общественной экономики сводится к констатированию закона спроса и предложения. Так, в теоретической статье „Номографические элементы экономической географии" мы узнаем (стр. 147), что „объективный оптимальный уровень интенсивности, оптимальная система хозяйства и соотношение отраслей", т.-е. вся структура народного хозяйства определяется „рыночной конъюнктурой, выражаемой, в конце концов, системой цен". Система цен является здесь по сути дела конечным пунктом теоретического анализа, не способного проникнуть глубже.

В „Основах кредитного хозяйства местного кооператива" читаем (стр. 109): „Ясно, что объем кредитной кооперации и уровень цен [1]) и пользование капиталом установятся путем соотношения разобранных нами спроса и предложения средств". А спрос на кредит, как сказано на этой же странице, зависит от ссудного процента „так, напр., кредит на дорогие и малоприбыльные мелиорации может иметь место только при низком ссудном проценте". Но, разумеется, и предложение кредита зависит от уровня процента. Это — порочный круг. Теория оказывается бессильной проникнуть глубже поверхности явлений.

Это обстоятельство придает теоретической работе проф. Чаянова оттенок весьма нетеоретического эмпиризма, беспомощно нащупывающего явления, теоретически им неосмысленные.

Если физиологические изыскания теории трудового крестьянского хозяйства показывают неспособность ее понять крестьянское хозяйство *в его развитии* и, следовательно, в превращении в некрестьянское хозяйство, то психологические изыскания этой теории показывают ее неспособность понять крестьянское хозяйство *в его связи* со всей общественной средой.

В ногу с отмеченным выше беспомощным эмпиризмом идет поэтому беспочвенная абстрактность теоретических построений. Теория трудового крестьянского хозяйства, которая претендует быть теорией *современного* крестьянского хозяйства, рассматривает его *вне его зависимости от капитала.*

---

[1]) Под ценой проф. Чаянов имеет здесь ввиду % на капитал. На стр. 110 он говорит, что в результате спроса и предложения капиталов „определяется и размер цены капитала в 10%".

Ни о зависимости от торгового капитала (пример—Россия), ни о зависимости от железнодорожных магнатов (С. Ш. С. А.), ни от зависимости от тяжелой индустрии (Стиннес в Германии, монополизировавший снабжение сельского хозяйства удобрениями), ни о зависимости от банковского капитала (ипотеки) теория трудового крестьянского хозяйства ни единым словом не заикается.

Она претендует быть теорией и русского предреволюционного крестьянского хозяйства и рассматривает крестьянское хозяйство *вне его зависимости от крепостников-помещиков.* Единственный глухой намек мы находим на стр. 63, где говорится, что „целый ряд бытовых и экономических условий удерживает массу рабочей силы на местах, где она не находит себе приложения". И это все.

Рассматривая крестьянское хозяйство вне его связи с другими общественными формами, трудовая теория крестьянского хозяйства дает *в корне ложное* освещение действительного положения крестьянского хозяйства. Замкнувшись в своем мелкобуржуазном кругу идей, отказываясь вникнуть в связь, а это значит в зависимость крестьянского хозяйства от других хозяйственных форм, она объективно оказывает дурную услугу прежде всего самому крестьянству, внушая ему ложную идею его независимости и хорошую услугу капиталу и креностничеству.

Поэтому, несмотря на ее анти-капиталистическую тенденцию, (критику капитализма) ей обеспечен самый благоприятный прием со стороны идеологов капитала, которые всегда смотрели дальше идеологов мелкой буржуазии.

Проф. Чаянов в своем предисловии усиленно подчеркивает абстрактный характер своего анализа. „*Все* (курсив мой. Л. К.) собранные в настоящей книге работы,—говорит он,—представляют собой логический анализ ряда понятий... Анализ этот в высшей степени абстрактный". Значение своих настроений он ограничивает „логическим анализом основных понятий трудового хозяйства".

Но абстракция целесообразна и может служить орудием научного исследования лишь при том условии, что она не отвлекается от *существенного,* что она, повторяя приводимое проф. Чаяновым сравнение, не выплескивает из ванны вместе с водой и ребенка. Но *основные* тенденции развития и *основные* связи с другими явлениями относятся к числу *основных* свойств явления. Абстракция, отвлекающаяся от таких тенденций и таких связей—пустая абстракция и неизбежно осуждена на то, чтобы попадать

в такое положение, когда приходится, как это делает проф. Чаянов в своем предисловии, характеризовать выводы собственной теории, как такие, „среди которых на-ряду с совершенно правильными положениями встречается немало (!) и *противоречащих действительности* (курсив мой. Л. К.)". Между тем достаточно *одного* противоречащего действительности вывода, чтобы опорочить теорию.

Не останавливающаяся перед отвлечением от существенного, т.-е. перед собственным опустошением, абстрактность теории трудового крестьянского хозяйства может быть охарактеризована и простым перечислением учитываемых ею факторов хозяйства.

Из всех внешних условий хозяйства во всем анализе проф. Чаянова фигурирует лишь *одно*—расстояние от рынка. Никаких других внешних естественных условий теория трудового крестьянского хозяйства в расчет не принимает.

Общественные условия хозяйства (производительные силы) также нигде не фигурируют, кроме человеческой рабочей силы.

Кроме расстояния от рынка и наличия человеческой рабочей силы в качестве факторов хозяйства теория трудового крестьянского хозяйства учитывает систему людских потребностей (притом только в сфере *личного* потребления) и размножение людей. *И это все.* Из перечисленных четырех факторов (расстояние от рынка, человеческая рабочая сила, система людских потребностей и размножение) независимой переменной является только размножение. Ибо базой психологической теории, являющейся у проф. Чаянова в первую голову теорией потребностей, оказывается теория физиологическая. Психологическая теория сводится к описанию того, как рынок играет психологией (и действиями) мелкого буржуа. А рынок с точки зрения теории трудового крестьянского хозяйства определяется физиологическим фактором. „Развитие *численности* страны (курсив проф. Чаянова. *Л. К.*), определяя собой общую для всей страны высоту интенсивности ее народно-хозяйственной организации и соотношение сельского и городского населения, *создает свойственную данному моменту исторического развития рыночную конъюнктуру* (курсив мой. *Л. К.*), синтезирующую стихийно *все* (курсив мой. *Л. К.*) народно-хозяйственные элементы жизни страны" (стр. 147).

Поэтому теория трудового крестьянского хозяйства, сводящая *все* факторы общественного хозяйства к физиологическому, к размножению людей, определяющему строение и эволюцию обще-

ственного хозяйства, является действительно физиологической теорией [1]).

Теория трудового крестьянского хозяйства, развитая проф. Чаяновым в его книге, характеризуется прежде всего *отсутствием диалектического метода*, рассмотрением явления не в его развитии и не в его связи с другими явлениями [2]). При ближайшем рассмотрении она оказывается теорией не пролетарской и одновременно не капиталистической, мелко буржуазной политической экономией, не ориентирующейся в реальной обстановке современного крестьянского хозяйства, а вследствие того—и в нем самом, и потому хотя и соответствующей способу представления мелкого буржуа, но вовсе не соответствующей его действительным интересам, повелительно требующим от него преодолеть навязанную ему его способом производства ограниченность.

Л. Крицман.

---

[1]) В этом отношении проф. Чаянов идет дальше Мальтуса. Последний предполагал, что производительность труда, хотя лишь в арифметической прогрессии, но все же растет. У проф. Чаянова она, как уже было выше отмечено, падает вследствие перехода к худшим естественным условиям.

[2]) Одно место предисловия проф. Чаянова ярко характеризует теорию трудового хозяйства как раз с этой стороны. Проф. Чаянов говорит о ней, как об „абстрактном анализе чистой (значит, рассматриваемой *вне связи* с другими явлениями. Л. К.) культуры трудового хозяйства, находящегося в статическом (!) состоянии".

Заметки о теории накопления Розы Люксембург [1]).

I.

Теория воспроизводства, по замыслу Маркса, должна служить выяснению *формы движения* капиталистического общественного производства. Можно привести достаточное число цитат из второго тома „Капитала“ и из „Теорий прибавочной ценности“ в подтверждение тому, что именно (и лишь) с точки зрения формы общественного производства ставится Марксом проблема [2]). В чем же, однако, состоит такой—формальный—подход к движению общественного капитала?

Как известно, Маркс построил свой анализ капитализма на строгом разграничении натурально-технических элементов общественного производства от той специфической формы их орга-

---

[1]) Из наиболее цитируемых книг „Капитал“ (все тома) цитируется по изданию Гиз'а 1923 г.; „Накопление Капитала“ Р. Люксембург—по изданию 21 г.; „Эпигоны“—ее же—по изд. 22 г.; III т. „Теории приб. ценности“ Маркса—по изд. „Моск. Раб“. („Накопление капитала и кризисы“), 23 год.

Считаем необходимым оговорить также, что цифровой материал по современной капиталистической экономике нам приходилось—при провинциальном бескнижии—черпать из ограниченного числа бывших под рукой работ (подчас специального характера). Единственный статистический сборник, бывший в нашем распоряжении, это издание С. Фалькнера „Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г.“. М. 1922 г.

[2]) Во II томе, см., напр., стр. 327, где предмет исследования—„процесс обращения индивидуальных капиталов, как составных частей всего общественного капитала“,—определяется, как „форма процесса воспроизводства“. Или стр. 415, где проблема формулируется, как „процесс превращения, совершающийся при годовом воспроизводстве“ (на стр. 419 тому же самому дается более конкретное выражение: „Обмен различных элементов годичного воспроизводства“). Или стр. 451, на которой читаем чрезвычайно четкое определение задачи исследования, состоящей в выявлении „способа, каким воспроизводятся и ежегодно возмещаются различные материальные элементы

низации, в которой они выступают в капиталистическом обществе, и которая создает из их сочетания исторически-определенную систему общественного хозяйства. В последней все атомы и все движения производственно-технического организма одухотворены своеобразным общественным бытием, присущим только капиталистической системе и выделяющим ее из всех общественных организаций прошлого и будущего человечества. Каждая составная часть производственного механизма и весь механизм в целом существуют в этой своей исторически-определенной форме. Задача же теоретического изучения капитализма состоит в том, чтобы, размежевав в рассматриваемом экономическом феномене натурально-техническое содержание от капиталистической формы (Formbestimmtheit—по выражению Маркса), выявить как историческую обусловленность последней, так и социальное содержание, так и диалектически-сложную систему взаимодействия капиталистической формы и вещного содержания [1]).

Своеобразие капиталистического способа производства с этой стороны заключается в антагонистическом методе связывания формальной стороны (ценностного характера категорий) с материальным содержанием. Для движения общественных производительных сил этот антагонизм проявляется в расщеплении единой линии процесса надвое: на линию движения общественного богатства в его натуральном содержании и на линию движения ценностного выражения этого богатства. Ценностная линия приобретает самостоятельное существование; при этом как раз она

и элементы стоимости всего годового продукта"... Именно поэтому Маркс уделяет почти все внимание *простому* воспроизводству. „Главные затруднения... представляются при исследовании не накопления, а простого воспроизводства. Вот почему, когда дело касается движения годового продукта общества и его воспроизводства, обслуживаемого обращением, А. Смит и—раньше—Кенэ исходили из простого воспроизводства" (стр. 314).

Из современных марксистов Финн-Енотаевский отчетливо понимал содержание проблемы воспроизводства (см. „Современное хозяйство России"). Тов. Мотылев, тоже различающий проблемы абстрактного воспроизводства капитала от вопросов реальных условий его воспроизводства, чересчур уж примитивно представляет себе, однако, теоретическое содержание II тома, сводя весь вопрос к расплывчатой формулировке о механизме капиталистического производства. Но и в таком виде подход. тов. Мотылева к теории воспроизводства означает большой шаг вперед в развернувшейся дискуссии.

[1]) Ср. „Капитал", том III, Отд. 7, а также Рубин — „Очерки теории ценности и т. д.", в которых автор детально разработал эту проблему для теории ценности.

является носительницей субъективного, осознанного фактора общественного производства. Что касается объективного, натурального содержания хозяйственного целого, то оно—в капиталистической своей форме—реализуется как совокупность отдельных элементов, одаренных самостоятельной жизнью и движущих общественное хозяйство лишь в меру удовлетворения частного интереса, определяемого и выражаемого ценностной категорией. Сознательное направление общественного хозяйства несовместимо с капиталистической формой, при которой многочисленные индивидуальные и независимые — а подчас и противоречивые — интересы и воли находят свое общественное сочетание на арене рыночной стихии... Но последнее слово принадлежит общественному интересу, форма же состоит на службе у общественного интереса. Функция формы производства заключается в том, чтобы, пользуясь данной техникой, удовлетворить общественные потребности своими, характеризующими ее как *данную* форму, методами. Если частный интерес пойдет вразрез с общественным, капиталистический рынок не примет предложенной ему продукции. Глубокая диалектика капиталистического хозяйственного процесса состоит в том, что та же сила капиталистических законов и принципов, которая высвобождает ценностную форму из-под власти вещного содержания, центробежно сообщая ей самостоятельное движение, одновременно развивает и центростремительную силу, прикованивающую „свободного" капиталиста к скале вещей, подчиняющую его рынку, напоминающую ему о себе кризисами. Но здесь же выступает и основное противоречие капиталистической системы: общественное целое в состоянии координировать свои части и направлять их по нужному руслу лишь post factum, т.-е. лишь после того, как обнаружилось несоответствие ценностной линии индивидуального капитала с материальным интересом общественного хозяйства. Отсюда внутренние конфликты, кризисы и т. д.

Но может ли теория воспроизводства, изучающая форму процесса, брать его в этой сложной взаимозависимости формы и содержания, присущей реальному капитализму? Это вопрос методологии—и только... И совершенно естественно, что Маркс в данном случае применяет метод научной абстракции, тщательно устраняя из сферы анализа один за другим все сопутствующие изучаемому фактору явления. Процесс абстрагирования распространяется при этом по нескольким направлениям.

Прежде всего проблема должна быть освобождена от всех вопросов, связанных с реальным капиталистическим рынком. Рынок—единственный голос натурального содержания общественного хозяйства при капитализме—влияет на работу производственного механизма, ставя ему задачи и регулируя их выполнение, контролируя, корректируя, а подчас и изменяя направление работы. Следует принять все затруднения, возникающие из взаимодействия общественного производственного механизма и рынка, разрешенными для того, чтобы производственный процесс предстал взору исследователя в своем чистом виде. Словом, мы должны брать процесс в гипотетическом случае равновесия, т.-е. в том идеальном для капитализма случае, когда общественная потребность удовлетворена производственным аппаратом на 100%. Нам надлежит рассматривать движение общественных производительных сил при предположении совпадения условий капиталистического производства и условий капиталистической реализации. „Мы должны исследовать здесь только формы капитала в различных фазах его процесса, все время предполагая, что товары продаются по их ценности“ [1]).

Сопоставим эти слова Маркса с критическими соображениями Розы Люксембург. „По схеме (накопления, у Маркса — *Э. Л.*), — говорит она,—между производством прибавочной стоимости и ее реализацией *нет никакого внутреннего противоречия*, напротив того, между ними есть *внутреннее тождество*. Прибавочная стоимость уже заранее появляется здесь на свет в натуральной форме, рассчитанной исключительно только на потребности накопления. Она уже из мест производства выходит как добавочный капитал. Этим дана ее способность к реализации, именно, в стремлении самих капиталистов к накоплению. Эти последние, как класс, наперед заставляют производить присвоенную ими прибавочную стоимость в вещественной форме, которая делает возможным и обусловливает ее применение для дальнейшего накопления. Реализация прибавочной стоимости и ее накопление являются здесь лишь двумя сторонами одного и того же явления: *они в понятии идентичны*“ (курс. наш) [2]). В общем верно формулируя теоретические условия анализа, Роза Люксембург, однако, сгущает краски и в полемическом порыве договаривается до ошибок. Дело ни в ма-

---

[1]) К. Маркс.—„Нак. кап. и т. д.“ (из III тома „Теории прибав. цен.“ М., 23 г.) Стр. 18.—См. там же, стр. 26—27.

[2]) „Нак. кап.“ М., 21 г., стр. 240—241. См. там же, стр. 238.

лейшей мере не идет о тожестве *понятий* условий производства и условий реализации, дело только в абстрактной *предпосылке* их тожества, принимаемой при анализе специальной проблемы. Но для Р. Л. не ясна как мы еще не раз увидим, сама проблема, интересующая Маркса во II томе, и в расхождении методологических предпосылок разрешения этой проблемы с содержанием III тома „Капитала“ (в частности, 15 главы, формулирующей стержневое противоречие капитализма, как противоречие условий производства и условий реализации) Р. Л. усматривает противоречие между вторым и третьим томами „Капитала“. Между тем, если задачей II тома является рассмотрение капиталистической динамики со стороны формы общественного производственного механизма, темой III тома служат—изучение реальной обстановки, в которой капиталистический производственный механизм работает, и вырастающие отсюда противоречивые проблемы. Это изумительное и тяжелое недоразумение лежит в основе всей критической работы Р. Л. и ненужно усложняет аргументацию, выдвигаемую для обоснования основного тезиса— о невозможности накопления в чисто капиталистическом обществе.

Вышеуказанные обвинения Маркса в противоречив, выставляемые Р. Л., невольно приводят на ум аналогичные обвинения, брошенные ему в другое время человеком другого лагеря. Туган-Барановский тоже видел несоответствие между II томом, построенным на отсутствии затруднений реализации, и III томом. Различие между революционной марксисткой и легальным „марксистом“ проистекает из чисто социологических (даже социально-политических) оснований, теоретически же—ошибка имеет один корень у обоих. Различие в том, что Красная Роза принимает III том и отвергает II, как „оборванную на полуслове рукопись“. Туган же считает выводы III тома об имманентных противоречиях капиталистической производственной системы плодом некритического отношения со стороны автора „Капитала“ к прежним экономистам, со схемами же второго тома, в которых ему чудится гармонический капитализм, всецело соглашается [1]).

---

[1]) См. его „Основы политич. эконом.“. а также „Кризисы“. Впрочем, это пресловутое противоречие, составляющее любопытный pendant к „противоречию“ между I и III томами. имеет свою небезынтересную в социологическом отношении историю. См., напр., ст. Ленина о проблеме реализации, собранные в томе II „Собрания соч.“.

С подобным строем мыслей неразрывно связан почти суеверный страх Р. Л. перед известной формулой „производство ради производства", символизирующей капиталистическое производство. Рассмотрев ход реализации в марксовой схеме накопления, Р. Л. с искренним недоумением, переходящим, впрочем, в решительность, восклицает: „Эти капиталисты являются, стало-быть, фанатиками расширения производства ради производства. Они велят строить новые машины, чтобы имп опять-таки строить новые машины. То, к чему мы таким образом приходим, является не накоплением капитала, а расширяющимся производством средств производства без всякой цели, и только смелости и любви Туган Барановского к парадоксам свойственно принимать эту неустанно вращающуюся в пустом пространстве карусель за верное теоретическое отражение капиталистической деятельности и за выводы из марксова учения" [1]).

Что касается цели этой „карусели", то она совершенно реальна: увеличение стоимости капитала, получение прибыли [2]). Коль скоро при производстве машин для производства новых машин применяются капиталистические методы, т.-е. эксплоатация наемного труда, прибавочная ценность налицо. Но для Р. Л. вопрос стоит в иной плоскости, в плоскости рынка для произведенной прибавочной ценности; она подвергает сомнению возможность ее реализации в рамках марксовых схем. Совершив теоретическое qui pro quo, спутав в один клубок две различные проблемы: капиталистического рынка и формы капиталистического производственного механизма, Р. Л., после тщетных усилий преодолеть возникающие при этом затруднения, решительно утверждает, что Маркс себе противоречит. Маркс же, широко развернувший в 15-й главе III тома вопросы антагонистических условий

---

[1]) „Нак. кап.", стр. 232. Ср. также стр. 229, и особ. стр. 83. Также „Эпигоны".

[2]) Тов. Крицман (См. „Вестник Соц. Акад"., кн. 5) напрасно ищет ошибку Р. Л. в том, что она интересовалась „психологией" отдельного капиталиста, т.-е. его интересом. Не в этом беда Р. Л., а в том, что интерес „собирательного капиталиста" (всего капиталист. об-ва) она считала принципиально отличным от интереса индивидуального капиталиста (см., напр., след. слова Р. Л.: „Конечно, для отдельного капиталиста рабочий—если он платежеспособен—такой же хороший потребитель, т.-е. такой же хороший покупатель его товара, как и капиталист или еще кто-нибудь: в цене товара, который продается рабочему, отдельный капиталист точно также реализует свою приб. стоимость, как и в цене товара, который он продает любому другому покупателю. Иначе обстоит дело с точки зрения класса капиталистов в целом". „Нак. кап.", стр. 83).

капиталистической реализации, на тех же страницах, в тех же абзацах раскрывает своеобразие „методов производства, которые должен применять капиталист ради своих целей и которые направлены к неограниченному увеличению производства — *производству, как самоцели* (курс. наш), к безусловному развитию общественной производительности труда“... „Производство есть только производство для *капитала*, а не наоборот“ [1]).

Как видим, здесь для Маркса дело идет об исторически характерной форме, присущей капиталистическому производству, со стороны которой оно и есть не что иное как производство ради производства. Это означает, что механизм капиталистического производства не стоит в непосредственной связи с общественными потребностями, а работает как самодовлеющий аппарат, лишь посредством нарушений нормального течения работы приводимый в соответствие с размерами общественного потребления. Но означает ли это, что капиталистическое производство и в своем натуральном содержании не ограничено рамками общественных потребностей и их способностью к раздвижению? Вовсе не значит!.. Капиталистическое общественное производство есть прежде всего производственная система. В качестве таковой оно существует прежде всего для удовлетворения потребностей членов общества. И когда Туган-Барановский забывает это основное положение, он смешивает историческую форму современного производства с его материальным содержанием. Смешение и здесь дает иные результаты, чем у Р. Л. Впрочем, Тугана постигает участь несчастного Гамлета, безуспешно ловившего дух отца. В поисках реального, вещного производственного организма, Туган все время натыкается на голую капиталистическую форму, которая, как тень, неотступно преследует его сознание „дюжинного буржуа“ и которую он принимает за живое содержание капиталистического производства. Как видим, он еще несчастнее датского принца [2]). Маркс частенько издевался над „буржуазным экономистом, ограниченный мозг которого не в состоянии отличить форму проявления от того, что в ней проявляется“. (Капитал, I том.)

---

[1]) „Капитал“, т. III, стр. 231.

[2]) Кстати. Именно в этом неумении различать производственный процесс, как таковой, от его исторической Formbestimmtheit мы видим корень неверной теории прибыли Туган-Барановского. Точно также его курьезно-парадоксальная картина капиталистического общества с одним единственным рабочим теоретически восходит к этой путанице. Форма прибыли,

Итак, теория воспроизводства, изучая форму капиталистического общественного воспроизводства (а значит, и накопления), отвлекается от конкретных условий капиталистического рынка, т.-е. исключает из поля своего зрения исторические процессы образования и эволюции рывков для капитализма, а также значение этих процессов для хода капиталистического развития. Теория воспроизводства, как указывалось выше, исходит из отсутствия теоретических затруднений в проблеме реализации, дабы тем строже и чище выявить все затруднения на стороне общественного производства. Таким образом самой постановкой вопроса предполагается постулат „чистого" капитализма, ибо теория, рассматривающая капиталистическую форму, не вправе усложнять анализ привлечением докапиталистических формаций, хотя бы последние диффундировали со всеми частями капиталистического организма. Вопрос о некапиталистических рынках встает лишь тогда, когда исследователь занимается изучением тех реальных, практических условий, в которых по воле истории приходится работать капиталистической машине. Этим рассеиваются недоумения Р. Л. по поводу „экономического спроса", который во II томе „Капитала" ограничен капиталистами (производительное потребление *c* плюс потребление прибавочной цепности *m*) и рабочим классом (потребление общественного *v*) [1]). Непонимание необходимости абстрагировать проблему от „экономического спроса" приводит Р. Л. (см. 8 и 9 гл. ее большой работы) к цепи в высшей степени странных недоразумений. Не замечая, что подсовывает Марксу чуждую ему проблему, Р. Л. извращенно представляет всю его аналитическую работу по изображению обращения общественного капитала. Сперва теория

как опущенная завеса, прикрыла от его взора глубинные процессы производства прибавочной ценности, для которого „процесс" выколачивания прибыли служит лишь иррациональным выражением. Для представления конкурента внутренняя работа производственного механизма непостижима.

[1]) Р. Л. в своей большой книге собрала достаточное число цитат из Маркса, свидетельствующих об его отрицательном отношении к привлечению некапиталистических потребителей к анализу воспроизводственного процесса. Что же касается специально вопроса о внешней торговле, поскольку он связан с настоящей проблемой, то он критически развернут Лениным в его экономических статьях 90-х годов. См. II том Собрания соч., где эти статьи собраны. Из Маркса достаточно привести одно место: „Мы должны весь торгующий мир рассматривать, как одну нацию, и предположить, что капиталистическое производство укрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства". (Том III, ч. I, 21а.)

потенциального капитала трактуется, как проблема реализации прибавочной ценности; затем в таким образом понятой проблеме потенциального капитала усматривается экономический и логический грех: вопрос, мол, ставится Марксом так, что накопление капитала берется в его statu nascendi из простого воспроизводства. И прочее. Вообще, вся проблема денежного обращения понимается Р. Л., как чисто технический вопрос (см. особ. „Нак. кап.", стр. 94). Примерно так: как, *откуда* общество достает потребное для обращения произведенной товарной массы количество денег. Ясно, что в такой постановке денежный вопрос *экономически* не отличается от вопросов рынка, или, как Р. Л. говорит, „экономического спроса", „фактического спроса", „реальных экономических потребностей", и единственная теоретическая задача, с которой он еще связан, это вопрос о количество денег, потребных для оборота товарных ценностей, вопрос, благополучно разрешаемый на основе общих законов товарного обращения. С этой стороны, Р. Л. вполне логично отрицает существование особой теоретической проблемы денежного обращения в учении о воспроизводстве общественного капитала. Но Р. Л. полемизирует со своей мечтой. Маркс тоже говорит: „Все законы, установленные нами (книга I, гл. 3) относительно количества денег, обращающихся при товарном обращении, нисколько не изменяются вследствие капиталистического характера процесса производства" [1]). Но Маркс берет проблему совершенно в иной плоскости. Количество денег его меньше всего занимает при анализе движения общественного капитала [2]). Его интересуют линии и узлы денежных потоков, поскольку они входят, как элементы, в общественное движение капитала, с одной стороны, обусловленные капиталистической формой производственного механизма и, с другой стороны, участвующие в движении этого механизма и в поддержании и в создании его единства. В кровеносной системе капиталистического организма Маркса интересует не количество крови и не состав крови [3]), а *построение* системы, направление и связывание ее сосудов и ее замкнутые круги. Под таким углом зрения обращение капиталистически производимых ценностей

---

[1]) „Капитал", II том, стр. 304.

[2]) Там же, стр. 440.

[3]) Можно соглашаться или спорить со сведением у Маркса всех денег к металлическим деньгам и всех источников денег к золотопромышленности, но нельзя не признать чрезвычайной маловажности этого вопроса для теории воспроизводства.

заключает в себе проблемы, совершенно отличные от простого товарного обращения [1]).

Впрочем, теория воспроизводства может быть изложена и без привлечения денежного обращения. Энгельс, в предисловии ко II тому „Капитала", рассказывает про имевшийся в бумагах Маркса вариант этой теории без денег. Однако в таком изложении учение о воспроизводстве должно ограничиться общими формулировками о капиталистическом выражении количественных пропорций общественного производства и рассмотрением этих пропорций в качестве условий воспроизводственного процесса. Самый же воспроизводственный процесс, т.-е. динамика общественного производства в капиталистической его форме останется вне поля анализа [2]).

Но пора определить содержание теории воспроизводства, которая, как мы видели, есть теория о равновесии движущихся производительных сил в их капиталистической форме, или, если угодно точнее: учение о капиталистической форме равновесия движущегося общественного производственного механизма.

Двух моментов необходимо и достаточно для определения капиталистической формы хозяйства. Это, во-первых, дробность общественных производительных сил, которая при рассмотрении с другой стороны представляет множественность обособленных, самостоятельно функционирующих долей общественного целого; во-вторых, производство прибавочной ценности в каждой из таких независимых долей. Вот почему анализ общественного капиталистического воспроизводства следует базировать на законах производства прибавочной ценности и на законах движения единичного капитала. Трудность проблемы заключается в том, что, с одной стороны, для общественного производства (а значит, и воспроизводства) обязательна вещественная точка зрения, с другой стороны, обращение всего общественного капитала подчинено нормам, которых не существует для обращения единичного ка-

---

[1]) Р. Л., разумеется, отличает обращение товаров от обращения капиталов. См. стр. 54 большой книги. Но она не видит, что при рассмотрении *воспроизводства капиталов* существенно *отличное*, а не общее, что есть в двух этих процессах.

[2]) Как известно, Маркс придавал большое значение закону возобновления основного капитала, выведенному им благодаря привлечению денежного обращения к вопросам воспроизводства.

питала, а именно—законам сцепления отдельных метаморфоз единичных капиталов [1]). При всем том, общественное производство при капитализме есть капиталистическое производство. „В таком случае приходится иметь дело с коллективным, собирательным капиталистом. Весь капитал представляется как бы акционерным капиталом всей совокупности отдельных капиталистов“ (II т., стр. 409).

Теоретическая проблема заключается, таким образом, в синтезировании вещественных свойств *всякого* производства (общественного производства, как такового) с историческими категориями капиталистической экономики, т.-е. с категориями производства ценности и прибавочной ценности. Р. Л. справедливо считает, что разрешение этой проблемы могло быть под силу лишь Марксу, положившему в основу своего анализа капитализма учение о двойственном характере труда, согласно которому труд в товарном обществе проявляется одновременно в двух результатах: в материальных вещах и в нематериальной ценности этих вещей. Что касается самого Маркса, то он следующим образом формулирует сущность проблемы воспроизводства общественного капитала:

> „Общественный капитал равняется лишь сумме индивидуальных капиталов, а потому и годовой товарный продукт (или товарный капитал) общества равняется сумме товарных продуктов этих индивидуальных капиталов. Хотя отсюда следует, что разложение товарной стоимости на ее составные части, правильное для всякого индивидуального товарного капитала, должно оказаться правильным и для капитала всего общества, и хоть в конечном счете оно действительно оказывается правильным, тем не менее та *форма проявления*, в которой это разложение товарной стоимости находит себе выражение в *общественном процессе воспроизводства, взятом, как целое*, оказывается *иною*“ (стр. 343, т. II—курс. наш; „иною“—курсив Маркса).

---

[1]) „Но кругообороты индивидуальных капиталов переплетаются друг с другом, предполагают и обусловливают друг друга и как раз благодаря этому-то сплетению и образуют движение всего общественного капитала. Как при простом товарном обращении весь метаморфоз товара представлялся звеном в цепи метаморфоз товарного мира, так теперь метаморфоз индивидуального капитала является членом ряда метаморфоз общественного капитала“. („Капитал“, т. II, стр. 327.)

Эта иная, нежели для отдельного капитала, форма проявления разложения стоимости, форма, учитывающая вещественное деление общественного производства, есть пропорциональное распадение общественного капитала на отрасли „I“ (производство средств производства) и „II“ (производство средств существования), а II отрасли на 2 группы „II а“ (производство средств существования рабочего класса) и „II б“ (производство предметов роскоши, т.-е. средств существования класса капиталистов). Точнее будет сказать: такое *распределение всех единичных* капиталов общества по этим трем группам, при котором обеспечивается возобновление общественного постоянного капитала „*c*“ и переменного капитала „*v*“ и создается материальный субстрат для прибавочной ценности всего класса капиталистов „*m*“.

Р. Л., имевшая широкую историческую перспективу в проблеме воспроизводства [1]), временами теряла, однако, ясное понимание границ проблемы. Строгие очертания марксова построения и его железная определенность не в одном пункте расплывались перед взором страстного критика. Разительный тому пример: поправка Р. Л. к делению общественного капитала на две отрасли в виде присоединения третьей отрасли—производства денег. Р. Л. не замечает, что этим „уклонением от Маркса“ она одним взмахом разрушает все стройное здание марксовой теории. „Деньги сами по себе не составляют элемента действительного воспроизводства“, говорит Маркс (см. гл. 17—II т.), а следовательно, прибавим мы, деньги (денежный товар, деньги как вещь) не могут приниматься в расчет при рассмотрении воспроизводства общественного капитала.

Другой пример: Р. Л. занимается проверкой марксовых схем на социалистическом производстве. Между тем эти схемы выражают нормы специфически-капиталистического производства. Достаточно указать на деление II отрасли (на производство средств существования рабочего класса и на изготовление предметов роскоши), которому уделяется у Маркса целый большой раздел [2]).

---

[1]) „Нак. кап.“, особ. стр. 182. Четкие формулировки некоторых сторон проблемы воспроизводства даны Р. Л. несколько раз на протяжении ее большой книги. См. стр. 60, 62, 44 и пр.

[2]) Ср. „Эпигоны“, стр. 10. Другое еще непонимание указываемой в тексте проблемы см. „Накоп. капит.“, стр. 126.

Но вот тов. Мотылев представляет себе дело совсем просто: задача Маркса, оказывается, в том, чтобы „явственнее“ изобразить „механизм расширенного воспроизводства в его натурально-вещественных элементах“. И только... Стоило же писать для этого целый том!

Из вышеприведенного вытекает, что теорию воспроизводства, как абстрактную теорию о форме капиталистического воспроизводственного механизма, отвлеченной от реальных исторических условий процесса, нельзя привлечь *непосредственно* к объяснению конкретных явлений рынка, кризисов [1]), империализма и т. д. Но Р. Л. связывающая настоящую теорию с теорией империализма, вводит промежуточное звено. Из анализа марксовых схем выводится сначала невозможность „чистого" капитализма, чтобы затем невозможностью чистого капитализма обосновать империализм. В этой логической цепи теория воспроизводства Маркса фигурирует, таким образом, в роли доказательства от противного. Силлогизм, примерно, таков: схема Маркса служит для доказательства возможности чистого капитализма; но схема приводит к неразрешимым противоречиям; значит, невозможен чистый капитализм. Разберемся.

Предварительно о построении схем. В главе 7-й „Накопление Капитала" („Анализ Марксовой схемы расширенного воспроизводства") Марксу вменяется в вину произвольность цифровых отношений. „В данном случае получается, что отношения накопления подразделения I, с их ясною закономерностью, покупаются совершенно произвольной конструкцией отношений в подразделении II, и это обстоятельство подает повод для проверки внутренних связей анализа" (стр. 75). А несколько выше: „Инициатива движения все время остается на стороне подразделения I, подразделение II

---

[1]) Нам представляется нецелесообразным тот способ выведения теории кризисов, при котором по главу угла ставится анализ марксовых схем воспроизводства (см., напр., Гильфердинга). Для понимания кризисов глубокая идея, заложенная Марксом в делении общественного воспроизводства на „I" и „II" отрасли и вскрывающая до дна differentia specifica капиталистического воспроизводства, лишена познавательного значения. С точки зрения кризисов знаменательны (и теоретически плодотворны) другие деления, также указанные Марксом, как то: противопоставление отраслей, не связанных с органическими процессами производства, и отраслей, базирующих на этих процессах; противопоставление производства элементов основного капитала производству элементов оборотного капитала и т. д.

Впрочем, сам Маркс был чрезвычайно далек от того, чтобы признавать серьезное значение за аргументацией диспропорциональностью при обосновании капиталистических кризисов. См. его „Теории приб. ценности", где он развертывает проблему всеобщего и частного перепроизводства. Но в иллюстрации диспропорциональности схемами II тома „Капитала", к которой у нас с легкой руки Гильфердинга обычно прибегают, мы не можем не слышать явственного голоса Туган-Барановского... Впрочем, к этому вопросу мы надеемся вернуться особо.

является лишь пассивным придатком. Так, капиталисты II должны всякий раз накоплять и потреблять столько, сколько это необходимо для накопления в I" (стр. 75). Поскольку речь идет о нереальных цифрах накопления во II, следует помнить, что существенны в марксовых схемах не те или иные числовые отношения. Существенно наличие при равновесии основных отраслей капиталистического производства жестких пропорций, необходимость которых и формулировку которых указывают схемы. Что же касается „инициативы" I отрасли, то и здесь нельзя не видеть глубокого проникновения Маркса в капиталистическую форму общественного производства, при которой производство средств потребления, не являясь целью хозяйственной деятельности, не может служить исходной точкой теоретического анализа.

Но гвоздь критики, разумеется, не в этом, хотя и это обстоятельство должно показать искусственность марксова построения. Гвоздь—в несоответствии содержания схемы реальному процессу накопления. Р. Л. понимает, что происходит это вследствие предпосылок самой схемы. И вот предпринимается поход против предпосылок. Маркс положил в основу чистый капитализм, история же знает только такой капитализм, который живет и питается докапиталистической средой. Маркс, вопреки жизни, исходит из постоянной техники; Маркс, наперекор действительности, принимает неизменную норму прибавочной ценности и неизменную норму накопления... „Образование и накопление прибавочной стоимости в денежной форме в виде капитала, ищущего приложения, согласно этой схеме невозможно"... „Схема... исключает скачкообразное расширение производства. Она допускает только непрерывное расширение его, которое идет в ногу с образованием прибавочной стоимости и покоится на идентичности между реализацией и капитализацией прибавочной стоимости" [1]).

Совершенно верно. Все эти необходимые атрибуты капитализма не учитываются в марксовых схемах расширенного воспроизводства. Но что из себя представляют эти схемы? Они служат цифровой иллюстрацией к теории воспроизводства, не больше и не меньше. Р. Л. глубоко заблуждается относительно функции схем, когда хочет в них видеть истолкователей конкретных явлений капиталистической истории [2]). Но если назна-

---

[1]) См. „Нак. кап.", гл. 25.

[2]) См., напр., следующее место из „Накопления капитала": „История английской хлопчатобумажной промышленности, представляющая самую характерную главу в истории капиталистического способа производства, начиная

ченнем схем является иллюстрировать учение о капиталистической форме равновесия общественного хозяйства, то есть ли надобность привлекать к ним все многообразие и все изгибы конкретного капитализма? Логика говорит обратное: не следует вводить в схему такие факторы, которые не являются стержневыми для капиталистической Formbestimmtheit. Иначе эти стержневые элементы потонут в густом тумане конкретных модификаций и наслоений капиталистической действительности.

Но дело не только в том, что *должны* объяснять схемы, дело также в том, что они в *состоянии* разъяснять. И здесь следует строго различать два вопроса: *как* (в какой форме) происходит накопление и *происходит ли* в действительности накопление. Схемами нельзя ответить на второй вопрос, для его разрешения должна быть привлечена вся теоретическая система, построенная для познания капитализма, в ее частных выводах и общих заключениях. Схема не может дать ответа на вопрос—возможно ли накопление в капиталистическом обществе. Сколько бы мы ни усложняли схему включением многозначных действительных процессов в сферу ее рассмотрения, мы все же будем читать в ней только описание процессов, но не их анализ. Фотография не есть изучение. В значительной мере на зыбкой почве забвения этого самоочевидного положения разрослась обширная и громоздкая критика марксовой теории. Шаткость критической постройки, отсюда вытекающая, находит свое выражение в расплывчатости аргументации (временами делающей неуловимыми центровые моменты) и в бесплодности выводов — двух основных чертах этой критической работы, порожденной теоретическим недоразумением.

Но Роза Люксембург достаточно оригинальный ум, чтобы не довольствоваться критикой марксовых схем в качестве обоснования своего тезиса о невозможности накопления в чистом капитализме [1]). В ее работе имеется также позитивная аргументация, к рассмотрению которой мы и перейдем.

с последней четверти XVIII в. и вплоть до семидесятых годов прошлого века, оказывается совершенно необъяснимой с точки зрения марксовой схемы" (стр. 239).

[1]) В „Эпигонах" мы находим несколько блестящих полемических страниц, справедливо высмеивающих „ортодоксальный культ формул" (стр. 25 и след.).

* * *

Положительное доказательство невозможности накопления при чистом капитализме, если освободить его от элементов неудачной критики Маркса и привести в систему относящиеся к нему и разбросанные по всей книге отдельные места и страницы, сводится к двум аргументам. Первый—общего характера—неоднократно формулируется Р. Л. в виде вопроса: кто является потребителем производимой капиталистами прибавочной ценности в случае ее накопления, т.-е. в том случае, когда сами капиталисты не потребляют ее в качестве дохода. Второй аргумент—более частного характера—касается затруднений, с которыми при росте техники сопряжено накопление вследствие вещественной фиксированности произведенной в той или иной отрасли прибавочной ценности. Начнем с последнего аргумента.

Проблема, о которой идет речь, состоит в следующем. Технический прогресс требует усиленного роста производства средств производства (I отрасли) по сравнению с производством средств потребления (II отрасли). Таким образом для капитализма возникают трудности вследствие того, что—при равномерном росте I и II отрасли—в I отрасли неизбежен постоянный дефицит, во второй же—постоянное перепроизводство. Наличие чужой (внешней) среды, допускающей обмен между капитализмом и докапитализмом, послужило бы к устранению этих несоответствий. Но если нет докапиталистической среды? И Р. Л. решительно отвечает: тогда техническое развитие оказывается невозможным для капиталистической системы. Затруднение, о которое здесь разбивается чистый капитализм, вызвано тем, что прибавочная ценность во второй отрасли воплощена во вполне определенных материальных предметах, не могущих служить в роли средств производства. Сбыт излишка II отрасли оказывается при таких условиях невозможным, а вследствие этого единственно-мыслимый при чистом капитализме способ ликвидации отмеченной диспропорциональности двух отраслей—перенесение прибавочной ценности из II отрасли в I с целью ее накопления в последней—оказывается неосуществимым.

Однако Р. Л. не замечает, что вопрос стоит исключительно и всецело в плоскости регулирования общественного хозяйства. В той мере, в какой опасения Р. Л. имеют реальное основание, они затрагивают не больше, как частный случай нарушения необходимой пропорции тех или иных отраслей общественного

хозяйства. Подобные нарушения, составляющие содержание антагонистического метода, который имеет в своем распоряжении капитализм для соблюдения и постоянного воспроизводства общественного равновесия, приводят, как известно, к кризисам, в которых они проявляются и которыми они устраняются. С этой стороны, невозможность чистого капитализма заключалась бы в учащении и углублении кризисов во II отрасли. Но сопровождаемые столь же хроническим недопроизводством в I отрасли, эти кризисы представляли бы явления частного перепроизводства: мы, таким образом, опять-таки упираемся в проблему координирования составных частей капиталистического общественного хозяйства. Современный капитализм, развивающий в себе методы регулирования, совершенно неведомые классическому капитализму XIX в., обладающий даже зачатками планового регулирования (правда, в иррациональной и противоречивой форме соглашений и монополий) и, во всяком случае, сказочно совершенствующий всевозможные виды кредита—уже в настоящее время (а до чистого капитализма еще далеко!) открывает широкие возможности антиципирования конкретных этапов ближайшего технического развития, а след., делает возможным предупреждение—в большей или меньшей мере—указываемых Р. Л. несоответствий I и II отраслей [1]). Во всяком случае, нельзя отмахнуться от процессов организационного и регуляторного совершенствования капитализма, сопутствующих расширению и углублению поля его действия и в колоссальной мере увеличивающих эластичность и приспособляемость его экономической системы.

Обратимся теперь к фактам капиталистической действительности и посмотрим, оправдывают ли они недоверие Р. Л. к регуляторным способностям капитализма.

Первое, что бросается в глаза при анализе внешней торговли капиталистических стран,—это громадное значение ввоза продуктов питания, т.-е. одного из основных элементов средств потребления рабочего класса. При этом тенденция такова, что роль привозной пищи стремительно возрастает по мере развития и углубления капиталистического способа производства. Относительно Германии, напр., следующая табличка достаточно выясняет эту тенденцию:

---

[1]) В этом отношении немаловажную роль играют новейшие организационные формы капитализма—комбинированные объединения, местами вырастающие в монополистические комбинаты.

Ввоз и вывоз пшеницы (в тысячах тонн) [1]).

Годы.	Ввоз.	Вывоз.	Ввоз больше вывоза на:
1881—85	603,6	49,3	554,3
1886—90	469,9	2.6	467,3
1891—95	1079,4	30,0	1049,4
1896—00	1394,8	174,8	1220.1
1901—05	2089,3	135,9	1953,4
1906—10	2266,0	209,7	2056,3

Т.-е. превышение ввоза пшеницы над вывозом за тридцать лет увеличилось в этой стране „блестящего развития сельского хозяйства“ (Бернштейн-Коган) почти *в четыре* раза. Если же взять всю немецкую внешнюю торговлю пищевыми продуктами за 1913 г., то на общий вывоз в 1043,3 мвлл. марок приходится привоз в 3049,2 м. марок, т.-е. привоз превышает вывоз *почти в три* раза. Сравним эти цифры с соответственными цифрами 1888 г., когда вывоз составлял 485,9 милл. марок и ввоз —905,9 м. м., т.-е. ввоз был менее чем в два раза выше вывоза [2]).

Для Англии получаются еще более разительные цифры. Проф. С. Бернштейн-Коган приводит следующие данные об изменении удельного веса внутреннего производства пшеницы и ее ввоза для Англии с 1870 г. по 1913 г.

Проценты внутреннего производства и привоза пшеницы по периодам. [3])

Годы.	Вн. пр—во.	Ввоз.	Годы.	Вн. пр—во	Ввоз.
1870—4	53.1%	46,6%	1890—4	27,4%	72,6%
1875—9	40,8 »	59,2 »	1895—9	24.4 »	75,6 »
1880—4	35.9 »	64.1 »	1900—4	20,0 »	80.0 »
1885—9	33,7 »	66,3 »	1913	24.3 »	75,7 »

Эти совершенно правильные статистические ряды говорят сами за себя. Но, быть может, не лишне будет привести еще две цифры об общем вывозе и ввозе продовольствия в Англии перед войной. В „Статистическом ежегоднике мирового хозяйства“ под ред. С. Фалькнера сумма английского импорта пищевых продук-

[1]) С. Бернштейн-Коган. Очерки эконом. геогр. Гиз. М. 22, стр. 153.

[2]) *Гельфферих*, „Развитие народн. хоз. Германии“. М., 1920 г., стр. 60.

[3]) Бернштейн-Коган. l. c., стр. 96. См. также след. стр., где приводятся данные о привозе мяса, масла, яиц.

тов, напитков и табаку за 1913 г. оценивается в 295.149 тысяч фунт. стерл. против экспорта в 33.876 тыс. ф. ст., т.-е. вывоз составляет немногим больше $^1/_9$ ввоза [1]).

Этих цифр из новейшей истории капитализма в двух передовых странах как будто достаточно, чтобы опровергнуть опасения Р. Л. насчет того, что чистый капитализм не в состоянии будет замедлять темп роста II отрасли по сравнению с I. Уже в наши дни, чрезвычайно далекие от идеального капитализма, современная хозяйственная система обладает регулирующим механизмом, достаточно гибким для того, чтобы приводить в соответствие с потребностями технического развития движение отдельных частей общественного хозяйства [2]).

Но как обстоит дело с неизбежным, по соображениям Р. Л., недопроизводством в 1 отрасли? С одной стороны, поскольку это недопроизводство понимается, как иное выражение избытка во II, вопрос разрешен, коль скоро показано, что во II никакого избытка нет. С другой стороны, и Р. Л. видит, что „этот дефицит в средствах производства может быть отчасти кажущимся. В процессе повышения производительности труда рост массы

---

[1]) Тов. Варга пишет о потреблении и вывозе шерсти (тоже отрасль II) в Англии: „Английское сукно мы находим во всех частях света и предполагается, что вывозится, по крайней мере, половина продукции: в противовес этому Шульце-Геверниц в своей работе, озаглавленной „Der britische Imperialismus“, сообщает следующие данные Брэдфордской торговой палаты о положении английской шерстяной промышленности (в милл. ф. ст.):

Годы.	Потреблен. англ. шерсти местного происхожд. и импортируемой.	Вывоз англ. шерстяных и трикотажн. товаров. В %.	К внутр. потребл.
1877	373	17,3	5
1882	356	17,9	5
1887	392	20,6	5
1892	467	18,5	4
1897	470	17,9	4
1902	513	14,2	3

(„Мир. хоз.“, М., 1922 г., стр. 15). Тенденция ясна: непрерывной линии возрастания внутреннего потребления соответствует столь же правильное падение относительных цифр экспорта, при чем с 90-х годов уменьшается также абсолютная цифра вывоза“.

[2]) Впрочем, в относительном сокращении II отрасли капитализму оказывает своеобразную услугу неизбежное при капиталистических методах хозяйствования отставание земледелия от промышленности: дело в том, что материально „с“ почти всецело состоит из предметов органического мира,

средств производства идет быстрее, чем рост их стоимости, или, выражаясь иначе, происходит удешевление средств производства. Т. к. при повышении техники производства дело зависит прежде всего не от стоимости, а от потребительной стоимости, т.-е. от вещественных элементов капитала, то можно в известной степени принять, что массы средств производства, несмотря на дефицит в их стоимости, хватает для продолжения процесса накопления". („Нак. кап.", стр. 235). При всем том, большой и самостоятельный интерес представляет сказочное, все более ускоряющееся, расширение отраслей I, свойственное современному капитализму и оставляющее далеко позади темп развития отраслей II [1]).

Материально отрасли I для нашей эпохи „железа и угля" означают тяжелую (горную) индустрию, обработку всякого цвета металлов, добычу минерального топлива, машиностроение и т. д. И как раз для современной стадии капитализма знаменательно то обстоятельство, что производство средств производства материально и технически теснейшим образом связываются с производством средств разрушения, при чем последние играют все большую роль в общей продукции тех отраслей хозяйства, которые прежде доставляли почти исключительно средства производства. Но уже один этот рост непосредственно экономического значения милитаризма и маринизма в современную эпоху, т.-е. значение их, как рынка железной и проч. промышленности, окончательно опорочивает концепцию Р. Л. о якобы непреодолимых затруднениях, которые неминуемо встретит развитый капитализм в виде пермапентного дефицита в I отрасли [2]).

в то время как средства производства в преобладающей массе представляют неорганическую материю. (К этому ведет и тенденция технического прогресса). Для современных капиталистических стран встает даже проблема диаметрально-противоположная той, которую видит Р. Л. Война придала этой проблеме увеличения производства средств существования особую остроту и сделала ее разрешение настоятельно необходимым для таких стран, как Англия, Германия и т. д. В этом отношении большой интерес представляет книжка английского профессора Холла: „Задачи подъема производительности земледелия", написанная в самом начале войны и переведенная на русский язык Клем. Аркад. Тимирязевым в 1918 г. (М., 1919).

[1]) См., напр., данные о Германии в выше цитированной работе Гельфериха, табл. на стр. 55.

[2]) Тов. Павлович, как известно, собрал много материалов, свидетельствующих о гораздо большем еще темпе роста первой отрасли, приведшем к борьбе за сооружение мировых железных путей. Следующее, довольно длинное, его резюме по этому поводу представляет особый интерес:

Но можно возразить: вы берете лишь одну сторону дела. Рассматривая внешнюю торговлю современных капиталистических стран, нетрудно увидеть, какую громадную роль играет в их импорте сырье, т.-е. тоже элемент общественного „c". Так, для английской торговли 1913 г. ввоз сырья составлял 269,9 м. фун. стер. (т.-е. свыше 35% всего импорта) против 66,2 мил. вывоза, или ввоз превышал вывоз больше, чем в 4 раза. Для Японии ввоз сырых материалов составлял в 1913 г. 48.5% всего ввоза, при чем эта цифра в первые годы европейской войны быстро возрастала, дойдя в 1915 г. до 63,8%. Вывоз же сырья в 1913 г. занимал всего 8,1% всего вывоза, упав к 1916 г. до 5,2%. В абсолютных же цифрах в 1913 г. на 354 мил. пен ввоза приходилось 51 мил. пен вывоза, т.-е. в 7 раз меньше [1]). Достаточно яркие цифры получаются и для Германии. В последней удельный вес сырья и полуфабрикатов характеризовался в 1913 г. для импорта 58-ью процентами, а для экспорта 26,3%; в абсолютных же числах на 6.242 мил. марок ввоза приходилось 2.659 мил. марок вывоза, т.-е. ввоз превышал вывоз в $2^1/_3$ раза...[2])

„...И вот, несмотря на непрерывное расширение внутреннего и внешнего металлургического рынка, обусловленное в значительной мере чудовищным ростом милитаризма, не только во всех Европейских странах, но и в Японии, возрождающемся Китае, Южно-Американских государствах, заказывающих все новые и новые военные суда и орудия для сухопутной армии английским, германским, французским, австрийским заводам, все громче и громче в европейской и нашей отечественной литературе подымаются накануне войны вопли о перенасыщении внутреннего и мирового рынка чугуном, о неизбежном в близком будущем сужении производства, фатально надвигающемся кризисе, который может быть если не устранен, то во всяком случае значительно ослаблен для каждой отдельной страны осуществлением какого-нибудь грандиозного ж. д. проекта, великое культурное и промышленное значение которого уже доказано теми или другими учеными. Так, Англия должна, наконец, взяться за осуществление своего пресловутого проекта сплошной ж. д. через всю Африку от Капштадта; так, Франция должна провести грандиозную ж. д. через всю Сахару; так, Германии надо дать кончить ее Багдадскую дорогу с веткой на Тегеран; так, Соединенные Штаты должны прорезать Манчжурию, согласно проекта Нокса, новым ж. д. путем! так, наконец, международному консорциуму надлежит энергично „приняться за сооружение новых стальных дорог в безграничном Китае и т. д." („Импер. и борьба за пути будущего". Часть 1, изд. 2, стр. 29).

[1]) „Статистич. Ежегодн. Фалькнера", стр. 87, 88 (Англия), 103 (Япония).

[2]) Гельфферих, *l. c.*, стр. 60.

Так вот, не говорят ли эти данные о дефиците I отрасли, восполняемом в настоящее время привозом из внешней среды, но неустранимом при чистом капитализме, когда вся некапиталистическая среда исчезнет?

Однако при оценке явлений внешней торговли следует всегда помнить о так наз. международном разделении труда. Уголь и руды, например, приходится ввозить, если их нет (или недостаточно при данном развитии промышленности) внутри капиталистической страны. Кроме того, современное мировое хозяйство включает целый ряд тропических и субтропических стран, доставляющих капитализму умеренного пояса сырье. „Специализация на тех или иных культурах настолько определенно диктуется здесь природными условиями, что и при полной экономической свободе (т.-е. при чисто экономических методах принуждения—*Э. Л.*) мы находим часто картину, напоминающую старую колониальную систему, а именно картину настолько далеко зашедшей специализации, что тот или иной подтропический район становится типичным районом „односторонней культуры“ (монокультуры)“ [1]).

Впрочем, Р. Л. сама понимает, что „по существу для капиталистического производства годились бы, напр., и капиталистически обрабатываемые каучуковые плантации, которые устроены уже в Индии“. („Накопление капитала“, стр. 257) [2]).

---

[1]) Бернштейн-Коган, *l. c.*, стр. 184.—Дальше автор приводит несколько примеров таких монокультур, к которым мы можем прибавить производство каучука в Бразилии, Индии, на островах Малайского архипелага.

[2]) Вот несколько цифр, показывающих эволюцию мирового каучукового производства за 30 лет нашего столетия (цифры обозначают большие тонны).

Годы.	Плантации кауч.	*Все* произв. каучука (в том числе и дикий)	%% плантац. кауч.
1900	1	53.890	0
1905	115	62.145	0
1910	8.200	70.500	12
1915	107.867	158.702 (абсолютн. сокращен. дик. кауч.)	68
1920	304.816	343.731	89

(„Статистич. Ежегодник“, стр. 37).

Что касается хлопка, то не меньше половины мирового сбора его приходится на Соединенные Штаты (среднее за 1914—18 г.г.=26.960 тыс. квинталов, из которых не меньше половины вывозилось, против 50.690 тыс. квинт. мирового сбора; см. „Статист. Ежег.“, стр. 33 и 62), а капиталистический характер Северо-Американского фермерства достаточно выяснен Вл. Ильичем „Новых данных о законах развития капитализма в земледелии“; см. вып. I

Что же касается каменного угля, добыча которого в сколько нибудь значимых для современного мирового хозяйства размерах возможна только капиталистическим способом, то главными экспортерами его являются и в наши дни, понятно, крупнейшие капиталистические страны—Англия, вывозящая 73,4 мил. тонн, Германия,—с вывозом в 34,0 мил. тонн, и Сединенные Штаты, вывозящие 22,1 мил. тонн... [1])

Но довольно цифр. И приведенные вполне ясно обнаруживают искусственность схематической конструкции Р. Л. и необоснованность ее скептических утверждений, будто чистый капитализм не в состоянии будет организовать такое перераспределение индивидуальных капиталов, которое было бы совместимо с условиями растущей техники. Напротив того, мы видели, что *уже* современный капитализм достаточно гибко перераспределяет накопляемую прибавочную ценность [2]), и если перед ним и стоит общая задача сохранения пропорциональности, то разве только в обратном направлении: в сторону уменьшения I и увеличения II...

* * *

Переходим ко второму аргументу, которым Р. Л. обосновывает невозможность накопления в чистом капиталистическом обществе. Как мы выше указывали, аргумент этот представляет отрицательный ответ на много раз (и в разной связи) возникающий у Р. Л. вопрос: кто может явиться потребителем тех товаров, в которых воплощена предположенная к накоплению прибавочная ценность. Вопрос, таким образом, ставится в плоскость социально-экономических групп капиталистического общества, точнее,—в плоскость их роли в качестве потребителей. Р. Л. не находит в капиталистической системе такой группы потребите-

---

ГИЗ, 23 г. особенно стр. 22: „Из общей суммы фермеров *меньшинство*, едва ли *более одной пятой или одной четвертой части*, не нанимают рабочих и не нанимаются или не кабалятся сами“ (курс. Вл. Ильича). Ср. также Р. Л., „Нак. кап.“, стр. 292.

[1]) Цифры за 1913 г. — „Статистический Ежегодник“, страница 152.

[2]) В этом ему, между прочим, помогает то обстоятельство, что как раз в производствах II отрасли капиталы обладают наиболее низким органическим строением с наименьшим при этом основным капиталом и наименьшим техническим минимумом для расширения производства. Это облегчает перенесение накопленной в таких производствах ценности в предприятия с более высоким органическим составом капитала, каковыми являются предприятия I отрасли.

лей, для которой могло бы быть предназначено расширение капиталистического производства. Капитализм, если он хочет развиваться (т.-е. расширяться), должен, следовательно, связываться с некапиталистической средой, которая представляет, по концепции Р. Л., нечто вроде предохранительного клапана для капиталистического котла, при отсутствии которого котёл неминуемо взорвется. Такая постановка вопроса вынуждает нас развернуть проблему производства и потребления в капиталистическом обществе. Постараемся сделать это вкратце.

Капиталистическое производство есть производство прибавочной ценности. Это значит, с одной стороны, что капиталистической системе при подходе к натурально-техническим процессам производства присуща точка зрения ценностно-образующих факторов. При оценке рациональности того или иного вещного элемента производственного процесса для капиталистического способа производства существенен критерий ценности; напр., о выгодности какого-либо технического усовершенствования или о целесообразности повышения зарплаты капиталист судит по значению подобного мероприятия для изменения массы ценности, точнее—прибавочной ценности (resp. прибыли). С другой стороны, производство прибавочной ценности означает эксплоатацию производительного населения страны в качестве наемных рабочих. Тем самым население страны становится орудием капиталистического производства ценности. Оно (население) ни в какой мере не субъект производства, оно стало лишь его объектом на-ряду с другими объектами производства, как машины, сырье, рабочий скот и т. д. С капиталистической точки зрения не существует различий между природным и личным фактором производства, кроме тех, которыми они обладают как участники создавания ценности и прибавочной ценности [1]). Человек и его потребности перестали быть целью общественного производства; человек служит лишь средством, а его потребности лишь условием производства прибавочной ценности. Вот в каких выражениях Маркс раскрывает место индивидуального потребления рабочего класса в капиталистической системе:

„...Индивидуальное потребление рабочего в общем и целом составляет момент в производстве и воспроизводстве капитала независимо от того, совершается ли оно внутри

[1]) Мы, разумеется, не касаемся здесь того, что психология конкурента стирает для капиталиста эти различия.

или вне мастерской, внутри или вне процесса труда,—подобно тому, как чистка машины есть составная часть производства независимо от того, производится ли она во время процесса труда или во время определенных перерывов последнего.

Дело нисколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет свое индивидуальное потребление ради себя самого, а не ради капиталиста. Ведь и потребление рабочего скота не перестает быть необходимым моментом процесса производства от того, что скот сам потребляет то, что он ест. Непрерывное сохранение и воспроизводство рабочего класса всегда остается необходимым условием воспроизводства капитала. Выполнение этого условия капиталист может спокойно предоставить самим рабочим, полагаясь на их инстинкт самосохранения и размножения. Он заботится лишь о том, чтобы их индивидуальное потребление ограничивалось по возможности самым необходимым, он очень далек от южно-американской грубости, с которой рабочих насильно заставляют есть более питательную пищу вместо менее питательной". („Капитал", том 1-й, стр. 556). И далее:

„Итак, с общественной точки зрения, класс рабочих—даже вне непосредственного процесса труда—является такой же принадлежностью капитала, как и мертвый рабочий инструмент. Даже индивидуальное потребление рабочих в известных границах есть лишь момент в процессе воспроизводства капитала. И уже самый этот процесс, постоянно удаляя продукт труда рабочих от их полюса к противоположному полюсу капитала, заботится о том, чтобы эти одаренные сознанием орудия производства не сбежали.

...Римский раб был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику, но только этот собственник—не отдельный капиталист, а класс капиталистов". (Там же, стр. 557).

Но это лишь одна сторона дела. Капиталистическое производство есть производство самостоятельно хозяйствующих капиталистов, интересы которых не согласованы, а подчас противоречивы. Законы конкуренции, дающие победу технически-прогрессивному и массовому производству над отсталым и мелким, заставляют капиталиста беспрерывно расширять свое производ-

ство. Безудержное стремление капиталиста к накоплению, заставляющее его под угрозой гибели вести ожесточенную борьбу с братьями-врагами, выступает перед нами как имманентная черта капиталистического производства. В свете этих драконовых законов капиталистической конкуренции бесконечно-ничтожными кажутся излюбленные буржуазными учеными старого и нового времени теорийки воздержания, бережливости и иных прекрасных качеств капиталистической души, якобы движущих общественный прогресс. Но так или иначе, капиталистическая система ставит предел потреблению капиталистов, ограничивая его необходимостью накоплять и накоплять. Вот почему Маркс говорит: „...никогда нельзя представлять его (т.-е. капиталистическое производство. *Э. Л.*) таким, каким оно не бывает, именно таким производством, которое имеет своей непосредственной целью потребление или изготовление предметов потребления для капиталистов. При этом был бы совершенно забыт его специфический характер, который находит себе выражение во всех внутренних отношениях этого производства". („Капитал", т. III-й, часть I-ая, стр. 224).

Но что значит—накопление? Это значит производительное потребление прибавочной ценности, т.-е. потребление ее для (и в процессе) создания новой прибавочной ценности. Накопление, родившись из сокращения одного вида индивидуального потребления (капиталиста), означает в то же время превращение другого вида индивидуального потребления (рабочего) в производительное потребление [1]). *В забвении последнего обстоятельства мы видим корень ошибочной теории Р. Л.* Роза Люксембург спрашивает: где потребитель накопляемой прибавочной ценности? и забывает, что потребление при капитализме не есть самодовлеющая сущность, что капитализм знает только *потребление, обусловленное производством,*—т.-е. вызываемое нуждами производства, поскольку речь идет о потреблении рабочего класса, и ограничиваемое нуждами производства, поскольку речь идет о потреблении капиталистов,—и что поэтому свой вопрос ей следовало бы сформулировать таким образом: кто будет *производительно потреблять* вещественные элементы накопленной прибавочной ценности, найдется ли в капиталистическом обществе спрос на дополнительно произведенные элементы производства (мы нарочно берем

---

[1]) Точнее: существование индивидуального потребления в качестве производительного потребления.

такие резкие формулировки), независимо от того, составляют ли они средства существования одаренного сознанием работника-человека или средства поддержания жизни и рода рабочего скота, или же мертвые элементы ценностно-образующего аппарата? Но в такой постановке вопрос перестает быть вопросом. Ясно, что капиталисты и *их* рабочие предъявят спрос на дополнительные средства производства и средства существования, поскольку общественное производство расширяется [1]). Мы можем, правда, столкнуться здесь с постоянными явлениями частного перепроизводства в тех или иных отраслях, поскольку расширение всех отраслей общественного хозяйства не может (по причинам техническим, экономическим и проч.) протекать равномерно, однако, о всеобщем „систематическом избытке", получающемся вследствие накопления капитала и по своей природе, a priori, так сказать, не поддающемся реализации в условиях чисто капиталистического потребления, говорить не приходится.

Мы видели, что „капиталистическое производство не есть производство для удовлетворения потребности данной, *изане*. Потребность создается и определяется самим производством" [2]). Выше, в иной связи, нам пришлось говорить о производстве для производства, как форме капиталистического общественного производства. Теперь мы видим, каким образом такая система „производства ради производства" экономически функционирует,

---

[1]) Тверди о „социальной, практической возможности" накопления (см. наприм, „Опыгоны", стр. 22), о социально-экономических группах, предъявляющих спрос, Р. Л. забывает, что социальные отношения,—это иное бытие тех же производственных отношений.

[2]) Пашкук—„Теоретические заметки о причине кризисов" (см. „Основ. пробл. пол. экон." под редакцией Дволайцкого и Рубина, стр. 383). *Курс. автора.* —Тов. Дволайцкий в своей последней статье (см. „Вестник Соцакадемии" № 5) подошел, наконец, к сути вопроса, увидев, что ошибка Р. Л. в том, что она „считает условием возможности расширения производства заранее данное увеличение спроса" (стр. 32). Несколько странно звучат при этом признания тов. Дволайцкого, что он молчал об основной проблеме „исключительно только потому, что хотелось остаться в рамках логической схемы Р. Л." (стр. 23)... Кстати: ошибка тов. Дволайцкого в постановке уже *основного* вопроса в том, что он его понимает как частную формулировку „методологического тезиса" Маркса о примате производства над потреблением и распределением. Примат этот есть обще-социологический закон общественной жизни человека (а тем самым и его общественного хозяйства), есть один из основных элементов *исторического материализма*—и нельзя его смешивать со специфическими, формальными определениями капитализма.

т.-е. какими методами она выполняет свое назначение производственной системы, заключающееся в удовлетворении общественных потребностей. Отрывая непосредственную цель хозяйствования (прибыль) от его объективного назначения (удовлетворения общественных потребностей), эта система превращает конечный и объективный результат производства в средство для достижения иррациональной — с точки зрения общественного организма — цели. Таким образом все переставляется на голову. Цель и средство меняются местами и маскируются в костюмы один другого. Но больше того: они меняются ролями в общественном хозяйственном процессе. И в этой путанице конкурентных отношений рождаются самодовольно-поверхностные Сэи на заре капитализма и этизирующие парадоксальные Туганы у его заката...

Очень глубоко проник в проблему Владимир Ильич в экономических статьях 90-х годов. Он считает „вполне справедливым положение, что производство само создает себе рынок, само определяет потребление", и добавляет: „из непонимания того *как* производство создает себе рынок, вытекает учение о невозможности реализовать сверхстоимость" [1]). Вопрос, таким образом, ставится Лениным в плоскости капиталистической формы взаимозависимости производства и потребления, которая понимается как центральный, определяющий момент „проблемы" накопления в чисто капиталистическом обществе. В другом месте Ленин достаточно близко раскрывает содержание этой взаимозависимости. „Отличие взглядов мелко-буржуазных экономистов от взглядов Маркса состоит не в том, что первые признавали вообще связь между производством и потреблением в капиталистическом обществе, а второй отрицал вообще эту связь (это было бы абсурдом). Различие состоит в том, что мелко-буржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением *непосредственною*, думали, что *производство идет за потреблением*. Маркс же показал, что эта связь *лишь посредственная*, что сказывается она *лишь в конечном счете*, ибо в капиталистическом обществе *потребление идет за производством* [2]).

А в другой своей работе, посвященной Сисмонди, Ленин еще конкретнее формулирует эти положения о связи производства и

---

[1]) „К характ. эконом. романт.". Собр. сочин., т. II, стр. 174.

[2]) „Ответ г. Неждакову". Там же, стр. 500, курс. Вл. Ильича. Интересно сопоставить это место из Ленина со следующими словами Маркса, не

потребления в капиталистическом обществе. Он пишет: „Чтобы расширять производство („накоплять“ в категорическом значении термина), необходимо произвести сначала средства производства... а для этого нужно, следовательно, расширение того отдела общественной продукции, которая изготовляет средства производства, нужно *отвлечение к нему* рабочих, которые уже *предъявляют спрос и на предметы потребления*, следовательно, „потребление“ развивается *вслед* за „накоплением“ или *вслед* за „производством“—как ни кажется это странным, но иначе и быть не может в капиталистическом обществе“ [1]).

Совершенно правильно. И поэтому проблема разрешена, как только Маркс разделил общественное производство на I и на II, ибо в этом делении общественный процесс взаимодействия производства и потребления охвачен в „его важных (grosse) категориях и связях“ [2]), выявляющих его, как *капиталистический* процесс. И Ленин с полным правом говорит в статье о народничестве и о Струве: „Раз исправлены эти ошибки (т. е. знаменитые ошибки Смита о распадении национального богатства на *c + m. Э. Л.*) и принято во внимание то обстоятельство, что в капиталистическом обществе громадную и все растущую роль играют средства производства, ...рушится совершенно и вся пресловутая „теория“. Маркс доказал во II т., что вполне мыслимо капиталистическое производство без внешних рынков с растущим накоплением богатства и без всяких „третьих лиц“, привлечение которых г. Струве в высшей степени неудачно“ [3]).

Но тут-то обычно и задается вопрос. Как, значит, по-вашему, капиталистический производственный механизм совершенно не

раз, впрочем, цитировавшимися: „...Как мы видели (кн. II, отд. III), совершается непрерывное обращение между постоянным капиталом и переменным капиталом (даже оставляя в стороне ускорение накопления), которое в первое время не зависимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда в него не входит, но которое, в конечном счете, ограничено личным потреблением, потому что производство постоянного капитала никогда не совершается ради него самого, но совершается только потому, что его более потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление“, („Капитал“ т. III, ч. I, стр. 289).

[1]) „К харак. экон. романт.“, стр. 180. Курсив Вл. Ильича.

[2]) Выражение. Р. Л., Р. Л., как уже выше указывалось, не понимала именно *этого* значения марксова деления. См. особенно стр. 126 большой книги.

[3]) „Экономич. содерж. народн. и критика его в книге г. Струве“. т. II, стр. 151—152.

зависит от общественных потребностей? значит, он их сам себе создает, как господь-бог сотворил себе мир и все, что наш глаз видит на нем? Но вы ведь не собираетесь представить капитализм чудесным магом, из ничего делающим все!..— И дальше о карусели, вращающейся в пустом пространстве, о „независимом движении капитала вокруг собственной оси“, о Туган-Барановщине и т. д. Успокойтесь, товарищи! Во-первых, при сколько-нибудь внимательном прочтении приведенных выше мест из Ленина и Маркса не трудно заметить, что излагаемой нами точке зрения абсолютно чуждо игнорирование личного потребления. Наоборот, она видит в личном потреблении конечную границу всякого производства, но она на основе изучения специфической формы капиталистического производства приходит к заключению о своеобразных свойствах этой границы при капитализме, сливающем воедино личное потребление и потребление вещных элементов производственного процесса; вследствие этого вышеуказанные границы ускользают от взгляда капиталистического производства, теряют самостоятельность и расплываются в общей, живущей в душе капиталиста (пусть неосознанно) категории производительного потребления. Совершенно не случайность, что глубокий Рикардо и плоский Сэй, каждый по своим способностям и разумению, но оба с равной убежденностью, отрицали наличие неразрешимых затруднений для капиталистической реализации. Джемс Милль, которого Маркс считает автором положения о „метафизическом равновесии покупок и продаж“, принадлежит к той же группе теоретиков капитализма, ослепленных его формой.

Во-вторых, когда Маркс критикует Рикардо и ругает Сэя, он это делает не за то, что те принимали в своих построениях тезис о производстве, одним своим существованием создающем спрос. Маркс ополчался против буржуазной узости этих построений, лишенных понимания даже элементарного противоречия капитализма, противоречия товарной формы. Между тем капитализм содержит в себе еще другое противоречие — противоречие наемного труда. Этому последнему, сводящему, как мы видели—потребление рабочего населения к производительному потреблению, соответствует такой взгляд на личное потребление, который аналогичен отношению капиталиста к прочим видам производственного потребления. Экономия на заработной плате, т. е. всемерное сокращение потребления рабочего класса, диктуется капиталисту условиями конкуренции. Но эта же экономия суживает базу обще-

ственного потребления, для которой работает (объективно) общественный производственный механизм. Закон, по которому расширенное производство создает себе расширенный рынок, приобретает, таким образом, весьма солидное ограничение. Тенденция капиталистического производства к безграничному расширению сталкивается с тенденцией общественного потребления к относительному сокращению. „Отсюда кризисы", кончает Маркс главу, излагающую настоящую теорию капиталистического рынка... [1])

Нам кажется, что лучше всего марксова теория капиталистического рынка формулируется выражением „узкий базис потребления". Двух моментов необходимо и достаточно, чтобы исчерпать эту теорию; это во-первых—самостоятельная, „без внимания к границам рынка", способность капитала к расширению [2]) и, во вторых, медленно растущий платежеспособный спрос главной (почти всей) массы населения, потребление которого замкнуто в рамки заработной платы [3]). Теория Маркса, таким образом, далека от пресловутых теорий „недопотребления", сводивших по существу, всю систему капитализма к экспроприации капиталистами у рабочего класса его прибавочного продукта. Экспроприацию прибавочного продукта мы находим во всех антагонистических обществах древности, средневековья и крепостничества. Однако в этих общественных формациях „недопотребление" на-

---

[1]) „Капитал", III, I, стр. 249.—Ср. следующее место из 2 й части III т.: „Последней причиной всех действительных кризисов остается все же бедность и ограниченность потребления масс по сравнению с тенденцией капиталистического производства развивать производительные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является лишь абсолютная потребительная способность общества" (Стр. 22).

[2]) „Накопл. капитала и криз.", стр. 55.—Сравни там же: „рынок и производство безразличны друг к другу" (стр. 58): также: „границей пр-ва является прибыль капиталистов, но отнюдь не потребность производителей", (стр. 61), а также абзац о Рикардо на стр. 54.—Ср. также из I тома „Кап.". „Накопление ради накопления, производство ради производства,—этой формулой классическая политическая экономия выразила историческое призвание буржуазного периода" (стр. 51).

[3]) Кроме обычно цитируемых мест из 15-ой гл. III т. „Капитала", сюда относится несколько мест из „Теории прибав. ценности". Обращаем особое внимание на следующее выражение: „Всеобщий закон производства капитала—производить в меру производительных сил, т.-е. в меру возможности эксплоатировать с данным количеством капитала возможно большую массу труда, без внимания к существующим границам рынка и платежеспособных потребностей и осуществлять это путем постоянного расширения воспроиз-

родных масс не сужало базу для производства. Оно и понятно: в перечисленных обществах „недопотребление“ эксплоатируемых возмещалось „перепотреблением“ эксплоататоров. „Древние и не думали превращать прибавочный продукт в капитал“... [1]).

Капитализм обладает обоими мыслимыми методами борьбы со своим проклятием—узким базисом потребления. Расходящиеся линии производства и потребления он приводит в соответствие как задержкой зарвавшегося вперед производства, так и расширением рынка до пределов возрастания производства. В качестве первого метода капитализму служат кризисы, в качестве второго—покорение докапиталистических рынков [2]). Эти два метода, которые мы встречаем уже на самой ранней стадии оформившегося капитализма, как это не трудно понять, действуя в проти-

---

водства и накопления, следовательно, путем постоянного превращения дохода в капитал, в то время как с другой стороны—масса производителей остается ограниченной средним уровнем потребностей и должна остаться таковой, согласно тенденции капиталистического производства“, (стр. 68—69). Сравни также стр. 62—63. Из III-го тома приведем следующие места: „Противоречие, если выразить его в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуще стремление к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличение в возможно большей степени (т.-е. постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости“ (ч. I-ая, стр. 230). Между тем: „...Пределы, в которых только и может происходить сохранение и увеличение капитальной стоимости, основывающееся на экспроприации и обеднении широких масс производителей, эти пределы постоянно вступают поэтому в конфликт с методами производства, которые должен применять капитал ради своих целей и которые направлены к неограниченному увеличению производства,—производству, как самоцели, к безусловному развитию общественной производительной силы труда“ (стр. 231).

[1]) „Нак. кап.“ стр. 62 и ниже: „Если у древних *не было перепроизводства*, то зато у них было *перепотребление* богатых, выродившееся в последние эпохи Греции и Рима в бешеное мотовство“.

[2]) Мы считаем в корне неправильным построение О. Бауэра видящего спасение капитализма в росте населения. Бауэр забывает, что капиталистическое производство не ближе стоит к общественному потреблению, чем чиновник доброго старого времени к публике, для обслуживания которой он был поставлен. В частности, мыслим (при капитализме) и такой случай, когда растущему рабочему населению соответствует *абсолютно* падающая сумма выплачиваемой ему заработной платы. Технический прогресс в отрасли II этому широко содействует.

воположных направлениях, друг друга обусловливают и ограничивают. Некоторые узлы этой взаимозависимости: открытие новых рынков во время высокой конъюнктуры в состоянии отсрочить наступление кризиса; те же новые рынки, открытые после (или во время) кризиса, облегчают и ускоряют его изживание; таким образом, разразившийся кризис усиливает рысканье капиталистов по новым землям с целью присоединения их к своим рыночным владениям. Именно эта связанность двух явлений и послужила причиной того обстоятельства, отмеченного Р. Л., что до Маркса проблема кризисов и проблема некапиталистических рынков сливались в одну проблему — о возможности безграничного приложения капиталов внутри страны [1]), или как, Маркс предпочитал выражаться,—дело сводилось к исследованию вопроса о возможности всеобщего перепроизводства [2]). Каждый экономист разрешал эту „единую" проблему по разному. Рикардо, у которого глубокий и пытливый ум и огромная любовь к истине составляли главные черты научного характера, противоречиво допускал перепроизводство капитала, отрицая в то же время возможность общего товарного перепроизводства [3]). Плоский апологет Сэй, которого природа-мать не одарила ни единым гранном творческого сомнения, вообще не видел никакого противоречия и никакой проблемы. Мелко-буржуазный романтик Сисмонди видел все семь смертных грехов человечества в том, что существует хотя бы уже одно *расширение* капиталистического производства и построил скептическую теорию невозможности капиталистического прогресса; в этой теории, впрочем, этическая недопустимость частенько заглушает теоретическую невозможность. Наивно-самодовольный Кирхман, тоже отрицавший безграничное расширение капитализма, услужливо предлагал радостный выход: поменьше технических ухищрений, побольше роскошествования—и все неприятности как рукой сняты. Ротбертус с глубокомыслием консерватора и государственного мужа предлагал законодательное фиксирование нормы прибавочной ценности...

Одной из огромных теоретических заслуг Маркса является освобождение проблемы кризисов от связи с вопросами некапи-

---

[1]) Наиболее рациональная формулировка вопроса у Рикардо.

[2]) Ср. у Р. Л. „Нак. кап.", стр. 145—146, 185 и пр. — Разумеется, повсюду, где Р. Л. говорит о „проблеме накопления", она имеет в виду вопрос о некапиталистических рынках.

[3]) Надо помнить, что Рикардо не знал ни одного действительного промышленного кризиса.

талистических рынков для капитализма. Свою теорию кризисов Маркс строит исключительно на анализе противоречий капиталистической формы: товарно-денежного обращения, обращения капиталов и противоречия капиталистической эксплоатации. Неизбежность и закономерность кризисов устанавливается, исходя из изучения капиталистической формы взаимодействия производства и потребления; период промышленного цикла познается в результате исследования технических условий капиталистического воспроизводства в рассматриваемый исторический момент [1]). И лишь на теоретической базе „чистого капитализма" Маркс мог вынести свой закон периодичности всеобщего капиталистического перепроизводстве, ибо внешняя торговля [2]), как справедливо полагал Маркс, оказывает лишь возмущающее влияние на нормальное прохождение капиталистического производства по орбите промышленного цикла, не составляя при этом ни причины волнообразности процесса, ни основы его закономерной цикличности. Но тем самым была устранена теоретическая аберрация, переносившая проблему в плоскость внешней среды, якобы предназначенной и единственно могущей служить в качестве основы технического прогресса при капитализме. Теория Маркса говорит: технический прогресс возможен и при чисто капиталистической организации общественного богатства (правда, в нелепой форме насильственного разрушения колоссальных технических богатств, которое должно предшествовать введению новой техники). То, что остается на долю некапиталистических рынков, это ускорение темпа технического развития, а вместе с тем и накопления. Отсутствие докапиталистической среды не означало бы для капитализма ничего большего, чем лишение одного из двух методов преодоления противоречий узкого базиса потребления, но в его распоряжении остался бы второй и основной метод — приспособление производства к общественным потребностям посредством кризисов. Через кризисы и разрушения капитализм мог бы расширять производство и двигать технику и, не опираясь на спрос некапиталистических слоев...

К такому заключению приводит нас рассмотрение капиталистической формы отношения производства и потребления. Но прежде чем закончить о производстве и потреблении, следует

[1]) См. в особенности „Нак. кап. и криз". В общем правильные, на наш взгляд, хотя и однобокие соображения о марксовом понимании кризисов дал тов. Дволайцкий в последней статье.

[2]) В новых изданиях: некапиталистические рынки.

отметить еще другую сторону дела. Поскольку речь заходит о всеобщем и едином капиталистическом обществе, теоретически мыслимом в конце капиталистической эволюции [1]), исследователь не вправе закрывать глаза на процессы организационного и регуляторного совершенствования, сопровождающие эту эволюцию. Нам довелось уже раз столкнуться с подобным игнорированием одного из важнейших элементов капиталистического развития со стороны Р. Л. Нам придется еще раз подойти к этой стороне вопроса, теперь—правда—в более общей форме.

В известном смысле, вся капиталистическая история может быть рассматриваема, как история борьбы капитализма с присущим ему узким базисом потребления. Каждый этап этой борьбы пользуется теми или иными организационно-экономическими формами, история которых—с этой точки зрения — представляет перманентную трансформацию в процессе взаимодействия, с одной стороны, растущего и технически совершенствующегося общественного производства на базе прогрессирующих потребностей, с другой стороны, — условий реализаций, т.-е. условий развития и формирования самих этих потребностей. Так, в самую раннюю пору капитализма мы находим выдающуюся роль оптовой торговли, организационные формы и персонажи которой в общем и целом даются капитализму готовыми из эпохи торгового капитала [2]). Углубление торговых связей, приносимое возникновением устойчивого—по роду товаров и территориально-мирового обмена, а также все большее вовлечение населения в круг капиталистического производства, порождает товарную биржу с срочной торговлей, которая является колосальным шагом вперед по сравнению с оптовой (посреднической) торговлей

---

1) Р. Л. с полным правом возмущена критикой О. Бауэра, ad hoc приписавшего ей рассмотрение „изолированного капиталистического общества". См. „Эпигоны", гл. II и III.

2) В этом отношении интересны следующие цифры о распределении национального дохода Великобритании в начале и к концу промышленного переворота (в милл. ф. ст.).

Годы.	Весь нац. доход.	В том числе: на долю пром.	на долю торг.
1770 . .	119,5	27	10
1812 . .	430,5	44,4	77,9

(Бер. „Ист. соц. в Англии, ч. I. Гиз., 1923 г., стр. 45—46). Так. обр. непосредственно от промышленной революции торговля выиграла несравненно больше, нежели промышленность: ее доля выросла почти в 8 раз против полуторного возрастания доли промышленного капитала.

в деле регулирования сбыта, т.-е. в деле слаживания условий производства и условий реализации. Но капитализм развивается. Товарная биржа, служившая на одной ступени рычагом экономической концентрации, превращается на более высокой ступени в тормаз роста производительных сил, становится, след., сначала излишней, а затем и вредной. Германский биржевой закон 1896 г. отчасти упраздняет ее, отчасти ограничивает. В XX-ый век капитализм вступает с капиталистическими объединениями, которые в биржах не нуждаются для реализации своей продукции. Но и сами капиталистические объединения, выросшие из современной технической базы производства и из изменившихся условий сбыта, представляют новейший метод борьбы капитализма с присущим ему от природы узким базисом потребления: известно, что толчком к объединениям является задача организации сбыта, сиданирования производства с рынками, неимоверно усложнившаяся в наше время. Капиталистические монополии, сращивающиеся с банками, составляют высшее достижение современного капитализма в этом направлении...

Можно ли, спрашивается, при рассмотрении того или иного элемента капиталистической эволюции абстрагироваться от качественно-различных форм проявления этого элемента на разных стадиях экономического развития и свести, так. обр., весь вопрос к голому количественному нарастанию рассматриваемого элемента? Конечно, нельзя. Подобное рассмотрение означало бы сведение экономической эволюции к чисто-механическому движению, означало бы забвение прописных истин диалектического закона о действенном взаимоотношении количества и качества. Между тем, способ рассуждения Р. Л. в вопросе о производстве и потреблении напоминает такое, в корне ошибочное, рассмотрение. Капитализм питается некапиталистическим спросом — верно; победное шествие капитализма означает утончение некапиталистической оболочки, его окружающей и его питающей — верно; следовательно, когда весь докапиталистический белок яичка будет съеден, когда придет время чистого капитализма, капитализм должен будет погибнуть—почему так? В этой логической цепи из процесса вытравлена живая жизнь, которая заменена бессодержательно-скучным схематическим рассуждением. Что значит „капитализм"—погибнет? Какой капитализм? Абстрактного капитализма жизнь не знает, капитализм имеет различные организационно-экономические формы в начале XIX в. и в середине XIX в., в период национальных войн и перед империа-

листической войной. Если бы, примерно, в первой половине прошлого столетия, вокруг и внутри капиталистической Англии провалились бы в землю все некапиталистические потребители ее продукции, то весьма вероятно, что капиталистам Англии очень скоро наступил бы конец. В обстановке колоссальной распыленности капиталов, а следовательно, до крайности слепой и перепутанной конкуренции, в условиях громадного удельного веса непроизводительного торгового капитала, требующего для себя, однако, полной прибыли—капитализм того времени, весьма вероятно, не оказался бы в силах справиться с участившимися и углубившимися, вследствие закрытия выхода в некапиталистическую среду, кризисами. Но еще Маркс установил закон концентрации и централизации капиталов и научно формулировал положение о противоположном направлении развития купеческого капитала и развития капиталистического производства [1]). Что же сказать в настоящее время, когда обе эти тенденции зашли достаточно далеко? Ведь если мы берем, как это делает Р. Л., конечный (в ее представлении) пункт капиталистического развития, когда некапиталистических рынков больше не будет, то нельзя же представить на этом конечном пункте капиталистической линии организационно-экономические формы времен английского промышленного капитализма. Гильфердинг совершенно правильно изобразил экономический предел концентрации и цевтрализации капиталов. „Возникает вопрос, где же, собственно, лежат границы картелирования. И ответить на этот вопрос приходится так, что не существует абсолютной границы для картелирования. Наблюдается, напротив, тенденция к постоянному распространению картелирования. Независимые отрасли, как мы видели, попадают все в большую зависимость от картелированных и, в конце концов присоединяются ими. В результате этого процесса должен был бы получиться *всеобщий картель*. Здесь все капиталистическое производство сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах... Вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществленной стоимости, исчезают, следовательно, деньги. Картель распределяет продукт. Материальные элементы производства воспроизводятся и входят в новый процесс производства. Из нового продукта известная

---

[1]) См. главу „Из истории купеч. капитала“ в III томе „Капитала“, ч. 1-ая. Также Гильфердинг „Финанс. капитал“, гл. 13. („Капит. монополия и торговля“).

часть достается рабочему классу и интеллигентам, другая остается у картеля, и он может употреблять ее на что угодно. Это—сознательно регулируемое общество в антагонистической форме. На этот антагонизм есть антагонизм распределения. Самое распределение здесь сознательно урегулировано, и потому необходимость денег миновала". („Фин. кап.", стр. 346, изд. 1918 года).

Очевидно, такому „натуральному" капитализму не страшны будут никакие узкие базисы потребления. Мы не хотим этим, однако, сказать ничего другого, кроме того, что затруднения, вырастающие перед капитализмом при его победном шествии по пути покорения и ассимилирования некапиталистических стран земного шара, в значительной мере находят себе разрешение в параллельно идущем „обобществлении" капиталистического производства. Что касается темпа обеих эволюций, то вряд ли кто станет оспаривать, что современная история капитализма показывает значительно большую быстроту для второго процесса, чем еще раз подтверждается безжизненность схематичного построения Р. Л. о невозможности чистого капитализма [1]).

III.

Роза Люксембург и ее сторонники видят, как известно, в тезисе о невозможности накопления в чисто-капиталистическом обществе богатый теоретико-познавательный метод, применение которого дает понимание не одного явления капиталистической динамики. Таких явлений насчитывают целых три: кризисы, империализм, неизбежность гибели капитализма. Остановимся (вкратце) на этой стороне работы Р. Л., хотя—поскольку мы считаем ее теорию ошибочной—мы могли бы и не заниматься рассмотрением того познавательного значения, которое сторонники этой теории ей приписывают.

О кризисах мы уже говорили. Из того, что было сказано выше, видно, что от Р. Л. ускользнул смысл той эволюции, которую претерпело понимание кризисов на протяжении истории экономической науки. Значение проведенного Марксом отделения теории кризисов от вопросов некапиталистических потребителей, а также теоретические этапы, приведшие к марксову объяснению кризисов, остались для Р. Л. книгой за семью печатями. С искрен-

---

[1]) „Границей производства является прибыль капиталистов" (Маркс Между тем колоссальный рост техники создает соответствующий рост относительной прибавочной ценности.

ним недоумением спрашивает она: „Как производство могло-бы вырасти за пределы рынка, раз оно само для себя является рынком, раз рынок постоянно сам по себе автоматически возрастает и притом с такой же скоростью, как и производство? Другими словами, как капиталистическое производство могло бы периодически перерастать свои собственные границы“... Или несколькими строками выше: „Если капиталистическое производство является само для себя неограниченным покупателем, т.-е. если производство и рынок сбыта идентичны, то кризисы, как периодическое явление, совершенно необъяснимы“ [1]). Мы видим, что мысль Р. Л. бьется в тисках неопределенных, критически непроанализированных понятий, что ей не хватает четкого представления о сущности капиталистического рынка, о сущности „собственных границ капиталистического производства“, что для нее, одним словом, неясны основные вопросы взаимоотношения производства и потребления в капиталистическом обществе. Поскольку все эти моменты уже рассмотрены нами, мы можем к ним больше не возвращаться.

В объяснении империализма, выдвигаемом Р. Л. (а не следует забывать, что рассматриваемая теория невозможности накопления в чисто-капиталистическом обществе, в сущности, и предназначалась автором для „экономического объяснения империализма“), мы находим две ошибки. Первая: специфическая характеристика одного этапа капиталистического развития потоплена в общих определениях капитализма. Вторая: сами эти общие определения даны неправильно.

Что касается первой ошибки, то о ней говорили все критики [2]). Р. Л. дает следующее определение империализма: „Империализм является политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды, на которую никто еще не наложил своей руки. Географически эта среда охватывает еще обширнейшие пространства земной поверхности. Но по сравнению с колоссальной массой уже накопленного капитала старых капиталистических стран,—капитала, который борется за возможность сбыта своего прибавочного продукта и капитализации своей прибавочной сто-

---

[1]) „Эпигоны“, стр. 33.—Видит ли Р. Л., что здесь она ставит крест над теорией промышленного цикла Маркса?.. Ср. верные замечания тов. Двольайцкого в последней статье.

[2]) См., напр., первую статью т. Двольайцкого в № 1 „Красной Нови“.

пмости, по сравнению с той быстротой, с которой области докапиталистической культуры превращаются в настоящее время в капиталистические страны, другими словами, по сравнению с достигнутой уже высотой развития производительных сил капитала, оставшееся еще для его экспансии поле деятельности оказывается незначительным. Соответственно с этим и определяется характер международного движения капитала на мировой арене. При высоком развитии и все усиливающейся конкуренции между капиталистическими странами за приобретение некапиталистических областей растет энергия империализма, и обостряются применяемые ими методы насилия. Это сказывается как в его агрессивных выступлениях против некапиталистического мира, так и в обострении противоречий между конкурирующими капиталистическими странами". („Пак. кап.", стр. 320). Подобное понимание империализма (как это, впрочем, не раз указывалось) чрезвычайно близко стоит к теории Каутского об отношениях индустриальных и аграрных стран. Постольку оно разбивается той же аргументацией и тем же сопоставлением с реальными капиталистическими отношениями, что и теория Каутского (см., напр., „Империализм" Ленина)... Но приведенное определение, по крайней мере,—ясно, недвусмысленно и последовательно, чего совершенно нельзя сказать о разъяснениях тов. Мотылева, который, как подобает „буферисту", пытается примирить теорию Р. Л. с Гильфердингом, Лениным, Бухариным. „Хотя капитализм,—пишет он,—характеризуется экспансией и на других ступенях развития, но лишь при определенных условиях это количественное накопление экспансии переходит в качество, и она становится в такой мере определяющей силой капиталистического развития, что трансформирует капитализм в империализм (до сих пор у т. Мотылева курсив). Каковы же эти условия? Условия эти обстоятельно выяснены Гильфердингом, Лениным, Бухариным. Но теория накопления Р. Л. в ее положительной части значительно дополняет развитое ими освещение империализма, дает возможность сведения ряда условий к монистическому основанию" („Вестник Соцакадемии", кн. 4, стр. 165). Что же, в конце концов, лежит в основе империализма? „Количественное накопление экспансии" или монополистический капитализм Ленина? Какой из двух „факторов" считать основным, определяющим и какой дополнительным или, по крайней мере, производным? Из расплывчатых фраз т. Мотылева этого понять невозможно. Р. Л. оказалась здесь несравненно логичнее своего ученика: она

прямо говорит: „Рассмотрение картелей и трестов, как специфического явления империалистической фазы на почве внутренней конкурентной борьбы между отдельными капиталистическими группами из-за монополизации наличных областей накопления и из-за разделения прибыли, лежит вне рамок этой работы". („Накопление капитала", стр. 328, сноска). Для нее, следовательно, определяющим моментом является борьба за остатки некапиталистических рынков... [1]) Но справедливо указал Гильфердинг: „... Характерную особенность „современного" капитализма представляют те процессы концентрации, которые обнаруживаются, с одной стороны, в „уничтожении свободной конкуренции" посредством образования картелей и трестов, а с другой стороны, во все более тесной связи между банковым капиталом и промышленным капиталом. Благодаря этой связи капитал принимает форму финансового капитала, представляющего наивысшую и наиболее абстрактную форму проявления капитала... Анализ становится тем более необходимым, что при быстром росте и все усиливающемся влиянии, которое оказывает финансовый капитал в теперешней фазе капитализма, без познания законов и функций финансового капитала делается невозможным понимание тенденций в развитии современного хозяйства, а вместе с тем невозможна и вообще научная экономия и политика". („Фин. кап.", предисловие) [2]).

Оставим, однако, цитаты и перейдем ко второй ошибке, заключающейся в объяснении империализма Р. Л.. Мы имеем в виду ту теорию образования капиталистического мирового хозяйства, которая выводится Р. Л. из тезиса о невозможности накопления в чисто капиталистическом обществе и которою Р. Л., как мы видели, заменила теорию империализма. Р. Л. пишет:

„Если капиталистическое производство само для себя образует достаточный рынок и допускает расширение за счет всей накопленной прибавочной ценности, то становится *лишним* еще другое явление современного развития: стремительность в погоне за отдаленнейшими рынками сбыта и

---

[1]) См. также „Эпигоны", 105.

[2]) О различии целей и содержания колониальной политики капитализма в разные эпохи марксисты довольно писали. См., например, у тов. Павловича „Борьба за пути будущего", часть 1-я, стр. 7 и 12; также Ленин. „Империализм", стр. 70; также Геллер „Профсоюзы на Востоке" (доклад II-му Конгрессу Профинтерна), стр. 4 и 7.

вывозом капитала, т.-е наиболее яркие явления современного империализма. В самом деле, зачем весь этот шум? К чему завоевания колоний, война из-за опия в сороковых и шестидесятых годах и к чему, наконец, современная драка из за болот Конго и Месопотамских пустынь? Ведь капитал может остаться и у себя дома и добросовестно питаться. Ведь Крупп охотно производит для Тиссена, Тиссен для Круппа; пусть бы они и вкладывали свои капиталы в собственные предприятия и расширяли их друг для друга, и так без конца. *Историческое движение капитала становится попросту непонятным*, а вместе с этим становится непонятным и современный империализм" („Эпигоны", 35, курс. наш).

Но поближе к реальным капиталистическим процессам! Давайте вложим реальное содержание в то „историческое движение капитала", о котором говорит Р. Л.

Реальное движение общественного хозяйства, организованного по-капиталистически, есть совокупное движение индивидуальных капиталов. Вот почему движущий механизм капиталистического общественного производства следует искать среди тех элементов капиталистической системы, в которых объективируются интерес и хозяйственный мотив (употребляя выражение Зомбарта) капиталистического производителя. Проблема тем самым упирается *в вопросы прибыли*, это с одной стороны. С другой стороны, историческое содержание капиталистического развития—это создание мирового хозяйства. Последнее капитализм совершает посредством вовлечения в круг своих рынков натуральных формаций отсталых стран, т.-е. посредством разложения и товаризации этих стран, а затем—и это уже второй этап, идущий, впрочем, параллельно первому и с ним неразрывно сплетающийся—путем внедрения капиталистического способа производства во вновь покоренных странах. В сущности, в этом объединении всего земного шара в целостный хозяйственный организм, в приобщении к человеческому прогрессу отсталых частей человечества, заключается историческая миссия капитализма, который должен с колоссальной широтой и интенсивностью развивать всевозможные виды научного использования производительных сил земли, не считаясь при этом с самим человеком, далекий от задачи подъема его материальной и духовной жизни, интересуясь последней лишь постольку, поскольку она составляет условие еще более стремительного технического прогресса.

Таким образом, задача теоретического объяснения экспансии капитала,—или, другими словами, содержание общей теории образования капиталистического мирового хозяйства,—приобретает следующий смысл: требуется доказать, что интересы прибыли гонит капитал в некапиталистические страны. Из вышеприведенных слов Р. Л. видно, что она считает действительным только один путь доказательства: признание невозможности получения прибыли внутри капиталистической системы. Но старая логика учвт: не следует общв-утвердительное положение оспаривать обще-отрицательным; гораздо вернее пользоваться для этой цели частно-отрицательным положением. В самом деле: чтобы объяснить стремление капитала в некапиталистическую среду, достаточно доказать, что в последней капиталист реализует *большую прибыль, чем у себя дома.* А это положение вытекает из того анализа капиталистического производства, который дан Марксом в первом томе и в первых трех отделах третьего тома „Капитала". Неразвитость меновых отношений и примитивная техника промышленности в некапиталистической стране, допускающие продажу привозимых товаров по чрезвычайно высоким ценам, дешевизна дикого и экстенсивно-возделываемого растительного сырья и топлива, представляющие сказочно-выгодные возможности пользования дешевыми элементами постоянного капитала, наконец, вдобавок к перечисленному, низкая цена рабочей силы и отсутствие земельной ренты, открывающие блестящие перспективы для промышленного приложения капитала в отсталых странах—все это создает капиталисту, имеющему дело с некапиталистической сферой, колоссальные добавочные прибыли [1]). А если прибавить к этому и—last not least—те огромные ростовщические и просто грабительские „барыши", которые капиталисты выколачивают из своих колоний и полуколоний, применяя методы внеэкономического принуждения, то проблема экспансии капитализма сразу лишится всей своей загадочности [2]).

---

[1]) Тов. Варга придает большое значение для современного капитализма еще тому обстоятельству, что „вывоз накопленного в стране капитала задерживает увеличение количества производимых в стране продуктов, и т. обр., облегчает картелям удержание искусственно высоких цен" („Мировое хозяйство", стр. 23).

[2]) На втором конгрессе Профинтерна т. Геллер, докладывая по вопросу о профсоюзах на Востоке, рассказывал: „За 1919 и 1920 г. г. целый ряд крупных текстильных предприятий в Индии (Альбион Мильс, Алльянс Мильс, Эмпайр Мильс, Индия Мильс и др.) выдавали дивиденды в 120, 150, 200 %%.

Старая логика права, когда не советует прибегать к общеотрицательному положению для опровержения общеположительного. Про людей, забывающих эту хорошую мудрость, говорят, что они частенько доказывают кое-что лишнее. Лишнее, т.-е. ненужное, неверное, противоречащее жизни доказывает и Р. Л., когда связывает объяснение капиталистической экспансии с невозможностью накопления в чистом капиталистическом обществе. Жизнь и здесь не принимает ее схематического построения, и, быть может, самое поучительное представляют те главы большой книги Р. Л., в которых описываются реальные условия исторического процесса накопления. Капиталистической действительности чужды в высшей степени неопределенные границы, долженствующие—по теории Р. Л.—отделять область возможности накопления от того момента, когда накопление уже больше невозможно. Сама постановка вопроса надумана, ибо накопление становится невозможным, когда прибыль равна нулю, но ни один капиталист не только не станет ждать этого момента, дабы, убедившись в невозможности дальнейшего накопления в капиталистической сфере, кинуться для спасения своего дела и своей души к докапитализму,—напротив того, всякий капиталист, не дожидаясь падения нормы прибыли у себя дома (даже в случае ее повышения, т.-е. широкой возможности накопления!), предпочтет однако, торговать с колонией, если эта торговля сулит большие барыши, нежели домашняя. И Р. Л., несмотря на все усилия втиснуть жизнь в рамки своей схемы, при объяснении целого ряда описываемых ею фактических и теоретически-мыслимых явлений, находит последнее теоретическое прибежище под сенью высоких прибылей, доставляемых капитализму докапиталистической средой [1]).

Но жизнь временами громко кричит против построения Р. Л. Как, например, понять с точки зрения этого построения обычные

а один концерн (Хугли Мильс) умудрился выдать даже 400%. Еще выше доходность джутовых предприятий" („Профсоюзы на Востоке". Москва. 1923 г., стр. 7).

[1]) Любопытно: построив всю критическую работу на анализе возможности *реализации прибавочной ценности*, Р. Л. в одной из последних глав вдруг вспоминает о вопросах сырья для капиталистического производства, выдвигает новую проблему, которую капитализм должен разрешать с помощью некапиталистической среды, и, наконец, сама отметает поднятый ею вопрос: „по существу, для капиталистического производства годились бы, напр., и капиталистически обрабатываемые каучуковые плантации". Р. Л. и здесь обнаружила несравнено больше теоретической чистоты, чем тов. Мотылев.

для современной капиталистической страны ввоз и вывоз одного и того же товара? Германия, напр., вывозит 34 мил. больших тонн угля и ввозит $10^1/_3$ мил. тонн. т.-е. третью часть своего вывоза. Соединенные Штаты вывозят 1 милл. больших тонн железной руды и ввозят $2^1/_2$ милл. тонн. (цифры довоенные) и т. д...

Так скажем же вместе с Марксом: „Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применение внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли" („Капитал", том III, часть 1-я, стр. 237) [1]).

Нам осталось отметить третье практическое приложение, которое Р. Л. придает своему тезису о невозможности накопления при чистом капитализме,—обоснование неизбежности социализма. Надеемся, читатель не посетует за следующую, длинную, но ва редкость блестящую выписку из ее „Эпигонов", в которой аргументация развернута наиболее четко и ярко.

„Накопление капитала прогрессирует и расширяется за счет некапиталистических слоев и стран; оно разъедает и вытесняет их со все ускоряющимся темпом. Всеобщей тенденцией и конечным результатом этого процесса является исключительное мировое господство капиталистического производства. Если это состояние достигнуто, то вступает в силу марксова схема: накопление, т.-е. дальнейшая экспансия капитала, становится невозможным, капитализм попадает в тупик, он не может больше функционировать в качестве исторического двигателя развития производительных сил, но достигает своей объективной экономической границы. Противоречие марксовой схемы накопления, в диалектическом смысле, является лишь противоречием *между стремлением капитала к безграничной экспансии и тем пределом, который он сам себе ставит путем все прогрессирующего разрушения всех других форм производства;* это—противоречие между могущественными производительными силами, которые он в процессе своего накопления пробуждает во всем мире, и тем

---

[1]) С большим чутьем жизни подошел к проблеме Ленин во введении к „Развитию капитализма в России". Вопросы внешней торговли—это вопросы исторического развития и конкретных фактических отношений *данной* страны *в данную* эпоху. Рассматривая конкретные условия и этапы развития отдельных отраслей капиталистического хозяйства, мы можем понять направление капиталистической экспансии.

узким базисом, который он сам отводит себе, благодаря законам накопления. Марксова схема накопления, в ее правильном понимании, как раз своей неразрешимостью дает точно поставленный прогноз экономически неизбежной гибели капитализма в результате процесса империалистической экспансии, специальной задачей которого является осуществление предпосылки Маркса, т.-е. установление всеобщего безраздельного господства капитала". („Эпигоны", стр. 104) [1]).

В другом месте Р. Л. называет развитую здесь аргументацию „марксовым обоснованием социализма" (там же, стр. 36). Так ли это?

Но предварительно оговоримся. Мы находим вполне справедливым возмущение Р. Л. той пафотически-ханжеской „критикой", которую дал О. Бауер ее взглядам в этом вопросе. Мы совершенно согласны со следующими словами Р. Л., посвященными Бауэровской „критике": „специально на предмет моего поучения Бауэр... должен был абстрагироваться не только от всего духа и тенденции моего понимания накопления, но и от ясного текста моего изложения". („Эпигоны", стр. 107). Речь ни в малейшей степени не может итти о том, чтобы—как это делает О. Бауэр—обвинить Р. Л. в забвении революционной роли пролетариата при переходе от капитализма к социализму. По меньшей мере поверхностно изображать взгляды Р. Л. в виде наивной теории автоматической гибели капитализма. Р. Л. неоднократно в своей большой книге разъясняет, что невозможность накопления понимается ею как предел капиталистической эволюции, как *тенденция*, которая не должна быть обязательно достигнута капитализмом, но которая означает, что по мере ее осуществления, по мере приближения капитализма к указанному конечному пределу, противоречие капитализма вырастает с колоссальной силой; „история современного капиталистического накопления на мировой арене превращается в непрерывную цепь политических и социальных катастроф и конвульсий, которые вместе с периодическими хозяйственными катастрофами в форме кризисов делают невозможным продолжение накопления; восстание международного рабочего класса против капиталистического господства становится необходимостью еще раньше, чем оно наталкивается на свои естествен-

---

[1]) См. также „Нак. кап.", стр. 226.

ные, им же самим созданные, экономические перегородки" („Нак. кап.", стр. 336).

Мы подходим к взглядам Р. Л. с иной стороны. Нас интересует: в самом ли деле неизбежность социализма может быть экономически доказана *лишь* с помощью построения Р. Л.? Верно ли, что духу марксовой теоретической системы соответствует именно такое обоснование социализма и что в оставленных Марксом после себя работах не имеется доказательства гибели капитализма? Р. Л. говорит, что вместе с ее теорией стоит и падает всякое научное объяснение необходимости социализма,— права ли она?

При изучении противоречий капиталистической эволюции, Маркс, как известно, обращает свой взгляд на *внутренние* законы капиталистической системы как таковой, безотносительно к конкретной исторической обстановке ее существования. Подвергается анализу капиталистическое производство, капиталистическое распределение, капиталистическое потребление,—и на этой основе выдвигается понимание социальной структуры капиталистического общества как такового, при этом все элементы и явления капиталистического хозяйства изучаются под углом зрения специфических методов и норм взаимодействия и взаимозависимости натурально-технического содержания производственного и распределительного процессов—с одной стороны, и исторически-определенной *формы* (Formbestimmtheit) организации общественной экономики в капиталистической системе—с другой стороны. *Противоречие капитализма*, по Марксу, *это—противоречие изложенного взаимодействия*. А Марксова теория капиталистического развития? *Это—учение о развитии и росте противоречий между капиталистической формой и вещным содержанием общественного производства вместе с развитием и ростом капиталистической системы.* Вот что Маркс пишет о тенденциях капиталистического развития: „Три главных факта капиталистического производства следующие: 1) Концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают быть собственностью непосредственных рабочих, а, напротив, превращаются в общественные силы производства. Хотя таковыми они становятся сначала, как частная собственность капиталистов. Последние—поверенные буржуазного общества, но они кладут в свой карман все плоды этих отношений товарищества на вере. 2) Организация самого труда, как общественного труда: посредством сотрудничества, разделения труда и сочетания труда с естествознанием.

Как с той, так и с другой стороны капиталистический способ производства уничтожает частную собственность и индивидуальный характер труда, хотя уничтожает в антагонистических формах. 3) Создание мирового рынка. Огромная по сравнению с населением производительная сила, развивающаяся при капиталистическом способе производства, и возрастание капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), которые увеличиваются хотя и не в такой пропорции, но все же много быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся, по сравнению с ростом богатства, основе, для которой действует эта огромная производительная сила, и условиям увеличения стоимости этого все нарастающего капитала". („Капитал", том III-й, часть I, стр. 248—249.)

Оболочка капиталистической формы все больше растягивается на натуральном организме стремительно растущих производительных сил; последним все теснее становится в оболочке капиталистической формы; все чаще и дальше рвется оболочка... А в это время капитализм готовит своих могильщиков!..

Нелепо ставить в вину Р. Л., что она указывает объективно-экономический предел капиталистического развития. Она поступает в данном случае в полном согласии с лучшими традициями и духом научного марксизма. Но Р. Л. *неверно* указывает этот предел. Диалектическое нарастание внутренних противоречий капиталистической системы, как таковой, как чистого капитализма, которое вскрыл гениальный анализ Маркса, она подменяет развитием противоречий, возникающих для капиталистической системы в процессе ее общения с докапиталистической средой. Вот почему теория Р. Л. не соответствует духу марксова учения о неизбежности конца капитализма, гораздо мельче его и, представляя шаг назад от Маркса, ничего не может прибавить к научному арсеналу социалистов.

IV.

Скептицизм по отношению к капиталистическому развитию имеет свою большую историю в экономической науке. Вообще говоря, мы его встречаем на двух полюсах капиталистической эволюции: у истока и у заката дней капитализма. Понятно, что на первом полюсе скепсисом проникнуты мелкий буржуа и последние мокигане дворянства. В эпоху крушения капитализма

к недооценке его сил больше всего, естественно, склонна пролетарская теория, которая служит своему классу практическую службу штурмования капиталистических твердынь. Выразителем „раннего“ скептицизма истории угодно было сделать гражданина отсталой Швейцарии начала XIX века, в замкнутых стенах которой в патриархальном симбиозе уживались дворянство и городское мещанство,—глубокого мыслителя и человека благородной и впечатлительной души, Симон-де-Сисмонди. Объективными факторами, дававшими пищу классовой неприязни, являлись для Сисмонди: первые капиталистические кризисы, разорение деревни, рост нищеты производительного населения. Что касается политической экономии, то серьезному скептицизму Сисмонди она не могла в то время противопоставить ничего, помимо построений Рикардо, полных противоречий и неразрешимых проблем, или самодовольной и бессодержательной болтовни Сэя. В таких условиях родилось первое систематическое учение о невозможности накопления в капиталистическом обществе. Теоретическое содержание этого учения не могло выйти за пределы достигнутой ступени капиталистической эволюции и незавершенных конструкций политической экономии того времени.

Роза Люксембург была тем человеком, которому суждено было сформулировать теоретический скептицизм пролетариата к силам капиталистического развития. Страстный темперамент борца передовых линий, руководство непосредственной борьбой за сокрушение жестоко-ненавистной капиталистической системы и глубокое возмущение реформистским влиянием эпигонов Маркса на последнем перегоне капиталистической эволюции,— вот субъективные факторы созданной Р. Л. теории. Ее объективной обстановкой является колоссальное обострение противоречий капитализма, проявляющееся в форме империалистической борьбы отдельных капиталистических стран за мировое господство...

Воскресшая через сто лет теория о невозможности капиталистического прогресса без внешней среды не могла, разумеется, ограничиться старым содержанием. Вековое развитие обнаружило несостоятельность исходного положения теории Сисмонди; то, что Сисмонди считал сужением капиталистического рынка—разорение крестьянства — показало себя, как совершенно обратный процесс, а именно как *создание рынка* для капитализма. Сисмонди видел одностороннее разорение, в действительности же развитие представляло двустороннюю поляризацию. Вторая отправная

точка Сисмонди—сокращение рынка вследствие введения машин—была точно так же опровергнута экономическим развитием, возмещавшим падение личного потребления рабочего населения все ускоряющимся ростом производительного потребления машин и проч. К тому же, результаты хозяйственной эволюции приобретали теоретическую фиксацию в экономической науке, которая завершилась марксовой системой.

Все это не могло не сказаться на содержании теории Р. Л., которая (теория) по построению и по аргументации значительно разнится от своей мелко-буржуазной праматери. Если для Сисмонди вопрос вертелся вокруг внешней торговли, которая представлялась ему необходимым условием капитализма, ведущего собственную страну к обнищанию, то Р. Л. роет глубже: с ее точки зрения совершенно одинаковы заграничная и домашняя некапиталистическая среда; ставя проблему в плоскость взаимодействия капитализма и докапитализма, она предлагает даже пересмотреть понятия внутренней и внешней капиталистической торговли. Если у Сисмонди проблема имела иррациональную подкладку „доходов", то-есть представляла, по существу (и вполне в духе незрелой экономической мысли), проблему капиталистического *распределения*, то Р. Л., положив в основу своей теории марксово учение о капиталистическом *производстве*, представила вопрос в научной форме воспроизводства *капиталов*. Если над построением Сисмонди тяготеет мещански-дворянское противопоставление капиталистического интереса национальному благосостоянию капиталистической страны, то марксов анализ производства и обращения общественного капитала дал Р. Л. верную ориентировку в вопросах взаимоотношения единичного и общественного капиталистического хозяйства. Если у Сисмонди вопрос неопределенно и примитивно формулировался в виде общего положения о невозможности реализации сверх-стоимости в капиталистической стране, то Р. Л., на основе второго тома „Капитала", уточнила проблему, разграничив три случая: простого воспроизводства, расширенного воспроизводства при неизменной технике и расширенного воспроизводства при прогрессирующей технике. И т. д.

То обстоятельство, что оружием скептической теории о невозможности чистого капитализма пользовались представители различных социальных слоев в различное время, должно было придать различные субъективные тона самой теории. Консервативному, ушедшему в себя и дышавшему порой пессимизмом,

романтизму Сисмонди противостоит кипучий, полнокровный, штурмующий и безоговорочно верящий в успех своего классового дела революционный романтизм Красной Розы. Но романтизм революционера—все же романтизм. По выражению Розы Люксембург, она свою теорию купила ценою „критического расхождения“ с Марксом; в самом деле, как мы видели, только через непонимание марксова анализа воспроизводства во втором томе „Капитала“ и марксова учения о капиталистическом потреблении (рынка) и через игнорирование (для диалектика недопустимое) трансформационных процессов организационно-хозяйственной системы капитализма Р. Л. могла в XX веке прийти к романтической теории невозможности чистого капитализма. Но пролетариату, ведущему „решительный бой“ с капитализмом, не пригодна романтическая теория. Ни грана самообольщения! Мы должны учитывать и помнить в нашей борьбе те неслыханно-эластичные возможности, которыми обладает (и которые в себе неустанно вырабатывает!) капиталистическая система в период заката как в области своего экономического остова (современные объединения, монополии, банки, акционерные общества), так и в области своей социально-политической структуры (загнивание рабочего движения и II Интернационал, „демократизация“ капитала в форме акционерных обществ, внешнее благополучие мелкого „самостоятельного“ производителя, всякие виды кооперации, сберегательные кассы и проч.; государственная власть, буржуазная идеология и т. д. и т. п.). Взгляд рабочего класса, а значит и программа его партии, должны быть свободны от увлечения теориями о механической гибели капитализма... Этим мы отвечаем на вопрос тов. Тальгеймера.

Два вклада дала, на наш взгляд, марксистскому учению о капитализме большая и серьезная теоретическая работа Р. Л.

Первое.—Вопрос о капиталистическом развитии поставлен в плоскость отношения производства и рынка. Такая постановка дает возможность теоретического сопоставления условий, характеризующих накопление, происходящее при общении с некапиталистическими потребителями, с условиями накопления при чистом капитализме. Различие, как мы видели, получается вследствие того, что привлечение некапиталистической среды служит капитализму, между прочим, одним из двух теоретически-мыслимых методов соблюдения равновесия между производством и

потреблением, а именно — средством приговки рынка до размеров неудержно растущего производства. Проблема регулирования общественного производства при чистом капитализме, лишенном этого метода, таким образом, чрезвычайно усложняется. Единственный, остающийся в распоряжении капиталистической системы метод борьбы с узким базисом потребления—кризисы, функция которых в насильственной задержке слепо-стремящегося вперед производства,—несет с собой материальные разрушения и обнажение капиталистических противоречий [1]). Тем самым безопасность (значит успешность) регулирующей работы чисто капиталистической системы оказывается, в значительной мере, в зависимости от достижений организационно-хозяйственной эволюции капитализма.

Сама Р. Л., как мы видели, ошибочно решила поставленную ею проблему. Некапиталистической среде она придавала неизмеримо большее значение, чем она в действительности имеет для накопления капитала. Орудие приспособления рынка к производству было Р. Л. истолковано в качестве conditio sine qua non капиталистического прогресса.

Второе.—На явления положительной политики—наиболее характерной черты империалистической стадии капитализма—Р.Л. взглянула со стороны необычной для патентованных истолкователей марксизма, теоретический авторитет которых тяготеет над умами немалого числа даже наиболее сознательных коммунистов. Те самые явления, в которых бесхарактерный (а порой вполне

---

[1]) Это „зерно истины" теории Р. Л. Отто Бауэр понимал, хотя представил его в туманной и неловкой форме „границ накопления" в „изолированном капиталистическом обществе", — см. его статью „В основных проблемах политэкономии". — Впрочем, еще Гильфердинг в „Фин. кап." подчеркивает то колоссальное обострение противоречий капитализма, которое несет с собой „замедление столь быстрого теперь открытия *чужих* стран для капитализма. Открытие Дальнего Востока, стремительное развитие Канады, Южной Африки и Южной Америки сыграли главную роль в том явлении, что развитие капитализма совершалось столь головокружительно быстро и прерывалось с 1895 года лишь короткими периодами депрессии. Но когда развитие это замедлится, давление картелей на внутренний рынок проявится с тем большею остротой: ведь концентрация с наибольшею быстротой совершается как раз в период депрессии. В то же время, с замедлением темпа расширения мирового рынка, еще больше обострится антагонизм между капиталистическими нациями, борющимися за свою долю на мировом рынке: и это в еще большей степени, если крупные рынки, открытые теперь для конкуренции, распространением протекционизма, напр., на Англию, будут закрыты для конкуренции других стран".

определенного буржуазного характера) реформист из II Интернационала в лучшем случае видел лишь более высокую ступень конкурентной борьбы капиталистических групп, в которой объектом борьбы стали колонии и полуколонии,—в этих явлениях Красная Роза сумела открыть и показать другую сторону, а именно: для этой более развитой конкуренции существенны неимоверные размеры, до которых вырастает грабеж и разорение некапиталистических стран, насильственно втягиваемых под колеса капиталистической колесницы. Эту часть работы Р. Л. невозможно переоценить. Р. Л. пишет: „Экспансия в своем мировом натиске приводит к столкновению между капиталом и докапиталистическими общественными формами. Отсюда—насилие, война, революция, словом, катастрофа, которая составляет жизненный элемент капитализма от начала до конца". Это теоретическое *обобщение* учения о методах первоначального накопления на всю историю капитализма—мы считаем большим завоеванием для революционной теории. „Пропитанный насквозь буржуазной культурой, возглавляемый кучкой политиканов, II Интернационал не оценил всей важности колониального вопроса. Для него мир вне Европы не существовал. Необходимость координации революционного движения в Европе и в странах других материков для него не была очевидна. Вместо того, чтобы оказывать материальную и моральную помощь революционному движению в колониях, члены II Интернационала сами сделались империалистами" (На тезисов II конгресса Коминтерна по колониальному вопросу). Коминтерн, делающий и готовящий мировую революцию, не может и не желает, подобно занимавшемуся болтовней II Интернационалу, обходить эту сторону современной колониальной политики. „Отделение колоний и пролетарская революция у себя дома свергнет капиталистический строй в Европе. Следовательно, Коммунистический Интернационал должен расширить сферу своей деятельности. Коммунистический Интернационал должен находиться в тесном контакте с теми революционными силами, которые в настоящий момент принимают участие в деле свержения империализма в политически и экономически угнетенных странах. Для полного успеха мировой революции, необходимо совместное действие этих двух сил" (Там же). Для теоретического обоснования нашей колониальной программы чрезвычайно ценен тот подход к современной колониальной политике капиталистических стран, который теоретически развит в дышащих огнем последних главах книги Р. Л. и который рассматривает ее (колониальную

политику) не только со стороны взаимоотношений капиталистических стран, но и со стороны борьбы капитализма с докапитализмом[1]). Но и здесь Р. Л. только выдвинула вопрос, использовать же и развернуть его в надлежащем смысле она оказалась не в состоянии (она не интересовалась даже революционным движением в докапиталистических странах), будучи отвлечена и подавлена своей механической теорией

9 января
Оренбург.

Э. Лейкин.

---

[1]) Эту сторону книги Р. Л. ее критики - „специалисты", разумеется, не могли заметить.

Происхождение Рабочей Партии[1]).

Еще до создания Второго Интернационала во всех государствах капиталистической Европы стали складываться и быстро расти „национальные“ социалистические партии. В одной только Англии, родине капитализма, в которой он достиг и наивысшего расцвета, социалистическое движение осталось слабым и распыленным. О причинах этого явления много вопрошали и много недоумевали. После того, что было изложено в предыдущих главах, недоумевать больше не приходится. Напротив, недоумение было бы вполне уместно, если бы в описанной нами обстановке вдруг возникло могучее социалистическое движение. Фактически социализм в Англии вовсе не сложился на почве революционного настроения рабочего класса. Он не вышел из рядов рабочих вообще и не отражал ни в какой мере и ни с какой стороны идеологии сколько-нибудь широких рабочих масс. Он был с самого начала делом небольшой горсти разочарованной в либерализме интеллигенции и лишь с течением времени собрал вокруг себя небольшое число наиболее чутких элементов из рабочей и мелкобуржуазной среды. Когда, много позже, была сделана несколькими рабочими попытка создать *рабочую* социалистическую партию, то и из этого ничего не вышло. Социализм в Англии вырос не изнутри, а был привнесен извне, и поэтому он остался движением идей, а не рабочего класса.

То было время—начало восьмидесятых годов,—когда под давлением иностранной конкуренции, обостренной непрекращавшимся с середины предыдущего десятилетия промышленным за-

---

[1]) Глава из подготовляемой к печати второй части моих „Очерков по истории рабочего движения в Англии“, обнимающей период от распада чартизма до мировой войны,—период соглашательства, характеризуемый преобладанием трэд-юнионизма и политическим индифферентизмом рабочих масс. Анализ этих явлений и объяснение их причин составляет содержание этой части. Автор.

стоем, блеск либеральных идеалов стал заметно тускнеть и не только терять свою притягательность во вне, но и уступать внутреннему напору новых требований промышленного капитала. Последний, глядя на пример Германской империи и чувствуя на себе рост ее организованного политического и экономического давления, невольно спрашивал себя, действительно ли непреложны и вечны старые лозунги, с которыми он в прошлом завоевал мир—лозунги laisser faire, свободной торговли, самодеятельности и самодовлеения индивидуального предпринимателя и пионера—и политическим отражением которых был либерализм с его „административным нигилизмом" (как это прозвал Гёксли, знаменитый биолог и ученик Дарвина), отреченгем от государства. отрицанием „империи", идеализацией национальности и автономии личности и т. д.? На основе этих новых тенденций в начале 80-х годов возникает первое, довольно робкое еще, движение за протекционизм [1]), за возможно более тесное слияние колоний с Англией в одну компактную „империю", за более активную экономическую государственную политику, за более деятельную, т.-е. агрессивную и империалистическую, внешнюю политику и т. д. И либерализм, в лице своего наивысшего выразителя Гладстона, не устоял против этих новых веяний, составлявших, в совокупности, отрицание всех старых его заветов, и, как показала империалистическая авантюра в Египте и жестокая расправа с Ирландией, незаметно переходил на нео-консервативные рельсы.

---

[1]) Под названием Fair Trade Movement—движение за торговлю „при одинаковых таможенных условиях": свободный доступ на английский рынок предоставляется продуктам той страны, которая не облагает английских продуктов никакими пошлинами и собственным продуктам не дает вывозных премий: напротив же, против продуктов протекционистской страны воздвигается соответствующей высоты таможенный тариф. Вышедшая в 1885 г. знаменитая книжка Эрнеста Вильямса „Made in Germany" содержала наиболее талантливую критику положения вещей на английском и мировом рынках, созданного выступлением на экономическую арену Германии, и была, таким образом, первым открытым указанием на германскую „опасность" — в частности — на опасный характер ее конкуренции. Ее заглавие вскоре вошло в обиходную речь и впоследствии было внесено в законодательство, обязывшее импортеров наклеивать ярлык с этими словами на ввозимые ими продукты германской промышленности. Этой мерой имелось в виду напугать патриотическую публику: вместо этого, ею создана была громадная реклама для германской промышленности в конкуренции на английском рынке с французской, американской, бельгийской и другими соперницами. Сам Вильямс, не безынтересно отметить, был до тех пор членом социал-демократической организации.

Основанная в 1881 г. Гайндманом „демократическая“ (через три года переименованная в „социал-демократическую“) федерация также была выражением разочарования, постигшего часть английской интеллигенции в результате этих новых тенденций либерализма. Гайндман, из богатой буржуазной семьи, был до этого радикалом и, разуверившись в либерализме и либеральных лозунгах, долго не мог ориентироваться, пока не набрел на „Капитал“ Маркса. С другими, подобными ему, интеллигентами и небольшой группой рабочих он основал свою организацию в предположении, что она станет массовой партией. Все усилия его и его друзей оказались, однако, напрасными. рабочая масса—в частности, ее организованная часть—оказалась совершенно глухой к их призывам. К ненависти против либерализма, изменившего собственным лозунгам, но вместе с тем державшего в духовном плену рабочую верхушку, а через нее и массу, присоединилась теперь и острая неприязнь к трэд-юнионизму, как форме организованного рабочего движения, ставшей глухой стеной на пути к революционному развитию классового сознания. Оставляя его в стороне, федерация обратилась к неорганизованной рабочей массе в лице безработных элементов, которые, казалось, воплощали в себе более революционные возможности. Работа, проделанная федерацией в этой среде, была, поистине, колоссальной: она растянулась на целые годы и непрерывно возобновлялась на всем протяжении истории организации при каждом промышленном кризисе. Она создала целую традицию, ныне перешедшую к коммунистической партии, как к преемнице, по прямой линии, основанной Гайндманом сорок слишком лет тому назад федерации. Нередко казалось, что эта агитация, наконец, выведет рабочую массу—подлинную низовую массу—из ее состояния политической апатии и двинет ее на путь революционного самоопределения и действия. Но всякий раз надежды оказывались иллюзорными, потому что даже неорганизованная часть рабочего классса разделяла идеологию организованной в тред-юнионы верхушки, а трэд-юнионы сами держались в стороне от агитации и даже относились к ней враждебно. Одно лишь было достигнуто этой агитацией: она все же приучила неорганизованных „чернорабочих“ к выступлениям, и в конце 80-х и начале 90-х годов некоторые категории их—портовые рабочие, рабочие на газовых заводах, работницы на спичечных фабриках, ломовые и легковые извозчики—организованно выходят на бой с капиталистами и основывают свои собственные трэд-юнионы. Этот т. н.

„новый“ трэд-юнионизм оказывается, однако, тоже нереволюционным и не приносит федерации никаких массовых кадров. И так продолжается на всем протяжении рассматриваемого нами периода. Ценой неслыханно упорных усилий и самопожертвований федерации удается приобрести несколько тысяч членов среди рабочих, но эти группы могут вести лишь пропагандистскую работу и не имеют никакого политического влияния на развращенную соглашательством массу. Парламентские кандидатуры федерации неизменно проваливаются, собирая незначительные количества голосов, и хотя, как мы видели в предыдущей главе, ее членам удается проникать на съезды трэд-юнионов и даже проводить там социалистические резолюции, однако, практическое значение последних совершенно ничтожно. Можно сказать, федерация (переименовавшаяся впоследствии в „социал-демократическую партию“, а под конец—в „британскую“ социалистическую партию“) до конца оставалась небольшой пропагандистской организацией без малейшего непосредственного влияния на рабочий класс.

Из предыдущего анализа мы сейчас знаем, что иначе и не могло быть. Какое место мог бы найти себе революционный марксизм в среде, в которой своеобразная экономика не давала взойти классовому самосознанию и которая поэтому фатально оставалась аполитичной, соглашательской и контр-революционной? Современникам, однако, это не было ясно, и одни видели неудачу движения, основанного и руководимого Гайндманом, в несовместимости марксистского социализма с английскими условиями, а другие, наоборот—в неудачном применении марксистских методов к решению специфических тактических проблем английского рабочего движения. В числе последних были и сами Маркс и Энгельс, после смерти первого—один Энгельс, который приветствовал раньше отход некоторых видных членов (с поэтом Вильямом Моррисом и Эвелингами во главе) от федерации и создание ими новой „Социалистической Лиги“, а затем поддерживал сепаратную агитацию Эвелингов и рабочего Вильяма Торра [1])

---

[1]) Вильям Торр—тот самый, который приезжал к нам в Россию в 1917 г. с „патриотической“ миссией от Антанты. До войны, в течение тридцати лет, он состоял верным и активным членом социал-демократической федерации (партии). Он—из простых газовых рабочих и состоит еще поныне секретарем их союза. Но за время войны он успел также стать и „полковником“. Об отношении Энгельса к федерации и попыткам устроить ей конкуренцию читатель найдет достаточно материала в переписке Маркса и Энгельса с Зорге и другими.

в лондонском Ист-Энде за восьмичасовой день, как средство создания нового рабочего движения на промежуточной платформе от экономизма к политике и социализму. Из всего этого, однако, вышло еще меньше, чем от деятельности федерации. „Лига“ выступила с программой социалистического самообразования, вскоре впала в отрицание парламентаризма, затем политики вообще, перешла на анархистскую платформу и распалась к концу 80-х годов. Сам Моррис и Эвелинги вернулись обратно в лоно федерации. Агитация же за 8-часовой день вообще не привилась и не создала никаких новых течений или организаций.

Более серьезными оказались попытки тех, которые отрицали марксизм вообще и его применимость к английским условиям— в частности. Первыми во времени были „фабианцы“, с Сиднеем Веббом и Бернардом Шоу во главе, которые в 1884 г. основали „фабианское общество“. Оно не было и, по мысли самих основателей, не имело быть партией, а только пропагандистским обществом, занимающимся распространением учений и взглядов фабианского социализма, этого единственно истинного английского социализма. Классовая теория общества и теория классовых противоречий отметается. Отметается, конечно, и тактика классовой борьбы. Отрицается сама идея революции. Трудовая теория ценности также не признается. Общество развивается мелкими изменениями в функциях и структуре и постепенно, шаг за шагом, в каждый данный момент, превращается в социалистическое при помощи реформ. Реформы же состоят в замещении индивидуального и частного хозяйства общественным и государственным, так что упразднение застав на больших дорогах и превращение последних в предмет всеобщего и невозбранного пользования, устройство общественных садов и парков, бесен и бань, городских трамваев и водоснабжения, передача почты государству, национализация железных дорог,—все это—социализм, часть социалистического строя, а законодательство, направленное к достижению таких реформ,—путь к социализму. Другими словами— государственный (включая муниципальный) „социализм“ и есть социализм настоящий, без ковычек, к которому идет человечество. Но, ведь, такой „социализм“ тожествен с государственным капитализмом, ибо сохраняет наемный труд?—Правильно,—отвечают фабианцы,—ибо кто говорил, что в социалистическом обществе наемный труд будет упразднен? Правильно организованное государственное и муниципальное хозяйство, в котором все работоспособные заняты производительным трудом за плату — это

и есть социализм, и к этому ведет современное развитие общества. Фабианцы долго не могли толком объяснить, кто или что же толкает общество на такой путь развития, и, ссылаясь на банкротство индивидуалистических идеалов либерализма, склонны были на самих либералов смотреть, как на кандидатов на роль проводников „коллективистических“ реформ. В этом смысле они и старались на них воздействовать, провозглашая тактику „пропитывания“ (permeation) единственно правильной социалистической тактикой. Результаты оказались довольно скудные. Правда, лорд Розбери, аристократ и зять Ротшильда, взялся стать во главе совета лондонского графства, только что основанного и долженствовавшего играть роль показательного муниципалитета в фабианском смысле, и даже сам Сидней Вебб вошел в состав его. Другой аристократ и влиятельнейший преемник Гладстона в руководительстве либеральной партией, сэр Вильям Харкорт, даже заявил публично: „Нынче мы все—социалисты!“—но ни из этих, ни из других многообещавших экспериментов этого рода ничего путного не получилось, и в отчаянии фабианцам пришлось обратиться к рабочему классу, с которым, в лице рабочей партии, они сейчас и работают. Но пока они занимались пропитыванием либерализма, они сами основательно пропитывались им, так что под конец трудно стало отличить фабианского „социалиста“ от нового либерала: и тот и другой проповедывали расширение государственных функций, склонялись к реформизму, протекционизму, а когда вспыхнула англо-бурская война, то оба очутились в империалистическом лагере. Короче говоря, фабианский социализм был английским изданием германского „государственного социализма“ времен Бисмарка или позднейшего „национал-социализма“ Науманна и Мауренбрехера—смесь реформизма сверху с сильной государственно-бюрократической властью („социальная монархия“, по германской терминологии) и, как таковой, в сущности ничего не имел общего с рабочим движением.

Напротив же, движение, созданное в Шотландии в конце 80-х годов и перенесенное немного позднее в Англию рабочим Кир Харди, бывшим углекопом и вождем небольшого трэд-юниона, хотело с самого начала быть движением рабочего класса на политической и социалистической основе,—другими словами, стремилось к той же цели, что и социал-демократическая федерация, т.-е. к основанию массовой рабочей социалистической партии. Но Кир Харди и его ближайшие друзья не только не были марксистами, но, при виде неуспеха марксистской агитации про-

возгласили марксизм как учение и практику неправильным и вредным. Сам—плоть от плоти и кость от кости английского рабочего класса—Кир Харди считал бесполезным и „нетактичным“ проповедывать классовую борьбу и революцию и лишь стремился к тому, чтобы организовать рабочий класс в самостоятельную политическую партию на минимальной социалистической платформе для повседневной борьбы в парламенте и муниципальных советах. Организация, основанная им в 1889 г. в Шотландии, даже избегала напоминать о социализме своим именем и назвалась скромно „независимой рабочей партией“, и то же имя было в 1893 г. присвоено более широкой организации, основанной им для всей Англии в Бредфорде. Если бы этой тактикой руководили соображения действительно революционного, марксистского порядка, то этот подход к рабочим массам тогдашней Англии можно было бы вполне одобрить; фактически он и был одобрен Энгельсом, который правильно ставил практическое разрешение проблемы политической мобилизации английского рабочего класса выше всех революционных программ и лозунгов. На деле, однако, в этой тактике Кир Харди и его друзей не было и тени революционной стратегии. Кир Харди сам, как первоклассный „конфузии советник“, может быть, еще питал некоторые смутные революционные планы и надежды, но его сподвижники были самые шаблонные оппортунисты, кругозор которых не распространялся дальше ближайших задач момента, которые и в решение этих задач вносили лишь либеральный реформизм и которым работа в парламенте представлялась наивысшей формой политической деятельности. Фактически, основной целью партии было попасть в парламент какими бы то ни было путями, а так как достигнуть этого было тем легче, чем более программа и лозунги были приспособлены к господствовавшей в рабочей среде идеологии, то от первоначального социализма Кир Харди и других его сподвижников в очень скором времени в партии осталось мало. Сам Кир Харди, попав в 1892 г. в парламент с помощью либералов, снявших в его пользу собственную кандидатуру и отдавших ему свои голоса, произносил там время от времени с большим подъемом социалистические речи академического типа, но никакой боевой атмосферы ни в стенах его, ни вне их не создал. Характерно, что сейчас после выборов, памятуя, вероятно, услуги, оказанные ему либералами, он поспешил заявить, что он, в общем и целом, не противник либеральной программы, но будет, однако, „непримирим“ по „ра-

бочим вопросам". Это, однако, не спасло его на ближайших всеобщих выборах, которые произошли в 1895 г. Хотя либералы опять уступили ему мандат, и он свою выборную агитацию вел в чрезвычайно „умеренных" тонах, обещая исхлопотать у правительства для местных заводов заказ на два крейсера и один броненосец, для борьбы с промышленным застоем и безработицей, его консервативный противник, однако, вышел победителем [1]). Только через пять лет Кир Харди вернулся вновь в парламент, будучи выбран в одном из радикальных округов Уэльса с преобладающим рабочим населением, преимущественно, если не исключительно, углекопов. Но и тут без помощи либералов не обошлось: так как этот округ посылал в парламент двух депутатов, то либералы одно место взяли себе, а другое отдали Кир Харди, при чем обе стороны взаимно обязались поддержать друг друга голосами против консервативных оппонентов. Между прочим, либеральным коллегой Кир Харди был некий Томас, впоследствии лорд Ровда, один из крупнейших шахтовладельцев в районе и во всей Англии. Кроме Кир Харди, ни одному члену его партии не удавалось попасть в парламент вплоть до 1906 года, когда они влились туда в общем потоке „рабочего представительства", о котором мы еще будем говорить ниже.

На эти парламентские приключения Кир Харди нужно было обратить внимание читателя с тем, чтобы он мог составить себе наглядное представление, во-первых, о тех пределах, до которых доходил оппортунизм социалистов из „независимой рабочей партии", и, во-вторых—как трудно было даже при таком снижении программы и лозунгов и таком отказе от социалистических принципов создать смычку с тогдашним рабочим классом. Фактически, несмотря на весь свой оппортунизм, независимая рабочая партия так же мало успела в своей главной цели—сомкнуться с рабочей массой—как и ее марксистская соперница: хотя и более многочисленная, чем последняя, она тем не менее осталась висеть в воздухе в виде группы в пару десятков тысяч рабочих—одиночек и полу-интеллигентов, не представлявших никого, кроме самих себя и не имевших никакого влияния на массы в целом. Ее максимальное достижение заключалось в завоевании довольно

---

[1]) История повторяется: в наши дни преемник Кир Харди, с блестящим успехом выполнивший его заветы, Макдональд, премьер Англии, возвестил как меру борьбы с безработицей, заказ на пять крейсеров и два миноносца! На этот раз рукоплескали консерваторы, а либералы иронически вопрошали: где пацифизм рабочей партии?

большого числа мандатов в коммунальных учреждениях при помощи, главным образом, „потребительски-социалистических“ лозунгов, привлекавших к ней симпатии мелкого лавочничества и кооператоров, и в привлечении в свои ряды некоторого числа вождей трэд-юнионов в роде Барнса, Клайнса, Уордла и других, которые, за весьма незначительными исключениями, все напоследок оказались предателями рабочего класса.

Таким образом даже и в этой сильно разжиженой форме социализма оказался неприемлемым для либерально-оглашательского желудка английского рабочего 80-х и 90-х годов. И неудивительно: даже такой „социализм“, если не теоретически, то практически, требовал организации рабочего класса в особую партию для самостоятельной политической борьбы, а это шло в разрез со всей тогда господствовавшей идеологией рабочей массы.

В начале нового столетия, однако, такая самостоятельная политическая рабочая партия все же появилась, но ее судьбы как раз и подтвердили самым ярким образом то положение, что соглашательская идеология являлась непреоборимым препятствием к развитию подлинно-классовой, революционной политической борьбы пролетариата. Вот, казалось, исполнилось то, к чему стремились обе социалистические партии и что еще Энгельс пытался вызвать к жизни, предполагая, что на какой бы примитивной платформе ни создалось организованное политическое выступление английских рабочих масс, оно неминуемо должно будет принять все более и более яркий классовый и революционный характер [1]). И действительно, обе партии приветствовали возникновение и первые шаги нового движения, которое, однако, вскоре обмануло надежды как одной, так даже и другой.

Возникло оно как-то случайно, по чисто внешнему поводу; и спаслось оно от ранней гибели, также благодаря внешнему обстоятельству. Поводом к его возникновению были участившиеся

---

[1]) „Первый великий шаг в стране, впервые вступающей в движение, это — конституирование рабочих в виде самостоятельной рабочей партии,— безразлично каким путем, если только эта рабочая партия — особая от других... Массам нужно время, нужна возможность для того, чтобы развиваться, а эту возможность они получают лишь тогда, когда у них возникает собственное движение, - безразлично, в какой форме, лишь бы оно было их собственным движением,—в котором они продвигаются вперед, благодаря собственным ошибкам, учась на неудачах уму-разуму“ (Энгельс в письме к Зорге от 29 ноября 1886 г. Ср. также его письмо к Вишневецкой от 28 декабря того же года).

столкновения на выборах различных рабочих кандидатур — и таких, которые выставлялись социалистическими партиями, и таких, которые выступали под флагом либеральной партии. Сплошь и рядом, в продолжение 90-х годов, происходили такие случаи, когда местные партийные комитеты или местный большой трэд-юнион выставляли кандидатуру рабочего-социалиста, в то время как либералы выдвигали кандидатуру какого-нибудь рабочего-либерала. Возникавшая на этой почве склока скандализировала даже отсталую часть рабочей массы и причиняла досаду самим либералам, так как при таком соперничестве в выигрыше почти неизменно оказывался консервативный кандидат. Еще скандальнее бывало тогда, когда против рабочего социалиста выдвигалась кандидатура даже не рабочего, а какого-нибудь местного плутократа, реакционного фабриканта, который получал поддержку во время выборной кампании со стороны именитых вождей трэд-юнионизма. Постепенно создалась ситуация, которая ни для кого не была выгодна, и вопрос был поднят на съезде трэд-юнионов в Плимуте в 1899 г. по инициативе социалистически-настроенного делегата от реакционного союза железнодорожников, Хольмса и реакционнейшего делегата от социалистически-настроенного союза портовых рабочих, Секстона. Резолюция, которая была принята по этому поводу, постановляла „для более совершенного представления рабочего класса в парламент", создать комиссию и поручить ей созвать конференцию из представителей профессиональных союзов, кооперативов и социалистических организаций для совместного выяснения путей и средств к обеспечению возможно большего числа рабочих депутатов в ближайшем парламенте. Как раз в это время полномочия парламента приходили к концу, и в недалеком будущем предстояли новые всеобщие выборы, и все, что съезд имел в виду своей резолюцией,—было согласовать избирательные планы различных организаций так, чтобы они друг другу не мешали. Ни о какой самостоятельности и независимости по отношению к другим партиям не было и речи. Дело, в сущности, мыслилось так, как оно было и до сих пор: рабочие-кандидаты могли быть по убеждениям и либералы и социалисты различных оттенков, но, однако, они не должны были друг другу мешать. Таким образом рождение „рабочей партии"—Labour Party,—как впоследствии эта организация была названа, было совсем неприметным событием, будущее значение которого совершенно ускользало от взоров даже основателей ее.

Однако обе социалистические партии, сами давно уже отказавшиеся от надежды собрать вокруг себя рабочие массы, приветствовали постановление плимутского съезда от души. Правда, и в прошлом уже делались попытки организовывать в национальном масштабе рабочие кандидатуры в парламент и, например, в 1874 году т. н. „Лига рабочего представительства“ выставила на выборах в различных округах двенадцать кандидатов, из которых двое, действительно, попали в парламент. В середине восьмидесятых годов основалась другая организация, „Рабочая избирательная ассоциация“, которая также объединила выборную деятельность различных рабочих организаций и вскоре могла похвалиться рабочей фракцией в парламенте из 11 человек. „Лига“ основалась *помимо* трэд-юнионов, стараниями некоторых влиятельных рабочих вождей и сочувствовавших идее парламентского рабочего представительства буржуазных радикалов; „Ассоциация“ же была основана съездом трэд-юнионов, как та комиссия, которую назначил плимутский съезд в 1899 г. И та и другая организация просуществовали лишь незначительное время, так как сама либеральная партия принялась вачислять рабочих кандидатов в свои списки и поддерживать их кандидатуры ва выборах. Рабочие же сами не добивались ничего другого, как быть представленными в парламенте „своими“ людьми, т.-е. секретарями и председателями трэд-юнионов независимо от их политических убеждений, в расчете, что они будут отстаивать их интересы по вопросам, непосредственно их касающимся. Таким путем и создалось то либерально-рабочее представительство, о котором мы говорили выше и которое принесло пользу одной лишь либеральной партии, получившей репутацию защитницы „всенародных“ интересов в противоположность консервативной, отстаивавшей, конечно, лишь классовые интересы. Это было делом ловких рук Гладстона, за что он и был прославлен как один из замечательнейших государственных людей Англии.

Если, таким образом, прошлый опыт и предостерегал против чрезмерных ожиданий, то обе социалистические партии все же пошли па встречу новой попытке, хотя каждая это делала по-своему. „Независимцы“ (последователи Кир Харди) мечтали лишь о том, чтобы в парламенте образовалась рабочая фракция, с самостоятельной, отдельной от либералов организацией; вопрос же о программе их не интересовал совершенно. Даже больше: поскольку большинство рабочих вождей, из коих неизбежно должна была составляться фракция, принадлежали к типу самых заурядных

либералов, а они сами были „социалисты“, попытка создавать какую-нибудь общую программу хотя бы для фракции, не говоря уже для всей партии, казалась им заранее обреченной на неудачу и даже вредной, ибо неминуемо привела бы к расколу. Пусть, — говорили они, — рабочие научатся политически ходить, а там уже они начнут ходить куда следует. Социалдемократы подходили к вопросу иначе. Ни о какой самостоятельной и независимой организации рабочей партии или рабочей фракции, — говорили они, — не может быть и речи, пока у них не будет самостоятельной, независимой политической линии. Английский рабочий класс, это — не рабочая масса, которая, подобно германской 60-х и 70-х г. г., сейчас лишь приобщается к политической жизни и сейчас лишь организуется. За ним — длиннейшая история с большими традициями, и думать, что его еще надо поставить на ноги и что, будучи поставлен на ноги, он пойдет куда следует, является величайшим заблуждением. Даже если рабочая фракция и даст себя организовать отдельно от либеральной, она все же будет итти рука об руку с ней, если она не будет связана определенными политическими директивами. Сторонники Кир Харди говорят, что фракция и трэд-юнионы не примут таких директив. Если это так, то и всякая надежда на новое движение отпадает: тогда и социал-демократам делать в нем нечего, и им лучше будет отойти в сторону, чтобы не компрометироваться и продолжать свою прежнюю работу непосредственно в рабочей среде.

На созванной, во исполнение резолюции съезда, в феврале 1900 г. учредительной конференции трэд-юнионов и социалистических организаций эти две точки зрения столкнулись решительным образом. Социалдемократы хотели, чтобы выбираемые от рабочих парламентские представители образовали отдельную „от буржуазных фракций группу на платформе классовой борьбы и, в виде конечной цели, обобществления орудий производства, распределения и обмена“; независимцы же предлагали, чтобы рабочие депутаты в парламенте образовали отдельную фракцию и выработали собственную платформу, предполагающую, между прочим, и готовность сотрудничать с любой партией, которая в данный момент будет вносить законопроекты в непосредственных интересах рабочего класса или будет бороться против мер, направленных против него“. Ясно, что предложение независимцев шло по линии наименьшего сопротивления и прямо узаконило то, чего следовало избегать: сотрудничество с либералами. Но именно поэтому социал-демократическое предложение же-

стоко провалилось, а предложение их противников было принято. Характерно еще и то, что при выборе имени для новой партии или, скорее, для организации, которую съезд создал в виде постоянного комитета из представителей трэд-юнионов и социалистических партий, решено было ограничиться скромным названием: „комитетом рабочего представительства“, без указания на независимый характер этого представительства; впоследствии — через пять лет—остановились на имени: „рабочая партия“, также без дальнейших прилагательных. И это также шло по линии наименьшего сопротивления.

Впрочем, не следует думать, что „независимцы“, которые являлись инициаторами этой тактической линии, приспособлялись лишь к идеологии рабочих масс. Они приспособлялись также и к парламентскому карьеризму трэд-юнионистских вождей, всецело совпадавшему с их собственным оппортунизмом, усматривавшему в завоевании парламентских мандатов основную цель партии. Фактически дело обстояло так, что в 1900 году, как уже упоминалось, ожидались всеобщие выборы, и как Кир Харди и его друзья, так и др. вожди трэд-юнионов старались избегать всего того, что могло бы им помешать найти некоторую поддержку у либералов. Отсюда и громогласно декларированная ими готовность сотрудничать с любой „рабочефильской“ партией, отсюда и нежелание подчеркнуть в названии партии ее независимый характер. Однако результат не оправдал этих расчетов. Как мы упоминали, Кир Харди, действительно, удалось пройти на выборах рука об руку с либералом в одном из „двойных“ округов; такую же удачу имел и Ричард Белль, секретарь железнодорожников, также связавшийся с либералами в таком же округе. Но остальные тринадцать кандидатов комитета провалились. Зато прошли не менее десяти рабочих-кандидатов, которые принадлежали к либеральной партии и отказались выступать под флагом комитета. Ясно было, что „независимость“, хотя бы только формальная, хотя бы только декларированная в резолюции,—вещь неудобная, и интерес к новому движению поэтому сразу остыл на несколько градусов. Когда через год, в феврале 1901 г., делегаты от трэд-юнионов и социалистических партий собрались опять на съезд, то оказалось, что за этот промежуток времени к комитету присоединились всего какие-нибудь 25 небольших юнионов (из общего числа свыше тысячи) и что общее число членов возросло лишь с 375.000 на 469.000. Так как как раз в эти дни происходили в Лондоне большие празднества по случаю ко-

ронования короля Эдуарда VII, то делегаты, наскоро провалив вторично внесенную соцпалдемократами резолюцию по вопросу о классовой платформе, оборвали свои занятия и умчались в Лондон. Можно было, таким образом, предсказать, что из всей новой попытки столь же мало выйдет, как из предыдущих опытов с „Лигой" и „Ассоциацией" двадцатью и тридцатью годами раньше. И соцпалдемократы, действительно, махнули рукой и ушли.

Но тут случился неожиданный казус. Еще в 1899 году одна небольшая железнодорожная компания предъявила иск к союзу железнодорожников за убытки, причиненные ей местной организацией этого союза в связи с самочинной, т.-е. центральным комитетом союза не санкционированной, забастовкой. Почти одновременно некий предприниматель пожаловался в уголовном порядке в суд на местный профессиональный союз за „заговор" против него, выразившийся в провозглашенном им бойкоте, и за „незаконное" расположение „пикетов" вокруг его заведения с целью недопущения штрейкбрехеров. Оба дела были характерны для тогдашнего настроения предпринимательских кругов, которые, невзирая на всю смиренность рабочих и ими самими восхваляемый социальный мир, все же время от времени не могли устоять против искушения напасть на трэд-юнионы именно в виду их очевидного миролюбия и слабости. Соответствующие трэд-юнионы пошли судиться, и оба процесса добрались, наконец, до высшего кассационного суда, каковым в Англии является особая юридическая комиссия палаты лордов. Вся буржуазная Англия питает глубочайшее уважение к этому верховному гражданскому трибуналу, решения которого являются авторитетными разъяснениями законов, и сама парламентская комиссия трэд-юнионов—единственно тогда постоянный орган съезда—незадолго до этого по одному поводу также вынесла резолюцию, провозгласившую это уважение в самых торжественных выражениях. Каково же было удивление этой почтенной комиссии, да и всего рабочего класса, когда трибунал палаты лордов вынес вердикт в пользу истцов по обоим процессам! Оказалось, что по действовавшим законам трэд-юнионы будто бы не имеют права расставлять пикеты, объявлять бойкот враждебным фирмам и даже ответственны всей своей кассой за убытки, причиняемые хозяевам „незаконными" забастовками! Двадцатью пятью годами раньше трэд-юнионы, после долгой упорной борьбы, напугав правящие классы своими первыми парламентскими кандидатурами, заставили правительство признать за ними право коалиции и право юридического лица

в смысле владения имуществом. На основании этого законодательства они невозбранно действовали в течение всего истекшего с тех пор времени. Теперь вдруг оказалось, что право коалиции не распространяется на право ведения забастовок при помощи обычных средств бойкота и мирной борьбы со штрейкбрехерами и что обеспечение неприкосновенности касс против посягательств бесчестных служащих по исключает гражданской ответственности за убытки, причиняемые хозяевам. Решение кассационного трибунала могло бы казаться случайностью, если бы одновременно поднятая в реакционной прессе агитация против трэд-юнионов, как виновников неудач английской промышленности в борьбе с ее германско-американской соперницами, не показала, что умысел тут был другой. И, действительно, даже кой-какие столпы либеральной партии, они же выдающиеся юристы, вроде Асквита и Холдена, заявили громогласно, что палата лордов решила правильно, что, действительно, трэд-юнионы пользовались до сих пор совершенно недопустимыми, с точки зрения гражданского права, привилегиями [1]).

Вот этот неожиданный пассаж спас существование новой партии. Уже в 1902 г. число присоединившихся к комитету рабочего представительства трэд-юнионов разом увеличилось до 127, а общее число членов поднялось до 861.000; в 1903 году число трэд-юнионов достигло 165, а общее число членов—969.000. Одновременно комитет стал иметь удачу на выборах: в 1902 г. на дополнительных выборах прошел под его эгидой Шэклтон, а годом позже, на дополнительных же выборах, Крукс и Хендерсон. Когда же в январе 1906 г. подоспели всеобщие выборы, то комитет провел 29 кандидатов, в то время как либерально-рабочих кандидатов прошло всего 24. Отныне становится выгоднее выступать на выборах под флагом рабочей партии.

Решающим моментом в этом вторичном рождении рабочей партии была, конечно, не оппортунистическая тактика ее, а возмущение рабочих масс против наглого нападения на право коалиции капиталистического класса. Повторилось то, что имело место во второй половине шестидесятых и начале семидесятых годов, когда на уничтожение права коалиции в связи с террористическими эпизодами в Шеффильде рабочие ответили присоединением к Интернационалу, агитацией за избирательное право и, наконец,

---

[1]) Холден ныне входит в состав рабочего правительства в качестве лорда-канцлера, т.-е. председателя палаты лордов и ее юридической комиссии.

выставлением и удачным проведением первых парламентских кандидатур.

Казалось, проблема политической мобилизации рабочего класса была, наконец, разрешена, и отныне предстояло гладкое плавание по фарватеру, который неминуемо должен был привести к открытому и широкому морю классового сознания. Так надеялась, по крайней мере, социал-демократия, которой, пожалуй, уже немного жалко было, что она поспешила уйти из партии. Но ее сожаление все же оказалось преждевременным: старая проблема все еще не была окончательно решена, и плавание по фарватеру недолго спустя окончилось посадкой на мель. Причиной этому было то, что экономическая конъюнктура, хотя постепенно, как мы ниже увидим, уже изменялась, все же еще не отразилась с достаточной силой на идеологию, которая в общем и целом, несмотря на встряску, данную решениями палаты лордов, осталась соглашательской у массового рабочего в значительной степени, а у рабочих вождей—в полной мере, как и раньше. Целый ряд ярких примеров показал это.

Кто были те трое рабочих представителей, которые успешно пробрались в парламент в 1902—1903 годах? Про Шекльтона, этого поборника детского труда на фабриках, ныне носящего титул сэра и занимающего высокий пост в министерстве труда, мы уже говорили в предыдущих главах. Пользуясь настроение, создавшееся у рабочих после решений палаты лордов, комитет рабочего представительства, ища кандидата для открывшейся парламентской вакансии, не нашел лучшего защитника прав рабочего класса, как этого господина. Почему? Да именно потому, что он был излюблен сердцу капиталистов и поэтому имел наилучшие виды на успех при выборах. Действительно, и либеральная и консервативная партии охотно уступили ему мандат, сняв свои собственные кандидатуры, и он прошел, как говорят англичане, „с развевающимися знаменами". Вся либеральная печать приветствовала такое драгоценное приобретение парламента, и незадолго до этого основанная группа „младолиберал" (группа „трех дюжин"—Three Dozen, как она называлась) даже задала ему банкет. В начале марта 1903, по случаю открывшейся вакансии в Вуличе, районе знаменитого арсенала, комитетом была выставлена кандидатура Виля Крукса, всей Англии известного либерала и лакея буржуазии, в каковом качестве он уже блистал на совете лондонского графства. Так как этот округ был традиционно-консервативный, то консерваторы не очистили его даже для

Крукса, но либералы не только сняли свою кандидатуру, но и отдали весь свой аппарат в распоряжение рабочего кандидата. Крукс и одержал блестящую победу, которая вызвала у всех либеральных газет слезы умиления. Наконец, третий рабочий представитель, тоже попавший в парламент в 1903 г., Хендерсон, тоже хорошо знаком русскому читателю. Сей муж в течение долгих лет состоял в данном округе официальным и платным избирательным агентом либеральной партии и одновременно состоял проповедником местной методистской общины. Эти два амплуа он исполнял в дополнение к своему посту секретаря союза железоплавильщиков. Накануне своего решения выступить „независимым" рабочим кандидатом он сложил с себя обязанности либерального агента, чего местные либералы не могли ему простить: они выставили против него собственную кандидатуру, так что Хендерсону пришлось бороться с двумя противниками. Но центральное правление либеральной партии никоим образом не разделяло позиции местного своего отдела, и лондонская пресса изо всех сил боролась за кандидатуру Хендерсона. Одна из либеральных газет Лондона так и рекомендовала его избирателям: „прекрасный либерал, передовой демократ и нисколько не социалист". Хендерсону, благодаря такой рекомендации и поддержке, удалось разбить на голову обоих противников, и радость либералов была так велика, что группа „трех дюжин" дала и ему банкет.

Вот каких людей и при какой обстановке отобрал и послал в парламент комитет рабочего правительства! И это имели быть „независимые" [1]) рабочие депутаты в парламенте! Конечно, это была одна фикция, возможная только потому, что как рабочая масса, так, еще больше, ее вожди еще оставались в тисках соглашательской идеологии и были совершенно лишены классового сознания. Дело нисколько не изменилось от того, что в 1906 г. вместо пяти таких депутатов в палате оказалось двадцать девять. Правда, среди них было не менее 14 „социалистов", т.-е. членов

---

[1]) В начале 1905 г. формула 1900 г. была радикальным образом изменена: вместо декларации о готовности работать с другими партиями был введен пункт, запрещающий фракции „отождествлять себя в какой бы то ни было форме" с другими партиями и „содействовать их интересам". Это изменение было вызвано скандальным поведением Шэвтьтона и Крукса, выступавших на либеральных собраниях в пользу свободной торговли, а главное, Велля, который однажды осмелился поздравить с победой либерального кандидата, побившего кандидата рабочей партии.

„независимой рабочей партии“, последователей Кир Харди. Но, помимо того, что они были сплошь оппортунисты, которые сами не прочь были заигрывать с либералами [1]), все они обязаны были своим успехом на выборах голосам либералов: в 25 округах из общего числа 29, в которых рабочие кандидаты комитета одержали победу, либералы не выставляли собственных кандидатов, а голосовали за них. И здесь, как в прежние времена, либералы прекрасно учли политический и нравственный калибр рабочих представителей и смело пошли им навстречу, как опытные ловцы, знающие свою дичь. Еще в 1901 г., вскоре после судебного решения палаты лордов, молодой либеральный политик (который, однако, приходился племянником Гладстону и был даже его душеприказчиком), Александр Мёррей (впоследствии унаследовавший титул лорда Элибанка), напечатал в Таймсе замечательное письмо, которое вскрывало сущность либеральной тактики по отношению к рабочим кандидатурам. Письмо было написано по поводу инцидента, разыгравшегося в одном из шотландских избирательных округов, где объявилась парламентская вакансия и где рабочие— преимущественно, углекопы — выставили против консерватора собственного кандидата в лице Смайли, одного из редких по честности рабочих вождей, который и поныне пользуется заслуженным уважением в рабочем классе. Местные либералы, однако, решили выставить еще и третьего, либерального, кандидата, не взирая на опасность раскола „демократических“ голосов и победы консерватора. Между прочим, их кандидатом был Хармсворт, брат впоследствии прославившегося лорда Норткливфа. Мёррей в своем письме протестовал против этого поступка либеральной партии. Он писал:

---

1) Хёмфри в своей „History of Labour Representation“ (стр. 155) цитирует любопытное „открытое письмо“ Кир Харди к Ллойд Джорджу, напечатанное в органе „независимой рабочей партии“, „Labour leader“ в марте 1903 г., в котором вождь „социалистов“ приглашает вождя радикалов отказаться от либеральной партии и перейти к рабочей партии: „тут, - он говорит,—вы найдете пост лидера, который может удовлетворить величайшие честолюбие и высочайшие стремления“. Тот же автор (стр. 140—141) приводит пламенный дифирамб, написанный Кир Харди по адресу Гладстона по случаю смерти последнего: „Свобода была для него единственным условием ценности и человеческой жизни... Где только люди боролись за свободу, он в конце-концов являлся на помощь“. Он даже был в восторге, что Гладстон отказался познакомиться с ним, ибо это было доказательством того, что он не заискивал у рабочих!

„Чтобы предупредить намечающуюся на далеком горизонте борьбу между капиталом и трудом (Мёррей, повидимому, учитывал значение судебных решений), необходимо, чтобы либеральная партия отказалась от своих бюрократических привычек и в округах, где значительно преобладает рабочее население, поддерживала кандидатуры таких людей, как г. Смайли. В противном случае радикальные избиратели будут загнаны в лагерь крайних партий, и то, что составляло источник жизни либерализма, иссякнет, и система партий, к какой мы привыкли, придет к концу. Гладстон, со свойственным ему удивительным даром интуиции, понимал это и, когда демократия стала поднимать голову и сознавать свою силу, повел массы, только что получившие избирательное право, за руку по мягким тропам. Напротив же, либеральная кандидатура г. Хармсворта ясно и отчетливо обнажает делительную линию между капиталом и трудом, и если эта тактика будет проводиться и впредь, то старые сдерживающие силы либерализма исчезнут: мы распадемся на два больших лагеря—лагерь капитала и лагерь труда, что создает перспективу, которую ни один либерал не в состоянии созерцать равнодушно“.

В этих словах молодой неопытный политик выболтал весь секрет английского либерализма и вместе с тем указал, как надо будет либеральной партии подойти к вновь формировавшейся рабочей партии. Действительно, как мы видели, либералы так и поступили в 1902 и 1903 годах; не иначе они повели себя, когда выборы 1906 г. преподнесли им сюрприз в виде целой фракции в 29 человек, среди которых были и „социалисты“. Несомненно, что на душе у них немного заскребли кошки, но они не подали и виду. Основавшийся тогда новый либеральный ежемесячник, „Индепендент Ревью“, писал:

„Мы приветствуем от души новую рабочую партию, которая появится сейчас в первый раз в палате общин... Это будет выигрыш для дела социальной реформы, так как никакое давление изнутри либеральной партии не могло бы оказаться таким сильным, как появление рабочей партии... Не без улыбки замечаем мы тревогу, которую победа рабочих вызвала в части нашей прессы. Она заявляет, что богатые стоят теперь перед грозной опасностью и должны употребить все средства одолеть врага. Наше мнение иное.

Вероятно, не менее 23 человек из 29 новых депутатов назовут себе социалистами. Но их социализм скорее идеал, точка зрения, чем практическая программа действия. Мы прекрасно знаем, что на практике эти люди встретят оппозицию со стороны некоторых либералов, и мы сами никогда не поколеблемся критиковать новую партию, когда сочтем это заслуживающим; но, насколько мы сейчас можем предвидеть, мы убеждены, что нам никогда не придется разойтись с ней".

Выходило, что рабочая фракция просто осчастливила либералов своим появлением на свет божий: они так жаждали заняться „социальной реформой", что не могли двинуться с места без возникновения такого стимула. И, конечно, других таких „социалистов", каких изображали из себя большинство рабочей фракции, трудно было отыскать, что называется, и днем с фонарем. Главный из них, партийный теоретик и стратег, он же секретарь партии,—никто иной как знакомый нам всем теперь Рамзей Макдональд—поместил в том же номере того же журнала статью с изложением социалистического вероучения новой партии, в которой он говорил:

„Будущее рабочей партии зависит от того, в какой мере она уяснит себе и общественному мнению свои принципы. Если она ограничится лишь тем, чтобы быть партией одного класса или трэнд-юнионов или превратится в движение класса, живущего лишь физическим трудом, то она станет слабее и слабее и исчезнет... Она не должна базировать свои требования на эгоизме экономического мышления (sic) или на опыте рабочего класса, а на идеях справедливости, общих всем классам".

Понятно, что либералы могли быть вполне довольны такими „социалистами", которые искали опоры „в идеях справедливости, общих всем классам". Но либералы сами уже не были—по указанным в начале главы причинам, с особенной силой выявившимся во время англо-бурской войны [1]) — той однородной по

[1]) Война Англии с южно-африканскими (бурскими) республиками велась за обладание золотыми россыпями и явила из себя классический пример империалистически-буканьерского набега, не превзойденного по наглости до нападения итальянцев на Триполи в 1911 г. Часть либеральной партии с влиятельной группой, состоявшей из сэра (ныне лорда) Эдуарда Грэя, Асквита и Холдена (ныне также лорда), открыто солидаризировались с этим предприятием, образовав группу „либералов-империалистов".

идеология партией, которая противостояла рабочему классу в середине 70-х годов и взяла ее „за руки“, чтобы повести „по мягким тропам“. Среди них были уже явно реакционные элементы, выражавшие новую психологию английского промышленного и финансового капитала, и новому либеральному правительству, возглавлявшемуся Кэмпбель-Баннерманом, либералом гладстоновского типа, не легко было проводить „старую, испытанную, увенчанную победой“ тактику. Мы видели, как наиболее выдающиеся юристы либеральной партии, Асквит и Холден, ныне вошедшие в кабинет, одобрили судебные решения палаты лордов: неудивительно, что когда молодая рабочая фракция, созданная в силу именно этих решений, поставила на очередь законодательное восстановление прав трэд-юнионов и права коалиции и забастовок вообще, то она наткнулась на весьма определенное нежелание правительства удовлетворить ее требованиям во сколько-нибудь приемлемом для рабочих объеме. Нужно было повести несколько очень яростных атак как в стенах, так и вне стен парламента, чтобы заставить империалистическую часть кабинета смириться и, таким образом, дать перевес премьеру и другим гладстоновцам, с самого начала понимавшим необходимость восстановить в кратчайший срок историческую плотину против социализма. После упорного и длительного боя рабочим удалось исторгнуть законодательный акт, аннулировавший судебные решения палаты лордов и обеспечивавший старые права трэд-юнионов и забастовок. Но и после этого побежденная часть либералов не могла долго успокоиться. Не только убеждения, но и самолюбие их страдало от поражения, нанесенного им рабочей фракцией, и этим отлично воспользовалась консервативная печать, старавшаяся раздуть значение этого поражения до размеров полной капитуляции либеральной партии перед „социалистами“. В ярких красках она рисовала „революционную опасность“, угрожавшую со стороны восставшего и возомнившего себя диктатором рабочего класса, и бичевала либеральную партию за кокетничание с ней. Наиболее малодушные из новых либералов не устояли перед этой экзекуцией, и среди них оказался... тот же Мёррей, успевший за это время стать генеральным секретарем парламентской либеральной фракции. Иронии судьбы угодно было, чтобы в том же шотландском округе, что и раньше, вновь объявилась парламентская вакансия и чтобы местные рабочие опять выставили кандидатуру того же Смайли. Либералы опять выступили с собственной кандидатурой, и опять победа досталась

„третьему радующемуся“ — консерватору. На этот раз Мёррей заговорил другим языком. На публичной конференции шотландских либералов он заявил:

„В стране пробуждаются новые силы, и мне, как секретарю фракции, ясно видно, в какую они форму облекаются. В парламенте имеется сейчас самостоятельная рабочая партия, которую я лучше назову ее настоящим именем: социалистическая... Это — очень сильная партия. Она объявила войну либеральной партии, и я не знаю, не придется ли нам в близком будущем предпринять еще один крестовый поход. Мы только что победоносно закончили крестовый поход против протекционизма; быть может, нам надо будет начать крестовый поход против социализма... Несколько лет тому назад господин, которого я лично высоко уважаю, но относительно которого я тогда не знал, что он — социалист, выставил свою кандидатуру в Ланарке, и я его поддержал, так как тогда я еще не понимал того, что мне с тех пор выяснилось обстоятельствами, а именно, что между социализмом и либерализмом, между коллективизмом и индивидуализмом лежит пропасть. Я тогда думал, что возможен союз между либералами и рабочими, но с тех пор я убедился на фактах, что либерализм должен стоять на собственных ногах и что он с помощью социализма процветать не может“.

Насколько прежнее выступление Мёррея было умно, настолько теперешнее было глупо: оно явно было отголоском кампании консервативной прессы, окрестившей рабочую партию „социалистической“, для вящего воздействия на либералов, и вместе с тем было выражением чувства обиды, которую испытывала либеральная партия после своего поражения. Слова Мёррея нашли живой отклик по всей либеральной прессе, и сам Холден не удержался, чтобы не выступить с открытой угрозой по адресу „социалистов“, в которых он видел злонамеренных развратителей трэд-юнионского элемента: „Если Кир Харди, — заявил он, — вздумает внести свои несовместимые с либеральными принципами абстрактные предложения в парламент или применить их при выборе кандидатов, то либеральная партия скрестит с ним шпагу и покажет ему, действительно ли она так слаба“. Ссора между либералами и рабочими стала явно принимать опасные формы, так что в конце концов более ответственные элементы

из либеральной партии — даже Асквит — сочли нужным дезавуировать своих неосторожных коллег и заверить рабочую партию, что они ее ни капельки не боятся и в возможность социализма в Англии не верят.

На этом двусмысленном комплименте ссора между либералами и рабочей фракцией окончилась. На самом деле вся ссора исходила лишь от либералов, в то время как для рабочих представителей даже борьба за реабилитацию трэд-юнионов была лишь вынужденной и весьма неприятной необходимостью. Когда несколькими годами позже та же неугомонно-реакционная судебная инстанция—кассационный трибунал палаты лордов—сделал во второй раз прорыв в трэд-юнионском праве, вынесши по новому процессу разъяснение, что трэд-юнионы не имеют права взимать обязательные взносы со своих членов на политические цели (т.-е. на издержки в связи с парламентскими и другими выборами и на содержание своих представителей в парламенте), то такие „вожди", как Шэкльтон, открыто признали правильность его и уговаривали рабочих отказаться от мысли бороться за его законодательное аннулирование. За это он и был вознагражден высоким правительственным постом и дворянским титулом, когда рабочие возмутились и заставили его уйти из движения [1]). Сейчас, однако, победоносно завершив кампанию за неприкосновенность трэд-юнионских касс и право бойкота и „пикетирования", рабочая фракция рада была отдохнуть и поэтому обеими руками ухватилась за протянутую ей пальму мира. Она быстро вошла в „тон" парламентской жизни с ее взаимными угощениями на знаменитой чайной терассе над рекой и парадными приемами у министров и даже у короля [2]), и когда прави-

---

[1]) Интересно отметить, что на Амстердамском международном социалистическом конгрессе в 1904 г. Кир Харди и его друзья, на заседании британской делегации, выдвинули кандидатуру Шэкльтона против Гайндмановской, как представителя Англии на международном бюро. К счастью или, скорее, к несчастью, план этот провалился, благодаря оппозиции среди самих „независимцев" и даже фабианцев, которые учли эффект такого выбора.

[2]) Первым, кто принял приглашение на королевский прием, был Крукс, который долгое время не мог опомниться от чести, которая выпала на долю его, питомца работного дома. Кир Харди же и Макдональд очень обижались, что их даже не приглашали, усматривая в этом оскорбление для рабочей партии. После войны и эти „социалисты" получили сатисфакцию: они стали обязательными посетителями королевских раутов, появляясь на них — как, они объясняют — в „демократических" фраках, а не в коротких панталонах и черных шелковых чулках, как полагается другим.

тельство внесло в парламент законопроект для насаждения трезвости в рабочем классе, то она с азартом бросилась в бой с консерваторами, отстаивавшими интересы кабатчиков, провозглашая намеченную меру величайшей социальной реформой. Конечно, рабочая фракция неизменно и безоговорочно голосовала за бюджет, включая военный и морской, и выручала правительство всякий раз, как ему угрожала опасность со стороны оппозиция. Фактически она стала левым крылом либеральной партии, как ее предшественницы семидесятых и восьмидесятых годов.

Однако ей гораздо труднее давалась эта почтенная задача. Как раз к этому времени стала намечаться, под влиянием изменений в экономической конъюнктуре, новая тенденция в рабочем классе (о которой речь еще впереди), и эта тенденция, в связи с нетерпимостью нового либерализма, сильно нарушала приятный ход парламентского развития фракции. В 1907 г., напр., в избирательном округе Ярроу—большом промышленном центре—оказалась парламентская вакансия. Так как он принадлежал к традиционно-либеральным округам, то либералы автоматически выставили своего кандидата, а консерваторы—своего. Рабочие, однако, также захотели выставить кандидата, и комитету партии пришлось на это согласиться, так как рабочим кандидатом оказался один из популярных вождей газовых рабочих, некий Пит Карран, социалист из лагеря Кир Хардп, который, однако, тут же заявил, что его социализм—его „частное дело". К всеобщему удивлению и негодованию либералов, Карран прошел. Либералы горько упрекали рабочих за такую недопустимую кражу у них мандата средь бела дня, без всяких компенсаций, и поэтому, когда вскоре после этого рабочие другого округа, в Ланкашире, захотели проделать такой же опыт, выдвинув своего кандидата против либерального, то комитет партии наложил свое veto. Но, к ужасу самого комитета и всех его либеральных благожелателей, рабочие не только не послушались начальства, но и подобрали себе в кандидаты некоего Грейсона, молодого местного и никому неизвестного синдикалиста-социалиста, который даже отказался выступать как „рабочий" кандидат [1]), а взял себе

[1]) Устав партии запрещал кандидатам выступать иначе как под этикеткой „рабочего кандидата" без дальнейших прилагательных. Это правило было причиной ссоры с социалдемократами, которые не без основания усматривали в нем трюк для облегчения выборных сделок с либералами и проведения в парламент рабочих-либералов.

право открыто и официально провозгласить себя социалистом. И он победил. Вся буржуазная пресса разразилась воплем, и сама рабочая фракция поспешила отгородиться от непрошенного гостя, объявив ему бойкот. Но престиж ее в глазах либеральной партии сильно пошатнулся, и собственное ее самочувствие стало донельзя подавленным. Консервативная пресса злорадствовала: она всегда доказывала, что рабочая партия, с виду такая безвредная, являлась на самом деле лишь авангардом, прокладывавшим путь для революционного социализма, и теперь ее предостережения оправдались. Что,—спрашивала она,—теперь будет делать либеральная партия, которая до сих пор покровительствовала рабочей партии?—Не пора ли ей отказаться от старой тактики и создать единый фронт с другими элементами порядка против социалистов? — Те же вопросы, несомненно, ставились и за кулисами самой либеральной партии, но победа осталась опять за сторонниками гладстоновских методов. Либералы рассудили, что поход против рабочей партии привел бы только к усилению „крайних“ течений в рабочем классе, меж тем как примирительное к ней отношение, подкрепленное реформами, восстановит ее престиж, усилит соглашательские тенденции в трэд-юнионах и создаст против революции опять моральный барьер, какой существовал до злополучного посягательства на права трэд-юнионов. „Либерализм,—писало „Дейли Кроникль“,—должен воочию показать, что он способен провести социальные реформы в рамках ныне действующей системы свободной торговли без того, чтобы прибегать к средствам революционного социализма. От успеха либерализма в этом направлении будет зависеть его жизнь и смерть“. Означенная газета уже тогда была органом Ллойд Джорджа, удельный вес которого в правительстве и в либеральной партии вообще был тогда уже настолько велик, что он мог заставить их принять план обложения земельной собственности и прогрессивного подоходного налога, как финансовой базы для большой системы всеобщих государственных пенсий на старость и государственного страхования против болезни, инвалидности и безработицы. Это и должны были быть те социальные реформы на основе свободной торговли (т.-е. без помощи доходов с высоких таможенных пошлин, как предлагали протекционисты), о которых говорила либеральная газета. Та же мысль стала выражаться на тысячу ладов самими министрами, в том числе радикальничавшим тогда Черчилем, заявившим на одном банкете: „Либералы одержали большую победу на выборах 1906 г., но им не удастся

собрать жатву демократии, если они не постигнут тайны искусства удержать симпатии народа". Но как удержать? „Наша цивилизация, — отвечал Черчилль, — которая столько дала большой части населения, ничего не дала самым бедным и слабым в нашей среде... Мы, либералы, должны решить эту проблему. Я не говорю, что все должны быть равны. Я заявляю, однако, что никто не вправе что-либо иметь, если есть такие, у которых нет ничего. Либеральная политика должна стремиться к тому, чтобы непрерывно повышать прожиточный и производительный минимум".

С такой похвальной программой либеральное правительство, во главе которого, за смертью Кэмпбель-Баннермана, успел стать Асквит, принялось за дело и в ближайшие два года (1909—1911) с необычайной энергией и большим эффектом провело целый ряд мер в области социальных реформ, которые сразу выдвинули отставшую в этом отношении Англию впереди всех буржуазных государств. Тут были и государственные пенсии престарелым, и государственное страхование на случай болезни, инвалидности и безработицы, и государственная организация бирж труда, и восьмичасовой день для углекопов, а немного позже—и учреждение трибуналов для определения минимальной оплаты труда в „потовыжимательных" (sweating) производствах и даже—правда, после всеобщей каменноугольной забастовки—установление минимальной заработной платы для углекопов. А параллельно с этим разгорелась ярким пламенем борьба с палатой лордов, отказавшейся дать свою санкцию принятому нижней палатой бюджету, в которой фигурировало обложение крупной земельной собственности, — борьба, которая привела к жестокому конституционному кризису, двойному роспуску парламента в одном и том же году (1910) и к конечной победе либерального правительства. Либерализм неожиданно воспрял, точно феникс из пепла, распространяя сильнейший свет, от которого в первую голову ослепла... рабочая фракция. Хотя все реформы, порознь и вместе взятые, отличались в гораздо большей степени внешним блеском, чем внутренним содержанием, и являли из себя классический пример того, как искусно буржуазия умеет надувать рабочий класс [1]), представители последнего в парламенте проявили

---

[1]) Пенсии престарелым были грошовые: в среднем, пять шиллингов в неделю и выдавались лицам, достигшим 70-летнего возраста, т.-е. возраста, который редко достигается в рабочем классе. Государственное страхование от болезни и пр. строилось на принципе взносов самих рабочих

величайший энтузиазм и величайшее усердие в деле поддержки их и правительства вообще. Как и во время войны, они тогда разъезжали по всей стране, агитируя за поддержку столь важных социальных начинаний либералов, и на двукратных выборах 1910 г. они выступали открыто как их союзники и телохранители. О независимости и самостоятельности, как полагалось по уставу, уже не было речи, и, очутившись после вторых вы-

---

в размере 4 п. в неделю, предпринимателей—в размере 3 п. в неделю и государства—в размере 2 п. в неделю. Рабочие, таким образом, платили почти половину премии. Биржи труда оказались бюрократическими учреждениями, очень скоро превратившимися в биржи для снабжения предпринимателей штрейкбрехерами и вообще дешевым трудом. Восьмичасовой день был запоздалой уступкой многолетним требованиям углекопов, имевшей еще тот изъян, что в рабочий день не включалось время спуска и подъема в шахтах, хотя расстояния от поверхности до мест работы именно в Англии чрезвычайно далеки, вследствие истощения верхних пластов и местонахождения угля нередко под морским дном, и что допускались сверхурочные часы в размере до 60 часов в год. Наконец, трибуналы в потовыжимательных индустриях тоже оказались весьма скупыми в определении минимальных ставок, имея своей целью не уничтожать эти индустрии, а „гуманизировать" их. С другой стороны, бюджет, имевший создать источники доходов для финансирования этих реформ, перекладывал главную тяжесть налогов на рабочий класс в виде косвенного обложения предметов первой необходимости, сдобрив ее лишь реорганизацией подоходного налога на началах прогрессивности и налогом на земли в размере приблизительно *одной пятисотой* процента с годовой ее ценности, что не покрывало даже издержек по его сбору. И это обложение называлось „походом против помещиков". Выходило, по существу, что драгоценные реформы оплачивались самими же рабочими, так как увеличивавшиеся поступления от нового подоходного налога всецело поглощались увеличившимися, ввиду разроставшегося конфликта с Германией, издержками на военно-морские сооружения.

Героем всех этих реформ и самого бюджета, равно как и последовавшей борьбы с палатой лордов, был Ллойд Джордж, тогда занимавший пост министра финансов. Его демагогическая агитация будто бы против „феодализма" и в защиту демократии стяжала ему тогда международную славу величайшего государственного деятеля Англии. Между прочим, он причинил политическую смерть Джона Бёрнса, который в качестве бывшего социалиста и вождя рабочих мечтал, занимая пост министра местного управления, провести те же „реформы", использовывая те же лозунги борьбы против поземельной аристократии. Ллойд Джордж его предупредил. Бёрнс, глубоко уязвленный, с того момента, вплоть до своей отставки, по случаю объявления Германии войны, ни разу не обмолвился ни единым словом ни в парламенте, ни вне его, не принимая никакого участия ни в защите законопроектов в палате, ни в походе против лордов. Так он и сошел со сцены, не оплакиваемый ни друзьями, ни врагами.

боров в парламенте с сильно поредевшими рядами, они окончательно попали в плен к либеральной партии, от которой отныне зависели их мандаты. Трэд-юнионская часть фракции чувствовала себя очень хорошо, но у их социалистических партнеров нередко скребло на сердце. Партия их не раз выражала свое неудовольствие поведением лидеров, и образовавшаяся в ее среде оппозиция едва не довела дела до раскола. Дошло до того, что не только рядовые члены, но и некоторые именитые вожди, вроде Сноудена [1]), стали вслух выражать свое разочарование всей тактикой блокирования с вождями трэд-юнионов в общей рабочей партии и требовать пересмотра основной позиции партии. Но было поздно: „кто вкушает от папы, тот умирает". До самой войны рабочая партия в обеих своих составных частях продолжала пребывать на ролях послушно помахивавшего хвоста либеральной партии, и естественно, что война только завершила ее моральное и политическое банкротство. История могла бы сказать, что как в семидесятых годах, так и сейчас либерализм задушил рабочую партию в своих объятиях, если бы она вместе с тем не показала, как похотливо сама рабочая партия добивалась их.

---

[1]) „Сейчас рабочее представительство в парламенте находится там, главным образом, по милости либералов, и когда эта милость переложена будет на гнев, то оно исчезнет",—так писал Сноуден в 1913 г. („Labour leader", от 22 Июня), один из самых ярких представителей оппортунистического крыла в „независимой рабочей партии", сыгравший прямо-таки роковую роль во время шумихи из-за палаты лордов и „демократического" бюджета. К счастью для Сноудена и его друзей, война помешала держать всеобщие выборы в 1915 г., как полагалось, и рабочая фракция еще теснее сблизилась с либеральной партией, так что обе были совместно разгромлены на выборах 1918 г. Сноуден в нынешнем рабочем кабинете занимает пост министра финансов—тот самый, на котором так отличался Ллойд Джордж.

Легкомысленный критик.

I.

В четвертой книге „Вестника Социалистической Академии“ была помещена чрезвычайно претенциозная статья т. Боричевского под заглавием „Идеалистическая легенда о Канте“. По совести говоря, статья почтенного профессора, специализировавшегося на разоблачении всяческих „легенд“, в том числе и „марксистских“, до такой степени слаба и поверхностна, что требуется особое усилие воли для того, чтобы заставить себя ею заниматься. Этим обстоятельством и объясняется наш несколько запоздалый ответ, обещанный в свое время редакцией журнала.

Но если „отвлечься“ от И. Боричевского и его специфической манеры трактовать философские темы и вспомнить об интересах читателя, то оставить кавалерийский наскок нашего храброго воина без ответа невозможно. Выступление т. Боричевского тем более способно внести смуту в умы читателя-марксиста, что противниками Канта, и в частности кантианства, являются все ортодоксальные марксисты. Таким образом получается как бы внешняя солидарность Боричевского с марксистами. На самом же деле это... Федот, да не тот.

Ив. Боричевский вздумал выступить в поход против классического немецкого идеализма. Против такого выступления ничего нельзя было бы возразить, если бы наш автор знал предмет, о котором пишет. А между тем, кроме смелости, которая, правда, иногда города берет, во которой недостаточно, чтобы „взять“ не только Гегеля, но даже и Канта,—кроме необычайной смелости, повторяем, у автора ничего нет. Классическая немецкая философия представляется ему „жалкой метафизической сутолокой“, а „блестящее созвездие в роде Фихте—Шиллинг—Гегель“ оказывается „достойными последышами философского ублюдка“—„критической“ схоластики Канта“. Какой сочный язык у нашего

великолепного Герострата! Но в том-то и дело, что *крепким словом* выругать можно кого угодно, в том числе и Гегеля. Наш Герострат думал поразить мир своей крепкой фразой, а на самом деле поразил своим скудоумием, получившим столь яркое выражение в его жалкой „словесности“.

Однако „словесность“, при всей ее пустоте и бессодержательности, имеет свою внутреннюю если не логику, то психологию. И. Борячевский считает себя марксистом и материалистом. Неужели он ничего не слышал о диалектике и о роли Гегеля в выработке диалектического метода, об отношении Маркса и Энгельса к Гегелю? Слышал, конечно, слышал. Еще бы! Но вот именно потому, что слышал, он и „решил“ поразить не только мир, не только Гегеля, но и марксизм и марксистов своей неслыханной смелостью. И это, конечно, было бы „интересно“, если бы наш самоуверенный сокрушитель Канта, Гегеля, диалектики и пр. не ограничивался бы просто голым отрицанием, а приводил бы еще и какие-нибудь доказательства.

Ив. Боричевский, хоть и считает себя материалистом — *позитивист* чистейшей воды. При этом надо тут же заметить, что „критика“ или, вернее, наступление на немецкий идеализм ведется им не от собственного лица и ума, а от ума Спекторского и де-Роберти.

II.

Вооружившись несколькими цитатами, взятыми на прокат у Е. Спекторского и де-Роберти, наш храбрый воин выступил в поход. Не будучи знаком с подлинными произведениями Канта, а тем более Гегеля, Боричевский пользуется цитатами Спекторского для доказательства того, что Кант в качестве захолустного профессора захолустного городка [1]) был отсталым мещанином, в науке никакого следа не оставил, был реакционером в политике и проч. Все эти откровения И. Боричевский преподносит читателю с чужих слов, снабжая претенциозно при этом свою пустопорожнюю статейку особыми „учеными“ примечаниями.

---

[1]) Кенигсберг в XVIII ст. не был, разумеется, захолустной провинцией, а был одним из наиболее значительных *торговых центров Европы*. „In der Provinz Preussen,—говорит историк торговли,—war Königsberg nicht bloss eine der bedeutendsten Handelsstädte des Königsreichs, sondern Europas: der Handel nahm seit den 60-ger Jahren des 18. Jahrhunderts fortwährend zu (Adolf Beer. Allgemeine Geschichte des Welthandels. 2. Abt. 1862, стр. 468).

Вот его откровение. В своем „Учении о праве“ он (Кант) провозгласил, что подданный не имеет права „умничать“ о происхождении законодательной власти; его обязанность просто *повиноваться*. И для ручательства за общественный порядок Кант советует мудрому „государю“ держать „хорошо вышколенное и многочисленное войско“; не говоря уже о революциях, всякое противодействие высшей власти, всякое поджигательство (Aufwiegelung) объявляется высшим преступлением. И само собою разумеется, события вроде казни короля Карла I или Людовика XVI являются для Канта верхом безнравственности: они должны наполнять ужасом всякую душу, „исполненную идеи человеческого права“, ибо они совершенно переворачивают самую основу отношений между государем и народом, ставя народ выше государя“ [1]). И все. Как это просто получается у И. Боричевского, черпающего свою мудрость у Спекторского! Да не подумает читатель, что у Канта нет этих *реакционных* идей. Но на-ряду с ними имеются и *революционные* для того времени идеи. И именно поэтому нельзя ограничиваться случайными цитатами, когда хотят выяснить историческое значение учения такого крупного идеолога прусского третьего сословия, как Кант. Чтобы иметь суждение об историческом значении Канта недостаточно даже знакомство с его произведениями, чего у Боричевского и нет, а необходимо еще выяснение конкретной исторической обстановки. Что же мы видим у И. Боричевского? Прежде всего абсолютное незнакомство с сочинениями Канта. Хотя его статья и снабжена, как мы уже говорили, претенциозными примечаниями, но это лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза наивному читателю. Ибо И. Боричевский заимствует не только весь „фактический материал“ у Спекторского, но и *выводы*, к которым будто бы приходит самостоятельно наш исследователь, всецело принадлежат тому же Спекторскому. Стало быть, излишне было повторять на страницах „В. С. Ак.“ чужие мысли, хорошо известные, вероятно, широкому кругу читателей. Но когда человек поет с чужого голоса, когда человек повторяет чужие мысли, то для того, чтобы придать им хотя бы *видимость* самостоятельности, он вынужден „углублять“, т.-е. утрировать, их. Так, Боричевский не только повторяет, но и утрирует Спекторского. Таков *метод* И. Боричевского.

---

[1]) Вестник Соц. Академии, кн. IV, стр. 295.

Теперь обратимся к *содержанию* статьи. К. Маркс, как известно, считал философию Канта „немецкой теорией французской революции". Хотя Маркс — не Спекторский, но все же любопытно и мнение этого мыслителя. И надо думать, что для такого суждения у Маркса были основательные причины, несмотря на то, что он был в достаточной степени знаком и с приведенными Спекторским и его подголоском Борическим „цитатами" из Канта. Маркс берет систему Канта в *целом* и рассматривает ее не абстрактно, вне времени и пространства, а конкретно, исторически—в связи со всем состоянием Германии, в связи с почвой, на которой эта система выросла. „Состояние Германии в конце прошлого (т.-е. XVIII. Л. Д.) столетия,—говорит Маркс,—вполне ясно отражается в кантовской критике практического разума". „Характерную форму, которую принял в Германии французский либерализм, опирающийся на действительные классовые интересы, мы встречаем опять у Канта", говорит Маркс в другом месте. Таким образом философия Канта являлась, по мнению Маркса, идеологией немецкого либерализма и отражала вполне ясно и определенно состояние Германии конца XVIII столетия. Иначе говоря, философия Канта являлась идеологией *передового* общественного класса Германии и постольку сама была для своего времени *передовой*, т.-е. *прогрессивной*. Но так как немецкая буржуазия в то время была еще крайне слаба и бессильна, так как отсталый способ производства не допускал превращения буржуазии в деятельно-революционный класс, то это бессилие, слабость и подавленность немецкой буржуазии того времени получили свое выражение в учении Канта, и в частности,—в его практической философии.

Этим бессилием немецкой буржуазии и объясняется, как замечает Маркс, что немецкий либерализм был „не более чем *мечтание*, идеология о *действительном* либерализме". „Так как немецкие экономические отношения еще далеко не достигли той ступени развития, которой соответствовали бы эти политические формы, то немецкие бюргеры признали эти формы лишь как абстрактные идеи, как принципы, действительные в себе, как благочестивые желания и фразы, как кантовские самоопределения воли и человека, каким он *должен* быть" [1]).

Кант,—говорит далее Маркс,—отделил, таким образом, теоретическое выражение материальных интересов от самих инте-

1) К. Маркс и Ф. Энгельс. Святой Макс, р. пер., стр. 161.

ресов и „превратил материально обусловленное направление воли французских буржуа в чистое самоопределение *„свободной воли“*, воли самой по себе, сделав из нее, таким образом, чисто идеологическое понятие и постулат нравственности“. С этой точки зрения и становится понятным дуализм между теорией и практикой, идеалом и действительностью, вещью в себе и явлением, чистой волей и чувственными склонностями, идеальной формой государства и существующим государственным строем, нравственностью и правом—дуализм, проникающий всю систему Канта. Для идеолога немецкой либеральной и радикальной буржуазии французская революция представляет собою прекрасную *мечту, чудесную сказку*, которая не может, вследствие бессилия этой буржуазии, стать *действительностью* на немецкой почве. Как же относится Кант к французской революции?—„Пусть революция этого великого народа,—говорит он,—окажется удачной или неудачной; пусть она сопряжена с такими бедствиями и ужасами, что благомыслящие люди никогда не решатся повторить подобный опыт; важно, однако, то, что эта революция встречает во всех зрителях, незамешавных в ней, такое *сочувствие*, которое граничит с *энтузиазмом*, хотя это проявление сочувствия связано с опасностью...“ [1]) Таково было отношение Канта к французской революции в то время, когда бывшие ее поклонники—Клопшток, Виланд, Гердер и Шиллер,—под влиянием террора, от нее уже отвернулись.

Контр-революционеры,—продолжает Кант,—не были в состоянии, несмотря на то, что они сыпали деньгами в целях подкупа, вызвать ни того энтузиазма, ни той преданности делу, которое вызвало одно только понятие *права* в революционных народных массах. Даже чувство чести старой аристократии испарилось в виду оружия защитников прав народа. Такие явления, как французская революция, *в человеческой истории уже никогда не забываются. Они доказали способность человечества к прогрессу.* И если бы даже преследуемые революцией цели не были достигнуты, если бы она даже потерпела полное крушение, то она не теряет своего значения, как событие, на основании которого можно *предсказать будущие судьбы человечества.* Возможно ли вообще историческое предвидение?—спрашивает Кант. И отвечает: возможно. Порукой служит французская революция, которая одна является историческим симптомом, выражающим тенденцию поступательного движения человечества и способность его к прогрессивному

---

[1]) Kant. Streit der Fakultäten, 1798, стр. 143—141.

развитию. Это событие,—говорит Кант,—слишком значительно, слишком переплетено с интересами человечества, чтобы при соответствующих благоприятных условиях не пробудилось у народов желание к повторению его [1]).

Да кто не знает, что Кант приветствовал французскую революцию, видя в ней залог прогресса и пр.? Разве только Боричевский. Из того обстоятельства, что Кант не одобрял террора или относился к нему отрицательно не следует, что он отвергал *принципы* революции. Для 74-летнего Канта все же характерно, что, оглядываясь несколько назад, он вспоминает о том *энтузиазме*, какой вызвала в нем революция. Цели и задачи революции, т.-е. принципы ее, в нем сомнения не вызывают, и от них он но отказывается даже насклоне лет, когда сильно поправел. Значит, необходимо различить два периода в жизни Канта. Как же тогда отнестись серьезно к заявлению Боричевского: не говоря уже о революциях, всякое противодействие высшей власти, всякое поджигательство (Aufwiegelung) объявляется высшим преступлением. Казалось бы, при таком отношении Канта ко всякому противодействию власти, он должен был бы не восхищаться революцией, а метать в нее громы и молнии, всячески ее поносить и проклинать.

В новой *организации* государства, созданной французской революцией, он видел осуществление своего *этического идеала*. Ибо в такой организации каждый член общества является не только средством, но и целью [2]). Поэтому этические социалисты совершенно извращают учение Канта, когда они переносят этот идеал поднимающейся буржуазии на социализм. Речь идет о правовом обществе, в котором осуществляются *формальные* принципы морали. И только в свете этого назревавшего в недрах феодального общества буржуазного правового строя и получает объяснение кантовский моральный закон. Как мы видим, Кант сам эту связь устанавливает. Государство по самому существу своему есть, с точки зрения Канта, правовой институт, т.-е. оно имеет своей задачей осуществление права.

Отсюда дальнейший вывод, что свобода гражданина состоит в том, чтобы не повиноваться никакому другому закону, кроме

---

[1]) Там же, стр. 142.

[2]) „Denn jedes Glied soll freilich in einem solchen Ganzen nicht bloss Mittel, sondern zugleich auch Zweck, und indem es zu der Möglichkeit des Ganzen mitwirkt durch die Idee des Ganzen wiederum seiner Stelle und Funktion nach bestimmt sein". (Kritik der Urteilskraft, изд. Meiner'a, стр. 238.).

того, на который гражданин дал согласие. Кант проводит в своем „Учении о праве“ в общем *принципы* французской революции, опираясь при этом на учение Руссо. Мы не можем дать здесь изложение кантовского учения о праве, ибо это потребовало бы слишком много места и времени. Но основное противоречие кантовского учения о праве состоит в признании, с одной стороны, *народовластия*, принципов свободы и равенства, а с другой— *неприкосновенности государственной власти*. Мы видим тут то же противоречие между *принципами, идеалами, желаниями* либеральной немецкой буржуазии и ее *практическими возможностями*, т.-е. противоречие между *смелостью* в области отвлеченных идей и *бессилием* класса практически осуществить эти принципы. Кант смел в области отвлеченных идей и труслив в политической практике, по крайней мере, поскольку речь идет о тогдашней Пруссии. В конечном счете можно сказать, что Кант признает принципе республиканский образ правления, а на практике готов примириться с просвещенным абсолютизмом. Переходом от отвлеченных идей или априорных принципов к куцой практике служит та мысль, что идеал осуществляется в эмпирической жизни не сразу, а постепенно, путем *приближения* к конечной цели, к идеальному государству. Если же речь идет о „приближениях“, если все дело в принципах, то *дух правления* в конечном счете важнее *формы правления*. А потому и государственная власть, независимо от ее формы, может или должна—ибо это ее долг, ее задача—управлять в духе основных принципов правового государства. Мы видим опять-таки, что дело обстоит гораздо сложнее, чем это думает и изображает И. Боричевский.

„Кант советует мудрому „государю“ держать „хорошо вышколенное и многочисленное войско“, пишет наш мудрый профессор, поймавший эту цитату у Форлендера. Но ведь тот же Кант требовал отмены постоянного войска на том основании, что пользование людьми, как машинами, противоречит правам человека и что постоянное войско служит вечной угрозой миру. Поэтому он требовал, чтобы вопросы мира и войны решались народами, а не монархами или правительствами.

III.

И. Боричевский, вслед за своим учителем Е. Сиекторским, с высоты своей „учености“ издевается над Кантом за то, что тот считал, что негры родятся белыми, что он *одну* из причин земле-

трясения видел „в смешении минеральных веществ с жидкостями“, что он дает деление человеческих рас в зависимости от таких признаков, как „влажный и сухой, холод и жар“ и проч. При этом наш претенциозный профессор сообщает, что он не намерен посвятить читателя в подробности „собственного исследования“, а довольствуется готовой уже работой *друга* русского исследователя — Е. Спекторского. В приятном ожидании „собственных исследований“ И. Борничевского, не бесполезно проверить пока что научный метод исследования его учителя, столь его восхищающего. Мы увидим, что не только талантливый последователь, но и сам учитель отличается изрядной дозой легкомыслия. Прежде всего, самый *метод* исследования чего стоит! Канту вменяется в вину, что он в XVIII веке не знал того, что мы знаем в XX веке. Нет сомнения, что с этой точки зрения Кант значительно отстал. Но кто из ученых и мыслителей XVIII века не отстал по сравнению с современной нам научной мыслью?

Когда мы приступаем к изучению научных теорий определенной эпохи, то казалось бы, что достижения ее должны измеряться по сравнению с предшествующей эпохой. Мы, кажется, уже привыкли на все явления смотреть с *исторической* точки зрения, с точки зрения *развития*, а не какой-то абстрактной или абсолютной точки зрения. А И. Борничевский — метафизик с ног до головы.

Если мы подойдем с исторической точки зрения к оценке *научной* деятельности Канта, то придется сказать, что Кант отстал от XX века постольку, поскольку *наука* XVIII века отстала от науки нашего времени. Ученого приходится расценивать в связи с состоянием науки его времени, а не sub specie aeternitatis. В самом деле, Е. Спекторский и его последователь И. Борничевский обвиняют Канта в том, что, по его мнению, негры родятся белыми. И наш русский исследователь, как Борничевский скромно величает себя, по это поводу хихикает.

Мы обращаемся к подлиннику и находим в физической географии Канта действительно следующее место: „Негры родятся белыми; половые органы и кружок вокруг пупка с самого рождения черного цвета. Отсюда чернота в течение первого месяца распространяется по всему телу“. Но вместо того, чтобы осудить Канта, мы обращаемся к „Энциклопедии“ Дидро, чтобы удостовериться в том, какие существовали *в то время* на этот вопрос мнения. И что же? В XI т. мы читаем следующие строки:

„il est vrai que tous les nègres sont blancs en venant au monde, mais peu de jours après leur naissance ils deviennent noirs“ (79 стр., изд. 1765 г.). Стало быть, от своего века Кант в этом вопросе не отставал. А И. Борпчевскпй обнаружил только свое невежество. Все ученые и исследователи согласны в том, что у новорожденного негра цвет кожи окрашен всегда светлее, чем у взрослого, и что только со временем все тело окрашивается равномерво в черный или коричневый цвет. Так, Уилкокс в „Британской Энциклопедии“ сообщает нам, что у новорожденных негров кожа медного или красновато-шоколадного цвета [1]). Для курьеза сообщаю, что географ А. Григорьев в своей статье о неграх в „Новом Энциклопедическом Словаре, пишет черным по белому: *„цвет новорожденного негра не темнее, чем у новорожденного европейца;* темный пигмент появляется лишь через несколько дней, сначала пятнами на спине и бедрах. Лишь на 5—7 неделе все тело оказывается окрашенным равномерно в бурый цвет, значительно более светлый, чем у взрослого“ [2]). Это написано в 1916 г. Покойный Д. Анучин по этому вопросу пишет: „новорожденный негр имеет *более светлый,* красноватый или розовато-бурый цвет, скоро начинающий темнеть“. Вы видите, читатель, какое легкомыслие проявил наш „русский исследователь“. Оказывается, что мнение Канта о новорожденных неграх находится в полном согласии с взглядами передовых ученых его времени, в чем мы и не сомневаемся. Но мало этого. Кант был вообще не так далек от истины, если принять даже не сообщение А. Григорьева, а мнение Д. Анучина, которое нам кажется более близким к истине.

Слишком много времени и бумаги потребовалось бы для того, чтобы разобрать весь тот вздор, который сумел нагородить в одной небольшой статейке наш „исследователь“. Ибо что ни слово, то искажение как исторической перспективы, так и самых общеизвестных фактов. И. Боричевский упрекает Канта в том, что он был *натуралистом-наблюдателем.* „Средоточием его научного внимания были *физическая география и геология*; а в ту пору, когда началась работа Канта, эти науки отставали от других областей естествознания — даже чисто-описательного... на этой первой подготовительной ступени науки работа исследователя по необходимости должна была носить *книжный* характер. И как

---

[1]) „... so that new-born babies are a reddish chocolate or copper colour. („Британская Энциклопедия“, т. XIX, стр. 344. изд. 1911 г.).

[2]) См. Новый Энц. Слов., т. 28. 1916 г.

только эта собирательская работа была проделана, началась подливная организация живого научного наблюдения—и все тяжелые книжные построения первых работников потеряли всякое значение и были забыты. К их числу принадлежал в данных областях и наш философ". Поэтому,—делает Боричевский глубокомысленное заключение,—мы можем заранее усомниться, чтобы содержание работ Канта было научно. Попробуйте разобраться в этой болтовне. Что ни слово, то противоречие. Прежде всего, *неверно*, что средоточием научного внимания Канта были только *физическая география* и *геология*. Далее, если эти науки „по необходимости должны были носить *книжный* характер", то нечего упрекать Канта в этом. Если „подлинная организация живого научного наблюдения" началась, как только проделана была „эта собирательская работа", то по метафизической логике Боричевского выходит, что „эта собирательская работа" не есть *научная работа*. Казалось бы, отсюда следовало заключить, что это была необходимая ступень в развитии соответствующих наук. И тот или те, кто эту необходимую „собирательскую работу" проделал, подготовил условия и возможность для перехода этих дисциплин на более высокую ступень. Весьма вероятно, что и наши современные научные достижения в будущем окажутся лишь подготовительными ступенями для более совершенной науки. Нет „абсолютной" науки. Это такое же относительное понятие, как и все на свете. Поэтому каждая историческая эпоха имеет свою науку. И столь же нелепо и метафизично утверждать, что „прежние построения", т.-е. старая наука, теряют *всякое* значение.

Однако обратимся к вопросам геологии и, в частности, к вопросу о землетрясениях. Мы действительно имели бы право обвинять Канта в отсталости, если бы оказалось, что по этому вопросу в его время существовали более научные взгляды, чем высказанные Кантом. Но в том то и дело, что Кант является даже новатором в этой области, открывателем новых путей. Кто умеет не только пускать пыль в глаза „собственными исследованиями", а и разбираться, по крайней мере, в чужих исследованиях, кто при этом способен рассуждать конкретно, т.-е. исторически, тот, конечно, знает, что рассуждения Канта о землетрясениях в *принципе*, т.-е. методологически,—а это именно самое важное,—безупречны и составляли в свое время большой шаг вперед. Его рассуждения по этому вопросу были вызваны прежде всего страшным Лиссабонским землетрясением 1755 года. Это

событие, как известно, вызвало среди народа усиление религиозных и мистических настроений и создавало почву для всевозможных суеверий. Молодой Кант—ему было тогда 32 года—считает необходимым откликнуться и поставить вопрос на научную почву. Широкая публика с жадностью набрасывалась на все, что писалось по этому вопросу. Кант вынужден был издавать свою работу отдельными листами. В каком же смысле Кант высказался? Он стремится отбросить все религиозные и теологические предрассудки и дать чисто научное объяснение этому естественному явлению. „Поищем на нашей планете причину этого события,—она у нас под ногами",—восклицает Кант.

Этим Кант прежде всего хотел подчеркнуть, что причины землетрясения надо искать в механических и химических свойствах *земли*, а не в небесных телах. Он отказывается рассматривать также землетрясения с какой-либо телеологической точки зрения. Землетрясения находятся в зависимости от истории развития земли и ее внутреннего теперешнего состояния. Смешение разных веществ порождает пары, которые накаляются и расширяются до того, что их *взрыв* вызывает колебания почвы и морского дна. „Для того, чтобы вызвать подземный пожар, требуется только, чтобы минеральные материи в пустотах земли были приведены в состояние брожения" [1]). И в другой работе под названием „О причинах землетрясений" Кант сводит причину землетрясения на подземное *воспламенение*, которое вызывает взрывы, колеблющие почву. Кант предлагает сделать опыт с тем, чтобы вызвать *искусственно* землетрясение. Для этого, говорит он, достаточно взять 25 фунтов железных опилок, столько же серы, смешать их с обыкновенной водой; если это тесто, как он выражается, зарыть в землю на глубине $1\frac{1}{2}$ футов, то через несколько часов мы увидим, как густой пар поднимется из-под земли, земля придет в колебание и огонь с силой вырвется из земли [2]). Я не знаю в XVIII стол. более научной теории землетрясения, чем эта кантовская. Конечно, если представить ее в таком виде, в каком это сделано Боричевским со слов Спекторского (ибо, повторяю, сам-то он этих работ не знает), то получается, что причиной землетрясения является „смешение минеральных веществ с жидкостью". На самом же деле, в теории,

---

[1]) Kant. Geschichte und Naturbeschreibung des Erdlebens am Ende des 1755 sten Jahres. 8. B. изд. Meiner'a, 317 стр.

[2]) Kant. Von den Ursachen der Erderschütterungen. 1756. (8 B. S. 233).

Канта нет ничего смешного, истинный смысл ее состоит в том, что *подземные пары* ищут выхода и, не находя его, колеблют почву, т.-е. вызывают землетрясения, как и вулканические извержения.

IV.

Я не могу заняться критикой всех „данных", приводимых Боричевским или, вернее, Спекторским, в посрамление Канта. Не считаю необходимым остановиться на утверждении Боричевского, что „средоточием научного внимания Канта были только физическая география и геология". Это утверждение столь же обосновано, как и все другие. Не может же Боричевский обойти совершенно молчанием *кантовскую космогонию*, но он сразу убивает Канта тем, что заключает эти слова в презрительные ковычки. Почему, спрашивается, такое презрение? Вот глубокомысленные соображения Боричевского. Во-первых, подлинным предтечей Лапласа был не Кант, а Бюффон. Во-вторых, Кант использовал данные Бюффона и, в-третьих, Кант своей космогонией преследовал не научные, а чисто богословские цели.

Прежде всего, интересно выслушать мнение Энгельса, человека достаточно компетентного в вопросах естествознания и уж во всяком случае чуждого богословских целей. „Кантова теория возникновения всех теперешних мировых тел из вращающихся туманных масс,— говорит Энгельс,—была величайшим шагом вперед, который сделала *астрономия* (курсив мой. *А. Д.*) со времени Коперника. Впервые было поколеблено представление о том, что природа не имеет никакой истории во времени. До сих пор мировые тела признавались пребывавшими с самого начала всегда в одних и тех же орбитах и в тех же состояниях. И если даже на отдельных планетах органические неделимые умирали, то сами роды и виды их считались неизменными. Было, конечно, очевидно, что природа находится в постоянном движении, но это движение представлялось как непрестанное повторение одних и тех же процессов. В этом представлении, вполне соответствовавшем метафизическому образу мышления, Кант пробил первую брешь и притом *настолько научным способом* (курсив мой. *А. Д.*), что большинство из употребленных им доказательств сохраняет свою силу и поныне" [1]). Таким образом Энгельс констатирует, что Кант

[1]) Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, русск. пер., 1918 г., стр. 50.

совершил в области астрономии величайший шаг вперед со времени Коперника. Его теория и доказательства при этом, продолжает Энгельс, проникнуты высоко научным духом. Как же это, спрашивается, Энгельс не заметил ни богословских целей Канта, ни того, что он просто повторял Бюффона и пр.? Да просто потому, что все, что пишет Борпчевскпй составляет сплошной вздор, который совестно читать ввиду полной безграмотности нашего профессора, столь щеголяющего якобы новым, а на самом деле достаточно устарелым словечком: *внутри-научная философия*, предполагающая, очевидно, знакомство с некоторыми научными достижениями. Недостаточно смаковать и жевать слова—наука, научная философия и пр., а требуется быть знакомым с этой наукой.

Оцените теперь следующую тираду нашего несравненного „внутри-научного" философа. „Как ученый Кант даже для своего времени был *ограниченным естествоиспытателем-эмпириком*, чьи научные навыки не выходили за пределы первой, предварительной ступени научной работы — *книжного собирания* чужих данных и *книжной „переработки"* чужих обобщений". Так пишет Борпчевскпй. Мнение Энгельса мы выслушали. А теперь не бесполезно привести мнения ученых специалистов. Мы ссылаемся на *чужие мнения* и *книги*, потому что—открыто сознаемся в этом—у нас нет „собственных исследований" в области астрономии.

Проф. Плассман пишет совсем в духе Энгельса о Канте, что он был *первым*, кто после Коперника, Кеплера и Ньютона создал учение о мироздании, являющееся с тех пор основой новейшей гипотезы о туманностях [1]) и означавшее гигантский шаг вперед в области астрономии. Другой ученый специалист, проф. Нернст, книжка которого имеется и в русском переводе, пишет: „Но как бы то ни было, многие бросающиеся в глаза правильности планетных орбит могут быть объяснены лишь при допущении, что массы планет были когда-то соединены в туманности. Главнейшая заслуга работы Канта и состояла в выяснении и обосновании этого пункта, и такое воззрение никогда серьезно не подвергалось сомнению. Предвосхищая здесь главный результат

[1]) „Der erster, welcher die durch Kopernikus, Kepler und Newton erweiterten Kentnisse der Menschheit über das Weltall einer umfassenden Weltbilduugslehre zu Grunde legte. war Immanuel Kant... Seitdem (seitdem es durch A. v. Humboldt neu endeckt worden), ist es die Grundlage, den neueren Nebularhypothese, geblieben" (Himmels-Kunde, Versuch einer methodischen Einführung in die Hauptlehre der Astronomie, v Prof. Plassmann. 1916 г., стр. 506.)

наших исследований, мы укажем, что в общем и целом гипотеза Канта-Лапласа сохраняет свою силу, но что по отдельным существенным пунктам она нуждается в дополнениях, согласных с требованиями новых исследований, главным образом последних пятнадцати лет" [1]).

Таким образом современные космогонические учения в значительной степени покоятся на гипотезе Канта; нет почти ни одной работы по астрономии, в которой не упоминалось бы имя Канта. Этим я хочу сказать, что в истории астрономии Кант занимает почетное место. Многие установленные им положения получили впоследствии точное подтверждение. Например, Кант полагал, что материя колец Сатурна оторвалась от экватора этой планеты и вследствие этого она отличается вращательным движением. Он вычислил, что продолжительность вращения для внутреннего края кольца равна около десяти часов. И только через 34 года знаменитый астроном Гершель сделал, с своей стороны, соответствующее вычисление и нашел, что время вращения равно $10^1/_2$ часам [2]). Кант исследовал также и вопрос о том, нет ли таких факторов, которые замедляют вращение мировых тел. Луна, быть может, некогда вращалась быстрее вокруг своей оси, чем теперь, а если это так, то необходимо найти те причины, которые это замедление порождают. Кант еще в 1754 г. указал, что *трение приливов* замедляет вращение земли и тем увеличивает продолжительность дня. И только в наше время известный ученый Дарвин пришел относительно космогонического значения приливов к тем же выводам, что и Кант. Дарвин пришел к заключению, что некогда (т.-е. 58 миллионов лет тому назад) луна и земля почти соприкасались друг с другом, при чем день был равен месяцу, и оба составляли около 5,4 наших часов [3]).

Различие между космогонической гипотезой Канта и Лапласа состоит в том, что первый „исходит из понятия *холодной неподвижной туманности*, которая затем нагревается от сжатия, и ее первые преобразования начинаются с накопления вращения. В свою очередь Лаплас начинает с *накаленной вращающейся туманности*, не давая никакого объяснения ее высокой температуре.

---

[1]) В. Нернст. Мироздание в свете новых исследований, 1923 г., стр. 15.

[2]) Friedrich Dannemann. Die Naturwissenschaften in ihrer Entwicklung und in ihrem Zusammenhange. III. B., S. 266.

[3]) См. Джордж Говард Дарвин. Приливы и родственные им явления в солнечной системе, русск. пер., 1923 г.

Образование спутников для каждого из авторов является повторением в малом масштабе образования всей планетной системы. В то время, как Лаплас не указывает причины возникновения жара, которым он одаряет туманность, Лорд Кельвин идет дальше назад во времени и допускает существование *холодной туманности*, состоящей из *отдельных атомов или метеоритных камней*, обладающей изначала общим моментом количества движения равным или большим, чем момент количества движения всей солнечной системы" [1]). Лорд Кельвин, таким образом, возвращается назад к Канту, считая, что его гипотеза холодной туманности, состоящей из космической пыли или метеоритов, лучше удовлетворяет научным требованиям. Кантовская гипотеза возникновения солнечной системы из космической пыли, из метеоритов, дальше развивается ныне такими исследователями, как лорд Кельвин, Норденскьельд, Дарвин [2]), Локейер (Lockeyer) и др.

Свante Аррениус, склонный преуменьшить значение для астрономии Канта и восхваляющий Бюффона за научный характер его работ, считает, тем не менее, что воззрения Канта более правильны даже, чем взгляды Лапласа, ибо они более соответствуют нашим современным научным взглядам [3]).

Так стоит ныне вопрос о значении кантовской космогонии для современной науки. В общем и целом ученые делятся на два лагеря: на сторонников Канта и последователей Лапласа. И если в прошлом столетии гипотеза Лапласа считались господствующей, то в наше время гипотеза Канта имеет на своей стороне большинство ученых. Этим мы, разумеется, не хотим умалить значение Лапласа. Мы только констатируем объективное положение вещей. Более того, мы охотно допускаем, что гипотеза Канта в тех или иных частях требует дополнений и исправлений или что завтра она окажется уже несовместимой с современной наукой. Тем не менее все должны будут признать исключительное значение ее для науки, в подтверждение чего и приведены мною мнения экспертов, т.-е. ученых специалистов.

После того как мы привели показания ученых астрономов и физиков о значении кантовской космогонии, особую пикантность приобретает следующее „самостоятельное" заявление наше-

---

[1]) Дарвин. Приливы, стр. 306—307.

[2]) См. *L. Zehnder*. Der ewige Kreislauf des Weltalls, 1914 г., стр. 182, а также *Fr. Nölke*. Das Problem der Entwicklung unseres Planetensystems, 1919 г., 162—163 стр.

[3]) Swante Arrhenius. Die Vorstellun vom Weltgebäude im Wandel der Zeiten. 1911 г., стр. 118.

го „самостоятельного исследователя". „Уже давно было указано,— пишет Боричевский,—что, по существу, Кант не был и не хотел быть естествоиспытателем; научные работы были для него всего лишь „отдохновительным междуделом" или ставили себе совершенно определенную цель, далекую от всякой науки. Так, в своей теории неба Кант вовсе не стремился создать новую космогонию; его задача была гораздо возвышеннее—доказать, что божество является основой бытия и по своей воле упорядочивает хаотический мир материи: вот почему, вопреки ходячему мнению, Кант вовсе не был основателем современной космогонии"... Ну и логика! Кант не хотел быть естествоиспытателем... Он не стремился создать новую космогонию;—поэтому, *создав* ее, он, вопреки ходячему мнению, *ее не* создал, т.-е. не был основателем современной космогонии. И всю эту невежественную болтовню Боричевский надеется „искупить" указанием на религиозные цели Канта. Очень нехорошо, конечно, преследовать религиозные цели и в этом отношении Кант заслуживает всяческих упреков. Его следует критиковать и хулить, но кто не видит в кантовской космогонии ничего, кроме *божества*, тот решительно ничего не понимает, и с таким человеком совестно разговаривать. Такая критика дешево стоит. Галилей, как известно, считал, что божественный строитель создал сперва солнце, указав ему его постоянное место, затем он создал планеты и т. д. На этом основании, придерживаясь логики Боричевского, мы должны были бы сказать, что Галилей естествоиспытателем не был, ибо ставил себе целью доказать, что основой бытия является божество. С таким же основанием можно опорочить и научные заслуги Ньютона, так как и этот знаменитый ученый тоже находился в подозрительных отношениях с богом. А крупнейшие ученые современности, вроде Крукса, Лоджа и пр., разве не обнаруживают вопиющие в этом отношении „странности"? Что же касается великого естествоиспытателя Бюффона, то ведь и он не был свободен от религиозных предрассудков, по крайней мере поскольку речь идет о его писаниях, ибо приватные мнения нас не интересуют. Природа, писал Бюффон, есть система установленных творцом законов существования вещей [1]). Бюффон был картезианцем и при-

---

[1]) „La nature est le système des lois établies par le Créateur pour l'existence des choses et pour la succession des êtres". (Buffon, Oeuvres complètes, V т., 1837 г. стр. 335).

В другом месте он пишет: „Il est certain, que tous les animaux ont également participé à la grâce de la création... que de toutes les espèces sont sortis tout formés des mains de Créateur", там же, стр. 31.

нимал существование двух совершенно разнородных субстанций. Поэтому между животным и человеком существует, с его точки зрения, непереходимая пропасть На чем же тогда основано утверждение Боричевского, что Кант, *в противовес Бюффону, в своем исследовании* —заметьте, речь идет не о религиозных или этических исследованиях Канта, а об *его космогонии* — преследовал „отнюдь не научные, а чисто богословские цели“?

Кант, пишет наш „критик“, решительно „отмежевывается от величайшего естествоиспытателя древности, Эпикура“. Способность Боричевского извращать самые простые факты прямо поразительна. Во-первых, никак нельзя согласиться с тем, что Эпикур был величайшим естествоиспытателем древности, ибо Демокрит имеет большее право на это звание. Во-вторых, неверно утверждение Боричевского, что Кант решительно отмежевывается от Эпикура. „Я не буду отрицать,—говорит Кант,—что теория Лукреция или его предшественников—Эпикура, Левкиппа и Демокрита—имеет много сходства с моей“ [1]). Далее Кант перечисляет те пункты, в которых его система сходна с теориями названных мыслителей. Я принимаю вместе с теми мудрецами, говорит Кант, что первичное состояние природы состояло во всеобщем рассеянии первовещества, или атомов. Затем Кант подчеркивает свое согласие с Эпикуром в вопросе о притяжении или тяжести. Но Кант, не желая быть заподозренным в атеизме отмежевывается в этом пункте от Эпикура. Таким образом Кант не только отмежевывается от Эпикура, но и непосредственно и *сознательно примыкает к космогонии древних материалистов*, чем объясняется огромное научное значение кантовской теории неба.

Читатель, надеюсь, согласится, что и приведенных образчиков „ученой“ критики нашего самодовольного „внутри научного“ философа вполне достаточно для разоблачения этого „материалиста“ и „марксиста“. Если он так много вздора сумел наговорить по поводу „негров“ и „теории неба“, то читатель может себе легко представить, сколько путаницы он внес в более сложные, чисто-философские вопросы.

---

[1]) „Ich werde es also nicht in Abrede sein, dass die Theorie des *Lucrez*, oder dessen Vorgängers, des *Epikurs*, *Leukipps und Demokritus* mit der meinigen viele Aehnlichkeit habe“. Несколько выше Кант говорит: „Aber die Verteidigung seines Systems, wird man sagen, ist zugleich die Verteidigung der Meinungen des *Epikurs*, welche damite die grösseste Aehnlichkeit haben. Ich will nicht völlig alle Uebereinstimmung mit demselben ablennen“ (*Kant*, Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels, Изд. Meiner'a. т. VII, стр. 13).

Выше было нами указано, что И. Боричевский все свои „данные“ заимствовал у Е. Спекторского. Однако справедливость требует отметить, что Е. Спекторский не так „элементарен“, как его рьяный последователь. Он видит в Канте, с одной стороны, эпигона классических рационалистов XVII века, но, с другой стороны, предшественника Фихте—Шеллинга и Гегеля. Он подчеркивает внутреннюю противоречивость Канта, у которого наряду с рационализмом XVII века „уже довольно заметно пробивается историческая тенденция“. У Канта уже обнаруживается потребность исторического взгляда на человечество. „Затем по отношению к живой, органической природе Кант проявлял не только исторический, но даже, как он сам выражался, археологический интерес. При желании можно усмотреть в его сочинениях законченную философскую подготовку той эволюционной теории происхождения видов, для которых впоследствии Дарвину оставалось только собрать большое количество эмпирических данных... Наконец, Кант, в отличие от теоретиков XVII века, не довольствовался взглядом на нашу вселенную, как на неизменный механизм, и считал „жалким для философа“ деистическое решение вопроса о ее происхождении. Его собственное решение— это его знаменитая эволюционная, естественная история неба“ [1]).

И. Боричевский же „углубил“ своего учителя, и в результате получился один лишь конфуз.

Теперь мы с нетерпением будем ждать откровений Боричевского о Гегеле. Впрочем, мы можем эти откровения предугадать. Задача Боричевского очень легкая: Гегель был реакционнее Канта в политике, перед наукой никаких заслуг не имеет, возился с абсолютным духом, т.-е. был несомненным метафизиком.

Этого вполне достаточно, чтобы дискредитировать Гегеля. Задача легкая, но мало благодарная. А вот усвоить то ценное и положительное, что дал Гегель — это, повидимому, Боричевскому не дано. Идеализм надо критиковать, с идеализмом надо бороться, но со знанием дела, а не с кондачка.

А. Деборин.

---

[1]) Е. Спекторский. Проблема социальной физики в XVII столетии. 1910 г., т. I, 181—182 стр.

Способы представления [1]).

1. Сексуально-мистический способ представления.

Если мы желаем сделать правильную и научную оценку способности каждого отдельного класса выразить ему присущую „идею“, то мы должны прежде всего сравнить и сопоставить те способы или методы идеологического выражения, которые в общем и целом намечены современной наукой. Правда, здесь нет еще полного единодушия. Так называемая *мистика еще далеко не изучена и не оценена с познавательной стороны. И очень мало интересовались тем, насколько художественное воображение участвует в деле чисто-научного творчества.* Можно даже сказать, что до сих пор в теории познания держится много предрассудков буржуазной мысли, а в частности очень односторонне выдвигается на первый план чисто формальное логическое мышление. Мы можем, однако, в известной степени пренебречь несовершенством современной науки в области познания, так как нас главным образом интересует способ представления и связанная с ним идеология, как система практических идей, норм, правил или идеалов, непосредственно руководящих общественной жизнью.

С этой точки зрения имеющийся научный материал может быть признан достаточным для разрешения по крайней мере важнейших проблем. Ибо уже русский ученый, Сеченов, отметил особый тип мышления, свойственный ребенку, который он обосновал не на сознательном усвоении реальности, а на развитии „страстности“. „В начале человеческой жизни все без исключения психические рефлексы имеют характер страстности“. У ребенка „по мере развития конкретных представлений приятные

---

[1]) Настоящий очерк является отрывком из более обширного труда, чем объясняется отсутствие более подробного анализа экономической природы общественных классов и анализа бессознательных способов приспособления вообще.

ощущения от некоторых их свойств сливаются, так сказать, с целым представлением... Целое представление получает, таким образом, характер страстности". Такая „страстность" в ребенке далее „отличается большой подвижностью", и „при дальнейшем развитии ребенка" она переходит уже „на понятия или, правильнее, на те представления, которые связаны с этими понятиями". (Сеченов, „Психологические этюды", СПБ., 1873, стр. 83—89.) Но ребенок в своем развитии лишь повторяет предшествовавшую историю человечества, а дикари и доныне сохранили в значительной степени „дологический" (Леви-Брюль), первобытный, или „мифологический" (Вундт), способ представления и соответственный метод действия. Научные исследования Фрейда и его школы показали не менее убедительно, что такое „мифологическое" мышление и до сих пор свойственно не только всевозможным нервно и душевно-больным (невротикам и наранойкам), но здоровым людям в их так называемых религиозных отправлениях. Последнее утверждает и Джеме в своем замечательном труде о „Многообразии религиозного опыта" [1]).

Мир практических идей менее всего может заставить нас сосредоточиться исключительно на рациональном, логическом познании. Самые факты ставят нас здесь неизбежно лицом к лицу не только с миром художественной фантазии, не и разных мистико-религиозных переживаний. Да иначе оно и не может быть, так как в области действия и борьбы, где требуется сильный порыв воли, страсть и громадная энергия, не может человек ограничиться отвлеченной мыслью, а нуждается в сильном толчке, громадном возбуждении, одним словом, в таком мотиве, который далеко выходит за пределы холодного сознания. Во всех таких случаях разум действует лишь как руководитель и организатор нашего подсознания с его богатым миром не только раздражений, чувств и волевых взрывов, но также практических навыков и приемов. *Мир же подсознания и есть тот источник, запасный склад, а вместе*

---

[1]) Для характеристики поля деятельности нашего сознания, или, как его обозначает Павлов, первной деятельности с оптимальной возбудимостью, он употребляет чрезвычайно меткое сравнение: „Если бы можно было видеть через перепную крышку,—говорит он,—и если бы место больших полушарий с оптимальной возбудимостью светилось, то мы увидали бы на думающем сознательном человеке, как по его большим полушариям передвигается постоянно изменяющееся в форме и величине причудливо неправильных очертаний светлое пятно, окруженное во всем остальном пространстве полушарий более или менее значительной тенью". (Павлов—Двадцатилетний опыт. М. Ц. 1923, стр. 159).

с тем и постоянно взрывчатая камера, которая порождает, с одной стороны, переживания мистики, и с другой—эстетики [1]).

Новейшая психология (Фрейд и его школа) всю область нашей душевной деятельности разделяют на три системы: 1) бессознательную, 2) предсознательную и 3) сознательную. Все эти системы работают по существу над одним и тем же материалом, полученным из внешнего и внутреннего опыта, и все, что имеется в бессознании, стремится, подобно всякому рефлексу, пройти весь путь от бессознания к сознанию и сознательному действию. Но эти системы прежде всего отличаются друг от друга исторически, ибо они созданы человечеством в разные времена существования человечества и *различным влиянием внешних условий*. Первая система есть аппарат, выработанный людьми в наиболее раннюю эпоху их полуживотного существования. Он отвечает формам и видам дикарского приспособления. Вторая и третья система отвечают уже более совершенным общественным формам и приблизительно соответствуют формам варварского и классового общества. А так как труд является основным способом человеческого производства и воспроизводства жизни, то на психологии человека целиком оправдывается то, что некогда сказал Маркс: „Веществу природы человек противостоит сам как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы, в известной форме пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время меняет собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти". (Маркс, Капитал, т. I, стр. 153—154).

И подобно тому, как между различными формами производства ложится в виде грани революционный переворот, который

---

[1]) Подробный анализ подсознательной деятельности мы находим в трудах Зигмунта Фрейда и его школы. Учение этого „моциста" и „материалиста" долго встречало самое отрицательное и враждебное отношение со стороны современной благонамеренной идеалистической психологии и социологии. Лишь после революции оно получило признание. К сожалению, последователи Фрейда во многом извратили его учение и постарались его использовать в определенных идеологических (партийных и классовых) целях. На русском языке произведения Фрейда даны в „Психологической и психоаналитической библиотеке", выходящей под редакцией проф. Н. Д. Ермакова. Там даны и социологический опыт „Тотем и табу" и сборники, посвященные специально социологии, религии и искусству.

резко отделяет различные общественные формы, точно также между бессознанием и предсознанием, с одной стороны, и предсознанием и сознанием—с другой, лежат своего рода цензурные преграды, которые препятствуют проникновению процессов низшей формы мышления в состав высшей. И если каждый человек представляет собой *напластование исторически пройденных* культурных слоев, то, как раз, указанная цензура следит за тем, чтобы дикарское или первобытное мышление было вытеснено в глубины бессознания и не вторгалось в тот аппарат, который выработав новейшим человечеством и является для него величайшим орудием к победе общественного человека над природой. При нормальных условиях остатки первобытного мышления получают возможность проявления лишь во сне, в период детства или во время душевных и нервных заболеваний. Однако это не гарантирует ни массы, ни отдельных лиц от возврата (регрессия) к первобытному мышлению при известных обстоятельствах. Во-первых, изменение внешних условий высоко развитого производства в смысле их падения и разрушения неизбежно ослабляет систему сознания и возвращает нас вместе с материальной разрухой к низшим формам душевной жизни (например, война, стихийные бедствия и революция), а во вторых, при господстве грубого и темного общественного гнета вытеснение излишнего и при данных условиях вредного состава бессознания может происходить в таких уродливых формах, что в конце концов вытесненный состав производит громадные разрушения в психике и дает болезненные симптомы.

На первый взгляд представляется совершенно невозможным, чтобы система бессознания имела какое-нибудь серьезное значение для современности, настолько она, казалось бы, не отвечает современным условиям производства. И в самом деле, согласно характеристике психологов, ей свойственны следующие основные признаки: 1) Она пользуется в качестве главной движущей силы половой энергией и соответственными влечениями—сексуальными в широком смысле слова. 2) Руководствуется для различения и оценки исключительно началом приятного или неприятного. 3) Под влиянием указанного начала совершенно не различает действительного (реального) и несуществующего (воображаемого). 4) Неспособна различать также пространство и время. 5) Обладает способностью передвижки из одной противоположности в другую – ненависти в любовь, мести в самоистязание и т. д.,—так же как способностью постоянной замены и подмены одного предмета

другим. 6) Заменяет материальное действие церемониальным, обрядовым и символическим, так как реальный акт замещает верою в силу идей или мысли. Как очевидно, перечисленные свойства системы бессознания лишают ее какой бы то ни было возможности сорганизовать борьбу за существование и в особенности планомерный труд и производство. Пользование таким мышлением может быть возможно разве только при условиях *полного паразитизма* на кормильце и поильце, как это делают, например, дети по отношению к родителям, да и то еще в раннем возрасте.

Пользование таким „страстным", сексуально окрашенным мышлением возможно, совершенно очевидно, лишь в тех случаях, когда от мышления вообще весьма мало зависит экономическое положение человека. Маркс рисует нам возможность такого блаженного существования там, где „слишком расточительная природа ведет человека, как ребенка на помочах" и „не делает его собственное развитие естественной необходимостью". Таков „тропический климат с его могучей растительностью". Пример: жизнь обитателей „восточных островов азиатского архипелага, где саго растет в лесу в диком виде... Там отправляются в лес нарубить себе хлеба, как у нас отправляются за дровами". Здесь „благоприятные естественные условия дают человеку непосредственно лишь одно—избыток свободного времени" („Капитал", рус. пер., т. I изд. 1920 г. стр. 517). Но приблизительно такое же блаженное существование ведут и те общественные группы и классы, которые уже при классовом порядке паразитируют на других. Это мы можем видеть на судьбе каст, которые „возникают под влиянием такого же естественного закона, какой регулирует, например, распадение животных и растений на виды и разновидности" (там же, стр. 329). Картину подобного паразитизма мы найдем и у тех вырождающихся господствующих классов, которые превращаются в бессильных тунеядцев и сметаются первой революцией. Во всех подобных случаях, говоря словами Энгельса: „чем меньше развит труд... тем более господствующее влияние на общественный строй оказывают отношения между полами", а, следовательно, половые связи, кровные и семейственные интересы и соответственно сексуальное мышление. На этой основе возникает и миф.

Фрейд и его школа, опираясь, с одной стороны, на Дарвина, а с другой—на обширные данные современной описательной социологии (главным образом по трудам Фрезера), пробует вос-

становить при помощи анализа нашего бессознания и тот *первичный конфликт*, который повел впоследствии к образованию религии родоначальника—сначала в виде зверя, а затем светил и человека—и к организации материнского (матриархат), а затем отцовского рода (патриархат). Он предполагает, что первоначально люди бродили небольшими стаями на подобие человекообразных обезьян под предводительством старого самца, который владел всеми женщинами стаи без различия и или изгонял или уродовал (обеспложивал, кастрировал) молодых возмужавших самцов, могущих ему быть соперниками. На этой основе складывается первая „*подавляющая сила*", которая вытесняет первобытное половое увлечение молодых самцов прежде всего к своей собственной матери, а затем и к другим женщинам. Рождается *великий страх* (фобия), почтение и любовь к отцу и предводителю. Но скоро другой страх пересиливает—и это перед дикими зверями. Изгнанные мужчины сначала объединяются для общей охоты и отражения хищников. В беспощадной борьбе за существование скоро перевес оказывается на их стороне. Тогда они восстают против старого самца, убивают и пожирают его. Но так как дележ женщин приводит к новой борьбе и погибели, а мужской союз держится только благодаря боевой спайке, то побеждают те группы, которые, воплотив образ убитого в обожествленном звере (готем), запрещают брак внутри группы и переходят к коллективному браку с другой группой, так что все мужчины одной становятся мужьями для женщин другой (брак „во вне", или экзогамия, табу на женщин своего тотема и счет родства по матери или так называемый матриархат). Последняя форма брака, как известно, была изучена не только Морганом, но и послужила предметом изучения у Энгельса в его известном произведении: „Происхождение семьи, собственности и государства" (ср. весьма интересные гипотезы о роли страха перед дикими зверями в первоначальном создании религии у А. Герасимовича, в его книге „У истоков религии". ИГД, 1923).

По мере того, как росло производство материальных продуктов за счет производства самого человека, возрастало и значение сознания за счет сексуального мышления. Тяжелая борьба за существование и труд вытеснили игру половых страстей в области запрещенного и подавленного. Постепенно на первый план становится познание реального независимо от его приятности или неприятности. Казалось бы, по мере того, как общественный человек все более посвящает себя труду, он должен был бы

расти и в смысле перехода от первобытного мышления к положительному сознанию. Но история труда дает нам трагедию, которую опять-таки никто лучше не изобразил, как Маркс. С разделением труда и расслоением на классы „*происходит отделение интеллектуальных сил процесса производства от ручного труда и превращение их во власть капитала над трудом*". И то, что теряет частичный рабочий—„познание, понимание и воля", „духовные потенции (движущие силы) производства" переходят в руки предпринимателей, руководителей и организаторов, владеющих силами производства. А впоследствии, уже в эпоху капиталистического производства, на-ряду с „общественным массовым трудом, колоссальными силами природы" и „наука" становится на сторону капитала, а не труда. (Маркс, „Капитал", т. I стр. 347—352, 413—419). Таким образом вплоть до последнего времени сопровождающий развитие производства рост сознания приходится на сторону господствующих классов, но отнюдь не трудящихся. Последние поэтому вполне естественно *сохраняют крупные отрезы старого сексуально-миѳологического мышления*, от которого уже избавились члены класса-хозяина. Благодаря Марксу мы уже знаем, до какого умственного падения доводят известные профессии и занятия в классовом обществе („сельский идиотизм", „мануфактура" и т. п.). *Отнюдь нельзя полагать, что физический труд сам по себе безотносительно до его интенсивности, разнообразия и запросов к половой работе, создает чудо сексуального прогресса.*

Однако не надо думать, будто само сексуальное мышление не изменяется под влиянием внешних материальных условий. Здесь играет громадную роль тот *способ вытеснения*, при помощи которого подавляются и пресекаются лежащие в основе половых влечений и бессознательного инстинкта страсти и влечения. Если они проводятся через сознание и осуждаются при помощи разумного и сознательного мышления, они легко изживаются без остатка. Точно так же они могут быть перенесены в другую область и там переработаны. Ведь со времени открытий Штейнаха, Воронова и других мы знаем, что из той же половой энергии мы черпаем все наши творческие силы, духовную мощь и юность. Такой перевод или перенос неизрасходованной половой энергии в другие области деятельности и труда называются в науке „сублимацией". Но ведь в истории мы сплошь и рядом встречаем такие общественные и, в особенности, классовые группы, где, с одной стороны, формы полового общения подвергаются жестокому стеснению, а с другой—благодаря тяжелому внутрен-

нему и внешнему гнету не *открывается никакой возможности перенести излишнюю энергию в духовную работу, самостоятельную инициативу и творчество.* В таких случаях мы встречаемся со своего рода обходным проявлением бессознания, которое проникает через цензуру сознания при помощи целого ряда прикровенных форм и, в особенности, специальной символики. Последняя же произрастает с громадным успехом на половой почве, так как общественные запреты и стеснения здесь свирепствуют с исключительной силой и вынуждают под приличными предлогами и объяснениями прятать недозволенные сексуальные влечения и страсти.

Школой Фрейда в настоящее время уже намечены основные черты тех знаков и обозначений, символов, выработанные человечеством для обозначения различных предметных представлений, хранящихся в бессознательной системе человека, при помощи которых и выражаются ныне всевозможные вытесненные и запретные влечения, чувствования и идеи. Этот язык построен при помощи значительного сгущения наших представлений и их перенесения таким образом, что одни предметы заменяются другими, имеющими с ними или весьма отдаленное сходство, или же даже никакого внешнего сходства. Говорить здесь о какой нибудь точности отражения совершенно не приходится. Никаким логическим законам такая символика не подлежит. Но, как показывают произведенные наблюдения, основные символы обладают громадной устойчивостью и повсеместным распространением. В особенности, поскольку дело относится к обозначению половой жизни, органов половой сферы и половых отношений. Можно без преувеличения сказать, что мы здесь встречаемся с *международным языком*, общим для всех стран и народов. И в то же время этот язык, говоря весьма ясно для нашего бессознания, абсолютно *непонятен нашему сознанию.* Употребление этой символики поэтому вызывает в нашей подсознательной сфере возбуждение, чувствования и даже недоходящие до сознания представления, но в то же время нашим сознанием мы не можем понять ни нашего волнения, ни вдруг появляющихся откуда то странных и неожиданных представлений или идей. Так создается таинственный язык и загадочные формулы, колдовские слова и заговоры, которые могут быть обозначены как мистические[1]).

[1]) Для образца заимствуем у Фрейда несколько мистических обозначений, относящихся преимущественно к половой области, как они проявляются и во сне, где наше бессознание действует без контроля сознания, и в дру-

Выработанная бессознавием символика получает впоследствии широкое распространение, применение и развитие, когда по мере вытеснения жизнью и ее гнетом стала расти та область человеческой и даже общественной деятельности, которая должна была восполнить грезой, бредом и фантазией недостатки действительности. Такова религия. Происхождение ее весьма сложно. С одной стороны, она является просто *первобытной наукой и техникой*, которая работает при помощи бессознания только потому, что не обладает сознанием. С другой—она стала и *первой общественной идеологией*, организующей родовое, семейное и производственное содружество. Но уже очень рано она благодаря работе бессознания стала *прибежищем вытесненной половой (сексуальной) энергии* и использовала для этой цели и сексуальное мышление и мистическую символику. Уже первая трагедия соперничества отца и сына за обладание матерью (по Фрейду) и последовавшее вытеснение кровосмесительных влечений дает при тотемизме целый культ, где воскресший в виде бога-зверя отец требует искупительной жертвы сыновей, примиряется с ними ценою их кажущейся смерти и своего воскресения во внуках и становится таинственным покровителем, на которого переносится детская любовь его поклонников. Впоследствии сексуальные связи кровосмесительного типа не только в более или менее прикрытом виде становятся содержанием всех так называемых великих религий, но и сам культ со своими молитвами, постом и самоистязанием и чудесами получает характер запасного вместилища сексуальных страстей на созданных при помощи сгущения и перенесения отцов, матерей, сыновей и прочих предметов обожания, поклонения, любви, самоотвержения и т. п.

Для нас в настоящей статье сексуально-мистический характер религии имеет значение не потому, чтобы мы интересовались психологией пола и его отражением в религии. Для нас сексуальное мышление и мистическая символика важны как вообще одна из крупнейших систем построения идеологии, которая не только в старые времена, но и сейчас при известных условиях способна затемнять мозги и обладает организованным аппаратом

гих подобных случаях. Так, мужские половые органы обозначаются при помощи огня, ножа, пахаря, зверя и всевозможных режущих и колющих инструментов. Женские—посредством дома, дерева, сундука, яблока и холмистой местности. Половой акт символизируется восхождением на лестницу, на гору, различными видами полета. Роды обозначаются водою, озером, рекою и т. д.

внушения. И в самом деле, само религиозно-мистическое построение оказалось способным к *чрезвычайной широте и захвату многоразличных отражений действительности*. Мы здесь встречаемся не только с своеобразной конкуренцией сознанию, но и с подчинением сознательного, логического аппарата бессознанию в целях известного облагорожения и упорядочения самых чудовищных мистических творений. Уже тотемизм в полном соответствии условиям охотничьего быта олицетворяет предка в самом страстно-желанном и вместе страшном предмете хозяйственного быта—в том или ином животном, звере, рыбе и т. п., а хозяйственно необходимое прекращение охоты на известных животных, хотя бы в известные периоды их размножения, ставится под охрану мистического страха или табу. При земледелии, скотоводстве и рыболовстве то же „страстное" мышление обращается с обожанием к матери-земле, отцу-солнцу (или, как у египтян,—наоборот), воплощает божество в образе быка, а мать—коровы, вводит в мир перепетых сексуальных отношений моря и воду, гром и молнию. Так старая повесть о кровосмесительной страсти сына к матери и соперничестве его с отцом оказывается способной выразить, хоть и в самой нелепой форме, насущные экономические нужды древнего человека. Более того, когда мы находим уже классовое общество и борьбу классов между собою, и тут выступает на сцену спаситель в виде сына, восставшего против отца, совершившего грехопадение, заплатившего смертью или мучениями за свой грех с матерью, пострадавшего за всех „труждающихся и обремененных" и грядущего для водворения всеобщего блаженства на земле в духе первобытного рая.

Религиозные построения представляют собой только частный, хотя и наиболее яркий случай использования мистической символики в более или менее сознательной и логической форме. На самом деле, и история и практика дают нам многочисленные образцы *и применения и развития мистического способа представления* в самых различных областях человеческой деятельности. Как мы увидим ниже, мистика может играть громадную роль в области морали и художественной деятельности. Но не меньше—в науке и философском умозрении. Когда мы читаем о том, что химические соединения происходят вследствие „симпатии" или „влечения" одних элементов к другим, или что в основе мирового процесса лежит любовь (эрос, по Платону), или что инстинктом руководит „симпатия" (творческая интуиция, по Бергсону), мы имеем перед собой не науку или научную философию, но самую

настоящую мистику. С другой же стороны, всегда возможна различная степень прибавки сознательного положительного материала к учению, в основе которого, тем не менее, лежит самое настоящее мистическое (дикарское, сексуальное) мышление и соответственный способ представления. Наилучший пример здесь все же представляет религия, которая, основываясь на сексуальной жажде „отца", может не только переносить неудовлетворенные половые влечения в несколько облагороженной форме на кого угодно и на что угодно, но может и присоединить к мистическому символу божества и целую рациональную надстройку. Вместе с тем совершенно ясно, что, раз получив в свои руки символику бессознательных влечений, представлений и аффектов, впоследствии вполне возможно искусственным путем, особенно при помощи привычки, подражания и внушения, создать уже произвольно такую связь определенных знаков, сигналов и символов с бессознанием, что всякий раз, дергая за такой сигнал, возможно привести в движение и определенные движения в бессознательной сфере. *Мистическая символика таким путем может быть и расширена и развита.* Но, само собой, основным требованием здесь остается связь такой символики с миром бессознательных, а в частности сексуальных переживаний [1]).

Отсюда и весьма просто дается различение символики и понятий, построенных при ее помощи, с одной стороны, и всякой не мистической и особенно разумной и сознательной (рациональной)—с другой. В последнем случае, конечно, мы можем встретиться с различными обозначениями. Мы можем отметить условным знаком нам неизвестную величину или явление. Но в таком случае, тем не менее, мы предполагаем нечто вполне доступное нашему сознанию, хотя еще не вполне раскрытое нашим познанием. Мы можем вообще действовать с какими-нибудь неопределенными даже бесконечными величинами, как это делаем в математике, но опять таки эта неопределенность отнюдь не обозначает собой выхода из мира умопостигаемых вещей и тем более признания вещей, лежащих вне общего закона количественных отношений. Даже если мы обозначаем произвольным знаком или сигналом какое-нибудь действие таким образом, что при появлении данного сигнала (светового, звукового и т. п.) наступает определенное, по содержанию и форме с ним не связанное дви-

---

[1]) Первым предшественником подобной символики является, бесспорно символика условного рефлекса, как она установлена Павловым.

жение (торможение поезда при закрытии семафора), то и здесь в свою очередь, не имеется ничего мистического. Но мы должны предположить наличность мистики каждый раз, *когда символ порождает в нашем бессознании непонятные сознанию представления, непонятные чувствования, влечения и порывы, окрашенные в той или иной степени сексуальным настроением и дающие нам чувство внутреннего, интимного сродства.* Мистический метод представления, само собой, дает затем все свои свойства восприятия и ответа на него, которые мы уже наблюдали выше, т.-е. *отсутствие начала реальности, веру во всемогущество идей, отсутствие логики, определенности, способность слущения и сдвига, подстановки, двусмысленности и прочее.* Под мистическим мышлением мы, таким образом, понимаем такой способ *представления*, при котором *в наше отношение к внешнему миру мы вносим не только наш подсознательный опыт вообще, но при помощи мистической символики вводим в наше мышление сексуально окрашенный опыт и представления и при посредстве их создаем фантастическую картину мира, в которой реальность заменяется произволом, определенным принципом приятного или неприятного.* При таком мышлении исчезает и различие между символом и обозначаемым им содержанием, так как помимо нашего сознания *символ приобретает скрытое для нас значение, и мы склонны самый символ возводить в реальность. Знак становится вещью, наши бессознательные чувства—душою, а действие само превращается в символ. В результате—грандиозное извращение и самообман.* (Анимизм, или анимизм, вообще психизм).

Оценивая теперь более подробно познавательную ценность мистики, а в частности ее способность закрепить за символом определенное содержание, мы приходим к весьма отрицательным результатам. Во-первых, подсознательные переживания здесь настолько не определены и не ограничены, что всегда может произойти подстановка, и под один и тот же символ, знак или сигнал может быть подведен и существенно другой материал, нежели первоначальный. Во-вторых, символ или знак ничем по существу не связан с тем, что он выражает и, следовательно, не дает сознанию ни малейшего представления, а менее всего понятия о соответственном материале подсознания. В-третьих, наконец, здесь даже невозможно какое-нибудь упорядочение формы и содержания, так как при отсутствии сознательного различения и критики символ объединяется со своим содержанием путем чисто механической связи или веры, которая совершенно не различает призрака и действительности, грезы и

факта. При таком положении вещей символ сам легко сливается с реальностью, которая сознается через него, сам легко олицетворяется и, принимая как бы вторую жизнь, этим самым выходит из ряда вещей, подлежащих проверке и контролю.

Отсюда ясна и близость между религиозным миросозерцанием и мистикой. Ибо первое как раз представляет нам использование тех мистических символов, которые потеряли характер знака и сигнала, а сами воплотили в себя те бессознательные переживания, которые с ними были связаны. При мистическом способе познания весьма легко впасть и в другое заблуждение: мир подсознания, раскрытый при помощи мистических символов, сохраняет в неприкосновенности весь тот характер сверхъестественного и чудесного, который присущ ему в отличие от мира естественного. Так рождается мир земной и потусторонний, мир человеческой логики и морали, а с другой—область, стоящая вне всех человеческих законов, а следовательно, и невыразимая область божества. На этой почве уже легко создается и религиозная догма. Таким образом *религия есть не сама мистика, как таковая, а развитие и использование присущих ей свойств в направлении возможного роста символа и символики за счет скрытого содержания их, данного вытесненной сексуальной жизнью.*

Спрашивается теперь, какие классы и группы населения пользуются для выражения своей идеологии столь несовершенным методом, как мистический и, в частности, религиозный. На это отвечают достаточно определенно Маркс и Энгельс в своей характеристике религии, когда они намечают ее общую связь с хозяйственной средой. Основную роль здесь играет высота производства, при чем совершенно естественно дикарскому уровню хозяйства соответствует и дикарское (по Фрейду—сексуальное и мистическое) мировоззрение. Дальнейшим моментом, который также отмечен нашими мыслителями, является степень ощущаемого людьми гнета, который они не могут преодолеть. Источником этого гнета становятся не понятые человеком его собственные силы (пол!), общество и природа. В частности, этим путем преодолевается саморазорванность и самопротиворечие человеческой и внешней природы. В результате получается религия как „всеобщая теория этого мира, его энциклопедическая сводка, его логика в популярной форме, его духовный пункт чести, его энтузиазм, его моральное признание, его торжественное дополнение, его всеобщее основание утешения и оправдания .. Она—фантастическое воплощение человеческой сущности, ибо че-

ловеческая сущность еще не обладает никакой истинной действительностью". „Религия есть самосознание или самочувствие человека, который или еще не приобрел, или уже снова потерял самого себя". „Религия есть только призрачное солнце, которое движется вокруг человека, пока он не движется вокруг себя". (К критике гегелевой философии права.)

Основною предпосылкою здесь, следовательно, надо считать такие условия и такой уровень производства, при котором население, не подвергаясь опасности немедленного вымирания, может пользоваться столь несовершенными методами приспособления, как либидинозное, или сексуальное мышление. Такого рода бессознательное приспособление мы находим в первобытном обществе, где вообще еще не было выработано сознательного отношения к реальности, да в этом и не было особенной нужды. Здесь, так же как у ребенка, принцип наслаждения, фантастика, вера во всемогущество идеи и соответственная магия являются вообще единственным способом, чтобы так или иначе *организовать полуживотное существование*, основанное скорее на зоологической борьбе за существование, нежели на социальной организации. С первобытным человеком, однако, не уходит его мистика. Дикарь застывает надолго в тех же формах. А с установлением классового общества образуются *общественные группы, которые по своему классовому положению так глубоко отмежеваются на нивы рабовладельческого, крепостнического, а впоследствии и буржуазно-капиталистического эпохи, что в значительной степени сохраняют и язык, и идеи, и церемонии первобытного человечества.* Меняется содержание идеологий, форма остается прежняя. Непосредственно из эротики выросшая религия с одинаковым успехом обволакивает быт зверолова, рыбака и пахаря. Оплодотворение зверя переносится на оплодотворение земли, оплодотворение человека на оплодотворение социального божества. Эротика заменяет познание мира и дает непосредственное общение с ним. (Ср. мое „Государство", изд. I. ч. I, стр. 79—82).

Но рядом с этим, так сказать, естественным рождением богов идет и другой процесс более искусственного свойства: растущее давление внешней среды все более сокращает возможность непосредственного осуществления и расходования сексуальной энергии. Под влиянием необходимости устанавливается производственная организация общества, которая полагает строгие пределы половому общению, а в то же время далеко не с надлежащей щедростью предоставляет возможность

перенесения сексуальной энергии в другие сублимированные области. Создается накопление вытесненных аффектов и представлений со свойственным им запасом взрывчатого вещества. И по мере развития культуры и торжества *принципа реальности*, он выступает, прежде всего, не с доводом и убеждением, не с силлогизмом и аргументами, *а со сооружения голой силы, которая первоначально выступает, как стихия и фобящий террор.* Принцип реальности при своем появлении вооружается не логикой, а фобией (страхом). В результате бегство к вторично найденной и обоснованной религии, как к грандиозному аппарату израсходования и истребления излишней энергии, которая не находит себе места в данном организованном процессе производства и воспроизводства жизни. Индивидуальные производительные силы, не находя себе места в производстве и творчестве, создают рядом с действительной жизнью расточительную и трагическую игру, где больше жертвы, чем благодати, самоистязания и убийства,—нежели свободного дара. (Там же, стр. 78—79.)

К религии естественного гнета и социального рабства очень скоро присоединяется религия жречества. Ибо производство идей точно также нуждается в материальной основе, как производство продовольствия. Религия организуется. И то самое сознание, которое, опираясь на реальность, вытеснило из хозяйства магию и из брака—кровосмешение, в сфере религии начинает работать при помощи полного механизма вытесненного бессознания. Здесь, в этом мире, попрежнему отец убивает сына, а сын—отца и женится на матери. Отделенная от трупа душа не только находит старое тело, но и воскрешает его. А ставший через бога сам богом человек одним словом усмиряет стихии, творит мир по своему хотению и создает отнятый у него на земле волшебный парадиз. И для всего этого выделяются волшебники и маги, строятся колоссальные храмы, и ожившие и воскресающие мертвые получают целые области и города. Не умея создавать города живых, люди воздвигают твердыни мертвых. Умирая от голода, кормят покойников и жрецов. Но за это церковные каналы не только отводят в мертвую пустоту целые океаны ненужного труда и изобретения, но и освящают социальное разделение, хозяйственную эксплоатацию, страшный древний закон и политическую власть. Ушедший от жизни источник производительных сил через города мертвых, мистерии и жрецов возвращается к реальным сооружениям хозяйственного и политического быта,

чтобы укрепить их гнет. *Религия-церковь* закрепляет болезнь, на которой построено ее благополучие.

Применение мистики к построению общественной идеологии естественно приводит к целому ряду своеобразных результатов. Прежде всего, конечно, мистически построенная идеология дает совершенно исключительный подъем энтузиазму, чувству и страсти. Символ мистического характера по своему содержанию не способен положить этому напряжению чувства никакого предела. Под один и тот же символ легко подставляются самые различные переживания, которые все при общем взаимозаражении и взаимовнушении достигают необычайного напряжения и высоты. Вместе с тем мистический символ дает полную возможность переходить от одной гаммы чувствований к другой, а этим обусловливается внезапная смена настроений и действий массы. Не удивительно поэтому, что сила религиозного одушевления весьма часто доходит не только до массового экстаза, *но до настоящего безумия толпы*, при чем так называемый *фанатизм кончается совершенной нравственной и логической слепотой*. Нередкий случай также, когда поднятая с самой глубины подсознания волна темных страстей, привязанная к мистическому символу, может настолько укрепиться при частом повторении, что приводит к так называемой *религиозной мании или помешательству*. Во всяком случае, глубина и сила мистически организованных переживаний дает самое высокое напряжение психики, какое только знает общественная жизнь.

Для иллюстрации мы можем упомянуть здесь некоторые исторические примеры. Не заходя в глубь веков, мы отметим религиозные помешательства во время средних веков, когда, например, возник крестовый поход детей, погубивший десятки тысяч этих беззащитных существ не только от голода, жажды и болезней, но и от рук работорговцев и сводников. Отметим средневековую манию флагелляции или самобичевания, охватившую целые области. Еврейское средневековое помешательство, связанное с именем Саббатай Цеви (мессия), демонофобию, или боязнь дьявола с последующими преследованиями ведьм и колдунов, что повлекло за собой опять таки тысячи жертв. В новейшее время напомним особенно американские религиозные помешательства массового характера так называемого „духовного возрождения“, которые, подобно заразе, возникали всякий раз после тяжелых экономических кризисов и бросали к ногам всевозможных пророков, мессий и чудотворцев тысячи и тысячи людей.

Таковы были помешательства 1800, 1815, 1832, 1840, 1857—1858 годов и т. д. На подобной почве вырастают и различные изуверные и членовредительские секты, которые положительно бесчисленны и в европейской и в русской практике (Ср. Сидис. „Психология внушения“, Спб., 1902, стр. 317 и след. Бехтерев. „Внушение в общественной жизни“, Спб., 1908, стр. 57 и след.). При известных условиях мы можем встретить даже нечто вроде „психиатрических рас“ и одержимых помешательством вымирающих племен, практикующих людоедство в качестве религиозного культа. (Крживицкий. „Психические расы“. Спб., 1902 стр. 155 и след.)

Другим свойством мистической идеологии является ее двойственный характер. Эта двойственность связана с амбивалентностью, т.-е. способностью подставлять одну противоположность под другую, или с двусмысленностью. Язык мистики есть поэтому язык иносказания, заумный или колдовской язык. Поэтому здесь развивается чудовищный миф или совершенно бессмысленное заклинание. Даже серьезные общественные и классовые интересы выражаются в притчах и сказках. Условность достигает тут своего предела, и на помощь в виде единственного спасения приходит всяческое *толкование*, а с ним вместе широко применяется *выдумка и догадка*. Даже исторический факт с точки зрения мистики извращается и истолковывается. И в нем прежде всего ищут символ или намек на скрытый смысл. Отсюда всякая мистическая идеология становится *тайной наукой* или *сокровенным знанием*, которое опять таки нуждается в помощи догадки, а следовательно—тайных сил, откровения и озарения. Понятно теперь, что раскрытие социального смысла самой настоящей идеологии, но выраженной мистико-религиозным языком, представляет громадные трудности, и лишь с великим усилием можно раскопать классовую идею под нагромождением чудовищной фантастики, безумных грез, тайных символов и непонятных мистерий. Но эти же черты открывают безмерно легкую возможность подстановки и фальсификации и наполнения определенной классовой идеологии совершенно отрицающим ее содержанием. Этим способом идеология, созданная классом на его потребу, легко обращается ему во вред и становится орудием классовых интересов угнетателя [1]).

---

[1]) Одна христианская догма, наиболее рационализированная религия современности, представляет собой изумительный ассортимент таких самопротиворечивых амбивалентных положений. Любовь бога отца здесь совмещается с его готовностью послать на мучительную смерть своего „невинного“ сына и на адские мучения так называемых грешников; прощение

Своего расцвета мистическая идеология достигает, однако, в тот момент, когда из нее не только вытравливают первоначальное сексуальное содержание, но заменяют его или, вернее, связывают его с отвлеченной формой или идеей. В этот момент идеология становится „чистой" религией. Другими словами, мертвая буква, пустой обряд, шаблонное и повседневное чудо, прикрытые ореолом тайн, получают характер голой механики, организующей послушание как таковое. Благодаря повторению и привычке выделяется определенный состав подсознательных переживаний, и суживается основа мистического напряжения. Повторные внушения еще более закрепляют этот состав за известным символом. Самый символ приобретает исключительное значение сигнала, за которым немедленно следует механическое или автоматическое исполнение. Вся символика переходит в руки техников и профессионалов психической машины, которые и разрабатывают ее в исключительном направлении непререкаемого и незыблемого авторитета. *Мистическая идеология так становится идеологией обнаженного принципа власти, приводит к неслыханной тирании, а вместе с ней к всякой неподвижности.* Чем более обеспечен и поднят над землею символ, тем легче становится он орудием власти, „царствию которой не будет конца" [1])...

блудницы — с запрещением нескромного взгляда на женщину; награда бедным — с заповедью о приумножении имущества богатого; отвержение чуда — с постоянным чудотворением; отрицание насилия — с насильственным изгнанием торгующих из храма; признание свободы — с обязанностью нести покорно обязанности раба и т. п. Желающий легко сам найдет обильные примеры в любом вероучении.

[1]) Недостигаемым образцом подобной тирании не без основания считается орден иезуитов, представляющий собой один из наиболее совершенных технических аппаратов, организованных при помощи мистической идеологии. По предписанию Лойолы, всякий член общества должен видеть в старшем не человека, которому свойственны слабости и ошибки, а самого Христа, т. е. воплощение высшего разума, неистощимой доброты и бесконечной любви, приказания старшего должны быть так же святы, как слова Христа. „Всякий должен быть убежден, гласит устав, что те, которые живут по закону послушания, должны предоставить себя руководству божественного провидения, которое действует при посредстве старшин ордена; слепое послушание требует, чтобы человек превратился в труп, которому можно придавать какое угодно положение, или в посох, которым может управлять по своему усмотрению тот, кто держит его в руках". „Идеальный последователь Лойолы должен не только отождествляться с желанием своего начальника: он должен отождествляться с его мыслями и считать истинным и справедливым все, что начальник думает и приказывает". (Ж. Губер, Иезуиты, рус. пер. СПБ. 1898 г. стр. 30—31).

Религиозные организации, работая на протяжении веков на подсознании человека, а в частности на его сексуально-бессознательной психике, естественно всегда стремились и стремятся не только использовать, но сохранить и укрепить те силы, на которых они вырастают. И с тех пор, когда от мистических учений религии отделилось положительное знание, религиозные организации всех стран и народов стремятся, в противоположность науке, к закреплению темноты и невежества, а научным истинам противополагают свою мифологию (выдуманные были), космогонию (сказание о происхождении мира), теогонию и теологию (учение о происхождении и существовании богов) и подобные „святые" знания. Все эти „знания", само собой, усваиваются не при помощи логической критики и проверки опытом, а путем внушения, которое затем укрепляется подражанием и косностью или привычкой. Громадную роль здесь играет авторитет и слепое доверие. Ибо тут принимают истину не потому, что она истина, а потому, что ее изрекает одаренный благодатью жрец. Организованная религия поэтому необходимо представляет собой сознательно поставленную общественную преграду, которая, сколь возможно, должна удержать людей *в состоянии дикарского первобытного мышления* и помешать им перейти к ясному и точному отражению действительности. Религия задерживает взрослых людей искусственно как бы *в состоянии детства* и, насколько возможно при данном уровне производства и классовом положении определенной группы, тащит ее назад. Даже когда религия пробует воспринять новое содержание, она воспринимает его в мифологические дикарские формы, которые немедленно превращаются в колодки на ногах у идущего вперед человечества [1]).

Но еще больше, нежели в невежестве, религиозные организации заинтересованы в захвате самого источника всякой рели-

---

[1]) Как известно, даже в религиях современного „культурного" и „цивилизованного" человечества, как, например, иудействе и христианстве, до сих пор не только хранится целиком сказочная история об общении избранного народа с богом, бесчисленные и нелепые сказки об исторически нам уже известных событиях, но и своя мистическая космография, физика, астрономия, химия и медицина, где происходят такие вещи, как сотворение „мира" из одной земли и несколько дней, внезапное высыхание Красного моря, остановка вращения земли (Иисус Навин) и невозможные фокусы. Вся эта дичь с величайшим упорством поддерживается „учеными" попами и их поклонниками, так как, естественно, переход к истинно-научному миросозерцанию грозит полнейшим крушением религиозной организации (См. мою книжку «Нужна ль нам вера в бога». Изд. 3-е).

гиозности, а именно половой (сексуальной) жизни. Направление религиозной политики здесь обусловлено самой сущностью дела. И так как религия держится на *вытеснении, подавлении и извращении полового влечения*, то совершенно естественно, что религиозные организации заинтересованы не в том, чтобы половая энергия человека была перенесена в дело творчества, изобретения, искусства или науки, а в том, чтобы она была выдавлена в область бессознаня, хотя бы с последующими нервными и душевными заболеваниями. И если сама жизнь неизбежно вытесняет необузданное половое влечение во имя роста материального производства, то религиозное законодательство дает еще громадную искусственную и вредную надбавку в этой области. Не может поэтому не обратить на себя внимания тот исключительный интерес и широко разветвленная нормировка, которой религии с ранних времен подчиняли вопросы целомудрия, девственности, половых извращений, сексуальных отношений как между полами, так и родителями и их детьми, проституции и т. п. В высшей степени здесь характерна настойчивая и упорная, веками держащаяся у всевозможных народов и в самых различных странах проповедь полного воздержания от половой жизни, которая и является основной предпосылкой духовного совершенства и основанием монашества и подвижничества вплоть до добровольного оскопления.

Вытесненный сексуальный состав затем организуется путем перенесения на другие действительные и воображаемые существа. Такими прежде всего выступают жрецы и священники, которые переносят на себе в виде „духовной“ любви, привязанности, почитания, благоговения и страха все те чувства, которые при нормальных условиях принадлежали бы родителям, родственникам и супругам. Дополнением этого в некоторых случаях является священная проституция (у евреев, финикиян, эллинов), чему параллельно является разврат мужских и женских христианских монастырей и т. д. В некоторых сектах, существование которых под разными религиозными марками насчитывается точно также веками, мы находим самые различные формы полового извращения и разврата, наиболее ярким и „культурным“ образцом которых является американская „миллеровская“ религиозная зараза, когда под влиянием религиозного возбуждения в Нью-Иорке, Нью-Гавене, у озера Онтарио, в областях Медисона и Онейды (в Америке) в 1832 году тысячи людей, охваченных „Великим Возрождением“, вступили друг с другом во всеобщую

половую связь. (Спдпс. „Психология внушения“ стр. 350—351.) Но, конечно, главным предметом перенесенной сексуальной страсти являются всевозможные фантастические и мифические существа, боги, ангелы и святые, на которых и направляется вся другим путем не израсходованная сексуальная энергия. Отношения брачные („небесный жених“, „небесный супруг“, „святая дева“) отношения материнские („святой младенец“), отношения детские („отец небесный“, „матерь божия“) являются вполне достаточным материалом для того, чтобы организовать по их адресу и любовную тоску, и самобичевание, и сладострастие греха, и последующего примирения, и обладания, при чем в последнем случае блаженство духовного слияния дополняется телесным общением с божеством посредством пожирания вмещающей в себе божество жертвы (у христиан—причастие [1]).

Если мы теперь с указанной точки зрения подойдем к религиозно-мистическим организациям, то легко сможем расшифровать и все загадки так называемого культа и его таинство. Здесь мы найдем ряд мер, направленных к воспитанию сексуально-мистического мышления и тесно связанного с ним подсознания. Всеми силами и способами укрепляется тут „истина“ дикарского, фантастического „опыта“. Всевозможными способами насаждается своя особая мораль (не согрешишь, не покаешься), при чем в такой же степени создается „грех“, в какой и неразлучная с ним святость. Но главным содержанием культа бесспорно является поддержка жизненной борьбы, труда и организации при помощи „символических“ действий и мистической игры. Тайна и чудо становятся здесь универсальным средством для бегства из мира действительности и замены его „призрачным солнцем“ выдумки и сладкого самообмана. Труд заменяется колдовством, техника—магией, земная жизнь—потусторонним миром, реальное страдание — сладострастным самоистязанием, практический идеал—сумасшедшей идеализацией, моральная выдержка—фанатизмом обряда, подлинное достижение—восторгом полового общения с бо-

---

[1]) Достаточно ознакомиться с материалом, собранным таким христианским писателем, как Джемс (см. его Многообразие религиозного опыта) и Древсом (Миф о Христе), чтобы притти к бесспорным выводам о преимущественной сексуальной роли религиозного чувства и соответственной организации. Желающих ближе ознакомиться с этим вопросом отсылаю к книжке „Психологической и психоаналитической библиотеки“, посвященной религии, где имеется и моя вводная статья под заглавием „Религия и либидо“.

жеством. С этой стороны культ есть *организация темноты, беспомощности и бегства от жизни при помощи своеобразной практики половою извращения, этого истинного „опиума для народа“*. Но такая организация не только дает облегченный выход вытесненным страстям и заглушенным возможностям, она есть вместе с тем организация самой темноты и слабости, а следовательно длительности и устойчивости полученных в результате уродства жизни болезненных явлений. Это не излечение болезни, но ее закрепление, не борьба с недугом, а его самозащита. И ясно вполне, *что, пока не будет разумно и целесообразно организовано, с одной стороны, материальное производство, а с другой—производство и воспроизводство жизни самого человека, до тех пор чудовище сексуально-мистической организации будет, как вампир, высасывать лучшие соки человечества.*

II. Формально-эстетический способ представления.

После мистического переходим теперь к следующему способу представления и методу идеологических построений, который в общем и целом можно назвать эстетическим или формальным, так как в его основу положено не столько объективное познание внешнего мира, господствующее в нашей сознательной деятельности, сколько *восприятие формальное*, известным образом объединяющее наше сознание и подсознание иногда с большим уклоном в сторону эстетической и моральной символики.

Не надо забывать, что первое усвоение действительности произошло не в результате научно-теоретического акта, который понятен во время высокого развития производительных сил и разделения физического и умственного труда, а, совершенно наоборот, в эпоху крайне убогих производственных орудий, в период охотничьего быта. Человек познавал природу не в кабинете или лаборатории, а в лесу и степи при преследовании дичи. И познавал ее не со спокойствием ученого, а в великом напряжении всех своих способностей и сил *в своем целесообразном* действии и под влиянием острой нужды у себя самого и своих сородичей. И так как его техника была еще весьма слаба, то она восполнялась тем более совершенной тренировкой его тела, которое было первым и самым надежным трудовым аппаратом его промысла. Ловкость руки, верность глаза, обостренность обоняния, а главное—выдержка, сила и быстрота движения были единственным восполнением несовершенства стрелы, метательного

дротика или бумеранга. И точно также в действии, движении и жизни противостоялъ ему животное, за которым он организовывал свое преследование. Ясно отсюда, что не пассивное созерцание, а самое настоящее *действие* было для первобытного человека тем методом или способом, через которое он видел и понимал действительность. *Познание в действии и действием — таков был первый источник его познания.*

Но уже чисто физиологический характер действия живого тела дает ему ряд таких черт, которые не могут не отразиться на самом познании. Ибо, прежде всего, и телу и действию его свойствен *ритм*, который затем вырастает до значения одного из основных моментов трудового процесса. Этот ритм свойствен не только охотнику, но и его дичи, он легко наблюдается и в смене других естественных явлений. Отсюда *такт*, который есть только отражение ритма. Но всесторонняя деятельность охотника ставит требование к *гармоническому развитию его живого инструмента*, а когда одиночная охота сменяется общественным преследованием крупного зверя, то не менее естественно рождается и требование *организованности и симметрии в общем движении и коллективном акте.* А так как исторически этот процесс совпадает с началом войны между отдельными охотничьими ордами или стаями, то является не меньший запрос на организованность и гармонию общих действий в интересах тактики и стратегии борьбы. Возникает организующая власть, хотя и лишенная всякого принуждения. Наконец, все более и более выясняется *начало целесообразности*, которое заканчивает форму строгим соответствием цели и средств. Первый каменный топор, костяное острие и глиняный горшок являются уже достаточным проявлением преображенной человеком действительности, которые проникнуты и симметрией, и гармонией, и целесообразностью. (Ср. К. Бюхер, Работа и ритм. Рус. пер. М. 1923, стр. 22 и след. Плеханов, Основные вопросы марксизма. М. 1922, стр. 51 и след.)

Сюда присоединяется еще одно обстоятельство. Первобытный человек не различал с достаточной ясностью того, что мы различаем теперь в условиях высоко развитой культуры. Он необходимо смешивал магию, игру и производство. А техника, которая, обслуживая чародейство, давала рисунок, пластику и танцы, весьма мало отличалась от техники производственной. Пока главной машиной оставалось живое человеческое тело, подобное различение было почти невозможно. Охота незаметно сливалась со спортом, танец с войной, пластика с колдовством, а косметика

с искусством нравиться и устрашать. Все вместе было связано самым тесным образом с „производством и воспроизводством жизни“. Совершенно правильно по этому поводу замечает Гроссе. „Большая часть художественных произведений первобытных народов возникает вовсе не из чисто эстетических мотивов, но вместе служит какой-нибудь практической целью, и часто эта последняя является первоначальным мотивом в то время как эстетические потребности удовлетворяются лишь попутно“. Отсюда и тот факт, что „главнейшие эстетические принципы эвритмии, симметрии, противоположения, усиления, гармонии осуществляются австралийцами и эскимосами, афинянами, как и флорентийцами“, несмотря на то, что у первых „орнаментика прежде всего развивает технику, косметика и танцы играют важную роль в сближении полов... Косметика, устрашая неприятеля, а поэзия, танец и музыка, ободряя и воспламеняя воинов,— все увеличивают силы сопротивления социальной группы против враждебных нападений другой“. (Э. Гроссе, Происхождение искусства. Рус. пер. М. 1899, стр. 284—291. Бюхер, Работа и ритм. М. 1923, стр. 259 и след. [1]).

Так создается *формальное мышление*, которое вначале обладает всеобъемлющим характером, а впоследствии концентрируется в ор-

---

[1]) Тов. Бухарин в своей книге: „Теория исторического материализма“ (М. 1921) определяет искусство, как организацию чувства или „систематизацию чувства в образах“. Это определение является тем более непонятным, что автор старательно устраняет психологию из своей социологии, ограничиваясь в лучшем случае только упоминанием о психологии, которую он отождествляет с идеологией (?). Таким образом мы остаемся в совершенной темноте относительно того, что автор понимает под „чувствами“ и чем же они отличаются от других переживаний человека, точно так же, как остается неизвестным, какие чувства работают в религии и какие в искусстве. Но определение тов. Бухарина противоречит и дальнейшему его изложению, где весьма много говорится о производстве, но весьма мало о „чувствах“ в. н. с. стр. 215 и след.). Мы остаемся поэтому при нашем определении основного источника искусства, как „переживания нашей активности в окружающем“, при чем мы познаем «не отдельные разрозненные моменты, в которых застывают ничем не связанные частицы явлений, не изолированные моменты наших восприятий, а явления в движении, в жизни, во времени, в пространстве... В основе таких чувств лежит ощущение движения, притяжения и отталкивания, но не мистического, а обусловленного самой индивидуальностью явлений, при чем в каждом отдельном явлении оценивается вместе с тем его форма, выделяющая явление, повышающая и концентрирующая на нем нашу эмоциональность“. (Мое государство, изд. II-ое, стр. 43—45). Искусство есть познание через действие, объединяющее сексуальные разряд и овладение реальностью в формальной символике.

ганизующих по преимуществу отраслях человеческой деятельности. Таковыми до конца остаются производственная *техника*, *мораль и искусство*. Во всех этих областях, практических по самой своей природе, на первом плане стоит не познавпе, а оценка, критика и преображение действительности. Попрежнему здесь перевешивает не природа, а деятельный человек, который противопоставляет реальности свои непосредственные нужды, вкусы и запросы и стремится так или иначе преобразовать, приспособить факты к своим потребностям. В производственной технике он связан более всего, поскольку он не прибегает к помощи мистики и не пользуется волшебством. Ибо победить природу в действительности возможно, лишь обратив на деле одни ее силы против других. Но уже в искусстве формальное начало позволяет ему довольствоваться одной правдоподобностью вместо истинного отражения бытия и воплощать в идеализованном символе образ желанного, которого нет в реальности. Еще дальше возможно итти в морали, так как здесь идеальная форма в качестве последней цели может быть не только отодвинута на далекое пространство, но прямо провозглашена в качестве отрицающей действительность или же недостижимой.

Формальное мышление, практически оправданное при определенных видах производства, как мы увидим ниже, легко становится определяющим для классового сознания некоторых общественных групп. Но само по себе оно никоим образом не может служить гарантией целесообразной организации человеческого общества. Оно постоянно колеблется между игрой и делом, идеализацией и действительностью, утопией и подлинным изобретением. И если, с одной стороны, оно уже соприкоснулось с действительностью в ее наиболее близких человеку формах, то, с другой, благодаря преобладанию здесь человеческих желаний, вкусов, стремлений и страстей, весьма возможна основательная примесь мистики с ее сексуальной подкладкой. Никто не станет отрицать громадной роли формального, в частности логического мышления даже в области строго научного познания. Еще менее можно оспаривать необходимости гармонического сочетания цели и средств в производственной технике. Невозможно без формального мышления поставить и сколько-нибудь общие и отдаленные цели в политике, так же, как в народном хозяйстве, обосновать юридическое толкование или моральное предписание. Одним словом —организовать человеческую деятельность. Но *успешность результата будет всегда определяться одним: данными опыта, воспри-*

нято не мистически и не формально, а при помощи положительного знания, дающего реальность такою, какою она на самом деле есть.

Формальное мышление вырабатывает и соответственный аппарат в нашей психике. Этот аппарат приблизительно намечен в теории Фрейда и его школы под именем „предсознания", как особой посредствующей между бессознанием и сознанием системы, которая, находясь по существу под порогом сознания, в то же время, однако, работает и в целях последующего сознательного мышления. Заключая в себе значительный запас временно вытесненных из сознания представлений, предсознание „создает возможность сообщения между содержанием представлений с целью оказывать влияние друг на друга, создает расположение этих представлений во временном порядке", ставит „испытание реальности и принцип реальности" и организует сознательную память. Что же касается связи между бессознательной и предсознательной системами, то именно последняя снабжает „словесными представлениями" бессознательные „предметные представления" (Психологическая и психоаналитическая библиотека, Основные психологические теории, стр. 157, 171). Нельзя не видеть, что подобная характеристика далеко не отличается ни полнотой, ни достаточной ясностью, и понять предсознание возможно только в том случае, если мы сопоставим, с одной стороны, мистику, а с другой—положительное познание и попробуем выяснить роль и значение предсознания, как особой посредствующей системы, которая, находясь под порогом сознания, в то же время является постоянным проводником и орудием связи между бессознанием и сознанием.

То, что мы видели выше в формальном мышлении деятельного человека, повторяется целиком и в самой работе предсознания. И как там встречается человек и внешний мир, так и здесь, с одной стороны, работает бессознание, а с другой—отражения действительности. Первое дает сексуальные влечения, представления и аффекты, второе—раздражения, ощущения, толчки и представления, основанные на воздействии реальности. Первое олицетворяет, второе опредмечивает. Но здесь не происходит взаимного и полного отрицания одних другими или совершенного вытеснения первых вторыми. Именно в том-то и состоит *работа предсознания, что оно из того и другого материала сооружает нечто новое, чего мы не найдем ни в бессознании, ни в сознании*. Происходит то, что мы уже наблюдали отчасти на деятельности формального мышления. Чувство сексуальное и самосохранения ра-

ботают совместно. Первоначально такое отношение вырабатывается в самой сексуальной области. Человек сначала любит себя, как предмет наслаждения. Затем он также любит предметы доставляющие ему наслаждение. Когда же он затем, под влиянием необходимости, переходит к труду и производству, он переносит свои любовные чувства на свою деятельность и те предметы, которые с нею связаны. Орудия охоты настолько сливаются с охотником, что следуют за ним в могилу. То же впоследствии происходит с орудиями производства в условиях скотоводчества и земледелия. Акт обработки земли прямо уподобляется половому акту. Сама земля, как предмет хозяйства, сливается с землей-матерью. Социальные отношения строятся по типу родственной эротики, и, как показывают новейшие психологические исследования, даже отношения на войне к врагам насыщаются и ненавистью и любовью по образцу сексуального садизма и мазохизма. Чем упорнее и дольше, однако, влияние материальных условий и связанного с ним труда, тем более сексуальные отношения бледнеют и заменяются отношениями более или менее положительной оценки на основании годности, пользы, целесообразности и т. д. Однако, поскольку бессознание примешивается к подобной оценке, оно всегда примешивает идеализацию к подобным, казалось бы, чисто практическим отношениям. *Степень идеализации строго соответствует тому, насколько при формальном познании участвует сексуальное мышление.*

История дает нам достаточно примеров, когда идеализация выступает в своих наиболее уродливых формах: она в эти грубые времена вырождается в настоящую романтику с ее туманностью и безудержной идеализацией, с ее полным пренебрежением к интересам жизни и потерей истинной пропорции между важным и мелочным, целым и частью. И это не удивительно. Такая романтика неизбежно сопутствует определенным хозяйственным условиям и порождается господством пропитанных ею общественных групп. Ведь романтику мы встречаем везде, где имеется резкое расслоение „низших“ и „высших“, где один класс паразитствует за счет другого, где сияют цветы „благородства“ на кровавом навозе „черной кости“. Впрочем, можно различать несколько видов эстетической идеологии. Это зависит от той среды, в которой она развивается [1]).

[1]) Связь между романтической эстетикой и классовой психологией более подробно была мною выяснена в другом моем труде. (Государство, над. I. ч. 1 стр. 34—39, 86—99, 142—178). Тов. Бухарин также обратил внимание

Основной предпосылкой для ее появления должно считать наличность различной и резкой расценки людей и их действий. Поэтому эстетика естественно возникает там, где сама профессия требует резкой градации способностей и призваний. *Военная среда с ее героями и вождями, революционная борьба с ее пророками и подвижниками*, среда научного и художественного творчества с соответственными знаменитостями, *политика*, имеющая своих гениев—все эти сферы жизни дают нам определенные ценности, которые так или иначе находят признание и, в свою очередь, становятся источником не только для построения общественного идеала, но и прямо для мифа, легенды и обожания в среде преданных почитателей. Когда же имеются налицо целые ряды знаменитых полководцев, мудрых судей, великих королей или народных героев, то на этой основе легко складывается идеальное понятие должности или призвания, а соответственная профессия получает обязательный для подражения образец. *Подобные образцы настолько отвердевают благодаря частому повторению и привычке, что, в конце-концов, продолжают свое существование даже в то время, когда условия совершенно изменились и раз принятые фасоны не столько содействуют, сколько вредят общему развитию.*

Особенного развития эстетическая идеология в своем худшем выражении достигает в *сословном и крепостническом обществе*. Помещики - землевладельцы, живущие на спине замученного крестьянства, получают возможность жирной и праздной жизни, посвященной исключительно пьянству, охоте, войне, интригам и взаимному угощению. Их жизнь как бы совершенно отрывается от земной основы и превращается в блаженную сказку. Искусство приходит на помощь этим тунеядцам, и возникает своеобразная крепостическая „культура“ с ее подчас утонченными и извращенными плодами. Нечего говорить, что созданная при таких условиях идеология, поскольку даже в ее корне лежат реальные отношения, принимает характер необузданной фантастики и наполняется то кулачным геройством псарни, то слащавой сантиментальностью барской спальни. *Идеализуется крепостное право*

на поставленный мною вопрос и во многом повторил мое изложение, опираясь на новейшую литературу предмета. К сожалению, он, однако, допустил и крупную ошибку, смешав вместе с Гаузенштейном феодальный принцип эстетики „качества“ с началом „количества“. Ибо характерным для феодализма является именно принцип „качества“, для выражения которого может быть привлечено и „количество“, но отнюдь не наоборот. (Ср. Бухарин. „Теория исторического материализма“, стр. 226 и сл.).

благородного отца над детьми хамской породы. Расцвечивается всеми цветами радуги великое служение отечеству. Обливается слезами умиления лакейская преданность холопа, а торговля живым мясом оправдывается священными правами собственности. И власть, и законы, и нравы сплетаются в целый лес ложных символов, нестерпимых преувеличений и самого наглого презрения действительности. И все это отвердевает на целые века неподвижною и косной массой: чем дальше от жизни, тем тверже идеология.

Но даже такое общество, как буржуазное, далеко не может считаться застрахованным от своеобразной романтики. Эстетика здесь суше и уже проникнута философской мыслью. Но как мы увидим ниже, это нисколько не мешает буржуазии заместить жизнь фиктивным балансом при помощи дутых величин. Правда, здесь мы встречаемся с подменой живого человека выдуманной личностью и с превращением классового гнета в призрачное царство свободы, равенства и братства. В другом направлении, нежели дворянство, ищет капиталист грим и костюмы для своей комедии общего блага и фарса правового государства. Здесь мы уже встречаемся с подделкой науки, с ложью философии, с бессмыслицей формальной юриспруденции и целыми полчищами юристов, журналистов, просветителей и ученых. Но это нисколько не мешает буржуазной романтике строить ее *призраки и фантазмы.* Новейшие образцы революционно-демократической романтики в яркой, почти художественной, форме дает нам Маркс в своем „18 Брюмера". Так „гладиаторы буржуазного строя" заимствовали у древне-римской республики „идеалы", „художественные формы и средства самообмана", их революции полны „драматических эффектов", „люди и события как бы озарены бенгальским огнем, экстаз является господствующим настроением каждого дня", герои же или святые этой эпохи пользуются „величием", которое вытекает исключительно „из преувеличенной оценки их" со стороны окружающих (Собран. сочин. т. 3. М. 1921, стр. 136—139, 193).

Учительницей опять таки здесь оказывается жизнь с ее ударами и разочарованиями и прежде всего в области экономической борьбы. Под влиянием тяжелых разочарований, как никак, приходится отказываться от безразборчивой идеализации, иллюзии и самообманов. Реальная и подлинная нужда глядит прямо в глаза. Поэтому среди идеализованных фигур приходится делать все более и более строгий отбор. Некоторые из них выдерживают

испытания и остаются. Мало того—даже становятся центром, на который нагромождаются дальнейшие, находимые в действительности положительные черты. Так, идеализованная первобытным человеком фигура праотца впоследствии становится в виде бога не только идеальным отражением совершеннейшего человека, но оказывается способной стать вместилищем всех возможных положительных черт, находимых во всем мире. Другие идеализированные явления и лица переделываются в идеальные формы-требования и становятся нравственными заповедями для известных профессий и видов деятельности. Таковы установленные в виде образцов фигуры идеального военачальника, судьи, вождя и т. п. Иные, не выдерживая жизненной пробы в целом, оказываются способными уделить для практического построения какую нибудь отдельную черту или свойство. Некоторые, наконец, не выдерживают вовсе жизненного испытания и или совершенно развенчиваются, или даже получают обозначение „минус" или „нет, не годен".

В этом отношении надо провести резкую границу между мистикой и эстетикой. Первая, как мы уже видели, „амбивалентна", т.-е. совмещает и положительное и отрицательное отношение к предмету, не различая их, но сменяя постоянно друг на друга. Само половое чувство всегда сочетает с нежностью и лаской жажду использования и разрушения. Но *эстетика отличается как раз твердым, иногда доходящим до крайности различением положительного и отрицательного, противопоставляя „да" и „нет" на двух абсолютных полюсах*. Именно такое противопоставление является определяющим признаком для эстетических суждений, как суждений оценочного характера. Ибо без различения годного и негодного полезного и вредного, прекрасного и уродливого, справедливого и несправедливого, благого и злого, истинного и ложного нет и не может быть никакого приспособления внешнего мира к нуждам человека, так же как не может быть и организации человеческого поведения масс и единиц для той же цели.

Все такие противоположения вырабатываются отнюдь не по нашему произволу или в силу стоящих над нами неизменных божественных законов добра и красоты. Как мы видели выше, все эти противоположения суть не что иное как необходимые *мерки или аршины, при помощи коих оценивается практическая годность жизненных фактов для наших потребностей и нужд*. В борьбе за существование мы выучиваемся благодаря тяжелому опыту и великим страданиям ценить одно и избегать другого. И, словно

вехи для этой оценки, мы втыкаем с одной стороны знак с надписью „да“, а с другой—„нет“ или, иначе—„годен“ или—“не годен“. И между этими вехами мы располагаем в порядке практической пригодности различные данные нашего опыта. А впоследствии путем дальнейшей работы и борьбы мы делаем новые различия и разбиваем одну общую мерку годности на множество различных мерок, смотря по роду самой годности; так появляются мерки пользы и красоты, справедливости и добра, здоровья и естественности, истины и правды. И лишь при помощи такой оценки мы различаем предмет. *И эта оценка вносит в эстетику сдерживающее и организующее начало* [1]).

Когда мы поэтому связываем данные подсознательного мира с сознанием, мы это делаем в эстетике уже не произвольно и не случайно. *Добытые нами в борьбе и жизни мерки прекрасного, шаблоны истинного или образцы благого руководят нами в сочетании данных разума и подсознания.* Средством же для объединений того и другого является фантазия, которая подходит к жизни именно со стороны желаемого, годного или идеального, и, таким образом, каждый предмет внешнего мира она познает под углом зрения накопленных в подсознании чувств и стремлений, которые приносят в образ предмета и связанные с ним надежды, и внушаемые им чувства, и вызываемые им воспоминания. Но все это берется в связи с практическими потребностями жизни и в оценке при помощи идеальных „нет“ или „да“.

Намеченные нами мерки, или, как их называют, критерии, по существу являются только подсобным средством для определения годности явлений и предметов для практической жизни. И если даже без таких довольно устойчивых мерок нам не обойтись, так как мы не можем производить оценку, если не прикидываем ценности предмета на соответственную мерку, то, конечно, это вовсе не обозначает, что эти мерки бессмертны и неизменны. Напротив того, такие критерии представляют собой лишь форму восприятия, способ представления окружающего мира. И если даже эти формы более или менее сохраняют общее направление, как приемы нашего разума, *то прежде всего надо отметить постоянную текучесть вливаемого в них содержания.* Добро и зло, истина и красота применяются у разных народов и в разные времена к самым различным вещам, и то, что считается в одном месте

---

[1]) Ср. более подробное изложение в моем Государстве, издан. II, стр. 7—14.

добром, в другом почитается злом и наоборот. Мерки более или менее сохраняются, но между ними помещается самое различное содержание и расценивается весьма разным качеством.

Но и самые мерки или критерии не остаются неизменными. И здесь, по мере накопления опыта и материала, по мере усложнения жизни и ее требований, приходится постоянно изменять раз установленные вехи. Идеал красоты у бушмена южной Африки и у современного европейца совершенно различен. Чувство истины у дикарей средневековья не может быть сравнимо с критическим чутьем современного ученого. Различие между справедливостью, правдой, правдивостью и честностью определяется в сложном обществе современности совершенно иными мерками, нежели в простом укладе первобытной общины. Наша „абсолютная справедливость“ совершенно иная, чем такая же „безусловная“ мерка в древности, и абсолютная „истина“ одного класса резко отличается не только по содержанию, но в своей тонкости, сложности и глубине от такой же „истины“ другого класса. *Все эти безусловные, абсолютные, последние и конечные начала, принципы, критерии, мерки и т. п. находятся в постоянном движении, ибо они не властвуют над жизнью, но служат ей и следуют за ней.* Это только леса возле строящегося здания, которые повышаются по мере того, как вырастают его стены.

Но, конечно, людям, оторванным от жизни, однобоким философам и сторонникам мертвенного порядка, идет на пользу устойчивость указанных нами оценочных форм. Мы не говорим уже здесь о наивных и доверчивых душах, которые и без того склонны олицетворять слова и смешивать предметы с мыслями. Помогает здесь и общий недостаток эстетической мысли, которая, не имея научного понятия, пользуется туманными символами и художественным изображением. И в результате то, что было средством, становится целью, *и все эти критерии и мерки возводятся в ранг великой неприкосновенной святыни*, ей приписывается потусторонее происхождение, а вспомогательная форма нашего мышления возводится в разряд божества. Оказывается, по словам таких идеалистов, что не критерии существуют для нас, а мы для них, и вся наша цель существования заключается в том, чтобы угодить кпким-то абсолютным истуканам „неземной истины, бессмертной красоты“ и „божественного добра“. Этим заблуждением наносится жестокий удар нашему познанию. Оно искусственно тормозится и замедляется в своем развитии. И эстетика, которая

должна дать практическую оценку и помощь жизни, *приводит к ее окостенению и уродству.* [1]).

Но еще хуже то обстоятельство, что все эти формальные критерии, поднятые на такую высоту и снабженные характером безусловности, обладают неотразимым влиянием на наше чувство. Становясь идолами, они теряют свой эстетический характер и приобретают все свойства сексуально-мистического сигнала. При таком обожании этих мерок представляется священным и безусловно обязательным все то, до чего только они коснутся. Стоит приложить только клеймо справедливости к какому-нибудь мелочному и пустячному делу, чтобы оно выросло сразу до громадных размеров. *Стоит во имя классового интереса возвести в ранг абсолютной истины какую-нибудь глупость и нелепицу, как за нее тем легче пойдут на смерть и страдания.* На этом и основан тот прием, который мы часто находим в общественной жизни. Идеологию стараются возможно больше наполнить такими абсолютами—и дело сделано: она получает неотразимый притягательный характер для ее поклонников. Так государство с его классовым порядком и грубым насилием называют „правовым". Самодержавие и деспотизм крестят в веру любви и просвещения. Виселицу ставят под защиту судейской „справедливости", убийство на войне империалистов освещают помазанием „национальной жертвы". И если страшны люди, ослепленные фанатизмом веры, то не менее страшны и отвратительны безумные сутяги, рабы формалистики, жрецы абсолютов. И там и здесь насилуют и убивают жизнь.

В последнем случае мы опять-таки встречаемся с общим грехом формального мышления — с идеализацией, которая, в свою очередь, немыслима, если под то или другое понятие не подставляются приемы мистики с ее слепым напряжением эротического чувства. При нормальных случаях расхождение между идеалом и действительностью преодолевается иным способом. Это расхождение не представляет собой ничего удивительного. В идеале мы имеем высшее объединение (синтез) всех наиболее положительных черт действительности, отобранных нами, а реальность, само собой, менее всего старается об угождении нам в естественном воплощении таких идеалов. Здесь нужна человеческая и об-

---

[1]) Само собой разумеется, что эти и подобные явления совершаются отнюдь не в безвоздушном пространстве и „сами по себе", но там, где имеются надлежащие экономические классовые предпосылки.

щественная и порою весьма напряженная деятельность, которая, так или иначе, воплощает наши идеалы и, таким образом, в среде мира естественного создает мир человеческий—мир искусственный. Создание такого искусственного мира, который носит общее название культуры, зависит от целого ряда причин. *И более всего—от развития техники и науки.* Ибо, чем более развито положительное знание, тем правильнее мы ставим наши запросы к реальности и тем более достижимы наши практические требования или идеалы. Только знание помогает нам произвести между этими требованиями и идеалами настоящую разборку и выделить более отдаленные, наметить ближайшие, поставить их в необходимую связь, взвесить степень их достижимости и установить организацию целей. Только положительное научное знание дает нам точные сведения о находящихся в нашем распоряжении средствах, которые, естественно, тем совершеннее, чем выше рост производительных сил и связанная с ним техническая мощь общества. Но и то и другое в конечном счете обусловлено ступенью экономического развития и уровня производства.

Легче всего примиряются идеальное требование и действительность в области той деятельности, которая называется *изящным искусством.* Здесь все сводится к чисто формальной работе. Смотря по разным видам искусства, мы находим или украшение действительности, которая, таким образом, лишь меняет свой вид, сохраняя неприкосновенной свою сущность, или же дается более или менее материальное воплощение и изображение идеала в художественной символике, при чем опять-таки дальше символа—картины, статуи, пьесы и стихотворения—дело не идет. Или же, наконец, организуется игра, в которой опять-таки дается временное освобождение от нужды и заботы, создается прекрасная иллюзия победы над необходимостью, но без действительного освобождения человека от тяжелых условий борьбы за существование. Без преувеличения можно сказать, *что искусство есть социальное мастерство, направленное к выработке идеальных форм и закреплению их в художественных символах.* Именно искусство первое противопоставляет человеческие требования действительности, судит последнюю с их точки зрения и на отображении действительности закрепляет свой суд. Это есть образ идеализированной действительности, сознательно противопоставленной ей самой. Это есть *доженствование во имя прекрасного.*

Несмотря на такой формальный характер, искусство имеет громадное общественное значение. *Оно освобождает вытесненную э*

тику из мистической плоти и не только снабжает ее ярким опереннем, но и *дает ей нормальный выход благодаря упорядоченным и благообразным формам.* Оно преображает эротику в творчество и поэтическую игру. Так „для получения наслаждения в символической деятельности, при которой главная роль выпадает на долю фантазии, среди вытесненных желаний наиболее подходят сексуальные; у них цель легче перенести из реального мира в фантастический, чем у стремлений, реальное удовлетворение которых необходимо для жизни индивида". И путем такого перенесения художники делают свое дело в борьбе человечества „за усмирение и облагораживание враждебных культуре инстинктов. Когда какая-либо из привычных форм проявления этих инстинктов стареет, т.-е. опускается ниже уровня культуры, и своей предательской фигурой мешает человечеству итти вперед", тогда деятели искусства „освобождают людей от вреда, оставляя им в то же время наслаждение; они переливают старый инстинкт в новую, более привлекательную, более благородную форму" (Ранк и Закс. „Значение психоанализа в науках о духе", СПБ. 1915, стр. 34, 147—148). И, как мы видели выше, такая символика позволяет дать новую форму и весьма существенным видам человеческой деятельности, в частности—в сфере воспроизводства самого человеческого рода [1]).

Пользование данными подсознания при помощи художественных символов дает искусству и другое значение. Как мы знаем, в нашем подсознании и специально в системах бессознания и предсознания хранится громадный коллективный опыт предшествующих поколений, который в известной степени переживается

[1]) Ср. по этому поводу замечательные строки у Энгельса в его „Происхождении семьи, собственности и государства", где серьезное внимание уделено, в связи с развитием всяческой „любви", и поэзии, которая является, с одной стороны, отражением, а с другой—организацией любовных отношений. Так, первая форма половой любви, как страсти, выразилась в „рыцарской любви". И что же? „В своем классическом виде, у провансальцев, она на всех парусах несется к супружеской неверности, и ее поэтому воспевают поэты", у буржуазии „лучшим зеркалом" разных видов любви является „роман", в древности поэты Теокрит и Мосх могут найти любовь только разве у рабов-пастухов, в наше время „любовь знает такую степень интенсивности и продолжительности", что за нее готовы платить самую жизнь; так в эпоху революций и буржуазия пережила „и свою романтику и свои любовные мечтания". (Изд. 1922 г., стр. 46—54). Чем выше была культура и сильнее вытеснение грубой похоти, тем сильнее при благоприятных условиях росла любовная поэзия и романтика.

нами в детстве и во сне. Он далеко не исчерпывается одними сексуальными переживаниями. Этот опыт вместе с тем есть опыт всего человечества, пройденный в развитии культуры. И если не в такой степени, как язык мистики, но все же в значительной степени, *язык образа является по самому своему существу международным и общечеловеческим* (идеограмма). Этим объясняется широкая доступность искусства одних стран другим и роль искусства в качестве орудия общения. Это последнее свойство искусства общеизвестно. Искусство, говоря словами Гюйо, способно „умножить до бесконечности заразительную силу эмоций и мыслей... искусство есть распространение общественности путем чувства на все существа природы“ („Искусство с социологической точки зрения“, СПБ, 1901 г., стр. 52–53). И там, где отдельный член общества с трудом только может установить свою связь с целой организацией, или где, как в классовом обществе, эта связь совершенно нарушена, именно искусство становится орудием того, чтобы чувствовать себя не „простым колесом в машине, смысл которой остается навеки непонятным для него“, но „членом целого“. Здесь на помощь приходит искусство, которое дает, по крайней мере, мираж того, что представляется человеку как „форма и великое значение культурного целого, которому он принадлежит“. Так создается искусство как средство особенно *„интенсивного сообщения“* (И. Кон. „Общая эстетика“, М. 1921, стр. 220—227). Из такого характера искусства проистекает и ответ на вопрос, который в свое время был поставлен относительно способности искусства переживать народы и эпохи, его создавшие. (См. Маркс.— „К критике политической экономии“, введение. М. 1922 г., стр. 32—33). И если, по словам Маркса, произведения древнего искусства „продолжают давать нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недосягаемого образца“, то это объясняется целиком не только близостью искусства к подсознанию, но и недоговоренностью художественной символики: под старые символы мы подставляем новые представления и понятия.

Общественное значение искусства сказывается, наконец, в его воспитательном влиянии *как организующего начала.* Мы видели уже выше, какую роль играет искусство в виде мастерской, которая вырабатывает формы и для действующего человеческого тела, как рабочего аппарата, и для отдельных приемов труда и борьбы, и для упорядочения техники, и для внесения гармонии в соответствие между целью и средствами в производстве. Здесь мы отме-

тим только ту большую работу, которую проделывает искусство в деле выражения основных общественных идей и идеалов для каждого класса и времени. Оно не только с особенным успехом пропагандирует определенные вкусы и учения, но создает *идеальные типы*, обладающие при известных хозяйственных условиях громадной силой внушения. Таковы, например, образцовые и идеальные типы „юноши с нагим и породистым телом" в древней Греции, „экзальтированного монаха и влюбленного рыцаря" в средние века, изысканного придворного в XVIII веке, „вечно ищущего и печального Фауста или Вертера" времен буржуазных и революционных томлений. То же можно сказать и о русских типах Печорина и Онегина, Алеши Карамазова и Марка Волохова, купцов Островского, босяков Горького и т. п. Нет никакого сомнения, что, поскольку эти типы действительно отвечали определенным запросам классовой идеологии, они содействовали законченной организации как отрицательных, так и положительных типов классового общества. Превосходный анализ подобных типов находим мы, между прочим, у Маркса в его „Святом семействе".

Следующей широкой областью применения формального мышления с его оценочным методом и организационной деятельностью является, как мы уже выше отметили, сфера *нравственности и морали*. Как в области искусства, так и здесь мы прежде всего встречаемся с крупной ролью бессознания. Новейшая психология доказала достаточно убедительно наличность сродства между первобытным паническим страхом „табу", бессознательной основой „совести" и тем стыдом-страхом (фобией), который появляется главным образом в случаях обнаружения наших сексуальных влечений, вытесненных под влиянием действия материальной среды. Не надо забывать, что первые антисоциальные проявления жестокости, жажды господства и садизма неразлучно связаны с нашими половыми влечениями, которые до сих пор проявляются как общее явление не только у дикарей, детей и больных, но также и у людей, находящихся во власти сексуально-мистического мышления. Общеизвестна и связь противообщественного садизма с религией, которая на всем протяжении истории славилась безумным расточением производительных сил при помощи жертвоприношений, аскетизма и всевозможных истязаний. Как можно предполагать, именно в сексуальной области произошел и первый бой во имя общего интереса против деспотизма особи, и вполне вероятно, что при переходе от собирания плодов

к охоте на крупного зверя необходимость образования охотничьей ватаги, наткнувшись на противодействие сексуальной власти старого самца, именно в восстании против него почерпнула и первую нравственную заповедь.

Мы уже знаем, что сексуальное чувство амбивалентно, т. е. совмещает в себе, на-ряду с нежностью и обожанием, злобу и ненависть. Поэтому вполне правдоподобно утверждение психологов, которые говорят, что при первом же восстании молодых самцов против старого, после его убийства и съедения, родилось и первое чувство раскаяния и вины, которое есть не что иное как чувство посмертного обожания и любви. Это чувство на-ряду с чувством страха перед мертвецом и боязнью мести с его стороны привело не только к религии праотца и предков, но, в равной степени, к установлению заповедей, которые были на самом деле продиктованы потребностями охоты на крупного зверя и войны, но облечены в форму велений обожествленного зверя тотема), в которого, опять-таки благодаря условиям производства, (охоты), и превратился предок. Важнейшим нравственным правилом здесь, таким образом, стало, с одной стороны, предписание блюсти культ, напоминавший о первоначальной вине и ее искуплении, а с другой—запрет брака среди тотемной группы, что единственно могло тогда защитить братьев-охотников и от тирании старого самца, и от взаимной вражды из-за женщин, и распадения самой производственной группы. Табу в качестве запрета, который в случае нарушения вызвал болезненный сексуальный стыд-страх (фобию), влекущий за собою даже смерть, был как раз страхом перед тотемом, на который опирались его веления. Таково психологическое объяснение происхождения морали, которое до сих пор представляло собой одну из неразгаданных загадок социологии. Только благодаря изучению детей и больных, повторявших в своей жизни пройденные пути человечества, эта загадка могла быть разрешена (См. Фрейда. „Тотем и табу", в указанной выше Психологической и Психоаналитической Библиотеке).

Подобные запреты и веления не могут, однако, считаться нравственными до тех пор, пока бессознательный стыд-страх не связан с идеальными формами человеческого поведения или с идеальными типами человека в данной среде и в данное время. Как мы уже знаем, решающей для подобных форм является наличность таких черт в отдельном и коллективном поведении, которые оцениваются не в силу сексуального пристрастия и ос-

нованной на нем идеализации, но уже в виду соответствия их благу и успеху коллектива. Этот момент реальности и делает данную форму желательной на основании ее положительных свойств, а не фантазии. *Приятное заменяется праведным, честным, благим, полезным. Но совесть сохраняет свой бессознательный характер.* Только под ее защиту ставится совершенно иное содержание. Но так как совесть есть основная сила всякого нравственного поведения, то и построенные при помощи ее нравственные идеи—моральная идеология—отличаются своеобразными чертами: в моральном долженствовании всегда более или менее скрыто ее практическое, целесообразное основание, *и нравственное веление выступает с ореолом чего-то сверхчеловеческого, самоцельного и самосущего.* И совершенно не удивительно, что такие философы, как Кант, признали основным нравственным законом „категорический императив", или такое абсолютное веление, которое требует от человека исполнения долга ради самого долга, т.-е. почти так, как ото делает дикарь со своим „табу" [1]).

Так, в конце концов, из соединения совести, рожденной от сексуального страха-стыда, и требований практически-выработанного идеального образца поведения вырабатывается моральное предписание, которое может быть применимо в весьма широкой области. Сама совесть становится центром ощущения разлада между идеалом и действительностью, „противоречия между собою", „самоотрицания", чего-то вредящего нашему „себячувствованию". Под ее охрану становятся самые разнообразные формальные требования, так что можно говорить о „логической, эстетической, политической совести". Если совесть, с одной стороны, отлично может выразиться в „совести осда", то еще в большей степени она служит для оправдания самых различных групповых и классовых интересов. На ней преимущественно держится орга-

---

[1]) Как правильно замечает Зиммель, характерно для „долженствования" именно очевидное отсутствие целесообразности: „Как раз не полезное, то, чей собственный смысл забыт или затемнен", приобретает благодаря своему отрешению от „живого развития" особое „демоническое очарование... Восприятие нравственного долженствования, безусловного императива возникает у нас именно тогда, когда мы не сознаем в нем никаких условий и мотивов". Отсюда и абсолютный характер нравственного долженствования. Из унаследованных нами животных влечений еще Каутский объяснял „таинственную природу этого закона (совести); этот голос в нас, который не связан ни с каким внешним толчком и ни с каким видимым интересом" (Цитирую по моему „Государству", изд. 2. стр. 9—10)

низация первобытных родовых групп, где еще не сложились права во внутренних отношениях; племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, являлись высшей силой, данной от природы, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мышлении и поступках. Но та же мораль оказалась вполне пригодной и для оправдания эксплоатации одних другими: „что хорошо для господствующего класса, должно быть добром и для всего общества". В результате „каждый класс, каждый род занятий имеет свою собственную мораль, которую он к тому же нарушает всякий раз, когда это можно сделать безнаказанно"... (Мое „Государство". Изд. 2-е, стр. 140—141, где приведены определения совести Липпса, Мекензи, Вундта и Гефдинга. Энгельс. „Происхождение семьи, собственности" и т. д., стр. 65, 118. Его же „Фейербах", стр. 47. Его же.— „Анти-Дюринг", стр. 56).

Останавливаясь теперь на значении нравственности в настоящее время, мы, во-первых, в полном согласии с Энгельсом, должны отметить, на-ряду с классовой нравственностью крупного землевладения и буржуазии, „пролетарскую мораль будущего", которая, по мере победы пролетариата, становится постепенно моралью настоящего. Эта мораль еще при господстве буржуазии „выражала возмущение против этого господства и защищала будущие интересы угнетенных", а следовательно, и наполняла противоположность „добра" и „зла" новым содержанием, которое, по-нашему и закреплялось „совестью", ибо не только у каждого класса, но, и „у каждого отдельного народа самостоятельно развивались понятия о добре и зле, и они изменялись из поколения в поколение так сильно, что часто прямо противоречили одно другому". Энгельс не отрицает вместе с тем, что на-ряду с таким развитием можно было наблюдать некоторый „прогресс" и в самой морали, поскольку он соответствовал общему прогрессу „человеческого познания". Однако полная победа нравственности, понимая под ней вытеснение детски-дикарских „тенденций жестокости и жажды господства", находящихся в тесной связи с половым садизмом (Ранк и Закс.—„Значение психоанализа", стр. 159—160), возможно лишь тогда, когда родится „нравственность, стоящая выше классовых противоречий и всяких воспоминаний о них", т.-е., другими словами, на той ступени развития общества, когда „не только устранится противоположность классов, но вместе с тем и сгладится и ее след из практической жизни" (Энгельс.— „Анти-Дюринг", стр. 55—56).

Вплоть примыкает к нравственности тот вид формально-эстетического мышления, который создан человечеством для специального регулирования и организации хозяйственной деятельности и жизни. В этой области создается так называемое *право* со всеми его особенностями. Сексуальный момент здесь сопутствует, с одной стороны, „ревности", а с другой—жажде господства, мести и мучительства, и сравнительно дольше всего удерживается в уголовном праве с его истязаниями и казнями. В праве имущественном очень скоро организующее влияние получает *процесс обмена с его „уравнительной" тенденцией*, ибо каждый товар является „прирожденным левеллером (уравнителем) и циником", который всегда готов обменять не только душу, но и тело „с кем угодно, согласно своей меновой стоимости, а товаровладельцы относятся друг к другу, как лица, воля которых господствует в этих вещах" (Маркс. „Капитал", т. I, стр. 53—55). Так на равенстве вещей, в которых воплощена воля их хозяев, создается *идея „справедливости"*, которая дает не только равенство товаров в качестве взаимного эквивалента, но и равенство между товаровладельцами, а впоследствии фабрикантами и рабочими, как участниками рынка труда. Неудивительно отсюда, что „справедливость и равенство" стали для буржуа в такой же степени „главнейшими устоями", в какой они взывали вообще к началам права (Энгельс. „Анти-Дюринг", стр. 64—65. Маркс. „Нищета философии", Петербург, 1920, стр. VII). Идеальные типы—юридические маски—здесь чрезвычайно побледнели и свелись к фигурам „заботливого хозяина", „доброго отца семейства", „добросовестного владельца" и, в конце-концов, совершенно безличного субъекта прав, что одарило правовую организацию совершенно исключительной гибкостью и растяжимостью. Как очевидно, и право пользуется всеми приемами формально-эстетического мышления, с которым мы уже познакомились выше. На праве мы сейчас не останавливаемся подробно, так как впоследствии посвятим ему отдельный очерк.

Гораздо важнее для нас отметить здесь те методы формально-эстетического способа представления, которые и в настоящее время оказываются не только полезными, но и чрезвычайно плодотворными. Мы говорим здесь о мышлении, работающем при помощи *технической целесообразности*, находящей громадное применение в области производства. Как мы уже не раз имели возможность убедиться, Маркс придавал громадное значение началу целесообразности. „Всякий труд, по его словам, есть затрата

человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме". „Он не только изменяет форму того, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда". „Сообразно идее и назначению" „целесообразно" потребляются в процессе труда одни потребительные стоимости для создания новых, именно „целесообразная деятельность", „цель труда" специфически отличает один вид производительного труда от другого, ибо „особая форма", „целесообразная форма", присущая „целесообразной производительной деятельности" в труде, „одним своим прикосновением воскрешает средства производства из мертвых, наделяет их душою факторов процесса труда и соединяется с ним в продукты" (Маркс. „Капитал", т. I, рус. пер., 1922 г., стр. 14, 153, 154, 159, 165, 177—178, 509) [1]).

Как видно из приведенных выражений Маркса и Энгельса, ими с особенным ударением подчеркивается „формальная" сторона построения целесообразности. С этой стороны наше учение о формальном мышлении организационного типа целиком совпадает с утверждениями наших основоположников. Вместе с тем

---

[1]) Казалось бы, то значение, которое Маркс придавал началу целесообразности, обязывало теоретиков марксизма посвятить достаточное внимание телеологическим методам человеческой деятельности, а в частности в производстве. Встречаем, однако, нечто совершенно иное. И если не считаться здесь с построениями тов. Богданова, который склонен чисто человеческую целесообразность заменить мировой „организацией", то мы в соответственной литературе найдем весьма мало. Примером здесь может служить глава I книги тов. Н. Бухарина в его „Теории исторического материализма". Здесь автор, подвергнув правильной критике различные теории, которые превращают телеологию в естественный закон мира и общества, ограничивается простым утверждением, что в основе научного познания лежит не телеологическая, а каузальная (причинная) точка зрения. Совершенно верно. Но спрашивается в таком случае, что же надо после этого отбросить целиком точку зрения целесообразности? Очевидно, нет. А если это так, то в каком отношении находится каузальная и телеологическая точки зрения? Где и в каких пределах не только законно, но вообще необходимо применение целесообразности, какими признаками отличается отмеченная Марксом „целесообразно-полезная" метода от целесообразно-бесполезной, от нецелесообразной и т. д. К сожалению, у Бухарина на эти и подобные вопросы мы не находим никакого ответа.

из их изложения мы видим, что указанная „форма“ заключает в себе определенную цель. В качестве таковой является „производство“ или „полезное производство“, или—иначе—прямое вмешательство человека в область материального мира в целях усвоения его сил и средств. Этими целями техника резко отличается от символической и церемониальной техники художества, которые останавливаются на воплощении идеала в отражении, но не идут на реальный захват естественных сил. В такой же степени производственная „форма целесообразности“, отличается и от магии, которая ставит себе подчас весьма материальные цели, но пытается достичь их непосредственно при помощи психической деятельности, основываясь на „вере в идею“. В отличие от магии техника ставит себе не только *материальные цели, но точно так же пользуется материальными средствами* и при помощи человеческого действия противопоставляет одни силы природы другим. Такой материальный характер технической целесообразности приводит необходимо и к такому признанию *принципа реальности*, какого не знает ни художество, ни нравственность; на этом основании может, конечно, родиться и такая мысль,—что-де вообще при использовании целесообразности не нужно никакого формального мышления, и достаточно непосредственно одной системы причинного сознания с ее строго положительным способом представления.

Такой вывод был бы безусловно ошибочным. Действительно, каузальное или причинное познание окружающего есть необходимая предпосылка „целесообразной формы“. Ибо ставить цели без учета действительности значит фантазировать, строить недостижимые и несбыточные задачи и задаваться утопическими целями. Как бы порою ни была та или иная цель отдаленной, но самая ее постановка должна быть оправдана наличием реальных условий, законом естественного или общественного развития (что одно и то же) и столь же насущной необходимостью. Еще в большей степени с реальностью связан вопрос о средствах. Так как, естественно, применение призрачных и просто несоответственных средств для достижения хотя бы реальнейших целей приведет только к совершенно непроизводительной затрате сил и средств и в лучшем случае даст, что называется, „холостой ход“,—цель достигнута не будет. Здесь мы, таким образом, имеем самый настоящий переход к положительному каузальному, или причинному познанию. Но, с другой стороны, это нисколько не может заменить той „целесообразной формы“ и связанного с нею

формального мышления, о котором мы говорили выше. Ибо *при постановке целей мы не можем обойтись без их оценки и расценки, и следовательно, и построения практических идеалов и критериев. Оценка предполагает меру. О ни если уступают другим и являются для них средствами. Измеряется степень нуждаемости, одни потребности выдвигаются вперед, другие отодвигаются назад. Решает уровень производительных сил, но все же „люди сами делают свою историю“.*

То же мы должны сказать и о сочетании целей и средств. Подобный процесс далеко не так прост, как кажется. И если бы не требовалось особого искусства в их сочетании, то дар изобретения не был бы таким сравнительно редким талантом. Известные затруднения представляет уже то обстоятельство, что в изобретении мы имеем дело с таким *сочетанием причин и следствий*, которое или редко встречается в природе, или же в данной форме не встречается вовсе. Не всегда легок и процесс построения целевой формы, так как в нем при превращении причин в средства, а результатов—в цели получается *обратное отражение, в котором теоретически именно цель выступает в качестве причины, а средства — как результат ее воплощения.* Наконец, общее сочетание немыслимо без построения его в идеальном образе или плане, который есть всегда компромисс между нашим запросом и природой, ее естественной формой, которую мы находим в действительности, и той искусственной, которую мы создаем. Все эти обстоятельства усиленно требуют привлечение к работе, помимо сравнительного узкого опыта сознания, еще и широкой помощи подсознания. А в частности,—системы предсознания с ее массой полузабытых и временно отложенных за ненадобностью данных. В этом и заключается указанная Гегелем и цитируемая Марксом *„хитрость“* нашего разума, который в своей „последствующей деятельности“ заставляет „предметы в соответствии с их собственной природой воздействовать друг на друга и подвергаться взаимной обработке“ (Маркс. „Капитал“, т. I, стр. 155. Ср. — мое „Государство,“ изд. 2-е, стр. 15—24).

Так в организации средств труда и его процесса завершается высшая стадия формального способа представления, которое затем проверяется в самом производстве. Тысячи неудачных или даже преждевременных изобретений погибают. Но жажда творчества и энтузиазма изобретения, выросшие из половой энергии, под давлением производственных отношений и вытеснения грубой похоти, зовут вперед и вперед. Человек расходуется не на вос-

произведение громадного потомства, а на борьбу, изобретение и труд. В труде человеческая энергия соединяется с предметом труда. „Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их, как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно, как элементы для создания новых потребительных стоимостей, новых продуктов, которые способны войти как средство существования в сферу индивидуального потреблевия или как средства производства в новый процесс труда“ (Маркс, в. п. с., стр. 159—160). Этим завершается процесс формально-эстетической деятельности, которая рождается в художественном отражении действующего человека, строит идеальную систему ценностей в символах искусства, организует при помощи формального закона поведения—морали и права—действия масс и, наконец, в высшем своем выражении входит как действие в мир материальных явлений. Так заканчивается дуга психологического рефлекса, на обоих концах которой стоит материальный мир.

§ 9. Рациональный способ представления.

„Прежде всего труд, а впоследствии и рядом с ним членораздельная речь явились главными двигающими факторами, под влиянием которых мозг обезьяны мог постепенно превратиться в человеческий мозг... Обратное влияние раввития мозга и зависимых от него способностей—все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и умозаключению—па труд и язык дапало обоим все новый толчок к дальнейшему развитию. Этот процесс развития... различно по степени и направлению у разных народов и в различные времена, местами даже прерываемый попятным движением, в общем и целом могуче шествовал вперед сильно подгоняемый... новым элементом... обществом“. Такое развитие, однако, стало возможным потому, что „мышление и сознание... являются продуктами человеческого мозга, а сам человек есть продукт природы, который развивается в определенной среде и вместе с ней, из чего уже само собой явствует, что продукты человеческого мозга, которые ведь в последней инстанции сами являются продуктами природы, не противоречат

всему остальному в природе, но соответствуют ему". (Энгельс „Происхождение семьи, собственности и государства", прилож. „Труд как фактор эволюции", стр. 128—129. Его же „Анти-Дюринг", стр. 13).

Будучи тесно связан с процессом труда, наш *рациональный способ представления*, однако, далеко не совпадает с тем нахождением целесообразной формы, с которым мы познакомились выше. Он так же, как и наука, рождается из потребности, но целиком не совпадает с ее практическим удовлетворением. Социально этому содействует то обстоятельство, что умственный труд отделяется от физического и не только становится самостоятельным, но даже противостоит ему. Выделяются профессии, а в древности в касты, которые посвящают себя исключительно духовному труду в виде особых „идеологических сословий". Создается целая преемственность культуры и умственного труда. Отдаваясь процессу мысли, человек как содержание, так и форму его выводит „из чистого мышления своих предшественников. Этот человек имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением и не занимается исследованием никакого другого процесса, более отдаленного и от мышления независимого. Такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое человеческое действие основано в последнем счете на мышлении, потому что совершается посредством мышления". У такого идеолога создается „в области каждой науки известный материал, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и проделал ряд ступеней самостоятельного развития в этих следовавших одно за другим поколений". Вывод отсюда ясен — идея определяет бытие, рациональное познание заканчивается идеализмом... (См. Маркс. „Капитал", т. 1, стр. 348—355. „Письма", изд. Адоратского, стр. 309.)

Приведенные положения вытесняют перед нами две стороны того высшего вида разумной деятельности человека, которая выражается в познании. С одной стороны, именно такая работа может дать завершение победы человека над природой, ибо, как мы уже видели выше, только точное познание и ясное сознание могут обосновать действительно целесообразное приспособление, с другой же, как оказывается, и этот, казалось бы, наилучший аппарат захвата материального мира, далеко не свободен от тяжких извращений и перерождения в идеологическую конструкцию. Это заставляет нас несколько ближе рассмотреть тот про-

цесс, который создается обществом сравнительно на поздней ступени его развития при наличности довольно высокого уровня развития производительных сил, ибо наш мозг есть не что иное как одна из *индивидуальных производительных сил общественного производства*. Особенно важен этот вопрос потому, что, соединяясь с капиталом как некоторая самостоятельная сила, наука играет колоссальную роль в обнищании, изуродовании и подавлении класса пролетариев, этих представителей физического труда. Она является одним из наиболее страшных орудий торжествующей буржуазии. (Ср. Маркс. „Капитал", т. I, стр. 353, 664).

Прежде всего, как утверждают современные социологи, умственная деятельность, „столь, повидимому, свободная, заимствует, со своей стороны, большую часть своей силы и определенности и вообще свою способность ясного мышления у предметов реального мира, над которыми она упражняется и образуется и из которых первоначально получает свои понятия, даже самые отвлеченные". И это подтверждается новейшей психологией, где деятельность системы сознания непосредственно связывается с „принципом реальности", вырабатываемым под влиянием материальной необходимости, нужды или „ананке". Решающую роль тут играют: с одной стороны, тяжелые внешние влияния, болезненные удары и претерпевания, которым подвергается живое существо и на которое оно, несмотря на всю силу инстинкта самосохранения, не может немедленно и более или менее быстро реагировать. Ибо размышлять мы начинаем там, где не можем непосредственно действовать. Такое положение отличается тремя основными чертами: 1) Пассивным характером переживания, так как из нормального сочетания раздражение—действие,—в силу внешних обстоятельств, исключается последнее, и психический разряд вместо двигательного обнаружения застревает и затормаживается в мозгу или в лучшем случае вызывает звуковую реакцию. 2) Громадным напряжением инстинкта самосохранения, который обостряется под влиянием воли и тягостных претерпеваний и сосредоточивает на причиняющем страдания объекте всю силу интереса и внимания. 3) В результате—оживлением памяти и воспризнания предмета, так же как подробным его анализом, расчленением, сравнением с другими предметами, сравнением его самого с его частями, сравнением его во времени с его предшествующими состояниями, сравнением общих черт у разных предметов. При повторении таких опытов этот процесс укореняется, торможение действия становится привычным, так же как указанным образом

развивающаяся мысль. И так как при воспризнании ощущается „значение предмета“, что сказывается „в решительной задержке даже тех влечений, которые вызываются простой органической чувствительностью“, „то и сознательно воспризнающие существа имеют очевидную защиту против зла, которое мир может им причинить, и им обеспечены его благотворные влияния“. Что же касается заторможенного рефлекса, то именно он дает, в конце концов, „умение мыслить, думать, рассуждать“ (Сеченов. „Психологические этюды“, СПБ, 1873, стр. 79, 80, 188 и след. Волдуп „Духовное развитие“, т. II. М. 1912, стр. 35—36) [1]).

Совершенно исключительное значение, однако, имеет для мышления речь, которую Сеченов называл *„звуковой фотографией, воспроизводящей при посредстве определенных, но чисто условных знаков расчлененность представлений“*. Появление „словесного образа“ и „словесного определения“ есть результат победы „словесного языка“ над другими формами коллективного отражения действитель-

[1]) А. Герасимович в своей работе об „Истоках религии“ понимает религию как „теорию сознательно-творческого приспособления человечества к явлениям мировой жизни, познаваемой в формах личной сознательной воли“. Такое определение явно грешит не только против фактов, ибо о какой сознательности может идти речь у [illegible]ников тотема, чурингн или современных „святых“, но и против своего собственного утверждения об „эмоциональном“ характере животного и вообще первоначального мышления. „Чем ярче выражен эмоциональный характер мышления,—говорит он,—тем менее развита ассоциативная способность“, и, „чем теснее скована эмоция с жизнью представлений, тем меньше место для ассоциирующей мысли“. Однако же как раз таким характером отличается мысль первобытного человека. Гораздо правильнее рассуждает этот автор, когда он отмечает начало сознательной мысли в том великом переломе, который принесло с собой „отмежевание мысли от эмоции“, а следовательно, с нашей точки зрения, переход от „страстного“ или „сексуально-мистического“ мышления к заторможенной мысли рационального способа представления. И правильно заключает А. Герасимович: „Переживания опасности были для обезьян центром психической жизни, представление о том, что эту опасность порождало, должно было стать центром умственной деятельности. Из бесконечного мира внешних предметов, во всем своем сложном и цветном многообразии, противостоящих нарождающемуся субъекту, первичная мысль должна была извлечь те, с которыми связывалась основная жизненная потребность того времени,—те, которые создавали на земле атмосферу постоянной, все более напрягающейся, все более обостряющейся борьбы за право жизни. Именно они—эти представления об опасном хищном звере—должны были прежде всего осесть в новорожденном сознании, именно они раньше всего должны были окристаллизоваться в ряд центральных сознательных образов, вокруг которых вращалась первичная мысль, от которых исходили и к которым возвращались первые взмахи ассоциирующей умственной работы“ (стр. 36).

ности, вроде „языка жестов“, „барабанного языка“, „языка осязания“ и т. п. Оно обязано этим в значительной степени физиологическим фактам, вроде вертикального положения человека и устройства его нижней челюсти. „Звук, сопровождающий общественный труд, становится словом, а язык, возникая, „как спутник человеческой работы... является действительной составной частью культуры, потому что всякая культура есть результат работы“ (Шурц. „История первобытной культуры“, СПБ, 1910, стр. 651—662). Останавливаясь на значении слова для мысли, мы должны прежде всего отметить, что слово имеет совершенно особенное значение для общения и коллективной связи, ибо оно получает смысл не с того момента, когда оно становится отражением определенных чувств отдельной особи (междометия) или способности повторения или подражания (звукоподражание), но с того, когда оно было воспринято другим существом и употреблено им для обозначения того же предмета, как и первым, мало того, когда это второе существо повторило его при одинаковых условиях и первое поняло его. Другими словами, язык, как орган мысли, получает возможность проверки своей жизни в другом, и, благодаря этому, отдельный опыт особи получает характер не его личного восприятия, но чего-то [illegible] его, внешнего, признанного, объективного (А. Потебня. „Мысль и язык“, Харьков, 1913, стр. 80—81). Такому отрыву слова от предмета и объективному содержанию словесного отражения содействует и звуковой характер речи, который не дает возможности смешивать—по крайней мере, на продолжительное время—знака с обозначаемым им предметом, ибо, кроме звукоподражания, словесная реакция никакого иного сходства с воспринимаемой действительностью дать не может. Конечно, и здесь мы встречаемся с длительным процессом развития, а примесь мистики не раз превращает самое слово в особое таинственное существо или силу, но самый механизм звукового отображения по своей технике настолько отвлечен и лишен предметной окраски, что впоследствии мы это замечаем и на музыке, которая является бесспорно самым отвлеченным искусством в ряду всех других искусств. Звуковое отражение, таким образом, наиболее содействует тому, что человек, творящий слово, с большей легкостью приходит к противопоставлению его действительности, как чего-то от этой действительности особого и отличного. Этим *символ отделяется от реальности*. Наконец, именно благодаря звуковому характеру словесный символ очень скоро, в целях точности описания, лишенного наглядного и образ-

ного отражения, стремится к разложению явлений и предметов на признаки и к отдельному обозначению и самих предметов и их свойств. Характерна в этом отношении первобытная речь, которая непосредственно сопоставляет рядом отдельные предметы и признаки и лишь этим путем добивается их связи в целое (Шурц, в. н. с., стр. 665.)

Все эти свойства языка отнюдь не обнаруживаются сразу. Первоначально имя является живою принадлежностью предмета или лица. Оно обладает магическою силой. Назвать имя предмета значит установить над ним свою власть. Упомянуть имя покойника значит навлечь на себя его гнев и месть. Прежде, чем слово начинает обозначать свойства, оно обозначает звуком обозначенный образ, и рождению прозаической речи предшествует пение, поэзия, рабочая песня. Зачинается слово глаголом, обозначающим действие, или сказуемым, к которому лишь впоследствии присоединяется подлежащее. Но по мере того, как с развитием средств труда и совершенствованием точного механического процесса приспособления природы и к природе работа лишается мистического смысла и эстетического олицетворения, слово постепенно теряет свои мистические и эстетические свойства, оно становится все более трезвым, холодным, объективным и абстрактным. В конце развития от игры к тяжелому, напряженному труду и от дикарского легкомыслия к страдающей заботе—и слово обнаруживает свои замечательные черты. Оно оказывается способным „обозначать не только какое-нибудь единичное определенное воззрение, но множество различных отдельных форм действительности за раз“, „упрощает мир и придает воззрительной действительности такую форму, в которой оно становится доступной нашему познанию“. При помощи выражения „общих представлений“ слово помогает человеку преодолеть „экстенсивное“ и „интенсивное многообразие вещей“, наконец, на высших ступенях культуры язык дает возможность поднять абстрагирующее мышление до самых высших его пределов, разложить на первичные элементы данные созерцания мыслей и чувствований и создать новое их распределение, расчленяя их по сходству и затем сочетая по новым целям“ (Риккерт. „Границы естественно-научного образования понятий“, Спб. 1904. Эббингауз. „Психология“ в сборн. „Философия“, цитирую по моему „Государству“, изд. 2-е стр. 68—69).

Второй ступенью к образованию рационального мышления является *счет и его позднейшее развитие.* Разделение добычи между

участниками охоты у коммунистически организованных племен, счет времени и пространства, а впоследствии счет календарно-астрономический у земледельческих народов—это первые шаги к установлению математического воззрении, которое сыграло громадную роль в сознательном мышлении. И менее всего мы встречаемся здесь с самобытным развитием наших формальных способностей. Как правильно заметил Энгельс: „Понятия о числе и фигуре возникали не иначе как из реального мира... Чтобы считать, нужно иметь не только предметы, подлежащие счету, но и способность отвлекаться при наблюдении этих предметов от всех их прочих свойств, кроме числа, эта способность есть результат долгого исторического эмпирического развития. Как понятие о числе, так и понятие о фигуре заимствованы исключительно из внешнего мира, а не возникли в голове из чистого мышления... Как и все другие науки, математика возникла из потребности людей... но, как и во всех других областях знания, на известной ступени развития отвлеченные от реального мира законы были выделены из реального мира, противопоставлены ему, как нечто самостоятельное, как извне явившиеся законы, согласно которым мир должен двигаться“ (Энгельс. „Анти-Дюринг“, стр. 15. См. также Сеченов, в. н. с., стр. 194 и след.). Так появились „вечные неизменные законы среди запутанного хаоса жизни“ (Шурц, в. н. с., стр. 872). И в настоящее время при помощи „значно-символического мышления“, создавая ряд „операционных понятий“, мы творим „математические дисциплины, в которых с величайшей свободой движутся не относительно простые мысли, а целые груды мыслей и тысячекратно переплетенные связи мыслей“, а в нашем научном мышлении при их содействии мы доходим до „строгих каузальных законов“ (Гуссерль. „Логические исследования“, цит. по моему „Государству“, изд. 2-е. стр. 70).

Из сказанного нами о происхождении мышления и мысли совершенно выясняется ее основной характер. Будучи в основе своей замедленным извне или заторможенным изнутри рефлексом, мышление необходимо приобретает вид *чего-то стоящего вне действия, спокойного и бесстрастного.* На самом деле, конечно, никакого бесстрастного мышления не существует, но между раздражением и действием протекает лишь более продолжительный путь, который дает целый ряд процессов различения, обобщения, ассоциации и т. д. Сравнительно пассивное отношение к давящему на нас предмету, который непосредственно не подвергается нашему

прямому воздействию, но тем не менее заставляет нас ощущать, воспринимать и расчленять его, дает свойство *объективности и независимости* от нашего произвола. А так как хотя „мысль всегда сохраняет в большей или меньшей степени черты своего первоначального образа, т.-е. реального впечатления, но она не фотографический снимок с него“, то „по мере того, как мысль восходит по ступеням, удаляющим ее все более и более от первоначального источника, она становится, так сказать, более и более неосязаемою, от нее как бы отваливается что-то постороннее и, в конце-концов, остается год квинт-эссеяции предмета“ (Сеченов, в. н. с., стр. 197). Другими словами, она получает вид чего-то отвлеченного и от действительности независимого. Словесное выражение мысли еще больше отрывает ее от земли и награждает новыми свойствами. Первоначальное определение „действия“ и связанных с ним „глаголов“ и „сказуемых“ заменяется „именами существительными“ и „подлежащими“; словесные отражения становятся все более неподвижными и застывшими, слова начинают заменять реальные понятия, *и логика слов начинает заменять собой действительное течение событий*. Когда же к формированию мысли присоединяется *математика*, то хотя „все корни математического мышления... лежат в реальностях“ (Сеченов, в. н. с., стр. 195), однако, начинается прямой перенос „умственного дробления с реальных объектов (разумеется, пространственных) на словесный образ или словесное определение материальной точка“, а непогрешимость „математического метода, основанного на крайней простоте материала, получает характер непогрешимости отвлеченной и логической мысли, взятой самой по себе“ (там же, стр. 195—196). В результате „мы, в конце концов, заменяем реальность опыта правильностью логики, закономерность объективного мира—законами умозаключения и получаем *не истинность, основанную на реальности, но истинность как свободу от противоречия*“ (мое „Государство“, изд. 2-е стр. 69).

Опасность превращения рационального мышления в идеологическое построение вытекает из самой природы его. Но она значительно увеличивается благодаря тому, что, во-первых, рациональное мышление часто смешивается с приемами мистического и эстетического, а во-вторых, и сексуальный и формальный моменты принимают известное участие в самом рациональном процессе. Мы уже говорили о том извращении рационального мышления, которое является результатом проникновения продуктов бессознания в область сознания и захвата последнего предста-

влениями *мистического типа*. Подобные построения особенно свойственны религии. Здесь сплошь и рядом мы имеем без критики воспринятые положения бессознания, которые затем подвергаются сознательной и разумной обработке. На этом основана не только известная рационализация, но прямо реалистичность некоторых религиозных систем. „Разумность“ здесь сводится к более или менее логическому и практически целесообразному прибавлению к нелогическим и практически нелепым положениям и к „разумному“ же оправданию неразумных построений. Разобрать в такой системе, где кончается одно и начинается другое, обыкновенно не составляет особенного труда, и всегда возможно пощупать ту закрытую комнату, за двери коей уже больше никакая критика не допускается. (Пример—толстовство.)

Гораздо труднее раскрыть мистическую примесь в тех случаях, когда мы имеем более или менее ловкую подстановку при видимом пользовании и рациональным построением и логическим методом. В таких случаях мистическая символика, которая по существу сама есть прикрытие и затушевывание истинного сексуального содержания, перекрывается вторично при помощи отвлеченных двусмысленных терминов и обозначений, при чем на них переносится более или менее смягченное мистическое содержание. Образцом здесь может служить понятие божества, которое в различных философских системах перекрывается то понятиями „духа“, то „бытия“, то „первопричины“, то высшей „гармонии“, то присущей природе „цели“, то даже „блага“, „правды“ или „красоты“. Все эти отвлеченные понятия или даже формальные мерки и критерии оживляются при помощи скрытой подстановки мистического символа, который истолковывается рационально, но на самом деле влечет за собой привязанные к нему, хоть и в ослабленном виде, но на деле сексуальные переживания —интимности, близости, благоговения, воодушевления и т. п. Легче разоблачаются подобные идеологии, когда употребляется мистическая символика, наприм., в виде „бога“, труднее, когда такой термин прямо не употребляется, но соответствующее содержание незаметно присоединяется к отвлеченному понятию рационального мышления. (Пример—любая философская система идеалистического типа.)

Исторически мистический способ представления предшествовал рациональному, как это мы знаем даже из истории положительных наук. Медицине предшествовало ведовство, и так как в болезни диагноз усматривал действие враждебных человеку

сил, то и лечение, естественно, пользовалось магическими средствами. Но надо отметить, что уже очень рано стали известными такие средства, как массаж, паровые ванны, кровесосные банки, даже нечто вроде прививки. Само собой подобные средства находились чисто эмпирически, опытным путем. Астрономии предшествовала точно так же астрология, так как светилам приписывалось определенное влияние на человеческую судьбу и по ходу планет предупреждали возможную опасность. Сравнительно положительный характер с самого начала приобрела география, которая, однако, не шла дальше ближайшей местности, опять-таки практически наиболее важной. В общественных и гуманитарных знаниях науке об обществе предшествует юриспруденция с ее символикой, миф—истории, гадание—историческому предвидению. И сейчас обращение к подсознанию, а в частности—к опыту предсознания, делает возможным известное воскрешение мистической символики. К сожалению, психический аппарат так называемого „вдохновения", или „интуиции", до сих пор далеко не известен всем, кто им пользуются в научных целях. И простой факт необходимого сотрудничества различных сфер нашей нервной и мозговой системы (бессознание, предсознание и сознание) при научной деятельности порождает среди иногда весьма квалифицированных ученых суеверное представление о сверхъестественной природе творчества [1]).

---

[1]) Уже то обстоятельство, что в самой строгой науке мы не можем обойтись без *догадки или интуиции*, показывает нам наличность связи с подсознанием. Ибо догадка или интуиция есть не что иное как своего рода запрос к материалам и комбинациям, плавающим в нашем подсознании, и более или менее удачное добывание их оттуда. Предметом такого добывания могут быть или просто воспоминания бессознательно воспринятых и сохраненных в подсознательной области предметов и явлений, или неизвестные еще разуму сходство, различия и вообще связь имеющегося в нашем опыте материала, или, наконец, хранящиеся в подсознании истины и положения, которые опираются исключительно на бессознательный опыт. Посредником при этом является научная фантазия, и лишь при ее помощи возможно использование материала, хранящегося в подсознании. Благодаря ее содействию открывается широкая возможность новых путей и новых открытий в науке. Но, конечно, данные интуиции отнюдь не остаются в виде неопределенного пятна под мистическим знаком. Наоборот, они подвергаются строгой проверке при помощи искания новых материалов и постановки новых опытов. Не менее помогает нам *подсознание* при нашей сознательной работе и в том отношении, что оно *в значительной степени смягчает недостатки чисто рациональной работы*. А у рацио (разума) имеются свои определенные дефекты. Во-первых, сознатель-

Рациональный способ представления подвергается, однако, далеко не одному только влиянию мистики. Еще в большей степени на него влияет *формальное мышление* со своими своеобразными приемами. Мы не говорим здесь о том применении рациональной логической мысли, которое мы находим непосредственно в искусстве, связанном со словом, т. е. в поэзии и литературе. Здесь цель художественного познания, в отличие от теоретического, совершенно очевидна. Гораздо опаснее примесь эстетического творчества в науке и философии. В последней мы имеем целые системы миросозерцания, которые построены столь же при помощи художественной фантазии, сколь рационального обобщения (таковы системы Платона, Ницше, Бергсона и др.). Особенного внимания требуют науки общественные, которые и до сих пор в значительной степени нуждаются в помощи эстетики, так как, с одной стороны, не располагают законченностью естественно-научного метода, а с другой,—соединяют в себе цели научного познания и общественной пропаганды. Науки исторические в особенности подвергаются опасности перерождения в произведении искусства. Уже Энгельсом было отмечено, что „в истории общества повторение явлений составляет не общее правило, а исключение“ („Анти-Дюринг“, в. н. изд., стр. 52), а следовательно, здесь рождается необходимость применения того, что мы называем типологическим методом и что в последнее время названо „идиографическим“ (изображающим явление в его индивидуальном своеобразии—теория Вильдевбандта-Риккерта), а отсюда великий соблазн художественного воспроизведения прошлого. (Ср. как образец дикой фантастики на исторические темы пресловутое произведение Шпенглера—„Закат Европы“.)

ное мышление в силу самой своей природы отрывочно и мозаично. Мы можем сразу в одно и то же время мыслить только об одном предмете и в силу этого должны искусственно его уединять или изолировать. В этом отношении нам очень помогает подсознание, постоянно имеющее в своем распоряжении общий живой фон всего нашего опыта с его великим многообразием и богатством переживаний. Во-вторых, подсознание все время сопровождает рациональную мысль потоком живых чувствований, связанных непосредственно с ощущением внешнего мира, и этим спасает нашу мысль от совершенного омертвения и погружения в свойственную ему логическую формалистику, повторение самого себя и бездушную отвлеченность. В-третьих, наконец, именно подсознание снабжает решения и выводы разума тем действенным мотивом, который основан на страсти и страстном стремлении, организуемом при помощи разума. Но вся эта работа должна проходить под строгим контролем сознания, которое все время учитывает свойство подсознания и его способность к заблуждениям

Отмеченное нами смешение формального мышления с рациональным дает еще более разительные результаты, если мы обратимся к той сфере человеческой деятельности, где возникает вопрос не столько о сущем, сколько о должном, где *рациональный способ представления должен притти на помощь практической жизни и помочь ей в ее достижениях*. Во всех таких случаях научная мысль теряет свое спокойствие и объективность. Перед ней уже не стоит ее главный основной вопрос: „Что существует, как движется и почему?“, но она должна помочь ответить на вопрос: „Что должно делать“ или же „Как достичь желаемого“. В этих областях сознательной деятельности наш разум работает не только при помощи логики, но в значительной степени при помощи эстетики и даже мистики. А такое сочетание для него становится весьма опасным и предосудительным. Вопрос о „должном“ или, иначе говоря, о правилах и нормах нашего поведения очень часто не может быть обоснован на точном расчете и столь же точной расценке обстоятельств дела. Напротив того, в тех случаях, когда приходится принимать во внимание более широкий интерес, выходящий за пределы личной пользы и считаться с ходом событий, далеко превосходящим размеры данной минуты и ближайшей обстановки, приходится применять общие правила и законы, которые установлены массами и группами для осуществления задач такого высокого и длительного характера. А так как проверять и рассуждать требует времени, а необходимость заставляет действовать быстро, то и надо принимать существующие правила, как они есть, и исполнять их беспрекословно, как веление высшего „долга“. Разум в таких случаях невольно ограничивается лишь приведением в порядок таких правил, выяснением их основания или указанием их цели. *Здесь он, таким образом, часто играет только служебную роль.*

То же самое мы можем сказать и о применении рационального метода при построении плана или проекта, вообще при суждении о „целесообразном“. И здесь сплошь и рядом последние корни тех или других целей от нас скрыты. Эти цели мы или принимаем на веру, или оправдываем их при помощи подсознательного опыта. И, тем не менее, такие цели, навязанные самою жизнью должны быть осуществлены. И разум подчиняется здесь и проверяет цели разве с точки зрения их достижимости. Более плодотворна работа его в деле проверки и приспособления средств, которые берутся из реального мира, дабы привести к действительному осуществлению поставленных целей. Очевидно,

и здесь *разумная деятельность* но только не может все понять и все охватить, но и по самому существу задается *то проверкою, то контролем, то организационной и, в известной степени, эстетической работой* [1]).

А между тем социальная *идеология как раз состоит в своей главной части из практических правил и законов* и различных подлежащих выполнению планов и служащих для подражания образцов. И лишь с великим трудом в течение тысячелетий человечеству удалось внести свет рациональной мысли и научного обоснования в его мораль и право, религиозные обетования и партийные программы. И до сих пор мы далеко не можем похвастаться тем, чтобы все до конца у нас было ясно, чтобы не было ни сомнения, ни колебания. И ныне мы делаем еще много рискованных опытов, много тяжелых ошибок. Вероятное и до сих пор не стало необходимым, должное еще висит в воздухе без серьезной основы, а наши цели далеко не совпадают с естественно-необходимым. Но еще гораздо хуже другое обстоятельство. Рациональная идеология весьма часто или совершенно не различает *естественно-необходимого и искусственно должного* или смешивает их самым постыдным образом. Желаемое становится только поэтому уже существующим. Эстетически найденные ценности снабжаются без дальнейших оснований всеобщими и необходимыми свойствами. Природе навязываются законодательные права, и под ее законы подводятся измышления человека. И когда кто-нибудь осмеливается возражать против такого переодевания природы в колпак воспитателя или чепец строгой бабушки, то непослушный оказывается нарушителем велений разума и закона естества, святотатцем против августейшей природы или извратителем, идущим против „нормального", „здорового" и „естественного". Забывают при этом, что на деле природа не знает ни добра, ни зла. Что смерть естественна не менее жизни, что по закону природы есть одна только необходимость причин и из них вытекающих следствий. Все же осталь-

[1]) „Желанное совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные себе людьми, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по своему существу, частью по недостатку средств... Действия имеют известную желанную цель; но результаты, вытекающие из этих действий, часто вовсе не желательны. А если они, повидимому, и соответствуют желанной цели, то в конце несут с собой далеко не одно то, что было желательно" (Энгельс. „Фейербах". Стр. 53.)

пое — идеология или техника, должное или целесообразное человеческого поведения...

Рациональная идеология, или рационализм, до последнего времени был господствующей формой организации общества. И это не мудрено. Там, где покупают и продают, а вся хозяйственная жизнь управляется торговлей, необходимо вся идеология торговли ложится и в основу классовой идеи городских торговцев. Борьба за прибыль отдельных хищников, грабительские аппетиты пиратов и ростовщиков, безжалостная эксплоатация крупными собственниками их рабов, клиентов, должников и покупателей— все это необходимо отражается в мировоззрении общества, живущего под знаком торговли. Не надо забывать, что легальная юридически оформленная и мирная торговля только по форме, по совсем не по содержанию отличается от вооруженной торговли и разбоя в одиночку на морях и больших дорогах, производимого в старые времена в целях той же наживы. И если прежде к горлу слабого приставляли нож, то в более культурные времена его с успехом заменяет удушение при помощи голода. И нет разницы по существу между пятьюдесятью процентами древнего ростовщика и десятью процентами современного респектабельного банкира или собственника кассы ссуд. И там и здесь один закон—„каждый за себя и против всех", одна заповедь— „дави ближнего без различия веры родства и заслуги" одна награда—„богатому принадлежит мир".

Купец и ростовщик считают и рассчитывают. Поэтому, естественно, их идеология создается во из мистики или эстетики. Аршин и весы—их классовая идея. Кто не умет считать или поддается разным чувствам, тот будет слабейшим, а следовательно, будет задавлен. *Отсюда необходимость рацио или разума в приложении к бухгалтерской книге. Но разум торгаша не ищет слишком глубоко.* Воспитанный рынком, из него он берет все части своего социального построения. В одиночку борется он с другими одиночными хищниками—и человеческая одиночка (индивидуум) полагается в основу угла. Свобода грабежа и торговли—его драгоценнейшее право, и все индивиды становятся равными и свободными. Над рынком властвует стихийный закон цен,— отсюда „естественный порядок и справедливость". Вся хозяйственная жизнь находится в подчинении у капиталиста, и частная собственность провозглашается законом разума и природы. И как бы впоследствии ни дополнялись и даже изменялись части этой системы, до конца в своей основе она осталась неприкосновенна.

(Ср. мое „Государство“, изд. I, часть I, стр. 41—44, 99—106, 178 и след.)

Борьба против узкого рационализма была невозможна в XVIII веке. При слабом развитии естественных наук тогда господствовал или идеализм, или механический материализм. И если даже рационализм в этой своей форме стремился к положительному познанию реального, то он не мог постичь его. Он „заменяет вещь—словом, действительность—понятием и суждением, эмпирический закон—априорным суждением или аксиомой“. Не имея достаточно „данных положительного научного опыта“ он восполняет „пробелы мысли и бытия метафизическим, иногда просто терминологическим материалом“, строит фантастические классификации и, применяя математику, превращает весь мир в неподвижную математическую формулу. Такая „логистика“ держалась очень долго. Еще в 50-х годах XIX века „люди, взявшие на себя в Германии роль разносчиков дешевого материализма“ продолжали игнорировать как успехи в области положительной науки, так и прогресс исторического развития. (Ср. „Энгельс. Фейербах“, стр. 36—38, мое „Государство“, изд. 2, стр. 76—78.) В основе всех таких положений лежит опять-таки *преувеличенная вера в формальные стороны мышления* и убеждения, что при помощи чистой логики, строгого соблюдения законов тожества и противоречия возможно безошибочно найти самую безусловную и последнюю истину. Как будто мало было построено до сих пор логически безупречных нелепостей.

К счастью, еще во время господства буржуазной идеологии наступил спасительный поворот. И подобно тому как развитие производительных сил при системе товарно-капиталистического производства привело к крушению буржуазию, работающая вместе с производством наука сделала ряд открытий, которые позволили поставить рациональный способ представления на твердые основы и устранить из него его главнейшие пороки. Во-первых, отметим здесь *обращение к опыту и наблюдению*, к внимательному исследованию положительного материала, к изучению действительности. Это обозначает замену отвлеченных истин и положений, принимаемых на веру, из которых затем выводилась действительность, положениями, которые получались путем критической проверки и изучения фактов в строгом соответствии с данными опыта и наблюдения. Благодаря этому *мысль из рациональной стала положительной, или позитивной*. Вторым крупным приобретением теории было установление *понятия развития*, которое заменило собой

прежнюю точку зрения на мир, как нечто неподвижное или, в лучшем случае, подверженное круговращению во времени. Изумительные успехи естествознания показали нам с совершенной убедительностью, что буквально все движется, растет, вечно преображается, творит тысячи новых форм и явлений и дает картину непрерывных изменений. Ввиду этого рациональный способ представления получил новый характер, *он стал эволюционным*. Наконец, в третьих, этот способ представления должен был пережать еще один удар. Благодаря мыслителям, ставшим на сторону нового общественного класса—пролетариев,—была сломана неподвижность формальных рамок между „да" и „нет", абсолютной истиной и заблуждением, как их создало практическое мышление старой эстетики и логики, и на их место была поставлена *„диалектика"*, которая не только обнаружила условный и формальный характер этих „противоречий", но и доказала, что в действительности *жизнь неизбежно складывается из таких противоречий* и в своем течении стирает все эти внешние формальные рамки. Величайшую заслугу в теории исторического материализма, основанной Марксом и Энгельсом, составляет как раз установление и развитие *диалектического метода* в общественных и частью естественных науках, благодаря чему навсегда исчезла из науки роковая пропасть между „качеством" и „количеством", „между добром и злом, истиной и заблуждением, тожеством и различием, необходимостью и случайностью". С этим же вместе „раз навсегда утрачивает всякий смысл спрос на окончательные решения и на вечные истины".

Благодаря последним открытиям сделан колоссальный шаг вперед от рационализма к положительному знанию. И опять-таки, как это было и до сих пор, такой успех был результатом развития производительных сил, сделавших науку одним из могучих двигателей победы над природой и, связанным с этим развитием, классовой борьбы. Как нам известно, до сих пор *наука развивалась в тесной связи и отчасти под покровом классовых учений и идеологии*. Каждый класс, создавая идейную оболочку своим интересам и организационным формам, в то же время добывал и ряд истин, которые затем ложились в основу общего прогресса теоретического знания. То же повторяется и сейчас. Диалектический метод, дающий завершение опытному знанию, оказывается тесно связанным с миросозерцанием пролетариата, который благодаря этому делает еще шаг вперед в деле обоснования точной науки. И надо заметить, что рабочий класс по самому своему

производственному положению специально связан с успехом положительной науки. Для него техника, а вместе с тем и точная наука есть воздух, которым он дышит и с которой он работает. Пролетариат, далее, и в том отношении оказался подготовленным к научному мировоззрению, что в своей экономической борьбе за классовый интерес он мог всегда изучить на себе с величайшей точностью значение и силы экономического развития, и форм производства. И если техника непосредственно наложила свою печать на рабочие руки, то экономика сформировала его мозг и сердце. Но, более того, рабочий на истории своей освободительной борьбы убедился с неменьшей очевидностью не только в наличности самого течения исторических условий, но и в постоянном поступательном ходе общественного развития. При помощи стачек и баррикад, парламентской борьбы и революционных вспышек он убедился в том, что ничто не делается сразу, что история сама постепенно готовит ему пути, что последний удар может быть нанесен лишь тогда, когда хозяйственное развитие принесет ему навстречу свой девятый вал.

Вот почему *пролетариат построил свое миросозерцание на строго-научном учете событий*, взвесил свои интересы и социальные ценности с определенно-классовой точки зрения и основал свое действие на строгом плане сознательно поставленных целей и точно приспособленных средств. И если нельзя отрицать, что в программе пролетарской революции имеются кое-какие остатки непроверенного долженствования и дутых символов прежних времен, то во всяком случае она представляет собой громадный шаг вперед на пути приближения идеологии к жизни и возможного сокращения мистико-эстетических приемов. Характерно, что именно на время пролетарских революций приходится и то грандиозное разоблачение всевозможных идеологий, которое начато в общественной науке марксизмом и продолжается сейчас в ряде отдельных наук. Выше мы привели разбор отдельных исторически-сложившихся способов представления и связанных с ними методов мышления. Теперь мы можем понять и самую природу идеологий, которым Маркс и Энгельс посвятили столько внимания.

И в самом деле, как мы уже видели выше, идеологическому мышлению свойственны следующие черты: во первых, оно есть мышление неверное или, иначе, дающее неверное отражение действительности. В этом нет ничего ни странного, ни удивительного, ибо при известной слабости разума и сложности тех фак-

тов, которые подлежать усвоению, всегда возможны и необходимы ошибки и самые добросовестные заблуждения. Во-вторых, такое мышление дает порой двойное и тройное отражение. Это уже более удивительно и не может быть объяснено при помощи указания на такие естественные ошибки. Здесь уже может действовать и страсть, и подражание, и внушение, и косность, примеры которых мы видели неоднократно в истории общественного сознания. Тут уже необходимо мы встречаемся с вопросом о роли подсознания, который более или менее удовлетворительно разрешается современной наукой. Но самым темным местом до сих пор было то третье свойство идеологического мышления, которое выражается не только в его полном отрыве о действительности, но в способности к самостоятельному существованию в качестве отдельного существа, более того, способности рождать дальнейшие подобные же идеологии. Загадка последнего явления до сих пор не была разрешена. Лишь достижения новейшей психологии дают нам возможность ее разрешить.

Различение типов сексуально-мистического, формально-эстетического и рационально-понятийного способов представления дает нам ключ к идеологической тайне. И если мы даже имеем сознательное мышление, направленное на постижение внешнего мира, мы неизменно получим идеологию всякий раз, когда в деятельности нашего разума в известной степени будет примешиваться мистика или эстетика, сексуальные или формальные моменты. И если признаком идеологии является способность ее превратиться в нашем сознании в самостоятельное существо, то именно мистика с ее одухотворением призраков и эстетика с олицетворением идеалов обусловливают превращение представления или понятия в нечто живое и от нас независимое. Пояснять специально идеологический характер религии не приходится, настолько очевидна тенденция мистики к образованию вне человека находящихся бесов, демонов, ангелов и богов. Необходимо здесь только подчеркнуть значение формального мышления. Независимое бытие художественного произведения, которое живет своей особенной жизнью, также общеизвестно. Вряд ли кто будет спорить и против идеологического характера морали, так как и там совесть обыкновенно получает значение какого-то голоса в нас или даже независимого от нас существа, подчиняющегося своим собственным законам. Для права подобное же значение приобретает принцип справедливости, а в силу этого право по самому существу становится в ряду идеологий. В государственной организации как

„идеологической силе“ в качестве независимого от людей существа выступает идея высшей власти (суверенитет) или даже само государство в качестве не то организма, не то личности, не то нации, народов и так далее. Во всех подобных случаях совершенно скрывается техническая целесообразность и социальная необходимость за такими самоцельными сущностями, как „закон“ „власть“, „право“, „справедливость“. И, как показал нам Маркс на примере экономических понятий, здесь вполне возможно образование фетишей вроде товара, который олицетворяет в себе основные отношения товарно-капиталистического производства.

Во всех указанных случаях нашим спасением является знание психологии мышления как коллективного акта производителей и критика, которая должна старательно разграничивать область веры и знания, видения и факта, мистики, эстетики и науки и, наконец, опыт и строго поставленное наблюдение. Задача эта трудна и громадна. Но этим смущаться не следует, как в свое время сказал еще Энгельс: „Нам вовсе не следует приходить в ужас по поводу того, что та ступень познания, на которой мы ныне стоим, столь же мало окончательна, как все предшествующие. Наша наука уже охватывает громадные материалы и требует очень значительной специализации от каждого, кто хочет освоиться с какой бы то ни было ее отраслью. Тот же, кто предъявляет критерий действительных неизменных окончательных истин в последней инстанции к таким знаниям, которые по самой природе вещей либо должны оставаться относительными для долгого ряда поколений и лишь понемногу достигать совершенства, либо же... должны навсегда остаться неполными и незаконченными, благодаря недостаточности исторического материала,—тот доказывает свое невежество и превратность своих понятий“ (Энгельс. „Анти-Дюринг“, стр. 53 — 54). Наука, за которую борется пролетариат, не есть какая-то особая „пролетарская“ или „красная“ наука, которой до сих пор еще не было, но это есть истинная положительная наука, очищенная при помощи диалектического метода от старых классовых идеологических примесей и наростов.

И лишь при помощи такой науки возможно ввести необходимые поправки и в мистику и в эстетику. В области первой сознание уничтожает самую основу мистического мышления, так как раскрывает его корни в сексуальной жизни человека. Только сознательный анализ выявляет скрытые запасы вытесненной половой энергии и, подвергая эти влечения открытой и пря-

мой критике, навсегда прекращает возможность их нового воскрешения. Лишь при помощи научно построенной психологии оказывается возможным и раскрытие тайны религии, которая обволакивает коллективный опыт и социальные нормы чудовищами сексуального бреда. Только сознание, опять-таки, проверяет художественную правду истинной действительности и ставит предел разнузданному воображению. Точно так же одно сознание реальности возвращает слепое долженствование этики к жизненной необходимости, и бессознательный мотив долга заменяет убеждением в целесообразности. Наконец, сама целесообразность только при помощи системы сознания устанавливает не только практически достижимые ряды целей, но и планы реального вмешательства в жизнь внешнего мира. Так создается сознательная организация общества и его жизни, начиная с техники и экономики и кончая разумной постановкой брака, евгеники (техники производства здорового потомства), педагогики, политики и так далее. Во всех подобных случаях техника сменяет старую идеологию и бессознательное приспособление. *Разум не убивает ни пола, ни семьи, ни этики, ни искусства, но он заменяет идеологию наукой и техникой.*

М. Рейснер.

II.

Стенограммы докладов, читаемых в Ком. Академии.

„Теория относительности Эйнштейна и махизм“.

(Доклад т. Тимирязева [1]).

Смирнов, В. М.

Заседание Социалистической Академии объявляю открытым. Слово имеет тов. Тимирязев.

Тимирязев А. К.

Мой сегодняшний доклад, товарищи, если не ошибаюсь, является первым в целом цикле докладов, которые были намечены нашей Академией или, выражаясь точнее, ее секцией научной методологии. По выработанному плану у нас предполагалось, по крайней мере на первых порах, не делать таких докладов, которые бы являлись результатом какой-нибудь длительной научной работы. У нас предполагалось поставить в первую очередь доклады, которые служили как бы стимулом для дальнейшей научной работы, служили как бы вызовами. Я думаю, что после моего сегодняшнего доклада у нас откроются прения, и, надо полагать, в значительной степени ожесточенные: на меня будут жестоко нападать, и если в результате этого обмена мнений кому нибудь придет в голову заняться тем вопросом, который стоит у нас сегодня в порядке дня, более серьезно, если в результате наших прений кто-нибудь возьмется написать серьезную книгу на эту тему, — то я буду считать, что свою задачу я выполнил. Теперь, переходя к самой теме доклада, я должен сказать, что, прежде всего, мне придется сделать две оговорки. Я не думаю вас утомлять длинными выписками из появляющихся теперь в большом количестве статей, где обсуждается вопрос об отношении принципа относительности к махизму—к учению Маха. В настоящее время не только в специальной философской литературе, но и в наших физических журналах эта тема затрагивается довольно часто, в этой области ведутся большие споры. Одни, например, считают, что Мах отрицательно относился к принципу относительности, и базируются на том, что в последние годы своей жизни он сам высказал свое мнение по

[1] Заслушан 7.II 1924 г.

этому поводу: он сказал, что принцип относительности его не удовлетворяет. Другие авторы стараются показать, что Мах здесь ошибся, что, когда он говорил эти слова, ему было уже за 70 лет, словом, это был не тот Мах и если бы он был в это время помоложе, то он сказал бы совсем другое. На эту тему идут длинные разговоры и препирательства. Кроме того, я должен сказать, что всевозможные философские направления спорят между собой за честь взять к себе Эйнштейна, а Эйнштейн, повидимому, со всеми соглашается. Когда один философ заявляет, что его система лучше всего подходит к принципу относительности, то Э. отвечает, что он сам всегда так думал. Когда приходит другой философ и говорит ему на ту же тему, — он и с ним соглашается. Я думаю, однако, что останавливаться на этих явлениях не стоит, потому что вообще основывать свои суждения на мнениях людей, когда они сами про себя говорят, —занятие в достаточной мере бесполезное. Гораздо лучше будет подойти поближе к самой работе Эйнштейна и посмотреть, что нужно было сделать для выполнения этой работы? каких определенных философских взглядов нужно было придерживаться, чтобы построить теорию относительности? или, может быть, в данном случае можно было обойтись без всякой специальной философии? С этой именно точки зрения я и хотел бы подойти к поставленной теме, мне хотелось бы показать вам, что для выполнения своей работы Эйнштейну необходима была вполне определенная теория познания, которая очень близка к теории познания Маха. Я надеюсь доказать, что эта теория познания ему была необходима для того, чтобы сформулировать свой основной принцип, — всеобщий принцип относительности. Но вот здесь сейчас же мне придется сделать и вторую оговорку. Мне многие, я думаю, уже готовы возразить: как вы хотите доказать, что именно Эйнштейну было необходимо в процессе его работы, не пользуясь при этом высшей математикой? Всякому известно, что теория Э. состоит из очень стройной, очень хорошо продуманной системы уравнений. Для того, чтобы изучить эту область, надо изучать специальные отделы математики, так называемое тензорное исчисление, и что если мы всей этой подготовительной работы сами не проделаем, то нам не удастся понять и смысла всего исследования, не удастся понять как следует принцип относительности. Я думаю, однако, что это возражение не трудно отбить, не трудно отбить потому, что в классическом мемуаре Э., который был напечатан в Annalen der Physik. Band 49, 1916, имеется § 2, в котором излагается основа теории познания Э. и излагается путь, идя по которому Э. пришел к самому основному положению своей теории. Таким образом сам Э. нам показывает, как для того, чтобы притти к этой мысли, совершенно не нужно было никакой математики. Он просто ставит известную задачу, которую дальше нужно решить математически, и мы отдадим ему полную справедливость, что математически он ее решил блестяще, но это не избавляет нас от необходимости про-

анализировать тот путь, идя по которому он пришел к тем основным посылкам, из которых выросла вся его математически великолепная теория. В сущности, почти весь мой доклад будет состоять в том, что я вам изложу две страницы его мемуара, при чем некоторые места я приведу в подлиннике, а кое-что могу передать и „своими словами", потому что самая формулировка в этих частях ничего особенного не представляет. Таким образом я предполагаю начать с изложения теории познания Эйнштейна в той форме, какую он сам ей придал.

Эта теория познания умещается на нескольких строках, но о ней придется говорить нам целый вечер, придется возвращаться к этим строкам не раз. Начинается этот знаменитый 2-й § следующей фразой: „Классическая механика и в неменьшей степени специальная теория относительности обладают недостатком, с точки зрения теории познания, на который Мах, повидимому, первый обратил внимание". Таким образом вы видите, что сам Э. указывает, что ему пришлось итти по пути Маха. В чем же состоит этот недостаток, которым обладает специальная теория относительности, им самим созданная, а также и классическая механика Ньютона? Для этой цели Э. обсуждает следующий простой пример. Он не приводит чертежа, но я для своего доклада, ради наглядности, выполнил тот чертеж, который подразумевается у Э., и принес одну модель, которую мы будем потом демонстрировать. Э. говорит: представьте себе, что у нас имеются два мировых тела, две планеты S_1 и S_2. Тут я изложу „своими словами", но это не важно, потом, если хотите, можно прочесть и по подлиннику, но здесь ничего вообще исказить нельзя; насколько здесь все просто. Представьте себе, повторяю, что у нас имеются два мировых тела S_1 и S_2 (см. рис. 1), при чем мы отмечаем их общую ось $0_1 0_2$ и говорим, что эти два тела имеют относительное вращение по отношению друг к другу, вокруг этой оси, соединяющей их центры. У меня изображено стрелками a_1 и a_2 вращение одного тела и вращение другого тела. Представим себе, что два тела представляют собой две планеты, на которых имеются обитатели, и положим, что мы находимся на планете S_2. Мы смотрим на первую планету и видим, что она вращается по направлению стрелки a_1. Если я смотрю на S_1, находясь на планете S_2, и не замечаю собственного движения, то мне кажется, что S_1 вращается по направлению стрелки часов. Но ведь у нас вращение относительное. Если у нас вращение происходит очень плавно, как и в случае нашего земного шара, то когда мы смотрим на небо, нам кажется, что звезды перемещаются, а не мы сами с нашей землей. Коперник, как вы знаете, учил, что дело обстоит иначе и что, в сущности, не звезды двигаются, а мы двигаемся. Теория Эйнштейна скептически относится к Копернику и перевороту, который он произвел, считая, что принципиально нельзя сказать, что именно движется: существует только относительное вращение. Если я не знаю, двигаюсь ли я со своей планетой или другая планета движется,

то что у нас получается? Рассмотрим наблюдателя на планете S_1, находящегося в таком же положении, как и наблюдатель на S_2. Он может думать, что он вращается по направлению a_1 или что его планета S_1 не вращается, а планета S_2 вращается в другую сторону, т.-е. по направлению стрелки a_2. Мы, таким образом, ставим условие, что никто из наблюдателей не знает, он ли двигается, или двигается его сосед, т.-е. близлежащая планета. Чтобы быть достаточно точным, я укажу еще, что нужно в данном случае сделать предположение, что обе эти планеты находятся так далеко друг от друга, что никаких притяжений друг на друга они не оказывают и приливов друг на друге не вызывают. Следовательно, этими действиями можно пренебречь. Далее Эйнштейн предполагает, что оба эти наблюдателя являются хорошими геодезистами, они производят точные измерения тех планет, на которых им приходится жить. К их удивлению,— получается такой результат: у одного наблюдателя получается шар S_1, а у другого сплюснутый сфероид S_2, он у меня, нарочно, зарисован в несколько утрированном виде. Получается, в конце концов, странный результат: оба наблюдателя видят *одно и то же относительное вращение*, а измерение дает в одном случае шар, в другом—эллипсоид вращения. Теперь нам будут нужны подлинные слова Эйнштейна: „Мы задаем вопрос, на каком основании тела S_1 и S_2 ведут себя по-разному. Ответ на этот вопрос может быть тогда признан удовлетворительным с точки зрения теории познания, если обстоятельство, приведенное в качестве причины, есть факт наблюдаемый на опыте". (Так как я переводил сам, то, чтобы не было никаких недоразумений, скажу, что в подлиннике стоит „beobachtbare Erfahrungstatsache"). „Во всяком случае, закон причинности имеет смысл утверждения, применимого к нашему опыту только тогда, когда в качестве причины и следствия в конечном счете выступают наблюдаемые факты". К этому месту есть весьма важное примечание: „Такой удовлетворительный с точки зрения теории познания ответ, естественно, может быть физически неприемлемым, если он противоречит другим опытам". Вот, в этих немногих словах и заключается вся теория познания Э. К разбору этой теории я еще вернусь. Итак, Эйнштейн утверждает, что если мы спрашиваем о том, почему S_1 отличается от S_2, то в качестве причины мы должны привести „beobachtbare Erfahrungstatsache", то-есть факт, наблюдаемый на опыте. Дальше мы должны опять-таки прочесть самого Эйнштейна, и придется попутно, может быть, кое-что пояснить. „Механика Ньютона не дает на этот вопрос удовлетворительного ответа. Она говорит, именно, следующее: законы механики приложимы к пространству R, по отношению к которому S_1 покоится". (Я здесь на чертеже 1 изобразил оси координат, и если эти оси координат связаны с самой планетой, то тело S_1 по отношению к этим координатам покоится). Законы механики приложимы к этим координатам „и не приложимы к пространству R_2, по отношению к которому S_2 покоится" (то-есть, если я беру

координатную систему K_2, которая неразрывно связана со вторым телом, т.-е. с телом S_2, то для этого случая законы механики неприложимы, потому что в этом случае налицо центробежные силы, которые заставляют планету S_2 расплющиваться). Таких сил в системе K_1, S_1 не было. „Галилеевское пространство K_1, которое здесь вводится (а также относительное движение по отношению к нему), есть *всего только воображаемая* причина, а не что-нибудь наблюдаемое. Ясно, что механика Ньютона удовлетворяет только кажущимся, а не действительным образом требованию причинности, так как она делает ответственной за различное поведение тел S_1 и S_2 чисто фиктивную причину K_1". Теперь позвольте немного пояснить. Эйнштейн утверждает следующее: по Ньютону, законы механики не приложимы к телу S_2 (заметим, что Ньютон, хорошо знавший эти случаи, никогда ничего подобного не говорил), которое сплющено, потому что сплющивают его особые центробежные силы, а для тела S_1 этих центробежных сил нет. Ньютон рассуждал иначе. Он утверждал, что существует такая система координат K_1 неподвижная в неподвижном пространстве и если по отношению к этому пространству или, что то же самое, по отношению к „неподвижной координатной системе" нет вращения, как в случае S_1, то никакого сплющивания не будет—не будет центробежных сил. Во втором случае система координат K_2 связана с телом S_2, но в этой системе координат мы не получаем тех же самых условий, что и в первом случае, и Ньютон говорит, что эта система координат K_2 вращается по отношению к неподвижной системе K_1 или так называемой Галилеевской системе координат. Эйнштейн упрекает Ньютона в том, что он в качестве причины выдвигает фикцию. Что такое неподвижная система координат? Что такое неподвижное пространство? Один товарищ, большой поклонник Эйнштейна, говорил мне: положим, мы из дощечек сделали координатную систему,—как вы ее гвоздями прибьете к абсолютному пространству, во что будет входить гвоздь? На чем эта координатная система будет держаться? Рассмотрим еще раз точку зрения Ньютона. Во-первых, Ньютон не любил говорить, что законы механики приложимы к одному случаю и не применимы к другому. Он просто говорил, что если по отношению к абсолютному пространству нет вращения, то тогда не будет центробежных сил, а если они есть, то они показывают, что наше тело вращается по отношению к этому абсолютному неподвижному пространству. Самый факт появления центробежных сил указывает на существование определенного вращения по отношению к чему-то, что Ньютон обозначает „абсолютным пространством"; другие авторы называли это нечто „эфиром", но это не так важно—не в названии ведь дело. Когда мы вращаем шар на центробежной машине и он сплющивается, мы видим и вращение и то, по отношению к чему шар вращается. В случае же планет S_1 и S_2 мы видим сплющивание и, зная, какое сплющивание соответствует какому вращению, определяем по величине сплющивания

координатную Галилеевскую систему R_1. Так как мы непосредственно не видим, не ощущаем пространство R_1, то Эйнштейн, руководствуясь своей теорией познания, говорит: „Ньютон приводит фиктивные причины". Таким образом Э. считает, что Ньютон погрешил против закона причинности, что он удовлетворяет закону причинности только кажущимся образом постольку, поскольку в качестве причины он приводит фикцию, а не наблюдаемый факт, не какой-нибудь осязаемый предмет или что-нибудь в этом роде. В рассматриваемом случае может быть дан удовлетворительный ответ только в следущей форме: „Физическая система, состоящая из S_1 и S_2, не содержит в себе никакой мыслимой причины, к которой можно свести различное поведение тел S_1 и S_2. Причина должна лежать вне системы. Мы приходим к выводу, что общие законы движения, которые в частности определяют форму S_1 и S_2, должны быть таковы, что механическое поведение S_1 и S_2 определяется удаленными массами". Я вот на доске в уголочке изобразил маленький кружок М, который мы не причисляем к рассматриваемой системе и который должен изображать отдаленную массу. „Эти удаленные массы (и их относительное движение по отношению к данным телам) надо рассматривать в качестве носителей принципиально доступных наблюдению причин, обусловливающих различное поведение наших тел; они берут на себя роль воображаемой причины R_1. Из числа всех движущихся относительно друг друга мыслимых пространств R_1 и R_2—нельзя ни одному отдать предпочтения, так как тогда сейчас же вырастет вновь изложенное выше возражение со стороны теории познания. *Законы физики должны быть таковы, что они должны сохранять свою силу по отношению к системам отсчета, наделенных любым движением*. Мы приходим, таким образом, к расширению постулата относительности". Вы видите, что из этих рассуждений Э. выводит свой постулат относительности. Постараемся несколько подробнее объяснить. Э. хочет сказать, что причиной этого явления, т.-е. сплющивания тела S_2, являются удаленные тела и их массы. Тогда можно объяснить дело так. Если помимо тел S_1 и S_2 имеется какая-нибудь масса, удаленная звезда или целое собрание звезд, то почему тело S_1 не сплющивается, а тело S_2 сплющивается. Потому, что S_1 не вращается по отношению к звезде или к звездам, которые лежат вне системы S_1 и S_2, а тело S_2 сплюснуто потому, что оно вращается по отношению к этим массам. Значит, вращение по отношению к удаленным массам вызывает центробежную силу, а если этого вращения нет, тогда центробежных сил не появляется. Вы видите, что является здесь причиной. У Ньютона—это то, чего мы не видим, абсолютное пространство, а здесь причиной являются звезды. Если нас спросят, почему земля сплюснута, мы отвечаем по Эйнштейну: потому что она вращается по отношению к звездам. Мы смотрим на звезды и видим, что они двигаются. А если такого вращения по отношению к звездам нет, то и центробежной силы тоже нет. Таким образом Эйнштейн приходит к

выводу, что опять таки и в случае вращения мы можем говорить только об относительном движении. Этого ужасного Ньютоновского абсолютного пространства нам больше не требуется: существует только одно—относительное вращение по отношению к звездам. Но ведь здесь возможны два случая: может быть, дело обстоит так, что звезды и тело S_1 покоятся, а тело S_2 вращается по отношению к этой системе. Тогда будет сплющивание тела S_2. Но, может быть, тело S_2 покоится, а вращаются, как тело S_1, так и все эти удаленные светила (на чер. 1 „М"). Относительное вращение звездного мира и тела S_2 остается такое же, как и в первом случае. Эйнштейн „допускает", что и в этом втором случае будут наблюдаться те же центробежные силы. Вы видите, что это есть обоснование принципа относительности: мы никогда не знаем, сами ли мы вращаемся или вращается вселенная вокруг нас, при чем говорить, что нам для обоснования этого положения нужна математика—не приходится, потому что тогда Э. сам воспользовался бы математикой. Однако этого нет. Это все такие вещи, которые можно очень легко изложить без всякой математики.

Прежде чем приступить к анализу того, что было сказано, позвольте привести одно место из „Механики" Маха для того, чтобы показать, что, в сущности, в этом месте, в этой главе, которую я сейчас изложил, Э. ничего не прибавил к Маху.

„Рассмотрим ту самую область, на которую опирался Ньютон и, повидимому, не без основания, когда он отличал относительное от абсолютного движения. В том случае, когда земля имеет абсолютное вращение вокруг своей оси"—вы видите, что разница заключается в том, что у Э. два воображаемых тела, а Мах говорит про земной шар и звезды, но, конечно, это дела не меняет. „В том случае, когда земля имеет абсолютное вращение вокруг своей оси, то на ней появляются центробежные силы. Она сплющивается; ускорение силы тяжести уменьшается. Плоскость качания маятника Фуко поворачивается и т. д. Все эти явления исчезают в случае, если земля покоится и остальные небесные тела вращаются в абсолютном вращении вокруг земли. Так происходит, однако, если мы с самого начала исходим из представления об абсолютном пространстве. Если же мы останемся *на почве фактов*, то мы знаем лишь относительные пространства и относительные движения. Относительные движения в системе мира—мы отвлекаемся от неизвестной и не наблюдаемой среды, наполняющей мировое пространство,—относительны они и в системе Птоломея и в системе Коперника. Обе точки зрения одинаково верны и только последняя проще и практичнее. Система мира не дана нам дважды с вращающейся и не вращающейся землей, но она дана нам в одном виде с ее единственно определимым относительным движением. Мы не можем сказать, что было бы, если бы земля не вращалась... *Основы механики могут быть так изложены, что и при относительных вращениях получаются центробежные силы*" (курсив наш. *А. Т.*). Я не вижу никакой разницы: Эйнштейн повторил то, что много лет перед тем говорил

Мах, при чем Мах только говорил, что можно построить механику так, чтобы и при относительных вращениях получались центробежные силы. Э. не только оказал это, но и сделал. Вот в чем разница. Во всяком случае, я думаю для всех ясно из сопоставления этих двух выдержек, что Э. пользуется теми же соображениями, как и Мах—отрицать это будет очень трудно, боюсь даже, что и совсем невозможно.

Теперь, после изложения, позвольте приступить к самому анализу и прежде всего к анализу теории познания Эйнштейна. Я прочту сейчас еще раз то самое место, где Эйнштейн излагает свою теорию познания: „мы задаем вопрос, на каком основании тела S_1 и S_2 ведут себя по-разному. Ответ на этот вопрос может быть только тогда признан удовлетворительным с точки зрения теории познания, если обстоятельство, приведенное в качестве причины, есть факт, наблюдаемый на опыте. Закон причинности имеет смысл утверждения, применимого к миру нашего опыта, только тогда, когда в качестве причины и следствия в конечном счете выступают наблюдаемые факты". И примечание, с чего я и начну свой анализ, говорит следующее: „Такой удовлетворительный с точки зрения теории познания ответ, естественно, может быть физически неприемлемым, если он противоречит другим опытам". Вот это самое примечание многого стоит! Можем ли мы с материалистической точки зрения говорить, что такой теорией познания можно пользоваться? Что такая теория познания вообще есть теория познания. Теория познания дает нам удовлетворительный ответ, а физически на практике это оказывается неприемлемым. Я спрашиваю, на что такая теория познания нужна? Ведь теория познания, как теория познания, должна способствовать нашему познанию, а если она приводит к результатам, которые физически опровергаются, то, простите, это не теория познания, и всякий естествоиспытатель, прежде чем заниматься наукой, эту теорию познания должен выбросить за окошко.

С точки зрения философии Маха это совершенно приемлемо, потому что Мах—это я покажу в дальнейшем по выдержкам—говорит—одно дело теория, другое дело практика. Мы, материалисты, считаем, что единственным критерием истины есть практика. Мы не можем проводить грани между теорией и практикой. Для философии Маха такая постановка мыслима. Он определенно указывает, что нам не за чем в теории связывать себя практикой, то же самое делает и Эйнштейн, но для материалиста, который считает, что вся наша наука есть отражение действительно существующего помимо нашего познания мира, такая теория познания совершенно неприемлема, и я скажу, для ученого, для ученого исследователя такая теория познания совсем не нужна, раз она может нам давать результаты, которые не подтверждаются на опыте.

Теперь позвольте перейти к самому существу. В качестве причины и в качестве следствия должен быть наблюдаемый факт

„beobachtbare Erfahrungstatsache“, т.-е. должно быть то, что мы непосредственно ощущаем. Это есть то, что с точки зрения Маха называется „элемент“ или что по существу есть „ощущение“. Это единственное, что мы знаем. В основу науки, в основу теории непременно нужно положить то, что непосредственно наблюдается. Вот, если наблюдатель на планете S_2 непосредственно видит звезду, по отношению к которой он вращается, то это очень хорошо, это есть настоящая причина; в результате получается сплюснутая планета, это есть следствие, опять-таки я его непосредственно вижу: закон причинности применен как следует. А если я говорю вместе с Ньютоном, что, вот тело S_2 вращается по отношению к неподвижной системе координат,— какой же, говорят мне, это наблюдаемый факт. Это просто фикция и больше ничего. Теперь, позвольте вам сказать, что с точки зрения ученого естествоиспытателя такая теория познания равносильна утверждению — то, чего я не знаю сегодня, я не узнаю никогда. Может быть, очень многие из присутствующих обидятся на это, но что же делать. Теперь, давайте обсудим все это как следует, на примерах. Мы все хорошо знаем, что холера получается от того, что в наш организм попадают холерные вибрионы. Мы их в микроскоп видим, следовательно, „причина“ есть наблюдаемый факт. Последствия, т.-е. та самая болезнь— холера, — тоже, к сожалению, очень хорошо наблюдается. Ну, а возьмем теперь какую-нибудь другую болезнь, возбудителей которой мы еще пока не знаем, и пусть кто-либо говорит, что эта болезнь, по примеру всех других, возбуждается сходными же микроорганизмами. Мы их не видим, ищем и все таки в течение нескольких лет не находим. Но разве можно приводить такую причину? Мы грешим против принятой Махом и Эйнштейном теории познания, потому что приводим такие причины, которые непосредственно не наблюдаются: мы основываемся на фикциях. Как же тут быть? Значит, каждый здравомыслящий бактериолог, если он последователен, должен отбросить теорию познания Маха, Эйнштейна. Правда, как говорит Владимир Ильич: „Маха грех упрекнуть в последовательности“, он сам бывает непоследователен, он выскакивает из рамок своей собственной теории познания, и он сам указывает, что исследователь может ей и не пользоваться, по тем самым он расписывается в том, что его теория познания в научном отношении есть теория познания реакционная, которая удерживает нас от всех новых исследований. Ведь, в сущности, заниматься тем, чтобы говорить только о вещах, которые я знаю, очень скучно. Всякий ученый хочет узнать что-либо новое, а нового он еще не знает, он ищет, но как же можно в науке, руководясь этой пресловутой теорией познания, принимать то, чего я непосредственно не наблюдаю? Теперь, другой пример, не менее ясный. Нам теперь должно быть вполне понятным, почему Мах так ненавидел атомно-молекулярную теорию. Ведь в те времена мы не могли наблюдать действия отдельных атомов. С точки зрения Маха признавать существо-

вание атомов было просто нелепицей, потому что, в конце концов, задача науки состоит в том, чтобы на основании данных нам ощущений или „элементов“ составлять понятия, мысли, а эти мысли приспособлять друг к другу. Вот в этом и состоит наука по Маху. Как же мы в качестве элементов берем что-то такое, чего мы никогда не видали? Мах оговаривается, что понятием атома можно пользоваться на практике, но ничего хорошего в этом нет. Всякие же сложные молекулярные теории он считал вредным заблуждением. Итак, с этой точки зрения до 1903 года, когда Крукс показал нам на экране сернистого цинка действия отдельных атомов (потом появились другие методы), вся физика пользовалась фиктивными причинами. Но как же мы должны относиться к гигантской работе целого ряда поколений крупнейших физиков, которые оперировали вот с этими самыми фикциями. Они оперировали фикциями и в качестве причин тех явлений, которые они исследовали, принимали нечто такое, что противоречит теории познания. Каждый человек должен отдавать себе отчет в том, что он говорит, и ясно, что если кто-нибудь такую теорию познания выставил, значит, она для него обязательна; а факты показывают, что эта теория познания оказывается для всех естествоиспытателей неприемлемой. Поэтому представляется странным, как это такое Эйнштейн полагает в основу своей теории такую теорию познания, которая в других областях оказывается не только неприменимой, но заведомо вредной, так как она не дает нам возможности строить новые теории и продвигаться вперед в процессе исследования. Но, что еще любопытнее: сам Эйнштейн не применяет эту теорию познания в своих классических работах по молекулярной физике. Об этой стороне деятельности Э. знают немногие, а как автора статей о принципе относительности его все знают. Повторяю, немногие знают, что Эйнштейн сделал ряд блестящих работ по молекулярной физике и притом работ экспериментальных. У него есть напечатанная в 1916 году работа об экспериментальном доказательстве Амперовых токов. В теории Ампера предполагалось, что в намагничиваемых телах в каждой молекуле, т.-е. с точки зрения Маха в фикции, движется замкнутый электрический ток. По электронной теории это значит, что вокруг ядра-атома движутся электроны по замкнутым путям. Когда мы тело намагничиваем, то плоскости, в которых располагаются замкнутые пути электронов, выстраиваются перпендикулярно направлению магнитной силовой линии (см. рис. 2). Если вы намагничиваете проволочку AB так, что магнитная сила направлена снизу наверх (см. чер. 2), то все орбиты электронов должны расположиться в горизонтальных плоскостях (a, a, a...). Если я возьму железную проволочку AB и подвешу ее к тонкой нити, направленной по ее оси, снабжу проволочку зеркальцем, чтобы наблюдать ее поворот, и если я начну намагничивать эту проволоку параллельно оси, то у меня все „Амперовы токи“, все электроны, должны вращаться в плоскостях, перпендикулярных оси, как показано

на чертеже. И если я буду смотреть сверху от *A* к *B*, то я увижу, что электроны, вращавшиеся в ненамагниченной проволоке как попало, стали все вертеться в одном направлении. А в механике существует принцип, что, если данная система, висящая на этой проволоке, не имела вращения, то она под действием внутренней силы не может получить вращения, и если такое вращение для электронов, составляющих материю, получится, благодаря ориентировке их орбит, то для компенсации вся проволока должна повернуться в обратную по стрелке *C* сторону. Э. этот опыт проделал и получил блестящий результат. Пользовался он своей теорией познания? Ведь Амперовы токи и электроны — это фикции! Надо полагать, что когда он эту работу продумывал, рассчитывал диаметр проволоки и проч., он свою теорию познания оставил где нибудь на полочке. Вообще с точки зрения защищаемой им философии, всякое новое открытие — есть „нечаянная радость", а может быть, нечаянное огорчение — это зависит от темперамента.

Как бы то ни было, Э. и Мах побили старика Ньютона, вытеснили абсолютное пространство. Они поставили дело так, что нам нет больше необходимости прибегать к таким фикциям, по крайней мере в той области, которая трактуется в принципе относительности: мы всегда можем всякое движение считать за относительное. Если речь идет о движении земли, то и Коперник и Птоломей, — оба одинаково правы, может быть так, может быть иначе, и разрешить этот спор нам не дано. Напрасно, в самом деле, Галилей кипятился и навлек на себя всякие неприятности!

Позвольте задать вопрос. Что же победителям можно почить на лаврах? Вообще это занятие нездоровое. И вот я думаю, что не очень-то приходится радоваться устранению таких метафизических элементов, как абсолютное пространство. И даже в той самой пресловутой формулировке, которую дали Э. и Мах, кроются такие стороны, которые при ближайшем рассмотрении приводят нас к тому же самому. Нужно будет тоже вводить фикции, такие же точно, какие вводил Ньютон, так что преимущества нет решительно никакого. Для того, чтобы наше рассуждение было нагляднее, я рассказывать более об этих двух планетах, нарисованных у нас на доске, не буду, а просто прочту потом выдержку из сочинения В. А. Базарова. Пока же я буду говорить о маятника Фуко. В чем состоит этот знаменитый опыт с маятником Фуко. Я позволил себе выставить модель, на которой легко напомнить в чем тут дело (см. рис. 3). Вы видите вращающийся диск с дугой, к этой дуге посредине подвешен маятник. Я его пускаю качаться, он сохраняет плоскость своего качания, но он сохраняет ее не только пока диск неподвижен, но если я начну поворачивать диск, то вы видите, что маятник сохраняет плоскость своего качания. Я повернул на 90 градусов диск, а маятник все качается в одном и том же направлении от меня к вам вдоль ковра, лежащего в проходе между стульями.

Одним словом, маятник совершенно не участвует во вращении диска и дуги. Дело обстоит тут очень просто. Что я делаю, когда поворачиваю дугу? Я самое большее закручиваю нить. На плоскость качания маятника это не повлияет. Но что будет замечать наблюдатель, если бы он сидел на диске и не замечал собственного движения. Для него *плоскость качания маятника поворачивается в сторону, противоположную его собственному вращению, вместе с диском.* Тут ведь все благополучно. Мы с вами видим, что плоскость качания маятника по отношению к столу неподвижна, а диск вертится. В положении такого наблюдателя находимся мы с вами. Представим себе, что мы повесили маятник и пустили его колебаться вдоль этого ковра, лежащего в проходе. Мы находимся на земном шаре, который поворачивается, по учению Коперника. Если подходить к этому с философской точки зрения, то это дело вообще темное, но я буду говорить по просту, по Копернику. Дело происходит таким образом. Качается маятник по направлению ковра, а земной шар и с ним наша зала вращается, как нас учили в географии, от запада к востоку. Поэтому надо себе представить, что наша комната поворачивается вот в каком направлении (показывает), а маятник продолжает качаться так, как и раньше. Если комната поварачивается, а мы этого движения не замечаем, то мы будем видеть, что плоскость качания маятника будет поворачиваться так: сначала маятник качался по направлению ковра, затем стал качаться по направлению к тов. Рязанову, затем к В. А. Базарову, потом плоскость его качания будет направлена к столу т. т. стенографисток. Этот опыт мы проделываем во всех благоустроенных аудиториях. С точки зрения Маха и Эйнштейна мы должны сказать: плоскость качания маятника неподвижна по отношению к неподвижным звездам. Другой последователь философии Маха Петцольд прямо так и говорит, что маятник Фуко, во всяком случае, не доказывает вращения земли, а доказывает, что плоскость его качания „связана с неподвижными звездами". Все это очень хорошо. Теперь позвольте изобразить этот опыт в более фантастической обстановке. Вообразим себе, что мы находимся на земном шаре в таких условиях, что мы никогда не видели солнца, не видели звезд, что мы находимся под таким густым покровом облаков, через который свет совсем не проходит, но в остальном все обстоит так, как мы привыкли. Если Эйнштейн излагает теорию относительности на основании таких примеров, то никто не может мне запретить привести подобный же пример—земля под таким густым покровом облаков, что не видно ни солнца, ни звезд. Мы только что произвели один опыт с моделью маятника Фуко—опыт удается. Потом пусть мы делаем опыт с настоящим маятником Фуко, и плоскость качания маятника Фуко поворачивается.

Теперь, я вас спрашиваю, можем ли мы эти два явления считать сходными—то, что здесь на столе, и поворот плоскости маятника Фуко. Чтобы не вызывать прений, я скажу — я чело-

век уступчивый,—что или да, или нет. Может быть, эти два явления сходные, а может быть, и нет.

Базаров В. А. Вполне сходные.

Тимирязев А. К. Я говорю, что, может быть, они и не вполне сходные, я буду считаться и с этой возможностью. Допустим, что эти явления вполне сходные. Мы видим, что плоскость качания маятника при повороте диска стоящей перед нами модели, по *отношению* к столу, остается неподвижной по *отношению* к столу, но она перемещается по отношению к диску. Здесь все благополучно. Теперь, допустим, что мы делаем опыт с настоящим маятником Фуко, но при условии, что густые облака покрывали от века и покрывают нашу планету. Плоскость качания маятника повернулась, а что же мы тут возьмем в качестве „причины". Ведь, по Маху-Эйнштейну, причина этого явления связана с неподвижными звездами, а неподвижные звезды для нас, находящихся в указанных условиях, „beobachtbare Erfahrungstatsache" или нет? Для нас—людей, никогда не видавших звезд, звездный мир есть фикция, не так ли? Вот эта оболочка облаков, она вращается вместе с нами, по отношению к чему же вращается земля? Чем это, товарищи, хуже абсолютного пространства Ньютона или мирового эфира? Я спрашиваю, чем хуже допущения абсолютного пространства допущения существования звезд, которых я никогда не видал? Мы попали, признайтесь, идя по стопам Эйнштейна-Маха, все-таки в неловкое положение. Я бы очень желал, чтобы мне указали мою ошибку. Но обсудим другую возможность. Рассматриваемые два явления ничего общего между собой не имеют. Ведь в самом деле мы, идя тем путем, каким мы шли до сих пор, возражаем против самого принципа относительности. Ведь раз говорят о движении, должно быть дано движущееся тело и то, по отношению к чему оно движется. А тут и этого нет. Перейдем к другому случаю. Перемещение плоскости качания маятника по отношению к диску одно дело, а поворот плоскости качания маятника Фуко — совсем другое. Тут я сам выпутаться уже не могу. Поэтому я прошу помочь мне тех, кто мне будет возражать. Какая будет причина, какая „beobachtbare Erfahrungstatsache", которая эту плоскость качания маятника доворачивает? Я ничего не могу найти. Почему маятник качается сначала по одному направлению, а потом по другому? Что тут в этом маятнике или в точке его привеса заставляет плоскость качания поворачиваться? Мне кажется, этот второй выход хуже первого. Еще в старину говорили „или, или", третьего не дано, tertium non datur. Но так говорили весьма наивные люди. В. А. Базаров дал нам третий ответ: „плоскость качания маятника на планете, покрытой тучами, поворачивать не будет". Почему? „Да сбудется реченная от господа пророком Альбертом Эйнштейном абсолютная относительность". Но оставим все таки шутки в стороне и давайте посмотрим, какой В. А. сделал вывод; он сделал его не на основании маятника Фуко, а на основании примера с двумя планетами. Он сделал

вывод, который Эйнштейн не решался или не хотел сделать. Выходит так, что если бы отдаленных тел—звезд—(см. рис. 1) не было совсем, а были только два тела S_1 и S_2 и все-таки S_2 оказалось сплющенным, то В. А. говорит, что такое явление было бы не описуемо, оно не мирилось бы с логикой, это было бы мистикой. Отсюда, в отсутствии звезд сплющивания быть не должно, и плоскость маятника Фуко на затученной планете не должна поворачиваться, тогда логика с точки зрения В. А. была бы спасена, и тогда все было бы хорошо. Но если бы, наче чаяния, плоскость качания все-таки повернулась, то, по-моему, В. А., если он последователен, должен был бы притти в президиум Соц. Академии попросить тов. Менцкого сделать в „Известиях" ВЦИКа объявление: „Пропала логика, нашедшего просят доставить в Соц. Академию, угол Знаменки и Малого Знаменского: вознаграждение столько-то червонцев". Сколько, я не умею сказать, потому что я бы за такую логику и тысячи рублей дензнаками 23 года пожалел бы. Позвольте мне процитировать слова В. А. Базарова. Если я ошибусь, надеюсь, что он меня поправит. „Если бы оказалось, что *при прочих равных условиях* относительное вращение неодинаково влияет на шар А и шар В (у нас S_1 и S_2, рис. 1. А. Т.), например, первый оставляет неизменным, а второй сплющивает в эллипсоид, то это был бы классический случай отказа природы от выполнения предписаний логики: мы получили бы явление совершенно наглядное, легко воспринимаемое нашими чувствами и вместе с тем принципиально не поддающееся однозначному описанию, беспричинное, непознаваемое. Но именно так и рисуется явление абсолютного вращения в Ньютоновской механике. Так называемое абсолютное вращение Ньютон вырвал из реальной связи опыта, отнес к фикциям абсолютного пространства и времени, чем а приори устранялась возможность однозначного описания, а следовательно, и причинного объяснения факта. И настолько велико было обаяние творца классической механики, что целые поколения талантливейших ученых, одушевленных мыслью изгнать из области научного понимания природы всякие следы *метафизики* и *мистики*, не примечали, что один из краеугольных камней того фундамента, на котором они строили—абсолютное вращение с его центробежными силами,—есть подлинное чудо: явление неописуемое и необъяснимое" [1]).

Я позволю себе задать только один вопрос: при построении любой машины нам надо рассчитывать по Ньютоновской механике центробежные силы: отсюда вытекает, что вся современная техника основывается на мистике, не так ли? Значит, принимая во внимание все сказанное, я просил бы привести хоть один пример, где мы на основании мистики можем построить какую-нибудь машину. Если кто-нибудь что-нибудь утверждает, он должен хоть чем-нибудь да подтвердить свой взгляд. Зачем же

---

[1]) Принцип относительности и его философское истолкование (стр. 70).

мы в самом деле занимаемся анти-религиозной пропагандой, если мы на основании мистики можем строить машины? Надо относиться серьезно к тем соображениям, какие высказываешь. Затем надо сказать несколько слов о пресловутом принципе однозначности. У Владимира Александровича приведено несколько примеров: равноплечий рычаг должен быть в равновесии, так как иначе наша логика дает осечку. Равновесие равноплечего рычага может быть доказано (по Маху и Базарову) логически без всякого опыта. Ошибка здесь заключается в том, что равновесие рычага настолько обыденное явление, что его наблюдали тысячи раз поколения за поколениями, в этом решительно никто не сомневается. Поэтому равновесие равноплечего рычага нам кажется чем-то само собой разумеющимся, чем то априорным. Ввиду того, что мы в этом не сомневаемся и не проверяем на опыте, нам и кажется, что эти сведения нами не были почерпнуты из опыта. Далее я обращаю ваше внимание на то, что Э. для обоснования своей новой ультра-революционной теории должен был перегрохивать все то, что давно известно. Он ничего нового не прибавил в обоснование с философской точки зрения своего принципа к тому, что было сделано Махом. Точно так же и с т. н. „принципом однозначности" я позволю себе привести соображения, которые высказал Владимир Ильич по поводу подобных же рассуждений Петцольда. Именно Петцольд в свое время тоже выставил этот принцип однозначности, который притягивается для опровержения взглядов Ньютона. Вот, что пишет Ленин. Он цитирует Петцольда: „Мы не можем допустить такой неопределенности и произвола природы, мы должны требовать от нее определенности, закономерности". (Петцольд.) „Так, так. Мы требуем от природы закономерности. Буржуазия требует от своих профессоров реакционности". (Ленин). Наше мышление требует от природы определенности, и природа всегда подчиняется этому требованию,—мы увидим даже, что в известном смысле она вынуждена подчиняться ему[1]. Почему при толчке по линии A B рис. 4 тело движется к C, а не к D, не к F, и т. д.? „Почему природа не выбирает ни одного из бесчисленных других возможных направлений?" (Петцольд). „Потому, что они были бы „многозначны", а великое эмпириокритическое открытие Иосифа Петцольда требует однозначности. Подобным неоказанным вздором наполняют „эмпириокритики" десятки страниц". (Ленин.) Я утверждаю, что в погоне за „однозначностью" указанного типа принципа относительности все-таки его не достигает, и я утверждаю, что в приведенном мной примере (а я думаю, что если подумать, их можно привести несколько) с маятником Фуко на планете, окутанной облаками, сказывается ясно, что даже эти схемы, которые восхваляют Мах и Э.,—что

---

1) В. А. Базаров не так строг по отношению к природе, он дает ей свободу не подчиняться нашей логике, но она, видно, из любе ности, до сих пор этой свободой не воспользовалась. См. „Принцип относительности и его философское толкование".

даже эти схемы провести как следует нельзя, потому что все-таки придется прибегать к „фикциям". Для наблюдателя, у которого небо всегда покрыто облаками, звезды будут „фикцией". Я остановлюсь, пожалуй, на одну минуту на следующей подробности. Владимир Александрович Базаров, Эйнштейн и Мах утверждают, что бессмысленно говорить о том, что вращается вокруг чего, что вращение нам дано не дважды, а всего только один раз. Я из кармана вынимаю винт и гайку. Не подумайте, товарищи, что я этим самым предлагаю изучать принцип относительности по „производственно-комплексному методу". Я далек от этого. Я хочу на этом примере показать, от чего мы должны отказаться, если мы становимся на эту пресловутую точку зрения. Всякий знает, что я могу навинчивать гайку на болт, а могу и гайку держать неподвижно и поворачивать болт. Затем можно сделать и так: я могу немножко повернуть в одну сторону гайку, а в другую сторону болт. Это ведь знает каждый слесарь. Словом, я могу получить очень большое разнообразие в этих движениях болта и гайки. Но теперь, представьте себе, что все покрылось туманом, и остался один винт с гайкой, и пусть на гайке или на винте находится наблюдатель... Пусть наш винт имеет громадные размеры, и пусть наблюдатель не видит ничего кроме самого себя и винта с гайкой. Что тогда будет? Тогда останется одно относительное вращение! чего по отношению к чему,—неизвестно! А наблюдатель, становясь на точку зрения Эйнштейна, должен превратиться в „барана не помнящего" (по выражению Щедрина), который хорошо видел, что вертелась гайка или винт, а когда все покрылось туманом, кроме этого винта и гайки, то он все должен позабыть. И с видом глубокомысленного педанта должен повторять: вращение нам не дано дважды, существует только одно относительное движение, мы ведь люди науки, не слесари какие-нибудь!

Теперь позвольте мне перейти к вопросу об абсолютном пространстве, о котором говорит Ньютон. Я не буду приводить длинных выдержек: взгляды Ньютона по этому вопросу хорошо известны, он различал абсолютное пространство от пространства относительного, так же как и время абсолютное от времени относительного. При чем он говорил, что пространство абсолютное существует без всякого отношения к тому, что находится в этом пространстве, а пространство относительное—это есть измерение этого абсолютного пространства. Точно так же и со временем. Время существует независимо от всяких изменений, какие происходят, но эти изменения происходят во времени, и при их помощи мы измеряем это время. Я всегда думал, что Ньютон этим утверждением о существовании и абсолютного пространства и абсолютного времени—хотел просто выразить объективность пространства и времени. Он хотел указать, что пространство и время существуют, независимо от наших измерений теми или иными способами. Но мне всегда указывали и указывают, что я жестоко ошибаюсь. Но так ли в самом деле я ошибаюсь? Я сей-

час вам приведу ряд соображений по этому поводу, высказанных, с одной стороны, материалистами, в материализме которых мы сомневаться не можем,—с другой стороны—идеалистами, и, наконец, самим Э., и мы посмотрим, кто, в конце концов, прав. Прочитаю выдержку из Маха. „Если принять, далее, во внимание, что для Ньютоновой механики тяготения и небо неподвижных звезд не может уже иметь значения постоянной, неподвижной системы, нам станет до некоторой степени понятна его рискованная попытка отнести всю динамику к абсолютному пространству и, соответственно, к абсолютному времени. На практике это предположение, кажущееся нам бессмысленным, ничего не изменило в признании неба неподвижных звезд за систему пространственных и временных координат; оно осталось поэтому безвредным и в течение долгого времени ускользало от серьезной критики. Можно, пожалуй, сказать, что главным образом именно со времени Ньютона время и пространство стали теми самостоятельными и, однако, бестелесными сущностями, которыми они считаются по настоящее время". (Познание и заблуждение, стр. 440.)

А вот как излагает Ленин это рассуждение Маха: „В современной физике,—говорит он (Мах. А. Т.),—держится взгляд Ньютона на абсолютное время и пространство как таковые. Этот взгляд „нам" представляется бессмысленным,—продолжает Мах,—*не подозревая*, очевидно, существования на свете материалистов и материалистической теории познания. Но на практике этот взгляд был *безвреден* (unschädlich) и потому долгое время не подвергался критике. Это наивное замечание о безвредности материалистического взгляда выдает Маха с головой! Во-первых, неверно, что идеалисты не критиковали этого взгляда „очень долго"; Мах просто игнорирует борьбу идеалистической и материалистической теории познания по этому вопросу; он уклоняется от прямого и ясного изложения обоих взглядов. Во-вторых, признавая „безвредность" оспариваемых им материалистических взглядов, Мах в сущности признает тем самым их правильность. Ибо как могла бы неправильность оказаться в течение веков безвредной? Куда делся тот критерий практики, с которым Мах пробовал заигрывать? „Безвредным" материалистический взгляд на объективную реальность времени и пространства может быть только потому, что естествознание *не выходит* за пределы времени и пространства, за пределы материального мира, предоставляя сие занятие профессорам реакционной философии. Такая „безвредность" равносильна правильности". (Материализм и эмпириокритицизм, стр 178.)

Посмотрим теперь, что пишет академик А. В. Васильев, которого в чем-чем, а в материализме никак нельзя обвинить. Вот что он пишет по поводу заслуг архиепископа Берклэ: „Эта сильная критика понятия об абсолютном пространстве вполне естественна со стороны мыслителя, который впервые в европейской философии господствовавшему взгляду на пространство, как

на нечто *объективное*, противопоставил объяснение пространственных представлений ассоциацией осязательных, двигательных и зрительных ощущений". (Исторические основы теории относительности, стр. 41.) Немного дальше, на стр. 49, у проф. Васильева есть крайне ценное примечание.

„Позже метафизических взглядов на пространство и время под влиянием левого гегельянства держались Плеханов и Вл. Ильич (Н. Ленин.)"

А вот что пишет сам Эйнштейн: „Чтобы можно было смотреть на вращение системы, как на нечто реальное, Ньютон объективирует пространство". (Эйнштейн. Эфир и принцип относительности. Петроград, 1922, стр. 19.) Следовательно, все свидетели, несмотря на различие их взглядов, сходятся в одном, что Ньютон считал пространство и время существующими объективно, путаницы тут никакой нет. Итак, значит, Ньютон смотрит материалистически на пространство и время. Он полагал, что пространство и время, так же, как и материя, существуют независимо от нашего сознания, от наших методов измерения. В этом он сходился с материалистами Фейербахом, определявшим пространство и время как необходимые условия существования материи, и Энгельсом, утверждавшим, что пространство и время — формы бытия материи. Теперь, давайте посмотрим на то, как определяется пространство и время у Э. хотя бы в специальном принципе относительности. По Э., система пространства и времени—это есть результат наших измерений, которые каждый наблюдатель производит *своими* масштабами и *своими* часами, при чем эти часы сверяются совершенно определенным образом. Скорость света предполагается неизменной; почти все сторонники теории Эйнштейна, не исключая и Владимира Александровича Базарова, указывают, что опыт Майкельсона доказывает постоянство скорости света. Я против этого возражаю потому, что опыт Майкельсона совершенно недостаточен для решения вопроса. Поэтому я готов защищать тезис: никто никогда на опыте не устанавливал независимость скорости света от системы отсчета, т.-е. от состояния движения экспериментатора с его приборами. Итак, по Эйнштейну, время определяется часами, которые регулируются при помощи световых сигналов, а скорость света *считается* всегда равной 300.000 километрам в секунду (в специальной теории). Этот комплекс показаний часов и есть время. Это не один из возможных способов измерения времени, а само время как таковое! Итак, помимо этих показаний часов, никакого времени нет; конечно, нет необходимости, чтобы часы были часами со стрелками — это может быть любой процесс, который мы устанавливаем в согласии с получаемыми световыми сигналами. Если мы станем на единственно правильную материалистическую точку зрения и будем считать, что правило Эйнштейна, которым он определяет пространство и время, есть только *один из способов измерения* времени и измерения пространства, то это будет роковым решением для теории Эйнштейна и

для философии Маха. Существует ведь то, что я непосредственно вижу и измеряю, т.-е. показания часов и результаты измерений масштабом. А если возможно определять время и пространство каким-нибудь еще и другим способом, то вдруг окажется, что этот новый способ дает нам возможность доказать правоту Коперника и доказать, что вращается земля, а не „твердь небесная"! Поэтому Эйнштейну необходимо держаться за свои определения времени и пространства, как в своей специальной, так и в общей теории, как за абсолютно единственные определяющие самое доподлинное время и пространство, при чем это время и пространство для каждой системы координат различные! Таким образом в теории относительности самый принцип относительности есть нечто абсолютное.

Вот, товарищи, в общем то, что я хотел сказать. Если я что-нибудь упустил, то это выяснится в ходе прений, и я тогда могу в заключительном слове сделать необходимые дополнения. Еще я коснусь вопроса о том, как относятся сейчас к принципу относительности. Отношение весьма различное. Со стороны популяризаторов, со стороны людей, мало знающих его и не особенно близко стоящих к самой науке—замечается один сплошной восторг: математики восторгаются им потому, что они рассматривают исключительно формальную сторону дела. Физики относятся гораздо более сдержанно: присутствующий здесь профессор В. П. Романов может подтвердить, что на съезде в Бонне минувшей осенью обсуждался вопрос о том, поскольку наблюдения, сделанные во время солнечного затмения, подтверждают правильность предположения Э. (об этих наблюдениях во всех газетах возвестили как о триумфе Эйнштейна). Диспут в Бонне велся в присутствии Э., в результате было выяснено, что еще рано говорить о подтверждении предсказания теории. С движением перигелия Меркурия дело обстоит еще хуже, потому что астрономы нашли ошибки в подсчете перемещения перигелия, оказалось, что это смещение перигелия гораздо меньше, чем это вытекает из теории Э. В недавней статье в Annalen der Physik Герольд Глейх определенно указывает, что если бы и подтвердилась из наблюдений величина смещения перигелия Меркурия, что по меньшей мере сейчас сомнительно, то это ничего не доказывает, так как полный ряд других теорий, числом 5, приводят к тому же самому.

Укажу также на один факт, который всех ошеломил — это повторение опыта Майкельсона Миллером. Опыт дал положительный результат. Из истории этого вопроса мы знаем, что в течение 18 лет Миллер пробовал повторять этот опыт на разных высотах над уровнем моря и заметил, что, чем выше мы находимся над уровнем моря, тем больший получается эффект. Величина эффекта не совпадает с величиной, которая вытекает из элементарной теории, но эффект все-таки получается, а по теории относительности его не должно быть. Сам автор настолько осторожен, что он еще не делает выводов: он указывает, что

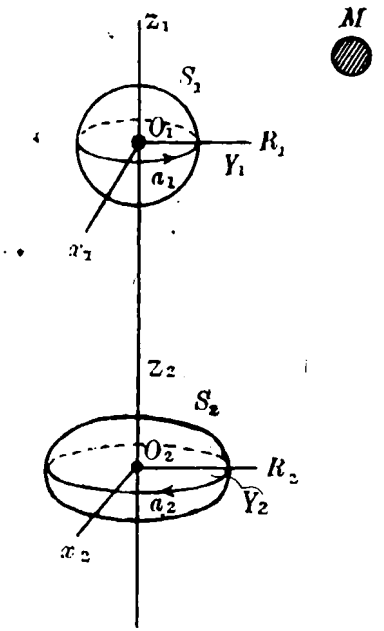


Рис. 1.

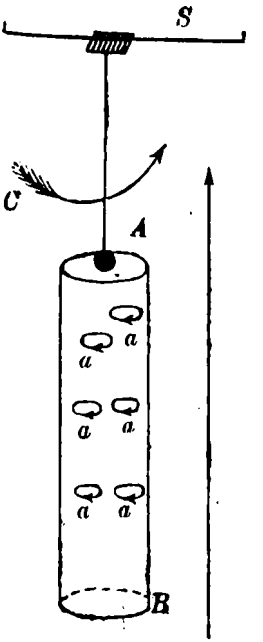


Рис. 2.

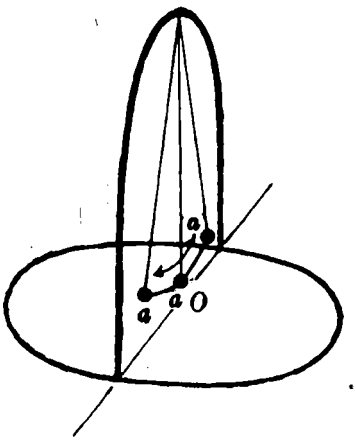


Рис. 3.

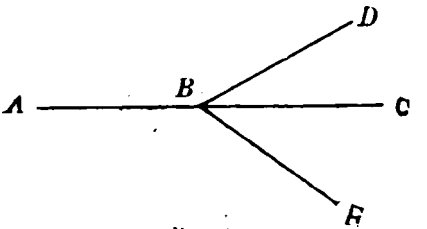


Рис. 4.

знаем. Нужно отказаться от того, что вода состоит из частиц, потому что нам это в данном случае удобно. Тут просто говорится: оставьте меня в покое, я понимаю, что вода состоит из частиц, но я не хочу этого, мне эти грубые частицы мешают полету моей смелой мысли. При обосновании математических преобразований принципа относительности мы должны говорить о том, что Коперник в сущности ничего не доказал, так как и он и Птоломей—оба правы. В этой области науки мы должны по крайней мере в некоторых частях пти не вперед, а назад, а потому можно и заключить хотя бы и временный союз с реакционной философией.

В заключение я должен сказать, что подобного рода философия, которая положена в основу теории относительности, является помехой для настоящей исследовательской работы естественника, которая состоит все-таки—по-старому—в изучении того, что есть.

Смирнов В. М. Товарищи, возобновим заседание. У меня записалось 8 человек. Нам желательно было бы закончить сегодня прения по этому вопросу. Конечно, ограничивать время было бы трудно, но я просил бы товарищей считаться с этим.

Рязанов Д. Б. У нас имеется положение—15 минут каждому высказывающемуся.

Смирнов В. М. Слово предоставляется тов. Богданову.

Богданов А. А. Я начну с того, что предложу устранить из всех рассуждений одно недоразумение, то, в которое впал А. К. по поводу примечания Э. относительно его теории познания. Э. говорит: „приемлемое с точки зрения требований этой теории может быть неприемлемо с точки зрения физической". А. К. сделал вывод о негодности такой теории познания; но это является чистым недоразумением, потому что он не совсем это примечание понял. Э. говорит, что недостаточно приемлемости с точки зрения данной теории познания: могут для объяснения факта предлагаться разные причины, и все доступные наблюдению, ваприм., в вопросе о какой-нибудь болезни, ее причиною может выставляться микроб или патолого-анатомическое изменение, то и другое возможно в смысле данной теории познания, но научное исследование покажет, что *одно* приемлемо — другое неприемлемо. Так, возможен и целый ряд физических объяснений, удовлетворяющих требованию ссылаться на наблюдаемый факт; это не значит, что все они верны, каждое из них может *физически* не годиться, может быть совершенно неверным; потому что гносеология вовсе не *объясняет* физических фактов, но она предлагает для всех объяснений некоторый общий контроль. Вот, это недоразумение нужно устранить.

Теперь я перехожу к вопросу о махизме. В старые времена меня называли махистом. Отчасти это уже тогда было ругательным словом, теперь оно стало им еще в большей степени. Но теперь я с удовольствием отмечаю, что меня этим словом не обозначают, хотя, правда, теперь создалось другое еще более

ругательное слово „богдановщина". Дело в том, что я позволил себе быть особого мнения о критике Маха, которую дают наши официальные противники; но я сам дал критику Маха и Авенариуса в 1908 году, и сборнике „Очерки философии коллективизма", в статье „Философия современного естествоиспытателя", там я показал, что это—идеология технической интеллигенции, и, между прочим, указал ошибки и недостатки теории познания махизма и эмпириокритицизма с чисто научной точки зрения,—что не было сделано моими официальными противниками. А. К., разумеется, прав, что Эйнштейн в основах своей теории—махист. Теория познания Маха содержит ценную вещь, которую у Маха взял Эйнштейн—принцип относительности; но А. К. упустил из виду, что взгляды Маха, в области теории познания, этим не ограничиваются и что наиболее основные моменты у Маха—принцип экономического мышления и ошибочно из него выведенный принцип чистого описания. И вот, я указал в 1908 году в сборнике „Очерки философии коллективизма", что принцип чистого описания, который возник как реакция против большой путаницы объяснительных естественно-научных теорий и который в течение некоторого времени мог играть положительную роль,—по существу ошибочен. Экономическое мышление вовсе не сводится к чистому описанию, потому что может быть эвристически выгоднее, экономнее для мышления построить сложную объяснительную теорию, прибавить к фактам посредствующие звенья, которых чистое описание не дает и которые с большей, в конечном счете, экономией приведут к тому, что получится цельное мировоззрение и полное объяснение фактов.

Принцип чистого описания аналогичен мелкобуржуазному сбережению, где стараются как можно меньше затратить и сберегают по мелочам; а принцип экономического мышления заключается в требовании, чтобы затраченная на мышление энергия дала максимум результатов, применимых к практике, ибо, в конце концов, практика есть критерий истины. Я вот именно и критиковал эту сторону теории познания Маха и отвергал ее с самого начала. Эта сторона теории познания и дала повод для некоторых его ошибочных позиций и отношения к атомным и молекулярным теориям; ошибки эти вовсе не зависят от принципа относительности, а зависят от концепции чистого описания. Если рассматривать историю развития науки в той общественной среде, которая в то время имелась, рассматривать во всей сложности идеологических комплексов, которые развиваются в социальной системе, то окажется, что принцип чистого описания мог сыграть положительную роль в известный период, когда объяснений было слишком много и они были противоречивы. Тогда временно все это было отброшено, старались оставить только „чистое описание" фактов, как некоторую систему уравнений; и затем на почве такого, если можно так выразиться, максимально сокращенного описания того, что дано, стало возможно успешное построение новых объяснительных концепций. Это совершенно естественный и положитель-

ный момент в ходе науки. Но из этого не следует, чтобы принцип чистого описания мог играть положительную роль во всякое время. Так и Советская Россия была принуждена в первые годы новой политики накопления держаться принципа сбережения всяких мелочей, не затрачивая много, потому что в это время она не могла достаточно получать, чтобы затрачивать в другие стороны. Но если она будет вести дольше, чем это необходимо, такую политику мелочных сбережений, тогда она, отцеживая всех комаров, проглотит всех верблюдов, и получится неэкономное хозяйство. Нечто подобное было с принципом чистого описания в сбережении энергии мышления. Итак, Эйнштейн, действительно, махист, этого отрицать нельзя в этом пункте, в вопросе об относительности, но не в вопросе о чистом описании.

Далее, употребленное Эйнштейном выражение „nicht beobachtbare Tatsachen"—„не наблюдаемые факты", А. К. понял очень ошибочно. Это выражение означает нечто такое, чего *принципиально* нельзя наблюдать. Например, бог. В конце концов, как будто вопрос спорный, может быть, мы и ошибаемся, разве невозможно было бы такое открытие: вдруг увидели где-нибудь в телескоп бога. Но дело в том, что он *принципиально* не подлежит наблюдению, он дух невидимый. Теперь вопрос: наблюдаемая ли вещь абсолютная система координатов? Это вещь *не наблюдаемая*. И тут есть целый ряд недоразумений, особенно в области терминологической. Разница очень большая. Если, как было до сих пор, под абсолютным пространством в сущности скрывалось *объективное*, то это неточно, но от этого абсолютного пространства могло не получиться особого вреда. Но когда объективное пространство стало дальше изменяться, тогда это стало в противоречие с концепцией абсолютного пространства. „Абсолютное" заключает в себе не только объективное, но и неизменяемое, несовершенное. К этому моменту в понятии абсолютного пространства и относится выражение Маха—„нам кажется бессмысленным". Мы берем понятие абсолютного так, как оно прилагается к богу и во всей истории религии, в смысле неизменяемости, в смысле того, что раз навсегда дано и неизменно, что не может быть иначе, к чему нельзя прикасаться. Как раз на этом пункте мы можем видеть разницу между абсолютным и объективным. Относительно объективного у нас есть определения Маркса. Первый раз он дал такое определение в своей диссертации. Он говорил, что „Молох, *действительно*, царил в древнем мире. Аполлон Дельфийский был действительной силой в жизни греков", т.-е. они были тогда объективными факторами. По этому определению можно еще не придать значения, ввиду того, что Маркс еще в те времена не оставил идеалистической позиции. Однако и в примечаниях к Фейербаху он говорит, что „действительность есть практика", что „критерий истины есть практика". Но действительность это и есть объективность. Ее критерий—практика—критерий *исторический*: то, что служит достаточной базой для практики, то и есть—действительность, т.-е. объектив-

ность. При этом, как видно из других примечаний, дело идет о практике коллективной; и объективность сводится к этой коллективной социальной практике. Но она *переменна*, и, следовательно, объективность *переменна*. В третий раз дается попутное определение в первой главе „Капитала" на странице 28 немецкого издания. Там говорится о товарном фетишизме, о формах мышления товарно-фетишистических. „Эти формы мышления,—пишет Маркс,—*социально-значимые, следовательно, объективные*, при товарных отношениях" теряют свое объективное значение, мистицизм их разоблачается, когда мы становимся на точку зрения иной социальной формации, напр., коллективистической. Однако в пределах товарного мира они „социально-значимы, следовательно, объективны". Следовательно, объективность для каждой данной эпохи неизбежно меняется, так как меняется „социальная значимость". Атомы Демокрита могли быть объективными для его эпохи, но они мало похожи на современные атомы и для нас не объективны. Так и целый ряд других в свое время объективных теорий—как, напр., теория Френеля о волнообразном колебании эфира—затем теряют свою объективность, уступая место другой объективности. Историческая объективность определяется возможностью укладывать в систему объяснения то, что имеется, и предвидеть то, чего не хватает. Итак, понятие объективности, это понятие исторической значимости для данной эпохи. При чем фактически это означает социальную значимость не для всех людей и даже не для большинства их. У громадного большинства крестьян объективность совершенно другая, чем у нас, хотя бы в астрономии. Но объективностью эпохи надо считать объективность наиболее прогрессивную. Это будет объективность не только развитого капитализма, но и наиболее прогрессивного класса, т. е. пролетариата. А объективность, напр., мещанская, теперь уже не является, но раньше *была* исторической объективностью. Вот какой смысл объективности, и вот в чем ее резкое расхождение с понятием абсолютного. Понятие абсолютной системы координат не соответствует понятию объективности. А так как оно есть идеологическая надстройка, то я думаю, что Эйнштейн в данном случае был ближе к Марксу, чем Арк. Клим. Раз „абсолютная система" Ньютона есть идеологическая надстройка, то не могло в зависимости от нее произойти изменение материального „базиса", изменение шара в сфероид.

Далее. Во всех почти изложениях теории относительности встречается недостаток, вытекающий из того, что теория относительности явилась продуктом интеллигентской идеологии естествоиспытателей, а не продуктом другого идеологического типа. Там, то и дело, системы координат фигурируют, как что-то самостоятельное, как реальности; и все время забывают, что система координат тогда имеет смысл и значение, когда за нею скрывается физическая система. Но именно об этом Эйнштейн в данном случае вспоминает. За наблюдаемым явлением должно скрываться действие какой-то системы физической, как, напр., систе-

ма неподвижных звезд, но не абсолютной координатной системы. А в обычных изложениях часто говорится так, как будто дело сводится именно к координатным системам. Но объективная координатная система всегда должна относиться к системе физической, системе земли, солнечной, галактической и т. п.; а если это забывать, то это будет чисто идеологическим построением. Но еще идеологичнее построения, сводящие реальное к абсолютному; тут уже включаются религиозные пережитки, ибо понятие абсолютного есть религиозный пережаток. Вообще же надо иначе формулировать; и если популяризаторы постоянно повторяют выражение: покой или движение по отношению к такой-то координатной системе,—то выражение это надо перевернуть и сказать: систему координатную борем такую, которая покоится по отношению к такой-то физической системе, т.-е. связана с нею. Но сейчас я не могу на этом останавливаться. Я склонен сделать доклад в методологической секции, при чем буду заниматься этим вопросом, а пока только скажу, что говорить о покое и движении по отношению к координатным системам—неправильно, а надо говорить, наоборот, о покое и движении по отношению к тем физическим системам, к которым мысленно прикреплены координатные. Тогда совершенно отпадают те неудачные выражения, которые в связи с вопросом о покое и движении можно встретить не только у Э., но и у Маха. Когда Э. начинает философствовать, тут естественно могут быть недоразумения; но это случается и с Махом, напр., относительно системы Коперника и системы геоцентрической, о том, что они якобы равноценны. Это выражение совершенно неверно именно с точки зрения махизма, конечно, оно также и неверно с точки зрения Э. Мах говорит: „истинно то, что целесообразно познавательно". Э. в том же смысле говорит в одном месте: „кто же станет сейчас исследовать солнечную систему, взявши за центр координат Землю?" В самом деле, ясно, что это нецелесообразно; но, значит, это и не истинно с точки зрения махизма.

Вообще, когда говорят о „покое" той или другой системы, это совершенно неправильный способ выражения. Раз движение как *один* факт дано один раз, а не два—а именно в этом смысл принципа относительности,—то нельзя сказать, что можно взять что-нибудь „в покое". Неподвижности, покоя существовать не может, если существует относительное движение. Это тогда совершенно невозможный способ выражения.

„Равноценны" та и эта система координат вообще лишь в *кинематической абстракции*. Эйнштейн сам подчеркивает это; в своем примере он взял эти две планеты и говорит: „если нет других условий, которые дали бы возможность судить о массах, напр., приливов" и т. д.; значит, если есть какие-нибудь явления, которые дают возможность сказать, что масса этого тела больше массы того, то тогда нужно выбрать систему координат не по произволу ту или эту, а вполне определенную, ту, которая соответствует общему центру тяжести обеих планет. В пре-

делах кинематической абстракции, когда есть только один факт движения и нет другого факта, который заставил бы нашу систему координат прикрепить к определенной точке, в этих пределах, действительно, непонятно, почему было бы обязательно ее прикрепить к одному или другому телу. Но также надо помнить, что только в кинематической абстракции движение дано всецело как один факт; а при более полном физическом исследовании оно нам дано во всей его сложности, может быт, даже не как 2, а как 20 фактов. Вот, таков пример с винтом и гайкой. В голой кинематической абстракции нельзя отличить, винт ввинчивается в гайку, или наоборот, а в реальности мы можем навинчивать гайку на винт и наоборот.

В недоразумение впадает также Арк. Клим. в своем примере с невидимостью звезд от облаков и пр. Выражение „nicht beobachtbar" здесь не применимо; оно значит — вообще принципиально не наблюдаемый; а *еще не наблюденный* не значит — вообще не наблюдаемый. Не наблюдали до сих пор микроба бешенства, но никто не считает, что он не наблюдаем. Все считают, что со временем его найдут. За облаками, допустим, никогда не видно звезд, но, может быть, при известном развитии физики догадались бы, что существует нечто такое. А может быть, впрочем, они даже не догадались бы; во тогда они и признали бы причиной отклонения маятника что-нибудь вроде бога или абсолютной системы координат. Это даже всего вероятнее: всегда в царстве слепых царствует религия и ее пережитки.

Теперь еще вопрос, действительно ли теория относительности и та теория познания, из которой она исходит, в настоящий момент мешают или, напротив, содействуют исследованию. Ведь вот, говорит Арк. Клим., опыты Майкельсона сколько времени не проверялись. Но разве вы не видите, какой колоссальный толчок науке дала теория относительности, какое колоссальное возбуждение мысли она вызвала? Почему опыты Майкельсона не повторялись? Да хотя бы потому, что это вещь гигантской сложности, мы знаем, с какими трудностями это было организовано, как не легко это сделать, и далеко не всякий может у себя иметь такой инструмент, как интерферометр и устроить все условия опыта. Кроме того, имелись все основания доверять точности постановки опытов Майкельсона. Если же при еще большей точности окажутся верны указания, что на разных высотах над землей изменяются результаты интерферометрических исследований, то эти указания поведут дальше, к новому развитию или новому истолкованию теории относительности.

Теперь я спрошу, какая же собственно помеха для исследования в том, что люди отвергают причины абсолютно не наблюдаемые? Дело ведь идет именно об этом: „nicht beobachtbar" говорится о вращении относительно абсолютной системы координат потому, что абсолютной системы координат наблюдать нельзя, можно наблюдать только реальную, напр., хотя бы галактическую. Абсолютна она или нет? Как только сказали „абсолютна", так

она стала не наблюдаема, потому что о галактической, реально наблюдаемой системе мы отнюдь не можем сказать, не движется ли она по отношению к другим системам, изменяется ли она или нет. Пока мы не говорим „абсолютное", все хорошо, надо наблюдать и выяснять. Как только вводим „абсолютное", так дальше итти некуда. Где же остановка исследования? Там, где сказали „абсолютное". Где нет остановки исследования? Там, где допускается только принципиально наблюдаемое. Вот какой вывод. Значит, тут диаметрально противоположное тем соотношениям, о каких говорит Арк. Кл. Вообще, либо вы различаете абсолютное и объективное, либо смешиваете. Если смешиваете, то помеха и будет на этой стороне.

Теперь я заканчиваю. Что же такое теория относительности? Да кто же не понимает того, что она вызвала колоссальное движение, массовую работу научной мысли, дала огромный стимул развитию физики? Этого никак нельзя отрицать. А затем еще остаются такие вещи, как два исполнившиеся предсказания. В вопросе об отклонении луча солнцем, вы говорите, что это не совсем точно. Может быть и так, но все-таки и по-вашему, что то вроде этого выходит. А так называемое „Rotverschiebung", т.-е. отклонение линии в солнечном спектре в сторону красного, предсказанное Эйнштейном? Долгое время говорили, что это не наблюдается, а вот тепер в № „Nature" от 27 октября есть изложение докладов двух исследователей. Один из них, Сент-Джон, раньше пришел к отрицательным результатам; а в этом докладе выясняется, что он теперь пришел к противоположному, т.-е. к положительному заключению. И он говорит в этом докладе: „положение линий солнечного спектра не идентично с положением линий, которые происходят от тех же самых элементов в раскаленном состоянии, наблюдаемых на земной поверхности; и отклонение направлено к красному концу спектра; при чем перемещение, предсказанное Эйнштейном, доходит до 86% всего наблюдаемого перемещения; остаток зависит от других, хорошо известных причин"... И дальше, в декабрьском № журнала поясняется, от каких именно причин. Это выводы Сент-Джона, который раньше был противного мнения. А другой доклад, Эвершеда, в журнале „Обсерватория" дает подробности „утвердительного вердикта", возвещенного перед Королевск. Научн. Ассоциацией в прошлом июне.

Я заканчиваю. Всякий физический комплекс сложен, и наука шаг за шагом идет по все более полному и точному познанию. Если и с теорией относительности у нас окажется, что не все так, то мы сделаем тогда еще шаг вперед. Сама же теория относительности есть теория *поправок* по отношению к Ньютоновской физике, которая все-таки остается в основном пригодной для нас в обычной практике. И вы видите, что эта теория дает толчок движению вперед. Во всяком случае, в истории физики это большой прогресс, а не реакционный шаг, как выходит в изложении Аркадия Климентовича Тимирязева.

Бажанов В. А. Я не собирался сегодня выступать. Но моя статья о теории Эйнштейна подверглась таким энергичным нападкам со стороны уважаемого докладчика, что несколько замечаний я считаю себя вынужденным сделать. Аркадий Климентович по поводу замечания Эйнштейна, что положение, безупречное с точки зрения теории познания, может не соответствовать физическим фактам, сказал: „на что нужна такая теория познания? Если теория познания приводит к результатам, которые физически опровергаются, то естествоиспытатель такую теорию познания за окошко выбросит". А. А. Богданов уже указал на неправильность такого подхода к теории познания. Никакая теория познания не гарантирует нам согласия наших научных построений с фактами,—это задача специальных, в данном случае физических, теорий. Теория познания может обеспечить лишь согласованность наших понятий друг с другом, отсутствие внутренних противоречий. И эта функция теории познания отнюдь не является маловажной, ибо очевидно, что из теории внутренно-противоречивой, не выдерживающей логической и гносеологической критики, нельзя сделать никаких вообще выводов,—ни согласных, ни несогласных с фактами.

Однако роль теории познания этим не ограничивается. Могут быть положения, свободные от логических и фактических противоречий, но лишенные всякой познавательной ценности, ничуть не расширяющие сферы нашей действительной власти над природой. Так, например, установление причинной связи расширяет нашу власть над природой постольку, поскольку дает нам возможность от наблюдаемой причины умозаключить к грядущему следствию или от наблюдаемого следствия к имевшей место в прошлом причине. Но, очевидно, эту услугу причинная связь оказывает нам лишь в том случае, когда она устанавливается между двумя наблюдаемыми в опыте событиями. Если же мы причиной наблюдаемого факта объявим нечто такое, что само по себе ни при каких условиях—ни прямо, ни косвенно—не может быть наблюдаемо, то мы совершенно извратим теоретико-познавательный смысл причинности, создадим теорию, которая не может быть ни доказана, ни опровергнута, которая нисколько не расширяет нашего действительного познания природы, а создает лишь словесную, мнимую, метафизическую имитацию познания. Классическим образчиком такого метафизического извращения категории причинности и является понятие „абсолютного вращения", как причины появления центробежных сил в том теле, которому мы приписываем такое вращение. Вращение в абсолютном пространстве не есть особое событие, которое мы могли бы тем или другим способом установить, как самостоятельный факт, для того чтобы затем причинно связать его с другим фактом—с наличностью центробежных сил. Факт в данном случае только один: сплющивание материального тела под влиянием центробежных сил; и от этого единственного подлежащего наблюдению факта, как следствия, умозаключают к неподлежащей наблюдению, чисто

умозрительной, недоказуемой и неопровержимой его причине, к „абсолютному вращению". В моей статье я и поставил вопрос: чем же с теоретически-познавательной точки зрения такое „объяснение" отличается от теологического объяснения физических явлений скрытой за ними волей божией? И там и здесь причина явлений скрыта от познания, и притом скрыта принципиально; по самому своему *заданию* она такова, что связь ее с ее следствием не может подлежать практической научной проверке. Поэтому Эйнштейн вполне прав в своем утверждении, что теоретико-познавательный смысл причинная связь имеет лишь в том случае, если она применяется к двум „доступным наблюдению фактам опыта". Речь идет здесь, очевидно, не о „непосредственно наблюдаемых" (как неправильно переводит слово „beobachtbar" Аркадий Климентович), но о *подлежащих вообще наблюдению* фактах,—совершенно независимо от того, наблюдаются ли они непосредственно, или при помощи самых утонченных приемов и приборов.

Только при таком ограничении категория причинности сохраняет свой строго научный смысл и исключается возможность ее метафизического и теологического искажения. Таким образом цитированные Аркадием Климентовичем теоретико-познавательные утверждения Эйнштейна представляют собой *элементарные предпосылки всякой научной теории*, одинаково обязательные и для махиста и для материалиста. С теми специфическими особенностями махизма, которые отличают этот последний от материализма,—т.-е. с теорией „элементов" и постулатом „чистого описания"—теория познания Эйнштейна, как она изложена докладчиком, не имеет ничего общего. А вместе с тем падает и вся воздвигнутая на этом фундаменте критическая аргументация докладчика.

Шмидт О. Ю. Товарищи, здесь товарищу Тимирязеву пока возражали только с точки зрения махизма или даже не махизма, а богдановизма, я не хочу сказать богдановщины.—Это только одна сторона критики. Я не причисляю себя ни к одному из отпрысков махизма, я считаю себя материалистом, но и, как таковой, я с постановкой тов. Тимирязева совершенно не согласен. Дело в том, что мы должны оценить, в конце-концев, материалистическое значение или отсутствие этого значения не за философскими мыслями Эйнштейна, а за принципом относительности, за теорией относительности. Идеология какого-то живущего в Берлине профессора нас не интересует. То, что Эйнштейн слабый философ, мы знаем, а как именно там Альберт Эйнштейн путал в философских понятиях и как он отражает идеологию своей среды,—это для нас не интересно. Между тем, мы это сейчас забыли, и это забывают довольно часто. Здесь доказывали, что Э.—махист. Это совершенно не важно, во важно объективное значение его физического учения. Нам как материалистам надо подойти и спросить: независимо от того, как сам Эйнштейн его расценивает, по-марксистски или вет, как с нашей точки зрения—что здесь правильно или неправильно, годится ли оно, как один из

элементов буржуазной науки, годных для нашей переработки, или принципиально не годится. Вот та постановка, которая в Соц. Ак. должна быть сделана. Я собирался в свое время сделать подробный доклад на эту тему в Социалистической Академии. В одном из номеров „Вестника" опубликовано, что в следующем номере будет напечатана моя статья, но не знаю, как мне позволит время, так как время ответственного работника весьма „относительно". Сейчас в пределах 15-ти минут исчерпать свой доклад я не собираюсь, но некоторые мысли из конспекта того доклада помогут мне выступить здесь.

Мне кажется, что одним из несчастий Эйнштейна является неудачное название. Эта самая релятивность—относительность, это очень легко связывается с философскими учениями, которые злоупотребляют этими словами, и тут очень легко впасть в некоторую вульгаризацию. Я не хочу сказать, что Аркадий Климентович в этом грешен, но это создается общим настроением у нас в России, и в части партии есть некоторое предубеждение, вызванное прежде всего этим неудачным названием. Пример вульгаризации: журнал „Крокодил" в свое время изобразил откуда-то перепечатанную карикатуру на Э. Он пишет буквально так: „Эйнштейн изобрел ваучную теорию, которая противоречит физике и геометрии, а потому она буржуазна и пролетариату не нужна". Буквально так там сказано. Дорогие товарищи, нам нужно прежде всего воздержаться, нам нужно подойти без предубеждения. Можно было бы теорию Э. назвать теорией абсолютной скорости света, вообще можно с разных концов начинать. Тут дело не в словах.

Если мы подойдем без предубеждения, то для нас, материалистов, научных работников, вопрос стоит так, что единственная наша задача—это проверить Эйнштейна с точки зрения пригодности тех или иных принципов его теории для построения материалистической науки. Мы должны будем к этому прибегнуть, так как пока только азы в материалистической науке принципиально установлены, а детали, приложения к другим наукам и, напр., более тонкие вопросы естествознания мало разработаны. Понятие и связь пространства и времени не разработаны совершенно. Мы до сих пор путаемся в остатках кантианства. Это исторически объясняется случайной связью Маркса с Гегелем и с Кантом. А практически и эмпирически это объясняется тем, что естественников среди последователей Маркса было по политическим и социальным причинам немного и они просто не успели дойти до этих вопросов, поработать над ними, и поэтому у нас получается то противоречие, что мы подходим к современному физическому учению с негодным аппаратом, с устарелыми и непроверенными, с точки зрения материализма и марксизма, понятиями времени и пространства. Они существуют у нас как-то по детски, они взяты каждым из нас даже не у Канта, а от наивного реализма, который, в конце концов, от научного материализма значительно отличается.

Я, может быть, буду иметь возможность когда-либо сделать набросок в подробном докладе о подходе к Э. с точки зрения материализма. Можно было бы начать так. Вдумайтесь в пространство,—как материалист должен подойти к пространству. Материализм отличается тем, что внешний мир для него есть реальный. Никаких для материалиста тут нет сомнений, и никаких не нужно разговоров об экономизации мысли и лучшей систематизации и т. д. Для него это реальность исходная. Что же тут реального? Реально то, что мы называем *телом*. Затем пространство есть уже более неуловимое для нас понятие, свойства которого мы должны критически разобрать. Материализм должен был естественно подойти к этому пространству, опираясь на тело. Материалисту очень легко понять основной тезис Римана, что пространство могло бы меняться и отражать свойства тела. Во всем этом подходе чувствуется гораздо больше материализма, чем религиозных возможностей. Это подход материалистический. Этот подход и такой взгляд на Эйнштейна, казалось бы, для нас вполне приемлемый.

Это положение можно иллюстрировать. Рассмотрим сосуд, в котором масса молекул движется в разных направлениях. Мы можем рассматривать каждую молекулу в отдельности в ее беге, или мы можем просматривать бег молекул как-то пространственно, если мы определим пробег молекул по отношению к стенке. Но как мы тогда поступим, если стенки удаляются и если масса, состоящая из молекул, носится в пространстве без стенки. Нам остается один путь—исходить от отдельной молекулы. Выбор этой молекулы должен оказаться безразличным. Если взять одну молекулу и изобразить, исходя из нее, картину мира, затем взять другую и повторить то же самое, то, если материализм прав, должна получиться тождественная картина мира, с какой бы молекулы мы не начали. Но ведь это и есть формулировка общего принципа относительности! Если свет (электромагнитные колебания) есть единственный передатчик изменений от тела к телу, от одной молекулы на другую, то, очевидно, *скорость* света может зависеть только от движения молекул по отношению друг к другу. Если этот подход правильный, то с какой бы молекулы мы ни начали, у нас скорость должна получиться одинаковая, если относительное движение молекул равномерно. Я не выдвигаю этих мыслей как новый принцип, идущий дальше Эйнштейна. Я говорю только, что это есть грубая, первоначальная формулировка материалистического подхода. Нужна более тонкая разработка, введение в нее всех необходимых поправок, уточнений, должен быть прежде всего опыт, но в этом подходе, который близок к Эйнштейну, нет ничего такого, что было бы для нас принципиально неприемлемым.

На практике мы наблюдаем в развитии принципа относительности совершенно иной уклон. То, что он попал в руки математиков, это есть одно из его несчастий, потому что их сейчас увлекла внешняя сторона и ими разработана более подробно эта

внешняя сторона, при которой, действительно, получается для математиков субъективное убеждение, что это наиболее удачное и удобное выражение. Для материалиста дело не в этом. Философы-релятивисты используют Эйнштейна в свою пользу, при чем Петцольд идет дальше и договаривается до таких вещей, которые сторонники Эйнштейна опровергают. Есть и другой взгляд в литературе об Эйнштейне, довольно строго материалистический—это взгляд Шлика. Никто не мешает нам эти положения разработать с марксистской точки зрения, разработать вопрос о существе пространства и о том, как оно меняется от присутствия тел. Для нас такой подход должен быть понятным и как будто более близким подходом, чем какой бы то ни было. Тогда нам будет легче подойти и к общему принципу относительности.

Мы видим, что на-ряду с той концепцией пространства и времени и основных вопросов, с ними связанных, которые господствовали долгое время, которые мы унаследовали от буржуазной науки, также, как их получил Эйнштейн, на-ряду с этим выросла какая-то другая спорная концепция. Имеем ли мы принципиальные основания одно отвергать, другое принять? У нас должен быть подход критический. Мы должны вдуматься и проверить факты. Что говорят факты? Факты, решающие вопрос в ту или другую сторону полностью, еще не пришли. Тов. Тимирязев предугадывает, что они, несомненно, стоят против Эйнштейна. Мы говорим только, что мы не знаем, как факты решат Эйнштейново пространство, пока оно разработано только идеалистами или формалистами—математиками, притом в довольно запутанной форме. Оно может быть нами поставлено с головы на ноги, как это марксистами сделано по отношению к другим теориям, и, может быть, пройдет еще много времени, пока мы это сделаем. Но пока что фактов много, и они заставляют нас думать, что принимаемая Эйнштейном концепция не неправильна. Мне кажется, что мы найдем более материалистический подход к Эйнштейну, нежели к Ньютону. Другие понимают иначе. Давайте посмотрим, как выйдет. Я считаю, что перед нами, марксистами, работниками точных наук, одной из ближайших задач является использование Э., отвоевание у буржуазной науки того, что у него есть ценного. Релятивистическая философия первая Э-ном воспользовалась и первая стала из него капитал для себя добывать. Отсюда не следует, что мы должны его отвергнуть. Постараемся и мы из него капитал извлечь и взять то, что отвечает вашему мировоззрению.

Каган В. Ф. Я должен сказать, что товарищи, возражавшие А. К. до меня, уже высказали очень многое, с чем я совершенно согласен. То, что я имел в виду сказать, нельзя уложить в те ограниченные минуты, которые мне предоставлены. Я не могу возразить на весь тот большой ряд вопросов, который А. К. из теории относительности извлек. А. К. начал с того, что каждый философ тянет Эйнштейна, как мощную фигуру, в свой лагерь. Это совершенно верно. Но я должен сказать, что когда читаешь

эти статьи, то видишь, что огромное большинство из них не знает Эйнштейна, стоит далеко от него, путает самые элементарные его концепции. Поэтому мне кажется, что от всех этих философов надо отказаться и подходить к вопросу совершенно самостоятельно. Я совершенно разделяю точку зрения отчасти А. А., отчасти О. Ю. Точку зрения на учение Э. и я формулирую обыкновенно так: для материалиста, к которым я себя твердо причисляю, нет иной точки отправления при ориентировании движения, как физическое тело. Только тело нам доступно; относительно одного какого-либо тела физическими приемами мы определяем движение других тел. И когда мне говорят, что именно сейчас я двигаюсь [1]) по земле, а не земля движется относительно меня, то я решительно не могу понять того содержания, которое вкладывается в эти слова. Я не понимаю того, что хочет тот, который это говорит, этими словами сказать. Хочет ли он сказать, что именно я при этом проявляю энергию. Да, но проявляю ли я ее для того, чтобы оттолкнуть себя от земли или землю от себя. И заметьте, товарищи, что классическая механика никогда не стояла на такой точке зрения. Вот в этот момент я двигаюсь относительно земли, а земля движется относительно меня. Если происходит движение мое по земле или относительно земли, то, с точки зрения классической механики, двигаюсь я, и движется земля, и только центр инерции остается в покое или движется равномерно; но только пройденные пути, примерно, обратно пропорциональны массам. Спрашивается, где же тут, с точки зрения классической механики, можно утверждать, что двигаюсь я, а не земля. Я утверждаю совершенно определенно, я не понимаю, что это значит, когда говорят, что движется то тело, а не другое. Я думаю, что я ставлю вопрос на твердую материалистическую точку зрения. Это относится и к тому примеру, который изображен здесь. Нельзя даже сказать, что мы не знаем, движется ли маятник относительно стола, или стол относительно маятника. В этих утверждениях просто нет никакой разницы по существу. И с этой точки зрения я думаю, что О. Ю. неправ, когда до некоторой степени охаивает наименование этого течения мысли, именно как теории относительности. Нет, это есть именно теория относительности. Неправ О. Ю. и в том отношении, что скорость света остается в теории относительности абсолютно постоянной; в общей теории относительности скорость света не имеет постоянного значения.

Когда я слушал обширные споры по учению Эйнштейна, я должен был констатировать следующий факт. Все они, я сказал бы, до-эйнштейновские, составляют презумпцию эйнштейновского учения; все они касаются того, что было для весьма многих ясно еще до начала его работ. Все эти споры относятся к области, относительно которой споры велись еще Декартом, Лейбницем, Муром, Беркли и тутти кванти; и тогда были ученые, которые, следуя

---

[1]) Оратор ходит по комнате.

Ньютону, признавали своеобразное божество — абсолютное пространство, а были другие, которые это отрицали. Вполне присоединяюсь к Александру Александровичу и тов. Базарову, что абсолютное пространство в этой области идей мало чем отличается от божества. Как иначе назвать нечто абсолютно существующее, но в то же время абсолютно невидимое, принципиально и никогда чувственному познанию не подлежащее. Да; но, пользуясь этой средой, Ньютон все-таки построил замечательную систему. И когда эту невидимую среду заменяют другой средой, огромной „неизменяемой" системой неподвижных звезд, то получается весьма большое приближение к тому, что мы действительно наблюдаем. Так что в этой концепции была теория, очень замечательная, очень глубокая, которая никогда не погибнет, ибо для медленных движений она останется первым приближением, незаменимым по простоте и точности. Для многих, однако, уже давно было ясно, что по существу эта теория все же несет в себе принципиальную ошибку. И чтобы эту ошибку исправить, нужно было построить иную теорию; нужно было показать, что возможно так построить всю геометрию, всю механику, всю математическую сторону этого дела, чтобы относительность движения действительно всюду выполнялась. И это Эйнштейн сделал, он дал такую схему, он дал такое математическое построение; он показал несомненную возможность такой схемы. Нужно себе дать ясный отчет во всем этом, ибо это математическое построение до конца не доведено. Для того, чтобы оно было доведено до конца, нужно знать те 10 функций, которые лежат в его основе. Мы их умеем вычислять при самых простейших гипотезах и предположениях, как и в классической механике, мы умеем работать только с простейшими случаями. Но в общем виде эти 10 функций еще для нас „терра инкогнитиссима". Но если признать, что эти 10 функций существуют, то Эйнштейном показано следующее.

С точки зрения теории относительности дело должно обстоять так: все силы, все физические факторы, теплота, температура, электрическое напряжение, сила тока должны выражаться иными числами, должны количественно иметь другие значения, если мы измеряем это не на среде I, а на среде II, движущейся относительно среды I; Эйнштейн указал закон этого перечисления со среды I на среду II при произвольном движении, при чем он может быть выполнен так, чтобы сохранен был принцип относительности вполне. Это его большая заслуга, и эта идея математически необычайна, хотя бы для нас, математиков. Мы в геометрии, благодаря этому методу, получили уже чрезвычайно глубокие, новые результаты.

Но вернемся к физике. Итак, Э. показал, что такая система возможна. Но есть ли это единственно возможное решение проблемы, которое предложено Э., или нет. Этот вопрос остается открытым, и даже, может быть, на него можно смело ответить отрицательно. Но я повторяю, что эта проблема еще не решена и возможно, что будут и многие другие ее решения. Вот как,

мне кажется, стоит вопрос. К идее абсолюта никогда наука не вернется. Но заметьте, что идея абсолюта находится в решительном противоречии с материалистическим течением и, по моему убеждению, лица. ее защищающие, не заметно для себя попадают в метафизику. Это для нас сомнению не подлежит. Но останется ли именно тот закон ковариации, какой дан Эйнштейном, будет ли он коренным образом изменен или он, в свою очередь, является первым этапом при переходе от механики Ньютона к новой системе, этот вопрос нужно еще решить, согласовав теорию с фактами. По-моему, надо сказать, что Э. дал толчок исследованию именно этих фактов и в этом смысле это учение чрезвычайно прогрессивно. И *я*, т. т., должен сказать, что я решительно не считаю, что эти исследования дали окончательный ответ на этот вопрос. Experimentum crucis еще впереди, и посмотрим, может быть, эти законы перечисления придется еще глубоко изменить. Но классическая механика, как выражающая в совершенстве явления природы при простейших предположениях и в применении к медленным движениям, останется навсегда первым приближением и, во всяком случае, будет всегда главным орудием для механиков-практиков.

Шатуновский, Я. Я попробую стать на точку зрения тов. Тимирязева. Я уже не раз с ним на эти темы разговаривал. Он мне друг, но истина мне дороже. Допустим, что теория Эйнштейна не имеет никаких корней в действительности или, как он выражается, в физике. Товарищ Тимирязев при том говорит, что теория Эйнштейна представляет собой математически правильно разработанную систему. Тов. Каган, очень глубоко изучивший принцип относительности, указывает далекие еще недостигнутые горизонты, но, но всяком случае, эта система не менее разработана, чем теория Ньютона, а если это так, то уже этого одного достаточно, чтобы не говорить о ней, как о реакционном явлении. Мы должны были бы тогда говорить, как о реакционном явлении, о геометрии Лобачевского, потому что она не имеет корней в физике, но товарищи знают, что это не только не реакционное явление, но что, согласно нашей большевистской точки зрения, что прогрессивно то, что непосредственно полезно,—она прогрессивна, так как дала нам немало полезного, хотя бы в деле решения ряда интегралов и т. д. Мы, большевики, кроме того, считаем, что те или иные создания человечества вытекают из тех или иных экономических потребностей, но мы знаем, что на определенной стадии научного развития этот процесс может итти и иначе. Часто создается определенная концепция, которая уже потом находит или не находит свои приложения. Так мнимое число стало комплексными и т. д.; в этом смысле, если даже теория Эйнштейна совершенно не связана с физикой, если даже это верно,—я считаю это неверным,—то уже одно то, что это есть еще одна концепция,—усиливает наши научные возможности. Ценно уже то, что так же, как теория Лобачевского резко отделила недоказанное от недоказуемого, так и теория Эйнштейна

отделила ненаблюденное от ненаблюдаемого, а уже одно это, по моему убеждению, является прогрессивным явлением. Ньютон разработал анализ, Эйнштейн тензоры. Это равноценно. Оба стоят рядом, и их роль одинакова.

Тов. Тимирязев очень много говорил о маятнике Фуко. Он пробовал нас запугать тем, что было бы если бы не было неподвижных звезд. Была бы, несомненно, среда, относительно которой действует сила тяжести, и только в этом смысле мы и пользуемся неподвижными звездами. Дальше тов. Тимирязев пробовал нас запугать тем, что на маятнике не может быть построена техника. Я думаю, что техника, конечно, построена но на маятнике, а несмотря на маятник тов. Тимирязев делает то, что за последнее время приходится видеть всюду, что делают все и по отношению к чему все относятся как к чему-то абсолютному: за последнее время после смерти В. И. так много цитируют Ленина, не заботясь о том, когда и зачем это было сказано, что, я думаю, Соц. Академии необходимо, кроме методологической секции, организовать секцию защиты Ленина от всех тех, кто его цитирует. Тов. Тимирязев по-моему выбрал цитаты утрирующие. В это нужно углубиться, чего я не могу сделать, потому что время у меня ограничено. Для меня также был не убедителен опыт с винтом и гайкой, которые лежат в кармане тов. Тимирязева. Я не помню точно его выражения, но он говорил, что мы представляем собою баранов не помнящих. Я не знаю, зачем он это приводил. Конечно, если он напустит туману между собою и гайкой, то будет правильной та нелепость, которую он нам с очевидностью приводил. Относительно абсолютного пространства и времени я не знаю, почему у нас хотят непременно считать, что относительное есть что-то выдуманное. У нас относительное движение, относительная скорость, ускорение, сила и т. д. Почему не может быть относительным время? Постольку, поскольку тов. Тимирязев говорит о нем, как о форме бытия, для меня это приемлемо. Я считаю, что когда мы говорим о пространстве, то мы имеем здесь ввиду многообразие точек, и в этом многообразии трех координат, или четырех координат, если считать и время, для меня совершенно ясно, что это есть форма, где все четыре координаты равно относительны. Относительность для формы совершенно приемлема и совершенно правильна. Тут, товарищи, собственно, основное дело вот в чем. Буду говорить об этом откровенно. У нас, материалистов, почти всегда, как только всплывает что то новое,— так вместе с ним у многих являются большие затруднения, тем не менее мы эти затруднения всегда преодолеваем. О старой материи и атоме уже Гельмгольц говорил с большим недоумением, в конце концов мы пришли уже к электронам, и мы это приняли, хотя они собственно энергия. Важно—что они действительность. Нас не страшит и то, что мы действительность ставим в те или иные условия, смотрим на какое-нибудь вещество в микроскоп, на луну в телескоп, перенося эту луну на другое

место и рассматривая ее, как нам удобнее. Это не противоречит нашему основному материалистическому пониманию. И вот сейчас нам нужно опять эту действительность, а именно ее механику, усложнить, мы опять перед новым и опять тут страхи. Я думаю, что то, что мы сейчас не побоялись после слова марксизм пустить слово ленинизм, означает, что мы подвижны при изменяющихся обстоятельствах, способны легко двигаться и что тут ничего страшного нет. Тов. Тимирязев еще говорил и говорил очень пренебрежительно, цитируя ученых, что логика и природа должны совпадать. Это, конечно, постулат, но все-таки мы и знаем таких случаев, что являет нам природа, но природа всегда укладывается в логику. Таких обстоятельств, когда природа и логика пришли бы в противоречие, нет, и этот постулат есть наш рабочий постулат, против которого мы не спорим. Наоборот, именно те, которые верят в старого бога, о котором сегодня многие говорили, те считают, я верю, несмотря на то, что это не совпадает с логикой. Я думаю, что нам от этой гипотезы отказываться и считать ее для нас неприемлемой не приходится. Я хочу еще сказать одно. Говорить так, как тов. Тимирязев, что эта теория есть помеха ученому, сказать это в отношении к теории, которая, может быть, одна дала столько материала для работы мысли, сколько ни одна другая теория не дала,—в наших условиях говорить о том, что эта теория есть помеха ученому,— по моему, значит мешать науке.

Тимирязев. А. К.

Заключительное слово.

Товарищи. Ответ, сколько нибудь обстоятельный на те возражения, которые мне были сделаны сегодня, потребует довольно много времени; поэтому я очень рад воспользоваться тем предложением, которое в конце концов было принято: мне предоставляется заключительное слово сегодня с тем, чтобы прения все-таки не были на этом закончены. Мы соберемся здесь еще раз и потому, если я не успею ответить на все возражения сегодня, то у меня останется возможность ответить во втором заключительном слове, которое, надеюсь, мне будет предоставлено на нашем следующем собрании.

Перехожу к общей характеристике тех нападок, которые на меня делались. Я прежде всего должен сказать, что *ни один из возражавших мне товарищей* не обмолвился ни одним словом о том принципиальном затруднении, в какое попали „релятивисты“ и которое я иллюстрировал на примере опыта с маятником Фуко на планете, покрытой тучами[1]).

---

[1]) По этому поводу мне после доклада возражали, что этот пример есть у Пуанкаре. Я вовсе и не заявлял никаких претензий на приоритет, хотя ни Пуанкаре ни ряд других исследователей не делали на этого примера тех выводов, на которые я обратил внимание в своем докладе. Пуанкаре, говоря о гипотетических жителях Юпитера, живущих под толстым слоем облаков, приходит к выводу, что у них должен был появиться свой Коперник, который своей гипотезой о вращении самой планеты дал бы возможность „эко-

Правда, тов. Шатуновский тоном победителя заявил, что вращение плоскости колебания маятника происходит по отношению к среде, передающей силу тяжести, но ведь это не возражение, а повторение моего аргумента, ведь эту среду, передающую силу тяжести, мы также не ощущаем, как и абсолютное пространство Ньютона. Итак, по самому существенному пункту доклада никто ни одного возражения не сделал.

Если резюмировать все сказанное здесь, то, за исключением некоторой части замечаний тов. Шмидта, наше разногласие сводится к различию во взглядах на теорию познания. Я придерживаюсь точки зрения материалистической. Мои уважаемые противники, к сожалению, ее не разделяют. Материалист в научных вопросах не может отделять теорию познания от практики,—от исследовательской работы. Для него просто смешно слышать, когда, подражая Маху, люди говорят, что в процессе исследования нельзя не быть материалистом, но в теории познания нельзя становиться на наивную точку зрения исследователя. Многие из говоривших здесь утверждали, что раз я отстаиваю взгляды на абсолютное пространство Ньютона, то я за господа бога. Извините меня, товарищи, но ведь это очень избитое возражение, которым пользуются все идеалисты в своих антиматериалистических и антинаучных выступлениях. Как, вы говорите, что внешний мир, пространство и время существуют вне нашего сознания? Вы говорите, что существует в мире Дарвинов естественный отбор? Значит, вы верующий: ничего этого доказать нельзя, в это можно верить. Так именно поступают все „окончательно" опровергающие материализм [1]). А когда ошеломленный слушатель увидит, что вся наука есть не более как вера, то ему остается один выход: самому начать верить.

Особенно удивительно звучало это обвинение в устах тов. Кагана. Он утверждал, что ньютоново пространство основано на вере, и воздвигал вместо него принцип относительности с лежащими в его основе 10 функциями, которые нам совсем не известны; он прямо так и выразился: эти 10 функций для нас terra incognitissima. Спрашивается, а в эти 10 функций верят или не верят. Но вернемся к абсолютному пространству. Говорят, оно принципиально не наблюдаемо. Все выступавшие говорили, что я не понял Эйнштейна, что у него слово beobachtbar значит не

помнее" наложить явления природы. Я ставил вопрос иначе. Если мы в данном случае допускаем вращение планеты, то по отношению к чему она вращается? Мы неизбежно должны сделать допущение о чем-то, чего мы не видим, не наблюдаем т.-е. отказаться от пресловутой теории познания Маха-Эйнштейна. В недавно полученной в Москве книжке „The Scientific Monthly" (December, 1923) напечатана интересная критическая статья Dr. P. R. Heyl'a „Здравый смысл принципа относительности", где проводится аналогичная мысль.

Примеч. ГИП—24 г.

[1]) См. А. Тимирязев. Поход буржуазной науки против материализма в области естествознания. „Спутник коммуниста" № 18. 1922 год.

просто наблюдаемый, а *принципиально наблюдаемый*, а ньютоново пространство принципиально не наблюдаемо.

А где, уважаемые товарищи, у вас критерий того, что принципиально наблюдаемо, а что нет? Разве не слыхали мы десятки лет разговоров, что атомы принципиально не наблюдаемы. Правда, это все в стиле философии Маха: если я сегодня чего-нибудь не вижу, то, значит, этого я и не увижу никогда. Ведь вся задача ученого согласовать друг с другом „элементы", а „элементы" нам уже даны в наших ощущениях: не так ли?

Никто не будет утверждать, что понятие о пространстве, выставленное Ньютоном, так навеки и должно сохраниться во всей своей полноте—это вопрос другой, его я сегодня и не затрагивал. Но основная мысль, что пространство не зависит от нашего сознания, что оно реально *существует*—это основа всякой настоящей науки—основа материализма, и эта мысль Ньютона, безусловно, не устарела. Я не касался вопроса об эфире. Эфир тоже относят к разряду чего-то принципиально непознаваемого, а вот мы теперь имеем сведения об удачном повторении опыта Майкельсона. Если эти сведения подтвердятся, мы и для поступательного движения будем иметь возможность определять движение земли по отношению к этому эфиру; тогда получится опять большое противоречие с теорией познания Эйнштейна, не говоря уже о том, что тогда будет опровергнут основной „постулат" специальной теории Эйнштейна—постулат постоянства скорости света. Тов. Шатуновский жестоко ошибся, утверждая, что электрон есть энергия. „Электрон", как выразился покойный сэр Виллиам Рамсей, „есть вещь". О точке зрения Рамсея и многих других людей науки, стоящих на материалистической точке зрения, можно много найти в книжке Владимира Ильича. Да будет мне позволено прочесть из этой книжки еще несколько строк. „Когда физики говорят: „материя исчезает", они хотят этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трем последним понятиям—материя, электричество и эфир; теперь же остаются *только* два последние, ибо материю удается свести к электричеству..." Вы нигде не найдете у Ленина указания на то, что электричество есть энергия, потому что это фактически неверно, а у Владимира Ильича вы не найдете ни одной мысли, которая бы шла в разрез с фактическим содержанием науки. Электрон есть „вещь", есть нечто существующее в пространстве и во времени независимо от того, что мы о нем думаем. Очень удивляет меня заявление тов. Отто Юлиевича Шмидта, что надо отгораживаться от „наивного" реализма, и в то же время тов. Шмидт причисляет себя к материалистам. Вся суть материализма и состоит в том, что „наивный" взгляд всякого человека с не поврежденными мозгами сознательно полагается в основу теории познания диалектического материализма. Позвольте опять привести слова Ленина. Ссылка на „наивный реализм", якобы защищаемый подобной

философией, есть *софизм* самого дешевенького свойства. „Наивный реализм“ всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов-идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего Я и от человека вообще... „Наивное“ убеждение человечества *сознательно* кладется материализмом в основу его теории познания“. Очень было бы интересно узнать, от какого такого „наивного реализма“ должен отгораживаться, по мнению тов. Шмидта, материалист.

Как я уже говорил, наши разногласия сводятся к тому, как мы смотрим на теорию познания. Мне возражали, что наши представления о мире изменяются. Да разве я это отрицал. Наши познания изменяются—они совершенствуются, они становятся все лучшей и лучшей картиной того, что *есть*, а в том что есть, что существует, происходят непрерывные процессы—непрерывные изменения. Но в каждый данный момент наши познания представляют собой в пределах того, что дает нам наша практика, относительно верное изображение абсолютной истины. Так как утверждение, что мир существует независимо от нашего сознания и существует в пространстве и времени, есть самая настоящая абсолютная истина.

Отто Юльевич говорил, что к принципу относительности можно подойти с материалистической точки зрения и ссылался на Шликка. Вот уже этого я никак не ожидал. Что общего между Шликком и материализмом. Большей путаницы чем у Шликка, мне кажется, нигде не приходилось читать: он на каждом шагу сам себе противоречит. На одной странице он говорит: не существует единого пространства, существует пространство зрительное, пространство осязательное и т. д. Все эти пространства ничего общего между собой не имеют, и их никак нельзя между собой сопоставлять. А через несколько строчек, нисколько не смущаясь, пишет, что в физике мы говорим о пространстве, как о синтезе всех этих пространств, которые, как только что перед тем было выяснено, нельзя даже сопоставлять между собой. И это тов. Шмидт называет материалистическим подходом?

Далее Отто Юльевич говорил, что единственная база для измерения времени—это скорость света. А откуда вы знаете, что мы исчерпали все возможности, неужели материалист-диалектик может сказать, что он все в мире знает? Что все способы регулировки часов исчерпаны? Это совсем не марксистский подход.

Если я не ошибаюсь, Владимир Александрович Базаров говорил здесь о трудностях, которые встретились при разработке теории эфира. Он говорил, что эфир приходится считать невесомым, и вот Эйнштейн будто бы нас избавил от этих трудностей. Я спрашиваю, слышал ли Владимир Александрович, что существовал и существует некий Джозеф Томсон.

В. А. Базаров. Конечно, слыхал.

Тимирязев А. К.

Вот присутствующий здесь т. Юшкевич в одной из своих статей сослался на авторитет Томсона, сказавшего, что теория относительности Эйнштейна есть величайшее явление в науке после Ньютона. Эти слова действительно были сказаны Томсоном, но тут я охотно присоединяюсь к тов. Богданову и скажу: надо прежде всего поставить вопрос: где и когда и при каких обстоятельствах были сказаны эти слова.

Слова эти были произнесены в торжественной речи на годичном собрании Лондонского Королевского Общества по поводу присуждения премии Эйнштейну. В такие моменты всегда говорят приятные вещи.

Но применим тот самый метод, которым мы пользовались сегодня в нашем докладе; не будем много обращать внимания на то, что люди говорят, а присмотримся к тому, что они делают. В том же 1920 году, когда были сказаны эти всем теперь известные слова, тот же Томсон написал замечательную статью (напечатана в июньской книжке Philosophical Magazine, 1920), где он, развивая свою точку зрения на природу электромагнитного поля, приходит к выводам, во многом сходным с выводами Эйнштейна, но при этом он ни на минуту не отрывается от материалистической базы. Оттого, вероятно, эта работа и тщательно замалчивается. В его теории нет „абсолютной относительности". Он указывает на принципиальную возможность определять (о ужас!) абсолютное движение, но предупреждает, что в настоящее время мы еще далеки от практического осуществления этой задачи.

Томсон категорически заявляет, что написал он эту статью для тех, кто не довольствуется математическими символами, кто привык, что за математическими символами должны скрываться конкретные физические образы.

По этому же пути пошел и немецкий физик Отто Винер. Он делает крайне интересную попытку построить модель эфира, т.-е. делает как раз то, что строжайше запрещено принципом относительности. Винер исходит из очень простых допущений: он рассматривает обыкновенную несжимаемую жидкость, которая заполняет безграничную область, и рассматривает самые разнообразные формы движения, какие могут совершать отдельные ее части. Все части жидкости между собой связаны, поэтому движение какой-либо ее одной части может в той или иной степени отражаться на движении остальных частей жидкости: самый характер этого влияния зависит от формы движения. Винер показывает, что две движущиеся части жидкости в зависимости от характера движения могут притягиваться, отталкиваться или не оказывать никакого действия друг на друга. Из этих движущихся областей жидкости, по Винеру, состоит то, что мы называем эфиром и обыкновенная материя. Следовательно, можно на механической модели показать возможность существования „весомых" и „невесомых" масс. Движение с переменной массой, за-

висящей от скорости, весьма ясно и наглядно истолковывается Томсоном, как прилипание к движущимся силовым линиям электрического заряда частей окружающего его эфира. Пока эфир не связан с этими силовыми линиями или т. н. „фадеевскими трубками", мы его не можем привести в движение, он для нас „невесом". Таким образом физики, которые привыкли оперировать определенными физическими моделями, понятными всем и каждому, могут вовсе не так плохо разбираться в тех задачах, которые будто бы впервые выдвинуты Эйнштейном.—Как можно утверждать, что Эйнштейн отрицает действие на расстояние, когда у него или совсем нет эфира, или имеется метафизический эфир, который не имеет права ни покоиться, ни двигаться, я, признаюсь, совсем не понимаю. Я никак не могу понять, что действие на расстояние между луной и землей упраздвено тем, что в промежутке между ними имеют место дифференциальные уравнения.

В заключении несколько слов о том, что теория Эйнштейна послужила мощным толчком к новым исследованиям и предсказала новые факты. И позволю себе спросить: покажите мне, где эти исследования. Огромное большинство теоретических работ таковы, что любой физик, прочтя их, скажет, что он ни на волу не подвинулся вперед в понимании окружающих его физических явлений. И смещение луча звезды и смещение спектральных линий и движение перегения Меркурия не могут служить доказательствами. Во-первых, совпадение теории с опытом далеко не доказано, и сейчас мы как будто дальше отошли от решения этого вопроса, чем это казалось два года тому назад. А если бы даже и все это оказалось правильным, т.-е. теория потвердилась бы на опыте, то и тогда этим было бы еще немного сказано, так как существует очень много гораздо более простых объяснений, при чем эти объяснения свободны от тех исключительных гипотез, какие с точки зрения физика включены в теорию Эйнштейна. Можно с полной уверенностью сказать, что в специальной литературе все чаще и чаще появляются статьи с возражениями против теории Эйнштейна, но об этих работах не принято упоминать даже в библиографических обзорах, так как возражать против „модной" теории—значит совершать неподобающие поступки в состоянии „запальчивости и раздражения".

Смирнов В. М.

Объявляю заседание закрытым.

III.
Библиография.

Сочинения Н. Ленина (В. И. Ульянова).

IX с'езд Р. К. П. (б.) в связи с 50-летием рождения т. Ленина поставил издать полное собрание его сочинений. Это было в 1920 г., весною. Редактором издания, естественно, явился т. Л. Б. Каменев, и в сотрудничестве с К. П. Новицким, П. П. Овсянниковым, проф. В. Пановым и П. Е. Товстухой он заканчивает это первое издание. Собрание намечалось в XIX томах, но постепенно выросло и теперь уже достигает 25 книг, так как ряд томов (VII, XI, XII, XIII, XIV и XVIII) вышел в двух частях, ввиду обилия материала. Пока еще не появились в свет следующие: I т. и 2-я часть XI т. должны выйти на-днях, а XII и XIII выйдут месяца через 1½. Таким образом теперь уже можно судить о всем издании.

Нам уже приходилось на столбцах «Правды» отмечать некоторые пропуски, которые, разумеется, совершенно естественны и неизбежны, особенно приняв во внимание трудность установления авторства для многих статей. Ведь только теперь, имея в своем распоряжении архив «Вперед» и «Пролетарий», можно установить документально авторство многих статей, до того же времени даже в заграничных условиях этого сделать не удавалось. (См. ст. т. М. С. Ольминского. По поводу собрания сочинений тов. Ленина — «Пролетарская Революция», № 11(23), стр. 97 и сл.) Вообще, в связи с этим следует поставить общий вопрос о составлении подробнейшего авторского указателя для всех наших нелегальных и легальных изданий, так как масса статей там была не подписана или же подписывалась специально для одного раза придуманным случайным псевдонимом. Это относится и к нашим дням: так, работая над Воровским, я не нашел в редакции «Правды» никаких указаний на его сотрудничество, хотя он весною 1919 г. был членом редакционной коллегии, и лично мною выбран ряд его статей.

Прежде чем указывать какие-нибудь дефекты общего характера, следует установить самый тип издания, который теперь мы все имеем перед собою, и для кого он предназначен. Надо заранее сказать, что широкая партийная масса не может—при всем своем суб'ективном желании иметь «всего Ленина» усвоить все 25 книг: это утопия, и следует даже бороться с этим стремлением поставить Ленина на полочку и на том успокоиться. 25 томов Ленинских работ зато представляют незаменимое пособие для всех, серьезно изучающих историю

нашей партии, а тем самым и историю России за последние 30 лет. Следовательно, читатель должен предполагаться квалифицированный. А отсюда проистекает ряд требований к изданию и к сопровождающим его примечаниям, приложениям и т. п., и здесь первый дефект издания, что оно стремится удовлетворить все категории читателей: и таком стиле написаны большинство примечаний, при чем они не лишены фактических ошибок. 101 прим. V т., стр. 581, говорит, что Ст. Халтурин казнен за устройство взрыва в Зимнем дворце — это неверно. Халтурин казнен в 1882 г. в Одессе вместе с Желябовым за убийство прокурора Стрельникова. Тут же указано, что Желябов был «видным» народовольцем — термин несколько неудачный для вождя партии, каким ведь и был Желябов, почему т. Ленин и ставил его нам в образец. Или в IV т. прим. 78, стр. 355, называет Боголепова «борцом против студенчества», и ему приписывается авторство Временных правил об отдаче студентов в солдаты. Это неверно, так как автором их был Витте, а Боголепов даже был против них, но как чиновник, послушный воле начальства, провел их в жизнь и поплатился за это своей жизнью. Кем-кем, но только уж не борцом был этот сухарный профессор римского права Московского университета. Ниже—про фон-Валя ни слова не сказано про знаменитую порку им рабочих-демонстрантов в Вильне, вызвавшую покушение Леккерта, одно из немногих организованно устроенных с.-д., в данном случае Вундом, при чем Леккерт (прим. 83) никогда ни с.-р., ни тем паче членом их «боевой организации» не был. Прим. 95 указывает, что «Русские Ведомости» стойко держали оппозиционное знамя» — насчет стойкости Р. В. позволительно сомневаться. Затем тут же заявляется (прим. 94), что П. В. Водовозов был сторонником взглядов Мальтуса, это, пожалуй, ошибочно, так как Водовозов был одним из представителей легального марксизма; правда, он выпустил книжку о Мальтусе, но мальтузианцем не был: ведь трудно соединить марксизм и Мальтуса. Эти ошибки, а их можно увеличить до бесконечности, портят примечания, а своим тоном как-то диссонируют с тоном писаний самого Ленина. На эту сторону в будущем надо обратить особое внимание. Вот в этих-то примечаниях и сказывается органический дефект издания, которое хочет удовлетворить всех и не удовлетворяет никого. Мы нарочно остановились на IV т. (новый набор 1923 г., 1-е изд. 1920 г. отличалось невозможным количеством опечаток, одно перечисление которых заняло 11 страниц) и V т., так как они вышли в 1923 г., когда уже определился характер активиста-читателя, и следовало бы также принять во внимание указание рецензентов. Наиболее правильный путь выбрали т.т. Товстуха — особенно 1-й и II-й т.т. — и т. Овсянников в XV т., в части, посвященной Бресту. Тов. Товстуха дает не только пояснительные примечания, он дает и ряд указаний на ту литературную борьбу, одной из частей которой была та или иная работа Ленина, приводит он и ряд документальных данных. В III-м т. в «Развитии капитализма» т. Панов дает как редакцию первого издания, так и редакцию второго издания. Тов. Овсянников писания т. Ленина о Бресте сопроводил интереснейшими данными, рисующими ту борьбу, которая была в нашей партии в связи с этим моментом. Думается, что следовало бы для активиста и пути

в этом направлении. Отсюда для будущего естественно намечается три типа изданий. Первое — академического характера, где будет собрано все написанное Лениным, будь то даже только фрагменты. Думается, раз мы позволяем роскошь одновременного выпуска двух изданий дневника Пушкина, при чем на текст в 30 страниц (примерно) приходится по 500 страниц примечаний, то мы не только можем, но и обязаны выпустить комментированные академические (разумеется не до бесчувствия) издания наших марксистских классиков: Маркса—Энгельса, Плеханова и Ленина в первую очередь. В это же академическое собрание должны быть включены и всевозможные материалы. Понятно, что такое издание — дело далекого будущего, а пока Институт Ленина в своих публикациях должен только подготовлять материалы для подобного издания. Второе издание должно быть улучшенным изданием первого, при чем по своему характеру должно обращаться к активисту-партийцу, уже достаточно ознакомленному с основами марксизма и историей нашей партии, почему в приложении должны даваться указания библиографического характера, подобно тому, как то сделал т. Товстуха; самые пояснения должны быть такого типа, как сейчас дает т. Д. Б. Рязанов к своему изданию Маркса-Энгельса, и, наконец, в приложениях должна быть усилена документальная сторона, потому что надо помнить, что сочинения Ленина являются лучшим материалом для изучения истории нашей партии. И, наконец, самое важное, третье издание—для широких партийных масс, где был бы дан тот Ленин, который может быть без особого труда усвоен и понят: самое удобное в виде ряда типологических сборников. На последние издания надо обратить особое внимание, их надо снабдить рядом вступительных введений, рассказывающих, почему написана данная работа, против кого она направлена, и в них-то надо детально об'яснять, кто такой Каутский или Струве, чего ни в первом, ни во втором издании делать не надо. Нужно создать такого Ленина для широких масс, который не только благоговейно стоял бы на полочке, но и был прочитан. Здесь естественно явится и несколько иной тип расположения материала по темам. Попытки таких сокращенных Лениных теперь делаются, но подчас все это носит такой халтурный характер, что надо серьезно поставить вопрос о том, чтобы сосредоточить в одном месте редакцию подобных изданий, и таким местом, скорее всего может явиться Институт Ленина.

В дальнейшем мы не предполагаем дать систематический обзор всех работ Ленина. Ведь этим занята сейчас наша Академия в ряде своих докладов, и даже один путеводитель по 25 книгам занял бы много страниц. Мы хотим только бегло освежить знакомое нам всем наследие Ленина и кстати отметить то новое, что до сего времени было нам неизвестно. Но одно впечатление неизменно преследует при просмотре всех этих изящно изданных в желтых картонных папках книг. Это впечатление цельности, монолитности всего теоретического построения Лениным задач «русских коммунистов», которое было заложено в его первой работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против с.-д.» еще зимою 1893—1894 г.г., потому что в этой книге можно проследить теперь на основании опыта нашего прошлого все программные и организационные идеи большевизма. Чего стоят,

например, указания еще в 1894 г. на необходимость «смычки» или, по тогдашнему, что «поддержка сельского пролетариата—под ним понимается беднейшее и среднее крестьянство - необходимое условие для победы рабочего класса», и тут же указание на политическую и экономическую необходимость полной конфискации всей помещичьей земли для развития фермерских отношений или указания на значение классового самосознания, в которых можно найти элементы основной концепции большевизма о роли стихийности и сознательности в рабочем движении. А во-вторых, при этой целостности теории — необычайное уменье маневрировать или, как сам Ленин говорил на 2-м с'езде, возражая Либеру: «Он требует от нас единой общей мерки, но такой мерки не существует. Приходится выдвигать один раз одно, другой раз — иное. У нас нет шаблонов». (IX т., стр. 690.) Это единство во многообразии и должно нас научить диалектике в действии, не шаблону, а уменью ориентироваться в сложнейших моментах политической обстановки и намечать правильную линию.

Теперь бегло просмотрим содержание томов и постараемся наметить некоторые вехи. Особенно интересен I-й том, на-днях выходящий в свет. Благодаря т. Н. Л. Мещерякову и т. Н. Н. Товстухе мы имели возможность ознакомиться с ним в корректуре. Большинство работ, помещенных в нем, неизвестны широкой публике. Уже в этом томе мы наблюдаем гениальнейшее уменье Ленина увязывать мельчайшие мелочи повседневной борьбы пролетариата с его конечными целями. Стоит в этом направлении сравнить «Друзей» с рядом прокламаций Питерского союза борьбы, чтобы понять это искусство. Даю всего три прокламации, и из них последняя уже увязывает питерское стачечное движение с международным движением пролетариата. Уже в «Друзьях» дана концепция русской революции, открывающей себе дорогу к победоносной коммунистической революции. В «Друзьях» же мы находим указание на одно из главных препятствий революции. «Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная бюрократия, которая de facto и правит государством российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению, и по характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это постоянный флюгер, полагающий свою высшую задачу в сочетании помещика и буржуа».

«Это Пудушка, который пользуется своими крепостническими симпатиями и связями для надувания рабочих и крестьян, проводя под видом «охраны экономически слабого» и «опеки» над ним в защиту от кулака и ростовщика такие мероприятия, которые низводят трудящихся в положение «подлой черни», отдавая их головой помещику-крепостнику и делая тем более беззащитными против буржуазии. Это опаснейший лицемер, который умудрен опытом западно-европейских мастеров реакции и искусно прячет свои аракчеевские вожделения под фиговые листочки народолюбивых фраз» (в отд. изд. прим. 2 к стр. 162). Вспомним, что только опыт нашей революции научил нас

правильно ценить бюрократию и пресловутый третий элемент, геноминим саботаж интеллигенции 1917 г. Тогда мы поймем, что уже в «старом 1895 г. проекте программы» мы встречаем такое положение—«борьба рабочего класса с классом капиталистов... может окончиться только лишь переходом политической власти в руки рабочего класса». Так же точно и в более позднем «проекте программы» мы имеем согласие с положением программы группы «Освобождение Труда»: «неизбежное предварительное условие переустройства общественных отношений — захват рабочим классом политической власти», но в соответствии с окружающей обстановкой должны быть и отличия от Эрфуртской программы в области ближайшей задачи политической борьбы — завоевание политической свободы, и в области аграрной: «мы говорим лишь, что рабочая партия не может, не нарушая основных заветов марксизма (характерна в подобном же месте ссылка на указание Аксельрода на связь русского рабочего с деревней) и не совершая громадной политической ошибки, пройти мимо тех революционных элементов, которые есть в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам». А для этого выставляется и в старом и в этом проекте требование возврата крестьянам отрезков, а главное, всех выкупных платежей. Еще раньше в «Друзьях», как мы видели, было выставлено требование конфискации всех помещичьих земель. Мы не останавливаемся на «Задачах р. с.-д.», эта работа, так восторженно принятая стариками из группы «Освобождение Труда», была уже в несколько приспособленном ради цензуры виде известна русскому читателю по сборнику «За 12 лет», переизданному Госиздатом. Мало известен протест Ленина и его товарищей по ссылке против экономизма, который показывает, как Ленин все время увязывал программу-минимум с ее повседневными заботами и горестями с основной программой-максимум. Наконец, впервые вообще появляется ст. 95 г. «О чем думают наши министры», и впервые переиздаются две его брошюры «О штрафах» и «Новый фабричный закон». Начинается том первой дошедшей до нас пока работой Ленина 1893 г. «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (по поводу книги В. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство»). В этой работе и позже в «Друзьях» Ленин прослеживает процесс внедрения буржуазных экономических отношений в деревню или, иначе, судьбы капитализма в «любой захудалой деревушке». Этому же вопросу посвящен и второй и третий тома, включающие полемические статьи против реформирования марксизма, к чему у Струве замечалась наклонность с первой же его немецкой работы (см. «Друзья»), против эпигонов народничества и основная работа «Развитие капитализма в России». При чем надо оттенить то, что Ленин берет более трудную задачу, чем Туган-Барановский, и прослеживает и открывает капиталистические отношения в русских аграрных условиях и кустарной промышленности, так как тут важно не количество, а качество экономических отношений, что он старался показать еще в полемике с народниками в «Друзьях». По нашему мнению, «Друзья народа и как они воюют против с.-д.» есть основная работа, дающая ключ ко всему Ленину последующих дней, и надо пожалеть, что эта работа была погребена под спудом жандарм-

ского архива 30 лет, мы ставим ее наравне с «Монизмом», а по актуальности постановки вопроса наравне со «Что делать?» и выше «Монизма», носившего преимущественно полемическо-литературный характер. Надо принять все меры, чтобы найти недостающую вторую часть, направленную против Южакова. Книга должна быть заграницей, потому что указание на нее имеется в сборнике «За 100 лет» Бурцева (стр. 143 2-й части. Лондон. 1897 г.). Затем надо просмотреть списки нелегальщины, которая в большом количестве поступала в «Вылее», как заграничное, так и русское, а также в те списки, которые публиковал Бурцев. Опыт обмена архивами с меньшевиками ведь удался, надо испробовать все средства, чтобы добыть вторую тетрадь. Томы IV и V посвящены «Искре» и «Борьбе за партию» и должны прорабатываться вместе. В V т., наконец полностью помещена основная работа Ленина «Что делать?», дающая уже полную организационную схему большевизма, вытекающую из идеи о том, что социализм должен быть внесен в рабочий класс, который, будучи предоставлен самому себе, не пойдет дальше трэд-юнионизма, или о роли стихийности и сознательности в рабочем движении. Характерно, что вполне в согласии с этой идеей Ленин и заканчивает мечтой, осуществившейся у нас на глазах, о создании партии, во главе которой станут социал-демократические Желябовы и русские Бебели. При такой постановке вопроса понятно то значение, какое в это время Ленин придавал точности теории и неуклонной последовательности. При такой постановке вопроса понятна и та страстность, которую он вносил в спор о гимназистах и профессорах, которые, по меньшевистской концепции, содействуя нам, должны были быть полноправными членами партии. Уже в ссылке Ленин узнал, как легко эти «содействующие» делаются меняющими, так как в погоне за модой готовы подпирать Маркса чем угодно вплоть до православия, но только не последовательной классовой борьбой. Чтобы понять меньшевистскую практику 17 г., надо знать уклон меньшевизма в сторону либеральной интеллигенции (а ведь она и стала у власти после февральской революции 1917 г.) обнаружившийся сейчас же, как только они от чистого экономизма перешли к признанию «политической борьбы». Многим мудрым людям казалось тогда, что Ленин выдумывает разногласия, чтобы оправдать свою «бланкистскую» тактику и свои замашки капельмейстера, претендующего на «дирижерскую палочку». Вспомним, сколько остроумия вызвало его сравнение партии с большим оркестром, где должно быть проведено правильное разделение труда, идея подбора работников. Для лиц свободных профессий всегда трудна вообще партдисциплина, не говоря о той, которая охватывала большевистскую организацию с первых дней ее существования.

Опыт русской революции 1905—1907 г.г., которой посвящены т.т. VI, VII (две части) и VIII как раз и оправдал предсказания Ленина еще в 1894 г. о необходимости русскому пролетариату для победы поддержки со стороны крестьянства, отсюда же и выходит идея революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, особенно рельефно выявленная в брошюре «Две тактики», отсюда же Ленин, вопреки большинству большевиков, повторявших старые лозунги

я подозрительно смотревших на Советы рабочих депутатов, правильно понял значение Питерского Совета и своеобразие двоевластия. Это же повторилось и в 1917 г. Когда просматриваешь эти статьи и вспоминаешь события тех дней и как они переживались лично и сравниваешь с тем, как мы теперь смотрим на них в перспективе уже исторической, поражаешься уменью Ленина смотреть одновременно и очень далеко и вокруг себя. И тогда станет ясным, как он учитывал опыт каждого дня, каждого часа, каждой минуты, если уже весною 1906 г. в брошюре «Победа к.-д. и задачи рабочей партии» мог обобщить уже опыт русской революции и дать такое построение теории (а фактически и практики) пролетарской диктатуры, что в спорах в Коминтерне на эту тему ему не оставалось сделать ничего иного, как перепечатать в 1919 г., уже после опыта империалистической войны и нашей Октябрьской революции, эту статью 1906 г. Значит ли это, что Ленин не ошибался? Конечно, ни чуточки. Ошибки у него были, но на примере его же отношения к Питерскому Совету можно видеть, как он умел претворять в жизнь свои же слова: «Не тот умный человек, который не делает ошибок, таких нет, а тот, кто умеет в них признаваться и исправлять их». Вот с этой точки зрения и следует понять эти ошибки. Именно только это уменье и помогло ему в конце концов нащупывать правильную линию и закладывать основы тактики той революции, которую Каутский признал не чисто буржуазной и не чисто пролетарской, а переходной и дал каучуковое имя «народной». Больше всего его интересовали взаимоотношения пролетариата и крестьянства, и мы видим, что основные теоретические работы его этого времени посвящены выяснению аграрного вопроса в России (IX том), при чем в «Аграрном вопросе в России в XIX в.» Ленин намечает две возможности его разрешения —прусскую и американскую—и высказывается за последнюю: вспомним, что еще в «Друзьях» он, высказываясь за национализацию земли, считает, что в этом нет ничего социалистического и что это только поспособствует развитию у нас фермерских отношений, что, говорит он, ускорит процесс расслоения деревни и поможет классовой борьбе в ней. Очень важно сопоставить материалы I—III т.т. с материалами IX т.: вот здесь мы увидим ленинскую диалектику в действии, а равно поймем, что только глубокий теоретический анализ помог ему понять сущность аграрных отношений в России. Он заранее знал, что ничего социалистического эта мера не содержит, но политическое значение она имеет громадное, и вместе с тем для Ленина уже тогда была ясна теоретически та правильная линия по отношению к крестьянству, которую партия приняла с X с'езда так, как она полностью содержится в «Аграрном вопросе в России к концу XIX века».

Еще Мольтке сказал, что лучшим испытанием для армии является ее отступление, так как только тогда выявляются все ее качества. Таким испытанием для социал-демократии и в частности для большевизма явились годы контр-революции 1908—1911 г.г. Если мы вспомним диапазон разочарования тех дней в русском народе, наиболее рельефно выявившегося в выражении бывшего максималиста Энгельгардта, выругавшего русский народ фефелой и дурой, то мы поймем, как надо

было быть крепко теоретически подкованным, чтобы не поддаться всеобщей панике и пересмотру. Вот почему годы после поражения первой революции являются особенно интересными для изучения. «Три кита» — вот лозунг Ленина, а для накопления сил и разрешения этих задач необходимо пользоваться как легальным, так и нелегальным аппаратами. Это в области организационной — без центра немыслимо никакое организованное действие. А в области теории разброд. Тут и отказ от ортодоксального марксизма у Богданова, тут и богостроительство у Луначарского, тут и максимализм наизнанку у отзовистов и ультиматистов — вообще ликвидация основ большевизма слева. Отсюда и появляется «Материализм и эмпириокритицизм. Заметки об одной реакционной философии», направленный против Богданова и его последователей (X т.). Отсюда же идет и борьба на два фронта, чем заполнен XI т. (две части; 2-я часть — за ознакомление с которой приношу благодарность проф. Панову — выйдет на-днях), борьба против ликвидаторов-меньшевиков, выявивших в это время вполне свою мелко-буржуазную суть (Потресов с его отказом от гегемонии пролетариата, Дан и иже с ним против партаппарата, проповедь малых дел на манер «Недели» 80 г.г., с нежеланием «вязки этой мелочи с основной задачей пролетариата»). И тут Ленину помогает его марксистский закал, и с честью он проносит знамя неурезанных лозунгов через горнило испытаний. И с «новым под'емом 12—14 г.г. снова, как феникс из пепла, возрождается большевизм, как массовое движение русского пролетариата. Но Ленин смотрит дальше, он предугадывает значение национального вопроса в грядущей русской революции, и в эти годы закладывается наша программа по национальному вопросу, чему посвящен XIX т. XII том выйдет, по словам проф. Панова, в двух частях месяца через полтора, при чем 1-я часть охватывает время от Пражской конференции до февральского совещания Ц.К., а II-я — от февральской конференции до начала войны. XIII т., также в двух частях, будет посвящен вопросам войны, туда же войдет и «Империализм». Часть материала против ликвидаторов была напечатана в сборнике статей из «Звезды», «Правды» и последующих газет под названием «Марксизм и ликвидаторство», при чем этот сборник, в который вошли еще статьи т.т. Каменева и Зиновьева, был уничтожен цензурой и почти не получил распространения. Статьи против войны три раза были переизданы Питерским Советом под заглавием «Против течения».

Следующие тома XIV—XVIII касаются нашей революции и не нуждаются в особом освещении. Укажу только, что в XIV—I ч. вошли статьи до-июльских дней, когда Ленин считал возможным мирный переход власти к Советам и, равным образом, мыслимым сотрудничество с с.-р. и меньшевиками. II-я часть учитывает опыт июльских дней и беспощадно расправляется с теми, кто привык мыслить старыми лозунгами, не учитывая обстоятельств места и времени («О лозунгах»), кто не усвоил диалектический метод в действии. Затем издалека, из Финляндии, Ленин намечает неизбежность вооруженного захвата власти и пишет замечательную статью «Марксизм» и восстание», — эти статьи интересны не только тем, что они вскрывают те тактические разногласия, которые были в Ц.К., но также и потому,

что они очень пригодятся при оценке нашего опыта и опыта немцев осени 1923 г.

XV том начинается победой Октябрьской революции и заканчивается также победой германской революции. На середину приходится Брест, и вот тут-то опять, как после революции 1905 г., сказывается уменье Ленина отступить, чтобы лучше прыгнуть. Вместе с тем в статьях против левых коммунистов уже полностью заложены основы той экономической политики, которая в 1921 г. получила имя новой, но по существу была продолжением того понимания социалистической революции, как длительного процесса с переходным периодом, которое теоретически было дано в написанной осенью 1917 г. работе «Государство и революция» XVI и XVII обнимают период «военного коммунизма», а XVIII, в двух частях—нэп. И если мы сравним статьи о «Кооперации», «Лучше меньше, да лучше» с первой работой Ленина «Друзья народа», с заложенной уже там идеей значения сознательности в рабочем движении, мы поймем монистичность Ленина, что дал ему марксизм. Уменье вопрос о кипятке связать с диалектикой, вот та личная особенность Ленина, которая создала ему исключительное место среди наших учителей. Но для этого нужно теоретическое глубокое знание, иначе мы превратимся в тех нятанников, о которых так пренебрежительно отзывался Ленин.

Ст. Кривцов.

Аграрный вопрос—экономика сельского хозяйства.

(Критический очерк.)

1. Современные задачи с.-х. экономии. — 2. Книга Кажанова. Диалектический метод и принцип развития производственных сил (воспроизводства) в сельском хозяйстве. С.-х. как биологическая промышленность. Социологизм и биологизм. — 3. Биологизм у Огановского. Увеличение производ. труда или земли. Почему с.-х. развивается медленнее промышленности. «Очерки» Суханова. — 4. Противоречия Сухановской критики «биологизма». Закон понижающейся производительности последовательных затрат и изложении Суханова, Кажанова, Дубровского. — 5. Общественное накопление (Н. Маслов) и прогресс техники. Организационно-производственная школа (Чаянов, Челенцов, Макаров, Клепиков) и анализ потребления. Машины и с. хозяйстве. Отрицательные условия накопления и их преодоление по теории организ.-произв. школы и ее критиков (Мануйлов, Литошенко). Переселение. — 6. Что такое перенаселение. (Лубны-Герцык). Значение перенаселения и нивелировка его влияния. — 7. Условия роста накопления. Теория кооперации (Н. Маслов). Учение об оптимумах. Интенсификация и оптимумализация (Чаянов, Суханов). Ошибка теории измельчания у Суханова. — 8. Теория измельчания и абс. зем. рента. Высота зем. капитала. Критика теории зем. ренты Суханова и Кажанова. Ценность и цена земли. (Пример С. Ш.) 9. Учение о локализации у Кажанова и вопросы обществ. и технического разделения труда в сельском хозяйстве. Природные и географические условия и дифференциальная рента (Кажанов). — 10. Критика Бруцкуса и Крюкова. Литература по с.-х. экономии (критический очерк Фабриканта).

I.

Изучение аграрного вопроса отделилось от сельско-хозяйственной экономии благодаря необходимости просмотреть последнюю с точки зрения ее соответствия или несоответствия общей теории народного хозяйства. Практической причиной здесь была выработка аграрной программы социал-демократии, которой надо было установить то или иное отношение к эволюции производства и отношений в сельском хозяйстве в эпоху капитализма и его перехода в социализм. Марксизм давал ясную и определенную картину промышленной жизни. В сфере же сельского

хозяйства многое гораздо сложнее и запутаннее. Дело заключалось — по словам К. Каутского [1]) — в том, чтобы рассмотреть, как частичные проявления общего процесса, отдельные стороны аграрного вопроса, которые теперь обыкновенно исследовались порознь и которые необходимо рассмотреть в одной общей схеме.

Когда же были исследованы законы аграрного развития (при изучении аграрного вопроса), а также определилась теория экономики отдельного сельско-хозяйственного предприятия (чем занималась в большинстве случаев академическая сельско-хозяйственная экономия), с полной неизбежностью стала на очередь задача сочетания теории аграрного вопроса и сельско-хозяйственной экономии в один общий комплекс, т.-е. *аграрной экономии*. Эта задача выдвигалась не только логической последовательностью научного мышления, но и чисто практическими потребностями. Агроном, будучи организатором сельско-хозяйственного производства, не мог по старинке ограничиться знакомством с основами академической сельско-хозяйственной экономии; они его мало удовлетворяли: весьма часто круг их обзора ограничивался чуть ли не тем же самым, что и в VIII веке в сочинениях Ифейфера, Юста, Цинке, Крюница, имевших в виду способы рационального и наиболее доходного ведения современного им сельско-хозяйственного предприятия.

И если еще во многих курсах и *Betriebeslehre* мы находим старый метод изложения, то все чаще начинает встречаться и иной взгляд, противоположный учению о «мыслимом сельско-хозяйственном предприятии» (А. Ф. Фортунатов) [2]). Уже *Aerboe* [3]) склоняется к более правильной, хотя и двойственной, позиции. «Сельским хозяйством,—говорит он,—занимаются, главным образом, две науки: экономическая, имеющая в виду народно-хозяйственные интересы, и агрономическая—интересы владельцев отдельных сельско-хозяйственных предприятий, сельских хозяйств». Здесь характерно само приближение к *новой* теории аграрной экономики; оно не только отвечает удовлетворению практических потребностей, но и выдвигает обновленные требования для систематизации экономики сельского хозяйства как науки, так как во многом ставит новые вопросы в новой постановке.

Как и вообще теоретическая экономия, сельско-хозяйственная экономия должна изучать законы и условия развития производительных сил, поскольку это развитие обусловливает производство как таковое и поскольку оно характеризуется теми или иными формами экономической организации. Несмотря на очевидность этой задачи, русская экономическая литература до самого последнего времени ее разрешения не достигла. Приближается ли она к решению этих коренных вопросов в настоящее время? Даются ли ею законченные теоретические положения по основам теории сельского хозяйства? Можно ли, наконец, отметить удовлетворительное приближение к ним или, во всяком случае, заметное движение вперед после таких «классиков» аграрного вопроса, как Н. Н. Ленин, К. Каутский, П. П. Маслов, Л. Кржевитский, и «классиков» сельско-хоз. экономии, как Лугодовский, Скворцов?

---

[1]) К. Каутский.—Аграрный вопрос, с. 3.

[2]) Несколько страниц из экономики и статистики с.-х. 5-е изд., с. 3.

[3]) Allg. landwirtschaftliche Betriebslehre. B. 1923.

Ответам на поставленные вопросы посвящены нижеследующие строки. Попутно с критическим анализом современных «аграрно»-литературных воззрений автор стремился наметить положительные выводы для теории сельско-хозяйственной экономии. К вопросам истории и учения о системах сельского хозяйства, не затронутым в настоящем очерке, автор надеется вернуться при разборе немецкой литературы по экономике сельского хозяйства (Лаур и др.), где они освещены теоретически более основательно, чем русские теории районирования.

2.

Книга Н. Н. Кажанова «Основные положения сельско-хозяйственной экономии» [1]) одна из первых пытается установить новые вехи для экономики сельского хозяйства. Во введении Кажанов обосновывает применение метода диалектического материализма к сельско-хозяйственной экономии. Во всех отделах (I — природа как фактор с.-х. производства, II — техника как фактор с.-х. производства, III — капитал в сельском хозяйстве, IV — труд в сельском хозяйстве) он пытается в итоге приложения этого метода уяснить главные положения экономической науки в отношении к сельскому хозяйству. «Я пришел к безусловному убеждению, — пишет он, — что только этот метод обеспечит мне возможность вскрыть и с известной отчетливостью уяснить некоторые кардинальные вопросы сельско-хозяйственной экономии, до сих пор остававшиеся мало освещенными» (г. II).

Следует признать, что Н. Н. Кажанову удалось во многом приблизиться к решению поставленных им задач; в этом смысле его работа достаточно оригинальна и интересна. Но в книге есть большие недостатки и погрешности, сводящиеся, главным образом, к отсутствию анализа динамики сельского хозяйства. Автор рассматривает законы производства, но не *воспроизводства* в сельском хозяйстве.

Констатируя значение производственных сил, Кажанов неправильно и неполно говорит лишь об орудиях труда и в качестве показателя их эволюции указывает изменение материала, из которого они изготовлены. Сам Кажанов цитирует слова Маркса с определенным указанием: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, *как* производится, какими средствами труда». Следовательно, надо говорить об орудиях труда не в смысле тех или иных материалов, а в смысле известной системы *общественной* техники, выражающей организацию взаимоотношений человека и природы. В дальнейшем у него нет исследования условий развития и упадка производительных сил в сельском хозяйстве. Понятие производительных сил вообще очень редко встречается.

Кажанов дает определение сельского хозяйства как биологической промышленности; это определение удачно и не может вызвать возражений [2]). Но нельзя согласиться с утверждением, будто бы про-

[1]) М. 1923 г. Изд. «Новая Деревня», стр. 82.

[2]) Менее удачно определение сельского хозяйства у Брушкуса. Он пишет («Экономия сельск.-хозяйства» стр. 25). «Сельское хозяйство состоит в использовании поверхности земли, веществ, в ней заключающихся, и сил природы, с нею связанных, для производства продуктов органического происхождения». Помимо неточностей и

цессы производства в сельском хозяйстве, *биологические* процессы, находятся вне трансформирующего воздействия хозяйствующего общества [1]). Кажанов пишет: «Хозяин... не может непосредственно производственно-технически овладевать этими отдельными элементарными процессами сельско-хозяйственных организмов, а вынужден ограничиваться только косвенным регулированием их, путем тех или других воздействий на растительный организм в целом, учитывая жизненные интересы целого организма» (с. 14). Тут много неверного. Справедливо, что человек не может создать новую, свою природу. Но он не может этого сделать безотносительно—какими бы производственными процессами он ни руководил. И в механической и в химической промышленности есть органические и неорганические пределы, сводящиеся в конечном счете к основным законам природы, которые нельзя «ломать». Человек всюду и везде в хозяйственной деятельности выступает, строго говоря, не как творец, а как активный приспособитель к себе природы. Он в равной мере не может, созидая, разрушить ни организм, ни материю. Но он может (и делает это) изменять их существование, их физиологическое и физическое бытие.

В сельском хозяйстве возможности приспособления пока уже, чем в высоко развитой индустрии. Но дело здесь не в природных ограничениях, а в уровне техники. И в сельско-хозяйственной экономии следует заниматься не природой и природными условиями, а условиями развития и упадка общественной техники, анализируя их с точки зрения воспроизводства.

Кажанов не улавливает этого. Не достигнув сначала точной формулировки, он смешивает «естественное» с «общественным». В этом заключается основной недостаток книги.

3.

Обратимся к другому автору—Н. П. Огановскому—выступившему с новой работой, тесно соприкасающейся с теорией сельско-хозяйственной экономии. В «Очерках по экономической географии Р.С.Ф.С.Р.» [2]) Огановский по поводу общего развития сельского хозяйства пишет: «сельское хозяйство *отстает* (курсив автора) от индустрии в силу того факта, что, кроме человеческого труда, земледельческая продукция зависит пока от роли природных факторов, воздействие человека на которые ограничено» (с. 8). В общей формулировке это опять-таки достаточно неточно. Вполне понятно, что рост сельского хозяйства должен итти медленнее роста промышленности по той простой причине, что потребление сел.-хоз. продуктов имеет более жесткие границы, чем потребление продуктов промышленности. Но совершенно очевидно, что в настоящее время невозможно (если вообще когда-либо возможно)

существу (животные не есть ни вещество земли, ни сила, непосредственно с ней связанная), это определение слабо и потому, что указывает скорее признаки, чем сущность сельского хозяйства.

[1]) Этот неправильный взгляд повторяет и Бруцкус, ссылаясь на Э. Давида.

[2]) Часть I. Сельское хозяйство. Изд. «Новая Деревня», М. 1923 г., с. 238. См. также его кн. С небес на землю, М. 1917 г., с. 17.

говорить о каких-либо естественных ограничениях в области сельского хозяйства. В конечном счете эти «естественные ограничения» всецело сводятся к народно-хозяйственным условиям земледелия.

К сожалению, И. И. Огановский недостаточно основывается на народно-хозяйственных условиях, т.-е. на условиях развития производительных сил [1]). Отсюда он дает очень схематичное определение тенденций интенсификации сельского хозяйства, с которым едва ли возможно целиком согласиться.

Развитие земледелия, как и всякого производства, заключается в развитии общественной производительности труда. Тем самым определяется распределение *естественных* производительных сил (природных богатств), переход сельского населения в города и, при данном уровне техники, тенденция к так наз. рассеянию сельского хозяйства. Иначе говоря, развитие земледелия заключается не «в увеличении *производительности земли*, достигаемой *интенсификацией* систем сельского хозяйства» (курсив Огановского, с. 35), а в прогрессе сельско-хозяйственной техники (производительного накопления), которое может сопровождаться (но также может и не сопровождаться) интенсификацией, в зависимости от тех или иных обстоятельств хозяйствования и мощности данного технического прогресса.

И переход к интенсивным формам хозяйства не равнозначен развитию хозяйства и может происходить не только под влиянием рынка (под'ем цен), но также и при избыточности сельского населения. Понятие интенсификации сводится к следующему: наибольший доход при увеличенных затратах. Ясно, что это лишь при общем процессе развития техники (т.-е. при уменьшении затрат на производство единицы продукта) может быть экономически целесообразно.

Эту сторону аграрной экономики удачнее всего изложил И. И. Суханов. Вообще, только что вышедшие «Очерки по экономии сельского хозяйства» [2]) Суханова заслуживают серьезного внимания. Они составлены из ряда ранее печатавшихся статей (в журналах «Заветы» и «Агрономический журнал» периода 1912—1914 г.г.) и нескольких новых очерков и дают 1) теорию сельского хозяйства, выявляемую главным образом в полемике с И. И. Огановским и др., и 2) обзоры аграрных отношений по России (анализ крестьянской аренды), Германии, Англии, Франции, Бельгии и Соед. Штатам (по новейшим данным ценза 1920 г.). Таким образом автор все свои теоретические положения стремится подтвердить и обосновать индуктивным материалом, дополняющим известное его исследование «К вопросу об эволюции сельского хозяйства в России». Существенно и то, что И. И. Суханов резко заявляет: «я убежден, что защищаю на дальнейших страницах именно те позиции, какие должны быть естественны марксизму. Правда, и среди марксистов защищаемые мною тезисы, вероятно, доселе не встречают всеобщего признания. Но это, во-первых, не мешает им быть взра-

---

[1]) Объясняя историю земельных отношений, он заменяет причину политическими факторами, но если бы они и были приложимы, то ведь понятно их собственное производное значение (ср. с. 71 и др.).

[2]) М. И. 1924 г. Изд. «Книга», с. 267.

щенными на почве марксизма, а во-вторых, ликвидация всех споров среди марксистов и признание ими нижеследующих положений, несомненно, является вопросом недалекого времени» (с. 3).

4.

В первых двух очерках (примерно до стр. 107), где Суханов излагает сущность вопроса о технике и экономике в сельском хозяйстве, о факте понижающейся производительности последовательных затрат и о крупном и мелком хозяйстве, т.-е. там, где Суханов не проявляет своих особых взглядов, работа Суханова заслуживает всяческого одобрения. Суханов синтезирует основные положения теории о сельском хозяйстве, во многих случаях с успехом полемизируя с русскими и иностранными ревизионистами, и делает это сжато, но ярко и ясно.

Другое дело, когда Суханов приближается к своим собственным взглядам. Установив, что: 1) в области сельского хозяйства, как и в области всякого производства, социальные науки должны заниматься изучением экономии, а не техники; 2) экономическая наука не может и не должна смешивать технику и экономику в сельском хозяйстве; 3) развитие сельского хозяйства идет через развитие производительности труда; интенсификация же не выгодна, так как при этом обнаруживается действие факта убывающей производительности; 4) но сам факт уменьшающей производительности не подтверждает, а опровергает мальтузианство с его законом убывающего плодородия почвы; 5) крупное хозяйство выгоднее и имеет больше технико-экономических преимущести, чем мелкое, Суханов переходит к разрешению одного из сложнейших вопросов сельско-хозяйственной экономии: «почему же... крупное земледелие разлагается и вытесняется мелким?»

Прежде, чем последуем за Сухановым в даваемом им об'яснении этого явления, отметим допускаемые им существенные, как увидим, недостатки в первых двух (до 107 с.), в общем удовлетворительных, очерках.

Начинаются «Очерки» критикой известного и распространенного утверждения И. И. Огановского о значении в развитии сельского хозяйства, главным образом развития *производительности земли*. «Всякое производство, — пишет Огановский в VII гл. 2 тома «Закономерности»... — есть процесс приспособления внешней природы человеком. Но в сельском хозяйстве человек не только приспособляет природу для своих хозяйственных целей — он сам *вынужден приспособляться* к ней». Суханов удачно оспаривает этот тезис. Но в «Очерках» Суханов не отмечает, что в конечном счете Огановский находит выводы Суханова совпадающими со своими [1] — и какая на самом деле тут разница? «Техническое строение производства, — пишет Суханов, — определяет формы эволюции отдельных отраслей хозяйства. Не что иное как особенности земледельческой техники лежат в основе своеобразных форм аграрной эволюции». Особенности же сельского хозяйства выдвигает

[1]) И. И. Огановский. С небес на землю, с. 64—85.

на первое место и Огановский. И если в общем и целом Суханов настаивает на разграничении в сельском хозяйстве техники и экономики, то в частности он все же признает, что «И. И. Огановский совершенно прав в том, что в результате *органического* характера сельского хозяйства вся эволюция этого вида производства приняла совершенно иной облик, чем в индустрии» (курсив наш, с. 9). Ошибка Суханова подчеркивается тут тем обстоятельством, что он не проводит четкого различия между техникой, как общественным явлением, и естественной сущностью процессов сельского хозяйства, как проявлением условий природы. Он не замечает противоречия только что цитированной фразы со следующей: «*с точки зрения экономиста*,— пишет он,—*природа в сельско-хозяйственном производстве не делает решительно ничего*» (подчеркнуто Сухановым).

Дальнейшая ошибка Суханова заключается в недостаточно четкой формулировке ограниченности закона понижающейся производительности.

Интенсификация (культура земли) приводит к тому, что «эффект всякого равновеликого последовательного воздействия в земледелии всегда меньше эффекта предыдущего и больше последующего равновеликого воздействия» [1]). Это — слова техника-профессора агрономии, и, вопреки Огановскому, он говорит о воздействии на землю, а не земли. То же самое находим, напр., и у И. И. Маслова. Но наряду с констатированием «закона» последний указывает: «замечая падение (производительности) последовательных затрат труда на ту же землю, обыкновенно упускают из виду, что действие этого явления парализуется развитием производительных сил, благодаря которому каждая затрата труда делается более производительной» [2]). Еще категоричнее выражено это же у И. Ленина [3]): — «в сравнительно небольших размерах добавочные вложения труда и капитала могут происходить (и происходят) и на базисе данного неизменного уровня техники: в этом случае применим *до некоторой степени* и «закон убывающего плодородия почвы».

Суханов хотя и останавливается на этой стороне влияния техники, но больше занимается доказательством действия закона понижающейся производительности последующих затрат. Он допускает возможность (соответствующего действительности) замечания со стороны И. И. Огановского,—приветствующего Сухановский эклектизм и сожалеющего, что Суханов «не провел этот принцип до конца и в своих построениях остался до сих пор на старой монистической точке зрения, внося в сельско-хозяйственную экономию принципы и понятия, почерпнутые из чуждой ей сферы экономии индустрии» [4]). Нам приходится пожалеть об обратном: почему Суханов, по монистическому своему принципу, не посмотрел, существует ли, или нет в индустрии «закон понижающейся производительности»? Почему он, называя себя марксистом, упустил или не опровергнул, если нашел бы чем опровергнуть, следую-

---

[1]) В. Р. Вильямс. Общее земледелие I, с. 21.
[2]) Аграрный вопрос в России, 1917 г., с. 51.
[3]) Аграрный вопрос, ч. I, с. 165.
[4]) С небес на землю, с. 65.

щие слова К. Маркса?[1]): «Хотя можно сосредоточить на одном, сравнительно с мелким разобщенным ремесленным производством, незначительном пространстве крупные производительные затраты—что и делается крупною промышленностью,—*но при данной степени развития производительной силы всегда требуется определенное пространство, а постройка в вышину также имеет свои определенные практические пределы*». Различная производительность затрат, таким образом, существует и в промышленности. «Благодаря новым изобретениям и здесь могут быть произведены единичные улучшения, но, предполагая развитие производительной силы за величину данную, машины могут только ухудшаться. При более быстром развитии производительной силы все старые машины должны быть замещены более дешевыми, следовательно, должны утрачиваться. Земля же, наоборот, если с нею обращаться разумно, постоянно улучшается. Преимущество земли, для которой последовательные затраты капитала могут принести выгоду, при чем прежние затраты не утрачиваются, подразумевают в то же время возможность различия доходности таких последовательных затрат капитала».

Слишком большое, не согласованное с только что цитированным положением Маркса, даже универсальное значение закону понижающейся производительности придает и Н. Н. Кажанов. Сам он указывает: «как в машине каждая ее отдельная часть, каждый отдельный винтик связан с конструкцией всей машины и несут (несет?) в себе отпечаток основной идеи машины, так же точно все отдельные органы и ткани организма по своей структуре и функциональному назначению связаны с основной идеей данного организма, с его биологической природой» (с. 25). Следовательно, и закон убывающей производительности сводится лишь к возможностям данного уровня техники. Закон этот, несомненно, факт, но не он определяет систему сельского хозяйства, а состояние производительных сил сельского хозяйства определяет его действие. Развивающиеся производительные силы повышают производительность труда и исключают их понижение.

Справедливо, что интенсивное хозяйство при прочих равных условиях менее выгодно экстенсивного. Но лишь развитие техники и производительных сил в интенсивном хозяйстве превысит такое же в экстенсивном, положение уравнивается и даже меняется в обратном направлении. В таком аспекте закон убывающей производительности имеет место в сельском хозяйстве так же, как и в других отраслях хозяйства; он всецело зависит от состояния производительных сил. К сожалению, этой стороны вопроса мы и у Кажанова не находим.

С другой стороны, у Кажанова, несмотря на то, что он об'ясняет закон падающей производительности последующих затрат, чего не делает (сознательно) Суханов, мы не находим того необходимого разграничения между законами падающей производительности и убывающего плодородия, которое проводит последний и на которое указывали Ленин, Туган-Барановский и др. Туган-Барановский[2]) о законе падающей про-

---

[1]) Капитал, ч. III, с. 644 (курсив наш).

[2]) Ст. Земельный вопрос в томе 21 «Энциклопедического словаря бр. Гранат», с. 54.

изводительности писал: «сущность этого закона заключается в том, что если увеличивать приложение труда к земледелию, то, за известным пределом, каждая последующая затрата труда будет менее производительной, будет давать все меньше продукта. Закон этот был впервые установлен Тюрго[1]), при чем формулировка, данная Тюрго, была правильнее формулировки последующих экономистов, напр., Мальтуса, истолковавшего его в том смысле, что в своем историческом развитии земледельческий труд становится все менее производительным. Последнее совершенно не верно и отнюдь не вытекает из правильного понятия закона падающей производительности земледельческого труда» [2]).

На ограниченность закона падающей производительности справедливо указывает (почему-то неточно называя его «законом убывающего плодородия почвы») и С. М. Дубровский в 1 выпуске своих «Очерков русской революции» [3]), где он замечает, ссылаясь на К. Маркса, что по поводу существа рассматриваемого закона необходимо «обратиться к действительным, соответствующим природе дела, причинам истощения почвы» [4]), т.-е. к земледельческой химии. И, повидимому,—продолжает Дубровский, «мы близки теперь к тому, что прогресс последней и в этой области выбьет почву из-под рассматриваемого вами «закона» (с. 203). Конечно, пока еще так определенно трудно говорить о возможности ликвидации технических причин закона понижающейся производительности, но некоторые экспериментальные опыты, указывающие на это, за время войны производились, о чем мы сообщали в газете «Сельскохозяйственная жизнь» в октябре 1921 г. [5]).

5.

Итак, состояние и развитие сельского хозяйства определяется динамикой общественных производительных сил, иными словами, сочетанием включенных в хозяйственный оборот рабочих сил (т.-е. живого труда) и средств производства как вообще во всем народном хозяйстве, так — в частности — и в самом сельском хозяйстве. Закон уменьшающейся производительности последовательных затрат не нарушает этого общего положения, он служит лишь условием падения производительных сил при застойной или регрессивной технике.

Чем же обусловливается прогресс и регресс технической организации земледелия? Какие условия производства устанавливают возможность подъема производительных сил и производительности труда в сельском хозяйстве, и какие служат причиной их падения? Ни один из указанных авторов не задавался такими вопросами. Ни у Суханова, ни у Кажанова (а тем более у Дубровского, который по характеру своей темы касается теории сельского хозяйства попутно) мы не найдем

---

[1]) Кажанов указывает (с. 28), что о нем говорил еще в 1613 г. Антонио Серра. *С. Б.*

[2]) Критику современных мальтузианцев ср. С. Базыкин. Направление и формы развития сельск. хоз.—«Сельское и Лесн. Хозяйство», кн. 9.

[3]) 2-е изд. «Новая Деревня». М. 1923 г., с. 201.

[4]) Маркс. Капитал, т. III. 1908, с. 309.

[5]) № 41, ст. Предвестники грядущих достижений.

об'яснения самых существенных законов для сельского хозяйства: причинности общественного воспроизводства и недопроизводства продукции.

Как известно, производство зависит от степени и качества общественного потребления продукции. Растущее непроизводственное потребление приводит к сокращению продукции, так как нарушается кругооборот производительных сил. Напротив, увеличение производительного потребления дает возможность расширенного воспроизводства, включающего в хозяйственный процесс новые средства производства путем накопления.

Анализа процессов накопления в экономической сельско-хозяйственной литературе мы не находим (за исключением указаний П. П. Маслова). Правда, в работах так называемой Чаяновской школы и у самого Чаянова есть исследования о потреблении в крестьянском хозяйстве. Однако все эти работы исходят из интересов частного хозяйства и относится к вопросам организации сельско-хозяйственного предприятия, а не сельского хозяйства в народно-хозяйственном масштабе. У А. В. Чаянова в «Очерках по теории семейного хозяйства» [1]) исключительное внимание уделено строению бюджета трудо-потребительского хозяйства; С. А. Клепиков [2]) всецело посвятил свою работу определению фактических норм крестьянского питания; с частно-хозяйственной точки зрения исходят и А. П. Челинцев, П. П. Макаров, Г. А. Студенский и др. Подобное исследование не дает материалов для решения проблемы накопления, хотя при известных условиях и позволяет установить процесс совершенствования сельско-хозяйственной техники, как то делает П. П. Маслов по бюджетным данным о бурятских скотоводческих и земледельческих хозяйствах [3]).

Полнее разработаны вопросы, связанные с условиями применения сельско-хозяйственных орудий и машин, т.-е. с проблемой технической реализации накопления. Помимо недавно вновь опубликованной статьи А. В. Чаянова «Значение машины в трудовом и капиталистическом хозяйстве», мы имеем новую работу П. Лапатина — «Влияние размеров хозяйств на состав и стоимость машинопользования» [4]). Но, к сожалению, эта работа прибавляет мало нового в решение проблемы сельско-хозяйственного накопления, оставляемой пока без внимания.

Значительно больше посчастливилось выяснению отрицательных условий под'ема производительных сил, вернее—выяснению причин их падения. «Организационно-производственная школа» (Чаянов, Челинцев и др.) подробно исследовали организацию крестьянского хозяйства и по существу дали богатый материал для определения условий падения производительных сил и производительности труда в сельском хозяйстве. Однако представители названной школы направляют свое внимание главным образом не на определение условий и причин производительности сельско-хозяйственного труда и развития производительных сил,

---

[1]) Берлин. 1923.

[2]) Питание русского крестьянства. М. 1920. с. 52.

[3]) Теория кооперации. Чита. 1922, с. 19 и сл. (глава III).

[4]) Сб. Оптимальные размеры сельск.-хозяйств. предприятий. М. 1923, с. 117 и след.

а на возможность повышения доходности путем интенсификации при данном уровне производительных сил. Исследуя основы организации крестьянского хозяйства, они определяют ее в виде «трудо-потребительского баланса» между наличным трудом (семьи) и потребностями; отмечая недостатки организации, они приходят к выводу о необходимости такой реорганизации, которая бы соответствовала развитию внутренних потребностей и запросов рынка и в то же время использовала бы целиком наличные трудовые силы. Для них является второстепенным вопрос о производительности труда, раз происходит увеличение доходности хозяйства, что, конечно, неминуемо при указанной реорганизации. Б. Медведев, напр., признает, что интенсификация крестьянского производства в Саратовской губ. не производительна, но она поглощает лишние трудовые силы (трудоемка) следовательно— доходна и целесообразна[1]). П. П. Макаров и А. П. Челинцев то же иногда подымают вопрос о производительности крестьянского труда, но оставляют его, как только установят те или иные препятствия (связанные с малым развитием промышленности, слабостью миграции и т. д.) для ее под'ема. В конечном счете для них является существенным лишь внутри-хозяйственная эволюция крестьянского производства, но не его народно-хозяйственное развитие.

В противоположность подобной защите *эволюции* крестьянского хозяйства, Л. Н. Литошенко[2]) и А. А. Мануйлов настаивают на необходимости иметь в виду *прогресс*. Но и их взгляды не разрешают «трудовой проблемы» крестьянского хозяйства. Они указывают, что избытка трудовых сил в крестьянском хозяйстве можно избегнуть лишь регулированием прироста, что это регулирование будет производиться укрепляющимся мелким собственником, заинтересованным не только в усилении своего хозяйства, но и в лучшем обеспечении своих наследников. Ради последнего, не имея возможности сильно расширить хозяйство, крестьянин-буржуа будет ограничивать количество наследников — размеры своей семьи — и тем самым бороться с перенаселением. Нам уже приходилось отмечать несостоятельность этой теории[3]). Здесь укажем, что отсутствие избыточного населения (в нашем смысле) и наличность буржуа-крестьянина в Соед. Штатах не разрешает вопроса о производительности сельско-хозяйственного труда, так как таковая все же сравнительно низка. А проблема перенаселения в крестьянском хозяйстве упирается в проблему народно-хозяйственных условий движения и роста населения, и ее следует рассматривать именно с этой точки зрения.

Поэтому более плодотворна должна быть постановка проблемы перенаселения, которую мы находили у Л. Н. Лубны-Герцыка[4]) в недавно вышедших последних его работах.

---

[1]) Организ. труда в крестьян. хоз. («С. и Л. Х.» кн. 12).

[2]) Л. Н. Литошенко. Эволюция и прогресс крестьян. хоз. М. 1923 г.

[3]) Крестьянское хозяйство как экономический тип. («Сельское и Лесное Хозяйство», кн. 9.)

[4]) Что такое перенаселение? М. 1923 и ст. Аграрное перенаселение в кн. 10, ж. «Сельск. и Лесн. Хозяйство».

6.

К. Каутский («Размножение и развитие в природе и обществе») первый в марксистской литературе дал разрешение вопросов народонаселения. Разбирая известный закон Мальтуса (население растет в геометрической пропорции, средства существования в арифметической), он приходит к выводу, что противоречий между размножением общества и его производительными способностями нет, что удовлетворение потребностей и потребительские запросы находятся в известном равновесии, которое наблюдается как в природе, так и в обществе. Но, — пишет он, — с другой стороны, мы решительно отвергаем социалистическое воззрение, согласно которому в социалистическом обществе природа сама собой создает наиболее целесообразный порядок размножения, в то время как в эпоху капитализма она действует в смысле перенаселения, коротко говоря, как будто в вопросе народонаселения природа социалистична и антикапиталистична (с. 187).

Намечая общие законы народонаселения, Каутский, однако, не касается особо случаев перенаселения или касается их, как и многие другие авторы, в весьма общей форме. Перенаселение между тем становится все более грозным явлением наших дней. Избыточные, лишние люди, это — не только резервная армия капитала, но и отрицательное условие, задерживающее развитие производства (Китай) и повышение народного благосостояния.

Л. И. Лубны-Герцык в названных работах вплотную подходит к проблеме перенаселения. Первую главу автор посвящает установлению самого факта возможности перенаселения в связи с геометрической прогрессией размножения человека. Приводимые им данные, несомненно, показывают существование избыточного населения в различные эпохи и в различных странах. Но автора интересуют более сложные вопросы, он выясняет само понятие перенаселения и сущность последнего, которое он прослеживает по данным современной действительности в различных странах (гл. 2, 3, 4 и 5).

Во второй («Перенаселение в толковании современных писателей») и в третьей («Критика господствующих определений») главах Лубны-Герцык дает интересный анализ литературных воззрений на перенаселение. Мы не можем не согласиться с ним, что нельзя «принять общераспространенное определение» относительного перенаселения (с. 43). Определение перенаселения, как результата недостатка средств существования или неудовлетворительного состояния рабочего рынка, не покрывает всего понятия. «В несравненно большей степени удовлетворяют нас признаки, выдвигаемые проф. *Haushofer*'ом. Их можно свести к следующей формуле: чем более насыщена территория населением, тем интенсивнее земледельческая культура, тем напряженнее протекает общий процесс хозяйственной жизни. Когда это напряжение переходит известный предел, наступает состояние перенаселения» (с. 44). Однако и это определение достаточно неопределенно и расплывчато. В последующем Лубны-Герцык конструирует свое собственное понятие перенаселения.

Нам думается, что автор незаконно относит понятие перенаселения к нормативной организационно-хозяйственной науке (с. 45). Совершенно очевидно, и в теоретической экономике оно должно занимать одно из основных мест, поскольку перенаселение является причинным явлением, обусловливающим те или иные моменты хозяйственной эволюции, и поскольку и нормы и оценка существенным образом входят в предмет теоретической экономии (производственные отношения, стоимость, прибыль и т. д.). В согласии с этим требует поправки и общее определение автора о нормальной населенности. Он указывает, что это такая «численность населения, при которой производительность человеческого труда в случае правильной его организации и использования всех природных ресурсов и технических возможностей могла бы достигнуть желательного развития» (с. 46). Мы высказали бы такое положение более определенно: нормальная населенность есть количество населения, могущее получать продукцию большую или во всяком случае не меньшую той энергии, которая затрачивается обществом при данном уровне производительных сил. Нарушение этого условия выражается в перенаселении.

Л. Н. Лубны-Герцык отвергает абсолютное перенаселение (с. 40). Однако приведенное выше понятие заключает в себе смысл как раз абсолютного перенаселения. В нем предполагается, что производство не восполняет затраченные на него силы и средства, как то было в дореволюционной русской деревне, т.-е. налицо недопроизводство, что и вызывает избыточное население. Конечно, представить себе *абсолютного* недоедания нельзя, и Лубны-Герцык прав, замечая, что в таком случае «избыточное население погибало бы в момент своего образования». Но, как известно, человек может недоедать, и это недоедание может являться хроническим: в таком случае мы имеем дело с абсолютным перенаселением, являвшимся двигательной силой в первобытные эпохи человечества.

Соответственно указанному определяется относительное перенаселение, как такое, которое возникает благодаря не непосредственно производственным, но социально-производным условиям. Лубны-Герцык характеризует это дополнениями, приводимыми к общему понятию перенаселения. «Правильная организация труда», которой он иллюстрирует свое понятие, при капитализме не существует, и тем самым является на сцену избыточное население в виде не занятых в производстве рабочих (резервная армия). Относительное перенаселение, если подходить к нему с народно-хозяйственной точки зрения, наблюдалось и в русской деревне. Лубны-Герцык в дальнейшем (с. 58—99) отказывается признавать эти виды перенаселения за перенаселение; его доводы, очевидно, недостаточны, так как он подходит со стороны должного и говорит: «если бы средств существования хватило на всех, то, при правильной организации труда, можно было бы производительно использовать рабочую силу», упуская из виду, что здесь дело не в средствах существования, а именно в отсутствии правильной организации труда.

Лубны-Герцык рассматривает перенаселение не как условие того или иного хозяйствования, а как факт, подлежащий устранению для благосостояния населения (вывод из его положения, что перенаселение —

категория нормативной науки). «Если, по мере развития технической культуры,—пишет он,—все меньшее количество рабочих сил необходимо для переработки и превращения веществ, если, с другой стороны, культура приводит к умножению потребностей человеческого общества, для удовлетворения которых количество природных благ, по расчету на каждого человека, в среднем должно возрастать, то вывод ясен: *понятию нормальной населенности с развитием цивилизации и ростом потребностей, повидимому, должна соответствовать более редкая населенность. А вместе с тем и состояние перенаселения должно наступить при меньшей численности населения* (курсив автора).

Не думаем, чтобы это положение было ясно из общих законов перенаселения. Лубны-Герцык забывает тот факт, что 1) рост производительности труда увеличивает продукцию при понижении затрат труда, чего можно достигнуть не путем вытеснения рабочих рук из производства, а путем уменьшения их рабочего дня без понижения оплаты, и 2) рост производительности труда, понижая стоимость продукции, вызывает увеличение потребления, делая возможным расширение производства против прежнего, так как, вообще, предел потребностям не положен.

Таким образом совершенно неверно, что при росте производительности труда «состояние перенаселения должно наступить при меньшей численности населения», наоборот, история хозяйств указывает на совершенно противоположную тенденцию.

С. Базыкин.

(Продолжение следует.)

Литературное наследие Лассаля.

Ferdinand Lassale: Nachgelassene Schriften und Briefe. (Под редакцией Густава Майера. Том I. Письма до 1848 г. X + 357. Том II. От 1848 г. до начала его агитаторской деятельности. VIII + 302. Том III. Переписка между Лассалем и Марксом. XII + 411. Немецкое К-во. Штутгарт-Берлин, 1921—1923).

Когда будет завершено это монументальное издание, рассчитанное на 5—6 томов, мы будем, наконец, иметь полное собрание материалов по истории развития Лассаля. К сожалению, однако, все еще не в такой форме, в которой они могли бы быть использованы читателем, не прошедшим основательной научной школы. Издательские соображения, нынешние условия научной работы, высота издержек и т. д. не позволяют включить в настоящее издание и тот материал, который уже был опубликован в других местах. Поэтому и после появления в печати всего посмертного литературного наследия Лассаля материалы по его духовной биографии все еще придется собирать из самых разнообразных источников (зачастую рассеянных по журналам и газетам). Весьма отрадное исключение составляет лишь переписка Лассаля с Марксом. Здесь Густав Майер дополнил издание Мерринга собственными находками, местами исправил его (особенно в датировке писем) и издал весь имеющийся материал в виде связного целого. После этого мерринговское издание следует считать окончательно устаревшим, хотя его превосходные комментарии и теперь еще дают много ценного для понимания отношений между Марксом и Лассалем, и нужно надеяться, что скоро они появятся снова в очень желательном издании сочинений Мерринга.

Впрочем, высказанное выше сожаление не содержит в себе и тени упрека по адресу ученого и добросовестного редактора. Только его неутомимому усердию обязаны мы тем, что посмертное наследие Лассаля, поскольку оно не погибло безвозвратно вследствие вандализма и беспечности семьи Лассаля и Лотаря Вухера, могло вообще увидеть свет. Однако спасением рукописного материала, которое, как это привлекательно изображает Майер в предисловии к первому тому, заканчивается прямо-таки романтическим эпизодом в Гацфельдском замке, во время краткого перерыва французской оккупации,—этим спасением отнюдь не исчерпываются заслуги Густава Майера. Не только работа по восстановлению текста, часто очень трудная, выполнена им образцово, но и краткие, сжатые и всегда деловые примечания проливают яркий свет на лиц, с которыми был связан Лассаль, а предисло-

вия к отдельным томам ясно и метко рисуют обстановку, в которой развивались эти отношения. Густав Майер, который, можно сказать, открыл нам молодого Энгельса, заложил в настоящем труде основы для подлинно научного понимания Лассаля.

В краткой рецензии нельзя, разумеется, даже сделать попытку научного использования всего этого материала. Не говоря уже о том, что такая попытка будет возможна только после завершения всего издания, сама эта задача может быть поставлена лишь в подробной (марксистской) биографии Лассаля. Здесь мы должны ограничиться немногими наводящими замечаниями, ни на минуту не претендуя хотя бы только на полный обзор всех возникающих здесь проблем.

Одно во всяком случае ясно уже сейчас: юношеское развитие Лассаля — как прежде Энгельса — получило теперь несравненно более полное освещение. Я совсем оставляю в стороне весьма интересные личные проблемы (дружеские и любовные связи молодого Лассаля) и укажу лишь на проблему, которая остается решающей для всего развития Лассаля: на его отношение к Гегелю. Правда, и по этому вопросу окончательное суждение приходится отложить до тех пор, когда будет опубликована (упоминаемая в I томе Переписки, стр. 37) рукопись «Общая характеристика современности, особенно в связи с философией Гегеля», содержащая в себе и критическую оценку Гейне,—а также другие философские отрывки, в особенности более поздняя «Философия духа» (упоминается там же, стр. 161). Однако уже в первом томе настоящего издания имеются между прочим два длинных и подробных письма (к отцу от 4/IX 1844 г. и к друзьям от середины сентября 1845 г.), по которым, как по настоящим статьям, можно уже и сейчас изучать отношение молодого Лассаля к Гегелю.

А изучать этот вопрос тем более необходимо, что Лассаль, на наш взгляд, никогда не переставал быть гегельянцем. Развитие молодого Маркса стоит под знаком критического расчета с Гегелем, его внутреннего преодоления: и он преодолел его так основательно, что впоследствии никогда не останавливался подробно на этой теме, —хотя по временам он и возвращался к мысли изложить в кратком виде ценное ядро гегелевой логики, и хотя в мышлении Маркса внутренно переработанное ядро гегельянства значительнее и важнее, чем обычно принимают вульгарные марксисты. Наоборот, Лассаль всю жизнь оставался ортодоксальным гегельянцем, как об этом свидетельствует его поздняя и превосходная в своем роде работа о розенкранцевой и гегелевой логике или, напр., архитектоника его «Системы приобретенных прав». Я почти готов отстаивать парадоксальное на первый взгляд положение, что в некоторых отдельных частностях и конкретных вопросах молодой Лассаль относился к Гегелю с бо́льшей свободой, чем молодой Маркс, еще не успевший преодолеть Гегеля (эта параллель не имеет, разумеется, по существу ничего общего с аналогичным сравнением Ф. А. Ланге между *зрелым* Лассалем и *зрелым* Марксом); но эта бо́льшая свобода Лассаля является только изнанкой того обстоятельства, что он ни разу не подвергнул основательному разбору идеалистическую диалектику в целом. Молодой Лассаль—насколько мы знаем—с самого начала понимает гегельянство революционно: в Гегеле он

видит не теоретическое выражение буржуазного общества — выражение, которое *именно как таковое* таит в себе элементы его теоретического распада и преодоления и в котором *именно поэтому* эти враждебные готовой системе элементы должны быть освобождены и обращены против ее творца. Нет, в его глазах Гегель открыл тот метод мышления, при котором оно только и может быть революционным, если оно хочет быть действительно научным мышлением; эта предпосылка наивно принимается молодым Лассалем без всяких доказательств.

Лассаль, таким образом, меньше всего помышляет о внутренней реформе гегелевой философии. Для него все дело сводится к тому, чтобы устранить из гегелевых категорий те значения, на которых основывается развитая самим учителем философия истории, примирение с буржуазным обществом, увенчание системы идеализированным буржуазным строем. Правда, этот последний шаг сам Гегель делает совершенно бессознательно. А так как Лассаль никогда не подвергает критике основы его философии, то он и проходит молча мимо этой проблемы. Какая резкая противоположность Марксу, который в этом пункте первый усмотрел *историческую обусловленность* классической немецкой философии и тем впервые сделал возможным фактическое преодоление Гегеля! Если Маркс говорит: «Политическое государство так же спиритуалистично по отношению к буржуазному обществу, как небо по отношению к земле; оно находится в такой же противоположности к нему, оно преодолевает его так же, как религия преодолевает ограниченность мирской жизни, т.-е. так, что поневоле снова признает и восстанавливает его и само отдается в его власть» («Еврейский вопрос». Nachlass, I, 408), — то на первый взгляд мы имеем тут не что иное, как приложение принципов фейербаховской критики религии к обществу. Но это так только на первый взгляд. В действительности тут уже содержится и преодоление не-исторической точки зрения Фейербаха: Маркс говорит о конкретном состоянии общества, как об основании категорий, в которых постигается действительность на данной ступени развития; это в зародыше то учение о категориях, которое высказано в предисловии к «Критике политической экономии», где категории названы «формами бытия, определениями существования».

Молодой Лассаль вообще не видит этой проблемы. Для него, как для большинства радикальных младо-гегельянцев того времени, стремившихся преобразовать диалектику в философию революции, орудием для этой цели служит активизм Фихте. Правда, имеющиеся в нашем распоряжении письма не дают документального доказательства в пользу этой роли фихтевой философии. Но это в данном случае и не так уж необходимо. Ибо, во-первых, позднейшее развитие Лассаля доказывает, что в его мышлении Фихте и Гегель всегда мирно уживались рядом. А внутреннее развитие его мысли не дает поводов думать, что значение Фихте открылось ему только в его зрелую пору и что он только тогда испытал на себе его влияние. Вторым — правда, косвенным, но отнюдь не маловажным — доказательством служит аналогичное развитие его современников. Повсюду — Маркс и Энгельс составляют *единственное* исключение — внутреннее революционизирование диалектики Гегеля совершается путем проникновения и актуализации фихтевых идей. На-

сколько мы тут имеем дело с проявлением общего духа времени, как велико было и *прямое* влияние Фихте на рассматриваемых мыслителей (напр., на Моисея Гесса или Бруно Бауэра), не находился ли молодой Лассаль в этом отношении под влиянием Гесса или Бауэра — это уже вопросы скорее филологического порядка. К сожалению, опубликованная ныне переписка дает для их решения гораздо меньше, чем можно было ожидать. О Бауэре в ней вообще не упоминается; о Марксе также; об отношении Лассаля к Фейербаху и Руге мы не узнаем ничего нового. Зато упоминаются — ближайшим другом юности Лассаля, Арнольдом Мендельсоном — «Гарантии гармонии и свободы» Бейтлинга (13/VII, 1845 г., Переписка, I, стр. 189—90), а также «Последние философы» Гесса (18/XI, 1845 г., Переписка, I, стр. 245); он же с похвалой отзывается о книге Грюна «Социальное движение во Франции и Бельгии» и цитирует оттуда место об изучении Гегеля во Франции (29/X, 1845 г., Переписка, I, стр. 240—41), то самое, над которым особенно издевался Маркс в своей рецензии на эту книгу (Neue Zeit, XVIII, I, 9). Мендельсон упоминает также о «Положении рабочего класса в Англии» Энгельса, как о «весьма ценном, добросовестном труде», при чем он называет Энгельса «одним из отцов» «Святого Семейства» (4/XI, 1845 г., Переписка, I, стр. 242) и т. д. Однако, за отсутствием ответных писем Лассаля, использовать эти указания довольно трудно. Впрочем, похвальный отзыв о Грюне позволяет утверждать, что полемика Гесса против Штейна едва ли была известна в лассалевском кругу или, во всяком случае, не была оценена во всем ее значении; о статьях Маркса и Энгельса в «Deutsch-französische Jahrbücher» и говорить нечего. Что Лассаль — как это ясно высказывает Мендельсон (Переписка, I, стр. 241) — был уверен, что в своей гегельянской диалектике он владеет абсолютным средством для внесения порядка в хаос «всех этих различных форм сознания, теснящихся вокруг колыбели господа, т.-е. понятия», и на этом основании не считал нужным для себя углубляться в отношение между диалектикой и историей или входить в подробную критику отдельных революционных теорий, — об этом свидетельствуют все его юношеские письма. Но, пожалуй, ярче всего очерк коммунизма в письме к отцу, с его смесью самоуверенности и недостаточно глубокого проникновения в предмет. «В своем наиболее грубом виде он (коммунизм) появляется тотчас после того, как в конституции 1795 г. собственность была провозглашена принципом государственной свободы, именно в 1796 г., в заговоре Бабефа и его товарищей, распространяется затем все больше, развивается в социалистические теории Сен-Симона и Фурье, которые по своей основной мысли также должны быть причислены к коммунизму, становится затем подлинным коммунизмом, потом снова раскалывается на отдельные секты, как-то Travailleurs égalitaires, Réformistes и т. д., и достигает, наконец, своей наивысшей пока формы в икарийском коммунизме, основателем и проповедником которого является Кабэ (но и в этой форме, при всей глубине и истинности его значения, он все еще абстрактен и односторонен)» (Переписка, I, стр. 132).

Впрочем, все такие филологически вопросы в большой мере теряют значение, если вспомнить, что возврат к Фихте один только да-

вал *об'ективно-философскую возможность* сохранить внутреннюю структуру гегелевой диалектики и в то же время придать философии истории действенный, революционный характер. Здесь мы не можем даже и наметить этот вопрос во всей его широте. Укажем только на некоторые его стороны. Упомянутый уже активистский характер фихтевой философии истории теснейшим образом связан с тем, что в его системе современность, этот необходимый отправной пункт для всякой философии истории, является не завершением, не достигнутой целью исторического процесса, как у Гегеля, а его серединой. И Фихте хочет с помощью своей философии истории понять и об'яснить современность, но современность эту он считает не совершенной реализацией идеи, как Гегель, а как раз наоборот веком совершенной греховности. Она поэтому получает у него сплошь отрицательную оценку. Ее функция и значение заключаются в том, что она является необходимым *моментом перехода* к свершению и реализации идеи, к утопически представляемому будущему. (Яснее всего изложено в «Основных чертах современной эпохи».) Если мы имеем тут философский мотив, очевидно, выводящий за пределы Гегеля (и фактически оказавший влияние именно в этом смысле), то все же не следует забывать, что политически-реакционное примирение Гегеля, в смысле философского метода, сводящееся к чистому созерцанию, — что это увенчание философии истории современностью, именно как таковое, как «примирение», предполагает более интимное слияние логических категорий с формами буржуазного общества (правда, самим Гегелем по большей части не сознанное и не использованное), а следовательно, и *бо́льшую близость к действительности*, чем то было достижимо для Фихте. И поэтому, как ни революционен Фихте в сравнении с Гегелем по своему *образу мысли*, он в своей революционности все-таки остается только *утопистом*, тогда как Гегель сумел воспринять в систему своих категорий внутреннюю общественную структуру современности (включая и те ее тенденции, которые указывают за ее собственные пределы). Другими словами: категории Гегеля гораздо *более зависят* в своей логико-методической последовательности от реального хода исторического развития, чем категории Фихте.

Правда, эта проблема не разрешена и у Гегеля. Но если радикальные и революционные младо-гегельянцы, а в их числе и Лассаль, для преодоления консервативных элементов школы обращаются к Фихте, то тем самым они нисходят на до-гегельянскую ступень, потому что снова ослабляют связь между категорией и историей — вместо того, чтобы еще глубже укоренить первую во второй, еще органичнее понять их связь, чем то сделал Гегель. У некоторых, особенно у Бруно Бауэра и Штирнера, это приводит к философскому суб'ективизму, который, правда, отчасти питается и влияниями со стороны молодого Гегеля, его «Феноменологии духа». Сам Лассаль и в ранней юности твердо стоит на почве об'ективизма зрелого Гегеля. Тем не менее связь между категорией и историей ослаблена и у него. Ибо и он может только *прилагать* к истории логически-безвременно готовую систему категорий, при чем отношение между логико-методической и исторической последовательностью остается и должно оставаться *случайным*.

Насколько сильна у Лассаля эта тенденция, видно из того, что в произнесенной им в 1861 г. речи о различии между гегелевой и розенкранцевой логикой он все еще держится за этот дуализм и даже определенно подчеркивает его против других гегельянцев (напр., Ченковского), стремящихся разрешить этот вопрос путем *механического параллелизма* между категориальными типами и историческими эпохами (Werke, VI, стр. 30). Есть трагическая ирония в развитии Лассаля: в тот самый момент, когда он проницательно вскрывает ниспадение Розенкранца на ступень кантова дуализма, он окольным путем, через Фихте, возвращается к проблеме «Критики способности суждения», к проблеме реальной приложимости категорий, к вопросу о подводимости частного (исторически-реального) под всеобщее (под логическую категорию).

Сам Лассаль, однако, так и не осознал это ниспадение. Отчасти потому, что ввиду своей строгой верности логике Гегеля он чувствовал себя вправе считать проблему мышления и бытия окончательно разрешенной; отчасти же потому, что благодаря изобилию эмпирического материала, проработанного и расположенного по ортодоксально-гегельянским категориям в его зрелых трудах, он считал этот дуализм преодоленным и с эмпирической стороны. Мы, разумеется, отнюдь не желаем умалить значение этого последнего обстоятельства. Более того, мы даже думаем, что из тупика революционного младо-гегельянства Лассаль вырвался не только благодаря своему теоретическому превосходству, но и особенно благодаря этому непрерывному погружению в эмпирически-исторический материал. Однако таким путем исторический дуализм только *психологически замаскирован*, но не *преодолен философски*. Маркс и Энгельс всегда очень остро видели эту слабую сторону лассалева мышления. Так, напр., Маркс в своем письме к Энгельсу от 1-II. 1858 г. говорит по поводу «Гераклита»: «Еще меньше думает он о том, чтобы высказать какие-нибудь критические мысли о самой диалектике... К ущербу для себя он убедится, что одно дело — только еще возвести путем критики какую-нибудь науку на такую ступень, когда она может быть изложена диалектически, и совсем иное — прилагать готовую абстрактную систему логики к смутным предчувствиям такой же точно системы».

Что «идея» получает таким образом *независимое* от истории существование, ясно само собой; но это лишь *необходимое логическое следствие* из данных предпосылок. Такое саморазвитие понятия, *методически не связанное* материей (как бы богато оно ни иллюстрировалось эмпирическим материалом), должно выразиться как *прямолинейный под'ем* в сфере осознания идей, в процессе проникновения действительности идеей. Так построена и философия истории Фихте (хотя тут следовало бы поставить вопрос, которого мы, однако, не можем здесь даже и наметить, — не есть ли это только систематизация и схематизация кантова бесконечного прогресса?). Философия истории Лассаля, как она изложена им в наиболее зрелую его пору, в «Системе приобретенных прав» (Werke, IX, стр. 390—400), движется по существу теми же путями. Ибо его критика того отношения между историей и безвременным «бытием в себе», какое дано в гегелевой философии права, за-

вершается лишь требованием такого построения, «какое дал сам Гегель в своей философии религии». Под изменчивостью исторического процесса сохраняется нечто тождественное по всеобщей формальной сущности правовых категорий «собственность, договор и т. д.)», но это тождественное должно быть понято как простое «бытие в себе». Отношение между этим «в себе» и исторической действительностью могло бы быть уяснено только «в системе философии духа» (там же, стр. 140—141). Не есть ли сама эта система категорий продукт истории, и если нет, то как может быть вообще методологически понята история,— этого вопроса Лассаль никогда себе не ставил. Очень характерны слова, сказанные им Марксу в 1861 г.: «Если ты не веришь в вечность категорий, то ты должен верить в бога». Таким образом его выход за пределы Гегеля оказывается, с методической точки зрения, лишь мнимым выходом. И если, благодаря своему революционному инстинкту и обусловленной им более резкой постановке вопроса, Лассаль подходит к самому *порогу проблемы*, то в существе дела это ничего не меняет, потому что переступить этот порог он все-таки не сумел. Наоборот: более наивный Гегель гораздо чаще вскрывает, сам того не желая, правильные категориальные связи в формах конкретных исторических эпох, чем Лассаль, которого «ясность мысли» отбрасывает обратно к Фихте.

Но чем возвышеннее трактуется «идея», чем безвременнее и независимее царит она над конкретной историей, тем меньше она способна к конкретному руководству. Если, как у Маркса и Энгельса, сам конкретный исторический процесс понимается, как нечто исконно-диалектическое, что в наших мыслях только осознает себя, то *в нем самом* могут быть расслышаны и через то научно познаны решающие тенденции общественного развития. Достигнутое таким путем научное знание может *как таковое* руководить практикой: так открывается *методическая* возможность реальной политики *во всемирно-историческом смысле*. Лассаль же, оставаясь на почве *своей* диалектики и философии истории, не может найти мерило правильного действия: он вынужден сделаться «реальным политиком» в обычном смысле этого слова. Эту границу своего исторического миросозерцания Лассаль неоднократно отмечал сам, впрочем, и отдаленно не сознавая всей значительности своих слов. Яснее всего в дискуссии с Марксом и Энгельсом по поводу «Зикингена» (17. X. 1859 г., Переписка, III, стр. 188): «Если исходить из конструктивной философии истории Гегеля, которой я и сам придерживаюсь так твердо, то, конечно, легко ответить вместе с вами, что в конечном счете гибель все-таки и неизбежно наступила бы и *должна* была наступить потому, что Зикинген, как вы говорите, представлял в сущности реакционные интересы, и что он опять-таки неизбежно *должен* был их представлять потому, что дух времени и классовая принадлежность не дозволяли ему последовательно утвердиться на другой позиции. Но это критически-философское понимание истории, в котором одна железная необходимость вытекает из другой и которое именно поэтому поглощает всякую действенность *индивидуальных* решений и поступков, как раз поэтому и не может явиться почвой ни для *практически-революционной деятельности*, ни для *вымышленного драматического действия*. Это понимание необходимости не

только отделено непроходимой пропастью от исторяческого мировоззрения Маркса (поэтому Онкен и цитирует его с таким восторгом в своей биографии Лассаля, как опровержение исторического материализма), но оно же означает и глубокое отпадение от гегелева диалектического единства свободы и необходимости к фихтевскому дуализму «абсолютного бытия» и «абсолютной свободы» (о роли Спинозы и Канта в развитии этой проблемы мы здесь не можем говорить). На единстве свободы и необходимости покоится не только вся гегелева теория трагического (чтобы коснуться предмета, который послужил поводом для упомянутой дискуссии), но это единство составляет ядро всей его философии истории. На теории страсти, при помощи которой вводится столь важное для Гегеля понятие о роли великих личностей в истории, это видно особенно ясно. Идея и страсть составляют «основу и уток в ткани всемирной истории». Они—«крайности; связующая их середина, в которой они соприкасаются, есть нравственная свобода» (Die Vernunft in der Geschichte, Phil. Bibl. 61). Заранее исключена возможность, чтобы такой основательный знаток Гегеля, как Лассаль, просмотрел какой-нибудь существенный пункт гегелевой системы. К тому же эту теорию Гегеля он подробно цитировал в разных судебных речах и называл взгляд Гегеля на страсть и на ее роль в истории и своим собственным взглядом. Стало быть, здесь он *сознательно* отошел от Гегеля, *исправил* Гегеля при помощи Фихте, потому что гегелева необходимость не удовлетворяла *его* активизм. И действительно, гегельянская концепция истории, при всей ее величественности, слишком абстрактна и слишком созерцательна, чтобы давать руководящие указания *для отдельных действий*. К этой роли историческая диалектика способна только в той форме, которую ей дал Маркс. Но так как Лассаль, в общем и целом, всегда оставался ортодоксальным гегельянцем, то он смог найти путь к действию только в направлении к Фихте, в направлении к иррациональности чисто индивидуального решения и реальной политики.

Если Лассаль в отдельных вопросах обнаружил удивительное политическое чутье, то это свидетельствует о его личной гениальности; но его метод, его понимание истории не могли дать ему в этом отношении *никакой руководящей нити*. (Этим я, впрочем, не хочу сказать, что они не имели вообще никакого значения для его агитаторской деятельности.) Более того, теоретические взгляды Лассаля не раз преграждали ему путь к правильному пониманию; укажу, напр., на его позицию в вопросе о профессиональных союзах, о сущности государства и т. д. Отдельные, грубые промахи лассалевой политики, напр., его отношение к Бисмарку, часто об'ясняются только его личными чертами, его темпераментом и т. д. Но именно когда речь идет о фихтеанце Лассале, мы имеем полное право видеть в его методе глубочайшее выражение его личности и причину того, почему его «реальная политика», даже в его чисто личных выступлениях, напр., в гацфельдском деле, ограничена как раз там, где его метод никак не мог указать ему правильного пути, и почему она становится великолепной и покоряющей, когда этический пафос его фихтеанства может проявиться в надлежащем месте.

Юношеские письма Лассаля, особенно упомянутые уже большие письма-статьи, крайне интересны тем, что они показывают, как рано сложились его *основные* убеждения. Впоследствии он выработал в своей метод необыкновенно обширный эмпирический материал, его взгляд на историю становился все более богатым и зрелым, но все это было уже не более как развитием — в буквальном смысле, т.-е. развертыванием — его юношеских идей. Было бы, конечно, весьма интересно в точности узнать, когда и как воспринял он результаты марксова мышления, — но под их настоящим влиянием он во всяком случае не был никогда. Он усвоил себе только то из них, что можно было органически соединить с его гегельянством.

Философия Лассаля есть философия свободы, как у Фихте и Гегеля. И как у них, так и у него путь духа ведет из Греции и Рима через христианство к буржуазному обществу. Христианство вносит в историю принцип «абсолютной правомерности личности» (Переписка, I, стр. 116), а французская революция, в результате которой буржуазный строй становится господствующим, есть не что иное как обмирщение и тем самым подлинное осуществление этого принципа. (Там же, стр. 120—121.) В этой концепции Лассаля гораздо больше исторической проницательности, чем в относящихся приблизительно к тому же времени построениях Бруно Бауэра. Но кажущаяся близость отдельных мест к рассуждениям Маркса в «Еврейском вопросе» только особенно резко подчеркивает коренное расхождение между Марксом и Лассалем. Правда, критика буржуазного общества исходит и у Лассаля из критики отвлеченно формальной свободы. Но в дальнейшем его путь остается чисто спекулятивным, идеологическим. Материальным осуществлением формальной свободы может быть, по Лассалю, только имущество, собственность; только они могут дать индивидууму реальную, материальную свободу (Переписка, I, стр. 123); отсюда вытекает сущность современности, система свободной конкуренции (там же, стр. 125). Как искусственно и идеологично все это построение, показывает обоснование, какое получает у Лассаля правильный сам по себе взгляд, что в современной жизни промышленность занимает более важное место, чем торговля: «ибо в торговле важен об'ективный субстрат торговли, сама вещь, товар. Наоборот, в промышленности находит свое осуществление и утверждение принцип *свободной* суб'ективности, личности. В промышленности важен не столько об'ективный субстрат, само *вещество*, сколько формирующая и обрабатывающая это вещество личность. Если в торговле ценность определяется самою вещью, то тут все дело в обработке. В промышленности может проявиться и добиться признания суб'ективность и ее свободная внутренняя жизнь — талант: в промышленности суб'ект овладевает об'ектом — имуществом — как раз через деятельность и использование своей личности, своей внутренней жизни, своей суб'ективности, через самого себя и именно через самое суб'ективное в нем, через свое умение, вкус, талант». (Там же, стр. 129.) Или, напр., вот что утверждается об общественной роли денег: «Ужас в том, что я вижу реальность моего *для себя бытия*, это глубочайшее, интимнейшее мое достояние, во власти других (деньги). Для-себя-бытие вышло таким образом

наружу (из самого себя), оно видит себя зависимым и подвластным другому». (Там же, стр. 215.) Рассуждения о деньгах, как об «отчужденной сущности» человека, а также параллели между этим материальным самоотчуждением и духовным самоотчуждением в религии, сильно напоминают Фейербаха и Моисея Месса, но установить эти отношения точнее мы пока не в состоянии. Впрочем, лично-практические выводы, к которым приходит Лассаль, чисто лассалеанские (Ср. там же, стр. 221, 230 и т. д.).

Было бы неправильно относить приведенные выражения на счет «наивности» молодого Лассаля. Наоборот, мы находим в них зародыши почти всех позднейших формулировок Лассаля, а также зародыши его отступлений от Маркса и Энгельса. Посмотрим, напр., как он стирает различие между буржуазной и пролетарской революцией. Коммунизм, пишет он, имеет «свое идейное оправдание», «как всякая ступень понятия, он добьется своего осуществления; да он вовсе и не так жесток, на свете уже бывали гораздо более жесткие переходы» (там же, стр. 133—134). Эта острая формулировка особенно характерна тем, что в ней совершенно ясно выражается категорическое отождествление различных исторических эпох, *обусловленное сверхисторичностью* системы категорий—тем, что диалектический метод обоснован чисто логически, а не реально-исторически. Как мало изменились в этом отношении взгляды зрелого Лассаля *по существу*, показывает все та же его дискуссия с Марксом и Энгельсом по поводу его драмы «Зикинген» (относится к 1859 г.; Переписка, III, стр. 148—158 и 173—211). Сущность спора заключается в том, что Маркс и Энгельс и в вопросе о теме и форме трагедии всегда имеют в виду *специфические* проблемы какой-нибудь *определенной* исторической эпохи, тогда как Лассаль поставил себе целью написать трагедию революции вообще (там же, стр. 187). Еще важнее, однако, то (особенно для позднейших споров), что Лассаль временами отказывается от столь важного различения Гегеля между государством и обществом—различения, которое послужило в руках молодого Маркса одним из рычагов для революционной перелицовки гегелевой диалектики. В решающем для всего мировоззрения Лассаля положении: «Коммунизм впервые снова осознает, хотя еще темно и смутно, идею государства или общества, как *органического* целого», — слова «государство» и «общество» употреблены как синонимы. Установление этого факта не есть пустая схоластика не только потому, что как раз для логизирующего диалектика Лассаля взаимное отношение понятий имеет принципиально-систематическое значение, но и потому еще, что только таким путем может быть систематически обоснована его философия истории, от которой он не отказался и впоследствии. Отстаиваемый им в наиболее зрелый период тезис: «Развитая государственная идея должна быть в первую очередь названа идеей рабочего сословия» (Наука и рабочие, Werke, II, стр. 241) возможен только на этой почве. И если впоследствии Лассаль иногда резко отделяет государство от общества, то в существе дела это едва ли что меняет, потому что его понятие общества никогда не идет дальше гегелева и часто даже остается позади него.

Правда, иногда и Лассалю приходит в голову мысль о самоупразднении права (Переписка, I, стр. 220), но в общем и целом он настаивает на сверхвременном характере идеи права и государства, что с необходимостью ведет отчасти к затушевыванию, отчасти к не-диалектически резкому подчеркиванию принципиального различия между обществом и государством. В области же практически-политической этим определяется отношение к *буржуазному либерализму*. В упомянутой выше связи (Переписка, I, стр. 134) Лассаль подчеркивает, что коммунист резче всего должен полемизировать с радикальными демократами, с республиканцами. Здесь мы не можем проследить дальнейшее развитие этого тезиса. Но всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей германского рабочего движения, конечно, знает, что разрыв Маркса и Энгельса с преемником Лассаля, Швейцером, имел свои политические корни именно в этом идейном наследии Лассаля.

В рамках настоящей рецензии мы, разумеется, не можем дать характеристику философской личности молодого Лассаля хотя бы даже в самых грубых очертаниях. Но и из предшествующих замечаний уже ясно, что развитие Лассаля было не уклонно-прямолинейно и что в тех пунктах, где он как будто приближается к марксизму, он обнаруживает лишь большую последовательность в своем строгом гегельянстве, чем какая встречалась у других младо-гегельянцев. Так, напр., зародыши позднейшей марксистской теории «ложного сознания» можно найти в следующих рассуждениях Лассаля: «Ни один из этих промышленников не в состоянии понять сущность промышленности, ее *истинное* значение, и когда они толкуют о могуществе промышленности, о том, что она составляет душу нашего времени, то это лишь пустая, бесплодная болтовня. Несомненно, промышленность есть душа нашего времени, но как именно, этого не понимают все немецкие фабриканты, с парижской комиссией вкупе, несмотря на их подробное знание фактов. В этом отношении они так же бессознательны, как колеса их машин, они совершенно не сознают того, что они собою представляют и что делают» (Переписка, I, стр. 115—116). Но когда он тут же прибавляет, что сознанием этим обладает *философ*, тогда становится ясно, что речь идет лишь о *применении* гегелевой «хитрости разума» еще к одной области, а не *об исторически-общественном конкретизировании и дальнейшем развитии* этого учения, какое оно получило в марксизме. (Замечу мимоходом, что здесь можно усмотреть также зародыши позднейшего дуализма науки и рабочего класса — правда, получившего значение союза, но все-таки дуализма, который методологически коренится все в том же фихтеанстве Лассаля.) В этом отношении интересно также меткое замечание Лассаля, что материализм «есть тоже продукт лишь новейшего времени. До того он еще *ни разу* не появлялся в истории. Он — продукт новейшего времени, ибо он — продукт и ступень нового идеализма и нового духа» (Переписка, I, стр. 124). Тут Лассаль ясно видит связь между буржуазным развитием, развитием капитализма, и появлением материализма и тем самым поднимается бесконечно высоко над теми историками философии, которые сумели усмотреть в новом материализме только возрождение антично-материалистических идей. (Что сами эти идеи выросли на почве, *от-*

части аналогичной буржуазным отношениям, и в силу этой аналогии могли оказать влияние на развитие новой философии,—это нас здесь не касается.) Но и тут не следует забывать, что эта оценка материализма также была дана уже Гегелем и особенно подчеркнута младогегельянцами, напр., Бр. Бауэром в «Трубном гласе страшного суда».

Мы так подробно остановились на юношеских философских воззрениях Лассаля не только ввиду их большой важности для понимания его последующего развития, но и потому, что тут заложена, на наш взгляд, *об'ективная основа* для отношений Маркса к Лассалю. В своем очень интересном предисловии к переписке между ними Густав Майер говорит больше о различии их личных характеров и об отдельных конфликтах; Меринг, который в своей истории партии и в примечаниях к IV тому посмертного издания окончательно разрушил легенду о том, будто Лассаль был простым учеником Маркса, касается интересующей нас проблемы только мимоходом. То и другое не случайно: именно в этом пункте правильно оценить отношение Маркса и Лассаля особенно трудно. Долгое время этому мешала прежде всего неполнота относящихся сюда материалов: Мерингу, напр., неизвестны по большей части письма Маркса и Энгельса к Лассалю. Впрочем, неполнота эта в данном случае неустранима, потому что Маркс и Энгельс ни разу по настоящему не свели счетов с Лассалем. Опубликованные Густавом Мейером письма содержат по этому вопросу столь же мало, как переписка Маркса с Лассалем или критика готской программы, хотя последняя и дает резкую отповедь течениям, возникшим из лассалеанства. В письмах к Энгельсу встречаются очень острые, глубокие и меткие замечания, но все же только замечания, которые показывают лишь, где *могли бы* завязаться дискуссии, а самой дискуссии так и нет. Письма же к Лассалю выдержаны в таком дипломатическом тоне и так мало откровенны в своей критике, что *подлинное мнение* Маркса можно в них прочесть только между строк. Это не значит, что во вновь опубликованных письмах не заключается чрезвычайно много интересного. Укажу лишь на полемику против «Системы приобретенных прав», где Маркс дает столь же глубокое, сколь меткое изображение подлинной исторической связи между идеологическими образованиями. «Что рецепция римского завещания... покоится на ложном его понимании, это ты доказал. Но отсюда отнюдь не следует, что завещание в его *современной* форме с помощью каких бы лжетолкований римского права ни конструировали его нынешние юристы—есть *ложно понятое* римское завещание. Иначе можно было бы сказать, что всякое приобретение более старого периода, усвоенное позднейшим, есть *ложно понятое* старое. Несомненно, напр., что три единства, как они теоретически конструируются французскими драматургами в век Людовика XIV, покоятся на ложно понятой греческой драме (и Аристотеле, как ее выразителе). Но, с другой стороны, столь же несомненно, что французы понимали греков как раз так, как это соответствовало их художественным потребностям, и поэтому так называемая «классическая драма» сохранялась у них еще долго после того, как Дасье и другие дали им правильную интерпретацию Аристотеля. Столь же верно, что все современные конституции в значительной мере покоятся

на *ложно понятой* английской: они берут из нее, как нечто существенное, то, что в ней самой является упадком и теперь *формально* существует в Англии лишь per abusum, — напр., так называемый ответственный *кабинет*. Ложно понятая форма и есть как раз всеобщая и на известной ступени общественного развития пригодная к всеобщему употреблению форма» (письмо от 21/VII. 1861 г. Переписка, III, стр. 375). Но весьма характерно, что Маркс, во-первых, вообще никак не реагирует на ответ Лассаля, который поручает его особенному вниманию философские места книги («§§ 7 и 10 *никому* не могут быть так *близки*, как именно тебе». 27/28, VII. 1861. Переписка, III, стр. 384). А во-вторых, его критика осторожно замалчивает все то, о чем он так резко высказывается в письме к Энгельсу (от 9/XII, 1861. Переписка с Энгельсом, III, стр. 44), давая решительную отповедь диалектике Лассаля: Идеализм одерживает верх, а диалектический метод применяется *неправильно*. Гегель никогда не называл диалектикой поведение множества «случаев» under a general principle (под общее начало). Но до открытой дискуссии дело так и не дошло. С направлениями Прудона и Дюринга Маркс и Энгельс свели теоретические счеты, против направления Лассаля они ни разу не выступили публично. Энгельс один знал, что статья о Прудоне в «Sozialdemokrat» от 1865 г. была направлена против Лассаля: критика готской программы тоже была опубликована лишь очень поздно.) И это нанесло большой ущерб теоретической ясности в дальнейшем потому, что дало возможность лассалевским идеям продолжать развиваться в немецком рабочем движении в виде скрытого подземного течения. С лассалевством не было покончено теоретически, как с другими полувраждебными направлениями. Конечно, и там, где такая теоретическая полемика имела место, ее одной было недостаточно для окончательного преодоления критикуемых тенденций (вспомним хотя бы о Прудоне и французском синдикализме, о неокантианских направлениях, которые в сущности были критически преодолены уже в «Святом семействе» и т. д.). Но со стороны ложных тенденций Лассаля опасность была более велика — именно потому, что они никогда не конкретизировались в отчетливое направление и всегда могли возродиться в самых разнообразных модернизованных формах, при чем их источник оставался скрытым от взора. И нам думается, что как раз в наши дни, когда неокантианское движение находится на ущербе, тенденции Лассаля очень легко могут ожить снова. Как буржуазная философия за последнее десятилетие развивалась в направлении от Канта к Гегелю, так, повидимому, и социалистический оппортунизм (всегда очень подверженный влияниям со стороны модных буржуазных течений) готов проделать подобное же развитие. Сошлюсь в подтверждение только на большую книгу Купова, в которой как раз сделана попытка исправить марксову критику государства при помощи Гегеля.

О мотивах своего поведения по отношению к Лассалю Маркс и Энгельс ясно высказались сами. Так, Маркс пишет Энгельсу (25/II. 1859 года): «Лассаль действительно слишком заинтересован «делом», чтобы не держаться вместе с нами, coûte que coûte... Стало быть, при умном подходе с нашей стороны он будет наш целиком, сколько бы

козлиных прыжков он ни делал...» И хотя впоследствии эти надежды все больше лишались почвы, так что после смерти Лассаля Энгельс писал Марксу (4/IX, 1864 г.): «он был для нас весьма сомнительным другом в настоящем и довольно несомненным врагом в будущем»,— все же эта дипломатическая игра продолжалась до самой смерти Лассаля и повторяется даже несмотря на временный открытый разрыв— в отношениях с Швейцером. Маркс и Энгельс явно считали безнадежной всякую попытку прямо и открыто столковаться с Лассалем; привлечь его целиком на свою точку зрения им представлялось совершенно невозможным. В то же время, однако, условия рабочего движения и роль, которую играл в нем Лассаль, не дозволяли разделаться с ним так же, как с Прудоном или Дюрингом; а с другой стороны, он был слишком значителен и влиятелен, чтобы его можно было просто игнорировать, как Моисея Гесса. Для историка было бы очень интересной задачей проследить по новым материалам чисто личные перипетии этих отношений. Но важнее, думается нам, другая, принципиально-методологическая сторона вопроса. Когда, благодаря усердию Густава Майера, в нашем распоряжении будет полностью весь соответствующий материал, встанет задача: указать пункты, в которых Лассаль попросту не видел сущность нового диалектического метода; вскрыть (и об'яснить из условий его развития) границы его мышления, в силу которых он, младший современник Маркса, исторически является домаркситским диалектиком; ибо в истории духовного развития он занимает место *между* Гегелем и Марксом. Но именно поэтому он стал для нас *чисто исторической* фигурой. Если, однако, мы не хотим, чтобы он получил снова весьма нежелательную актуальность, то мы должны отвести ему подобающее место в истории. Разрушив легенду о Лассале, как ученике Маркса, Мерринг сделал в этом направлении первый подготовительный шаг: трудами Густава Майера восполнены пробелы в существовавшем материале. Будем надеяться, что по этому, чрезвычайно важному, вопросу мы скоро будем иметь законченный научный труд.

Georg Lukacz (Иена).

„Мировое производство в сравнительных цифрах и диаграммах“.

Работы семинария по промышленной статистике проф. М. Смит

(1-й М. Г. У., Ф. О. Н.)

Если какая-нибудь отрасль производства пользуется у нас непрерывным состоянием расцвета, не знающего никаких остановок и кризисов, так это — производство цифр.

Дикую свистопляску отплясывают они на страницах нашей прессы и нашей непериодической литературы, большей частью неизвестно откуда взявшиеся, какого-то неопределенного, чтобы не сказать подозрительного, свойства, однодневки, мелькающие в глазах и непосредственно вслед за этим забываемые. Или же это «солидные» статистические цифры, бесчисленные, как песок, какие-то бесконечные ряды таблиц, в которых непонятно только одно, каков в сущности их смысл. Их меньше забывают, во-первых, потому, что меньше читают, а во-вторых, потому, что запомнить их невозможно.

Этот характер господствующего у нас производства цифр грозит отравить ту поразительную любовь к цифре, которая отличает передовой слой поднявшейся к сознательной жизни пролетарской молодежи и которая проистекает из серьезного отношения к знанию, как к важному делу, требующему прежде всего точности.

Разочарование в цифрах уже сейчас намечается, и давно уже пора принять меры к улучшению доброкачественности этого продукта. Лучше меньше, да лучше. В этой области приведенная директива особенно уместна.

Статистические данные, поскольку они не являются сырым материалом или полупродуктом, предназначенным для специалистов статистиков и экономистов, а, так сказать, «готовым» продуктом, предназначенным для широкого массового потребителя, должны быть прежде всего *определенными*. Читатель должен иметь возможность с полной отчетливостью представить себе, о чем именно идет речь. Они должны быть *обоснованными*, а это в большинстве случаев означает, прежде всего, сравнимыми. Затем они должны быть *существенными*, дающими представление о достаточно важных вещах, которые читателю действительно *стоит* знать, а не обрывочными случайными данными. Наконец, они должны быть *правдивыми*, не должны вводить в заблужде-

ние своей кажущейся точностью, должны, следовательно, сопровождаться указаниями на степень их точности.

А помимо всего этого, они никогда не должны стыдиться своего происхождения, скрывать его, а, наоборот, открыто сообщать о нем. Откуда и как получена цифра, имеет право знать всякий читатель, хотя и не всякий сможет в этом разобраться. Только темные дела боятся света.

И, разумеется, статистические издания требуют особой тщательности выполнения: цифровую опечатку обнаружить очень трудно.

Одной из довольно редких попыток дать осмысленные и доброкачественные статистические данные, предназначенные для широкого читателя (т.-е. не только для специалистов), является рецензируемая книга.

Книга представляет собой, как сказано в введении, результат работ семинария, предпринятых по инициативе научного отдела Пролеткульта. Поставленная последним цель работ, это «*в простых, ясных и вполне сравнимых цифрах* (курсив мой. *Л. К.*) представить положение мирового производства». В появившемся выпуске даются данные о двигателях, транспорте и топливе в предвоенную эпоху. В ближайшем выпуске предполагается привести данные о металлургии и машиностроении за ту же эпоху. В последующих, повидимому, о других отраслях хозяйства, а затем соответственные данные и для современной эпохи.

В основных чертах поставленная задача достигнута, и т. М. Смит с полным основанием выражает в своем введении предположение, что даже и в том неполном виде, в каком нам удалось собрать и обработать материал, наша работа послужит все же полезным справочником для работников промышленности, для учащейся молодежи и для всех тех, кто интересуется положением мирового производства».

Вполне разделяя это мнение и рекомендуя книгу указанным категориям читателей, мы именно поэтому хотим подробно остановиться на сравнительно второстепенных недостатках книги, требующих, по нашему мнению, исправления в следующем ее издании.

Прежде всего не выполнено обязательное для статистических изданий требование — тщательная корректура и указание опечаток с тем, чтобы читатель мог их исправить *до* чтения. Нечего и говорить, насколько способны сбить с толку опечатки в цифрах.

Приведем несколько примеров из числа замеченных нами. Во вступительной статье говорится (см. стр. 18): «Так, в Бельгии с 1846 г. по 1911 количество лошадиных сил возросло с 37.000 до 1.159.000, тогда как население возросло за это же время с 4.300.000 до 7.500.000. Иначе говоря, количество лошадиных сил возросло почти в 35 раз, а население даже удвоилось». В действительности должно было стоять «даже не удвоилось», пропущено «не». Кроме того, 1.159.000 больше 37.000 не почти в 35 раз, а только в 32 с небольшим раза.

В таблице «Добыча и потребление всех нефтяных продуктов в 1913 г.» (стр. 94—95), по данным об общей и душевой (на 1.000 жителей) добыче, в России оказывается около 115 милл. чел. населе-

ния, по аналогичным данным о потреблении около 180 милл., как легко установить путем простого деления.

В той же таблице общий итог ввоза указан в размере 12.709.952 тонн, вывоза 12.624.931 тонн, превышения ввоза над вывозом по 85.021 тонна, как следовало бы из этих цифр, а 3.734.100 тонн.

По вступительной статье (стр. 27) говорится: «Азия добывала около 35,5% мировой добычи, а потребляла 7,5%». Из соответственной таблицы (стр. 96) видно, что на Азию падает по добыче 5,4%, по потреблению 7,6%.

Таблица Д 1 на стр. 91 озаглавлена: «Запасы нефти в земле и состояние нефтяных промыслов в главных странах по добыче нефти в 1913 г.», а во вступительной статье (стр. 26) говорится: «Таблица Д 1 дает нам сведения о состоянии нефтяных промыслов и запасов нефти в земле в главных странах ее добычи в 1913 г.». В действительности никаких сведений о запасах нефти в земле эта таблица не дает, а сообщает лишь о *площади* нефтяных промыслов, а именно в Мексике близко к двум *миллионам* десятин (1.852 тысячи), в С. Ш. С. А. свыше 24 *тысяч* десятин, в России две с небольшим тысячи, и в Румынии 73 *десятины*. Если о запасах судить по площади, то Мексика превосходит все прочие страны чуть ли не в семьдесят раз.

В таблице «число рабочих каменноугольной промышленности в 1911 г.» (стр. 107) общий итог числа рабочих указан в 34.527.000 чел., а во вступительной статье (стр. 29) читаем: «Всего в каменноугольной промышленности мира насчитывалось в 1911 г. 34,5 миллиона рабочих, из которых 30% приходилось на Великобританию (свыше 1 милл.), по 20% на С. Ш. и Германию...». По 30% от 34,5 милл. будет не 1, а примерно 10 милл. Итог в данном случае неверен, всех рабочих в каменноугольной промышленности мира не 34 с лишним, а 3 с лишним.

В той же таблице пропущены данные о России, хотя в списке стран Россия имеется, и во вступительной статье сообщается, что на нее приходится около 5% рабочих.

Стр. 66—67 вообще зияют пустотой, хотя в нумерацию страниц включены.

Разумеется, в статистической работе такого рода погрешности должны быть предупреждены и во всяком случае исправлены.

Недостатком является, с нашей точки зрения, и слишком большая и потому мнимая точность исчисления, когда, например, отношения даются до сотых %. Хорошо было бы, если бы статистика приняла прекрасное правило естественных наук: число дается с таким расчетом, чтобы сомнительной в нем была бы только *последняя* цифра. Тогда 5,43% означало бы, что в действительности может быть, например, и 5,41 и 5,47%, но что 5,4%, так это уж несомненно.

Отсутствие указаний на степень точности цифр, отсутствие их оценки является вторым недостатком книги. Из введения (стр. 8) мы узнаем, что «для Англии мы для одного и того же периода времени находим такие цифры, как 7 милл., 10 милл. и 14 милл. рабочих». Нет сомнения, что приводимые в книге цифры много точнее, но ука-

зания на размер возможного отклонения являются в такой работе безусловно необходимыми.

В некоторых случаях имеется и известная неопределенность понятий. Так, в таблице «распределение предприятий, имеющих двигатели, по их относительной величине и мощности в Германии, Франции, Австрии и Швейцарии» (стр. 41) предприятия делятся на три группы: мелкие, средние, крупные, но не указано, какой признак положен в основу деления (напр., число рабочих или что иное) и одинаковый ли для всех стран или нет.

Нам думается, что и расположение материала не совсем удачно. Комментарии ко всем таблицам собраны в одной вступительной статье (стр. 13—30), затем идут таблицы (стр. 31—110) и диаграммы (111—143). По нашему мнению, было бы гораздо целесообразнее, если бы читатель, ознакомившись с таблицей, не был вынужден отыскивать соответствующее место в статье, а затем искать соответствующую диаграмму, как это приходится делать сейчас, и если бы диаграмма и комментарии следовали бы непосредственно за соответствующей таблицей.

Помимо этого, весьма необходимы и указания на источники, откуда почерпнуты данные, что сейчас сделано лишь кое-где. Там, где цифры получены путем комбинирования нескольких источников, это обстоятельство должно быть отмечено и указаны все источники, а еще лучше и страницы последних.

Все эти отдельные недочеты, подлежащие, по нашему мнению исправлению, нисколько, однако, не меняют того факта, что выпущенная семинарием т. М. Смит книга является весьма ценной книгой. Она, действительно, дает простые и ясные цифры. Небольшие, но имеющие определенный экономический смысл, таблицы.

И в ней нет господствующего в статистике фетишизма числа. Как известно, все числа так или иначе связаны с числами натурального ряда, являющимися совокупностью единиц. А единица есть нечто, в чем погашены все *качественные* различия, в чем не осталось ничего, кроме факта обособленности, что стало поэтому неотличимым от всякого другого обособленного и таким же образом опустошенного феномена.

Так именно и оперируют обычно статистики со своими величинами. Человек есть человек. Крестьянин есть крестьянин. Лошадиная сила есть лошадиная сила. Двигатель есть двигатель.

Вместо этого мы встречаем в работе семинария т. М. Смит совсем иной подход. Двигатели бывают разные. Одни—первичные—превращают природные запасы энергии в энергию, технически используемую, другие — вторичные — лишь передают последнюю или видоизменяют ее форму. В целях учета валовой мощности всей двигательной силы нельзя складывать, как это обычно делают, первичные и вторичные двигатели.

Тонны водоизмещения также не дают представления о провозоспособности флота, ибо бывают суда и суда. Паровые суда передвигаются *втрое быстрее* парусных. Поэтому тонна водоизмещения парового судна равна трем тоннам водоизмещения парусного, и т. д.

Такая постановка вопросов *будит сознательное отношение к цифре*. В этом ее большая заслуга. Место мертвой застывшей цифры занимают цифры, фиксирующие только момент познавательной обработки явлений. Незаконченность этой обработки в некоторых случаях т. М. Смит отмечает сама (указывая, напр., что ни одна машина не работает 24 часа в сутки, поэтому, когда мы говорим о мощности двигателей, то мы исчисляем не действительную работу машин, а только их максимальную работоспособность», см. стр. 16), но легко, конечно, указать и на ряд других мест книги: так, напр., на стр. 86 приводятся данные об общем протяжении усовершенствованных путей, полученные путем сложения длины судоходных рек и каналов, шоссейных дорог и железных дорог, из которых первые на несколько месяцев замерзают и, следовательно, функционируют более короткое время, и все три разряда характеризуются различной скоростью транспорта и различной пропускной способностью. Но именно это обстоятельство и ему подобные и выдвигают новые и новые вопросы, возможность разрешения которых зависит и от разработки методологии исчисления и от состояния материалов, т.-е. постановки учета.

Достоинства работы семинария т. Смит, являющейся одной из немногих *коллективных* студенческих работ советской высшей школы, далеко перевешивают ее легко устранимые большей частью внешние недочеты, и было бы очень желательно видеть в непродолжительном времени обещанное в книге продолжение ее, обработанное со всею требующейся в такой работе тщательностью.

Л. Крицман.

Редакционная коллегия:

Н. И. Бухарин, В. П. Милютин, М. Н. Покровский, Е. А. Преображенский, Ф. А. Ротштейн.

Приложение.

Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России.

1901 – 1910.

(Продолжение.)

604. **Абр.** О специалистах по сечению. „Рус. Бог.“, 1905, № 5, стр. 180–183. (По поводу сечения крестьян в Черниговской, Курской, Орловской губ., в связи с аграрными волнениями.)

605. **Авнегская волость Грязовецкого уезда.** „Вестн. Парт. Пар. Своб.“, 1906, № 19—20, стр. 1271–1272. (Резолюции народного собрания, Вологодская губ., 1906.)

606. **Аграрный террор.** „Трудовой Народ“, 1906, № 1, стр. 67—70. (Сводка газетных сведений, 1906.)

607. **Аграрные волнения я Феодосийском уезде.** „Вестн. Таврич. Земства“, 1906, № 32, стр. 397—398. (1906.)

608. **А. Л.** Внутренняя война. „Народно-социалист. Обозр.“, 1906, № 2, стр. 64—68. (Столкновения крестьян с полицией; насилия над чинами администрации, 1906.)

609. **А. Л.** Карательные походы и податные экзекуции. „Сборник 11-й“, изд. „Пар. Труд“, стр. 62—69. (1906.)

610. **А. Л.** Крестьяне и земство. „Трудовой Народ“, 1906, № 2, стр. 60–65. (Отношение крестьянства к земству, 1906.)

611. **А. Л.** Крестьяне и правительственные власти в деревне. „Сборник 8-й“, изд. „Пар. Труд.“, стр. 47—51. (Отношение крестьян к властям, 1906.)

612. **А. Л.** Кровавые итоги. „Народно-социалист. Обозрение“, 1906, № 1, стр. 65–68. (О деятельности карательных экспедиций, 1905—1906).

613. **А. Л.** Податная забастовка. „Народный Труд“, 1906, № 1, стр. 70–75. (О неплатеже крестьянами податей. 1906.)

614. **Александрович, М.** Аграрные беспорядки. „Хозяин“, 1905, № 43, стр. 1599—1604; № 44, стр. 1629—1636. (Обзор крестьянского движения в Костромской, Тверской, Нижегородской, Минской, Гродненской, Ковенской, Подольской, Волынской, Рязанской, Харьковской, Курской, Екатеринославской, Пензенской, Симбирской, Херсонской, Бессарабской, Самарской губ. и Донской обл. 1905.)

614а. **Алексеев, В.** Из пыли архивов. „Красн. Летоп.“ Сборн. под ред. Ильинского и Рытикова. Симбирск, 1923. Стр. 12—14. (О крестьянском движении в Симбирской губ. 1905—1907).

615. **Алексеева.** Среди крестьян. „Рус. Бог.“, 1907, № 3, стр. 171—194. (Воспоминания с.-р. о партийной работе среди крестьян в 1905 г.; губерния не названа.)

616. **Альб-н.** Усмирение Прибалтийского края. „Без заглавия“, 1906, № 6, стр. 218—228. (Крестьянское движение и карательные экспедиции в Курляндии и Лифляндии, 1905—1906.)

617. **А-н, С.** Губернаторские поездки. „Народный Труд“, 1906, № 1, стр. 75–79. (Антиреволюционная агитация губернаторов в Самарской, Екатеринославской и Архангельской губ. 1906.)

618. **А-н.** Донские казаки. „Рус. Бог.", 1906, № 12, стр. 116—152. (О настроениях среди донского казачества в 1904—1906 г.г.)

619. **А-н, С.** Духовенство и крестьянство. „Народно-социалист. Обозр.", 1906, № 2, стр. 60—64. (Об отношении крестьян к духовенству. 1905—1906.)

620. **А-н, Ст.** Съезд трудовой группы. „Народный труд", 1906, № 1, стр. 39—49. (Съезд б. членов Первой Думы трудовиков; настроения крестьян на местах. 1906.)

621. **Аникин С.** По родным местам (из наблюдений бывшего депутата). „Рус. Бог.", 1906, № 11, стр. 1—20; 1907, № 1, стр. 36—65. (О крестьянских настроениях в Петровском уезде, Саратовской губ.)

622. **Аникин С.** Чего просит деревня. „Вестн. Евр.", 1909, № 2, стр. 724—740. (О крестьянских настроениях после революции.)

623. **Антонов М.** „Дни свободы". „Рус. Бог.", 1907, № 8, стр. 139—170; № 9, стр. 56—86. (О крестьянском движении в 1905 г. в Л. . . ском уезде и о привлечении автора к суду за агитацию.)

624. **А. П.** На разные темы. „Лесопром. Вести", 1905, № 31, стр. 381—384. (О крестьянском движении в Польше. 1905.)

624а. **Архангельский. П. Г.** Очерки по истории земельного строя в России. Стр. 215—251. (Аграрное движение 1905—1906 г.г.).

625. **Архив общественной жизни.** „Пар. Хоз.", 1902, № 5, с. р. 181—185. (Правительственное сообщение о крестьянских волнениях в Полтавской и Харьковской губ. в 1902 г. и высочайшие указы, изданные в связи с волнениями.)

626. **Архив общественной жизни.** „Пар. Хоз.", 1902, № 6, стр. 181—186. (Циркуляр Ставропольского губернатора земским начальникам о борьбе с ложными слухами среди крестьян о приреке земли. 1902.)

627. **Архив общественной жизни.** „Пар. Хоз.", 1902, № 7, стр. 205—217. (Крестьянское движение в Саратовской, Гродненской, Херсонской и Воронежской губ. 1902.)

628. **Архив общественной жизни.** „Пар. Хоз.", 1905, № 3, стр. 201—206. (Высочайший указ об учреждении временных Комиссий по вопросу о крестьянских беспорядках. 1905.)

629. **Архив общественной жизни.** „Пар. Хоз.", 1905, № 6, стр. 127—140. (Правительственное сообщение о революционном движении в 1905 г.: сведения о крестьянском движении в Саратовской, Лифляндской и Курляндской губ.)

630. **А. С.** Внутреннее обозрение. „Рус. Мысль", 1905, № 4, стр. 226—231. (Крестьянское движение в Курской и Орловской губ. и в Закавказьи. 1905.)

631. **А. С.** Внутреннее обозрение. „Рус. Мысль", 1905, № 9, стр. 248—252. (Крестьянское движение в Прибалтийском крае и на Кавказе. 1905.)

632. **А. С.** Внутреннее обозрение. „Рус. Мысль", 1905, № 11, стр. 250—253. (О крестьянском движении, в частности в Саратовской губ., и мероприятиях правительства. 1905.)

633. **А. С.** Внутреннее обозрение. „Рус. Мысль", 1905, № 12, стр. 204—206. (О крестьянском движении и действиях властей, в частности в Саратовской и Тамбовской губ. 1905.)

634. **А. С.** Внутреннее обозрение. „Рус. Мысль", 1906, № 2, стр. 238—242. (О карательных экспедициях в Прибалтийском крае и на Кавказе; аграрное движение в Черниговской, Могилевской, Екатеринославской губ. 1906.)

635. **А. С.** Внутреннее обозрение. „Рус. Мысль", 1906, № 3, стр. 229—231. (О карательных экспедициях на Кавказе и в Прибалтийском крае; аграрное движение в Курской и Черниговской губ. 1906.)

636. **Асин, Т.** Деревня. К характеристике крестьянских настроений. Сборн. „На очередные темы", изд. „Новая Мысль", СПБ., 1906, № 1, стр. 71-83. (1906).

637. **Affaire de Marie Spiridonova.** „Service de Renseignements rapides de La Tribune Russe", 1906, № 1—2, стр. 6—8. (О расправе Луженовского с крестьянами в Тамбовской губ. 1905.)

638. **А. Ц.** Крестьянское движение в Ставропольской губ. „Наше Дело" 1906, № 2, стр. 13—14 (1906).

639. **Б.** Письмо пропагандиста из деревни. „Социал-демократ", 1906, № 3, стр. 2—4. (О социал-демократической работе в деревне. Петербургская губ. 1906.)

640. **Белоконский, И. П.** Высочайший указ 18 февраля в деревне. „Образов.", 1905, № 9, отд. II, стр. 75—78. (Заявление крестьян с. Хотомли, Вол-

чанского уезда Харьковской губ. 1905.)

641. **Беньковский, Ив.** Аграрные волнения. „Южн. Зап.", 1905, № 24, стр. 60—61. (Заславский уезд Волынской губ. 1905.)

642. **Богучарский, В.** Хроника русской жизни. „Образов.", 1905, № 3, отд. II, стр. 25—28. (Крестьянское движение в Курской, Орловской губ. и в Закавказьи. 1905.)

643. **Богучарский, Б.** Хроника русской жизни. „Образов.", 1905, № 4, отд. II, стр. 28—33. (Крестьянское движение в Лифляндской, Курляндской, Полтавской, Харьковской, Витебской, Курской губ., в Польше и на Кавказе. 1905.)

644. **Богучарский, В.** Хроника русской жизни. „Образов.", 1905, № 11—12, отд. II, стр. 41—45. (Крестьянское движение в Курской, Саратовской, Черниговской, Тамбовской и др. губ. 1905.)

645. **Бондарев, С.** О условиях, определявших тактику Трудовой Группы в первой Гос. Думе. „Народно-социалист. Библиотека", № 1, стр. 34—40.

646. **Бонч-Осмоловский, И.** Работы первой Государственной Думы. Под ред. Бондарева. СПБ. 1906. стр. 90—93, 234—238, 255—257, 436—441. (Деятельность трудовой группы; запрос о крестьянском союзе.)

647. **Борисоглебская Опричнина.** „Южн. Зап.", 1905. № 48, стр. 42—44. (Расправа с крестьянами в Борисоглебском уезде Тамбовской губ. 1905.)

648. **Брамов, И.** Крестьянство и земство. Сборн. „Коллективист", М. 1907, стр. 87—98. (Об отношении крестьян к земству.)

649. **Брамсон, Л. М.** К истории Трудовой Партии. Трудовая Группа первой Государственной Думы. 2-е изд. П. 1917. (Первоначально было напечатано в „Сев. Зап." 1913, №№ 5—8, под псевдонимом Я. Танина.)

650. **Бродский.** Вынужденный ответ. „Рус. Бог.", 1905, № 11, стр. 210—217. (По поводу ст. Петрищева „Ловцы человеков", в „Рус. Бог.", 1905, № 8. О поджоге Лебединского сахарного завода в Чигиринском уезде Киевской губ. 1902 г.)

651. **Буфеев, Як.** Революция в Прибалтийском крае. „Народный сборник по современным вопросам", М. 1907, № 2, стр. 60—79. (Крестьянское движение в Курляндии и Лифляндии 1901—1905.)

652. **Бушевич, А.** Корреспонденция из Латышского края. „Отклики Современности", 1906, № 1, стр. 91—96; № 2, стр. 153—157. (О крестьянском движении в Лифляндии в 1905 г.)

653. **W.** Внутреннее обозрение. „Жизнь", 1902, № 6, стр. 228—231. (По поводу крестьянских волнений в Харьковской и Полтавской губ. в 1902 г.)

654. **Василевский, Я. (Плохоцкий).** Крестьяне Царства Польского в борьбе с клерикальной реакцией. „Рус. Бог." 1912, № 12, стр. 209—236. (О „заранырском" движении среди польского крестьянства.)

655. **В. В.** Крестьянские настроения. „Образов.", 1906, № 2, отд. II, стр. 54—62. (Опочецкий уезд Псковской губ. 1905.)

656. **В. Е.** Нам пишут. „Южн. Зап." 1905, № 17, стр. 73—74 (Адрес крестьян Славяносербской волости Херсонской губ. 1905.)

657. **Величко, В.** Деревня и город в период второго междудумья. „Совр. Мир", 1908, № 9—10, стр. 8—56. (Крестьянские настроения после роспуска второй Думы.—Губерния не названа.)

658. **Веселовский, Б.** Аграрные волнения в 1907 году. „Образов.", 1907, № 8, отд. II, стр. 1—24.

659. **Веселовский, Б.** Итоги и перспективы крестьянского движения. „Образов.", 1906, № 7, отд. II. стр. 1—18. (1905.)

660. **Веселовский, Б.** Кое-что о настроении землевладельцев. (По поводу аграрных волнений.) „Образов." 1906, № 4, отд. II, стр. 20—28.

661. **Веселовский Б.** Крестьянское движение. „Темы жизни", № 5, вып. II. (Популярный очерк крестьянского движения от разиновщины до 1905 г. включительно.)

662. **Веселовский, Б.** Крестьянское движение в 1905 г. „Рабочий Ежегодник", изд. „Альманах", 1906, стр. 15—21.

663. **Вести и слухи.** „Вести. Сельск. Хозяйства", 1905, № 24, стр. 18. (Постановление московского съезда крестьян в мае 1905 г.)

664. **В. Л.** Внутреннее обозрение. „Рус. Мысль", 1905, № 5, стр. 227—235 (Крестьянское движение и правительственные мероприятия, в частности в Прибалтийском крае и в Закавказьи, 1905.)

665. **В. Л.** Внутреннее обозрение. „Рус. Мысль", 1905, № 12, стр. 182—185 (О делегатском съезде Крестьянского союза в ноябре 1905 г.)

666. **В. Л.** Внутреннее обозрение. „Рус. Мысль", 1906, № 2, стр. 212—214. (О карательных экспедициях в Прибалтийском крае и на Кавказе. 1906.)

667. **Внутреннее обозрение.** „Вестн. Кар.", 1905, № 12, стр. 782—783. (По поводу посылки генерал-адъютантов в губернии, охваченные аграрными волнениями. 1905.)

668. **Внутреннее обозрение.** „Правда". 1905, № 8, стр. 289—300. (Правительственные сообщения о крестьянском движении в Лифляндской, Курляндской и Саратовской губ. 1905.)

669. **Внутреннее обозрение.** „Русская Мысль", 1906, № 9, стр. 193—199. (О крестьянском движении в 1906 г. Обзор.)

670. **Внутреннее обозрение.** „Русская Мысль", 1906, № 10, стр. 160—164. (О сдвиге в психологии крестьянства в связи с революцией.)

671. **Внутренние изве тия.** „Общество", 1906, № 1, стр. 25—27. (Сводка сведений о крестьянском движении и о борьбе с ним. 1906.)

672. **Военный.** Карательные экспедиции. „Современность", 1905, № 2, стр. 145—151. (1905.)

673. **Воробьев. Б.** О казаках. „Отклики современности", 1906, № 1, стр. 78—90. (Брожение среди донского казачества в 1905 г.)

674. **В провинции.** „Правда", 1905, № 6, стр. 296—315. (Крестьянское движение в Закавказьи. 1905.)

675. **В провинции.** „Правда", 1905, № 8, стр. 338—341. (О крестьянских настроениях. 1905.)

676. **Всероссийский Крестьянский союз.** „Южн. Зап.", 1905, № 43—44, стр. 54—62. (По поводу учредительного съезда союза летом 1905 г.).

677. **Всероссийский крестьянский союз.** „Южн. Зап.", 1905, № 46, стр. 42—50. № 47, стр. 9—17. (Отчет о делегатском съезде в ноябре 1905 г.)

677 а. **Второй вечер воспоминаний „Былыки".** „Путь к Октябрю", вып. 2. М. 1923. Стр. 151—160. (Воспоминания Моисеева о с.-д. работе в Московской губ в 1906 г.)

678. **Второй крестьянский съезд в Москве.** „Южн. Зап.", 1905, № 47, стр. 54—65. (О делегатском съезде союза в ноябре 1905 г.)

679. **В. Ш.** Трудовая группа в Государственной Думе. (Деятельность Трудовой группы в первой Думе.)

680. **Выборы.** „Народно-социалист. Библиотека", № 1, стр. 62—67. (О выборах от крестьян во 2-ю Гос. Думу).

681. **Выборы в Государственную Думу.** „Нужды деревни", 1906, № 11—12, стр. 423—426. (О выборах в первую Думу от крестьян.)

682. **Высочайше утвержденная 6 декабря 1905 г. мемория совета министров** о разрешении владельцам имений образовывать собственную, под наблюдением властей, охрану имений. „Законод. акты переходн. врем." под ред. Лазаревского, изд. 3-е, СПБ. 1909, стр. 207—209. („Собр. Узакон". 1905, № 211, стр. 1976.)

683. **Высочайше утвержденное 15 марта 1906 г. мнение Государственного Совета** об оказании материального вспомоществования частным лицам и предприятиям, пострадавшим вследствие происходивших в различных местностях империи беспорядков. „Законод. акты перех. врем.", под ред. Лазаревского, изд. 3-е. СПБ. 1909, стр. 321—327. („Собр. Узак.", 1906, № 170, стр. 451.)

684. **Высочайше утвержденное 15 апреля 1906 г. мнение Государственного Совета** по проекту правил против возникновения стачек среди сельских рабочих. „Законод. акты переходн. врем.", под ред. Лазаревского, изд. 3-е СПБ. 1909, стр. 317—351. („Собр. Узак.", 1906, № 103, стр. 619.)

685. **В. Ю.** Деревенские впечатления. (Заметки и наблюдения.) „Сборник статей", изд. „Наша мысль", СПБ. 1907, № 1, стр. 107—121. (О крестьянских настроениях в Курской, Харьковской, Полтавской, Херсонской и Екатеринославской губ. осенью 1906 г.)

686. **Г.** Крестьяне и выборы. „Сборник 10-й", изд. „Пар. Труд", стр. 59—62. (Об отношении крестьян к выборам во вторую Думу.)

687. **Газетные известия о крестьянском движении в России.** „Земля и Воля". 1905, № 1, стр. 8—11. (О крестьянском движении в Саратовской, Воронежской, Киевской, Симбирской, Пензенской, Орловской, Минской, Могилевской, Херсонской, Нижегородской, Харьковской, Казанской и др. губ. 1 .

688. **Гарденин Ю. (В. Чернов).** Характер современного крестьянского дви-

жения. „Сборник статей“ Антонова, Баха и др. М., 1908, вып. I, стр. 166—171. (По поводу крестьянского движения 1902 г.)

689. **Глинский.** Разиенчанные герои революции 1905 г. Г. С. Хрусталев-Носарь. „Ист. Вестн.“, 1913, № 7, стр. 258—262. (О крестьянском движении 1898—1905 г.г.)

690. **Голос деревни.** „Экон. Газ.“, 1905, № 4, стр. 9. (Петиция крестьян с. Гусарки, Екатеринославской губ. 1905.)

691. **Голубев, В.** Внутреннее обозрение. „Нар. Хоз.“, 1905, № 2, стр. 150—159. (О крестьянском движении 1905.)

692. **Голубев, В.** Внутреннее обозрение. „Нар. Хоз.“, 1905, № 4, стр. 125—141. (О крестьянском движении 1905.)

693. **Горохов, Н.** О крестьянском движении. „Наше Дело“. 1906, № 5, стр. 10—11. (По поводу революции 1-го Съезда Р. С.-Д. Р. П.)

694. **Горцев, И.** Как грузинские крестьяне борются за свободу. М., 1906. (1902—1905).

694 а. **Государственная Дума.** Стенографические отчеты 1906 г. Сессия первая. Т. II. стр. 1209—1212, 1314—1369. (Запрос о крестьянском союзе и прения по запросу).

694 б. **Гребнев, П.** Записки. „Библ. общ. движ. в России XIX и XX в.в.“, вып. II. Изд. Костр. научн. общ. по изуч. местн. края. Стр. 54—68. (О работе с.-р. среди крестьян Саратовской губ. в 1905—1907 гг.).

695. **Громан, Вл.** Всероссийский Крестьянский Союз. „Правда“, 1905, № 11, стр. 353—372. (См. „Материалы к крестьянскому вопросу“, СПБ. 1906.)

696. **Громан, Вл.** Развитие революции. „Правда“, 1906, № 1, стр. 68—75; № 4, стр. 52—56. (Крестьянское движение 1905 г., его характер и значение.)

697. **Гун, М.** Население и выборы. „Сборник 7-й“, изд. „Нар. Труд.“, стр. 66-71. (О настроении крестьянства перед выборами во 2-ю Думу).

698. **Гусев, Н.** Павловцы. (Из истории религиозно-общественных движений русского крестьянства.) „Рус. Мысль“, 1907, № 7, стр. 40—71; № 8, стр. 1—19. (К истории волнения сектантов в с. Павловках, Харьковской губ. в 1901 г.)

699. **Дело павловских сектантов.** „Право“, 1902. № 25, стр. 1235—1240; № 26, стр. 1240—1274. (Разгром православной церкви, Сумской уезд Харьковской губ. 1901 г.)

699а. **Дело** по описи № 14, 1907 года Московского Губернского Жандармского Управления. Срочные донесения и отчеты. „Путь к Октябрю“, вып. 3. М. 1923. Стр. 360—362. (О работе с.-р. среди крестьян Московской губ. в 1907 г.)

700. **Douxième Congrès des Paysans de toute la Russie.** „La Tribune Russe“. 1905, № 35, стр. 538—541. (Отчет о делегатском съезде Всерос. Крестьян. Союза в ноябре 1905 г.)

701. **Дим.** Сельский пролетариат в России. „Темы Жизни“, № 14, стр. 49—57. (О движении сельско-хозяйственных рабочих в начале XX в.)

702. **Дмитриева, В. И.** Деревня на скамье подсудимых. „Сборник 7-й“, изд. „Нар. Труд“, стр. 42—53 (Суд над участниками разгрома хутора Нагибина в Воронежской губ. 1906.

703. **Дмитриева, В. И.** Деревня на скамье подсудимых. II. „За отцов и дедов“. „Сборник 10-й“, изд. „Нар. Труд“, стр. 29—53. (Суд над участниками разгрома имения кн. Орлова в Воронежской губ. 1907.)

701. **Documents sur la situation actuelle en Russie.** „Service de renseignements rapides de La Tribune Russe“. 1905, № 90—91. (Программа крестьянского Союза. 1905.)

705. **Дроздов, В.** Анкета Вольно-Экономического Общества об аграрном движении. „Вестн. Сельск. Хозяйства“. 1909, № 21, стр. 12—13, (1905—1907.)

706. **Дроздов, Вас.** Из истории крестьянского движения в России. „Вестн. Сельск. Хозяйства“, 1907, № 6, стр. 10—12; № 8, стр. 9—11; № 11, стр. 8—12. (Очерк крестьянского движения 1905—1906 г.г.)

707. **Дубровский, С.** Аграрное движение 1905—1907 г.г. „Труды Инстит. Красной Профессуры“. Т. I, стр. 179—207.

708. **Дубровский, С. М.** Очерки русской революции. Вып. 1. Сельское хозяйство, Изд. 2-е. стр. 106—124. (Крестьянское движен., 1901—1907 г.г.)

709. **Елисаветградская Уездная Земская Управа и аграрные беспорядки.** „Изв. Елисаветгр. Общ. Сельск. Хозяйств.“ 1905, № 13, стр. 278—301; № 14, стр. 321—324; № 15 стр. 346—348.

(Крестьянское движение в Елисаветградском уезде Херсонской губ. и попытки посредничества со стороны уездного земства. 1905.)

710. **Земский. В. Г.** Перед крестьянским экзаменом зрелости. „Хозяин", 1905, № 22, стр. 850—855. (По поводу организации Крестьянского Союза 1905.)

711. **Земский, В. Г.** Что нужно деревне? „Хозяин", 1905, № 14, стр. 561—566. (Крестьянские приговоры Воронежской губ. Крестьянское движение в Закавказьи. 1905.)

712. **Зл-ский, В.** Первая зыбь. „Южн. Зап.", 1905, № 12, стр. 55—56. (О крестьянском движении в Подольской губ. 1905.)

713. **Зновицкий, О.** Сельские рабочие. „Южн. Зап.". 1905. № 10, стр. 42—44. (По поводу забастовок сельско-хозяйственных рабочих в Подольской губ. 1905.)

714. **Иванович, К.** Из Латышского края. „Наше Дело", 1906, № 2, стр. 14—15. (Карательные экспедиции в Курляндии и Лифляндии. 1906.)

715. **Иванович, К.** Письмо из Прибалтийского края. „Правда". 1906, № 4, стр. 121—128. (О подвигах карательных отрядов. 1905.)

716. **Иванович, Ст.** Безнародная демократия. „Совр. Мир", 1912, № 6, стр. 272—281. (О „трудовой группе" в Гос. Думе.)

717. **Иванов-Разумник.** Что думает деревня? Впечатления очевидца. „Современность", 1906, № 2, стр. 50—76; „Рус. Бог.", 1906, № 5, стр. 1—11. (Юрьевский уезд Владимирской губ., 1905—1906.)

718. **Из деятельности земств.** „Изв. Гл. Упр. Землеустр. и Земледел." 1906, № 50, стр. 855—856. (По поводу анкеты, произведенной Полтавским губ. земством, о влиянии крестьянского движения на условия помещичьего хозяйства. 1906.)

719. **Из жизни деревни.** „Земля и Воля", 1907, № 9, стр. 10—13. (О крестьянском движении в Витебской, Полтавской, Воронежской, Киевской, Уфимской, Смоленской, Рязанской, Вологодской, Ярославской, Таврической, Казанской, Пермской, Орловской, Черниговской, Екатеринославской, Курской губ. 1907.)

720. **Из жизни деревни.** „Земля и Воля", 1907, № 10, стр. 11—13. (О крестьянском движении в Нижегородской, Черниговской, Курляндской, Вятской, Подольской, Киевской, Бессарабской, Курской, Смоленской и др. губ. 1907.)

721. **Из жизни деревни.** „Земля и Воля", 1907, № 11, стр. 13. (О крестьянском движении в Херсонской, Саратовской, Пермской, Киевской, Самарской и др. губ. 1907).

722. **Из жизни деревни.** „Земля и Воля", 1908, № 16, стр. 12—14. (О крестьянском движении в Костромской, Рязанской, Саратовской, Самарской, Пермской губ. и в Донской обл. 1907.)

723. **Из жизни деревни.** „Земля и Воля", 1908, № 17, стр. 14—15. (О крестьянском движении в Воронежской, Черниговской, Курской, Волынской, Киевской, Смоленской губ. и в Польше, 1908.)

724. **Из крестьянских приговоров.** „Хозяин", 1905, № 18, стр. 716—718. (Саратовская и Херсонская губ. 1905.)

725. **Из нашей общественной жизни.** „Искра", 1903, № 45, стр. 5. (О крестьянском движении в Петровском уезде Саратовской губ. в 1902 г.)

726. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 1, стр. 14—16. (О крестьянском движении в Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Ковенской, Витебской, Минской, Киевской, Волынской, Херсонской, Екатеринославской, Черниговской, Орловской, Полтавской, Нижегородской и др. губ., в Польше и на Кавказе. 1905.)

727. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 2, стр. 61—64, 66. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Петербургской, Минской, Ковенской, Волынской, Киевской, Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Тверской, Владимирской, Тульской, Орловской, Курской, Самарской, Херсонской, Бессарабской, Варшавской губ., в Донской области и в Закавказьи; 1905—1906.— Съезд крестьянского союза в Вятской губ.)

728. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 3, стр. 101—108. (О крестьянском движении и борьбе с ним в Петербургской, Тверской, Могилевской, Владимирской, Калужской, Смоленской, Орловской, Курской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Воронежской, Симбирской, Нижегородской, Киевской, Екатеринославской, Таврической, Бессарабской, Херсонской губ., в При-

балтийском крае, в Польше и на Кавказе. 1905—1906.)

729. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 4, стр. 153—158. (О крестьянском движении и борьбе с ним в Пермской, Лифляндской, Курляндской, Эстляндской, Московской, Костромской, Калужской, Смоленской, Тульской, Курской, Полтавской, Саратовской, Екатеринославской, Херсонской, Бессарабской, Таврической, Астраханской, Киевской, и др. губ., в Донской обл., о Польше, на Кавказе и на Алтае. 1905—1906.)

730. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 5, стр. 193—196. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Архангельской, Пермской, Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Витебской, Могилевской, Ярославской, Тверской, Костромской, Калужской, Смоленской, Черниговской, Московской, Казанской, Тамбовской, Саратовской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и др. губ., в Донской обл., в Польше и на Кавказе. 1906.)

731. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни". 1906, № 6, стр. 246—249. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Вятской, Пермской, Минской, Могилевской, Курляндской Лифляндской, Эстляндской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Казанской, Херсонской, Тобольской и др. губ., в Донской обл., в Польше и на Кавказе. 1906.)

732. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 7, стр. 290—292. (О крестьянском движении и борьбе с ним в Новгородской, Ярославской, Архангельской, Пермской, Тверской, Курской, Тульской, Пензенской, Саратовской, Херсонской, Бессарабской, Томской губ., в Донской обл., в Прибалтийском крае и на Кавказе. 1906.)

733. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 8, стр. 347—348, 349—350. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Таврической, Астраханской, Курляндской, Псковской, Тверской, Курской, Казанской, Полтавской, Киевской, и др. губ., в Польше, на Кавказе и в Сибири. 1906.)

734. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 9—10, стр. 396, 399—402. (Выборы от крестьян в первую Думу; о крестьянском движении и о борьбе с ним в Курляндской, Тверской, Нижегородской, Московской, Херсонской, Таврической и др. губ. и на Кавказе; съезд крестьян-старообрядцев в Москве. 1906.)

735. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 11—12, стр. 430—432. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Новгородской, Пермской, Вятской, Оренбургской, Курской, Тульской, Воронежской, Витебской, Черниговской, Полтавской, Киевской Херсонской, Томской губ., в Польше, и в Прибалтийском крае. 1906.)

736. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 13—14, стр. 479—481. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Вятской, Пермской, Витебской, Тверской, Нижегородской, Орловской, Тамбовской, Саратовской, Полтавской и др. губ., в Прибалтийском крае, в Польше и на Кавказе. 1906.)

737. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 17, стр. 555. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Гродненской, Минской, Тверской, Владимирской, Орловской, Курской, Тульской, Черниговской, Воронежской, Симбирской, Саратовской губ., в Прибалтийском крае, в Польше и в Закавказьи. 1906.) —

738. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни". 1907, № 18—19, стр. 592—594. (Об отношении крестьян к Думе в Курской и Саратовской губ.; о крестьянском движении в Новгородской, Полтавской, Саратовской, Подольской, Киевской губ. и в Закавказьи. 1906.)

739. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни". 1906, № 20—21, стр. 633—634. (О крестьянском движении и борьбе с ним в Новгородской, Минской, Курской, Полтавской, Харьковской, Нижегородской, Саратовской, Киевской и др. губ., в Прибалтийском крае, в Польше и на Кавказе).

740. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 22, стр. 665, 668—669. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Ярославской, Тверской, Виленской, Витебской, Черниговской, Орловской, Тульской, Казанской, Саратовской, Воронежской, Полтавской, Харьковской, Киевской, Подольской, Херсонской, Лифляндской, Курляндской и др. губ. в Польше и на Кавказе. 1906.)

741. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни. 1906. № 23—24, стр. 702—703, 704—705. (Об отношении крестьян к Думе в Черниговской, Хар-

ковской и Нижегородской губ.; о крестьянском движении и борьбе с ним в Вологодской, Новгородской, Гродненской, Минской, Смоленской, Рязанской, Тульской, Тамбовской, Воронежской, Орловской, Курской, Полтавской, Харьковской, Казанской, Самарской, Саратовской, Подольской, Киевской, Екатеринославской, Херсонской, Бессарабской и др. губ. и на Кавказе. 1906.)

742. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 25—26, стр. 736—739. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Новгородской, Ярославской, Гродненской, Ковенской, Минской, Московской, Костромской, Орловской, Курской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Тульской, Полтавской, Харьковской, Симбирской, Саратовской, Таврической, Киевской, Владимирской, Херсонской, Самарской и др. губ. и в Закавказьи. 1906.)

743. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 27—28, стр. 778, 780—781, 782. (О крестьянском движении в Ставропольской, Черниговской, Вятской, Пермской, Петербургской, Лифляндской, Курляндской, Гродненской, Минской, Могилевской, Калужской, Смоленской, Орловской, Харьковской, Воронежской, Тамбовской, Курской, Владимирской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Екатеринославской и др. губ., в Польше и на Кавказе. 1906.)

744. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1906, № 29—30, стр. 826—827, 829—831. (О крестьянском движении в Саратовской, Псковской, Херсонской, Подольской, Ярославской, Тверской, Новгородской, Могилевской, Минской, Ковенской, Гродненской, Московской, Костромской, Орловской, Черниговской, Полтавской, Курской, Тамбовской, Воронежской, Казанской, Самарской, Киевской, Екатеринославской, Таврической, Петербургской, Нижегородской и др. губ., о Польше и на Кавказе. 1906.)

745. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 2, стр. 54—55. (Выборы во 2-ю Думу в деревне и предвыборные мероприятия властей.)

746. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 4, стр. 118—119. Выборы от крестьян во 2-ю Гос. Думу.)

747. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 5, стр. 149—150. (Выборы от крестьян во 2-ю Гос. Думу.)

748. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 6, стр. 182—184. (Выборы от крестьян во 2-ю Думу.)

749. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 7, стр. 215—216. (Выборы от крестьян во 2-ю Думу.)

750. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 9, стр. 281. (Об отношении крестьян ко 2-й Думе в Тверской и Петербургской губ. 1907.)

751. **Из общественной жизни.** „Нужды деревни", 1907, № 11, стр. 310. (О крестьянском движении в Казанской, Самарской и др. губ., 1907.)

752. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 12, стр. 375. (О крестьянском движении в Киевской, Бессарабской, Саратовской и др. губ., 1907.)

753. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 15, стр. 469, 470—471. (О крестьянском движении в Киевской, Пензенской, Курляндской, Ярославской, Курской, Саратовской, Томской и др. губ. 1907.)

754. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 17, стр. 531. (О крестьянском движении в Петербургской, Саратовской и др. губ. 1907.)

755. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 18, стр. 568—570. (О крестьянском движении в Самарской, Саратовской, Рязанской, Бессарабской и др. губ. 1907.)

756. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 19, стр. 596—597. (Краткие сведения о крестьянском движении в разных губ. 1907.)

757. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 20, стр. 362. (О крестьянском движении в Полтавской, Могилевской, Тульской, Херсонской, Самарской, Киевской и др. губ. 1907.)

758. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 21, стр. 666. (О крестьянском движении в разных губ. 1907.)

759. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 22, стр. 693. (О крестьянском движении в Черниговской, Полтавской, Саратовской и др. губ. 1907.)

760. **Из общественной жизни.** „Нужды деревни", 1907, № 23, стр. 727. (О

крестьянском движении в Киевской, Курской, Тверской, Пензенской, Смоленской, Волынской и др. губ. 1907.)

761. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 21, стр. 758. (О крестьянском движении в Саратовской и др. губ. 1907).

762. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 25, стр. 793. (О крестьянском движении в Киевской, Саратовской, Екатеринославской и др. губ. и на северном Кавказе. 1907.)

763. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 26, стр. 822. (О крестьянском движении в Киевской, Гродненской, Черниговской, Херсонской, Петербургской и др. губ. 1907.)

764. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 27, стр. 856. (О крестьянском движении в Петербургской, Калужской и др. губ. и на Кавказе 1907.)

765. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 28, стр. 891. (О крестьянском движении в Саратовской, Самарской и др. губ. 1907.)

766. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 29, стр. 919. (О крестьянском движении в Минской и др. губ. 1907.)

767. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 30, стр. 951. (О крестьянском движении в Пермской и др. губ. 1907.)

768. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 31, стр. 983. (О крестьянском движении в Тульской, Киевской, Казанской, Подольской и др. губ. 1907.)

769. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 32, стр. 1016. (О крестьянском движении в Тульской и др. губ. 1907.)

770. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 33, стр. 1045—1046. (О крестьянском движении в Черниговской, Курской, Самарской, Вятской и др. губ. 1907.)

771. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 34, стр. 1079. (О крестьянском движении и о борьбе с ним в Черниговской, Херсонской, Тульской и др. губ. 1907.)

772. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 35, стр. 1112. (О крестьянском движении в Воронежской, Самарской и др. губ. 1907.)

773. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 36, стр. 1144. (О крестьянском движении в Таврической и др. губ. 1907.)

774. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 37, стр. 1171, 1174. (Выборы от крестьян в 3-ю Думу; о крестьянском движении в Могилевской, Киевской и др. губ. 1907.)

775. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 38, стр. 1204—1205, 128. (Выборы от крестьян в 3-ю Думу; о крестьянском движении в Подольской, Саратовской и др. губ. 1907.)

776. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 39, стр. 1238, 1241. (Выборы от крестьян в 3-ю Думу; о крестьянском движении в разных губ. 1907.)

777. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 40, стр. 1270—1271, 1274. (Выборы от крестьян в 3-ю Думу; о крестьянском движении в Бессарабской, Новгородской и др. губ.)

778. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 43, стр. 1365. (Выборы от крестьян в 3-ю Думу).

779. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 45, стр. 1430. (О крестьянском движении в Херсонской, Пермской и др. губ. 1907.)

780. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 47, стр. 1498. (О крестьянском движении в Самарской, Саратовской и Ковенской губ., 1907.)

781. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 48, стр. 1528. (О столкновении крестьян с полицией в Воронежской губ. 1907.)

782. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 49, стр. 1561. (О поджогах помещичьих усадеб в разных губ. 1907.)

783. **Из общественной жизни.** „Нужды Деревни", 1907, № 50, стр. 1589. (О поджогах усадеб и крестьянских настроениях в разных губерниях. 1907.)

784. **Из общественной жизни.** „Хозяин". 1905, № 45, стр. 1664—1668. (Забастовки с.-х. рабочих в Курляндской и Полтавской губ. 1905).

785. **Из общественной жизни.** „Хозяин", 1905, № 46, стр. 1710—1715. (Крестьянское движение в Курской, Воронежской, Саратовской, Тамбовской, Полтавской, Тверской, Киевской, Московской, Новгородской, Смоленской, Таврической, Херсонской и др. губ., в Донской обл. и в Прибалтийском крае. 1905.)

786. **Из общественной жизни.** „Хозяин", 1905, № 47—49, стр. 1744—1746. (Крестьянское движение в Саратовской, Самарской, Московской, Черниговской, Харьковской, Полтавской, Екатеринославской и др. губ. 1905.)

787. **Из общественной жизни.** „Хозяин", 1905, № 50—51, стр. 1780—1781, 1785. (Крестьянское движение в Московской губ. и на Кавказе. 1905.)

788. **Из общественной жизни.** „Хозяин". 1905, № 52, стр. 1834—1838. (Крестьянское движение в Архангельской, Вологодской, Новгородской, Псковской, Лифляндской, Минской, Гродненской, Ковенской, Пермской, Казанской, Нижегородской, Владимирской, Астраханской, Киевской, Полтавской, Курской, Рязанской, Пензенской, Воронежской, Тамбовской, Саратовской и др. губ., в Донской обл и на Кавказе. 1905.)

789. **Из общественной хроники.** „Вестн. Европы", 1906, № 1, стр 423—424. (По поводу крестьянского восстания в Прибалтийском крае. 1905.)

790. **Из общественной хроники.** „Вестн. Европы", 1906, № 4, стр. 861—870. (О настроении крестьянства при выборах в 1-ю Государственную Думу.)

791. **Из общественной хроники.** „Вестн. Европы". 1907, № 12, стр. 894—896. (По поводу дела Крестьянского Союза Петербургской губ. 1905.)

792. **Из провинциальной жизни.** „Весть". 1906, № 6, стр. 31. (О настроении крестьян в Черниговской губ. 1906.)

793. **Из провинциальной жизни.** „Весть". 1906, № 7, стр. 30. (Освобождение крестьянами арестованных в Черниговской губ. 1906.)

794. **Из провинциальной жизни.** „Весть". 1907, № 5, стр. 28—29. (О настроении крестьян в Черниговской губ. 1906.)

795. **Из провинции.** „Мир Божий", 1906, № 1, отд. II, стр 122—126. (Письмо В. Г. Короленко ст. сов. Филонову, по поводу расправы с крестьянами в Миргородском уезде в 1905 г.—В сокращении.)

795а. **Из революционного движения в Павловском уезде.** „Мат. по ист. рев. движ.", под ред. Иллариона, т. 3, стр. 225—226. (Волнение крестьян с. Пушина, Нижегородской губ. 1905.)

796. **Из русской жизни.** „Земля и Народ", 1906, № 1, стр. 19—20. (Проводы крестьянами депутата Полтавской губ. А. В. Тесля. 1906.)

797. **Именной высочайший указ** Правительствующему Сенату 10 апреля 1905 г. об имущественной ответственности сельских обществ и селений, крестьяне коих принимали участие в происходивших в последнее время в некоторых местностях беспорядках. „Законод. акты переходн. врем.", под ред. Лазаревского, изд. 3-е, СПБ., 1909, стр. 30—32. („Собр. Узак.", 1905, № 59, стр. 507.)

798. **Именной высочайший указ** Правительствующему Сенату 26 апреля 1906 г., об имущественной ответственности участников в погромах и грабежах в сельских местностях. „Законод. акты переходн. врем.". Под ред. Лазаревского. Изд. 3-е, СПБ. 1909, стр. 373—374. („Собр. Узак.", 1906, № 115, стр. 651.)

799. **Иорданский, Н.** Внутреннее обозрение. „Мир Божий", 1905, № 9, отд. II, стр. 51—52. (О крестьянском движении в Херсонской губ. 1905.)

800. **Иорданский, Н.** Внутреннее обозрение. „Мир Божий", 1905, № 10, отд. II, стр. 141—142, 144, 146. (О крестьянском движении во Владимирской, Тверской губ., в Курляндии и Донской обл. 1905.)

801. **Иорданский, Н.** Внутреннее обозрение. „Мир Божий", 1905, № 11, отд. II, стр. 125—126, 132. (О крестьянском движении, в частности в Московской губ. 1905.)

802. **Н.** Внутреннее обозрение. „Рус. Мысль". 1905, № 6, стр. 208—210. (О крестьянских приговорах и петициях; Тверская, Херсонская, Ставропольская, Харьковская губ. 1905.)

803. **Н.** На крестьянской Голгофе. „Сознательная Россия", СПБ. 1906, (№ 1, стр. 72—83; № 4, стр. 100—106. Черносотенный погром в с. Малиновке. Саратовской губ. 1905.)

804. **Кавказец.** Новый разбой. „Искра", 1903, № 19, стр. 2—3. (Крестьянское движение в Закавказьи, вызванное отобранием армянских церковных имуществ 1903.)

805. **Казаки и народ.** „Накануне". 1906, № 2, стр. 93. (Расправа крестьян с казаками в Прилукском уезде, Полтавской губ. 1903.)

806. **Карательное творчество.** „Народно-социалист. Обозр.", 1906, № 2, стр. 49—53. (О деятельности карательных экспедиций 1905—1906.)

807. **Кауфман, А. А.** Съезд крестьян старообрядцев. „Рус. Мысль". 1907, № 2, стр. 26—45. (По поводу „Трудов всероссийск. съезда крестьян-старообрядцев" в феврале 1906 г.)

808. **Кийков, Ал.** Из былого Урала. Изд. Башк. Обл. Бюро Истпарта. Уфа 1923, стр. 55—63. (О крестьянском движении в Уфимской губ. в 1905—1906 г.г.)

809. **Кирьяков, В. В.** Из деревенских впечатлений. Солдатчина и рекрутчина. „Сознательная Россия". СПБ. 1906, № 3. стр. 79—95. (Об отношении крестьянства к воинской повинности 1906.)

810. **Клейнборт, Л.** Движение сельскохозяйственных рабочих. „Образов". 1905, № 9, отд. II, стр. 16—31. (1905).

811. **Клейнборт, Л.** Хроника русской жизни. „Образов." 1906, № 4, отд. II. стр. 117—118. (О крестьянском движении в Вологодской и Ярославской губ. 1906.)

812. **Клейнборт, Л.** Хроника русской жизни. „Образов.", 1906, № 6, отд. II, стр. 70—72. (О крестьянском движении в Саратовской, Тульской, Нижегородской, Виленской, Курской, Ярославской, Херсонской губ. 1906.)

813. **Клейнборт, Л.** Хроника внутренней жизни. „Образов.", 1906, № 8, отд. II. стр. 122—124. (О крестьянском движении в Саратовской, Новгородской, Таврической, Смоленской, Воронежской, Самарской, Курской, Московской и Волынской губ. 1906.)

814. **Клементий.** Социалдемократия в деревне. Сборн. „Крестьянство и социалдемократия", вып. 1. Изд. „Нов. Мир". М. 1906, стр. 60—79. (О работе с.-д. партии среди крестьян 1905—1906.)

815. **К. М. П.** Крестьяне и выборы. „Сборник 9-й". изд. „Нар. Труд". стр. 65—70. (Крестьянские настроения перед выборами во вторую Думу.)

815а. **Козловский, Б.** На работе в 1906 г. (Из воспоминаний.) „Прол. Рев." 1922, № 12. стр. 174—177. (О с.-д. работе в деревне, в Херсонской губ. 1906.)

816. **Кондурушкин, С.** Предвыборные мотивы в деревне. (Письмо из Самарской губ.). „Народно-Социалист. Библиотека, № 1. стр. 40—45. (Перед выборами во 2-ую Гос. Думу.)

817. **Коновалов, И. А.** В деревне. „Очерки современной деревни". стр. 1—27. (Крестьянские настроения в Саратовской губ. после ликвидации революции.)

818. **Коновалов, И. А.** Деревенский интеллигент. „Очерки современной деревни", стр. 119—154. (Крестьянские настроения в Саратовской губ. после революции.)

819. **К—н, С. Д.** Из области мнений и взглядов на разрешение аграрного вопроса. „Совр. Мир", 1907. № 6. стр. 113—121; № 7—8, стр. 245—255. (Мнения и настроения крестьянства Черниговской губ. 1905—1906.)

820. **Короленко, В.** О веротерпимости. об уряднике Зайчке и о крестьянине Ольховике. „Рус. Бог.", 1905, № 4. стр. 145—148. (К вопросу о положении павловских сектантов Харьковской губ.)

821. **Короленко, В.** Сорочинская трагедия. „Рус. Бог.", 1907, № 4, стр. 172—205. (О расправе с крестьянами в с. Сорочинцах Полтавской губ. 1905 г.

822. **Корреспонденции.** „Щит". 1906. № 5. стр. 31. (Сопротивление властям в Орловской и Новгородской губ. 1906.)

823. **Корреспонденции.** „Щит". 1906. № 8. стр. 31. (О крестьянском движении в Черниговской губ. 1906.)

824. **Корреспонденции.** „Щит". 1906. № 9, стр. 31—32. (О крестьянском движении и усмирениях в Киевской и Таврической губ. 1906.)

825. **Корреспонденции.** „Щит", 1906, № 10, стр. 28—30. (Дело о разгроме экономии Буцкого в Елисаветградском уезде Херсонской губ. 1905.)

826. **Корреспонденции.** „Щит". 1906, № 11. стр. 32. (О крестьянском движении в Ставропольской губ. 1906.)

827. **Кострома.** „Вестн. Парт. Нар. Своб.". 1906, № 18, стр. 1206—1207. (Резолюция народного собрания в с. Жарках Костромского уезда. 1906.)

828. **Кошко, И. Ф.** Воспоминания губернатора (1905—1914). СПБ. 1916, стр. 7. (Крестьянское движение в Пензенской губ. 1905); стр. 22. (Крестьянское движение в Новгородской губ. 1905); стр. 51—63, 66—72, 77—79, 110—112. (Крестьянское движение в Самарской губ. 1906). 153—155, 164—166, 168—172, 175. (Крестьянское движение в Пензенской губ. 1907.)

829. **К. П.** Правительственная власть в деревне. „Трудовой Народ", 1906, № 1. стр. 60—67. (Об отношении крестьян к властям. 1906.)

830. **К. П.** Столкновения с властями, „Народно-социалист. Обозр.", 1906. № 1. стр. 54—61. (Столкновения крестьян с полицией и войсками. 1905.)

831. **Крестьяне о своих нуждах.** „Экон. Газ.", 1905. № 5, стр. 7—9 (Коллективное письмо крестьян Тамбовской губ. 1905.)

832. **Крестьянские выборы.** „Вестн. Парт. Нар. Своб.", 1906, № 7, стр. 530—537. (Выборы от крестьян в первую Думу по Подольской, Полтавской, Харьковской, Московской, Тверской, Симбирской губ.)

833. **Крестьянские выборы.** „Вестн. Парт. Нар. Своб.", 1906, № 8, стр. 586—590. (Выборы в первую Думу по Херсонской, Воронежской, Нижегородской и Полтавской губ.)

834. **Крестьянские наказы.** „Вестн. Парт. Нар. Своб.", 1906, № 9, стр. 636—640. (Наказы депутатам первой Думы по Ставропольской, Псковской и Казанской губ.)

835. **Крестьянские наказы.** „Вестн. Парт. Нар. Своб.", 1906, № 13, стр. 899—908. (Курская, Орловская, Саратовская, Киевская, Полтавская, Тверская, Самарская, Владимирская, Архангельская губ.).

836. **Крестьянские наказы.** „Вестн. Парт. Нар. Своб." 1906, № 14, стр. 958—960. (Полтавская и Орловская губ.)

837. **Крестьянские наказы.** „Вестн. Парт. Народ. Своб.", 1906, № 15, стр. 1010—1020. (Бессарабская, Саратовская, Казанская, Тверская, Смоленская, Калужская, Самарская, Орловская и Полтавская губ.)

837а. **Крестьянские приговоры из Тобольской губ.** „Спб. Вопр". 1907, № 1, стр. 45—47. (1907.)

837б. **Крестьянский наказ.** „Спб. Вопр". 1907, № 14, стр. 40—41. (Тобольская губ. 1907.)

837в. **Крестьянский приговор.** „Спб. Вопр". 1907, № 13, стр. 29—31. (Тобольская губ. 1907.)

837г. **Крестьянский приговор.** „Спб. Вопр". 1907, № 16, стр. 29—31. (Тобольская губ. 1907.)

838. **Крестьянский съезд в г. Ветлуге.** „Вестн. Парт. Нар. Своб.", 1906, № 1, стр. 52—53. (Костромская губ. 1906.)

839. **Крестьянский съезд в Сморгонском уезде** (Виленской губ.). „Земля и Воля". 1907, № 10, стр. 14. (Съезд крестьянского союза с.-р. 11 июня 1907.)

840. **Крестьянский союз.** „Вестн. Парт. Нар. Своб.", 1906, № 36, стр. 1913. (Воззвание крестьянского союза по поводу выборов во вторую Думу 1906.)

841. **Крестьянское движение.** (Письмо из Грузии.) „Освобождение", 1904, № 56, стр. 197. (1903—1904.)

842. **Крестьянское движение в Грузии.** „Земля и Воля", 1905, № 1, стр. 6—8. (1902—1905.)

843. **Кр—ль, М. А.** Как прошли выборы в Государственную Думу. СПБ., 1906 (passim) (Выборы от крестьян в первую Думу и крестьянские наказы депутатам.)

844. **Кр—ль, М.** Крестьянские настроения по составленным для Государственной Думы наказам. „Нар. Вестн." 1906, № 6, стр. 31—45. (Ярославская, Саратовская, Самарская, Полтавская, Нижегородская, Тверская, Московская, Подольская, Ставропольская губ.)

845. **Крюков, Ф.** О казаках. „Рус. Бог.", 1907, № 4, стр. 25—47. (Настроение донского казачества после революции.)

846. **К. С.** Крестьянский вопрос. „Без заглавия". 1906, № 6, стр. 210—218. (О характере крестьянского движения. 1905.)

846 а. **L.** Брожение среди крестьян. „Спб. Вопр." 1907, № 2, стр. 145—147. (О крестьянском движении в Кузнецком и Минусинском уездах Томской губ. зимою 1906—1907 г.г.)

846 б. **L.** Выборы в Государственную Думу. „Спб. Вопр." 1906, № 1, стр. 90—91. (О выборах от сибирских крестьян в первую Думу.)

846 в. **L.** Перед выборами в Государственную Думу. „Спб. Вопр". 1907, № 1, стр. 94—98. (О выборах от сибирских крестьян во вторую Думу.)

847. **Ландер, К.** Очерки из истории латышского народа. „Рус. Мысль". 1906, № 9, стр. 31—51; № 10, стр. 17—35. (Крестьянское движение в Курляндии и Лифляндии в 1903—1906 г.г.)

848. **La révolution agraire en Russia.** „La Tribune Russe", 1905, № 29, стр. 395—396. (О причинах крестьянского движения 1905 г.)

849. **Ларский, И.** По поводу. „Мир Божий", 1905, № 7, отд. II, стр. 51—54. (О крестьянских настроениях в Харьковской и Костромской губ. 1905.)

850. **Ларский, И.** По поводу. „Мир Божий", 1905, № 9, отд. II, стр. 61—64. (По поводу крестьянского движения в Курляндии, в Подольской и Курской губ. 1905.)

851. **Ларский, И.** По поводу. „Мир Божий". 1905, № 12, отд. II, стр. 26—31. (О крестьянском движении, в частности в Саратовской и Тамбовской губ. 1905.)

852. **Ларский, И.** По России. „Мир Божий". 1906, № 2, отд. II, стр. 46—

51. (О деятельности карательных экспедиций в Прибалтийском крае и на Кавказе. 1905—1906.)

853. **Ларский, И.** По России. „Мир Божий", 1906, № 4, отд. II, стр. 30—33. (Крестьянское движение весной 1906 г. и мероприятия правительства; обзор.)

854. **Ларский, И.** По России. „Мир Божий", 1906, № 5, отд. II, стр. 37—38. (Крестьянское движение весною 1906 г.; обзор.)

855. **Ларский, И.** По России. „Мир Божий", 1906, № 6, отд. II, стр. 25—28. (О формах крестьянского движения в 1906 г., обзор.)

856. **Ларский, И.** По России. „Мир Божий", 1906, № 7, отд. II, стр. 48—51. (Развитие форм крестьянского движения 1906; обзор.)

857. **Л. Б.** На родине. „Совр. Мир", 1907, № 5, отд. II, стр. 53—59. (Крестьянское движение весной 1907 г.)

858. **Le deuxième Corgrès de l'Union Paysanne.** Service de renseignements rapides de „La Tribune Russe", № 73—88, стр. 22—24. (Текст резолюций делегатского съезда—Ноябрь 1905.)

859. **Les frères de la forêt dans les Provinces Baltiqnes.** „La Tribune Russe", 1905, № 1, стр. 19—20. (К истории крестьянского движения в Прибалтийском крае. 1906.)

860. **Les Nakaz des ouvriers et des paysans aux membres de la Douma.** „La Tribune Russe", 1907, № 2—3, стр. 26. (Наказ крестьян Страховской волости, Бузулукского уезда, Самарской губ. депутату второй Думы. 1907.)

861. **Les paysans et le gouvernement Russe.** „La Tribune Russe", 1905, № 29, стр. 404. (Требования гурийских крестьян, предъявленные Султан-Крым-Гирею. 1905.)

862. **Левшиц. С.** Казанская социал-демократическая организация в 1905 году. „Пролет.Револ.", 1923, № 2 (14) стр. 285—290; № 3 (15), стр. 171—173. (Социал-демократическая работа среди крестьянства и крестьянское движение в Казанской, Симбирской, Нижегородской и Вятской губ. 1905.)

863. **Линд В. Н.** Законодательство и жизнь. „Рус. Мысль", 1907, № 5, стр. 167—168. (О крестьянском движении в Рязанской, Тульской, Тверской, Самарской и Бессарабской губ. 1907.)

864. **Линд. В Н.** Законодательство и жизнь. „Рус. Мысль", 1907, № 6, стр. 178—186. (О крестьянском движении в Орловской, Подольской, Херсонской, Симбирской, Киевской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Тульской, Ярославской, Смоленской, Новгородской, Саратовской, Минской губ. 1907.)

865. **Линд, В. Н.** Законодательство и жизнь. „Рус. Мысль", 1907, № 7, стр. 201. (О крестьянском движении в Киевской, Черниговской Курской, Пензенской, Полтавской, Московской и Псковской губ. 1907.)

866. **L. S.** Voyage en Gourie. „La Tribune Russe". 1906, № 29, стр. 405—406. (О крестьянском движении в Гурии. 1905.)

867. **Луканов, П.** Чего требуют крестьяне. Изд „Земля и Свобода", СПБ. 1906. (Обзор крестьянских приговоров. 1905.)

868. **Лу—ч, А.** Организационное движение в крестьянстве. „Народный Труд", 1906, № 1, стр. 65—69. (Крестьянские съезды и крестьянский союз. 1906.)

869. **Л—ч, А.** „Спокойный" набор. „Народный Труд", 1906, № 2, стр. 63—68. (О настроении новобранцев. 1906.)

870. **Львович, А.** Партии и крестьянство в Государственной Думе. Изд. „Донск. Речь", стр. 12—14, 47—73, 80—81, 92—108. (Обзор крестьянских приговоров 1905 г.; трудовая группа в 1-й Гос. Думе.)

870а. **Майский, В.** Победа оппозиции в Тобольской губ. „Раб. Вопр." 1907, № 3, стр. 129—140. (О выборах во вторую Госуд. Думу.)

871. **Мазуренко.** Еще по поводу съезда саратовских крестьян 18 декабря 1905 г. „Былое". 1908, № 8, стр. 149—152.

872. **Мазуренко.** Съезд крестьян 18 декабря 1905 г. „Былое", 1908, № 8, стр. 35—39. (О съезде уполномоченных Саратовского крестьянского союза.)

873. **Марр, Н.** Из гурийских наблюдений и впечатлений. СПБ. 1905. (Настроение гурийской деревни и крестьянское движение в 1905 г.)

874. **Маслов, П. П.** Народнические партии „Обществ. движение в России в начале XX в.", под ред. Мартова, Маслова и Потресова. Т. III, стр. 138—151. (Трудовая группа в первой и второй Госуд. Думах.)

875. **Молот-Павчинский.** В глубине России. „Сознательная Россия". СПБ. 1906, № 1, стр. 83—95; № 2, стр. 79—91. (О крестьянском движении и борьбе с ним правительства. 1905.)

876. **Морковин, Вл.** Грозное движение. „Южн. Зап.“, 1905, № 46, стр. 27—42. (Крестьянское движение в 1905 г.)

877. **Муралов, А. И.** Воспоминания о Подольской и Серпуховской организациях. „Путь к Октябрю“, вып. 2. М. 1923. Стр. 233—234. (О настроении крестьян в Серпуховском уезде Московской губ. в 1906 г.)

878. **М. З.** Новая Дума. „Трудовой Путь“, 1907, № 3, стр. 32—42. (О выборах от крестьян во II Думу.)

879 **Мякотин, В.** Наброски современности. „Рус. Бог.“, 1907, № 12, стр. 96—101. (Мероприятия местных властей в целях предупреждения и пресечения крестьянского движения. Херсонская, Полтавская, Черниговская губ., Донская область и Гурия. 1907.)

880 **Н.** В Ставропольской губернии. (Карательная экспедиция ген. Литвинова) „Сознательная Россия“. СПБ, 1906, № 2, стр. 71—79. (1905.)

881. **№.** Выборная кампания в Сибири. „Спб. Вопр.“ 1907, № 2, стр. 109—115. (О выборах от крестьян во вторую Думу.)

881а. **Наказ акмолинских киргиз по аграрному вопросу.** „Спб. Вопр.“ 1907. № 11, стр. 42—43. (1907.)

881б. **Наказ забайкальских казаков депутату С. А. Таскину.** „Спб. Вопр.“ 1907, № 11, стр. 40—42. (1907.)

881в. **Наказ крестьян Старосемипалатинского поселка депутату от Сибирского казачьего войска.** „Спб. Вопр.“ 1907, № 5, стр. 40—42. (Семипалатинская обл., 1907.)

881г. **Наказ крестьян Павлодарского уезда Семипалатинской обл.** „Спб. Вопр.“ 1907, № 5, стр. 39—40. (1907.)

881д. **Наказ семипалатинских киргиз.** „Спб. Вопр.“ 1907, № 4, стр. 40—41. (Депутату второй Гос. Думы Н. М. Кошинову.)

882. **Наказ члену Гос. Думы Г. К. Ульянову,** граждан с. Верхне-Дубенского и дер. Хапоневки, Аннепковской волости, Кузнецкого уезда, Саратовской губ. „Вестн. Парт. Пар. Своб.“, 1906, № 11, стр. 760—762.

883. **Наказ члену Гос. Думы Г. К. Ульянову** от крестьян с. Русского Каменщика. „Вестн. Парт. Пар. Своб.“, 1906, № 10, стр. 694—696. (Саратовская губ.)

884. **Наказ Самарским Депутатам в Думу.** „Вест. Парт. Пар. Своб.“, 1906, № 12, стр. 827—829.

885. **Народ и Дума.** „Земля и Воля“ 1907, № 3, стр. 10—11. (Крестьянские наказы и проводы депутатов в Киевской и Московской губ. 1907.)

886. **Ниагарский, М.** Аграрная стихия. Сборн. „Воля Труда“, изд. „Молод. Течение“. СПБ. 1907, стр. 164—185. (Крестьянское движение после роспуска I Думы.)

887. **Никодимов.** Сельские рабочие, их жизнь и борьба. „Книжки для всех“, под. ред. Ермашского, вып. III. СПБ. 1907, стр. 20—34. (Популярный очерк движения сельских рабочих, преимущественно 1905—1906.)

888. **Н. С.** Крестьянская жизнь. „Наше Дело“, 1906, № 4, стр. 10—11. (О крестьянском движении в 1906 г.)

889. **Н. С.** Крестьянская жизнь. „Наше Дело“, 1906, № 7, стр. 10—11. (Об эволюции форм крестьянского движения 1905—1906 г.г.)

889а. Нужды Тобольской губ. по депутатским наказам. „Спб. Вопр.“ 1907, № 4, стр. 35—40; № 5, стр. 32—38.

890. **Обнинский, В.** Новый строй. М. 1909, часть 1, стр. 114—132. (Очерк крестьянского движения в 1905 и в первой половине 1906 г.)

891. **Обращения к депутатам Партии Народной Свободы.** „Вестн. Парт. Пар. Своб.“, 1906, № 16, стр. 1046—1082. (От крестьян Курской, Костромской, Владимирской, Саратовской губ.)

892. **Обращения к депутатам Партии Народной Свободы.** „Вестн. Парт. Пар. Своб.“, 1906, № 17, стр. 1117—1124. (От крестьян Новгородской, Херсонской, Тверской, Саратовской, Вятской, Владимирской, Костромской губ.)

893. **Обращения к депутатам Партии Народной Свободы.** „Вестн. Парт. Пар. Своб.“, 1906, № 19—20, стр. 1240—1257. (От крестьян Петербургской, Вятской, Ставропольской, Костромской, Тверской, Владимирской, Самарской, Воронежской, Черниговской, Калужской губ.)

894. **Обращения к депутатам Партии Народной Свободы.** „Вестн. Парт. Пар. Своб.“, 1906, № 21—22, стр. 1308—1313. (От крестьян Пензенской, Костромской, Курской, Вятской и Киевской губ.)

895. **Обращения к депутатам Партии Народной Свободы.** „Вестн. Парт. Пар. Своб.“, 1907, № 11, стр. 762—763. (От крестьян Костромской губ. 1907.)

896. **Обращения к депутатам Партии Народной Свободы.** „Вестн. Парт. Пар.

Своб.", 1906, № 15, стр 986—988. (От крестьян Петербургской и Нижегородской губ.)

897. **Обращения к депутатам—членам Фракции Народной Свободы.** „Вестн. Парт. Нар. Своб.", 1906, № 18, стр. 1168—1195. (От крестьян Костромской, Полтавской, Смоленской, Самарской, Курской, Вятской, Пензенской, Новгородской, Киевской, Минской, Тверской, Ставропольской, Ярославской губ.)

898. **Обращения, полученные депутатами Партии Народной Свободы.** „Вестн. Парт. Нар. Своб.", 1906, № 14, стр. 937. (Телеграмма, полученная Ф. М. Родичевым от Воробьевского сельск. общ., Тверской губ.)

899. **Обыватель.** На деревни. „Экон. Газ.", 1905, № 11, стр. 10—13. (Настроение крестьян в Саратовской губ. 1905.)

900 **Olberg, Paul.** Die Bauernrevolution in Russland. Leipzig. 1922. стр. 12—18. (Крестьянское движение 1905—6 г.г.)

901. **Оленин, Р.** Крестьяне и интеллигенция. „Рус. Бог.", 1907, № 1, стр. 216—266; № 2, стр. 135—169. (Крестьянское движение и правительственные репрессии в Киевской, Полтавской и Черниговской губ. 1905.)

902. **О—н, С.** Податная забастовка. „Народно-социалист. обозр.", 1906, № 2, стр. 62—65. (Неплатеж крестьянами податей. 1906.)

903. **О—н, Ф.** В лесных местах. „Сборник 8-й", изд. „Нар. Труд", стр. 58—60. (О массовых порубках 1906.)

904. **О—н, Ф.** Репрессии в деревне. „Народный Труд", 1906, № 2, стр. 75—84. (1906.)

905. **Осадчий, Т.** Письмо из деревни Юго-западного края. „Южн. Зап.", 1905, № 47, стр. 74—76. (О крестьянских настроениях в Киевской губ., 1905.)

906. **От департамента полиции.** „Южн. Зап.", 1905, № 35, стр. 29—39. (Правительственное сообщение о революционном движении в Курляндской и Лифляндской губ. 1905.)

907. **P.** Chronique de mouvement agraire en Russie du mois de Mai au mois de Juillet 1906 („Service de renseignements rapides de La Tribune Russe", 1906, № 73—88, стр. 20—21. Обзор.)

908. **П. В.** Деревенские настроения. Письмо из Череповецкого у., Новгородской, губ. „Сборник 8-й", изд. „Нар. Труд", стр. 51—58. (1906.)

909. **П—в, Н.** В прибалтийском крае. „Щит", 1906, № 2, стр. 27—31. (Революционное движение 1905 г. Популярный очерк.)

910. **П—в, Н.** Два лагеря. „Трудовой Народ", 1906, № 2, стр. 49—54. (О борьбе крестьян с помещиками 1906.)

911. **П—в, Н.** Перед рекрутским набором. „Трудовой Народ", 1906, № 2, стр. 54—60. (Об отношении крестьянства к воинской повинности 1906.)

912. **П—в, Н.** Правительственное продовольствие „Народный Труд", 1906, № 1, стр. 60—61. (Крестьянские волнения на почве голода в Казанской, Саратовской и др. губ. 1906.)

912 а. **Первый вечер воспоминаний** участников Окружной организации 4 января 1923 г. „Путь к Октябрю", вып. 2. М. 1923, стр. 96—100. Воспоминания А. В. Шестакова о с.-д. работе среди крестьян в Московской губ. в 1905 г.

913. **Первый Всероссийский съезд крестьян.** (Протокол учредительного съезда Всероссийского Крестьянского Союза.) „Освобожд.", 1905, № 77, стр. 470—472.

914. **Перед новой Думой.** Сборник IV, изд. „Отголоски". СПБ. 1907, стр. 62—67. (Выборы от крестьян во II Думу.)

915. **Пессимист.** Поучительный уезд. „Совр. Мир", 1907, № 1, отд. II, стр. 18—33. (Крестьянское движение в Новоторжском уезде Тверской губ. 1905—1906 г.г.)

916. **Петонщев, А.** Без руля и без ветрил. „Русск. Бог.", 1906, № 9, стр. 81—87. (О деревенских настроениях в 1906 г.)

917. **Петрищев, А.** Генеральное сражение. „Русск. Бог.", 1906, № 5, стр. 84—88. (Борьба правительства с крестьянским движением в 1905 г.)

918. **Петрищев, А.** Еще о мытарствах села Лебедина. „Русск. Бог.", 1906, № 11, стр. 217—223. (По поводу „Вынужденного ответа" Бродского, о поджоге Лебединского сахарного завода в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1902 г.)

919. **Петрищев, А.** Ловцы человеков. „Русск. Бог.", 1905, № 8, стр. 24—51. (Процесс по делу о поджоге Лебединского сахарного завода в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1902 г.)

920. **Печоры, Псковской губ.** „Вестн. Парт. Нар. Своб.", 1906, № 23—24, стр. 1373—1374. (Отказ крестьян от

выборов в землеустроительную комиссию 1906.)

921. **Письма.** „Земля и Воля", 1905, № 1, стр. 11—12. (О крестьянском движении в Херсонской, Полтавской и Черниговской губ. 1905.)

922. **Письма из провинции.** „Освоб.", 1904, № 51, стр. 27. (Настроение крестьян в Подольской губ. в связи с войной.—Крестьянские волнения в Черниговской губ.)

922 а. **Письма и обращения к депутатам.** „Спб. Вопр.", 1907, № 10, стр. 39—41. (Тобольская губ. 1907.)

923. **Письмо из провинции.** „Освоб.", 1905, № 71, стр. 349. (О крестьянском движении в Самарской губ. 1905.)

924. **Письмо из Сибири.** „Земля и Воля", 1907, № 2, стр. 9—10. (Впечатление, произведенное выборгским воззванием на крестьян Енисейской губ. 1906.)

924 а. **Письмо тобольским депутатам** от жителей с. Гогонуговского, Коркинской вол., Тобольского у., „Спб. Вопр.", 1907, № 7, стр. 33—34. (1907.)

925. **П. Н.** Революционная социал-демократия в Прибалтийском крае. Изд. Щетинского. Стр. 21—26. (О крестьянском движении в Курляндии и Лифляндии в 1905 г.)

926. **„Платформа Трудовой Группы".** Изд. Моск. Ком. Труд. Группы. (Окончательно утверждена на 2-м делегатском съезде в феврале 1907 г.)

927. **Погорелов, А.** Из дневника учителя. „Весть", 1906, № 6, стр. 6—11. (О крестьянских настроениях в 1903—1904 г.г. —Губерния не названа.)

928. **Подгорный, Вл.** Записки трудовика. „Северн. Зап.", 1911, № 1, стр. 125—142. (О крестьянских настроениях в 1902—1905.— Губерния не названа.)

928а. **Посиловский, М.** Русская история в самом сжатом очерке. Часть III, вып. 1. Стр. 203—219. (Крестьянское движение 1902—1906 г.г.)

929. **Поль, Л.** Француз об аграрном движении в России. „Юнов. Газ.", 1905, № 6, стр. 12—14. (По поводу статей в газете „Temps". 1905.)

930. **Понамарев, К.** В Грузии. „Весть" 1906, № 7, стр. 22—25. (Крестьянское движение в Грузии 1903—1905 г.г. Популярный очерк.)

931. **Понамарев, К.** Гурийское движение. „Современность", 1906, № 2, стр. 77—96. (1903—1905.)

931а. **Попова, Е. (Анна Гетрогна).** Полтора года в Окружке (воспоминания). „Путь к Октябрю", вып. 3. М. 1923. Стр. 188—189. (О настроении крестьян в Московской губ. в 1905 г.)

932. **Последний самодержец.** Очерк жизни и царствования императора России Николая II. Berlin Verlag Eb. Frowein. Стр. 252—269. (Крестьянское движение и карательные экспедиции 1905.)

933. **Premier Congrès des Paysans de toute la Russie. „La Tribune Russe".** 1905, № 34, стр. 522—533. (Протокол учредительного съезда Всероссийского Крест. Союза. 1905.)

934. **Приговор Велинсмудьюжск. сельск. общества** о присоединении к требованиям к.-д. партии. „Вест. Парт. Пар. Своб.", 1906, № 3, стр. 158—160. (Архангельская губ. 1905.)

934а. **Приговор Устьлотово-Кротовского сельского схода.** „Спб. Вопр". 1907, № 6, стр. 34—35. (Тобольская губ. 1907.)

935. **Примерные уставы крестьянских организаций.** Над. Сев. обл. ком. Н. С—Р. 1907.

936 **Пробуждение крестьян.** „Освобождение", 1905, № 73, стр. 380—382. (Резолюция учредительного съезда Крестьянского Союза. Резолюции Сумского сельскохозяйственного общества, Харьковской губ. (1905.)

936а. **Программа казачьей думской группы.** „Спб. Вопр". 1907, № 11, стр. 41—44. (1907.)

937. **Прокопович, С. Н.** Аграрное движение 1905 г. „Политическая энциклопедия", под ред. Л. З. Слонимского. СПБ. 1907, т. I, стр. 55—69. (Обзор.)

938. **Прокопович, С. Н.** Аграрное движение осенью 1905 г. „Без заглавия". 1906, № 7, стр. 256—264.

939 **Прокопович, С. Н.** Аграрный вопрос в цифрах. Стр 20—51. (Крестьянское движение 1905—1906 г.г.)

940. **Прокопович, С. Н.** Аграрный вопрос и аграрное движение. „Образов." 1903, № 6, отд. II, стр. 54—72. (1905.) (Есть отд. пад. „Донск. Речь").

940 а. **Протокол заседания съезда бурят Забайкальской обл.** в г. Чите, с 26 по 30 апреля 1905 г., „Спб. Вопр." 1907. № 22, стр. 27—32; № 24, стр. 27—35.

941. **Протокол учредительного Съезда „Всероссийского Крестьянского союза".** „Хозяин". 1905, № 44, стр. 1642—1644; № 45, стр. 1666—1680; № 47—49, стр. 1744—1755; № 50—51, стр. 1783—1788; № 52, стр. 1816—1821. (1905.)

942. **Прошение Павловских крестьян Л. Н. Толстому.** „Освобожд." 1903,

№ 13, стр. 215. (О репрессиях в связи с волнениями сектантов в сл. Павловках, Сумского уезда, в 1901 г.)

943. **Путевые заметки.** „Земля и Воля". 1905, № 1, стр. 12 — 16. (О крестьянском движении в Полтавской, Саратовской, Херсонской, Черниговской, Самарской губ., в Донской области и в Белоруссии 1905.)

944. **П. Я. Р.** Из истории одного уезда. „Рус. Бог." 1906, № 9, стр. 90—109. (По поводу крестьянского движения в Изюмском уезде Харьковской губ. 1905—1906.)

944 а. **Разные известия.** „Хозяин", 1902, № 18, стр. 603—608. (Правительственное сообщение о крестьянских волнениях в Харьковской и Полтавской губ. в 1902 г.)

945. **Разные известия.** „Хозяин", 1905, № 17, стр. 686 — 687. (Крестьянское движение в Минской губ. и в Гурии. 1905.)

946. **Разные известия.** „Хозяин", 1905, № 18, стр. 729. (Крестьянское движение в Гурии. 1905.)

947. **Разные известия и сведения.** „Новая Россия". 1906, № 1, стр. 29 — 31. (Сведения о крестьянском движении в 1906 г.)

948. **Ramm, Ernst.** Aus Estlands rothen Tagen. (О крестьянском движении в Эстляндии в 1905 г.)

949. **Революционная борьба в народе и деревне.** „За народ", 1907, № 8, стр. 16. (О крестьянском движении в Херсонской, Могилевской и Саратовской г. 1907.)

950. **Reynolde, Rothay.** My Russian Iear. London, 1913, стр. 280—299. (Крестьянское движение в Эстляндии и Лифляндии. 1905.)

950 а. **Риш, Арнольд.** Из жизни Спилки „Летоп.Револ." 1923, № 5, стр. 126—135. (О деятельности Украинской Спилки среди крестьян в Киевской и Полтавской губ. в 1906—1907 г.г.)

951. **Рклицкий, М.** Как отразилось аграрное движение на условиях найма сельскохозяйственных рабочих и на состоянии съемных и арендных цен на землю в 1906 г. „Хуторянин". 1906, № 41, стр. 749 — 750. (Полтавская губ.)

952. **Рогаль, В.** Черная сотня в Московской деревне. „Правда", 1905, № 12, стр. 203 — 214. (Крестьянское движение в Московской губ.)

953. **Рожков, Н. А.** Как идет крестьянское аграрное движение в России. Изд. „Вперед". СПБ. 1907. (Популярный очерк. 1902—1906.)

954. **Румянцев, П.** Крестьянское движение и рабочая партия. „Образов." 1906, № 4, отд II, стр. 1—19. (По поводу крестьянского движения 1905 г.)

955. **Румянцев, П.** Крестьянство и социал-демократия. „Темы жизни", № 8, вып. 1, стр. 12 — 18. (О характере крестьянского движения 1905 г.)

956. **„Русские люди" в Дальнике.** (Письмо из Одессы). „Сборник 10-й", изд. „Нар. Труд", стр. 85—87. (Открытие отделения „союза русских людей" в м. Дальнике, Херсонской губ. 1906.)

957. **С.** Из деревенских настроений. „Отклики современности". 1906, № 2, стр. 82 — 92. (Настроения крестьян в одной из средних нечерноземных губерний перед Первой Госуд. Думой.)

957 а. **С.** Карательные отряды на Алтае. „Сиб. Вопр." 1906, № 5, стр. 80—82. (О борьбе с лесными порубками алтайских крестьян в 1906 г.)

958. **Серых, Ив.** Чего ждет народ от Государственной Думы. „Народная Жизнь". 1906, № 2, стр. 16 — 24. (О крестьянских наказах депутатам Первой Думы.)

959. **Сборник „Известий крестьянских депутатов" и „Трудовой России".** М. 1906, стр. 223—239, 243—249, 253—255, 261 — 262 (Трудовая группа в 1-й Гос. Думе; отношение крестьян к Думе.)

960. **С—в, Я.** Деревенский террор. „Народный Труд". 1906, № 2, стр. 70 — 71. Сводка газетных известий 1906.)

961. **С—в, Я.** Репрессии в Прибалтийском крае. „Народный Труд", 1906, № 1, стр. 61 - 65. (Подвиги карательных отрядов 1906.)

962. **С—ев, Я.** Самочинная крестьянская организация. „Сборник 9-й", изд. „Нар. Труд", стр. 80—82. (Пензенская губ. 1906.)

963. **Сельский житель.** Бессарабские письма. „Южн. Зап.", 1905, № 27, стр. 41—42. (Крестьянское движение в Бессарабии. 1905.)

963 а. **Сибиряк - Скиталец.** Лесные „бунты" на Алтае. „Сиб. Вопр." 1907, № 2, стр. 98—105. (Крестьянское движение на Алтае в 1907 г.)

964. **Сивков, Н. В.** Крестьянские приговоры 1905 года. „Рус. Мысль". 1907, № 4. стр. 24—48.

965. **С—й, П.** Еще о черниговском усмирителе. „Щит". 1906, № 3, 30—31

(К истории усмирения крестьян Черниговской губ. адм. Дубасовым. 1906.)

966. **С—й, П.** Из деятельности адмирала Дубасова. „Щит", 1906, № 1, стр. 28—31. (К истории крестьянского движения в Черниговской губ. 1905—1906.)

966а. **Скалозубов,** Н. Тобольские крестьяне об аграрном вопросе. „Спб. Вопр." 1907, № 37, стр. 17—25; № 38—39, стр. 53—62. (Сводка данных анкеты, произведенной на съезде крестьян Тобольской губ. 15 дек. 1905 г.)

967. **Скопин, Вл.** Воля народа при выборах в Думу. „Земля и народ", 1906, № 1, стр. 7—12. (Об отношении крестьян к выборам в Первую Думу—приговоры и наказы.)

968. **Славин.** Крестьянская жизнь. „Дело жизни", 1907, № 5, стр. 9—10. (Крестьянское движение в Симбирской, Подольской, Тверской, Владимирской и Томской губ. 1907; выборы от крестьян во Вторую Думу.)

969. **Случайный наблюдатель.** Погромы в Черниговской губ. „Южн. Зап." 1905, № 47, стр. 69—72. (1905.)

970. **Смирнов, Ал.** Выборы в деревне. „Вестн. Парт. Нар. Своб." 1907, № 5, стр. 307—318. (Выборы от крестьян во Вторую Думу).

971. **Смирнов, Ал.** Выборы от крестьян. „Вестн. Парт. Нар. Своб." 1907, № 37—38, стр. 1655—1659. (О выборах в Третью Думу.)

972. **Смирнов, Ал.** Депутаты на родине. „Вестн. Парт. Нар. Своб." 1907, № 18, стр. 1142—1147. (Крестьяне и депутаты Второй Думы.)

973. **Смирнов, Ал.** Деревня перед выборами. „Вестн. Парт. Нар. Своб." 1906, № 41—42, стр. 2231—2240. (Крестьянские настроения перед выборами во Вторую Думу.)

974. **Смирнов, Ал.** Деревня после роспуска Думы. „Вестн. Парт. Нар. Своб." 1906, № 27—23, стр. 1470—1476. (Крестьянские настроения 1906.)

975. **Смирнов, Ал.** Деревня прислушивается. „Своб. и Культ." 1906, № 7, стр. 483—489. (Крестьянские настроения перед Первой Думой.)

976. **Смирнов, Ал.** Дума и деревня. „Вестн. Парт. Нар. Своб.", 1906, № 15, стр. 977—982; № 16, стр. 1035—1010. (Об отношении крестьян к Первой Думе.)

977. **Смирнов, Ал.** Как прошли выборы во 2-ую Государственную Думу. СПБ. 1907, стр. 41—58; 74—81; 140—179. 234—250, 257—279; (Выборы от крестьян.)

978. **Смирнов, Ал.** Крестьяне и земство. „Экон. Газ." 1905, № 6, стр. 14—17. (Отношение к земству крестьян Московской губ, по данным анкеты Моск. земск. стат. бюро 1905.)

979. **Смирнов, Ал.** Крестьяне о войне. „Экон. Газ." 1905, № 4, стр. 18—20. (Об отношении к войне крестьян Владимирской губ. 1905.)

980. **Смирнов, Ал.** Отголоски войны в деревне. „Нар. Хоз." 1905, № 2. стр. 86—92. (Отношение крестьян к русско-японской войне.)

981. **Смирнов, Ал.** Проводы депутатов. „Вестн. Парт. Нар. Своб." 1906, № 9, стр. 611—614. (Проводы крестьянских депутатов в Первую Думу в Самарской, Полтавской и Киевской губ.)

982. **Смирнов, Ив.** Как воронежские крестьяне боролись за землю и волю. 1918. (Из истории крестьянского движения в Воронежской губ. 1907—1908.)

983 **Сонол, И. В.** Крестьянские петиции. „Южн. Зап." 1905. № 14. стр. 56—58. (Александровский уезд. Екатеринославской губ. 1905.)

984. **Соколовский, Ив.** Черниговские заметки. „Южн. Зап." 1905, № 27. стр. 42—45. (Деревенские настроения. 1905.)

985. **Сообщение министерства юстиции** о приговоре суда по делу о беспорядках, произведенных сектантами в с. Павловках, Сумского уезда, Харьковской губ. „Право", 1902, № 8, стр. 383—386. (1901.)

986. **Старосельский, В. А.** „Дни свобод" в Кутаисской губ. „Былое", 1907, № 7, стр. 278—306. (1905.)

987. **Степанов, Б.** Рекрутский набор. „Новая Россия", 1906, № 1, стр. 26—28. (Волнения среди новобранцев. 1906.)

988. **Сурожский, П.** Вести из Приазовья. „Южн. Зап." 1905, № 35, стр. 44—47 (Разгром экономии Бишлера в Донской обл. 1905.)

989. **С. Я.** Объединение казаков. „Щит", 1906, № 8, стр. 12—14. (О казачьем союзе на Дону, на Кубани и в Сибири 1905).

990. **Тан.** Из крестьянских настроений. Московский съезд. „Рус. Бог" 1905, № 10, стр. 260—272. (Учредительный съезд крестьянского союза, летом 1905 г.—Вошло в книгу „Красное и Черное".

991 **Трудовая группа в IV Государственной Думе.** Обзор деятельности с 15 ноября по 15 декабря 1912 г. СПБ. 1913.

992. **Трудовая группа в IV Государственной Думе.** Обзор деятельности с 21 января по 5 апреля 1913 г. СПБ. 1913.

993. **The Revolution in the Baltic Provinces of Russia.** „The Socialist library", extra-volume, № 1, ed. J. Ramsay Mac-Donald. London. Стр. 24—32, 47—98. (О крестьянском движении в Лифляндии и Курляндии в 1905 г.)

993 а. **Ужгин, С.** 1905 г. Сборн. „На переломе", вып. 1. Кустанай, 1923. Стр. 106—109. (О работе с.-д. среди крестьян Кустанайского округа в 1905 г.)

994. **Уманский Вл.** В провинции. „Правда", 1905, № 6, стр. 295 — 298. (О крестьянском движении в 1905 г.)

995. **Un Congrès régional secret des Paysans.** „La Tribune Russe". 1905, № 33, стр. 502. (Протокол Саратовского съезда представителей крестьянских организаций II. с.-р. 1905)

996. **Une Resolution votée par la commune rurale d'Ivanovka.** (Gouvernement de Saratov, „Service de renseignements rapides de „La Tribune Russe", 1905, № 82. 1905)

997. **Фроленко. М. Ф.** На воле. „Рус. Бог." 1913, № 5, стр. 91—94. (О крестьянском движении 1905—1906 г.г. в Рязанской губ.)

997 а. **Х.** Выборы в Государственную Думу по Сибирскому казачьему войску. „Сцб. Вопр". 1907, № 5, стр. 28—32. (Вторая Дума.)

998. **Хасан.** Крестьянское движение в Гурии. „Образование", 1905, № 11—12, отд. II, стр. 35—40. (1903—1905.)

999. **Хроника.** „Весть". 1906, № 1. стр. 12—20, 25—27. (Сводка сведений о крестьянском движении и о борьбе с ним правительства. 1906.)

1000. **Хроника.** „Весть", 1906, № 2, стр. 18—21. (Сводка сведений о крестьянском движении. 1906.)

1001. **Хроника.** „Весть", 1906, № 3. стр. 14—15, 19—21. (Сводка сведений о крестьянском движении и о борьбе с ним правительства. 1906.)

1002. **Хроника.** „Весть", 1906, № 4. стр. 12—13, 21—23. (Сводка сведений о крестьянском движении и мерах борьбы с ним. 1906.)

1003. **Хроника.** „Весть", 1906, № 5. стр. 19—21. 24—23. Сводка сведений о крестьянском движении и о борьбе с ним. 1906.)

1004. **Хроника.** „Весть". 1906, № 6. стр. 14, 22—24. (Выборы от крестьян в Первую Думу; крестьянское движение и борьба с ним в Полтавской, Рязанской, Саратовской, Нижегородской, Киевской, Костромской, Вологодской, Виленской, Подольской, Черниговской губ., в Прибалтийском крае и на Кавказе. 1905—1906.)

1005. **Хроника.** „Весть", 1906, № 7, стр. 20—21. (Сводка сведений о крестьянском движении и о борьбе с ним. 1906.)

1006. **Хроника.** „Нар. Жизнь", 1906, № 1, стр. 42 — 46. (О крестьянском движении за последние месяцы; настроение крестьянства в Могилевской губ. 1906.)

1007. **Хроника.** „Нар. Жизнь", 1906, № 2, стр. 30—38. (Крестьянское движение в Саратовской, Черниговской, Симбирской, Киевской, Вятской и Воронежской губерниях; деятельность усмирителей на Кавказе. 1906.)

1008. **Хроника.** „Нар. Жизнь", 1906, № 3, стр. 21—26. (Платформа трудовой группы Первой Думы и ее резолюции. 1906.)

1009. **Хроника.** „Нар. Жизнь", 1906, № 4, стр. 23—26. (Проект ответа на тронную речь, выработанный Трудовой Группой Первой Думы.)

1010. **Хроника.** „Щит", 1906, № 1, стр. 22—23. (Сводка сведений о крестьянском движении. 1906.)

1011. **Хроника.** „Щит", 1906, № 2, стр. 21—22. (Сводка сведений о крестьянском движении. 1906.)

1012. **Хроника.** „Щит", 1906, № 3, стр. 20, 23—26. (Крестьянские приветствия депутатам Первой Думы; действия карательных отрядов, казаков и стражников по усмирению крестьянского движения в Витебской, Курской, Саратовской, Черниговской, Смоленской губ., в Прибалтийском крае и на Кавказе. 1905—1906.)

1013. **Хроника.** „Щит", 1906, № 4, стр. 21—24. (Сводка сведений о крестьянском движении. 1906.)

1014. „Щит", 1906, № 5, стр. 19—21. (Сводка сведений о крестьянском движении. 1906.)

1015. **Хроника.** „Щит", 1906, № 6, стр. 21—22, 25—26. (Сводка сведений о крестьянском движении и о борьбе с ним. 1906.)

1016. **Хроника.** „Щит". 1906, № 7, стр. 19—20 (Сводка сведений о крестьянском движении. 1906.)

1017. **Хроника.** „Щит". 1906, № 9. стр. 21—23. (Сводка сведений о крестьянском движении. 1906.)

1018. **Хроника.** „Щит". 1905, № 11, стр. 22—23. (Сводка сведений о крестьянском движении. 1906.)

1019. **Хроника.** „Щит". 1906, № 12, стр. 22—24. (Сводка сведений о крестьянском движении. 1906.)

1020. **Хроника.** „Экон. Газ." 1905, № 5, стр. 38—39, 42—43. (Объявление Подольского губернатора по поводу крестьянского движения; петиция крестьян с. Мариинского, Херсонской губ.; официальное сообщение о крестьянском движении на Кавказе. 1905.)

1021. **Хроника.** „Экон. Газ." 1905, № 6, стр. 35—37, 38—39. (Циркуляр М. В. Д. губернаторам по поводу указа 10 апреля; циркуляр Полтавского губернатора земским начальникам о борьбе с крамолой; крестьянское движение в Бессарабии и на Кавказе 1905.)

1022. **Хроника.** „Экон. Газ." 1905, № 14, стр. 31—32. (Беседы эстляндского губернатора с крестьянами по поводу крестьянских ходатайств. 1905.)

1023. **Chronique des troubles agraires.** La „Tribune Russe". 1905, № 29, стр. 409—401. (Крестьянское движение в Орловской, Черниговской, Курской, Саратовской, Самарской, Минской, Лифляндской, Курляндской губ., в Польше и на Кавказе. 1905.)

1024. **Chronique du mouvement agraire.** „La Tribune Russe". 1905, № 32, стр. 473—474. (Разгром усадьбы кн. Васильчикова в Воронежской губ. 1905)

1025. **Chronique du mouvement agraire.** „Service de renseignements rapides de „La Tribune Russe". 1905, № 99—100. (Крестьянское движение в Черниговской, Курской, Саратовской, Воронежской, Херсонской, Самарской, Нижегородской Подольской губ. и Донской обл. 1905.)

1026. **Цызырев, И.** Преддверье аграрной революции 1905 г. Опыт характеристики аграрного движения 1902 г. „Арх. Ист. Тр." 1923, № 9, стр. 99—124. (Харьковская и Полтавская губ.)

1027. **Черненков, Н.** Из деревни. „Вести. Парт. Нар. Своб." 1906, № 1, стр. 19—28. (Об успехах к.-д. пропаганды среди крестьян.)

1028. **Чернов, В.** Организация или распыление революции. „Сознательная Россия", СПБ. 1906, № 2, стр. 3—14. (О формах крестьянского движения в 1906 г.)

1029. **Чириков, Е.** В сахарном королевстве. „Правда", 1905, № 9—10, стр. 377—390. (По поводу дела о разгроме Михайловского сахарного завода в Глуховском уезде Черниговской губ. 1905.)

1030. **Что делается по России.** „Земля и Воля". 1907, № 2, стр. 12—13. (Крестьянское движение в Томской, Пензенской, Тверской и Саратовской губ. 1907.)

1031. **Что делается по России.** „Земля и Воля". 1907, № 3, стр. 14. (Крестьянские волнения в Тверской губ. 1907.)

1032. **Что делать крестьянам.** „Земля и Воля". 1905, № 1, стр. 2—4. (Программа крестьянского союза партии с.-р. Саратовская губ. 1905.)

1032 а. **Шабулин, М.** Очерки (из воспоминаний). „Красн. Быль", вып. 1. Рязань, 1923. Стр. 8—11. (О с. д. работе среди крестьян Рязанской и Томской губ. 1905—1906.)

1033. **Шахназарян, М. М.** Крестьянское движение в Грузии и социал-демократия. М. 1906. (1901—1906.)

1033 в. **Шестаков, А.** (**тов. „Никодим"**). Начало московской „Окружки" (воспоминания). „Путь к Октябрю", вып. 2. М. 1922. Стр. 59—77. (О с. д. работе среди крестьян Московской губ. в 1905 г.)

1034. **Шрейдер, Гр.** О чем заговорила деревня. „Экон. Газ." 1905, № 1, стр. 3—4. (По поводу всеподданнейших адресов крестьян Воронежской губ. 1905.)

1035. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 9, стр. 364—367. (Крестьянское движение в Орловской, Курской, Черниговской, Киевской, Саратовской и Лифляндской губ. 1905.)

1036. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 10, стр. 399—402. (Крестьянское движение в Курской, Витебской, Лифляндской губ. и в Польше. 1905.)

1037. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 11, стр. 439—445. (Крестьянское движение в Харьковской, Витебской, Курляндской и Лифляндской губ.)

1038. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 12, стр. 485—491. (Крестьянское движение в Саратовской, Харьковской, Орловской, Минской, Черниговской, Лифляндской губ. и в Польше. 1905.)

1039. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 13, стр. 522—528. (Крестьянское движение в Курской, Орловской, Черниговской. Новго-

родской, Самарской, Тульской, Курляндской, Лифляндской губ. и в Польше. 1905.)

1040. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 15, стр. 605—610. (Крестьянское движение в Саратовской, Бессарабской, Подольской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, Самарской, Витебской губ., в Польше и Прибалтийском крае. 1905.)

1041. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 16, стр. 642—644. (Крестьянское движение в Подольской, Московской, Самарской, Витебской, Могилевской, Курской, Эстляндской губ. 1905.)

1042. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 18, стр. 710—715. (Петиция крестьян Владимирской г., б. Крестьянское движение в Нижегородской, Тамбовской, Орловской, Псковской, Екатеринославской, Самарской, Полтавской, Бессарабской, Херсонской, Витебской, Киевской, Московской, Подольской губ. и в Прибалтийском крае. 1905.)

1043. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 20, стр. 781—792. (Крестьянское движение в Нижегородской, Тульской, Рязанской, Екатеринославской, Полтавской, Черниговской, Подольской, Могилевской, Симбирской, Саратовской, Таврической, Орловской губ. 1905.)

1044. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 22, стр. 854—857. (Крестьянское движение в Киевской, Подольской, Таврической, Черниговской, Екатеринославской, Тульской, Воронежской, Могилевской, Минской, Рязанской, Владимирской губ. 1905.)

1045. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 23, стр. 894—898. (Крестьянское движение в Херсонской, Киевской, Саратовской, Подольской и Тверской губ. 1905.)

1046. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 24, стр. 924—927. (Крестьянское движение в Нижегородской и Харьковской губ. 1905.)

1047. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 25, стр. 963—968. (Крестьянское движение в Херсонской, Саратовской, Самарской, Харьковской, Подольской, Киевской, Воронежской, Екатеринославской, Полтавской, Тамбовской и др. губ. 1905.)

1048. **Энгельгардт, М.** Обзор печати. „Хозяин". 1905, № 27, стр. 1026—1033. (Крестьянское движение во Владимирской, Нижегородской, Костромской, Рязанской, Тамбовской, Гродненской, Могилевской, Минской, Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской, Курской, Харьковской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Екатеринославской, Херсонской, Бессарабской губ. 1905.)

1049. **Энгельгардт, М.** Обзор печати „Хозяин". 1905, № 29, стр. 1096—1099. (Распоряжение Харьковского губернатора о запрещении сельских и волостных сходов; дело о разгроме Лобановской экономии вел. кн. Сергея Александровича. 1905.)

1050. **Яблоновский, А.** Родные картины. „Образов." 1906, № 3, отд. II, стр. 129—130. (Подвиги помещичьей „охраны" в Полтавской губ. 1906.)

1051. **Я-в, С.** Расслоения на почве революции. „Народно-Социалистич. Обозр." 1906, № 1, стр. 48—54. (Классовая борьба внутри крестьянства. 1906.)

1052. **Янсон И. (Браун).** Латвия в первой половине 1905 г. „Пролет. Револ." 1923, № 12, стр. 8—53. (Движение сельских рабочих в Лифляндской и Курляндской губ.).

Е. Мороховец.

(Продолжение следует).

ТАБЛИЦА

к указателю по истории крестьянского движения в России.

Общие очерки и сводки; материалы общего характера: 606. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 615. 619. 620. 622. 624а. 628. 636. 645. 646. 648. 649. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 665. 667. 669. 670. 671. 672. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 688. 689. 691. 692. 693. 694а. 700. 701. 704. 705. 706. 707. 708. 708а. 710. 716. 734. 745. 746. 747. 748. 749. 774. 775. 776. 777. 778. 782. 783. 790. 791. 797. 798. 806. 807. 809. 810. 814. 815. 816. 829. 830. 840. 843. 846. 848. 853. 854. 855. 856. 857. 858. 867. 868. 869. 870. 878. 884. 886. 887. 888. 889. 890. 900. 902. 903. 904. 907. 910. 911. 913. 914. 916. 917. 926. 928а. 929. 932. 933. 935. 936. 936а. 937. 938. 939. 940. 941. 944а. 947. 953. 954. 955. 958. 959. 960. 964. 967. 968. 970. 971. 972. 973. 974. 975. 976. 977. 980. 987. 990. 991. 992. 994. 999. 1000. 1001. 1002. 1003. 1004. 1005. 1006. 1008. 1009. 1010. 1011. 1012. 1013. 1014. 1015. 1016. 1017. 1018. 1019. 1021. 1027. 1028. 1051.

Губернии:

Архангельская: 617. 730. 732. 788. 835. 934.

Астраханская: 729. 733. 788.

Бессарабская: 614. 720. 727. 728. 729. 732. 741. 752. 755. 777. 837. 863. 963. 1021. 1040. 1042. 1048.

Виленская: 740. 812. 839. 1004.

Витебская: 643. 719. 726. 730. 735. 736. 740. 1012. 1036. 1037. 1040. 1041. 1042.

Владимирская: 717. 727. 728. 737. 743. 788. 800. 835. 891. 892. 893. 968. 979. 1042. 1044. 1048.

Вологодская: 605. 719. 741. 788. 811. 1004.

Волынская: 614. 641. 723. 726. 742. 760. 813. 1048.

Воронежская: 627. 687. 702. 703. 711. 719. 723. 728. 735. 737. 740. 741. 742. 743. 772. 781. 785. 788. 813. 833. 864. 893. 982. 1007. 1024. 1025. 1034. 1040. 1044. 1047.

Вятская: 720. 727. 731. 735. 736. 743. 770. 862. 892. 893. 894. 897. 1007.

Гродненская: 614. 627. 737. 741. 742. 743. 744. 763. 788. 1048.

Донская обл: 614. 618. 673. 722. 727. 729. 730. 731. 732. 785. 788. 800. 845. 879. 943. 988. 989. 1025.

Екатеринославская: 614. 617. 634. 685. 690. 719. 726. 728. 729. 730. 731. 741. 743. 744. 762. 786. 983. 1040. 1042. 1043. 1044. 1047. 1048.

Казанская: 687. 719. 730. 731. 733. 740. 741. 744. 751. 768. 788. 834. 837. 862. 912.

Калужская: 728. 729. 730. 743. 764. 837. 893.

Киевская: 650. 687. 719. 720. 721. 723. 726. 727. 728. 729. 731. 733. 735. 738. 739. 740. 741. 742. 744. 752. 753. 757. 760. 762. 763. 768. 774. 785. 788. 824. 835. 864. 865. 885. 894. 897. 901. 905. 918. 919. 950а. 981. 1004. 1007. 1035. 1042. 1044. 1045. 1047. 1048.

Ковенская: 614. 726. 727. 742. 744. 780. 788.

Костромская: 614. 722. 729. 730. 742. 744. 827. 838. 849. 891. 892. 893. 894. 895. 897. 1004. 1048.

Курляндская: 616. 629. 631. 634. 635. 643. 651. 664. 666. 668. 714. 715. 720. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 739. 740. 743. 753. 784. 785. 789. 800. 847. 850. 852. 859. 906. 909. 925. 961. 994. 1004. 1012. 1023. 1037. 1039. 1040. 1042. 1052.

Курская: 604. 614. 630. 635. 642. 643. 644. 685. 719. 720. 723. 727. 728. 729. 732. 733. 735. 737. 738. 739. 741. 742. 743. 744. 753. 760. 770. 785. 788. 812. 813. 835. 850. 865. 891. 894. 897. 1012. 1023. 1025. 1035. 1036. 1039. 1041. 1048.

Лифляндская: 616. 629. 631. 634. 635. 643. 651. 652. 664. 666. 668. 714. 715. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 735. 736. 737. 739. 740. 743. 785. 788. 789. 847. 852. 859. 906. 909. 935. 950. 961. 993. 1004. 1012. 1023. 1035. 1036. 1037. 1038. 1039. 1040. 1042. 1[illegible].

Минская: 614. 686. 726. 727. 731. 737. 739. 741. 742. 743. 744. 766. 7[illegible]8. 864. 897. 945. 1023. 1038. 1044. 1048.

Могилевская: 634. 686. 728. 730. 731. 743. 744. 757. 774. 949. 1006. 1041. 1043. 1044. 1048.

Московская: 663. 677а. 699а. 729. 730. 734. 742. 744. 785. 786. 787. 801. 813. 832. 844 865. 877. 885. 912а. 931а. 952. 978. 1033а. 1041. 1042.

Нижегородская: 614. 687. 720. 726. 728. 734. 736. 739. 741. 744. 788. 795а. 812. 833. 844. 862. 896. 1004. 1025. 1042. 1043. 1016. 1018.

Новгородская: 732. 735. 738. 739. 741. 742. 744. 777. 785. 788. 813. 822. 828. 864. 892. 897. 908. 1039.

Олонецкая:—

Оренбургская: 735.

Орловская: 604. 630. 642. 686. 719. 726. 727. 728. 736. 737. 740. 741. 742. 743. 744. 822. 835. 836. 837. 864. 1023. 1035. 1038. 1039. 1042. 1043.

Пензенская: 614. 687. 732. 753. 760. 788. 828. 865. 894. 897. 962. 1030.

Пермская: 719. 721. 722. 729. 730. 731. 732. 735. 736. 743. 767. 778. 779.

Подольская: 614. 712. 713. 720. 738. 740. 741. 744. 768. 775. 832. 844. 850. 864. 922. 968. 1004. 1020. 1025. 1040. 1041. 1042. 1043. 1044. 1045. 1048. 1049.

Полтавская: 625. 643. 653. 685. 718. 719. 726. 728. 729. 730. 731. 733. 735. 736. 738. 739. 740. 741. 742. 744. 757. 759. 784. 785. 786. 788. 795. 796. 805. 821. 832. 833. 835. 836. 837. 844. 864. 865. 879. 897. 901. 921. 943. 950а. 951. 981. 1004. 1021. 1026. 1042. 1043. 1047. 1048. 1050.

Псковская: 655. 733. 741. 788. 834. 865. 920. 1042.

Рязанская: 614. 719. 722. 741. 742. 755. 788. 863. 997. 1004. 1032а. 1043. 1044. 1048.

Самарская: 614. 617. 721. 722. 727. 741. 742. 743. 744. 751. 755. 757. 765. 770. 772. 780. 786. 813. 828. 835. 837. 844. 860. 863. 893. 897. 923. 943. 981. 1023. 1025. 1039. 1040. 1041. 1042. 1047. 1048.

С.-Петербургская: 639. 727. 728. 743. 744. 750. 754. 763. 764. 791. 893. 896.

Саратовская: 621. 627. 629. 632. 633. 644. 668. 687. 6946. 721. 722. 724. 725. 729. 730. 732. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 752. 753. 754. 755. 759. 761. 762. 765. 775. 780. 785. 786. 788. 803. 812. 813. 817. 818. 835. 837. 844. 851. 864. 871. 872. 882. 883. 891. 892. 899. 912. 943. 949. 995. 996. 1004. 1007. 1012. 1023. 1025. 1030. 1032. 1035. 1038. 1040. 1043. 1045. 1047. 1048.

Симбирская: 614. 614а. 687. 728. 737. 742. 743. 832. 862. 864. 968. 1007. 1043. 1048.

Смоленская: 719. 720. 723. 728. 729. 730. 741. 743. 760. 785. 813. 837. 864. 897. 1012.

Таврическая: 607. 719. 728. 729. 730. 733. 734. 742. 714. 773. 785. 813. 824. 1043. 1044.

Тамбовская: 633. 637. 644. 647. 730. 736. 741. 742. 743 744. 785. 788. 831. 851. 1032а. 1042. 1047. 1048.

Тверская: 614. 727. 728. 730. 732. 733. 734. 736. 737. 740. 744. 750. 760. 785. 800. 802. 832. 835. 837. 844. 863. 892. 893. 897. 898. 915. 968. 1030. 1031. 1045.

Тульская: 727. 729. 732. 735. 737. 740. 741. 742. 757. 758. 769. 771. 812. 863. 864. 1039. 1043. 1044.

Уфимская: 719. 808.

Харьковская: 614. 625. 640. 643. 653. 685. 687. 698. 699. 728. 729. 740. 741. 742. 743. 786. 802. 820. 832. 819. 936. 942. 944. 985. 1026. 1027. 1038. 1040. 1046. 1047. 1048. 1049.

Херсонская: 614. 627. 656. 685. 687. 709. 721. 724. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 734. 735. 740. 741. 742. 744. 757. 763. 771. 779. 785. 786. 799. 802. 812. 815а. 825. 833. 864. 880. 892. 921. 943. 949. 956. 1020. 1025. 1042. 1045. 1047. 1048.

Черниговская: 601. 634. 635. 644. 719. 720. 723. 726. 728. 730. 731. 735. 737. 740. 741. 743. 744. 759. 7[illegible]. 770. 771. 792. 793. 794. 819. 823. 864. 865. 879. 893. 901. 921. 922. 943. 965. 96[illegible]. 9[illegible]. 981. 1004. 1007. 1012. 1023. 1025. 1029. 1035. 1038. 1039. 1013. 1041.

Петляндская: 631. 634. 635. 664. 666. 715. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 735. 736. 737. 739. 785. 789. 852. 859. 909. 948. 950. 961. 1004. 1012. 1022. 1040. 1041. 1042.

Ярославская: 719. 730. 732. 740. 742. 744. 753. 811. 812. 844. 864. 897.

Польша: 624. 643. 654. 723. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 733. 735. 736. 737. 739. 710. 713. 714. 1023. 1036. 1038. 1039. 1040.

Кавказ: 626. 630. 631. 631. 635. 638. 642. 643. 664. 666. 674. 679. 694. 695. 696. 697. 711. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 762. 764. 787. 788. 802. 804. 826. 834. 841. 842. 844. 852. 861. 866. 873. 874. 875. 876. 877. 879. 880. 893. 897. 930. 931. 945. 946. 986. 989. 998. 1004. 1007. 1012. 1020. 1021. 1023. 1033.

Сибирь: 729. 731. 732. 733. 735. 753. 837а. 837б. 837в. 837г. 846а. 846б. 846в. 870а. 881. 881б. 889а. 922а. 921. 924а. 931а. 940а. 957а. 963а. 966а. 968. 989. 997д. 1030.

Туркестан: 881а. 881в. 881г. 881д. 963а.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

(Указатель литературы на русском языке).

II. Отдельные профессионально-производственные группы [1]).

11. Печатники [2]).

Отдельные издания.

Введенская, Н. В. Заболеваемость туберкулезом нижегородских печатников. Отчет о работе нижегородского диспансера с I по IVIII 1922. Н. Новгород. 1922.

Попарезла, Х. Р. Провинциальные типографии и положение в них рабочих. (Несколько мыслей о положении типографского дела и провинции.) Киев. 1885.

Свавицкий, А. и Шер, В. Очерк положения рабочих печатного дела в Москве. По данным анкеты, произведенной Обществом рабочих графических искусств в 1907 году. СПБ. Имп. Русское Техническ. О-во. XII Отдел (Содействия Труду.) 1909. 52 стр. Ц. 50 к.

Святловский, В. Труженики печатного дела. Полтава. 1893.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Беляевский, П. В. Некоторые черты санитарного состояния заведений типо-литографского производства в Москве. „Труды I Всероссийского Съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности.“ Т. I. Москва. 1910.

[**Болезненность** и смертность берлинских наборщиков]. „Врач“. 1891. № 28. (Хроника и мелкие известия.)

Бочаров, Д. Из жизни литографов. „Печатное Дело“. Птб. 1909. № 13.

Брызг. Как живут и работают машинные наборщики в Петербурге. „Новое Печатное Дело“. Птб. 1913. № 8.

Вознесенский, С. Рабочие экспедиции заготовления государственных бумаг в первую половину XIX века. „Архив истории труда в России“. Пгр. 1923. Кн. 6—7.

Гальперин, И. Как у нас фабрикуются мастера. [О типографских учениках]. „Киевский Печатник“. 1909. № 1.

Голубев, В. Как живут и работают наши книгопечатники. „Русская Мысль“. 1903. № 1.

Горелый. Мелкое переплетное производство и экономическое положение рабочих. „Наше Печатное Дело“. Птб. 1916. № 28.

Грибков, П. Из жизни московских печатников. „Новое Печатное Дело“. Птб. 1913. № 4.

Г-ский, С. Брянск. Санитарное обследование типографских рабочих и слу-

---

1) См. „Вестник Соц. Академии“ за 1923 год, кн. 3—6.

2) В эту группу включены переплетчики и картонажники.

жащих. „Печатник“ орг. Ц. К. Всер. Союза Раб. Полигр. Производства. 1923. № 8.

Давыдов, П. Обойная фабрика Павлова и Кразильщикова. „Московский Печатник“. 1923. № 11. (По нашим типо-литографиям.)

Данилова, Л. П. Опыт обследования типографии в г. Уфе. „Врач.-санитарная хроника г. Уфы“. 1914. № 1.

Д-в, А. Об одном обследовании. [Результаты медицинского обследования нижегородских печатников.] „Печатник“. Москва. 1923. № 3.

[Заболеваемость и смертность наборщиков в Швейцарии.] „Врач“. 1893. № 26. (Хроника и мелкие известия).

Забытый. Положение рабочих. „Голос Печатного Труда“. Москва. 1917. № 1 (3).

Иванов. Несколько слов о словолитчиках-стереотиперах. „Печатное Дело“. Москва. 1905. № 9.

Итоги обследования типографий по 2 и 4 участкам г. Харькова. „Сборник работ санитарной инспекции на Украине“ под ред. проф. А. Ф. Никитина. Вып. 1-й. Харьков. 1923.

Каплан, Л. История профессионального движения рабочих печатного дела гор. Харькова. Ч. I. 1882 — 1917. Харьков. 1922. Гл. I. Условия труда и заработная плата харьковских печатников.

Каплан, Л. Опыт профессиональной статистики. (Очерк положения рабочих печатного дела г. Харькова.) „Мысль“ — еженед. маркс. журнал. Харьков. 1919. № 10.

Квадрат. Впечатления жизни. [Из жизни печатников за 2 года.] „Печатное Дело“. Спб. 1910. № 24 — 25.

Квадрат. Экономическое положение фальцовщиц. „Новое Печатное Дело“. Птб. 1913. № 6.

Койранский, Б. Б. Обследование условий труда и состояния здоровья рабочих в типографиях гор. Москвы. „Московский Печатник“. 1923. № 12.

Колокольцов, С. Обследование картонажного производства в Москве. „Статистики Труда“, изд. Народн. Ком-та Труда. Москва. 1918. № 4 — 5.

Летавет, А. Случай массового отравления рабочих на фабрике „Рознак“. „Гигиена Труда“. 1923. № 3 — 4.

Меллер, Р. Положение печатников. „Всероссийский Печатник“. Москва. 1920. № 8.

Менделева, Ф. Смоленск. Условия труда и состояние здоровья рабочих полиграфического производства, „Печатник“—Москва. 1923. № 10.

М-н. Некторые данные об экономическом положении новгородских печатников. „Новое Печатное Дело“. Птб. 1913. № 6.

Обследование здоровья рабочих печатников в Воронеже. „Гигиена Труда“. 1923. № 3—4 (Хроника.)

Обследование состояния здоровья рабочих полиграфического производства г. Курска. „Гигиена Труда“. 1923. № 3—4. (Хроника.)

Обследование состояния здоровья рабочих Тамбовских гостипографий. „Гигиена Труда“. 1923. № 3—4. (Хроника.)

О машинных наборщиках. „Печатное Дело“. Москва. 1906. № 7.

Осипов, В. Условия труда типографщиков на юге. [Киев, Харьков, Одесса.] „Новое Печатное Дело“. Птб. 1913. № 10.

Пастернак, А. Е. Результаты освидетельствования здоровья рабочих полиграфического производства г. Харькова. „Сборник работ санитарной инспекции на Украине“. Вып. 2. Харьков. 1924.

П-ов, О. Письмо накладчика. [Из жизни накладчиков.] „Вестник Печатников“. Птб. 1906. № 6.

Положение рабочих в земской типографии. „Спб. Земский Вестник“. 1905. № 4.

П. П. Некоторые черты из жизни московских рабочих печатного дела. „Русский Печатник“. Москва. 1909. №№ 1—3.

Прем. Мысли переплетчика. „Голос Печатника“. Спб. 1906. № 8.

Протопопов, В. Здоровье красноярских печатников. „Наше Печатное Слово“. Красноярск. 1923. № 23.

Результаты врачебного осмотра наборщиков. „Сборник работ санитарной инспекции на Украине“ под ред. проф. А. Ф. Никитина. Вып. 1-й. Харьков. 1923.

Реш, С. Условия труда в петербургских предприятиях печатного дела. „Новое Печатное Дело“. Птб. 1913. № 7.

Романтик. Современные „комоды“. [Условия работы в мелких типографиях]. „Печатное Дело“. Птб. 1911. № 36.

Р., Сергей. Из недавнего прошлого. [Условия работы в казенных типографиях.] „Наше Печатное Дело“. Птб. 1915. № 23.

Свой. Среди киевских литографов. „Киевский Печатник". 1909. № 2.

Семенов. Труд рабочих в калужских типографиях с санитарной точки зрения. „Гигиена Труда". 1923. № 7.

Сенатский. Добрый гений. [Жизнь печатников в Сенатской типографии]. „Голос Печатника". Птб. 1906. № 11.

Состояние здоровья рабочих типографии № 3 в гор. Пензе. „Гигиена Труда". 1923. № 8—9. (Хроника.)

Типограф. Правда о городской типографии. „Голос Печатника". Птб. 1906. № 12.

Типографии гор. Уфы. „Вестник обществ. гигиены, судебной и практической медицины". 1915. № 3 (Хроника.)

Троицкий, И. Экономические и санитарные условия труда в петербургских типографиях. „Промышленность и Здоровье". 1903. № 7—8.

Условия труда в переплетных мастерских. [Анкета 1909 года.] „Русский Печатник". Москва. 1910. № 18.

Файнштейн, И. Жилищный вопрос [у киевских печатников]. „Печатник"-орг. ЦК Воер. Союза Раб. Полиграф. Производства. 1923. № 11.

Хмаладзе, А. Санитарно-гигиенические условия труда в полиграфическом производстве. „Жизнь Печатника". Пенза. 1923. №№ 1, 2.

Хомяков, М. М. К вопросу о смертности среди казанских печатников. „Вопросы психофизиологии, рефлексологии и гигиены труда". Сборник № 1. Казань. 1923.

Чернов, Н. Кое-что о корректорах. „Киевский Печатник". 1909. № 2.

Ч., Ю. Подарок правительства рабочим экспедиции. [О жилищном вопросе.] „Печатное Дело". Спб. 1911. № 36.

Шер, В. В. История профессионального движения рабочих печатного дела в Москве. Москва. К-во „Наука". 1911. Гл. II. Рабочий печатного дела. Гл. IV. Ухудшение условий труда.

Шурпицкая, Л. Из жизни переплетчиков. „Печатное Дело". Птб. 1910. № 19.

12. Писчебумажники [1]).

Отдельные издания.

Шафранова, А. С. Условия труда в бумажной промышленности СССР. Москва. Изд. Ц. К. Бумажников. 1924. 266 стр. (Подъотдел Профгигиены Охрана Труда НКТ.)

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Бахтиаров, А. Костяной и тряпичный промысел в России. „Новь". 1885. № 19.

Брюханов, П. П. Санитарное описание дер. Волково и находящихся в ней тряпичных прачечных и складов. „Санитарная хроника петроградского губ. земства". 1916. № 4—5.

Зеленский, М. Наши тряпичники. Исследование одного из главных источников заразы. „Вестник Европы". 1885. № 6.

Калачев, В. В. Описание дома для рабочих людей в с. Сконине [для рабочих писчебумажной фабрики]. „Архив исторических и практических сведений..." 1859. Кн. 4.

Капустин, М. Я. О состоянии городского завода для обработки падали и о тряпичном промысле в Одессе. „Сведения о врачебно-санит. организации и эпидемич. заболеван. г. Одессы". 1897. № 10.

Кравченко, П. Л. Тряпичный промысел в Тираспольском уезде и его санитарное значение. „Херсонская врачебно-санитарная хроника". 1901. № 14.

Лещинский, Д. В. Об упорядочении тряпичного дела в Петербурге. „Журнал Русского Об-ва охранения народного здравия". 1891. № 2.

Малярия на фабрике „Маяк Революции". „Рабочий Писчебумажник". Москва. 1923. № 7—8 (По фабрикам и заводам.)

Мартемьянов, Ф. И. К вопросу о тряпичном промысле в Одессе. „Сведения о врачебно-санит. организации и эпидемических заболеван. г. Одессы". 1899. № 10.

---

[1]) В эту группу включены тряпичники.

На Миляшинской древесной бумаж. фабрике. [Обследование инспектора охраны труда.] „Рабочий Писчебумажник". Москва. 1923 № 7—8 (По фабрикам и заводам.)

На фне „Красный Коммунар" (Сухонский целлюлозный завод). [Результаты санитарного осмотра]. „Рабочий Писчебумажник". Москва. 1923. № 7—8 (По фабрикам и заводам.)

Несчастные случаи на некоторых аппаратах бумажного производства. „Писчебумажное Дело". Спб. 1912. № 4.

Несчастные случаи на писчебумажных фабриках [в Германии]. „Писчебумажное Дело". 1907. № 3. (Разные известия.)

Несчастные случаи с рабочими на французских фабриках [в 1903 г. в бумажном и типографском производствах]. „Писчебумажное Дело". 1904. № 9.

Николаев. Охрана труда на Сухоне. [Результаты первичного обследования Сухонской госуд. целлюлозно-бумажной фки.] „Рабочий Писчебумажник". Москва. 1923. № 7—8.

Никольский, П. Д. К вопросу о заболеваемости рабочих на писчебумажных фабриках. „Медицинская Беседа". Воронеж. 1892. № 21.

Отчет общества германских писчебумажных фабрикантов по взаимному страхованию рабочих. [Статистические данные о несчастных случаях на фабриках.] „Писчебумажное Дело". 1906. № 7.

Положение труда в бумажной промышленности в Финляндии на протяжении 1895—1911 г.г. „Вестник финансов, промышленности и торговли". 1912. № 44.

Покровская, М. Тряпичная промышленность и склады тряпья. „Гигиена Труда". 1923. № 3—4.

Рабочий поселок [при Окуловских п. бум. фабриках]. Рабочий „Писчебумажник". Москва. 1923. № 9—10 (Хроника.)

Сатов, Б. Г. О санитарных недочетах тряпичного промысла в деревне и мерах к их устранению. „Вестник Екатеринославского Земства". 1904. № 4—6.

Сколенский, И. О. О тряпичном промысле в санитарном отношении. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практич. медицины". 1890. № 1—2.

Строганов, И. Н. Жилищный вопрос на писчебумажных фабриках. „Рабочий Писчебумажник". 1922. № 5—6.

Фаерман, А. Л. О вредных сторонах писчебумажного производства и о способах к их устранению. „Труды Комиссии, учрежд. Моск. ген.-губ. для осмотра фабрик и заводов в Москве. Описание состояния некоторых фабричных и заводских производств в санитарном отношении". Вып. 1 под ред. М. Л. Лосева. Москва. 1882.

Фремерт, Г. Ф. О заболеваемости рабочих на писчебумажных фабриках. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1892. № 1—3.

Шафранова. Впечатление об Окуловских писчебумажных фабриках. „Вопросы Страхования". Москва. 1922. № 2.

Шверьн, Т. В. О тряпичном промысле. „Врачебно-санитарная хроника Херсонской губ.". 1901. № 21—22.

13. Пищевики.

Отдельные издания.

Вегер, И. С. Очерк санитарного положения рабочих на рыбных промыслах дельты Волги. Спб. 1902.

Гондзикевич. Санитарное описание 1-го хлебозавода в Петрограде. Хлеб и хлебопечение в гигиеническом отношении. Птб. Госуд. Издат. 1922. 131 стр.

Муратов, И. Материалы к исследованию здоровья фабричных рабочих и мясников посредством определения роста, окружности груди и жизненной емкости легких. Диссертация. Спб. 1885. 30 стр.

Отчеты управляющего акцизными сборами о ходе и положении казенной винной операции в С.-Петербургской губернии за 1899—1914 г.г. [Помещены сведения о быте рабочих винных складов и мерах к улучшению их положения.] Спб. 1900—1915.

Санитарные условия труда в кофечае-развесочном производстве. (По данным обследования предприятий г. Москвы.) Под ред. д-ра Ц. Д. Пика. Москва. Изд. Главн. Упр. Чайной, Цикорной и Кофейной Промышленности. 1922. 96 стр.

Смирницкий, И. Заметки врача при пивоваренном заводе „Новая Бавария“ за 1883 г. Харьков. 1884.

Строкин, Н. А. Рыбный промысел на Псковском озере. [Имеются некоторые сведения об условиях работы.] Псков. 1887. 26 стр.

Ульрих, Франц. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношениях. Спб. 1877. 128 + 6 стр. (Из V тома „Записок“ по отдел. статистики Русск. Географич. Общества.)

Шмидт, Н. Я. Врачебно-санитарное состояние Волго-Каспийских промыслов в 1899—1900. Отчет. Астрахань. 1901. Ц. 1 р. 75 к.

Шмидт, Н. Я. К гигиене рыбного промысла в устье реки Волги. (Санитарно-статистическое исследование.) 1. Санитарные условия жизни рабочих. Диссертация на степень д-ра медицины. Москва. 1895. XIII+475+72 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Аврамов, П. К вопросу о несчастных случаях в мукомольном производстве. „Врачебная Газета“. 1914. № 11.

Арустамов, М. Очерки санитарного состояния астраханских рыболовных промыслов. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1891. № 12; 1894. № 5.

Балов, А. В. Картофельно-терочное производство в Ярославской губернии и его санитарное значение для Ярославского Поволжья. „Врачебная Газета“. 1906. № 37.

Б., Г. Письмо из Америки. „The Gangle“ Синклера и мясной трест. [Об условиях труда на мясных фабриках и бойнях.] „Семь Дней“. Москва. 1906. № 18.

Блюменфельд, М. Л. Отчет санитарного врача за февраль. Пивоваренные заводы. Дрождево-винокуренный завод. Кузнечные ряды. „Врачебно-санитарная хроника гор. Иркутска“. 1911. № 2—3.

Блюменфельд, М. Л. Санитарное состояние заведений, обрабатывающих сырые животные продукты в г. Иркутске. „Врачебно-санитарная хроника гор. Иркутска“. 1911. №№ 10, 11 и 12.

Боголюбов, Н. О хлебопекарнях при экипажах Кронштадтского порта. [Попутно о санитарных условиях работ.] „Медиц. приложения к Морскому Сборнику“. 1900. № 8.

Богомолец, М. А. Санитарное состояние производств, обрабатывающих животные продукты на Пересыпи. „Сведения о врачебно-санитарной организации и эпидемических заболеваниях г. Одессы“. 1904. № 13—14.

Богословский, С. Хлебопекарни Богородского уезда. Московской губ. „Вестник обществ. гигиены, судебн. и практическ. медицины“. 1901. № 8.

Васенко, П. Г. Условия быта промысловых рабочих Российско-Американской Компании. (В начале XIX века.) „Архив истории труда в России“. Пгр. 1922. Кн. 4.

В., Г. А. Варварство рыбопромышленников. „Неделя“. 1880. № 51.

Вегер, И. С. Очерк санитарного положения рабочих на рыбных промыслах дельты Волги. „Журнал русского общества охранения народного здравия“. 1902. № 7—9.

Вегер, И. Очерк санитарного положения рабочих на рыбных промыслах дельты Волги. „Русское Богатство“. 1902. № 5.

Вегер, И. С. Характер смертности детей астраханских рыбаков. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практической медицины“. 1902. № 4.

Веселитский, И. А. Рыбные промыслы по низовьям Амура. „Протоколы 2 Хабаровского Съезда врачей 15—20 сентября 1901 года“. Хабаровск. 1901.

В., Л. Японские рабочие на рыбных промыслах северной Японии и южного Сахалина. „Русское Богатство“. 1901. № 8.

Водсвозов. Положение рабочих в Крыму на виноделии. „Вестник Виноделия“. 1895. № 2.

Воинов, Н. С южного берега Крыма. [Корр. о положении рабочих в Крыму на виноделии.] „Вестник Виноделия“. 1895. № 2.

Г., П. Л. Мукомольное производство в Баварии (по отчетам баварской инспекции за 1901 г.). „Промышленность и Здоровье“. 1902. № 2. (Сообщения из области профессиональной гигиены и общественной экономии.)

Громановский, П. П. О передвижении рабочих на рыбные промыслы и некоторых санитарных условиях их жизни на промыслах. „Труды 1-го губернского съезда сельских врачей в г. Астрахани 25 сентября — 4 октября 1903 г.". Астрахань. 1905.

Данилов, Н. П. Материалы по санитарному изучению г. Казани. Трактирный промысел г. Казани; кондитерские, булочные и хлебопекарни г. Казани и их санитарные условия. „Ежемесячник Медико-Санитарного Бюро г. Казани". 1913. № 12.

Данилов, Н. П. Санитарные условия хлебопечения в г. Пензе. „Медицинское Обозрение". 1913. № 6.

Данилов, Н. П. Хлебопекарный промысел в г. Баку. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1911. № 8.

Данилов, Н. П. Хлебопекарный промысел в г. Баку. „Труды комиссии по вопросам промышленной гигиены при обществе врачей в г. Баку". Баку. 1910.

Д., Ф. Из промышленной жизни губернских городов [санитарное состояние винокуренных заводов и табачных фабрик в Тамбовской губернии.] „Промышленность и Здоровье". 1903. № 6 (Сообщения из области гигиены и общ. экономии.)

Жизнь булочников и кондитеров в России. „Листок булочников и кондитеров". Ртб. 1907. №№ 1—5, 8, 10—11.

Изанов, Б. Профессиональное движение рабочих хлебопекарно-кондитерского производства Петрограда и губернии с 1903—1917 годы. Москва 1920. Глава II. Условия труда и жизни рабочих Б.-К. Х. Б. II. перед 1900 годами.

Картофельно-крахмальное и патечное производство в Воронежском уезде. „Вестник обществ. гигиены, судебной и практической медицины". 1914. № 10 (Хроника.)

Кишинский, Д. Санитарный очерк картофельно-терочного производства в Костромском уезде. „Врачебно-санитарный обзор Костромской губ". 1905. № 5—6.

Кольцов, А. Овощно-сушильный завод Замоскворецкого Соседа. [Обследование условий труда]. „Известия Моск. Союза раб. и служ. по выработке пищев. продуктов". 1919. № 4.

К положению рабочих и работниц на конфетно-шоколадно-бисквитных фабриках в г. Петербурге. „Конфетчик". Ртб. 1906. № 2.

К положению рабочих на конфетных фабриках в Харькове. „Конфетчик". Ртб. 1906. № 2.

Крылов, Ф. П. Об исследовании картофельно-терочных заводов в Кораковской волости. Костромского уезда. „Врачебно-санитарный обзор Костромской губ.". 1908. № 6.

Кунахович, М. Рыбный промысел гор. Кёнка и Аловского восточного побережья. „Северный Вестник". 1888. № 3.

Кучин, И. Ильмень-озеро — „золотое дно". (Очерк ильменского рыболовства.) [Сведения об условиях труда артелей и наемных „ловцов".] „Вестник Новгородского Земства". 1905. №№ 15—24.

Лапшин, А. Материалы по заболеваемости рабочих кофе-чае-развесочных фабрик г. Москвы. „Санитарные условия в кофе-чае-развесочном производстве". Москва. 1922.

Л., И. П. Тюрьма на свободе. (В русских пекарнях.). „Листок булочников и кондитеров". Ртб. 1906. № 1.

Майский, В. Рабочий вопрос на рыбных промыслах Тобольской губернии. „Сибирские Вопросы". 1908. №№ 19—20 и 21—22.

Макаренко, П. П. Санитарное состояние винокуренных заводов. „Тамбовское санитарное обозрение". 1903. № 2.

Макарьев, П. Ф. Санитарное состояние маслобойных заводов. „Тамбовское санитарное обозрение". 1904. № 9.

Максимов, С. Мурман. Промыслы на русском лапландском берегу. „Морской Сборник". 1857. Т. 32. № 12.

Марусин, С. Промысловые артели в Тобольской губернии. I. Рыболовные артели. „Юридический Вестник". 1890. №№ 1 и 7—8.

Мижуев, П. Практика и теория одной обрацовой английской фабрики. [Шоколадная фабрика Кэдбери.] „Вестник Европы". 1911. № 5.

М—н, Ф. Заболевания рабочих и служащих в казенных винных складах [Реферат.]. „Общественный Врач". 1915. № 7—8.

Мультановский, П. Булочники и условия их труда в гор. Томске. „Гигиена и Санитария". 1912. № 13—14.

Наемные рабочие в трескового промысле. „Русское Судоходство". 1901. Июнь — октябрь. № 231—235 (приложение).

На рыбных промыслах. [Условия работы.] „Неделя". 1880. № 22.

Об анти-санитарных условиях труда и жизни пекарей по „Русским Ведомостям". „Русский Врач". 1906. № 27 (Хроника и мелкие известия).

О положении малолетних рабочих на рыбных промыслах. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практическ. медицины". 1884. № 4 (Хроника).

О санитарных условиях хлебопекарен в Ростове-на-Дону. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практич. медицины". 1892. № 2 (Хроника).

Пивоваренное производство. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1911. № 10 (Хроника).

Пик, Ц. Д. О профессиональных заболеваниях среди рабочих чае-кофе-развесочного производства. В книге: „Санитарные условия труда в кофе-чае-развесочном производстве". Москва. 1922.

Пин, Ц. Д. Санитарные условия труда в кофе-чае-развесочном производстве. „Санитарные условия труда в кофе-чае-развесочном производстве". Москва. 1922.

Положение рабочих на рыбных промыслах Енисея. „Вестник Финансов, Промышленн. и Торгов.". 1911. № 28.

Положение рабочих на рыбных промыслах на Волге. „Мир Божий". 1891. № 1 (Из русской жизни).

Полотебнов, А. Рыбные ватаги Астраханской губернии в промысловом и гигиеническом отношении. „Труды общества русских врачей в Спб." 1879. № 11.

Попов, С. И. О рыбных промыслах и заведениях по Евпаторийским берегам Черного моря. „Труды губ. съезда земских врачей Таврической губ." Вып. III. Симферополь. 1896.

Почтарев. Н. Ф. Исследование рыбных промыслов в Тобольском, Березовском и Сургутском округах, произведенное в течение 1891—1895 г.г. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1896. № 2.

П.П. Рыбачки-резальщицы. „Пчела". 1875. № 29.

Рабочие и служащие винной монополии. „Промышленность и Здоровье". 1903. № 8.

Рабочие на рыбных промыслах. „Мир Божий". 1896. № 3 (Разные разности).

Розенбаум, Н. Кариоз зубов у рабочих кондитерского и пряничного производства в гор. Нюрнберге. „Гигиена Труда". 1923. № 3—4 (Важнейшие вопросы проф. гигиены в американской журнальной литературе).

Розенбаум, Н. 1. Санитарное описание кофе-чае-развесочного производства. 2. Материалы по санитарно-техническому описанию кофе-чае-развесочных фабрик г. Москвы. В книге: „Санитарные условия труда в кофе-чае-развесочном производстве". Москва. 1922.

Руднев. Промыслы по Мурманскому или Лапландскому берегу. „Морской Сборник". 1862. Т. 63. № 11.

Руска, Н. Состав рабочих и служащих кофе-чае-развесочных фабрик гор. Москвы. В книге: „Санитарные условия труда в кофе-чае-развесочном производстве". Москва. 1922.

Рюмин, В. В. Санитарные условия консервных заводов. „Труды комиссии. учрежден. Московск. ген.-губернатором для осмотра фабрик и заводов в Москве". Вып. I, под ред. М. Л. Лосева. Москва. 1882.

Сазонов, П. П. Озерные рыболовные артели на севере. „Русская Мысль". 1886. № 9.

Санитарное состояние булочных и кондитерских. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1916. № 7—8 (Хроника).

Санитарное состояние булочных и пекарен г. Подольска. „Вестник обществ. гигиены, суд и практ. медицины". 1909. № 8 (Хроника).

Санитарное состояние самарских пекарен и булочных; петиция рабочих об улучшении санитарной обстановки их труда. „Вестник обществ. гигиены и практ. медицины". 1908. № 1 (Хроника).

Санитарные условия жизни и труда колонистов и пришлых промышленников на Мурманском берегу. [Рыбные промыслы]. „Русское Судоходство". 1901. Май—июнь, № 231—235 (приложение).

Санитарные условия пекарен в Одессе. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1892. № 2 (Хроника).

Санитарные условия производства брынзы. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1903. № 9 (Хроника).

Святловский, В. В. Исследование санитарных условий фабричного производства крахмала из картофеля. „Технический Сборник и Вестник Промышленности". 1890. № 12.

Скворцов, П. П. Санитарно-промышленные очерки. Рыбная промышленность. „Вестник судебной медицины". 1885. Т. 3.

Скляренко, А. Рыбный промысел на Мурмане. „Северный Вестник". 1898. № 6—7.

Соловкин. Рыболовные промыслы Астрабадского залива. „Морской Врач". 1911. № 10.

Стабровский, И. С. К вопросу о санитарном состоянии астраханских рыбных промыслов. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практич. медицины". 1889. № 10—12.

Сысин, А. Маслоделки Грязовецкого уезда. „Врачебно-санитарный обзор Вологодской губ". 1910. № 3.

Тезяков, Н. Исследование рыбных промыслов в Тобольском, Березовском и Сургутском округах, произведенное в течение 1894—1895 г.г. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1896. № 1—3.

Тимофеев, В. Из быта рабочих винокуренных заводов. „Отечественные Записки". 1868. № 6.

Условия жизни рабочих на Ангарских рыбных промыслах. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1890. № 1 (Хроника).

Условия труда рабочих на рыбных промыслах. [Из доклада инспектора труда П. Фролова.] „Профессион. Жизнь". 1920. № 5.

Фейнберг, Л. Б. Положение труда и медико-санитарная организация на рыбных промыслах западного побережья Каспийского моря. „Журнал русск. общ. охраны нар. здравия". 1911. №№ 2, 3 и 4.

Чорбин. Рыбные ватаги в промысловом и гигиеническом отношениях. „Архив судебной медицины и общественной гигиены". 1871. № 2.

Шибаев, В. Осень и весна. [Из жизни булочников.] „Листок булочников и кондитеров". Итб. 1907. № 11.

Шмидт, Н. Я. К гигиене Волжско-Камского рыбного промысла. „Восьмой Пироговский съезд". Москва. 3—10 января 1902 г. Выпуск III (группа V, секция 20). Москва. 1902.

Шмидт, Н. Я. Санитарные условия жизни рабочих на рыбных промыслах в устье Волги. „Журнал Русского о-ва охранения Народного здравия". 1896. № 1.

Шостакович, Б. Рабочие на сибирских рыболовных промыслах по р. Оби. „Экономическ. Журнал". 1896. № 3.

Сахарники.

Отдельные издания.

Васильев, М. К. Несчастные случаи на свекло-сахарных заводах и меры к их предупреждению. Киев. Изд. Киевск. Отд. Имп. Русского Технич. О-ва. 1905.

Капица, М. На сахарном заводе. Рассказ о производстве и быте. Игр. Изд. „Начатки Знаний". 1924. 32 стр.

Лозинский, Б. К вопросу о необеспеченности служащих на сахарных заводах. Киев. 1899. 4 стр.

Очерки и материалы по истории рабочего вопроса в сахарной промышленности. Вып. 1. Киев. Изд. Истпрофа Ц. К. Сахарников. 1922 г. 192 стр.

Перечень о бывших несчастных случаях в сахарных заводах со служащими и рабочими. Киев. 1889.

Перечень о бывших несчастных случаях в сахарных заводах со служащими и рабочими. Киев. 1899.

Перечень о бывших несчастных случаях в сахарных заводах со служащими и рабочими. Киев. 1901. 72 стр.

Перечень о бывших несчастных случаях в сахарных заводах со служащими и рабочими за 1901—1902 год. Киев. 1903. 73 стр. Ц. 35 коп.

Перечень о бывших несчастных случаях в сахарных заводах со служащими и рабочими за 1906 год. Киев. 1908. 76 стр. Ц. 40 коп.

Рашевский, Н. Н. О положении рабочих на сахарных заводах. Киев. 1906. 24 стр. Ц. 20 к.

Рашевский, Н. Н. Служащие на сахарных заводах. Киев. 1907. 28 стр.

Сахарные заводы в Киевской губернии в санитарном отношении. Спб. 1880. 24 стр.

Святловский, В. В. Материалы для оценки здоровья рабочих на свеклосахарных заводах и на табачных фабриках. Чернигов. Изд. журн. „Земский Врач". 1889. 29 стр.

Сулима, Н. П. Несчастные случаи с рабочими в свекло-сахарных заводах и меры предупреждения их. Спб. 1894. 66 стр. (Отд. оттиск из „Санитарного Дела" за 1893 г.)

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Андреев, В. Сахарнозаводский рабочий. „Друг Народа". Киев. 1875. № 20.

Басманов, С. Несчастные случаи на сахарных заводах „Голос Сахарника". Москва. 1923. № 3.

Бирюкович, В. В. Рабочие на сахарных заводах. „Русская Мысль". 1886. № 12.

Васильев, М. К вопросу о профессиональных условиях труда на сахарных заводах. „Технический Сборник и Вестник Промышленности". 1891. № 5 (прилож.).

Васильев, М. Н. К вопросу о несчастных случаях на сахарных заводах. „Технический Сборник и Вестник Промышленности". 1890. №№ 5—6; 1892. № 9.

Васильев, М. Н. О несчастных случаях на свекло-сахарных заводах и о мерах к их предупреждению. „Записки Киевск. Отдел. Имп. Русск. Технич. О-ва". 1904. №№ 10—12; 1905. № 1.

Долгополов, Н. И. Об условиях труда и заболеваниях рабочих на песочно-рафинадных заводах. „Дневник VI Пироговского съезда". (Секция фабричной медицины.) Приб. к № 12. Киев. 1896.

Завком Нагарлыкского сахарного завода. Все бы хорошо, да с квартирами туго. „Голос Сахарника". Москва. 1922. № 9—10 (по заводам).

Иванов, М. Сахарный ад. „Неделя". 1895. № 31.

Иностранные рабочие в германской сахарной промышленности. „Вестник сахарной промышленности". 1913. № 11.

Кр., Л. Несчастные случаи с рабочими в сахпромышленности. „Голос Сахарника". Москва. 1923. № 10.

Ландо, В. Положение труда в сахарной промышленности. „Голос Труда". Киев. 1918. №№ 11—12, 13—15, 16—17.

Лебедев, Н. Н. Жилые помещения рабочих свекло-сахарных заводов. „Вестн. обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1902. № 12.

Лобас, Н. С. Грайворонское земство и сахарные заводы Грайворонского уезда. „Врачебная Газета". 1906. № 20.

Марголин, Д. М. Положение труда в сахарной промышленности. „Вестник финансов, промышленности и торговли". 1911. № 3.

Марголин, Д. М. Рабочий вопрос в сахарной промышленности. „Вестник финансов, промышленности и торговли". 1912. № 49.

Марголин, Д. М. Рабочий вопрос в сахарной промышленности. „Записки Киевского Отдела Имп. Русск. Технич. О-ва". 1912. № 4.

Минулин, А. А. Нужды рабочих. Сборник статей по рабочему вопросу. Киев. 1905. Ст. 8. К вопросу о рабочих сахарных заводов.

Мишле. Рабочие на сахарных заводах. „Русская Мысль". 1886. № 12.

Морозов. Положение трудящихся в сахарной промышленности. (По данным анкеты.) „Протокол 2-го Всероссийск. Съезда трудящихся в сахарной промышленности", сост. 5—13 июля 1917 г. в Киеве".

О жилых помещениях на сахарных заводах. „Сборник работ санитарной инспекции на Украине", под ред. проф. А. Ф. Никитина. Вып. 1-й. Харьков. 1923.

Профработник. Квартиры - лачуги. (Мезеновский сахзавод.) „Голос Сахарника". Москва. 1922. № 9—10 (По заводам).

Рабочие на рафинадном заводе. „Врач". 1895. № 33 (Хроника).

Рабочие на сахарных заводах. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практич. медицины". 1892. № 3 (Хроника).

Радкевич, В. И. О картофельно-крахмальном и картофельно-паточном производствах в Воронежской губ. с санитарной точки зрения. „Врачебно-санитарная хроника „Воронежской губернии". 1913. № 1.

Рутковский, Н. Т. Сведения о состоянии свекло-сахарных заводов Подольской губернии по 5 уездам в отчетном 1894—1895 году. „Дневник VI Пироговского Съезда в 1902 г." № 6.

Свекло-сахарный завод. (Письмо с юга). „Неделя". 1878. № 47.

Святловский, В. В. Быт рабочих на сахарных заводах Царства Польского. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1888. № 3.

Святловский, В. Материалы для оценки здоровья рабочих на свекло-сахарных заводах и табачных фабриках. „Земский Врач". 1889. №№ 31—32.

Серпов, В. Судьбой обиженные. (О положения рабочих на сахарных за-

водах Украины.] „Голос Труда". Киев. 1918. № 11—12.

Сулима, И. П. Несчастные случаи с рабочими на свекло-сахарных заводах и меры предупреждения их. „Санитарное Дело". 1893. № 26.

Сулима, К. П. Санитарный очерк свекло-сахарных заводов, находящихся в Ямпольском уезде. „Санитарное Дело". 1892. № 22—26.

Тарасенко, М. С. Свекло-сахарные заводы и население в одном из южно-русских уездов. „Общественный Врач". 1913. № 9.

Эмануэль, И. Жилищный быт рабочих сахарнопромышленности. „Вестник профдвижения Украины". 1922. № 7—8.

15. СВЯЗИ РАБОТНИКИ.

Отдельные издания.

Поморцев В. Почтово-телеграфные ведомства Германии, Франции, Англии. Опыт врачебно-санитарного исследования. Ч. I. Германия. [1911?].

Сапожников, С. Почтово-телеграфный мир в русской художественной литературе. Москва. Изд. Ц. К. Союза Связи. 1923. 93+8 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Августовский, Н. Повреждения при работе на беспроволочном телеграфе. „Гигиена и Санитария". 1910. № 9 (Рефераты).

Антисанитарное состояние почтовой конторы в Симферополе. „Журнал Русск. Общ. Охр. Нар. Здравия". 1913. № 9—10 (Хроника).

Б. О работе ремонтеров. „Северная Почта". Вологда. 1923. № 6 (отклики с мест).

Белопасов. Радио-телеграф и труд работников, обслуживающих его. „Работник Связи Урала". Екатеринбург. 1922. № 3—4.

Бужанский, О. О положении почтовых служащих. „Промышленность и здоровье". 1913. № 7.

Выдрин, Г. П. О заболеваемости железнодорожных телеграфистов. „Вестник общест. гигиены, суд. и практ. медицины". 1912. №№ 7 и 9.

Выдрин, Г. П. О заболеваемости железнодорожных телеграфистов и связи с условиями их службы. VIII „Пироговский Съезд. Москва. 3—10 января 1902 г.". Вып. II и VI. Москва. 1902.

Выдрин, Г. П. О заболеваемости железнодорожных телеграфистов в связи с условиями их службы. „Железнодорожное Дело". 1902. № 34—35.

Головазнин. Обследование предприятий связи г. Златоуста и Челябинска. (Из материалов охраны труда.) „Работник Связи Урала". 1923. № 2—3.

Заболеваемость на телеграфе. „Сборник работ санитарной инспекции на Украине", под ред. проф. А. Ф. Никитина. Вып. I. Харьков. 1923.

Зиновьев, Н. Н. Ртутное отравление на военном корабле у служащих при беспроволочном телеграфе. „Медицинское прибавления к Морскому Сборнику". 1910. № 7 (Рефераты).

Информатор. Заболеваемость работников связи, курорты и дома отдыха. „Работник связи Урала". 1923. № 8.

Исакогорский. Помещение есть, а квартиры нет. „Северная Почта". Вологда. 1923. № 6 (Отклики с мест).

Калинин, Д. С. Вожгалы, Вятской губ., Нолтон. [Помещение почт.-тел. отд.] „Северная Почта". Вологда. 1923. № 6 (Отклики с мест).

Комарова, К. Условия труда на радиостанциях. (По данным анкеты.) „Бюллетень Нар. Ком. Труда". 1919. № 8—9.

Корреспондент. В медицинских углах. „Пролетарий Связи". Москва. 1923. № 5 (Страничка читателя).

К., П. М. Почтовые клячи. (Труд почтовых служащих.) „Неделя". 1901. № 9.

Лустверк, Э. Ю. Несколько слов о санитарно-гигиенической обстановке служащих на почте и телеграфе. „Гигиена и Санитария". 1910. № 22—23.

М. Из Уфы. (Положение почтальонов.) „Новое Слово". 1897. № 9 (Письма из провинции).

Мелкая сошка. Из жизни почтово-телеграфных служащих. „Жизнь для всех". 1911. № 5.

О состоянии здоровья служащих на телеграфе. „Вестн. обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1896. № 11 (Рефераты по гигиене).

Очевидец. Из жизни провинциальных администраторов Ярославской губернии. „Пролетарий Связи". Москва. 1923. № 5 (Страничка читателя).

Перов. Гор. Пермь. Побольше света и воздуха работникам канцелярии. [Пермская и.-т. контора.] „Работник Связи Урала". 1923. № 4 — 5.

Пик, Ц. Профессиональная характеристика телеграфистки под углом зрения профгигиены. „Гигиена Труда". 1923. № 3 — 4.

Повреждение слуха телефоном [у телефонисток в Калифорнии]. „Технический Сборник и Вестник Промышленности". 1895. № 6 (Мелкие технич. и др. заметки).

Положение почтово-телеграфных служащих. (Спец. корресп. из Англии.) „Вестник финансов, промышленности и торговли". 1906. № 23.

Поляков. Труд телеграфистов. „Пути сообщения Севера". 1919. №№ 1 — 2.

Прупис, З. Б. О вредном влиянии гиперкачания на телеграфных аппаратах Бодо и Юза на женскую половую сферу. „Сборник работ санитарной инспекции на Украине". Вып. I. Харьков. 1923.

Путешественник. Обыкновенные картинки. (Из дневника от Уфы до Стерлитамака.) „Работник Связи Урала". 1923. № 4—5.

Сапожников, С. Почтово-телеграфный мир в русской художественной литературе. „Связь". Москва. 1923. №№ 1 — 10.

Серебрянник, В. Е. и Карминский, М. С. Материалы по исследованию труда разъездных почтовых служащих. „Сборник работ санитарной инспекции на Украине", под ред. проф. А. Ф. Никитина. Вып. I. Харьков. 1923.

Старый разъездной. Забытые люди. [О пароходных потельработниках.] „Жизнь Связи". Москва. 1923. № 2.

Трейтер, В. А. О причинах высокой заболеваемости телеграфистов ст. Вятка 1-я. „Уральское Медицинское Обозрение". Екатеринбург. 1923. № 2 — 3.

Чугин, В. И. О почтовом вагоне и о почтовых разъездных чиновниках. „Врач". 1890. №№ 28 — 29.

Якобсон, М. Н. Физическая и нервно-психическая истощаемость телеграфистов. „Врачебная Газета". 1923. № 1 — 2.

Якобсон, М. Н. Физическая и нервно-психическая деятельность телеграфисток. „Сборник работ санитарной инспекции на Украине", под ред. проф. А. Ф. Никитина. Вып. I. Харьков. 1923.

16. Сельско-хозяйственные и лесные рабочие [1]) (земледелие, садоводство, огородничество, виноградарство, маслоделие, лесные и отхожие с.-х. промыслы).

Отдельные издания.

Алов, А. А. О травматических повреждениях рабочих при работах на сельско-хозяйственных машинах. (Статистическая разработка сведений о 4076 случаях.) Спб. Изд. Имп. Вольного Экономического Общества. 1906. 268 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Антипович, М. Очерк санитарного положения лесных промыслов в Мозырском уезде. Минской губ., в зиму 1913 — 14 г.г. Мозырь. Изд. Мозырской уездной земской управы. 1914. 13 стр.

Балновец, С. В. Санитарные условия жизни сельских рабочих и экономиях Борисовского уезда. (Доклад, читанный на I съезде врачей Минской губ., 23 января 1908 г.) Минск. 1908.

Варб, Е. Наемные сельско-хозяйственные рабочие в жизни и законодательстве. Общественно-юридические очерки. Москва. Изд. „Книжное Дело". 1899. XIV + 219 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Внеземледельческие [лесные] промыслы Вологодской губернии. Вологда. Изд. губ. Земства. 1903.

Гран, М. М. Сельско-хозяйственные рабочие хутора и экономии Самар

[1]) Ввиду особых условий сел.-хоз. труда, в данный раздел включены также работы, касающиеся вопросов найма и передвижения с.-х. рабочих.

ской губ. в санитарном отношении. Самара. Изд. губерн. земства. 1899.

Дим. Н. Сельский пролетариат в России. Спб. Изд. О. Н. Поповой. 1905. 59 стр. («Темы жизни», № 14.)

Ефимен о, П. Договор найма пастухов. Спб. 1878.

Жизнь странствующего батрака в Мекленбурге, описанная берлинским безработным. С предисловием Августа Бебеля. Спб. Изд. „Новый Мир". 1906. 55 стр. Ц. 10 к.

Жолкевич. Несколько слов о найме рабочих людей за границей для русских землевладельцев и условия найма. 2 тома. Спб. 1862. Ц. 50 к.

Каблуков, Н. Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве. Имеются сведения о положении сельских рабочих в Англии. Москва. Изд. ред. „Юридического Вестника". 1884. XXIV+293 стр.

Клейнборт, Л. Н. Сельско-хозяйственный рабочий в России. Пгр. Изд. „Муравей". 1917. 32 стр. Цена 35 к.

Кнапп Г. Освобождение крестьян в Пруссии и происхождение сельско-хозяйственных рабочих в старых провинциях Прусской монархии. Пер. с нем. Л. Зака, под общ. редакцией П. Струве. Спб. Изд. О. Поповой. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Кнапп. Г. Ф. Виды организации труда в сельской промышленности. Москва. Изд. „Русского Т-ва печатного и издат. дела". 1897. 67 стр. Ц. 50 к.

Короленко, С. А. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих, в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельско-хозяйственном и промышленном отношениях. Спб. Изд. Департамента Земледелия и Сельско-хозяйственной и Промышленности. 1892. 562 + 145 стр. («Сельско-хозяйственные и статистические данные по материалам, полученным от хозяев. Вып. 5).

Кудрявцев, П. Ф. Сельско-хозяйственные рабочие на Николаевской ярмарке в м. Каховке, Таврической губернии, и санитарный надзор за ними в 1895 г. (Доклад XIII губерн. съезда врачей и представителей земских управ.) Херсон. 1896. 168 стр.

Курбский, А. Русский рабочий у северо-американского плантатора. Спб. 1875. 148 стр.

Лебедев. О санитарных условиях лесного промысла в Тихвинском уезде, Новгородской губ. 1889.

Лебедев, Н. Н. Опыт изучения в санитарном отношении быта сельско-хозяйственных рабочих в районе свекло-сахарнаго производства. Диссертация на степень д-ра медицины. Москва. 1901.

Лейтес К. С. Русские рабочие в германском сельском хозяйстве. Пгр. 1914. 129 стр. Ц. 1 р. (Минист. Финансов. Материалы к пересмотру торговых договоров.)

Маслов, П. П. Аграрный кризис и сельско-хозяйственные рабочие. Спб. 1901. 19 стр. (Оттиск из трудов Имп. Вольн.-Экономич. Общества. 1900. Кн. 1 и 5).

Массальский, В. И. О положении и нуждах наемного труда в сельско-хозяйственной промышленности. Москва. Изд. Музея содействия труду Моск. отделения Императ. Русского Технического Общества. 1903. 79 стр. Ц. 50 к.

Милютин, В. П. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве России. Пгр. Кн-ство «Жизнь и Знание». 1917. 81 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Милютин, В Сельско-хозяйственные рабочие и война. Пгр. Изд. «Жизнь и Знание». 1917. 143 стр. Ц. 1 р. (Б-ка Обществоведения. Кн. 28.)

Несчастные случаи при работах на сельско-хозяйственных машинах и меры для их предупреждения. Киев. 1910.

Никодимов. Сельские рабочие, их жизнь и борьба. Спб. 1907. 11 стр. Ц. 10 к. («Книжки для всех», под ред. А. К. Ермановского. вып. III.)

Опыт предварительного исследования и санитарного надзора за пришлыми рабочими в Самарской губернии. Лето 1897 г. Самара. Изд. Губ. Земства. 1898.

Никольский, Д. П. О несчастных случаях с рабочими на сельско-хозяйственных работах. Отд. отт. из «Медицинской Беседы» за 1891 г. 6 стр.

Пашковский, М. Сельско-хозяйственные рабочие в экономиях Етапецкого медицинского участка, Елисаветградского уезда. Херсон. 1893.

Полферов. Я. Я. Сельско-хозяйственные рабочие (экономическо-статистико-экономический очерк). Спб. 1913. 53 стр. Ц. 35 к.

Пономарев, Н. В. О передвижении сельско-хозяйственных рабочих, направляющихся в Новороссийские губернии. Спб. 1895. (М. З. и Г. И. Ог-

дел сельской экономии и с.-х. статистики.)

Пономарев, Н. В. О передвижении сельско-хозяйственных рабочих, направляющихся в юго-восточные местности России. Спб. 1896. 297 стр. (М. З. и Г. И. Отдел сельской экономии и с.-х. статистики.)

Результаты анкеты о положении лесных рабочих. Спб. 1908. 41 стр. (оттиск из «Лесного Журнала»). 1908. № 4 — 5.

Сахновский, В. Н. Несчастные случаи при работах на сельско-хозяйственных машинах и как от них уберечься. Киев. 1908. 5 стр.

Сельское и лесное хозяйство России. Сельско-хозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих. Спб. Изд. Департ. Землед. и С. Пр. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Скворцов, Ир. «Сельско-хозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губ. — земского санитарного врача П. П. Тезякова. Харьков. Б. о. г. 17 стр. (Отд. оттиски из отчета Комитета по присужд. премии в память 25-летия царствования Александра II.)

Тезяков, Н. И. Материалы о травматических повреждениях, происходящих у рабочих от работ с сельско-хозяйственными машинами и другими орудиями. Отд. отт. из «Врачебной хроники Херсонской губ.» за 1899 год. Херсон. 1899.

Тезяков, Н. И. Материалы по статистике повреждений при работах с сельско-хозяйственными машинами и орудиями в Воронежской губ. Воронеж. 1901. (Отд. отт. из. «Врачебно-санитарн. хроники Воронеж. губ.» за 1901 г.)

Тезяков, Н. И Отхожие промыслы и рынки найма сельско-хозяйственных рабочих в Саратовской губернии. Саратов. Изд. Губ. Земства. 1903. 39 — 79 стр.

Тезяков, Н. И. Рынки найма сельско-хозяйственных рабочих на юге России в санитарном отношении и врачебно-продовольственные пункты. Вып. 1. Врачебно-продовольственные пункты для пришлых рабочих в Херсонской, Екатеринославской, Самарской, Симбирской и др. губерниях. Спб. 1902. 136 стр. Вып. II. Рынки найма сельско-хозяйственных рабочих в областях войска Донского и Северного Кавказа с санитарной стороны. Спб. 1902. 107 стр.

Тезяков, Н. И. Сельско-хозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губ. (по материалам лечебно-продовольственных пунктов в 1893—1895 г). Доклад. XIII губ. съезду врачей и представителей земских управ. Херсон. Изд. Херсонской губ. земской Управы. 1896. 300 стр.

Тотомианц, В. Ф. Формы аграрного движения. [Сведения о положении сельско-хозяйственных рабочих в государствах Европы.] Спб. [1906]. 250 стр. Ц. 80 к.

Фабрикант, А. О. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве Новороссии Вып. I. Характеристика источников. Период 80-х и 90-х г. г. 1917. 44 стр. Ц. 60 к. (Вольное Экономическое Общество.)

Флеров, Н. Земледельческие рабочие в России. Москва. Книгоизд. „Труд и Воля". 1906. 54 стр. Ц. 10 к.

Фрейфельд, Е. Я. Санитарные условия быта сельско-хозяйственных рабочих на частных огородах Одесских полей орошения. Одесса. 1902. (Из „Известий Одесской городской думы" за 1902 г.) Одесса. 1902. 34 стр.

Хижняков, В. В. О питании сельско-хозяйственных рабочих. Отд. оттиск. из „Врача". Спб. 1900. 34 стр.

Хижняков, В. В. Положение рабочих в сельском хозяйстве в санитарном отношении. Херсон. Изд. Херсонской губ. Земской Управы. 1899. 140 стр.

Хижняков, В. В. Пришлые сельско-хозяйственные рабочие в Херсонской губ. по данным, собранным на лечебно-продовольственных пунктах Херсонскаго губ. земства. Херсон. 1899.

Хомяков, М. К вопросу о сельских рабочих. (Отд. оттиск из „Трудов Юридического Общества".) Казань. 1900. 21 стр.

Чаславский, В. И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян. Спб. 1875. 31 стр. (Из „Сборника Государств. Знаний".) Т. II.)

Чирков, И. Международное движение сельско-хозяйственных и лесных рабочих [с данными об экономическом положении, рабочем дне, законодательстве и пр.]. Москва. Изд. В. Ц. С. П. С. 1923. 150 стр.

Шаховской, Н. В. Земледельческий отход крестьян. Спб. 1903. 451 стр.

Шаховской, Н. Сельско - хозяйственные отхожие промыслы. Москва 1896. VII + 253 + 11 стр.

Щегло, В. Крестьянское хозяйство и сельско хозяйственные рабочие в России. Под ред. и с пред. П. Маслова. Спб. Изд. О. Н. Рутенберг. 1907. 70 стр. Ц. 20 к.

Ярошно, А. Рабочий вопрос на юге, его прошедшее, настоящее и будущее. Москва. 1894. 217 стр.

Ярошко, А. А. Роль сельско-хозяйственной машины на юге в связи с рабочим вопросом. Москва. 1894. 26 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Абрамов, Я. Фабричные порядки в сельском быту. [Положение рабочих в крупных сельско-хозяйственных предприятиях.] „Экономический Журнал". 1885. Кн. 2.

Алов, А. А. О травматических повреждениях рабочих при работах на сельско-хозяйственных машинах. „Вестник финансов, промышленности и торговли". 1907. № 9.

Алов, А. А. О травматических повреждениях при работах на сельско-хозяйственных машинах. „Труды Импер. Вольно-Экономич. Общества". 1905. №№ 1 — 6; 1906. №№ 1 — 3.

А., Н. К характеристике отхода сельских рабочих из Полтавской г. в Екатеринославскую летом 1902 г. „Хуторянин". 1903. № 27 — 29.

А., Н Полтавцы на рабочих рынках Екатеринославской губ. „Хуторянин". Полтава. 1901. №№ 45 и 46.

Аргентина. Иммиграция и рабочий вопрос в сельском хозяйстве. „Вестник финансов, промышленности и торговли". 1911. № 47.

Аргентина и сельско хозяйственные рабочие. „Финансовое Обозрение". 1911. № 21.

Аристов, К О кочевой жизни лесных кондукторов. [К квартирному вопросу.] „Лесной Журнал". 1880. № 8 (смесь).

Афанасьев. О движении сельских рабочих на юг. „Вестник Русского Сельского Хозяйства". 1892. № 2.

Б. Наемные рабочие в сельском хозяйстве Самарской губ. „Жизнь". 1899. Январь. Кн. 3-я.

Баевский, А. М. О санитарном положении сельско-хозяйственных рабочих. „Труды X съезда земских врачей Смоленской губ. (31 августа — 8 сентября 1896 года)". Смоленск. 1897.

Балковец, С. В. Санитарные условия жизни сельских рабочих в экономиях Борисовского уезда. „Труды первого съезда врачей Минской губ. 22 — 25 января 1908 года". Минск. 1908.

Балов, А. В. Заготовки и сплав леса на севере России. (Санитарно-гигиенический очерк.) „Вестник обществен. гигиены, суд. и практич. медицины". 1907. № 9.

Балов, А. Пастухи в Ярославской губ. (Санитарно-гигиенический очерк.) „Врачебная газета". 1908. № 26.

Балов, А. В. Санитарно-гигиенические условия заготовки и сплава леса в Ярославской губ. „Врачебная газета". 1907. № 16.

Балов, А. В. Сельско - хозяйственные экономии в санитарно-гигиеническом отношении. „Фельдшер". 1903. № 11.

Баранов, А. О несчастных случаях, происходящих при работе с сельско - хозяйственными машинами. „Вестник финансов, промышленности и торговли". 1915. № 27.

Бать, В. Лесной промысел Тихвинского уезда в санитарном отношении. (Положения к докладу.) „Дневник VII Пироговского съезда". Казань. 1899. № 3.

Белобородов, А. Пришлые рабочие на Кубанщине. „Северный Вестник". 1896. № 2.

Белов, В. Рабочая сила в виноградниках Новороссийска. „Вестник Виноделия". 1897. № 11.

Бедственное положение пришлых рабочих Херсонского земства. „Спб. Земский Вестник". 1905. № 8.

Бирюкович, В. Сельско-хозяйственные отхожие промыслы. „Северный Вестник". 1896. № 8.

Блакитный, В. Сельско-хозяйственный пролетариат Украины. „Коммунарка Украины". 1922. № 11.

Бобков, И. Как живут работники Грибановского лесничества. „Работник земли и леса". Москва. 1923. № 4 — 5

Б - ов, И. Пришлые рабочие на юге России. „Вятская газета". 1902. № 14.

Бондаренко, Е. А. Рабочая „тяга". „Сельское Хозяйство". Спб. 1901. №№ 19 и 20.

Бржеский, Н. Наниматели и рабочие в сельском хозяйстве. „Русское Экономическое обозрение". 1898. № 10.

Бродящий пролетариат. [О пришлых рабочих в Херсонской губ.] „Неделя". 1896. № 19.

Бугринов и Маевский. Условия труда рабочих тракторного отряда. „Сборник работ санитарной инспекции на Украине". Вып. II Харьков. 1921.

Бунятов, С. Из Борчалинского уезда (Армяры). [Отход из Персии и Турции сельско-хозяйственных рабочих в Закавказье.] „Кавказское сельское хозяйство". 1897. № 158.

Бурлаков. В. М. О сельско-рабочем вопросе с медицинской точки зрения. (По поводу доклада на V Пироговском съезде д-ра Н. Н. Тонкова.) „Медицинская Беседа". 1895. № 4.

Варб, Е. Вопрос о наемных рабочих в сельском хозяйстве. „Русская Мысль". 1897. №№ 10 и 11.

Варб, Е. Земство и регулирование сельско-хозяйственного найма. „Начало". 1899. № 1—2.

Варб. Е. Земство и сельские рабочие. [Урегулирование ежегодного притока рабочих сил, санитарный надзор, продовольствие и проч.] „Русское Богатство". 1897. № 12.

Варб, Е. Различные предметы урегулирования движения сельско-хозяйственных рабочих. „Жизнь". 1899. № 2.

Варб, Е. Самарское земство и пришлые земледельческ. рабочие. „Русская Мысль". 1898. № 5.

Варб, Е. Скитания сельско-хозяйственных рабочих. „Русская Мысль". 1898. № 8.

В. В. Зимняя наемка. [Кабальный труд.] „Наблюдатель". 1885. № 2.

Введенский. А. Заметки по истории труда на Руси XVI—XVII в. в. III. Наемные рабочие в крестьянском хозяйстве. IV. Наемный труд в крупной вотчине. „Архив истории труда в России". Пгр. 1923. Кн. 6—7.

Вильчур. Сыпной тиф среди пришлых рабочих в экономии купца III. при деревне Пояновке, Елисаветградского уезда. „Врачебная хроника Херсонской губ." 1894. № 16.

Виноградов. Ф. Т. О жилищных условиях рабочих на лесном промысле в Кологривском уезде и желательности улучшения их. „Врачебно-санитарный обзор Костромской губ." 1912. № 4.

Воблый, К. Положение сельских рабочих в царстве Польском. „Народное Хозяйство". 1905. № 5.

Воблый, К. Сельско-хозяйственные рабочие в Англии. „Вестник финансов, промышленности и торговли". 1908. № 22.

Войцеховский. А. И. Травматические повреждения, происходящие от работы на земледельческих машинах. „Вестник общественной гигиены, суд. и практич. медицины". 1891. № 12.

Вольный труд в царстве Польском. „Труды Имп. Вольно-экономич. Общ." 1860. Т. II.

[Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве]. „Русская Мысль". 1895. № 4 (Внутреннее обозрение).

[Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве. Положение 1886 г.] „Северный Вестник". 1898. № 6—7 (Внутреннее обозрение).

Воронов. Г. Хозяин и рабочий. „Сельский Хозяин". 1886. №№ 11, 37—39.

Воропонов. Ф. Экономическое положение работника в юго-западной России. „Беседа". 1872. № 10.

Вреден. Э. Экономическое обозрение. [Рабочий вопрос в сельском хозяйстве.] „Сельское хозяйство и лесоводство". 1873. Февраль.

Геркнер. Г. Рабочий труд в Западной Европе. Пер. со 2-го нем. издания. Спб. 1899. Гл. X. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве.

Германия. Сельские рабочие северных провинций. „Экономический Журнал" 1893. № 2—3 (Экономическая жизнь иностран. государств).

Гилька. И. Очерки из жизни сельского пролетариата. „Сельская фабрика." „Вестник Жизни". Спб. 1907. № 6.

Глинка. Д. К. Рабочий проект дворянского предводителя. „Неделя". 1885. № 18.

Гольц-фон-дер. Т. Сельско-хозяйственные рабочие. „Землевладение и сельское хозяйство". Статьи из Handwörterbücher der Staatswissenschaften. Спб. Изд. Водовозовой. 1901.

Гран. М. М Жители Пензенской губернии, как отхожие сельско-хозяйственные рабочие, и их санитарное положение. „IX съезд земских врачей Пензенской губ. 28 сентября—4 октября 1900 г.". Пенза. 1901.

Гран, М. М. Пришлые сельско-хозяйственные рабочие Самарской губернии. „Саратовская Земская Неделя". 1901. №№ 42—45.

Гурвич. И. Экономическое положение русской деревни. Пер. с англ. А. А. Санина. Москва. 1896. Глава 5. Превращение самостоятельного хозяина и земледельческого рабочего.

Дания. Положение труда польских и галицийских сезонных рабочих. „Вестник финансов, промышленности и торговли". 1908. № 39.

Доброгаев, Н. Экономическое значение лесных промыслов севера для местного населения. [Труд рабочих по заготовке и сплаву леса.] „Лесопромышленный Вестник". 1912. № 35.

Добротворский, Н. Юхновские землекопы. „Северный Вестник". 1887. № 6.

Добротворский, Н. А Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян центрального района. Отдел II. Глава 1. Сельско-хозяйственные земледельческие промыслы. В книге: „Промыслы и грамотность центрального района Курской губ." Т. II. Курск. 1885. (Сборник статистическ. сведений по Курской губ.)

Должанский, Г. Некоторые данные об условиях труда с.-х. рабочих за 1922 г. „Сельско-Хозяйственный Пролетарий". Харьков. 1923. № 6.

Должанский, Г. Условия труда сельско-хозяйственных рабочих. (По актам обследования инспектора труда Всеработ емлеса.) „Сельско Хозяйст. Пролетарий". Харьков. 1922. № 1.

Домбровский, Ф. О рабочих в степной части Крыма. „Записки Общества Сельского Хозяйства Южной России". 1859. № 3.

Дороватовский, С. Лесные промыслы и артели [в Костромской губ.]. „Русская Мысль". 1887. № 2.

Е., Н. Об отхожих промыслах. (Письмо в редакцию.) „Неделя". 1873. № 37.

Ермолинский, К. Обзор Хотинского уезда в сельско-хозяйственном отношении за 1887 г. Москва. 1888. Гл. 10. Отхожие земледельческие промыслы.

Ефименко, П. Договор найма пастухов. „Записки Р. Географич. Общества по отделу этнографии". 1878. Т. VIII.

Жорский, К. Рабочая сила в фермерном хозяйстве [в царстве Польском]. „Труды Импер. Вольно-Экономич. Общества". 1869. Т. I. Вып. 5.

Земский, В. Г. Новейшие земские проекты по рабочему вопросу. „Хозяин". Спб. 1895. № 40.

Иванов. О способах и условиях найма сельских рабочих (корреспонденция из Рязанской губ.). „Вестник русского сельского хозяйства". 1890. № 5.

Иванов, Н. К вопросу о повреждении сельско-хозяйственными машинами. „Врачебная хроника Харьковской губ.". 1899. № 11.

Иванович, В. Положение сельско-хозяйственных рабочих по данным лечебно-продовольственных пунктов Симбирского земства. „Хозяин". Спб., 1901. № 45.

Из Бессарабии [Корресп. о злоупотреблениях при найме рабочих в Аккерманских виноградниках.] „Вестник Виноделия". 1905. № 8.

Иностранные рабочие во французском сельском хозяйстве. „Вестник финансов, промышленности и торговли." 1913. № 24.

И—о. Сельско-хозяйственная жизнь юга. [Положение пришлых сельско-хозяйственных рабочих.] „Хозяин". 1891. № 3.

Ионов, Н. И. Дополнительные материалы по статистике повреждений при работах с сельско-хозяйственными машинами и орудиями в Воронежской губ. за 1899—1902 г.г. „Врачебно-санитарная хроника Воронежской губернии". 1904. № 1.

К., А. Русский рабочий у американского плантатора. „Вестник Европы". 1873. Июнь—сентябрь.

Каблуков, Н. А. Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве. „Труды Имп. Вольного Экономическ. Общества". 1885. № 2.

Каблуков, Н. Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве в Англии. „Юридический Вестник". 1884. №№ 7, 8 и 9.

Кадз. О найме на сельско-хозяйственные работы. [О различных видах договоров и об их неудобствах.] „Сельский Хозяин". Спб. 1903. №№ 14, 15.

Назанцов, Н. С берегов Урала. Положение приходящих на Урал рабочих. [Косари на поемных лугах оренбургских и уральских казаков.] „Гражданин". 1872. № 13.

Караманенко. О санитарном значении отхожего промысла в России. „Журнал Русского общества Охраны Народн. Здравия". 1895. № 2.

Нарышев, Н. Земледельческие рабочие. „Энциклопедический словарь.

Брокгауза и Ефрона" Т. XII. Полутом XXIII. Спб. 1894.

Карышев, Н. Народно-хозяйственные наброски о земледельческих орудиях и пришлых рабочих на северном Кавказе. „Русское Богатство". 1895. № 3.

Карцев, Е. Е. Экономические труды. Отхожий промысел. [Земледельческий отход.] „Наблюдатель". 1882. № 3.

Катаев, Н. Лесные промыслы Пермской губ. „Сборник Пермского Земства". 1893. №№ 1, 2—3.

К вопросу о несчастных случаях, происходящих от сельско-хозяйственных машин. „Хуторянин" Полтава. 1903. № 2 (Земская хроника).

К вопросу о положении рабочих сельских масс в Херсонской губ. [Передовая статья.] „Хуторянин". Полтава. 1900. № 20.

К вопросу о рабочих в сельском хозяйстве. „Земледелие"—Киев. 1898. № 26.

Керженцев, В. Английский сельский рабочий. „Просвещение". 1914. № 2.

Кириллов, Л. Рабочие сельские. „Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона". Т. XXVI. Полутом LI. Спб. 1899.

Клейнборт, Л. Движение сельско-хозяйственных рабочих. [Положение рабочих в России.] „Образование" 1905. № 9.

Клименко, В. С. К статистике повреждений сельско-хозяйственными орудиями. „Вестник общественной гигиены, суд. и практич. медицины". 1899. № 5.

Клинген, Н. Описание Волчанского уезда, Харьковской губ. в сельско-хозяйственно-статистическом отношении. Харьков. 1882. Главы: Рабочие руки. Поденные рабочие. Сдельные рабочие. Пища и содержание рабочих.

К—ль, В. Экономические статьи в русских периодических изданиях. [Нужды деревенского пролетариата. Условия их жизни и труда.] „Русское Экономическое Обозрение". 1905. Сентябрь — октябрь.

Кнапп, Ф. Рабство и свобода в сельском труде. С нем. „История труда в связи с историей некоторых форм промышленности". Сборник. Изд. Водовозовой. 1897.

Козаренко, А. Н. Положение наших сельско-хозяйственных рабочих. „Новое Слово". 1911. № 5.

Козаренко, Н. П. Положение наших сельско-хозяйственных рабочих. „Русское Богатство". 1893 г. № 11.

Коллонтай, А. Сплавщики леса в Финляндии. „Научное Обозрение". 1902. № 9.

Комиссия об отхожих промыслах на сельско-хозяйственные работы. „Русская Мысль". 1895. № 7.

Кондорский, И. Н. О санитарном положении сельско-хозяйственных рабочих Екатеринославской губернии. „Русская Мысль". 1905. №№ 6, 9.

Корш, Вл. Обойденные. [Положение лесных кондукторов.] „Лесопромышленный Вестник". 1912. № 7.

Коссари. „Неделя". 1880. № 22.

Кочующий труд. [К вопросу о передвижении сельско-хозяйственных рабочих.] „Неделя". 1895. № 32.

К положению сельско хозяйственных рабочих в Германии. „Хозяин". Спб. 1905. № 12.

Копяткевич, В. Положение рабочих на лесных промыслах в Олонецкой губ. „Вестник Олонецкого земства". 1909. №№ 11—14.

Короленко, С. К вопросу о том, было ли где-нибудь применено положение о договоре между нанимателями и рабочими, и если было, то какими сопровождалось результатами. „Записки Спб. собрания сельских хозяев". 1889. № 6.

Красавцев. О положении помощников лесничих. „Лесной Журнал". 1880. № 9 (Смесь).

Красовский, В. Способы найма рабочих для сельско-хозяйственных работ в Симбирской губ. „Труды Имп. Вольного Экономич. Общества". 1878. Т. III. Вып. I.

Н., С. Как живут работники леса. „Работник земли и леса" М. 1923. № 6.

К—ская, В. Жертвы машин. (Письмо из Херсонской губ.) „Неделя". 1898. № 20.

К—ская, В. Парии сельско-хозяйственного капитализма. [Письмо из Херсонской губ. о с.-х. рабочих.] „Неделя". 1900. № 6.

Кудрявцев, П. Д. К статистике увечий и повреждений рабочих сельско-хозяйственными машинами и орудиями. „Врачебно-санитарная хроника Херсонской губ.". 1896. № 15.

Кудрявцев, П. Ф. К статистике увечий и повреждений рабочих сельско-хозяйственными машинами и орудиями. „Медицинская Беседа". 1896. № 18—19.

Кудрявцев, П. Ф. Сельско-хозяйственные рабочие на Николаевской ярмарке в м. Каховке, Таврической губ. и санитарный надзор за ними в 1895 г. „XIII съезд врачей и представителей земских и гор. управ Херсонской губ. (10—18 октября 1895 г.)". Вып. I. Херсон. 1896.

К характеристике сельско-хозяйственного отхода рабочих из Полтавской губернии и Екатеринославскую летом 1901 года „Хуторянин". 1902. № 22.

Л., А. Вопрос о рабочих и сельском хозяйстве. „Гражданин". 1898. № 51.

Лебедев, Н. Быт крестьян и рабочих в местах посева свеклы. „Русская Мысль". 1903. № 1.

Лебедев, Н. Н. Продовольствие сельско-хозяйственных рабочих на месте посева свеклы. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практич. медицины". 1902. № 4.

Лебедев, Н. Н. Сельско-хозяйственный травматизм и сравнение положения рабочих сельско-хозяйственных, заводских и железно-дорожных. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практич. медицины". 1902. № 12; 1903. № 7.

Лебедев, Н. Н. Травматизм рабочих сельско-хозяйственных экономий в районе свеклосахарного завода. „Восьмой Пироговский съезд". Москва. 3—10 января 1902. Выпуск 2-й. Москва. 1902.

Лебедев, Н. Н. Травматизм рабочих сельско-хозяйственных экономий в районе свеклосахарного завода. „Русский Врач". 1902. № 14.

Лезицкий, П. И. О мерах к установлению правильных отношений между сельскими хозяевами и рабочими. „Всероссийский Съезд сельских хозяев в декабре 1895 г.". 1896.

Левченко. Об отношениях между землевладельцами и рабочими. „Сельско-хозяйственный Сборник", изд. Полтавским Сельско-хозяйствен. Обществом. 1867. Вып. 6.

Ленин, Н. (В. Ульянов). Собрание сочинений. Т. III. Развитие капитализма в России. Москва—Петроград. 1923. Гл. III, п. п. IX—X. Наемный труд в земледелии. Значение полунаемного труда в земледелии.

Лесопромышленники и рабочие. „Лесной журнал". 1895. № 2.

Лесопромышленность в Слободском уезде. Вятской губ. [Древорубы и сплавщики леса на местных крестьян.] „Лесной Журнал". 1896. № 3 (Разные сообщения).

Лишин. Несколько заметок о современной постановке вопроса личного найма сельских рабочих в России и о желательных изменениях в нем (доклад). „Труды Имп. Вольного Экономич. Общества." 1881. Т. II.

Лотоцкий, А. Илоты XX века. Сельские рабочие. «Украинский Вестник». 1906. № 6.

Лудмер, Я. Курляндская губ. [Об условиях найма батраков.] «Хозяин». Спб. 1891. № 30.

Лузинов, А. На лесных работах. [По берегам рек Керженца и Ветлуги.] «Нижегородская Земская Газета». 1905. № 5.

Любарский. О нормах продовольствия рабочих в средней полосе России. „Земледельческая Газета". 1891. № 42.

Макаренко, А. Отхожие и кабальные рабочие. [Земледельческий и неземледельческий отход.] „Юридический Вестник". 1887. № 4.

Мальта, А. Садовники и условия их службы в России. „Земледельческая Газета". 1905. № 12.

Малыгин, Н. П. Лесные промыслы в Ветлужском уезде в санитарном и экономическом отношении. „Врачебно-санитарный обзор Костромской губ." 1909. № 9. и 1910. № 1.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. Москва—Пгр. 1923. Глава 23, п. 5. Британский земледельческий пролетариат (бродячие артели).

Марусин, С. Промысловые артели Тобольской губ. II. Артели лесных промыслов. „Юридический Вестник" 1891. № 7—8.

Маслов, П. Аграрный вопрос в России. (Условия развития крестьянского хозяйства в России.) Изд. 3-е. Спб. 1906. Гл. XVI. Сельско-хозяйственные рабочие в земледельческом хозяйстве. Гл. XVII. Регулирование сельско-хозяйственного найма.

Маслов, П. Аграрный кризис и сельско-хозяйственные рабочие. „Труды Имп. Вольного Экономич. Общества". 1904. №№ 4—5.

Маслов, П. Регулирование сельско-хозяйственного найма. „Жизнь". 1900. Кн. 3.

Маслов, П. Сельско-хозяйственные рабочие в Саратовской губ. „Саратовская Земская Неделя". 1903. № 2.

Массальский, В. И. О положении и нуждах наемного труда в сельско-хозяйственной промышленности. „Записки Московск. Отд. Имп. Русск. Технич. Общества". 1903. Вып. 5.

Мацкевич, С. И. Как поставлен батрак (годовой рабочий) в Лифляндской губернии. „Крестьянское Хозяйство". Спб. 1903. № 8.

Мсерков, А. Н. Материалы по статистике сельско-хозяйственного травматизма в Воронежской губернии. „Врачебно-санитарная хроника Воронежской губернии". 1909. № 6.

Милютин, В. Сельско-хозяйственные рабочие в 1915 году. „Труды Комиссии по изучению современной дороговизны". Вып. IV. Москва. 1916.

Милютин, В. Сельско-хозяйственные рабочие в 1916 году. „Вестник Сельского Хозяйства". 1916. №№ 39, 40 и 42.

Михайлов, М. Очерки положения сельско-хозяйственных рабочих. „Новое Слово". 1894. № 5.

Михайлов, Н. Условия труда в лесном промысле. „Вестник финансов, промышлен. и торговли". 1910. №№ 35 и 36.

Михайлова, Е. М. Об обратном движении рабочих через село Подчаниновку, Саратовского уезда. „Врачебно-санитарная хроника Саратовской губ." 1901. № 10.

Михеев. О продовольствии сельско-хозяйственных рабочих. „Земледельческая Газета" 1895. № 10.

М-н. В [Милютин, В]. К вопросу о положении сельско-хозяйственных рабочих. „Вестник Сельского Хозяйства" 1911. № 20.

Мрачные стороны лесной промышленности Поволжья. [Труд рабочих по выработке и перевозке лесных материалов.] „Русский Лесопромышленник". 1888. № 49.

Мытарства сухожих рабочих. „Сельский Вестник". 1890. № 16.

Наниматели и рабочие [в сельском хозяйстве]. „Неделя". 1898. №№ 24—25.

Н., В. К вопросу об урегулировании рабочего движения на летние заработки. „Земский Сборник Черниговской губ." 1891. № 4—5.

Н., Д. Пришлые сельско-хозяйственные рабочие в Херсонской губ. „Научное Обозрение". 1900. № 7.

Несчастные случаи при работах на сельско-хозяйственных машинах и как от них уберечься. „Хозяйство". Киев. 1910. № 11.

Ниполенко. Из жизни сельско-хозяйственных рабочих. „Рабочий"—Екатеринослав. 1923. № 13.

Никольский, Д. П. Санитарные условия труда и жизни рабочих на огородах в Петербурге. „Русский Врач". 1912. № 28.

Ниппа, А. Г. О харчах и содержании рабочих. „Земледельческая Газета". 1900. № 8.

Ниппа, А. О харчах и содержании рабочих. „Справочный Листок Лифляндского Сельско-хозяйств. Общества" 1904. № 1.

Новицкий, Е. Несчастные случаи при работе сельско-хозяйственных машин в России. „Промышленность и Здоровье". 1903. № 9.

Новицкий, Е. Рабочий вопрос в русской деревне. „Вестник фабричного законодательства и проф. гигиены". 1905. № 3 (Сообщения из области общественной экономии).

Новицкий, Е. Современное положение сельско-хозяйственных рабочих в Англии. „Хозяин". Спб. 1902. № 26.

Новые материалы о повреждениях от сельско-хозяйственных машин. „Хозяин". 1899. № 41.

Нужды сельского хозяйства и меры их удовлетворения по отзывам земских собраний. Спб. 1899. Глава II, п. 23. Вопрос о сельско-хозяйственных рабочих.

Об отхожих рабочих. „Сельский Вестник". 1890. №№ 13, 14 и 15.

Об отхожих рабочих. „Сельский Вестник". 1905. № 15.

Об отхожих рабочих в нынешнем году. „Сельский Вестник". 1890. №№ 50 и 51—52.

Об отхожих рабочих. [Письма с мест]. „Сельский Вестник". 1889. №№ 41—43, 45—48.

Об отхожих сельских рабочих. „Сельский Вестник". 1889. №№ 37—38.

Образец контракта по найму сельских рабочих. „Труды Имп. Вольного Экономич. Общества". 1861. Т. II. Вып. 1. Апрель.

О мерах к улучшению найма сельских рабочих. „Сельский Хозяин". 1886. № 21.

Ончуков. С. Н. О травматических повреждениях рабочих при работах на сельско-хозяйственных машинах. „Доклады XIV Съезду врачей и представит. земских и городских управ Херсонской губ." Вып. I. Херсон. 1899.

Ончуков, С. Н. О травматических повреждениях рабочих при работах

на сельско-хозяйственных машинах. „Совещание земских и городских врачей и представителей управ Херсонской губ. (XIV съезд) 21—29 ноября 1899 г.“ Херсон 1901.

О повреждениях сельско-хозяйственными машинами. „Известия Мин-ва земледелия и госуд. имущества“. 1909. № 4.

О положении лесных рабочих. „Лесопромышленный Вестник“. 1912. № 19 (хроника).

Орлов, З. Положение сельских рабочих в Лифляндии. „Современный Мир“. 1911. № 10.

Орловский, П. (Воровский, В. В.) Положение сельско-хозяйственных рабочих в Северной Италии. „Рассвет“, ежем. социал-демократ. листок для сектантов, под ред. В. Бонч-Бруевича. 1901. № 3.

Отхожие промыслы сельских рабочих. „Русская Мысль“. 1892. № 10 (Внутреннее обозрение).

Отхожие сельско-хозяйственные промыслы. „Вестник Владимирского Земства“. 1895. № 21.

Очерк материального положения лесных ревизоров вообще, а младших в особенности. „Лесной Журнал“. 1873. № 4.

Пажитнов, К. Сельское хозяйство Англии в начале XX столетия. [Сведения о положении с.-х. рабочих.] „Народное Хозяйство“. 1904. № 1.

Панов, А. В. Сельско-хозяйственные рабочие в Самарской губ. „Русское Богатство“. 1899. № 7.

Пашковский, М. Сельско-хозяйственные рабочие в экономиях Елисаветградского медицинского участка Елисаветградского уезда. „Врачебно-санитарная хроника Херсонской губ.“. 1893. № 18.

Передвижение рабочих по Харьково-Николаевской жел. дороге. „Сборник Херсонск. Земства“. 1894. № 8.

Перович, Я. В. Сельско-хозяйственные рабочие Херсонской губернии. „Промышленность и Здоровье“. 1903. № 8.

Положение рабочего в лесном промысле (в Тихвинском уезде, Новгород. г.). „Лесопромышленный Вестник“. 1904. № 25.

Положение рабочих в сельско-хозяйственных экономиях Самарской губернии. „Хозяин“. Спб. 1905. № 4 (Разные известия.)

Положение сельского пролетариата в Венгрии. „Бюллетень Исполнительного Бюро Красного Интернационала Профсоюзов“. Москва. 1921. № 6.

Положение сельско-хозяйственных рабочих в Англии, России, Пруссии и Голландии. „Сельское хозяйство и лесоводство“. 1870. Декабрь.

Положение труда и лесной промышленности Финляндии. „Вестник финансов, пром. и торговли“. 1915. № 4.

Положение труда польских и галицийских сезонных рабочих. „Вестник финансов, промышленности и торговли“. 1908. № 39.

Пономарев, Н. В. О положении сельско-хозяйственных рабочих, направляющихся в юго-восточные губернии. „Сельское хозяйство и лесоводство“. 1896. № 2.

По поводу увечий рабочих сельско-хозяйственными машинами. „Землевладелец“. 1892. № 8.

Пришлые сельско-хозяйственные рабочие в Херсонской губернии. „Хозяин“. Спб. 1896. № 33.

Прскопович, С. Н. Местные люди о нуждах России. Спб. Изд. Е. Д. Кусковой. 1904 Глава VII. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве.

Протопопов, Д. Сельско-хозяйственные рабочие, условия их труда и жалобы на них. „Жизнь“. 1900. № 8 (Хроника внутренней жизни).

Рабочие в сельском хозяйстве. „Большая Энциклопедия“. Т. XVI. Спб. Изд. „Просвещение“.

Рапоппорт, С. Н. Хлеборобы в Англии. [О с.-х. рабочих.] „Неделя“. 1900. № 38.

Результат анкеты о положении лесных рабочих. „Лесной журнал“. 1908. №№ 4, 5.

Рубель, Н. Н. Работы в пасеках и сплав дров и бревен по рр. Тосне, Мге, Назии и пр. в Шлиссельбургском уезде. „Труды X санитарного съезда земских врачей С.-Петербургской губ.“ Т. III. Игр. 1914.

Руднев, С. Ф. Промыслы крестьян в Европейской России. III. Сельско-хозяйственные рабочие. „Сборник Саратовского Земства“. 1894. № 11.

Русов, А. О найме рабочих в Херсонскую губернию в 1855 г. „Сборник Херсонского Земства“. 1890. № 1.

Русский труд в Аргентине. [О русских сельско-хозяйственных рабочих в Аргентине.] „Пермская Земская Неделя“. 1911. № 44.

Р., Ф. Эволюция латышского крестьянства. [Данные об условиях труда латышских батраков.] „Жизнь“ Женева. 1902. № 6.

Рыбников, А. Земледельческие рабочие. „Новый Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона". Кн. 8.

Савицкий, П. Несколько слов о найме сельско-хозяйственных рабочих и их содержании. „Записки Имп. Общества сельского хозяйства южной России". 1902. №№ 9, 10.

Сазонов, Г. П. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве по проектам земств и инженера Баталина. „Труды Имп. Вольного Экономич. Общества". 1889. № 4.

Самойлов, П. О найме сельско-хозяйственных рабочих. „Сельский Хозяин". Спб. 1905. № 17.

Санитарное положение сельско-хозяйственных рабочих. „Вестник обществ. гигиены, судеб. и практич. медицины". 1903. № 5.

Санитарные условия сельских рабочих в частновладельческих хозяйствах. „Вестник общественной гигиены, суд. и практ. медицины". 1889. № 10 (Хроника).

Сарибан, Е. О положении садовых работ и рабочих на Каче. „Записки Симферопольского Отдел. Имп. Росс. Общ. Садоводства". 1904. Июль-август.

Сельские рабочие. „Ведомости земледельческого синдиката". Киев. 1897. № 89.

Сельские рабочие. „Неделя". 1886. № 9.

Сельско-хозяйственные рабочие в Англии. „Вестник финансов, промышленности и торговли". 1908. № 22.

Сергеев, С. Сельско-хозяйственный рабочий в России. 2-я книжка приложений к журналу „Жизнь Юга" (Одесса) за 1897 год.

Сила-Новицкий, В. К вопросу о рабочих в сельском хозяйстве. „Вестник сельского хозяйства". М. 1900. № 5.

Сила-Новицкий, В. Ответ на статью г. В. Солдатова. [О рабочих в сельском хозяйстве.] „Вестник сельского хозяйства". 1900. № 15.

Скворцов, Н. Пришлые сельско-хозяйственные рабочие на юге России в 1895 г. (Состав рабочих и цены на рабочие руки.) „Земледелие". Киев. 1896. №№ 17 и 19.

Славский, К. Г. О повреждениях при работах с сельско-хозяйственными машинами и орудиями. „Труды VIII Съезда врачей Воронежской губ. 25 августа—3 сентября 1903 г.". Т. II. Ч. 2. Воронеж. 1903.

Старая беда. [Закабаление крестьян по договорам о найме.] „Неделя". 1899. № 38.

„Случаи повреждений рабочих сельско-хозяйственными машинами в Черниговской губернии". „Сборник Черниговского Земства". 1901. № 12.

С - н. Снова об антисанитарных условиях жизни и труда пришлых сельско-хозяйственных рабочих. „Медицинская Беседа". 1903. № 19.

Солдатов, В. Еще несколько слов о рабочих в сельском хозяйстве. „Вестник Сельского Хозяйства". 1900. № 11.

Социальное страхование в Германии за 1909 г. Несчастные случаи на сельско-хозяйственных предприятиях. Право". 1911. № 13 (Из иностранной жизни).

Стенографический отчет о соединенном заседании II и III отделений 4 марта 1900 г. [Отчет о занятиях комиссии по исследованию вопроса об условиях сельско-хозяйственного найма и о положении сельско-хозяйственных рабочих.] „Труды Имп. Вольного Экономического Общества". 1903. Кн. 3.

Т., А. Еще к рабочему вопросу [в сельском хозяйстве]. „Вестник Сельского Хозяйства". Москва. 1900. № 5.

Тезяков, И. Сельско-хозяйственные рабочие вообще и пришлые в частности в Херсонской губ. в санитарном отношении. „Сборник Херсонского Земства". 1891. № 8.

Тезяков, Н. И. Материалы о травматических повреждениях, происходящих у рабочих от работ с сельско-хозяйственными машинами и орудиями. „Врачебная хроника Херсонской губ.". 1898. № 6.

Тезяков, Н. И. Материалы о травматических повреждениях, происходящих у рабочих от работ с сельско-хозяйственными машинами и орудиями. „Сборник Херсонского Земства". 1898. № 4.

Тезяков, Н. И. К статистике повреждений сельско - хозяйственными орудиями. „Вестник общественной гигиены". 1901. Ноябрь.

Тезяков, Н. И. Материалы по изучению санитарного положения рабочих в крупных сельско - хозяйственных экономиях Херсонской губ. „Врачебная хроника Херсонской губ.". 1897. № 15.

Тезяков, Н. И. Материалы по статистике повреждений при работах с сельско - хозяйственными машинами

и орудиями в Воронежской губернии. „Врачебно-санитарная хроника Воронежской губ.". 1901. № 12.

Тезяков, Н. И. Отхожие промыслы и рынки найма сельско-хозяйственных рабочих в Саратовской губ. „Саратовская Земская Неделя". 1903. № 1.

Тезяков, Н. И. Сельско-хозяйственные рабочие вообще и пришлые в частности в Херсонской губернии в санитарном отношении. „XII съезд земских врачей и членов уездных управ в г. Херсоне (10—17 сентября 1891 г.)". Херсон. 1891.

Тезяков, Н. И. Сельско-хозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губ. (По материалам лечебно-продовольственных пунктов в 1893—1895 г.г.) „XIII съезд врачей и представит. земских и городских управ Херсонской губ. (10—18 октября 1895 г.)". Вып. 1. Херсон. 1896.

Тезяков, Н. Сыпной тиф и отхожие сельско-хозяйственные промыслы „Русский Врач". 1909. № 18.

Тихонов, Ф. Среди батраков. (Владимирская губ.) „Работник земли и леса". Москва. 1923. № 3.

Товарищ. Сельские рабочие в юго-восточных губерниях Европейской России. „Работник", изд. Союза Русских Социал-Демократов. 1899. № 5—6.

Т., П. Положение сельских рабочих в Австрии. „Новое слово". 1896. № 12 (сентябрь).

Травматические повреждения от сельско-хозяйственных машин. „Вестник общественной гигиены, судебн. и практич. медицины". 1898. № 9. Хроника).

Транфандилов, С. Жизнь рабочих опытного поля (г. Мариуполь). „Сельско-хозяйственный пролетарий". Харьков. 1923. № 4.

Трирогов, В. Кабала в народном хозяйстве. (Экономический опыт). „Отечественные Записки". 1879. № 5 (Современное обозрение).

Т., С. В совхозах Челябинской г. „Работник земли и леса". Москва. 1923. № 4—5.

Туевский, А. Н. Несчастные случаи среди сельско-хозяйственных рабочих. „Жизнь". 1900. № 4.

Тур, Г. К. К вопросу о рабочих в сельском хозяйстве. „Неделя". 1898. № 25.

Улучшение положения рабочих на рисовых плантациях в Италии. „Вестник финансов, промышл. и торговли". 1907. № 23.

Умнов. Рабочий вопрос в совхозах. „Сельско-хозяйственная Жизнь". 1923. № 7.

Условия жизни лесных рабочих в С.-Петербургской губ. в гигиеническом отношении. „Лесной Журнал". 1896. № 3 (Разные сообщения).

Ф., Д. Из Новороссии. Корреспонденция о пришлых рабочих. „Сельский Хозяин." 1897. № 38.

Федоров, Д. Дурны ли рабочие. (Письмо из Новороссии) „Неделя". 1900. № 19.

Федоров, Д. Испольный труд (письмо из Новороссии). „Неделя". 1898. № 95.

Федоров, Д. Рабочая выносливость (Письмо из Новороссии). „Неделя". 1899. № 21.

Федоров, Д. Южно-русские отголоски. Вне закона. (К вопросу о положении служащих в имениях.) „Северный Вестник". 1898. № 10—12.

Федоров, Ф. О рабочем вопросе в совхозах. „Сельско-хозяйственная Жизнь". 1923. № 15.

Филиберт, А. О вольнонаемных рабочих на юге России. „Записки Имп. Общества Сельского Хозяйства Южной России". 1861. № 9.

Финк, В. К материалу о рабочем вопросе. [Об урегулировании передвижения с.-х. рабочих на юге России.] „Записки Имп. Общества Сельского хозяйства Южной России". 1891. № 4.

Фортунатов, А. Ф. Санитарные условия сельской работы в России. „Русская Мысль". 1886. Кн. II. (Научн. обзор).

Фортунатов, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской России. Москва. 1893. Отдел II. Глава 4. Наем на сельско-хозяйственные работы.

Ф., П. Из хроники несчастных случаев от сельско-хозяйственных машин в Германии. „Вестник Сельского Хозяйства". Москва. 1905. № 38.

Франция. Иностранные рабочие в земледельческой промышленности. „Вестник финансов, промышл. и торговли". 1909. № 34.

Фрейфельд, Е. Я. Санитарные условия быта сельско-хозяйственных рабочих на частных огородах одесских полей орошения. „Известия Одесской Городской Думы". 1902. № 5.

Фрейфельд, Е. Я. Санитарные условия быта сельско-хозяйственных ра-

бочих на частных огородах одесских полей орошения. „Русский Врач". 1902. № 8.

Фрейфельд. Е. Я. Сельско-хозяйственные рабочие на одесских полях орошения. „Сведения о врачебно-санитарной организации и эпидемических заболеваниях г. Одессы". 1906. № 7—8.

Ф., С. С. Косарь идет... [О пришлых рабочих на Северном Кавказе.] „Неделя". 1896. № 31.

Хижняков, В. В. Вопрос о сельско-хозяйственных рабочих в русской литературе пореформенного времени, указатель книг и статей (1861—1899). „Труды Импер. Вольного Экономического Общества". 1903. № 4—5.

Хижняков, В. В. Об условиях найма на сельские работы. „Труды Импер. Вольного Эконом. Общества". 1904. № 4—5.

Хижняков, В. В. О питании сельско-хозяйственных рабочих. „Врач". 1900. № 17.

Хижняков, В. В. Положение рабочих в сельском хозяйстве в санитарном отношении. „Совещание земских и городских врачей и представителей управ Херсонской губ. 21—29 ноября 1899 г. (XIV съезд)". Вып. II. Херсон. 1901.

Хижняков, В. В. Пришлые сельско-хозяйственные рабочие в Херсонской губернии. „Доклады XIV съезда врачей и представителей земских и городских управ Херсонской губ." Вып. I. Херсон. 1899.

Хижняков, В. В. Рабочий вопрос в деревне. „Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельско-хозяйственной промышленности". Т. II. Спб. 1905.

Хижняков, В. В. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве. (По трудам комитетов о нуждах с.-х. промышленности.) „Народное хозяйство." 1904. Кн. 4.

Хижняков, В. В. Сельские рабочие на рынках Херсонской губ. (Статистический очерк.) „Жизнь". 1900. №№ 1—2.

Хижняков, В. В. Указатель литературных источников (на русском языке), касающихся вопросов о сельско-хозяйственных рабочих. „Совещание земских и городских врачей и представителей управ Херсонской губ. 21—29 ноября. 1899 г. (XIV съезд)". Вып. II. Херсон. 1901.

Хижняков. В. Сельские хозяева о сельских рабочих. „Право". 1900. № 33.

Хлюдвинский. В. К. О продовольствии сельских рабочих. „Сельское хозяйство и лесоводство". 1881. Ч. 138.

Цветаев, А. А. К вопросу о лесных промыслах в Новоладожском уезде в санитарном отношении. „Спб. Земский Вестник". 1908. № 9.

Чаславский, В. И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян. „Сборник Государственных Знаний". 1875. Т. II.

Чераковский. Д. Сельско-хозяйственные рабочие. „Земледелие". Киев. 1905. № 17.

Чистосердов. А. П. Некоторые данные по вопросу о страховании лесопромышленных рабочих. [Об условиях труда и несчастных случаях.] „Труды Имп. Вольного Экономич. Общества". 1908. № 6.

Чудов, Н. Из Новосильского уезда Тульской губернии. (О сельско-хозяйственных рабочих.) „Новое Слово". 1896. № 7 (Письма из провинции).

Чуйнов, Н. Краткий свод полученных ответов. [По вопросу о передвижении летних рабочих на юг]. „Труды Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства на юге России". 1894. Вып. 37.

Чуранов, В. Н. Экономическое положение бобовщиков Яранского у. „Сборник правоведения и обществ. знаний". 1894. Т. III.

Ш., А. На Александрийского уез. Херсонской губ. [Корреспонденция о положении с.-х. рабочих]. „Хозяин". Спб. 1894. № 36.

Шабаров, А. Вознесенский район. Жизнь батрачества. „Профессиональная Жизнь". Одесса. 1923. № 34—35.

Шаховской, Н. Сельско-хозяйственные отхожие промыслы. „Русское Обозрение". 1896. №№ 1—5.

Шпилев, С. Условья найма на сельские работы крестьян в Тамбовской губ. „Вестник финансов. промышлен. и торговли". 1903. № 40.

Шульц, П. А. О сельских рабочих в Англии. „Современник". 1858. Т. 72.

Шульц, П. А. О хозяйственном устройстве рабочих классов в разных странах. [Изложение книги В. Л. Сарганта: „Economy of thy Cabouring classes в части. трактующей о сельско-хозяйственных рабочих в Англии.] „Журнал Земледельцев". 1858. Т. I. № 4.

Щербатов, А. Г. Об упорядочении передвижения летних рабочих на юг. „Труды Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства“. 1894. Вып. 37.

Щербина. Ф. Рабочие на Кубани. „Дело“. 1884. № 1.

Щетинин, Н. С. Рабочий вопрос в сельской Англии. (Исторический очерк.) „Русское Богатство“. 1905. № 4.

Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии. Спб. 1905. Глава: „Земледельческий пролетариат“.

Юрмалиат, А. Несколько слов о скотниках. „Молочное Хозяйство“. Москва. 1905. № 6.

Юрмалиат, А. У датчан. [О сельскохозяйственной жизни страны в связи с положением рабочих.] „Молочное Хозяйство“. Москва. 1904. № 47.

Ярошко, А. М. Роль сельско-хозяйственных машин на юге в связи с рабочим вопросом. „Труды Московского О-ва сельских хозяев“. 1891. Вып. 3.

С. Наплун.

(Продолжение следует.)

СДАНА В ПЕЧАТЬ VIII КНИГА „ВЕСТНИКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ“.

СОДЕРЖАНИЕ:

ДОКЛАДЫ ПАМЯТИ ЛЕНИНА.

ЛОЗОВСКИЙ, С. — Ленин и профдвижение.
МЕЩЕРЯКОВ, П. — Ленин и кооперация.
МИЛЮТИН, В. — Ленин и крестьянство.

I-й Отдел. — СТАТЬИ.

КУЗОВКОВ, А. — Наши валюты (теория валюты).
МЕЕРСОН, Г. — Промышленная депрессия в России 1906 - 1909 г.г.
ТЮМЕНЕВ, А. — Революция 1905 г. и кооперация в русской деревне.
МОНОСОВ, С. — Последние дни Якобинского клуба.
РЕЙСНЕР, М. — Условная символика, как социальный раздражитель.
ФОГАРАШИ, А. — Эмиль Ласк и разложение неокантианского идеализма.

II-й Отдел. — СТЕНОГРАММЫ ДОКЛАДОВ, ЧИТАЕМЫХ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

ПРЕНИЯ по докладу А. К. Тимирязева: Теория относительности Эйнштейна и махизм.
БОГДАНОВ, А. — Объективное понимание принципа относительности (методологические тезисы).

III-й Отдел. — БИБЛИОГРАФИЯ.

КРИВЦОВ, Ст. — Обзор литературы о Ленине.
БАЗЫКИН, С. — Аграрный вопрос. Экономика сельского хозяйства.
ЛЕОНТЬЕВ, А. — Эпигоны хартальной теории денег.
РАЗУМОВСКИЙ, П. — К критике общей теории права (о книге Пашуканиса).
ЛУКАЧ, Г. — Литературное наследие Ферд. Лассаля, т. IV.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ДРЕЙ, М. — Систематический указатель статей и материалов, помещенных в русских исторических журналах за 1923 г.

Журнал выходит раз в два месяца, книгами размером около 25 печ. листов.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 1 год 14 руб. на 6 мес. 7 р. 50 к.

Адрес редакции: Москва, Знаменка, 11. Тел. 1-94-66, Кремль доб. 2-75.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Москва, Знаменка, 11. Телеф. 1-94-66.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

ПО СЕКЦИИ ПРАВА и ГОСУДАРСТВА

Стучка, П. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 2-е пересмотренное и дополненное издание. Стр. 154. Ц. 75 к. (распродано).

Адоратский, В. О государстве. (К вопросу о методе исследования). Стр. 96. Ц. 50 к.

Разумовский, В. Социология и право. Стр. 32. Ц. 15 к. (распродано).

Пашуканис, Е. Общая теория права и марксизм. Стр. 160. Ц. 50 к.

Гурвич, Г. Право и нравственность. Стр. 48. Ц. 35 к.

Стучка, П. Классовое государство и гражданское право. Стр. 78. Ц. 40 к.

ПО СЕКЦИИ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Сапронов, Т. Очередные вопросы советского строительства. Стр. 60. Ц. 40 к.

Гурвич, Г. История Советской конституции. Стр. 216. Ц. 1 р.

Михайлов, Г. Подготовка работников по советскому строительству. Стр. 45. Ц. 30 к.

Гурвич, Г. Принцип феодализма и автономизма в советск. системе. Ц. 50 к.

ПО СЕКЦИИ ЭКОНОМИКИ

Преображенский, Е. Экономические кризисы при НЭП'е. Стр. 51. Ц. 35 к.

Иванов, И. Соединенные Штаты и Европа в мировом хозяйстве. Стр. 56. Ц. 35 к.

Крицман, Л. Три отзыва о работах представителей современной мелко-буржуазной политической экономии Ц. 40 к.

Каутский, Карл. Марксова теория государства в освещении Кунова, пер. с немецк. Ц. 50 к.

Библиография периодики. Вып. I IV. Стр. 165. Ц. 1 р.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Очерки по истории философии. Сборник слушателей И. К. И. под редакцией А. М. Деборина.

В. ЛЕНИН (Ульянов). Теория и практика диалектического материализма.

Корш, Карл. Марксизм и философия. пер. с немецк. Ц. 60 к.

Белобородов. Новая молодость.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Коммунистическая Академия, Москва, Знаменка, 11.

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Программа журнала „ВЛАСТЬ СОВЕТОВ", утвержденная Президиумом ВЦИК, включает следующие вопросы:

1) Вопросы конституционного характера и по организации центральных органов власти.

2) Вопросы по организации местных высших органов власти Исполнительных Комитетов, Советов и Съездов Советов.

3) Вопросы федерального и национального характера.

4) Вопросы по руководству деятельностью федеральных и высших местных органов, на основе получающих разрешение в Президиуме конфликтных дел и на основе местной информации.

5) Вопросы промышленности, торговли и сельского хозяйства с точки зрения обслуживания всей федерации и в связи с местным хозяйством.

6) Вопросы бюджетного права, налоговой политики и кредита.

7) Вопросы культуры, включая вопросы просвещения, здравоохранения и социального обеспечения с точки зрения общих установленных для всей федерации начал в этих областях.

Все эти и другие могущие возникнуть вопросы будут представлены в отделе статей и затем в следующих постоянных отделах:

1) В Центре.

2) По Советским Республикам и Областям.

3) На местах.

4) Обзоры печати по советскому строительству.

5) Библиографии.

6) Справочно-юридическая часть.

Каждая книжка журнала будет заключать не менее 12 печатных листов (около 180 страниц).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА „ВЛАСТЬ СОВЕТОВ" утверждена Президиумом ВЦИК'а в следующем составе: *проф. Г. Н. Гурвич, Ф. Т. Иванов, Л. М. Каганович, А. Н. Киселев, В. П. Милютин, П. А. Мельницкий, Г. С. Михайлов*, ответственный редактор *В. П. Милютин*.

Журнал издается при активном участии секции и кабинета советского строительства Социалистической Академии при ВЦИК'е.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

До конца года (шесть с апреля)	12 р. — к.
Цена отдельн. экз. журнала	1 „ 50 „

ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ:

1 страница позади текста	30 черв.
1/2 „	15 „
1/4 „	8 „

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Знаменка, 11. Тел. 1-94-66.

Подписку направлять по адресу конторы:

МОСКВА, Знаменка, 10. Телеф. 1-94-54.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 5 (28)

ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА ИСТПАРТИИ

„ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ОТДЕЛ I. Статьи и воспоминания.

Владимир Семенович Бобровский (некролог).
Памяти **М. П. Тимофеевой-Рейнгольдц**.
А. Л. Попов. Из истории революции в Восточном Закавказье (1917—1918 г.г.).
О. Х. Ауссем. Николаевская на Амуре Коммуна (1920 г.).
М. Мальт. Деникинщина и рабочие.
М. Моршанская. Первая конференция военных и боевых организаций Р. С.-Д. Р. П. в ноябре 1906 года (окончание).
Г. Лелевич. Еще о „социальных корнях“, „экономизма“ и меньшевизма.
Е. Бош. Областной партийный комитет с.-д. (б-ков) Юго-зап. края (1917 г.).
И. Рябков. „Пчела“. Как появилась на свет газета „Пчела“ в Пскове.
С. Л. К истории газеты „Пчела“.

ОТДЕЛ II. Материалы и документы.

Неизданная глава работы **В. И. Ленина** „Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 г.г.“.
Тов. Ленин о „прусском“ и „американском“ путях развития (1909 г.).
В. И. Ленин в борьбе с оппортунизмом II Интернационала (1915-1917 г.г.).
Из протоколов первой конференции военных и боевых организаций Р. С.-Д. Р. П. в ноябре 1906 г. (Приложения к статье М. Моршанской.)

ОТДЕЛ III. Библиография.

М. Ольминский. В. Невский. Очерки по истории Р. К. П. Ч. I.
С. Познер. Декабрь 1905 года на Красной Пресне. Сборник статей и воспоминаний под редакцией В. Невского.
А. Казовская. С. Пионтковский. 9-е января 1905 г.
Р. Хабас. Красное знамя над Черноморской эскадрой. Рассказ очевидца.
Анна Шуцкевер. „Ленин“ 1870—1924 г.г. изд. „Путь Просвещения“.
Н. Авдеев. С. Пионтковский. Февральская революция.
И. Кречетов. Я. Никулишин. Как и почему мы победили.
Л. Лежава. Сергей Дмитриевич Марков. Краткий очерк жизни и деятельности и статьи, посвященные его памяти.
Н. Нелидов. „Архив Русской Революции“, изд. И. Гессеном, т. VIII.

ОТДЕЛ IV. Мелкие заметки и сообщения.

А. Шаповалов. Владимир Ильич в ссылке в Сибири.
Феликс Кон. Тов. Ленин на Штутгардтском Конгрессе (1907 г.).
И. Лобачев. Из воспоминаний продовольственника (1918—1921 г.г.).

Вокруг органов истпартовской работы.

I. От истпарта.
II. Сводка работы местных Истпартотделов: Архангельского, Гомельского, Енисейского, Екатеринославского, Калужского, Подольского, Тамбовского, Тверского, Терского, Уралбюро.
III. Работа местных Истпартотделов по подготовке 20-летия 1905 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Доклады памяти Ленина.

Стр.

Ленин в русской революции. *М. Покровский* 8
Ленин как марксист. *Н. Бухарин* 22

I-й отдел. Статьи.

Наши валюты (дензнак, червонец, казначейский билет). *Д. Кузовков.* 69
Современная мелкобуржуазная политическая экономия. *Л. Крицман.* 152
Заметки о теории накопления Розы Люксембург. *Э. Лейкин* 173
Происхождение Рабочей Партии. *Ф. Ротштейн* 227
Легкомысленный критик. *А. Деборин* 255
Способы представления. *М. Рейснер* 273

II-й отдел. Стенограммы докладов, читаемых в Ком. Академии.

Теория относительности Эйнштейна и махизм. *А. Тимирязев* 337

III-й отдел. Библиография.

Сочинения Н. Ленина (В. И. Ульянова). *С. Кривцов* 379
Аграрный вопрос—экономика сельского хозяйства. *С. Базыкин.* . . 388
Литературное наследие Лассаля. (Ferdinand Lassale: Nachgelassene Schriften und Briefe.) *G. Lukacz.* 402
Мировое производство в сравнительных цифрах и диаграммах. Работы семинария по промышлен. статистике М. Смит. *Л. Крицман.* 416

Приложение.

Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России. *Е. Мороховец* 421
Положение рабочего класса. (Указатель литературы на русском языке.) *С. Каплун.* 445